

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ТРУДЫ
ПО
РОССИЕВЕДЕНИЮ**

Выпуск 4

Москва 2012

ББК 63.3 (2)
Т 86

Центр россиеведения

Редакционная коллегия:

И.И. Глебова – д-р полит. наук, главный редактор, *А. Берелович* – проф. (Франция), *В.П. Булдаков* – д-р ист. наук, *Ю.И. Игрицкий* – канд. ист. наук, *В.Н. Листовская* – отв. секр., *Е.И. Пивовар* – чл.-корр. РАН, *Ю.С. Пивоваров* – акад. РАН, *Д. Свак* – проф. (Венгрия)

Ответственный за выпуск – *М.А. Арманд*

Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН.
Т 86 Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. – Вып. 4. – М., 2012. –
528 с.
ISBN 978-5-248-00681-6

В связи с тем, что 2012 г. объявлен в Российской Федерации Годом российской истории, в выпуске обсуждаются наиболее острые и спорные вопросы отечественного прошлого. В этом же контексте рассматриваются проблемы исторической памяти и национальной идентичности. Анализируются возможности и перспективы россиеведения как исследовательского направления и учебной дисциплины. В издание также включены материалы семинара Центра россиеведения.

Для специалистов-обществоведов и гуманитариев, аспирантов и студентов.

ББК 63.3 (2)

Содержание

Год российской истории и проблемы россиеведения (От редактора)	6
Россия в зеркале русской поэзии	17

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Ю.С. Пивоваров «... Апрель двенадцатого года»	35
А.Г. Арбатов Пойдет ли Россия на четвертый круг? (Наброски на тему прошлого и будущего российского способа самореализации)	74
В.Б. Пастухов Сценарии Апокалипсиса: Судьба российской государственности в XXI веке	144
В.П. Булдаков Год объективной истории или «нас возвышающий обман»?	181
О.Ю. Малинова Национальная история в официальной символической политике постсоветской России	204
О.Н. Новикова Афганистан – зона российских интересов?	227

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

А.Б. Зубов и Ю.С. Пивоваров Исторические диалоги	249
И.Н. Данилевский Князя домонгольской Руси: «Свои» или «чужие»?	268
А.В.Гордон Создание образа имперской власти в России XVIII в. (Типическое и архетипическое)	275

А.С. Сенин	
Частные или казенные: 175 лет дискуссий о форме собственности и способах хозяйствования на железных дорогах России	297
Е.Ю. Мелешкина	
Советский эксперимент: Между империей и современным государством (Краткие заметки)	325
И.А. Гордеева	
О советском пацифизме: Из истории независимого движения за мир в СССР (1980-е годы)	339
«Формула истории»: Историки о профессии	364

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

О.В. Большакова	
1812 год в русском национальном сознании: Англоязычная историография. (Аналитический обзор)	385
Энгерман Д.	
Знай своего врага: Взлет и падение американских экспертов по Советскому Союзу. (Реферат)	401

ИНТЕРВЬЮ

Ж. Радвани	
Я все-таки думаю, что российская история, российская культура – часть европейской цивилизации	413

СЕМИНАРЫ ЦЕНТРА РОССИЕВЕДЕНИЯ

Закат России?	435
---------------------	-----

АРХИВНАЯ СМЕСЬ

От какого наследия мы отказываемся... ..	459
Документы	464

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

«Формула памяти»: Первые лица государства и церкви о национальной истории	497
Л. Млечин	
Наш любимый Леонид Ильич	507
Д. д'Амато	
Особый путь в никуда: Зачем Россия изолируется от развитого мира?	511

А. Прошкин	
Свобода – территория, которую каждый себе завоевывает	515
Е. Зелинская	
Не ведают, что творят	521
Чиновникам Волгограда Родина-мать уже не нужна	524
В. Гавел	
Российское общество ведет борьбу с самой жесткой из всех известных форм посткоммунизма	526
Список авторов	527

**ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ
РОССИЕВЕДЕНИЯ
(От редактора)**

«Труды по россиеведению»-2012 оказались более «историческими» (даже историкоцентричными), чем выпуски прежних лет. Это не случайно. Объявление 2012 г. Годом российской истории стало и для нас поводом для того, чтобы посмотреть, каково место истории и историка в нашем обществе, чего оно от них ждет (если ждет) и оправдываются ли эти ожидания. Не случайным представляется и то, что любая ретроспекция «Трудов...» так или иначе возвращает к современности – к разговору о природе, состоянии, задачах России-2012. Это еще одна главная тема выпуска, которой посвящен соответствующий блок материалов.

* * *

Сначала – о том, в чем мы видим современность исторических работ, опубликованных в «Трудах...». Актуальное звучание имеют даже, казалось бы, исключительно ретроспективные исследования: И.Н. Данилевского – о происхождении «элит» Древней Руси, А.В. Гордона – о формировании нового образа власти в XVIII в. и способах его репрезентации, О.В. Большаковой – о значении 1812 г. для становления русского национального самосознания, А.С. Сенина – о железнодорожном строительстве в дореволюционной России. Актуальны они не только потому, что адресуют к главному «академическому» вопросу Года истории: что и как изучается, что, как и для чего изучать (кстати, именно с этой точки зрения анализирует события этого знакового для историков года В.П. Булдаков). В работах поднимаются вполне современные проблемы, имеющие обществено-политическое значение.

И.Н. Данилевский, предлагая не абсолютизировать в связи с очередным «юбилеем» отечественной государственности противостояние «норманистов» и «антинорманистов», обращает внимание на действительно серьезный и подлежащий обсуждению вопрос: о качестве древнерусских «элит». Само происхождение делало их космополитами (в данном контексте этот современный термин вполне уместен); космополитичные «верхи» задавали соответствующие параметры государственного, культурного раз-

вития. Вопрос о том, почему «элиты» стимулируют русский мир к замкнутости или открытости, об уместности и эффективности таких ориентаций, как никогда актуален сегодня. А.В. Гордон, с символической стороны рассматривая петровское и екатерининское преобразование России, по существу, говорит об алгоритме наших преобразований, о том, как ведет себя власть, ощутившая необходимость перемен, как формируется образ «новой России» по воле власти-преобразователя. В центре исследования О.В. Большаковой – еще одна типичная русская проблема, чрезвычайно важная для нашего времени. Специфика национального самоопределения состоит в том, что толчком к рождению национального чувства, «источником» нации является Отечественная (народная, освободительная, победоносная) война. Понять механизмы связи национального и военно-отечественного – задача не узкоисследовательского, а широкого культурно-политического значения. Наконец, работа А.С. Сенина имеет перспективно-практический смысл: в ней выявляются традиционные для России проблемы железнодорожного хозяйства (иначе говоря, инфраструктурного обеспечения единства страны) и пути их решения.

Еще более современно звучат материалы, характеризующие некоторые стороны советской истории. Статьи Е.Ю. Мелешкиной и И.А. Гордеевой посвящены частным, очень конкретным сюжетам и в то же время выводят на большие проблемы: о типе государственного управления, идеологии и технологиях поддержания территориально-государственной общности, способах властной самоорганизации; о становлении общества в России, специфике его отношений с государством/властью, характере общественной активности. Эти проблемы имеют не узкоисторическое, а социально-политическое, культурное значение; они не привязаны к конкретным эпохам, но пронизывают всю русскую историю.

Анализируя особенности административно-территориальной и национальной политики СССР, основные стратегии «присвоения» (поглощения) национальной периферии, Е.Ю. Мелешкина показывает не только очевидное – как союзное институциональное наследие повлияло на политическое развитие постсоветских государств, но и неявное – как формировался потенциал распада. По существу, в «кратких заметках» опровергается устойчивое представление о «развале» СССР как спецоперации «заговорщиков», кознях внешних и внутренних «врагов». Национально-государственное образование, которому в этом году исполнилось бы 80 лет, имело внутренние основания к распаду (главное: местные национализмы как двигатель дезинтеграции, национальные «элиты» как ее субъект). И среди прочего оставило в наследство то, что стало определяющим для постсоветской административной системы: патронажно-клиентельные отношения, которые «модерируются» личными связями и коррупцией.

Именно это наследие, модернизированное и адаптированное к настоящему моменту, уничтожает сейчас и систему, и страну.

В частном сюжете – истории появления пацифизма в позднесоветские времена – речь по большому счету идет о становлении в СССР гражданского общества. Общественное самоопределение всегда происходит у нас через отрицание – власти, системы, официоза, так как является им прямым вызовом. Качество советской системы, ее претензия на монополию в любой сфере таковы, что это «правило» действовало абсолютно, тотально. Поэтому любая инициатива приобретала протестный характер. Советские «общественники», решившие вместе (заметьте, не вместо) с государством бороться за мир, шли у него по разряду «антисоветчиков». В ответ на самодеятельность государство объявило им войну – и это была адекватная реакция: пытаясь играть на его поле, самим намерением нарушая госмонополию, они неизбежно становились врагами.

Важно другое: общественные деятели и гражданские инициативы вызывали (и вызывают сейчас) отчужденно-враждебную реакцию сограждан. В лучшем случае «антисоветские вылазки» встречали недоумением: что им надо? Так и сейчас: активничаешь – значит пытаешься заместить государство, ты – его враг; лезешь «против власти» – «чужой», «вредительский» элемент («враг народа»). Нашим гражданам что власть, что активисты-общественники – все едино. Но власть хотя бы управляет и принимает решения – ее терпят; на «несогласных» смотрят презрительно-подозрительно – как на бессильных и бессмысленных смутьянов (Болотная для большинства народонаселения – именно такое собрание, своего рода символ смуты). Народ, скорее, готов идти с властью (какой бы она ни была) против них, чем с ними за свои права. У нас люди исторически не верят ни в «низовую» защиту интересов, ни в заступничество – защитить их может только «хороший царь», да и то если захочет. Все остальное – мошенничество в чьих-то частных, корыстных целях.

Именно по этой линии исторические материалы «Трудов...» связаны с работами, объектом анализа которых является наша современность. Основное внимание уделяется в них внутренним российским делам. Каждый автор выбирает свой угол зрения, необходимый для их понимания.

Ю.С. Пивоваров рассматривает современную Россию сквозь призму прошлого. Главные вопросы для него: как мы «читаем» собственную историю, чем руководствуемся, «организуя» поток событий, с какими историческими тенденциями солидаризируемся? Общество самоопределяется, отвечая на эти вопросы; с историческим наследием и отношением к прошлому во многом связаны его перспективы. В.Б. Пастухов пытается понять логику российского развития через эволюцию режима в «нулевые» – «десятые» годы. Делает это остро, бескомпромиссно, на удивление свободно. Нынешний политический строй, полагает он, адекватен состоянию

российского общества, и в этой адекватности – секрет его стабильности, его резерв.

Оба автора уделяют значительное внимание нашим перспективам. Для В.Б. Пастухова они являются следствием поражения «Болотной революции» и «бюрократической оптимизации» режима. При нынешних конфигурации власти/государства/системы и состоянии общества России грозит возвращение в мрачное «средневековье» (не в смысле времени, а по качеству социальной практики). Шансов на «хорошее» будущее практически нет – набирает силу традиционалистско-националистически-погромная реакция. Ю.С. Пивоваров связывает перспективы с экспансией гражданского активизма, самоутверждением гражданского движения, иначе говоря, с судьбами «новой России». Современный русский выбор зашифрован, по его мнению, в двух словах: сталинизм и либерализм. Не случайно именно они раскалывают наше общество. И это – раскол по ценностям, предполагающий нравственный выбор. «Правильный» выбор – продвигающий страну вперед, а не отбрасывающий ее в прошлое, – по силам обществу. Оно не сковано исключительно опытом самодержавного деспотизма, произвола и насилия, социальной бесчувственности, апатии, черносотенной реакции, но обладает мощными эмансипационными традициями (см. об этом и «исторические диалоги», помещенные в выпуск). В обществе жива потребность в «нормализации», берущая истоки в великой самобытной культуре. В этом – наша надежда.

С этих двух «площадок» (прошлого и настоящего), в проекции случившегося и предстоящего наша современность рассматривается и в других материалах «Трудов...». В оценке ситуации и перспектив Ю.Н. Афанасьев, выступавший на одном из семинаров Центра россиеведения 2012 г., скорее, совпадает с В.Б. Пастуховым. Его диагноз критический и даже безнадежный: «закат России». Наш французский коллега Ж. Радвани не столь категоричен, придерживается умеренной позиции; при этом не скрывает своей озабоченности. Ценность его позиции – в том, что она определена европейским опытом, задает сравнительный ракурс, усложняя оптику и корректируя наши «внутренние» оценки.

Значительное место в «Трудах...»-2012 занимает анализ положения России в мире, ее внешнеполитической стратегии. Текст А.Г. Арбатова имеет программный характер; он – о том, как ориентирована сейчас и какой должна быть российская внешняя политика. Для автора она напрямую связана с внутренней (ею направляется и на нее влияет), с состоянием общества, особенностями исторического существования страны. Теми же вопросами – как должна вести себя Россия, чтобы достойно войти в новый мир, где искать партнеров, какими принципами руководствоваться, – задается и О.Н. Новикова, характеризуя российские действия последних лет в Афганистане. По существу наши авторы показывают, что в новом, изме-

нившимся и усложнившимся мире Россия пытается вести себя по-старому; политику определяет инерция прошлого; возможности страны в геополитической ситуации начала XXI в. не выявлены, эффективные стратегии не разработаны. Причину несоответствия вызовов времени и политических ответов называет Ю.С. Пивоваров: не произошло «революции сознания» «класса управляющих». Совершенно изменившись, получив новый опыт, они тем не менее играют в старые игры, пытаются победить в «прошлой войне».

На неадекватность возникающих задач и предлагаемых решений указывает и О.Ю. Малинова, анализируя такую специфическую область политики, взаимодействия власти и общества, как работа с исторической памятью. Прошлое широко используется в современной российской политике, принося ощутимые выгоды. Однако применяется этот символический инструментариум бессистемно, фрагментарно, непоследовательно, противоречиво. – Добавлю от себя: так, как будто подчинен ограниченным, краткосрочным задачам. Наша историческая политика не определена «высокой» целью формирования нового идентификационного проекта, выращивания нового человека для новой России. Правящие верхи вполне устраивает старое (проект, человек, «Россия–СССР»); игры с памятью подчинены одному – удержанию власти, стабилизации текущей ситуации. Если и получается что-то еще, то это – побочные, «необязательные» эффекты. Поэтому нет целого (единой исторической картины, объединяющего подхода к прошлому), история раздроблена на куски-образы, обрывки-мысли. Вроде бы всё в рамках постмодернистской эклектики, но при этом авторитеты и абсолюты почему-то не отрицаются, а утверждаются (точнее, подтверждаются).

Своеобразным продолжением темы «власть и память» является подборка «формула памяти» из нашей постоянной рубрики «публицистическая мозаика». В ней собраны выступления лидеров государства и РПЦ (в нынешней ситуации властоцерковной «симфонии») такое объединение показалось нам целесообразным по историческим вопросам, имевшие общественный резонанс. Заметим, что публицистический раздел мы рассматриваем не как фон к основным материалам, а важную самостоятельную часть «Трудов...», дополняющую ее в проблемно-тематическом отношении и задающую важные смысловые ракурсы. И наконец, обращаем ваше внимание на подборку «формула истории», где известные историки отвечают на вопросы – о времени, о профессии и ее соответствии времени, о самоощущении и самополагании. Неожиданно для нас из этих ответов сложился единый текст: не зная о том, «опрошенные» говорят и спорят друг с другом. Сам жанр такого профессионального разговора представляется нам интересным и небесполезным.

Материалы о современной России отличают тематическое разнообразие, различие исследовательских языков, широкий спектр воззрений. Смешение жанров, тем, исследовательских подходов, мировоззренческих позиций (исключая крайние, социально опасные) вообще определяет образ издания. При этом наших авторов объединяет обеспокоенность происходящим в стране, стремление представить аутентичную картину происходящего, трезвость в его понимании.

Поэтому необходимо подчеркнуть, что нынешняя ситуация в России оценивается большинством авторов «Трудов...» как кризисная (у некоторых, повторим, ощущение кризиса доведено до последней степени остроты, трагизма). И все они озабочены поиском перспектив – ответов на вопросы: может ли Россия стать современной, т.е. адекватной современному миру, его вызовам, на каких путях – каковы модели развития, на которые следует ориентироваться, «дорожные карты», определяющие движение? Настойчиво предостерегающая интонация публикуемых работ, наличие в них «сценариев будущего», конкретных предложений по выходу из кризиса, т.е. своего рода заикленность на вопросе «что делать?», сами по себе представляются симптоматичными. Это лишний раз указывает на серьезность нашего положения и в то же время свидетельствует о возвращении чувства перспективы, которое наше общество в последние двадцать лет, казалось, полностью утратило.

* * *

Когда-то советский режим ампутировал у России прошлое: все, что было до 25 октября 1917 г., рассматривалось как предыстория; история начиналась с Октябрьской революции. Взамен, правда, дал будущее; советское общество формировалось вокруг темы будущего. Утопия совершенного мира стала точкой зрения на настоящее; для поддержания футуристического проекта было «изобретено» прошлое. История послужила материалом для легитимации власти, «укоренения» советской социальности – самостоятельного значения она не имела. Концепция национального прошлого, созданная в советское время и ставшая элементом массовой культуры, была позитивно заряжена верой в будущее. Падение СССР уничтожило эту веру, а вместе с ней – оптимистический потенциал советской памяти (тех представлений о прошлом, которые сконструировал режим и усвоили массы).

Самоопределение постсоветизма происходило прямо противоположным образом. Точкой опоры послужило для него прошлое – ближайшее, советское («остальное» нас научили рассматривать как предысторию – все до- и не-советское мало значило в нашей жизни, да и советский маскульт работал монопольно и результативно). Причем в советской же интерпретации: попытки адекватно взглянуть на это прошлое, привести в

соответствие историю и наши представления о ней (в 1990-е выяснилось, как радикально они различались; поэтому то было время не отречения от своего прошлого, а его обретения) имели ограниченное социальное значение. В «нулевые» годы болезненные ощущения неподконтрольности настоящего, разочарования были отчасти сняты массовым бегством в символическое убежище – понятный, привычный и потому комфортный и безопасный мир советского прошлого. Это наш «золотой век»: страна сбывшихся надежд, героических свершений и удовлетворенных (пусть и по минимуму) потребностей, завоевавшая мировое лидерство и обеспечивавшая социальную справедливость. Чем меньше оснований для гордости и уверенности в будущем давало постсоветское настоящее, тем больше общество погружалось в иллюзорный мир советского прошлого.

Каким-то непостижимо естественным образом оно стало не только единственной точкой зрения на день сегодняшний, но и нашим будущим. Социальные перспективы для России-2012 монтируются по лекалам советского времени; оно задает нам эталоны. Однако все эти, казалось бы, безобидные и «полезные» обществу темпоральные манипуляции основаны на подменах и самообмане (горделиво-самоутверждающая память об СССР «абстрагируется» от факта его падения, историй массового террора, хронического дефицита, лишений, бедности, запретов всего и вся, изоляции от мира и т.п.), а потому социально опасны. Общество привыкает питаться утопиями, химерами, смотреть на себя с не критических, нереалистических позиций. Оно живет, ностальгируя, вне истории (факты – то, как было «на самом деле», – не имеют над ним власти), разменяв на утопические грезы реальные перспективы. Такой способ существования лучше всего говорит о его незрелости.

Зрелый социум не застревает в образах прошлого и будущего, дающих счастье забвение; он обустроивает настоящее, понимая, что завтра будет таким, каким мы его строим сегодня, а сегодня – во многом «результат» дня вчерашнего. Мы же не хотим переходить во «взрослое» состояние, требующее ответственности, постоянного труда (на общее и частное благо), самоограничения, руководства идеалами, а не «придуманными» представлениями о себе. Погружение в иллюзорное дает возможность не касаться пугающих, острейших вопросов, которые ставит перед нами современность, но в то же время готовит почву для «антимодерной», архаизирующей реакции.

О том, что это такое и чем грозит, еще столетие назад писал П.Н. Милоков.: «Начало XVII века... представляет... любопытную параллель с настоящим моментом: параллель, которая повторяется и в начале XVIII, и в начале XIX, и в начале XX века. Во все эти моменты нашей истории спокойное национальное развитие прерывается катастрофами, которые затрагивают не одни только социальные верхи, но глубоко, с самого корня

захватывают и народные массы. И всякий раз оттуда, с социальных низов или от имени социальных низов – поднимается движение, принимающее параллельные формы народного взрыва и националистической реакции. В первой форме движение направляется против “бюрократии”, во второй – против “интеллигенции” данного момента. Ничего творческого, ничего, кроме элементов “бытовой” и “этнографической” традиции, эти реакции в себе не содержат»¹.

По мнению П.Н. Милокова, социальные катастрофы обнажают глубокие пласты прошлого, которое «еще не умерло в настоящем». Из соприкосновения с ним рождается «подлинно московский протест против элементов культуры и сознательной идеологии во имя «бытовой» и «этнографической» традиции. Смысл этого явления один и тот же, хотя бы на заре XVII в. оно называлось борьбой против политического «воровства», «пестроты» и «малодушества», на заре XVIII в. – борьбой против «проклятого немецкого зелья» и «антихристовой печати», на заре XIX в. – против «либералистов» и декабристов, на заре XX в. – против «жидомасонов» и «выборжцев». Если угодно, тут есть бессознательная традиция стихийного единства»². Проявившись в полную силу в катастрофе 1917–1930 гг., эта традиция не умерла еще и сегодня. Напротив, укрепилась и во многом определяет нашу жизнь.

Социальное большинство в начале XXI в. объединяет неприятие «бюрократии» («начальства», «зажавшихся верхов») и интеллигенции («ботаников», «бездельников», «болтунов», «либералов»), нежелание критически взглянуть на настоящее и узнать прошлое, стремление дать простейшие ответы на сложнейшие социальные вопросы, во всем «играть на понижение». Комплексы упования на власть и «особого пути», «ископаемый» национализм и антизападничество, ставка на насилие во всех социальных отношениях, психология «срединности» («я – как все», «моя хата с края», «от нас ничего не зависит») – это традиционный протест против современности, «модерных» (достижительных, состязательных и проч.) жизненных стратегий. Это своего рода социобиологические рефлексии защиты от мира – того сложного, непривычного, нестабильного, что в нем есть, всех его вызовов и проблем, порожденные низовым слоем массовой культуры. Препятствуя развитию (что всегда – усложнение, совершенствование, «экспансия»), традиционалистская реакция ограничивает социальную перспективу борьбой за выживание.

Теперешнее состояние российского общества вполне закономерно. Право на будущее надо заслужить. Чтобы остаться во времени, а не наты-

¹ Милоков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России: Сборники статей, 1909–1910. – М., 1991. – С. 359–360.

² Там же. – С. 361.

каться на «бесконечные тупики» и не зависеть в «застойных» паузах, необходимо научиться «жить по истории»: принимать такой, какой она была (но не в смысле «оправдывать»), видеть в ней перспективные и угрожающие национальному существованию явления, тенденции, традиции. И начать следует с советского прошлого – оно действительно является единственной основой нашего самоопределения. Это близкое и родное «вчера», с которым мы связаны и которое связывает нас, опасно – и нем есть то, что нельзя ни принять, ни оправдать. Об этом точно сказал И.А. Бродский: в XX в. Россия «обнаружила совершенно феноменальную степень отрицательного потенциала, заложенного в человеке... То есть Россия – это просто урок того, на что способен человек. Там... были истреблены миллионы – но чтобы истребить миллионы, нужны миллионы, которые будут истреблять, да? Поэтому в конечном счете Россия в каком-то смысле состоит из жертв и палачей... Я думаю, суть не в общественном, не в политическом зле, не в системе, а в том, на что способен человек. И Россия показала, что человек способен на зло невероятной интенсивности, невероятных размеров. Для человека, не знакомого с категорией первородного греха, – это шок»¹. Конечно, дело и в системе тоже, потому что она делала ставку на худшее в человеке, культивировала зло (об этом – новая рубрика «Трудов...»: архивная смесь). Но в любом случае этот «урок» есть предостережение.

Такое прошлое требует объяснения. Его нельзя «слить» с другим, приемлемым, по принципу «и/и», просто сказав: так было. И не потому, что принцип неверен: в отношении к истории (как и в социальных отношениях вообще) перспективна только позиция терпимости и примирения, признания за другим права на собственное мнение, на заблуждение и ошибку. Но у этой позиции есть единственный ограничитель: не может быть моральной конвенции со злом. Не осудить опыт массового насилия, государственного террора, репрессирования культуры и морали, т.е. самоуничтожения, травмировавший несколько поколений (причем, не на страницах книг, телеэкране, политических мероприятиях, а на государственном уровне, законодательно), – значит не просто проявить нечувствительность к истории. Оправдание и даже поэтизация зла, а не цивилизации – это приговор, ликвидация собственных перспектив.

Если террор не ужасает общество, если этот ужас им оправдывается, – значит оно утратило ориентиры, внутренние «скрепы», разложилось и попросту перестало быть. Социальная общность развалилась на человеко-атомы, кланы, корпорации и т.п., которые руководствуются только собственными интересами. Эту среду не объединить высокой идеей – ни религиозной, потому что здесь «исповедуется» антирелигиозное отношение

¹ Бродский И. Книга интервью. – 5-е изд. – М., 2011. – С. 329.

к миру, ни правовой: правопорядок вырастает из идеалов, моральных принципов, соответствующей культурной базы.

Прошлое уже не «перепишешь»; настоящее не дает нам времени на разглядывание себя в оправдательном ракурсе. Поэтому у постсоветского «общества» нет альтернативы выработке обязывающего взгляда на историю – взгляда, который не извиняет и утешает, а сдерживает, ограничивает, дисциплинирует, призывает к ответу за случившееся и происходящее. Только с таких позиций должно формировать постсоветскую память, как основу политического сознания гражданина, и постсоветскую идентичность. В этом залог социального «взреления» и спасения (не в высоком, метафизическом, а в примитивно-физиологическом смысле слова). Придать соответствующие смысловые рамки памяти – задача историка, профессиональная и гражданская¹. В противном случае он останется страшно далек от общества, а оно окончательно отдастся стихии воинствующего антиисторизма.

Сейчас у нас отсутствуют и спрос, и предложение на «проработку» памяти, на адекватную современности, внятную, морально ориентированную концепцию истории. Это очевидно. Однако общество и историк все-таки нужны друг другу. Если они не встретятся на «площадке» обязывающего отношения к прошлому, история по-прежнему будет областью известного, но не понятного и потому непонятого, собранием неотрефлексированного травматичного опыта, «свалкой» фактов, мешаниной образов, лишенных внутренней логики и социального смысла. Это тупик. Не имея возможности апеллировать к «корням», вне сознания «происхождения» и «чувства места», не подкрепляя проекты будущего соответствующими традициями, не переживая свои травмы, не осуждая суицидальный исторический выбор и порочные практики, общество существовать не может. В этом случае оно не имеет точек сборки; не зная себя, не видит перспектив.

Тогда «скрепить» и «отформатировать» пластичную человеческую массу, эту «заготовку» для общества, можно только извне. Общественную память сконструирует государство/власть, задавая ей выгодные для себя

¹ Социальная функция истории состоит в выявлении *значений* прошлого, его критическом осмыслении и понимании, донесении этого знания до общества. Это – не популяризация истории, а критическая «проработка» и гуманизация общественной памяти. Известный французский исследователь П. Нора так формулировал задачу историка: превратить в историю спрос своих современников на память. Тем самым в общество вносится сознание историчности, что дает культуре те внутренние напряжение и определенность, которые необходимы для развития. Французский историк Марру писал: человек освобождается от прошлого, давление которого он смутно ощущает, не через забвение, «но через усилие, направленное на то, чтобы вновь обрести его, совершенно сознательно принять его, сделав своей составной частью» (Marrou H. De la connaissance historique. – P., 1954. – P. 274). История, таким образом, оказывается «школой, учебной площадкой и инструментом нашей свободы».

резоны: государственная польза, революционная или стабилизационная целесообразность и т.п. «Присвоенная» память останется, по советскому образцу, средством социального управления, основой зависимости общества от власти, его несамостоятельности. И оправданием властного произвола. Историк в этом случае будет играть «служебную» роль, обслуживая государство. Пытаясь дистанцироваться от общественных «боев за историю», прикрываясь легендой профессиональной автономии, он неизбежно работает на этот сценарий¹. Это в очередной раз продемонстрировал Год истории: власть подтвердила намерение контролировать пространство прошлого, что было встречено историческим сообществом в основном с пониманием.

В конечном счете история – открытое пространство, в котором мы «выбираем» себе прошлое (точнее, позицию, с которой мы на него смотрим, отношение к нему). Выбор всегда связан с определением общественных перспектив. В этом смысле история (ее изучение, «сочинение», обсуждение, продвижение) – не мемориально-музейная, а живая, актуальная, конфликтная деятельность, гораздо более детерминированная социально, чем хотелось бы историку. Во всяком случае, в России и уж точно сейчас, когда страна, кажется, готова окончательно определиться – чем ей быть. Хотя... все у нас так непредсказуемо, спонтанно, предположительно и неточно – возможно, и обойдется? И ждет нас не черносотенно-погромный хаос, но порядок: и не полицейский, а цивилизованный...

И.И. Глебова

¹ Позиция неучастия, ведущая к социальному аутизму, как и положение «над схваткой», поддерживающее в историке сознание высокой профессиональной миссии («избранности»), – это реакция на прошлое, ответ советскому, где назначение истории было сугубо утилитарным: служить. Сегодняшний историк, укрываясь от общества и власти в нише «малых» профессиональных дел, решает вчерашние задачи, оставаясь совершенно нечувствительным к новым вызовам. Им игнорируется потребность в рационализации и гуманизации исторической памяти, которая в той или иной степени ощущается в любом современном обществе, в том числе и в нашем, ищущем свой путь в современность.

РОССИЯ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

О. Александр Шмеман в своих дневниках (1979) пишет о «сотереологической функции» русской поэзии. Его современный комментатор (Ю.С. Пивоваров), развивая эту мысль, утверждает, что именно поэзия спасла русских от окончательной победы коммунизма. Напомним, в программном введении к первому выпуску «Трудов...» (2009) утверждалось: одна из задач россиеведения – преодоление коммунизма-советизма (эта эссенция, к сожалению, не ушла из нашей жизни – лишь модифицировалась). Следовательно, поэзия и есть высший тип россиеведения...

В этом – смысл публикации в нашем издании подборок стихов. Все собранное в поэтической рубрике этого выпуска (прозаический фрагмент И.А. Бунина – тоже русская поэзия)¹ – не просто о великих проблемах человеческого бытия. Эти стихи «попадают» в самую суть ключевого для России XX столетия. Они – о его взлетах, трагедиях, безвременьи и безысходности. В них – его ритм: то неуловимое для человека другой эпохи, что и определяет образ времени; то, что недоступно для науки, но может быть передано художественными средствами.

Только в этом контексте и можно писать историю прошлого столетия, дореволюционного и советского мира. Вне контекста исторические изыскания бессмысленны, не имеют социального значения.

¹ Печатается по изд.: Ахмадулина Б. Стихи. – М.: Худ. лит-ра, 1975; Бунин И.А. Избранное: Стихотворения. Переводы. – М.: Моск. рабочий, 1977; Он же. Собр. соч.: В 6 т. – Т. 4: Произведения, 1914–1931. – М.: Худ. лит-ра, 1988; Галич А. Я верил в чудо: Песни и стихи. – М., 1991; Окуджава Б. Стихотворения. – СПб., 2001; Соколов В. Четверть века: Избранные стихи, 1948–1973. – М.: Изд-во «Сов. Россия», 1975; Чухонцев О. Ветром и пеплом: Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1989.

Снимок

Улыбкой юности и славы
чуть припугнув, но не отторгнув,
от лени или для забавы
так села, как велел фотограф.
Лишь в благоденствии и лете,
при вечном детстве небосвода,
клянется ей в Оспедалетти
апрель двенадцатого года.

Сложила на коленях руки,
глядит из кружевного нимба.
И тень ее грядущей муки
защелкнута ловушкой снимка.

С тем – через «ять» – сырым
и нежным
апрелем слившись воедино,
как в янтаре окаменевшем,
она пребудет невредима.

И запоздалый согладтай,
застанет на исходе века
тот профиль нежно-угловатый,
вовек сохранный в сгустке света.

Какой покой в нарядной даме,
в чьем четком облике и лике
прочсть известие о даре
так просто, как название книги.

Кто эту горестную мету,
отгиснутую без помарок,
и этот лоб, и челку эту
себе выпрашивал в подарок?

Что ей самой в ее портрете?
Пожмет плечами: как угодно!
и выведет: «Оспедалетти.
Апрель двенадцатого года».
Как на земле свежо и рано!
Грядущий день, дай ей отсрочку!
Пускай она допишет: «Анна
Ахматова» – и капнет точку.

Б. Ахмадулина
1973

КАНУН

В городе, по пути на вокзал. Извозчик мчит во весь дух, с горы и на мост, через речку. Под мостом, на береговой отмели, отвернувшись от проезжих под навес моста и как бы для защиты подняв плечи, стоит босяк, спешно, как собака, пожирает из грязной тряпки что-то вроде начинки. А позади грохочут, летят, точно нагоняют ломовые телеги, трясутся, висят с грядок, страшные сапоги мужиков. Все в муке, – мукомолы, – все великаны, и все рыжие, без шапок, в красных рубахах распояской...

А потом вагон, второй класс. И какой-то сидящий против меня господин лет за сорок, широкий и стриженный бобриком, в золотых очках на плоском носу с наглыми ноздрями, все встает и, не глядя на меня, – от пренебрежении ко мне, – все поправляет на сетке свои хорошие, в крепких чехлах чемоданы и чемоданчики. Аккуратный и уверенный в себе господин, спокойный за свое благополучие и строгое достоинство...

Шла, однако, уж осень шестнадцатого года.

И. Бунин
1930

Канун

Хозяин умер, дом забит,
Цветет на стеклах купорос,
Сарай крапивою зарос,
Варок, давно пустой, раскрыт,
И по хлевам чадит навоз...
Жара, страда... Куда летит
Через усадьбу шалый пес?

На голом остове варка
Ночуют старые сычи,
Днем в тополях орут грачи,
Но тишина так глубока,
Как будто в мире нет людей...
Мелеет теплая река,
В степи желтеет море ржей...
А он летит – хрипят бока,
И пена льется с языка.

Летит стрелою через двор,
И через сад, и дальше, в степь,
Кровав и мутен ярый взор,
Оскален клык, на шее цепь...
Помилуй Бог, спаси, Христос,
Сорвался пес, взбесился пес!
Вот рожь горит, зерно течет,
Да кто же будет жать, вязать?
Вот дым валит, набат гудет,
Да кто ж решится заливать?
Вот встанет бесноватых рать
И, как Мамай, всю Русь пройдет...
Но пусто в мире – кто спасет?
Но Бога нет – кому карать?

И. Бунин
23. VII. 16

Памяти доктора Живаго

Ольге Ивинской

Два вола, впряженные в арбу,
подымались на крутой холм.
Несколько грузин сопровождали арбу.
«Что везете?» – спросил я. – «Грибоеда».

А.С. Пушкин

«Путешествие в Арзрум»

Опять над Москвою пожары,
И грязная наледь в крови.
И это уже не татары,
Похуже Мамаю – свои.

В предчувствии гибели низкой
Октябрь разыгрался с утра.
Цепочкой по Малой Никитской
Прорваться хотят юнкера.

Не надо! Оставьте! Отставить!
Мы за́года знаем итог!
А снегу придется растаять
И с кровью уплыть в водосток.

Но катится снова и снова
«Ура!» сквозь глухую пальбу,
И челка московского сноба
Под выстрелы пляшет на лбу.

Из окон, ворот, подворотен
Глядит, притаившись, дребедень.
А суть мы потом наворотим!
И тень наведем на плетень!

И станет далекое – близким,
И кровь притворится водой,
Когда по Ямским и Грузинским
Покой обернется бедой,

И станет преступное дерзким,
И будет обидно, хоть плачь,
Когда протрусит Камергерским
В испарине страха лихач.

Свернет на Тверскую, к Страстному,
Трясься, матерясь и дрожа.
И это положат в основу
Рассказа о днях мятежа.

А ты, до беспамятства рада –
У Иверской купишь цветы,
Сидельцев Охотного ряда
Поздравишь с победою ты.

Ты скажешь: «Пахну́ло озоном –
Трудящимся дали права!»
И город малиновым звоном
Ответит на эти слова.

О, Боже мой! Боже мой! Боже!
Кто выдумал эту игру?!
И снова погода, похоже,
Испортиться хочет к утру.

Предвестьем Всевышнего гнева
Посыплется с неба крупа.
У церкви Бориса и Глеба
Сойдется в молчанье толпа.

И тут ты заплачешь. И даже
Пригнешься от боли тупой.
А кто-то, нахальный и ражий,
Взмахнет картузо́м над толпой.

Нахальный, воинственный, ражий –
Пойдет баламутить народ...
Повозки с кровавой поклажей
Скрипят у Никитских ворот.

Так вот она – ваша победа,
Заря долгожданного дня!..
Кого там везут? Грибоеда.
Кого отпевают? Меня!

А. Галич
<ноябрь 1971>

Памяти Афанасия Фета

Здесь человек сгорел...

Ничего от той жизни,
Что бессмертной была,
Не осталось в отчизне,
Всё сгорело дотла.

Роковые изъятья,
Неназначенный бал.
Край светлейшего платья
Разве я целовал?

Как в иную присягу
На погибель и рай
Небывалого стяга
Независимый край...

Ничего от той жизни,
Что бессмертной была,
Не осталось в отчизне.
Всё сгорело дотла.

Всё в снегу, точно в пепле,
Толпы зимних пальто.
Как исчезли мы в пекле,
И не видел никто.

Я грущу о зажиме
Чрезвычайной тоски,
Как при старом режиме
Вашей белой руки.

Вспомнить – сажай несметной
Так и застится высь.

– Да была ли бессмертной
Ваша личная жизнь?
Есть ли Вечная запись
В Книге Актв благих?

– Только стих.
Доказательств
Больше нет никаких.

В. Соколов

Голос за снимком

Когда у роковой черты
я обживал углы подвалов,
и зону вечной мерзлоты,
и малярийный зной каналов,

когда, угрюмый нежилец,
я только верую и выжил
и в мир вернулся наконец –
я словом погребенных вышел.

Я – прах, и если говорю,
то говорю по праву мертвых,
на мясо списанных зверью,
в цементный порошок истертых.

Я – пыль заводов и полей,
просеянная сквозь решета
статей, этапов, лагерей,
бараков и могил без счета.

Я – персть земли, и если персть
глаза неплакавшие колет,
не говорите: это месть,
скажите: мертвые глаголют!

И не страшайте! Что конвой,
кому сама земля охрана!
Я – вдох один, но выдох мой –
От Соловков до Магадана.

О. Чухонцев

* * *

Собрался к маме – умерла,
к отцу хотел – а он расстрелян,
и тенью черного орла
горийского весь мир застелен.

И, измаравшись в той тени,
нажравшись выкриков победных,
вот что хочу спросить у бедных,
пока еще бедны они:

собрался к маме – умерла,
к отцу подался – застрелили...
Так что ж спросить-то позабыли,
верша великие дела:
отец и мать нужны мне были?
...В чем философия была?

Б. Окуджава
1983

Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969 г.

Над черной пажитью разрухи,
Над миром, проклятым людьми,
Поют девчонки о разлуке,
Поют мальчишки о любви.

Они глядят на нас в тревоге
И не умеют скрыть испуг.
Но наши страхи, наши боги –
Для них смешной и жалкий звук.
И наши прошлые святыни
Для них – пустые имена.
И правда – та что посредине, –
И им, и нам еще темна.

И слышит Прага, слышит Сопот
Истошный шепот: «Тру-ля-ля!»
Но пробивается сквозь шепот
Кирзовый топот патруля:
Ать-два! Ать-два! Ать-два!

Нас отпустили на поруки –
На год, на час, на пять минут...
Поют девчонки о разлуке,
Мальчишки о любви поют.

Они лады перебирают,
Как будто лезут на рожон.
Они слова перевирают:
То в ре-мажор, то в соль-мажор...

А я крестом раскинув руки,
Как оступившийся минер, –
Все о беде да о разрухе,
Все в ре-минор да в ре-минор...

А. Галич

Голгофа

Понеслись кувыркком, кувыркком
Опечатки последнего тома.
Сколько лет я с тобою знаком?
Сколько дней ты со мною знакома?

Сколько медленных дней и минут –
Упустили мы время, разини!
Промеменяют – потом помянут:
Так не зря повелось на России!

Только чём ты помянешь меня?
Бросишь в ящика пыльную прорубь?
Вдруг опять, среди белого дня,
Семиструнный заплещется голубь,

Заворкуют неладно лады
Под нытье обесславленной квинты...
Если мы и не ждали беды,
То теперь мы воистину квиты!

Худо нам на восьмом этаже
Нашей блочно-панельной Голгофы!
Это есть. Это было уже.
Это спето – и сложено в строфы.

Это хворост для наших костров...
Снова лезут докучные гости.
И кривой кладовщик Иванов
Отпустил на распятие гвозди...

А. Галич
<8 августа 1973>

* * *

Жизнь как будто ничего
возле дома своего.
Но едва свернешь в сторонку –
сразу все – на одного.

Ф. Искандеру

Так и хочется спросить:
чем я вам мешаю жить?
Почему, едва я выйду,
нужно вам меня убить?

Отвечают: потому,
неизвестно почему,
но у нас от сотворенья
нет пощады никому.

Б. Окуджаву
Декабрь 1979, Малеевка

«Это я...»

Это я – в два часа пополудни
повитухой добытый трофей.
Надо мною играют на лютне.
Мне щекотно от палочек фей.
Лишь расплыв золотистого цвета
понимает душа – это я
в знойный день довоенного лета
озираю красу бытия.
«Буря мглою...» и баюшки-баю,
я повадилась жить, но, увы, –
это я от войны погибаю
под угрюмым присмотром Уфы.

Как белеют зима и больница!
Замечаю, что не умерла.
В облаках неразборчивы лица
тех, кто умерли вместо меня.
С непригожим голубеньким ликом,
еле выпростав тело из мук,
это я в предвкушенье великом
слышу нечто, что меньше, чем звук.
Лишь потом оценю я привычку
слушать вечную, точно прибор,
безымянных вещей перекличку
с именуемой вещи душой.
Это я – мой наряд фиолетов,
я надменна, юна и толста,
но к предсмертной улыбке поэтов
я уже приучила уста.
Словно дрожь между сердцем и сердцем,
есть меж словом и словом игра.
Дело лишь за бесхитростным средством
обвести ее вязью пера.
– Быть словам женихом и невестой! –
это я говорю и смеюсь.
Как священник в глуши деревенской,
я венчаю их тайный союз.
Вот зачем мимолетные феи
осыпали свой шепот и смех.
Лбом и певческим выгибом шеи,
о, как я не похожа на всех.
Я люблю эту мету несходства,
и, за дальней добычей спеша,
юной гончей мой почерк несется,
вот настиг – и озябла душа.
Это я проклиная и плачу.
Пусть бумага пребудет бела.
Мне с небес диктовали задачу –
я ее разрешить не смогла.
Я измучила упряжью шею.
Как другие плетут письмена –
я не знаю, нет сил, не умею,
не могу, отпустите меня.
Это я – человек-невеличка,
всем, кто есть, прихожусь близнецом,

сплю, покуда идет электричка,
пав на сумку невзрачным лицом.
Мне не выпало лишней удачи,
слава Богу, не выпало мне
быть заслуженной или богаче
всех соседей моих по земле.
Плоть от плоти сограждан усталых,
хорошо, что в их длинном строю
в магазинах, в кино, на вокзалах
я последнею в кассу стою –
позади паренька удалого
и старухи в пуховом платке,
слившись с ними, как слово и слово
на моем и на их языке.

Б. Ахмадулина
1973

ЗА СТРОКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

648 г. до н.э. Затмение солнца.
Расцвет поэзии Архилоха.
Бикерман.
Хронология Древнего мира

Опять эта зоркая злость
и этот простор подневольный,
упершийся в горло, как кость,
с поры предвоенной и школьной,
и прежде того – с вековой,
еще до рожденья рожденной,
запавшей двойной синевой
у глаз, как нуждою огромной.

Князь Игорь вступил в стремяна,
но мгла ему путь преградила,
и черного дня глубина
предвестья дурные явила,
и срам он найдет, и полон,
но песней, как долгая рана,
на вещей взойдет небосклон
безвестный Соперник Бояна.

Спаситель судим и распят,
и темные низкие тучи
над Иерусалимом висят,
но гром загрохочет могучий,
и примет Он смерть, и опять
воспрянет как Дух, чтоб по праву
судить, и карать, и прощать,
и множить посмертную славу.

А там, за раскатом валов,
чей натиск ликующ и горек,
обломки каких катастроф
и взлетов увидит историк? –
где знать! – но из пропасти лет
всплывет за строкою Эпоха:
– Затмение солнца. Расцвет
поэзии Архилоха.
Какая тяжелая цепь!
Галера скрипит в сорок весел,
скрежещет, как утлая крепь,
судьба – и на гребень выносит,
чем круче волна – тем верней,
чем хлеще удар – тем чудесней,
и песня все кружит над ней,
как чайка над черною бездной.

Не наша с тобою вина,
тем паче не наша заслуга,
что нас обошли и война,
и плен, и большая разлука,
что этот простор не на нас
глядел, совмещая две точки,
что свет среди дня не погас
от бланка и вписанной строчки.

Но тот, кому Слово дано,
себя совмещает со всеми,
поскольку Оно зажжено
для всех, как и там, в Вифлееме.
И если ты встал до зари,
в пустой не печалься печали,
но, радуясь, благодари:
какие мы звезды застали!

Глаза и слепому даны,
но я не о тех, что глядели.
Какие мы видели сны!
Какие мы лжи претерпели!
И, может быть, некий поэт
отметит среди помраченья:
– Затмение разума. Свет
страдальчества и искупленья.

О. Чухонцев

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Ю.С. ПИВОВАРОВ

«... АПРЕЛЬ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

В предыдущем выпуске «Трудов по россиеведению» (2011) я высказал предположение: режим, господствующий в нашей стране, кажется, пережил себя, и, вполне возможно, мы находимся в самом начале перемен. Конечно, я надеялся на изменения в сторону большей свободы, открытости, демократичности, плюральности и т.п. Действительно, трансформации налицо. Только содержательно прямо противоположные. Стало еще больше авторитарности, полицейщины, антивестернизма, советскости и пр. Подзатих либеральный протест, не структурировалась оппозиция (я не о «внутрисистемной»), не появились новые яркие имена, которые могли бы повести за собой... В рамках путинского режима, вне всякого сомнения, усилились позиции политиков и идеологов национально-социалистического типа, активизировался процесс «перебора людишек». Последнее – старинное и испытанное занятие русских правителей по «отрыванию голов» зажавшихся и заматеревших ближних людей, прислужников, вообще всякого рода «мечтателей», возомнивших себя субъектами социального порядка.

Нынешняя борьба с коррупцией, безусловно, принадлежит к тем же властно-насильственным технологиям, что и битвы Сталина – с различными уклонами и бесчисленными вредителями, врагами народа, космополитами, Петра – с московскими боярами, старообрядцами, казаками, Ивана Грозного – с «биомассой» Рюриковичей, с изменщиками и др. Это и вправду технологии – по укреплению режимов личной власти и полной подотчетности подданных, в нашем случае – граждан. Никакого другого смысла сегодня борьба с коррупцией не имеет. Как сброс лишнего веса и диета лишь укрепляют организм, так и удар по «жирным котам» придаст системе большую витальность.

Однако если мы ограничимся только констатацией **этого**, далеко в понимании ситуации не уйдем. Главное все-таки не это. – Так что же? **Такая** эволюция режима вводит его в еще большее противоречие с основными тенденциями мирового развития и потребностями русского социума. То есть режим идет в одну сторону, а мир (разумный и приемлемый, а не те его «представители», которые периодически изумляют, скажем мягко, своей

экстравагантностью) – в иную. Углубляется и раскол между Россией чаемой, возможной, уже вчерне существующей, нормальной и органической, Россией, за которую не стыдно, и... Не хочется даже говорить **чем и кем**.

О том, что делать и как все это разуть предлагаемый текст.

О некоторых важных датах – юбилеях 2012 г.

2012 год изобилует памятными историческими датами.

850 лет назад Александр Ярославич по прозвищу Невский получает от татар ярлык на Великое княжение Владимирское, становится главным администратором-распорядителем на завоеванных Ордой русских землях. До конца своих дней сохранит неукоснительную и горячую верность работодателям. Он был, конечно, герой, патриот и искусный дипломат. Поэтому, как мы знаем, соотечественники и полагают его «лицом» России. Все это так. Но мы должны также помнить, что именно с этого древнерусского витязя устанавливается и поныне существующая традиция авторитарно-насиленной власти азиатско-кочевнического пошиба.

Недаром об Александре Невском вспоминают и любят в моменты очередного подъема русской автократии. Он был канонизирован (и, кстати, получил весьма высокий чин в небесной иерархии – святой благоверный; это, так сказать, принадлежность к высшему комсоставу) в 1547 г. – тоже ведь дата – 555 лет назад – митрополитом Макарием, который, как известно, провел национализацию корпуса святых, резко увеличив представительство «русичей». Тем самым Макарий торил историческую дорогу своему ученику – великому князю Ивану Васильевичу. И Грозный-царь не подвел его, а также продолжил дело своего пращура.

Ну, а уж о любви к Александру Невскому Петром Великим и Иосифом Сталиным известно всем. Причем, скажем в скобках, из сталинской эпохи сохранились два кинематографических мифа – о штурме Зимнего («Октябрь» Эйзенштейна) и об Александре Невском (одноименный фильм). Действительно, Александр Ярославич – одно из лиц России: мужественное, красивое, волевое и повернутое на Восток, чтобы лучше слышать, чего хотят от него начальники. Надо сказать, что хотели они всего-то пустяк – держать в повиновении и грабить этот «жалкий народец»¹.

Исполняется 400 лет великому подвигу русских людей – взятию Кремля ополчением князя Дмитрия Пожарского. Москва была очищена от польских интервентов. Наша родина вновь начала обретать, как выражаются ныне, властную и международную субъектность: через несколько месяцев учредятся новые династия, государство, порядок. Не случайно 4 ноября – а это день штурма Кремля – стал сегодня национальным празд-

¹ Понятно: мы «модернизируем» образ кн. Александра. Но ведь речь идет именно об «образе»; кого интересует сам Александр Ярославич...

ником демократической России. Но и здесь, как в случае с Александром Невским, история, если в нее внимательно взглядеться, подсовывает нам и другую картинку.

Оказывается, поляков в Москву заманили сами русские. Причем сделали это совершенно легитимным способом: избрали польского королевича Владислава русским царем. То есть эти самые ляхи-интервенты и были русской армией (армией русского царя). И даже не армией, а гвардией, поскольку дислоцировались в Кремле. Выходит, что князь Пожарский сотоварищи выступили против законной власти и ее институтов (армия – это институт власти). Здесь хотелось бы напомнить, что за семь лет до этого поляки уже были в Кремле в качестве западной армии законного русского царя Дмитрия, которого с восторгом приняла и возвела на царство Москва. Это ведь потом он стал Лже-Дмитрием, когда не угодил боярско-церковной верхушке. А также напомним: не только представителей древней римско-католической веры призывали в те годы наши предки «володеть ими», но и посланцев молодого протестантского мира – шведов.

Мы совершенно не собираемся девальвировать великую победу второго ополчения и начало прекращения Смуты, а хотим просто сказать о многомерности исторических событий, о полифоничности исторических фигур.

Правда, полного освобождения Руси от иноверческой западной силы не произошло. Напротив, европейское влияние в XVII в. растет год от года. И это один из важнейших результатов Смуты, который, как нам кажется, не вполне учитывается современной наукой и исторической памятью. Ведь в страшные годы Смуты русичи впервые были вынуждены жить бок о бок с людьми западной культуры (религиозной, бытовой). То есть наши предки увидели, что можно существовать иначе. Тогда же наши начальники получили первые уроки **политической** деятельности. Ведь их прежние учителя – монгольские ханы – политикой не занимались. Основу их управленческого искусства точно выразил один русский поэт второй половины XX в.: «рззать». У поляков и шведов арсенал был побогаче.

И уже первое романовское царствование – очевидный крен в сторону тогда еще не гниющего Запада. Патриарх Филарет, находясь в плену в Польше, многому научился в профессии политики. А он, как мы помним, вернувшись на родину, стал соправителем. И при его сыне русская армия начинает переодеваться в европейское платье, осваивать европейское вооружение и привыкать к офицерам-выходцам из Европы. Добавим: именно в эпоху Михаила Московия создает второе по численности в Европе сухопутное войско (самое большое было у Франции). Делается правильный вывод из смутных лет: чтобы существовать на политической карте мира, надо иметь крепкую боеспособную армию. Так что не внуку Петру, а деду Михаилу обязаны мы началом строительства современной по тем меркам

армии. При Михаиле же Россия впервые принимает участие в общеевропейской (Тридцатилетней) войне. Причем действует грамотно: выступает на стороне противников своего главного тогдашнего противника – Польши.

Вообще все это правление отмечено разумными умеренными действиями власти. Так, к примеру, Михаил умел прислушиваться к Земскому собору. И даже тогда, когда ему очень хотелось, но земцы говорили «нет», он находил в себе мужество уступать. В общем, пошло–поехало. Второго Романова уже учили по «немецким» книжкам, географическим картам, он вырос среди немецких игрушек. При нем запретили являться ко двору в польском платье. Это значит, что в таком «прикиде» щеголяла уже значительная часть русской верхушки. Вообще-то отечественная аристократия (не вся, конечно) говорила и читала по-польски и латыни и выписывала учителей своим детям из польских земель.

Да и Соборное Уложение 1649 г., сыгравшее конститутивную роль в формировании властно-социальных порядков более чем на столетие вперед, было подготовлено по европейским юридическим лекалам. (Содержание-то, конечно, было нашенским, но формы – ихние. А связь между содержанием и формой сложнее, чем нам представляется; еще Аристотель учил: форма есть актуализированное содержание.) Ну, а уж в 80-е годы XVII столетия, при Федоре и Софье, западные веяния были ощутимы всеми. К этому добавлялось и воздействие Немецкой слободы, где, кстати, в те годы получал первые опыты западной социализации будущий Медный всадник.

Но к чему мы это? Да к тому, что в этом году исполняется триста лет, как русская столица переехала из Москвы в Санкт-Петербург. Или нет, скажем точнее: триста лет назад перестали существовать Московское царство и Москва как столичный город; возникли будто из небытия, из болот, из угрюмых и неуютных волн Балтии Российская империя и град Петров. Получается, то, что не удалось Европе в 1612 г., случилось в 1712-м. А также чего не смогли сделать русичи в 1612 г., сумели добиться россияне в 1712-м: империя по европейским образцам, культура по европейским образцам, город по европейским образцам.

1712 год – это тот угол зрения, который необходим для понимания 1612 г. И вот под этим углом зрения мы говорим: победила тенденция, которая, казалось бы, потерпела поражение от ополченцев князя Пожарского. Так в истории бывает. А для русской – чуть ли не правило. Нам сегодня это надо иметь в виду. Хотя мы сами не солидаризируемся ни с тенденцией Рюриковича Пожарского, ни с тенденцией Петра Великого.

А через пятьдесят лет после триумфа воли Петра происходит событие, которое, будь он еще жив, крайне бы его расстроило. Внуком Петр III, случайный и беспутный, безродный космополит на русском троне, совершил, как выяснится впоследствии, самоубийственное для нашей любимой

деспотии действие. Он разрушил гармонию тотального рабства, с таким трудом оформленную при прадедушке и с таким гениальным умением усовершенствованную дедушкой. Из абсолютно закрытой самодержавно-крепостнической бутылки он выпустил джинна. Сей джинн назывался российское дворянство.

Ровно сто лет назад журналист (так он сам себя определял) В. Ленин написал статью, посвященную 100-летию (сплошные даты, поэтому извиняемся за неизбежную тавтологию) А.И. Герцена. В которой есть слова, известные каждому советскому человеку, даже если он ничего не слышал ни о Ленине, ни о Герцене: декабристы разбудили Герцена. Журналист говорил правду. А вот кто же разбудил самих декабристов? – Петр III. Это он пустил в Россию заразу свободы. А это страшная вещь. Противоядия против нее человечество пока еще не придумало. Даже самые радикальные хирурги русско-немецко-китайского разлива не сумели ее побороть. Манифест о вольности дворянской породил у нас первую социальную группу свободных людей... Требую памятника Петру III на всех площадях больших и малых городов Российской Федерации! Требую причисления его к лику главных положительных деятелей нашей истории!

Правда, следствием освобождения дворян стало восстание Емельяна Пугачева, у которого в этом году нет никакой круглой даты (так, 240 лет). Но это, говоря наивно-метафорически, то, что «всегда с тобой». Только не праздник по Хемингуэю, а нечто, что может потенциально в любую минуту погубить Отечество. Деяние Петра III создало в стране ситуацию, при которой друг против друга встали люди одной веры и одной этничности. Но это были рабы и рабовладельцы. Самый мучительный и драматический раскол, которой только можно себе представить.

Около тридцати лет назад я догадался (а до меня, гораздо раньше – Иван Киреевский, Александр Герцен, Карл Маркс, Василий Ключевский и др.), что главным результатом насилия, совершенного Петром I над Россией, был распад целостной культуры на две враждебные друг другу субкультуры – традиционалистскую и европеизированную. Моя догадка была правильной, но, как бы это поточнее сказать, неполной. В условиях тотального рабства противостояние этих субкультур «смягчалось» общерабской зависимостью от переодевшегося в европейское платье Моносубъекта. Петр III противопоставил друг другу свободных и рабов. Чем внес в отношения двух субкультур абсолютный (а не относительный, как у деда) антагонизм. Пугачевщина – это всегда готовое к бою оружие навсегда униженных и оскорбленных. Это вечный двигатель, порождающий ненависть к образованным русским европейцам. Ненависть может принимать различные формы: от недоверия, непонимания, неинтереса до вселенского погрома. Вследствие всего этого и первые русские свободные – от тех, кто

разбудил декабристов, до тех, кто в 1917 г. сверг монархию, – стали «кающимися дворянами».

Великий русский мыслитель А.С. Хомяков сказал: христианин может быть рабом, но не рабовладельцем. Вообще-то христианское вероучение не предполагает такого хода мыслей и чувства. Проповедано же: оставайся в том звании, в котором находишься. То есть допускается существование и рабов, и рабовладельцев; так сказать, христианство не об этом. Но основатель славянофильства, богослов, поэт, ученый, общественный деятель, помещик, офицер, изобретатель, охотник, врач Хомяков гениально выразил самочувствие русского свободного. Эта его нетрадиционно христианская (а с моей-то точки зрения, самая что ни на есть христианская) мысль – стыд, боль, жалость, душевная мука людей, очень глубоко чувствующих, что их свобода основана на глубокой нравственной неправде.

За всем этим стоит болезненно гениальный поиск новой «христианской» формулы русской культуры. Это Ф.М. Достоевский с его князем Мышкиным, с его «открыть миру образ русского Христа». Это тот же Хомяков с учением о соборности, где по сути заявлен отказ каноническому евангельскому положению, согласно которому спасутся не все. Убеден: моральный порыв Хомякова и Достоевского (и многих других) коренится в этом самочувствии неправды. Попутно замечу, этот порыв, – может быть, самое драгоценное, что русская душа сумела выработать в ходе своего развития.

Произведение, вышедшее из-под пера свободного барина И.С. Тургенева ровно через сто лет после раскрепощения его предков, пронизано чувством покаяния. «Отцы и дети» в элегантной европейской форме выражает все те темы, о которых мы только что говорили. Это, если можно так сказать, классическое (в смысле стиля классицизм: в классических формах, без надрыва) изображение (отражение, выражение) темы кающегося русского дворянина. Тургенев, безусловно, заслонен более мощными фигурами Достоевского и Л.Н. Толстого, но, как и Ивану Гончарову, именно ему удалось «схватить» модальные типы личности, которые не допускают деления мира на рабов и рабовладельцев. Именно в этом смысл великого романа «Отцы и дети», а не в манифестации «нового типа» чело- века, т.е. карикатурного, самодовольного и вздорного Базарова.

Напомню: в те годы, когда Тургенев создавал «Отцы и дети», в России шла великая реформа по эмансипации крестьян. Рабовладельцы все же решились. И в контексте великого освобождения роман Тургенева приобретает еще одно значение. Он пропитан воздухом этого свершения. Перефразирую: «Ныне отпускаючи». А спустя век Россия услышит очередной в своей истории выстрел. Помните, Герцен о первом «Философическом письме» П.Я. Чаадаева: словно выстрел в ночи? Или мифический выстрел

«Авроры» – холостыми-то холостыми, а русскую жизнь расстреляли и заменили на советскую. Но через сорок пять лет после «Авроры» в русскую историю вернулся нормальный русский мужик – Иван Денисович. 1962 год был, наверное, апогеем хрущевской оттепели. Много было сделано и еще более крупное замысливалось. Обычно обращается внимание на политические и экономические реформы этого периода. А мы сделаем акцент на раскрепощении тогда еще основной массы русского населения – крестьянства.

Н.С. Хрущев, говорят, совершил много глупостей в сельском хозяйстве. Наверное, это так. Но есть то, что на весах истории перевесит это и другие его провалы. Он выпустил русского мужика из ГУЛАГа – как лагерного, так и колхозно-совхозного. За тридцать лет до того (1932) большевики ввели паспортную систему. Но ни великорусские, ни какие иные пахари паспортов не получили. И это означало восстановление крепостного права в нашей стране. К 1962 г. крестьяне еще не обрели паспортов, т.е. еще не сравнялись в гражданском состоянии с другими социальными группами. Паспорта им выдали уже при Леониде Ильиче, в 1974 г. И структурно второе освобождение русского крестьянства воспроизвело первое. Александр II освободил крестьян от крепостного права, оставив их в рамках общины. Хрущев сделал по сути то же самое: освободил и оставил в колхозах. Паспорта крестьяне получили в ходе уже столыпинской реформы, а колхозникам – на излете брежневско-косыгинского подъема.

И как «Отцы и дети» есть в известном смысле памятник кающимся дворянам, так и «Один день Ивана Денисовича» – памятник измученному русскому крестьянству середины XX в. Но здесь же кроется неизмеримое различие между двумя произведениями. Тургенев говорил голосом русского европеизированного барина в стране, которая хоть и не была совершенной, но и не находилась в ситуации полного краха. Об А.И. Солженицыне же можно сказать ахматовским языком: «...из-под каких развалин говорю». Но его голос был с самого начала столь мощным, что его не выдержали бетонные стены коммунистических бараков. Событие пятидесятилетней давности – «Иван Денисович» – означало, что у России вновь появился **заступник**. «И неподкупный голос мой был эхом русского народа».

...И, конечно, двести лет первой Отечественной войне. Она случилась через пятьдесят лет после освобождения дворян, а пятьдесят лет спустя освободят крестьян. Она – посредине. Отечественная – это единственный момент, когда послепетровская Россия опять обрела целостность. Именно поэтому она и стала основополагающим событием русского XIX века. Спектр ее воздействия был столь многообразен и глубок, что породил великую русскую культуру, великие русские реформы, великую русскую мировую державу. Иными словами, 1812 год дал России будущее, вернул прошлое, позволил гордиться настоящим. Без всего этого не-

возможно нормальное бытование народа в истории. Но об Отечественной войне и без нас сказано так много, что мы, пожалуй, ограничимся этим.

Правда, вспомним еще, что в 1812 г. родился А.И. Герцен. К этому человеку сегодняшнее российское общество в целом безразлично. Оно почти забыло его. Жаль. Александр Иванович – одна из ключевых фигур нашей истории. Это первый русский, который с блеском вошел и занял одно из исключительных мест в европейской интеллектуальной элите своего времени. К его голосу прислушивался весь цивилизованный мир. Конечно, казачьи бивуаки в Париже были весьма убедительны, но речи Герцена в парижских и лондонских салонах еще более. Он создал важнейший институт русской социокультурной системы – эмиграцию.

Дефицит свободы в подавляющем историческом времени приводил Россию к ситуации, остроумно описанной Николаем Бухариным. Возражая своим собеседникам, утверждавшим, что во всем мире двух- или многопартийная система, а в СССР – однопартийная, он сказал: у нас тоже две партии, только одна сидит в Кремле, а другая – в тюрьме. Герцен открыл иную возможность: вторая партия сидит в эмиграции. И действует. И еще. Герцен – замечательный писатель. Его язык несравнен. Он – тончайший критик не только русского, но и современных ему европейских порядков. И, наконец, – один из главных творцов идеи крестьянского социализма, т.е. народничества. А это был (увы, сталинская коллективизация уничтожила эту возможность) один из магистральных путей русского развития. Напомню, на единственных в XX столетии (до начала 90-х) равных, всеобщих, тайных и прямых выборах безоговорочно победили народники – эсеры. Таковой была воля большей части русского народа.

1912 год был лучшим в русской истории. Причем навсегда. Никогда русским не удастся повторить чудо этого года. Белла Ахмадулина сказала об этом времени: «Как на земле свежо и рано». Но современники не заметили этого, а потомки больше помнят о следующем, 13-м годе, с которым советские себя сравнивали, или о 14-м, когда все это чудо закончилось. О послевоенном германском подъеме (примерно 1947–1956 гг.) принято говорить «экономическое чудо». Здесь же было чудо общесоциальное, более того – культурное. Мы, сегодняшние, даже профессиональные исследователи, не в состоянии почувствовать эту невероятную историческую возможность.

Однако почему же все-таки ничего не случилось? То есть случилось – самоубийство. Всей Европы, – а это значит, всего мира. Но наш суицид, если можно так сказать, был абсолютным. Как это объяснить? Мы поем гимн николаевской России и одновременно фиксируем: это конец. Действительно, как можно выйти из этого противоречия: взлет, неслыханный и несравнимый, и падение – такое же?

Было два события в этом любимом мною году: Пражская конференция социал-демократов и Ленский расстрел. В 1962 г. пионер Юрий Пивоваров, как называла меня бабушка, читал книгу о Пражской конференции 1912 г. (сейчас не вспомню, как называлась и кто автор). Но это был один из текстов, определивших мою жизнь (смеяться над ребенком не надо). Расскажу то, что помню. Город Прага, горы, какие-то люди и главный среди них – мужчина лет сорока, в котелке, крепко сбитый, очень уверенный в себе. Они идут пить пиво. И вот этот человек в котелке выпивает две кружки, ест сосиски и обсуждает свои дела. – Один из самых больших шоков, который я испытал в своей жизни: Ленин пил пиво, ел сосиски. Я был поражен: Ленин – бог, центр Вселенной, а здесь – такое. Вот это мое детское понимание никак не совпадает с нынешним сверхвзрослым пониманием того, чем был 1912 год.

А чем он был? Невероятным подъемом, на который другая Россия (потом мы объясним, что это такое) ответила своим. Когда-то Достоевский говорил (а до него, наверное, и многие другие), что настоящий раскол проходит по сердцу человека. А что, пиво и сосиски в Праге – это раскол? Конечно. Там будущие убийцы навсегда разошлись с будущими жертвами. И оказалось, что общая политэкономия или социология – ничто по сравнению со «слезинкой ребенка». Оказалось, что припадочный Достоевский в миллион раз умнее доктора Боннского университета Карла Маркса. То, что произошло в Праге, – это не закрепление раскола между двумя фракциями одной партии. Это развод раз и навсегда между теми, кто готов на преступление, и теми, кто не готов. И хотя историческая Россия ничего этого не заметила, поскольку все эти эрзэдры тогда были ничем, но вот так бывает: в братском славянском городе решилась судьба страны. И из Праги уехала уже неприемлемая (по моей терминологии) Россия.

Еще одно событие – Ленский расстрел. Тоже с детства знаем: Сибирь, золотые прииски, мерзавцы-буржуи не платят денег, демонстрация рабочих, по ним стреляют. Министр внутренних дел генерал А. Макаров говорит: так было и будет. Генерал не знал, что через семь лет его расстреляют чекисты. Да и вообще никто не знал, что через семь лет Отечество станет местом расстрелов. Я всегда с недоверием относился к этой истории: мне казалось, коммунисты чего-то врут. Неужели в моей любимой и счастливой России, где были Блок и Ахматова, возможно **такое**? В то-то все и дело, что это было **возможно**.

Два этих события – одно малозаметное, другое в высшей степени шумное – были, быть может, важнее, чем все остальное, что произошло в том лучшем за всю русскую историю году.

А вот 1952 год. Ни на каких юбилейных исторических картах его нет. А ведь это был последний год жизни Сталина. Мое раннее детство. Ощущение одно: самая длинная ночь в году. В России середины века все-

гда ночь. Разумеется, в современной России – что там было при царе Горохе, мы не знаем. Мрачное семилетие (1848–1855) XIX в. и сталинская семилетка после войны, наверное, самые безвыходные времена за последние два столетия (а вот бездумная, глупая, легкомысленная семилетка Никиты – просто полет легкокрылых бабочек, свежий воздух, радость). Никогда, думаю, Россия не была в такой безылазной яме, в таком безысходном холоде (о, как я помню эти сокрушающие морозы, которые запорашивали стекла нашей комнаты в коммуналке Напрудного переулка). А бабушка пела мне: тебя Ленин любит, тебя Сталин любит. И показывала мне книжку, одну из первых в моей жизни: на первой странице была изображена Кремлевская стена и серебрястые ели вдоль нее. Это мое представление о рае.

Теперь попробуем сравнить апофеоз ада в моей стране и рай в сознании ребенка. Сегодня идут споры, хорош Сталин или плох. Конечно, хорош. Признаюсь, представление о нем – это лучшее, что было в моей жизни. Теперь ребенок вырос и ответственно заявляет: это был ад. В этом и есть дьявольский «замысел» сталинизма: представить ад раем, леденящий ужас – нормальным состоянием, а страх сделать главным человеческим качеством. Это не понаслышке, это автопортрет. И потому главная задача современного русского – перестать считать ад раем.

1982 год – один из самых трагических в истории России. В этом году закончился золотой век послесоветской истории (начался где-то около 1954 г.). Заметим: почти тридцать лет. Для недолгого (семьдесят лет) советского рейха – чуть меньше половины. Вообще-то говоря, это была одна из лучших эпох не только советизма, но и в целом русизма. Покончили с массовым террором, перешли к скромному потреблению, создали общество более или менее «благополучия». Да что там говорить! Кто не жил в это время, тот не поймет, что и в нашей стране возможна *dolce vita*. Ненадолго, не очень *dolce*, но главное – *vita*. А до этого было (и немножко после этого) – *Vernichtung* (нем.: уничтожение).

В чем же смысл этой эпохи? А в том, что любое человеческое существо – и даже мы с вами – после массовых убийств и самоубийств хочет немного передохнуть. Ну, просто все устают. И вот теперь, пытаясь понять логику исторического развития, я пришел к выводу: лучшие эпохи в истории человечества (и возлюбленного Отечества), это когда люди не хотят больше крови, но – пива, сосисок, отдыха. (Вспомните Ильича в Праге. Как жаль, что он не догадался, что лучшее его и наше время – там.)

Вообще-то шутить не хочется. Это была эпоха мирная, неагрессивная, гнусная, спокойная, когда впервые за много десятилетий к человеку перестали приставать, требовать от него чего-то особенного (замочить соседа, предать близкого и т.п.). Вообще настоящий *detante* был не между СССР и США, а внутри советского общества. И его лучшим проявлением

стала улыбка народного героя Юрия Гагарина (отчасти и кепка Льва Яшина). Ну какой террор при таких хороших парнях! Как пелось в песенке моего тинэйджерства: «А парень был хороший!». Помню, в ноябре 1963 г. учителя школы, где я учился, рыдали, узнав об убийстве Джона Кеннеди. Помню ужас осени 62-го – Карибский кризис. Вот тогда-то я и понял, какое это замечательное время. В конечном счете победят Гагарины, Яшины и Кеннеди. И никто никого не убьет.

Я был среди тех молодых дураков, кто не понимал великого исторического значения Л.И. Брежнева. Сегодня хочу извиниться. При всей своей отвратительности этот человек (вслед за Н.С. Хрущевым) дал моему народу почти тридцатилетнюю передышку между двумя, говоря воровским языком, эпохами «сарынь на кичку!»

Совершенным особняком среди всех этих дат стоит 1922 год. Девяносто лет назад последние русские войска ушли за пределы страны. Был сдан Владивосток. На этом закончилась старая Россия. И не случайно, что через полтора месяца после сдачи Владивостока на руинах России учреждается СССР. Первое в мире государство, в названии которого отсутствует субъект – страна и ее границы. На смену определенно русскому приходит неопределенно несусветное.

Тогда же из страны высылаются ее лучшие интеллектуальные силы. Открывается жесточайшая антицерковная кампания. То есть новые хозяева интенсивно избавляются от всего того, что составляло содержание русской жизни.

В 22-м заканчивается эпоха Ленина. Он отходит от управления. Сталин избирается генсеком (в апреле!) и начинается его восхождение к власти. Ильич пишет Завещание, которое по последствиям можно сравнить с петровским Указом о престолонаследии 1722 г. (!) Как документ первого императора вверх на все XVIII столетие Россию в междоусобицу претендентов на трон и тем самым лишил ее государственной стабильности, так и Письмо Ленина к съезду открыло наследническую неразбериху среди коммунистических вождей. Попутно заметим: Сталин уничтожил всех, о ком в своем завещании его предшественник говорил как о потенциальных наследниках. Сталин не простил это Завещание ни Ленину, ни его «гвардии». И в этом смысле «кремлевский мечтатель» несет свою долю ответственности за уничтожение тысяч и тысяч старых коммунистов.

В общем Ленин, «опустив» перед своей смертью Сталина, способствовал на самом деле его подъему. Думаю, после ленинского письма Сталин понял: или он, или они. В противостоянии же «или–или» ему не было равных.

И еще одно столкновение Ленина и Сталина в этом, 1922-м, окажет убийственное влияние на русскую и мировую историю. В соперничестве «союзного» и «автономистского» проектов организации новой государ-

венности учитель дожал своего ученика. В 1991 г., когда СССР развалился, думается, если, конечно, существует ад, Сталин должен был отомстить Ленину за содеянное. Это ведь Ильич заложил бомбу с часовым механизмом под здание Отечества трудящихся всего мира. Этот, как сказали бы сегодняшние политологи, «case» является предупреждением нынешним политикам. Нельзя в уставы государств закладывать декларативно-неработающие сегодня и завтра механизмы. Вдруг они запустятся послезавтра.

Этот год был ознаменован и другими славными событиями. Создается Главлит – цензура, которая несколько десятилетий будет душить все живое и свободное в нашей стране. А также пионерская организация, десятилетиями превращавшая живых и свободных детишек в запрограммированно-ограниченных оловянных солдатиков (обоего пола). Об этой организации сейчас уже почти забыли, а она ведь была важнейшим институтом коммунистического порядка. Пионерия играла решающую роль в формировании homo soveticus.

Вместе с тем 1922 год – это время отхода от крайних коммунистических утопий. Если в 1917, 1918, 1919 гг. Ленин и его сторонники полагали навсегда уйти от традиционных форм хозяйственной деятельности, то сейчас они успешно возрождают валюту – золотой червонец и проводят новую экономическую политику. Через несколько лет они откажутся от этого, казальсь бы, разумного отступления, но никогда больше, несмотря на весь ужас и безумие происшедшего, не вернуться к бредовой идее «экономики без денег».

Имея в виду все это вместе взятое, мы можем с полным правом сказать: 1922-й был годом великого перелома в русской истории и повседневной жизни нашего народа.

... Мы вспомнили, конечно, не все важные даты – юбилеи 2012 года, но эти, на наш взгляд, были важнейшими для современных русских. И не будем пока оставлять историческую проблематику, продолжим разговор о ней, но – в другом ключе, ином контексте и целеполагании.

О неотменимости исторического знания

В апреле 2010 г. на ежегодном собрании Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) либеральный экономист и социолог В.Л. Иноземцев заявил: все попытки объяснения сегодняшней ситуации с помощью истории более нерелевантны; современность можно понять из нее самой; она обладает потенциалами и смыслами, не известными предшествовавшим эпохам. Поэтому наша задача, утверждал В.Л. Иноземцев, понять их и поставить на службу обществу.

Эти слова В.Л. Иноземцева были реакцией на выступления А.Б. Зубова и мое, в которых мы, хоть и с разных позиций, но стремились рас-

смагивать настоящее через призму прошлого, не сводя, разумеется, все к «историческим закономерностям». Так вот попробуем возразить адепту современности В.Л. Иноземцеву.

В последние годы особой популярностью в научном мире пользуется концепция академика Л.В. Милова (ум. в 2007 г.). Было бы, конечно, преувеличением утверждать, что его «Великорусский пахарь...» перепал несколько поколений исследователей, однако, вне всяких сомнений, способствовал формированию нового исторического знания. Безусловно, мы и ранее читали о географических и природно-климатических факторах социального развития. Историки XIX столетия, В.О. Ключевский, евразийцы, да, кто, собственно, не писал об этом. Но во всем этом было больше идей, наблюдений, историософии. Леонид Васильевич дал нам, так сказать, материю. Точнее: показал бедность русского материального мира. Но какие выводы следуют из его творчества?

Говоря кратко, мы совсем не самая (потенциально) богатая страна в мире, как это почему-то утвердилось в общественном сознании. Напротив, крестьянская Русь (а это значит страна до начала 1930-х годов) в силу своего северо-восточного географического и природно-климатического местоположения была невероятно бедной. Что в конечном счете предопределило ее судьбу – национальный характер («менталитет», следуя моде 90-х, говорит Милов), сверхинтенсивный и жесткий тип государственности, централизованное изъятие и распределение «прибавочного продукта» (так Леонид Васильевич в наивном советско-марксистском стиле называл процесс ограбления русского народа русской властью). И все, включая автора этого текста, были согласны с ним.

Лишь позднее знакомство с работами Э.С. Кульпина открыло мне глаза на следующее. Милов основывается на материалах крестьянской жизни XVIII–XIX вв. И в меньшей мере второй половины XVII в. Мы же (никакой ответственности за это Леонид Васильевич не несет) экстраполируем его выводы на всю более раннюю историю России. А это и ошибка, и заблуждение, и самообман.

Современная саратовская исследовательница О.В. Сухова, находящаяся, кстати, под большим плодотворным воздействием и Милова, и Кульпина, указывает на необходимость «сравнительного анализа двух хозяйственных типов, существовавших в российской истории, последовательно сменяя друг друга на протяжении XIV–XV и XVII–XVIII вв.» (4, с. 95). Несколько забегаю вперед, заметим: ничего не сказано о XVI столетии. А это ведь как раз эпоха окончательного становления самодержавия и основ крепостного порядка, появления первых сословий и вступления в Смуту, формирования первых современных институтов управления и соборного представительства. Это и период расцвета местного самоуправления и суда, первый век русской «государственной» независимости и ут-

верждения церкви в том ее виде, в каком она **внутренне** просуществует несколько столетий. Но пока оставим XVI в. И подчеркнем: мы не собираемся свести объяснение русского исторического процесса к смене одного хозяйственного типа другим. Однако проанализировать все это обязаны.

Итак, послушаем О.В. Сухову: «При наличии неиссякаемых до поры до времени ресурсов земельной колонизации, которая, по замечанию В.О. Ключевского, выступала стержневым процессом российской истории, экстенсивное кочевое подсечно-огневое земледелие продолжало сохранять свою девственно-архаичную форму и в XIV–XV вв. Этому, отчасти, способствовало и установление татаро-монгольского ига. И от налоговых тягот, и от княжеских усобиц, и от ханских набегов лес служил одинаково хорошей защитой, что обусловило направление миграционных процессов. В XV в., как известно, подавляющая часть населения Руси проживала в лесных деревнях – одно-двух и трех-четырёхдворках. По словам Э.С. Кульпина, до конца XV в. экологическая составляющая, как никогда позже, благоприятствовала русскому крестьянину. Удовлетворительные климатические условия, невероятно высокие урожаи, собираемые на плодороднейших лесных почвах; отсутствие дефицита земельных площадей и возможность неограниченной занятости производительным трудом и пользования благами охоты, собирательства, рыболовства; реальная возможность вознаграждения упорного труда обеспеченным, безбедным существованием, отсутствие сколько-нибудь существенных налогов и, возможно, полное отсутствие повинностей для лесных людей; полная свобода землепользования при отсутствии реальной собственности на землю; и, наконец, независимость подавляющего большинства населения от княжеской власти и давления общины, максимальная раскрепощенность личности – вот факторы формирования национальной ментальности в период, названный Э.С. Кульпиным временем “наибольшего благоденствия для большинства живущих на территории Северо-Восточной Руси...”»¹.

Несмотря на некоторую благостность, пасторальность представленный Э.С. Кульпина (воспринятых отчасти и О.В. Суховой), их следует принять совершенно всерьез. Ведь они значительно меняют наше историческое видение. В том числе существенно корректируют русское прошлое по Милову. Не всегда бедность, скудность, всяческая недостаточность были имманентны крестьянскому миру.

Согласно Э.С. Кульпину, в XV в. почти 90% населения жило в лесу, остальные 10% вне леса, в городах всего 0,1%. Почти 10% – князья, бояре, княжеско-боярские крестьяне. То есть 9/10 древних русичей были свободны от власти князей, бояр, церкви, монголов. Исследователь подчеркива-

¹ Кульпин Э.С. Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации // *Общественные науки и современность*. – М., 1995. – № 1. – С. 91.

ет: нормативная русская история этого периода – история 1/10 народа. И в ней совершенно не учитывается подлинная и, как уже отмечалось, свободная, сытая, «органичная» жизнь подавляющего большинства. Правда, будучи аналитиком осмотрительным, тут же задается вопросом: «Однако как такие выводы согласуются с общепринятыми представлениями о черных веках татаро-монгольского ига? Или эти представления – выдумки традиционной имперской историографии, не имеющие ничего общего с действительностью? Но исторические свидетельства летописей о кровавых междоусобицах князей, нашествиях карательных отрядов Орды, периодических, хотя и редких в сравнении с последующими веками, неурожаях и голодовках, наконец, Куликовская битва вряд ли могут быть подвергнуты сомнению. Тогда мы имеем *две правды* и *две истории* Северо-Восточной Руси: одну для лесного человека, хозяйствующего по технологии подсечно-огневого земледелия, и вторую для князей, церкви, горожан, крестьян полей, хозяйствующих по технологии пашенного земледелия. Первая практически никому не известна, вторая – известна всем чуть ли не с пеленок. Первая есть история большинства населения Руси, вторая – меньшинства, возможно, ничтожного, но по умолчанию (другая-то история практически не известна) распространяемая на весь этнос» (2, с. 91).

Вслед за этим он рассказывает нам о социально-экономическом кризисе XV в., который кардинально изменил русскую общественную эволюцию. «Безопасность, устойчивость существования, высокие урожаи, получаемые при подсечно-огневом земледелии¹, обусловили темпы роста населения, немисливо высокие не только для Западной Европы того времени, но и для всех стран и народов Средневековья: в XV веке население Руси без малого удвоилось. Эти высокие темпы роста населения привели Русь к кризису: были исчерпаны возможности технологии подсечно-огневого земледелия, требовавшего в десятки раз больше пространств земли, чем при пахотном» (там же, с. 92).

Напомним: в конце XIX в. в России разразился известный аграрный кризис, когда демографический взрыв в деревне (1801 г. – 38 млн. человек, 1857 г. – 72 млн., 1897 г. – 129 млн.; из них только 13% – городское население; причем эти «13%» города резко завышены; больше половины «горожан», несомненно, вели по преимуществу сельскую жизнь) привел к исчерпанию возможностей экстенсивного пашенного земледелия, основанного на архаичных технологиях. И тогда тоже начали происходить события, типологически схожие с теми, которые описаны в замечательной работе Э.С. Кульпина...

¹ Выше, в своей статье, Э.С. Кульпин произносит поразительные слова: технологии подсечно-огневого земледелия «позволяли иметь производительность труда... наивысшую за всю историю России, возможно, превышающую современную по зерноводству...» (2, с. 91).

В конце XV в. Русь, по словам автора, была **вынуждена** перейти к пашенному земледелию. Производство зерновых снизилось в 3–5 раз. Это падение произошло мгновенно: не более чем за 50 лет (жизнь двух-трех поколений). Ко всему прочему резко ухудшились климатические условия. «После длительного периода климатического оптимума новой эры (с VIII века¹) в середине XVI века начался так называемый «малый ледниковый период». Переход от благоприятных климатических условий к неблагоприятным пришелся на XV век. Для любого переходного периода характерны высокая степень неустойчивости погоды, экстремальные природные явления: засухи, наводнения, бесснежные морозные зимы... Резкое ухудшение условий существования требовало кардинальных решений» (2, с. 92).

После этой констатации следует один из центральных тезисов кульпинской концепции: «Хозяйственный кризис, спровоцированный демографическим ростом и невозможностью далее эксплуатировать основную технологию земледелия (технологический кризис), ухудшение природных условий (для общества – это экологический кризис, для природы – лишь смена режима функционирования, но и природа испытывала стресс – антропогенизацию ландшафта) обусловили экономический, политический и идеологический кризисы. Экономический кризис выражался в падении уровня и качества жизни, политический – в неспособности господствующих слоев поддержать прежний уровень жизни населения без радикальных социально-экономических и социально-политических реформ. Эти реформы требовали идеологического обоснования, что означало переосмотр если не всей системы ценностей, то некоторых центральных ее элементов. Все это вместе составляло социально-экологический кризис, *самый тяжелый вид* кризиса, который время от времени переживает общество. Такой кризис обязательно требует выбора нового вектора эволюции. От того, каким будет выбор, зависела судьба русского этноса и в конечном счете – суперэтноса, цивилизации» (2).

Итак, резко возросли численно, древние русичи выходят из леса, образуют соседские общины, попадают в пространство государственной и церковной организации жизни. «Собственно говоря, именно тогда была создана материально-пространственная основа общества. Теперь уже нельзя вести речь о двух историях этноса. История этноса становится единой» (2, с. 93). – Но русский человек оказался в стрессовой ситуации и стремился к выходу из нее. И здесь Кульпин делает весьма неублагодетельный, на мой взгляд, вывод: «Далее сработало универсальное правило: если общество не может найти выхода из кризиса..., оно делегирует свои права государству» (там же). – Можно подумать, что общество само по себе, государство – само. Особенно в те времена. Да, просто, «общества» и «госу-

¹ За этим последует подъем средневековой Европы.

дарства» в современном смысле тогда не было. А были древние пахари и власть. Которая и занялась обустройством разрозненного и растерянного населения. Если бы существовало общество, то **такого** государства не возникло бы. – А вот следующий вывод точен: «Рядовой крестьянин второй половины XV века, в отличие от предков XIII–XIV веков, выбирал не между свободой и зависимостью, а перед ним был выбор подчинения: боярину, монастырю или государю» (2).

В результате в XVI в. возникает самодержавие, абсолютно независимое от населения и обладающее по отношению к нему неограниченными правами. «Полномочия, полученные Московским государством во время первого социально-экономического кризиса, на века (во многом вплоть до настоящего времени) определили путь развития Российского государства и общества, характер сложения суперэтнуса и современный (второй по счету) социально-экономический кризис» (там же). – Выход из кризиса XV в. самодержавие нашло в «ограблении соседей и захвате их природных ресурсов. В результате колонизация земель, закончившаяся в Западной Европе к XIII веку, в России продолжалась еще многие века и стала стержнем всей истории страны» (2).

Далее автор подчеркивает: для интенсивных форм хозяйствования необходима особая трудовая этика. Впоследствии ее назовут протестантской. Смысл ее в том, что человек спасается через труд («молись и работай»). Этим путем и пошла европейская цивилизация. На Руси же победа иосифлян над нестяжателями блокировала возможность становления подобного типа этики. К тому же перманентное расширение русских пространств естественным образом предполагало экстенсивный характер труда. Подводя итоги, Э.С. Кульпин говорит: «События социально-экономического кризиса XV века были центральными в процессе формирования российской цивилизации. С ним был связан переход от разорванности общества и культуры на две несовместимые одна с другой части (крестьян – полуязычников – обитателей лесов и христиан – обитателей городов и зон пашенного земледелия) к единству российского общества. В тот же период утвердилась особая роль Российского государства в жизни общества. Выбор между интенсивными или экстенсивными формами экономики был сделан в пользу экстенсивных ее форм. Следствием этого явилось превращение кратковременного для Западной Европы процесса – колонизации и распашки земель – в длительный, стержневой для истории России процесс. Присоединение все новых земель обусловило специфические, политические, социальные и этнические проблемы, затруднило складывание русского суперэтнуса, реформирование общественного и государственного строя, что привело, в частности, к современному кризису в развитии страны» (там же, с. 98).

Итак, небольшая работа Э.С. Кульпина, опубликованная в 1995 г. в журнале «Общественные науки и современность» и не ставшая в научном

мире бестселлером, на самом деле дает невероятно много для уточнения наших знаний о русской истории и сегодняшнем дне. Правда, при всей высочайшей оценке этой концепции нельзя не отметить некоторые ее неточности. Речь идет о следующем. – Европейцы, закончив «первичную распашку» земель в XIII в., перешли к интенсивному на них труду, русские не остановились и принялись к экстенсивной распашке все новых и новых пространств. А что могло быть как-то иначе? – В Европе всегда немного земли и густое население. Результат: формирование института частной собственности на землю, крепостного права на землю и интенсивного хозяйствования. На Руси всегда много земли, почти «пустых» пространств, практически не заселенных и не ограниченных естественными преградами (горы, море), и мало людей. Результат: почти нет частной собственности на землю (есть «государственная», государева или Божья), крепостное право на людей и экстенсивное сельское хозяйство. Иными словами, социальные пути Европы и России, вне зависимости от исхода схватки нестяжателей и иосифлян, были во многом определены существеннейшим различием исходных условий. Трудно представить себе рождение трудовой этики протестантского типа на бескрайней и холодной Русской равнине. Тем не менее открытие Э.С. Кульпина дает нам возможность принципиально по-новому увидеть русскую историю первых ее столетий, глубже объясняет события XVI в., причины Смуты, формирование самодержавно-крепостнического порядка, «соответствовавшего» хозяйственному типу XVII–XVIII вв., и процесс его демонтажа, который начался великими реформами второй половины XIX в.

В общем и целом наша история после усвоения идей Э.С. Кульпина представляется примерно так. Как только в конце XV в. русичи выходят из леса, их хватает обученный монголами князь-полицейский. Возникает Московское государство. XVI век уходит на формирование того, что когда-то было названо Русской Системой. Новая Русь XVII–XVIII вв. – бедная, крепостническая, самодержавная (скажем, по Милову). XIX в. – подготовка и проведение реформы. Попытка освобождения от рабского порядка. Второй в отечественной истории демографический взрыв, «аграрный кризис». И не удержавшись в непривычных условиях эмансипации, Россия попадает под власть ВКП (б) – второго крепостного права большевиков. На этот раз оно продержалось пятьдесят пять лет: 1929 г. – начало коллективизации, 1974 г. – выдача паспортов колхозникам. Урбанизация – вот что разрушило сталинский строй. Причем, если в старые времена крестьяне бежали от крепостников и самодержавия в казаки, то в XX в. – в города. Там они обретали относительную вольность. Сегодня (2012 год) Россия вновь перед выбором – интенсивное хозяйство и свобода или экстенсивное хозяйство и гебешная полицейщина...

Скажу еще о двух важных идеях Э.С. Кульпина, которых мы еще не касались.

Первое. Он ошибается, когда утверждает, что в XV в. произошел «переход от разорванности общества и культуры на две несовместимые одна с другой части... к единству российского общества». В том-то все и дело: Россия, преодолев один раскол, в XVI в. будет разорвана другим. Это то, что я называю «земщиной–опричниной». И этот раскол сопутствует нам сквозь века – Грозный, Петр, Сталин не давали ему уйти в небытие. При Петре же (я говорю об этом уже три десятилетия) страна была расколота на две враждебные друг другу «цивилизации» – европеизированную и традиционалистскую. И это стало одной из главных причин Революции. «Единство российского общества» – так и остается задачей, не решенной нашей историей.

Второе. Правда, здесь Кульпин в основном излагает мысли других исследователей. Но в контексте его работы они приобретают новую силу. Он пишет: «Отличия в истории европейской и российской цивилизаций в значительной мере определялись разной ролью христианской веры и монастырей в жизни соответствующих культур. Если в Европе монастыри стали первой организационной формой утверждения новой трудовой этики и подкреплявшего ее идеала «молись и работай», то в России этого не произошло. Отчасти это было связано с глубокими традициями язычества в русской народной культуре. В центре деятельности людей, в том числе священнослужителей православной церкви, еще в XV–XVI веках стояла не трудовая, а магическая практика» (2, с. 94). – До второй половины XVI в. сохранялся языческий культ мертвых. Священнослужители поддерживали в людях дохристианскую веру в единение мертвых с живыми. В крестьянской среде с «попами» конкурировали колдуны и ведуны. Представители клира перенимали у них «волхования и чарования всякие». Даже в XVII в. были живы анимистические представления, культы березок, домовых, водяных, а местами даже Перуна и Хороса, которым «подкладывались требы». «Священник мог прожить своей профессией, только пройдя всю науку волхов» (там же, с. 94). – Мирянин искал «близкого Бога», который был бы всегда и без особых трудов «доступен» просьбам верующего¹. Абстрактный Бог был непонятен. «Икона была самым распространенным объектом культа. Человек обращался не к Богу, а к иконе. Иностранцы, бывавшие в русских церквях той эпохи во время богослужения, видели непостижимую... картину молящихся, обращенных в разные стороны и стоящих каждый перед своей иконой. Для тогдашнего общества икона бы-

¹ В 1965 г. в ссылке Иосиф Бродский зафиксировал то же: «В деревне Бог живет не по углам, / Как думают насмешники, а всюду. / Он освящает кровлю и посуду / И честно двери делит пополам. / В деревне он – в избытке. В чугуне / он варит, по субботам чечевицу, / приплясывает сонно на огне, / подмигивает мне, как очевидно. / Он изгороди ставит. Выдает / девицу за лесничего. И, в шутку, / устраивает вечный недостаток / объездчику, стремящему в утку...».

ла подлинным фетишем, она видит и слышит, живет и чувствует. В оплату за заботы икона должна была помогать ее владельцу, а если не выполняла своей функции, хозяин был вправе отказать ей в дальнейшем культе» (2, с. 95). – При всем этом низший клир был малограмотным, церковная дисциплина не отличалась высокими стандартами.

Разве эта «картинка» не помогает нам лучше понять «духовную ситуацию» начала XXI в.? Во всяком случае, ее истоки. – Разве мы теперь совсем другие? – Да, нет, конечно. При этом я никого и ничего не критикую. Просто констатирую.

И еще об одной работе Э.С. Кульпина. Точнее, это его диалог с польским историком Кшиштофом Питкевичем (директор Института Востока Познанского университета), опубликованный в том же журнале «Общественные науки и современность» (3). Материалу предпослана следующая вводка: «Между двумя смутами в истории Восточной Европы – в Золотой Орде (вторая половина XIV в.) и Московском царстве (начало XVII в.) на землях древней Руси и будущей Российской империи возникло могущественное государство – Великое княжество Литовское. К сожалению, российская общественность не слишком хорошо информирована об этом политическом и социокультурном феномене¹, а ведь собиравшие русские земли под единым политическим управлением начинала не Москва, а Литва. В начале XV в. не только население Великого княжества Литовского на 9/10 состояло из жителей древнерусских земель, но и язык общения и официальных документов здесь был древнерусский, восточнославянская элита принимала активное участие в жизни общества и государства. – Может ли история Литовского государства в XIII–XVI вв. в связи с этим рассматриваться как вариант развития российской цивилизации? Чем отличались тенденции эволюции государственной власти в Литве и Московском государстве? Каковы были различия в общественном развитии, формах самоуправления городского и сельского населения? Что было общего и различного в городском строе Литвы и Новгорода, Литвы и Западной Европы? Почему литовско-русский вариант российской цивилизации не смог стать господствующим?» (3, с. 80).

Отвечая на эти вопросы, рассказывая о «литовском» периоде русской истории, Э.С. Кульпин подводит нас к следующим выводам. Отечественное прошлое – это не последовательная смена киевского, ордынско-удельного и московского периодов. Вернее, не только это. Становление современной России происходило гораздо сложнее и, так сказать, многофакторнее. Редукция к возвышению Москвы и московской централизации неправильна; она обедняет русскую «энтелехию». – Мы обязаны знать и

¹ Несмотря на некоторую коичность стиля, это, безусловно, так.

политически¹ учитывать такие наши «начала»: древнеславянское, норманнское, киевское, новгородско-ганзейское, литовско-русское, ростово-суздальско-московское, ордынское, византийское, собственно-московское, казачье, мало- и белорусское, европейско-петербургское, самодержавно-крепостническое, соборно-самоуправленческое, пореформенно-эмансипационное (1861–1917), «временно»-демократическое, военно-коммунистическое, нэповское, сталинское, хрущев-брежневское и т.п. Современная Россия состоит из этих (и других, можно продолжить) ингредиентов. Все эти «практики» и «теории» никуда не пропали. Включая высшее достижение отечества – художественную и интеллектуальную культуру XIX–XX столетий.

Когда-то я написал (но никогда не публиковал, полагая ее неудачной) работу «Россия между Европой и Евразией», в которой пытался выразить следующую мысль. И не мысль даже, а, как сказали бы наши предшественники из «Серебряного века» (на самом деле – «золотого»), – интуицию. Россия уходит то в Евразию (Орда), то в Европу (Литовско-русское государство и Новгородско-псковско-ганзейское народовластие), то пытается быть какой-то (не важно какой) самой-по-себе. Она меняет идентичности, ищет свой путь в истории... Но все это были такие традиционно-интеллигентские «размышления». Э.С. Кульпин же на конкретном материале показал, как происходил исторический рост России в литовском, ордынском и московско-рязанско-тверском изводах. Это принципиально новый взгляд, это та полифония, которая имманентна русскому, но еще далеко не усвоена современным обществом.

...Так вот, возвращаясь к скептической оценке В.Л. Иноземцевым продуктивности исторического знания для выработки эффективной стратегии выхода отечества из системного кризиса, зададимся вопросом: как же это возможно без учета всего того, о чем здесь говорилось? Без учета того, о чем пишут исследователи, подобные Э.С. Кульпину.

Однако и историки должны иметь в виду следующее...

Историческое понимание

Их ошибка в том, что они хотят понять «историю» на основе фактов, документов, археологии. Но «история» снимается культурой, которая ни в коей мере не есть «надстройка». Культура всегда в автономном плавании. Она – все то, что преодолевает «базис» (не в марксистском, конечно, смысле – «базис»). Вполне возможно, что именно это имел в виду Б.Л. Пастернак, когда говорил о «Новом Завете». Это – преодоление материально-фактических обусловленностей мира. Поэтому разговор о «рус-

¹ «Политически» – значит не только научно, но и практически. Это знание должно быть принесено в сферу политики.

ской бедности» (Л.В. Милов) или «русском богатстве» (все остальные) не имеет смысла. Смысл: культура, напряжение etc. Откуда он берется? Думаю, что с какого-то момента (не всегда так было, но мы в этом историческом моменте) смысл порождался горением человеческой души («души воспламенной чьей-нибудь»). Она – высшее достижение человека (можно сказать: Бога, но тогда разговора не получится. Только молитва). О. Шпенглер утверждал: история – это то, что не есть математика. Что не числимо. Я скажу: история – это то, что не есть «история». Что преодолевается культурой. Только способность к подъему, обретению нового качества является условием самосохранения, ревитализации основ, оздоровления почвы («и дышит почва и судьба»).

Трагизм человеческого существования в том, что все это (включая самосохранение) возможно через самопожертвование, через принесение в жертву своей самости, а не чужой. «Жить и сгорать у всех в обычае, но жизнь тогда лишь обессмертишь, / Когда ей к свету и величию своею жертвой путь прочертишь». Это – ответ на то, что после Аушвица не может быть истории, поэзии и т.п.

Есть еще одно очень распространенное, хотя «внешне» вроде бы и не очень влиятельное, толкование истории – психологическое, физиологическое, «анатомическое». Объяснение происходящего и происходящего ищут там. Тогда история теряет всякий смысл. В чем-то это полезно, потому что никакого такого смысла из истории вычитать нельзя. И он, разумеется, изначально в нее не «вложен». (Это мое утверждение не является отрицанием религиозной идеи.) Смысл привносится в историю тем, повторю, что я называю культурой. Один из лучших примеров – история США. Горячие и мужественные сердца переселенцев из Европы создали здесь уникальную цивилизацию. Но не их психология, физиология, анатомия («психологию» в понимании истории я отвергаю, когда с ее помощью хотят проникнуть в суть происходящего; этот медицинский, психиатрический подход редуцирует человека к его «базису», снимает в конечном счете ответственность за его действия; выдающийся пример: В.П. Булдаков о революции; так же «опасны» знаменитые работы З. Фрейда 20–30-х годов о воздействии всех этих дел на поведение масс, на политику; здесь отсутствует, повторю, главное – ответственность личности – что и есть культура; вместе с тем эротическое как важнейший раздел культуры, эротическое как надстройка, не-базис относится к истории как преодолению «данности»).

Необходимое нам историческое понимание возможно как проникновение в экзистенциальную ситуацию эпохи. Только так и тогда можно прочесть прошлое. Трансцензус осуществляется через эссенцию своей эпохи в экзистенцию исследуемой. В этом смысле никакой «объективной» истории быть не может. И это не есть приписывание прошлому содержа-

ния настоящего. Это открытие того, что в прошлом было лишь имплицитно (in puse) и еще не могло не только состояться, но порою даже и проявиться. – Вот пример: В.О. Ключевский высоко ценил М.М. Сперанского. Посветил ему немало сочувственных строк (этим он отличался от большинства русских гениев, которые презирали Михаил Михайловича, – Достоевского, Толстого и пр.). Но и он не удержался в своей конечной оценке деятельности и мыслей этого реформатора. В дневниковой записи 24 апреля 1906 г. говорит о «стыдливой, совестливой сперанщине», которая «своими конституционными проектами... стала невольным провокатором, чтобы вывести на свежую воду декабристов» (1, с. 385). И далее: Сперанский «потом в составе следственной комиссии имел несчастье плакать при допросе своих попавшихся политических воспитанников» (там же).

Да разве об этом «сперанщина», разве это нам надобно знать об этом человеке? – Но Ключевский умер в 1911 г. и не мог знать, что конституционные проекты Сперанского не стыдливое, совестливое провокаторство, а гениально-органичный план конституционного порядка и правового государства для России. План, в котором учитывалась и специфика ее исторического развития, и ее историческая перспектива, и необходимость существовать в современном мире, а не провалиться в анахроническое ничто. Чтобы уразуметь это, надо было прожить XX век. В котором трижды (1906, 1917, 1993) идеи Михаила Михайловича определяли (во многом) русскую жизнь. – Это и есть: с нашей эссенцией – в их экзистенцию.

Но ведь тогда это и в нашу экзистенцию. Тогда мы начинаем понимать: некие, казалось бы, необъяснимые явления сегодняшней жизни имеют свои начала в нашем прошлом. Просто в этом прошлом эти начала оказались не понятыми или их не заметили...

Мы начали этот краткий раздел с утверждения, что-де историки «ошибаются». Это, конечно, весьма «крутой» диагноз. Но в свою защиту должен сказать, что и русская власть, и значительная часть отечественного социума полагают то же.

Об истории и ее фальсификациях

Сегодня наше общество обеспокоено состоянием исторической науки. Неожиданно история стала актуальной. Не полеты в космос, не кибернетика, не даже борьба с лысенковщиной, но история. Так, была создана комиссия по борьбе с фальсификаторами. Это что-то вроде следственного комитета по раскрытию особо тяжких преступлений. Почему вдруг всех так заинтересовала история?

Да понятно, почему. Помните, как более ста лет назад В.И. Ленин испугался, что материя пропала? Казалось бы, ну что до этого юристу, журналисту, леворадикальному политику? Ведь не Максвелл же, не Эйн-

штейн, а переполошился! И правильно сделал, потому что коли материи нет, то как же мир существует? Не надо издеваться над вождем большевиков – он был прав. Как может существовать мир, если его нет? А если его нет, то как его преобразовывать?

О чем говорил Ильич? О том, что нет предмета для исследования. А раз нет предмета, то и ничего нет.

А теперь вернемся в наши времена. Чем так озабочены правнуки Ильича? Тем, что фальсифицируют историю. То есть в отличие от основателя они полагают, что история существует, но ее просто неправильно понимают или извращают. То есть все наоборот.

Вождь сожалел, что исчез предмет, и мы полностью с ним солидаризируемся. Мне кажется, что Владимир Ильич правильно разумел ситуацию: исчез понятный для бывшего симбирского гимназиста предмет изучения физики. В отличие от этого человека питерские чекисты думают, что все дело в неправильно собранной информации, что в принципе необходимо собрать адекватные данные («адреса, фамилии, явки», как говорит их руководитель). Они не догадываются, что даже самая лучшая в мире агентурная разработка, не замутненная вражеской дезой, не может ответить на вопросы: что происходило в прошлом, что происходит сейчас и что возможно в обозримом будущем?

Хотя по-своему наши современники правы. Ну, что за странный вопрос: о чем? Актуальнее: как? В этом кардинальное различие эпох. Говоря марксистским языком, Ленин терзался о базисе, его правнуки – о надстройке.

Принципиально не будучи марксистами, скажем: понимаем мотивы и Ильича, и его преемников. Но войти в компанию не можем. По двум причинам. В результате оказалось: материя не исчезла, просто изменились представления о ней (а есть ли она, никто не знает). Поразительно, но то же самое произошло с историей: представления о ней изменились, а вот есть ли она, никто не знает. Поэтому и фальсификация в принципе невозможна. (Речь идет о фальсификации в смысле нынешних начальников, а не К. Поппера. А в последнем смысле возможна.)

... В этой точке нашего «повествования» хочу обратиться к мнению одного пронизательного российского политического аналитика. Он утверждает, что «Сталин» (сталинизм) – это тема, которая (наряду с либерализмом) всегда вызывает взрыв страстей. И кто только ни цитирует знаменитое: Сталин не остался в прошлом, он растворился в будущем. А какую «массовидную» ненависть вызывала робкая попытка десталинизации в годы медведевского президентства! – При этом настаиваю: без преодоления «Сталина», без десталинизации у нас нет дороги в историческое будущее. Мы всегда будем возвращаться.

Русский XX век в историко-культурном контексте. Зачем десталинизация?

Действительно, зачем? Сталин, его сатрапы, его жертвы, его современники давным-давно умерли. И, как справедливо указывают авторы газеты «Завтра», не Сталин виноват в безобразиях русской жизни последних двух десятилетий. Виноваты, конечно, мы сами.

И все-таки десталинизация нужна. Если пользоваться большевистско-советскими штампами, то сталинизм есть высшая стадия ленинизма – как империализм капитализма или коммунизм социализма. Высшая стадия в том смысле, что именно в ней в совершенном виде реализуется то, что в первоначальных формах находилось в зародыше, интенции, лишь складывалось.

Что же такое аккумулировал в себе сталинизм (попутно замечу, десталинизация – это, в первую очередь, против сталинизма, а не против Сталина, поскольку Сталин не исчерпывает собою феномена сталинизма)?

1. **Ненависть**, или, как политкорректно говорят сегодня, протестный потенциал. Кого? – Да всех – всех народов, населявших Российскую империю, всех социальных сословий и групп, всех конфессий и т.д. Примеры: ненависть крестьянина к барину, еврея-иудея к статус-кво, рабочего – к фабриканту, буржуазии – к царской бюрократии, староверов – к синодальному православию, культурных черносотенцев – к высоким формам культуры и т.д.

2. **Утопический тип сознания**. Имеются в виду очень прочные в сознании как верхушечных культурных слоев, так и многомиллионных масс простонародья представления о возможности невозможного. Были бедными – станем богатыми, были в рабстве деспотизма – станем свободными, были в мировой системе отсталыми – станем первыми, старый мир разрушим до основания – и тут же на его руинах построим новый прекрасный мир, всех умерших воскресим (физически).

3. **Отказ от всех фундаментальных ценностей человеческой истории**, мировой цивилизации – религии, права, собственности, семьи, государства и т.д.

4. **Альтернативное христианскому пониманию природы и назначения человека**. Отсюда новая мораль, снимающая с человека личную ответственность за содеянное и предполагающая обязательную презумпцию виновности другого (индивида, социального класса, этноса).

5. **Понимание истории и социальных отношений как исключительной борьбы** – неважно даже каких сил. Борьба – отец всего, – любят цитировать Гераклита сторонники сталинизма. Это означает доведение всякого конфликта, всякого противоречия до конца. Иначе говоря, господство принципа «или–или». И в этом смысле отказ от культуры как «кизо-

бретения» человечества для осуществления принципа «и–и» и улаживания конфликтов и противоречий на основе компромисса и в морально-правовых рамках.

6. **Элементаризация или упрощение культурно-социальной действительности**, что предполагает выбор в пользу наиболее примитивных форм решения конфликтов и кризисов, наиболее примитивных ответов на вызовы, которые предлагает современность.

7. ...

8. ... (пусть дополняют другие авторы)

Все это, повторим, соединилось и воплотилось в феномене, который получил название «сталинизм». Можно сказать несколько иначе: это российский вариант агрегации всех этих «элементов». Разумеется, сталинизм в реальных исторических условиях переживал различные фазы своего бытования. То есть он не был в каждый данный момент равным самому себе на все 100%. Но по сути своей он был именно таковым. Сталинизм стал формой превращения сложной и весьма внутренне противоречивой структуры дореволюционного российского общества в общество нового образца.

Основной трагедией русского культурно-исторического типа в XX столетии явилось то, что сталинизм перекрыл все иные альтернативные возможности перехода России к массовому обществу. В начале XX в. Россия состояла из нескольких принципиально разных субкультур, которые особым образом и с неодинаковой скоростью искали пути и формы приспособления к этому типу социума (в социально-ключевых регионах мира он уже существовал). Сталинизм навязал себя России как способ перехода к массовому обществу.

Можно сформулировать по-другому: в России был избран этот путь в современность. Я не случайно говорю «в России», а не «Россией», поскольку не вся Россия и не все в России поддержали этот выбор. Соответственно, в ходе сталинизации России был сформирован новый тип человека, которому был присущ весь набор элементов, составивших феномен сталинизма.

Сталинизм в своем пределе и есть создание такого человека. Именно такой тип культуры, социальности и человека Россия представила миру в середине XX столетия. Именно они существуют и сегодня и являются доминантными. И как всегда в России, в отличие от Европы, где форма есть реализация содержания, у нас – операция по его прикрытию. И формы адекватны содержанию именно в этом смысле.

Что это означает на практике? Для того, чтобы войти в современный мир и занять в нем свое достойное место, Россия должна начать процесс постепенного, неуклонного, безотлагательного освобождения от ядовитых эссенций сталинизма. Необходимо отказаться от сталинской псевдомодернизации и найти в себе силы, доступные формы для подлинной модер-

низации, а на самом деле – нравственно-культурного восстановления (не в смысле реставрации) нормальных ценностных основ, процедур, институтов. Нормальных – в смысле органичных ее истории, апробированных развитием других стран. Возможно, придется созидать и нечто новое, ранее не бывшее.

Но для этого необходимо, чтобы общество, и прежде всего его мыслящие и ответственные группы, осознало экзистенциальную необходимость освобождения от сталинизма и экзистенциальную же опасность его удерживания. Задача сложная, но решаемая. В 1941–1942 гг. русский народ спас Россию, в 1956 г. – прекратил сталинизм в его наиболее оголтелой форме, в 1960–1970-е годы в рамках советчины создал основы гражданского общества, в конце 1980-х – начале 1990-х нашел в себе мужество и умение отказаться от многих краеугольных устоев сталинизма.

Вместе с тем не следует недооценивать объективную сложность изживания сталинизма. У человечества пока нет опыта **внутреннего** преодоления тоталитаризма (есть, конечно, пример стран Центрально-Восточной Европы, но там тоталитарный строй был насильственно насажден СССР, а освобождение совпало с «возвращением» в Европу, вступлением в ЕС и НАТО). Что же касается нашей самоэмансипации, то она хоть и является предметом гордости, но таит в себе ряд весьма опасных («субстанций»). Так, XX съезд КПСС («русский Нюрнберг») покончил с массовым террором, однако сохранил тоталитарные институты и процедуры. Революция конца 80-х – начала 90-х смела институты, но дух коммунистического порядка не испарился. Он пронизывает ткань общества, он в нашем поведении, инстинктах, повадках. Ведь декоммунизации, десоветизации так и не случилось... (впрочем, об этом мы уже говорили).

О новом русском либерализме (а также консерватизме и о том, в чем особенно нуждается наша страна)

Итак, еще раз: некий российский политический аналитик недавно заметил: в нашем обществе есть две темы, которые, коснись их, мгновенно вызывают взрыв страстей. Это – Сталин и либерализм (либералы). Видимо, в двух этих словах зашифрован современный русский выбор. Мы вновь на перепутье. И дороги, судя по всему, – две. А не три, как в детских сказках; помните: направо пойдешь, налево пойдешь, прямо пойдешь... (как-то в 85-м гулял с годовалым сыном в Ботаническом саду, прибрели к большому камню, на нем три стрелки в разные стороны, под каждой надпись: «Ленин – жил», «Ленин – жив», «Ленин будет жить»; и, соответственно, три расходящиеся дорожки. Согласимся, сегодняшний выбор побогаче. Хотя путей два). Думаю, между «Сталин» и «либерализм» не проскочить. Третий, «центристский», курс России начала XXI в.

заказан. А вот ровно столетие назад был возможен. Тогда было «три России» – черносотенная, леворадикальная и новая (современная, русско-европейская, просвещенная, созидательная и созидающая, трезвая, реформистски-энергичная etc.). Это о ней спустя десятилетия мечтал и сожалел А.И. Солженицын. Нам же в удел досталось «две» России. И в этом главная историческая заслуга «чудесного грузина» (Ильич о Кобе). Ему удалось совершенно органично соединить в непротиворечивое целое безумие и безответственность левых радикалов с самодовольно-тупым «мочиловым» погромщиком. Сделать это было непросто, но «горийский орел» (Б. Окуджава) понял главное, конститутивное в этих ранее враждовавших боевых отрядах: ненависть, насилие, ксенофобия, примитивизация социального, самовлюбленность и т.п.

И потому – по крайней мере сегодня – мы лишены нормального «троичного» выбора. Это – прошу обратить внимание – один из наиболее печальных и негативных результатов большевистского эксперимента. Структурно мы вернулись к эпохе раскола русской культуры на две враждебных субкультуры (после Петра I). В ходе социальной эволюции, особенно вследствие «великих реформ» Александра II, мы получили троичную систему. К сожалению, в феврале Семнадцатого новая Россия, рожденная в ходе преодоления культурного раскола, внезапно, неожиданно и, по моему мнению, немотивированно покончила жизнь самоубийством (в этой работе эта тема обсуждаться не будет).

Итак, Сталин и (или) либерализм. «Сталин – сегодня» – это современное красно-белое черносотенство, это сплав советизма, русского национал-социализма, мифологически-утопического сознания, геополитических и конспирологических патологий, дуального типа мышления («мы-они»), абсолютного отказа от религиозного восприятия мира (зло в других, но не во мне) с переходом на позиции «сверхчеловека-мессии» и русской «сверхцивилизации-мессии» (здесь встречаются отечественный «космизм», евразийство и вселенский большевистский проект). Ну и многое другое, о чем говорить не станем, поскольку и эта тема не есть главная забота нашего текста.

В центре моего внимания – либерализм, точнее – новый русский либерализм. И как социальное мировоззрение, и как общественное движение. Но почему «новый» и почему «русский»? – Вот и давайте поговорим – «почему». ... Да, но мы ведь еще ничего не сказали о либерализме. И действительно ли он единственная альтернатива «Сталину», и что такое он сам по себе? Предлагаю не делать этого здесь: либерализм «раскроется» в ходе обсуждения.

Сейчас же хочу обратить внимание на ситуацию, относительно недавно возникшую в интеллектуальных дискуссиях и перекочевавшую в средства массовой информации. Суть ее в следующем: идет злобное руга-

тельство либерализма и либералов и одновременно осуществляется наглая операция по присвоению себе титула «русских консерваторов-патриотов». В целом это одно действие одних и тех же людей. Сторонники «Сталина» в мировоззренческой дискуссии (которую они хотят превратить в бойню) настаивают на принципиальном, коренном различии либерализма и консерватизма. И если первый для них «продажная девка» Запада и символ национальной измены, более того – метафизическое зло, то второй – безусловное добро, на все времена имманентное русской психике.

Но это **абсолютно** не так. Либерализм и консерватизм выросли из одного корня. Это не антиподы, а суть две разные стратегии, направленные к одной цели – устроению человека и общества. Подчеркнем и повторим (это центральный тезис): две разные возможности реализации одной задачи. Поэтому ни исторического, ни субстанциального права на наследие русского консерватизма современные погромно-националистические силы не имеют. (Как в свое время нацистские идеологи не обладали прерогативой по отношению, скажем, к Фихте и романтикам. Апелляция к ним была наглой фальшивкой.) По сути наши новые «консерваторы» прикрывают свою злобную агрессивность и человеконенавистничество плащом классического русского консерватизма. И потому этот плащ следует с них сорвать.

Еще одно: нынешние сталинопочклонники эксплуатируют важнейшую «интуицию» традиционного консерватизма – пессимистическое видение природы человека. Но у него, как это хорошо известно, оно шло от христианской антропологии, от учения о «первородном грехе» (врожденной греховности человека; либерализм, напротив, гораздо более оптимистичен в этом ключевом вопросе). Как бы мы по-разному ни относились к центральному для христианства положению, оно, если угодно, преодолевается, снимается (в смысле: *aufheben*) фигурой самого Христа и следованием за ним (*die Nachfolge*). У современных русских квазиконсерваторов не «пессимизм» по отношению к человеку, но – ненависть, питаемая дымом Аушвица и льдом Воркуты. Мы должны **это** иметь в виду. Сегодня тема «русский либерализм – русский консерватизм» – это тема ближайшей судьбы нашей родины.

...А теперь снизим уровень пафосности (увы, без нее было трудно обойтись в зачине раздела). Поговорим – вынужденно коротко – о русском либерализме-консерватизме, его особенностях, достоинствах, слабостях, о его возможностях в наши дни.

* * *

С очевидностью мы видим либерализм и консерватизм во Франции начала XIX в. Эти слова впервые произносят, соответственно, Б. Констан и Ф. Шатобриан (тогда же появляется социализм – Сен-Симон, Фурье).

Конечно, это «ответы» на политическую революцию во Франции (включая «наполеонство») и промышленную в Англии. Они изменили мир. С них начинается Modernity. Правда, еще в XVIII в. в соперничестве вигов и тори мы можем обнаружить начатки либерального и консервативного миро-созерцаний. Или в философии эпохи Просвещения, или в учении Канта – основы либеральной **идеологии** (кстати, это – идеологии; **идеология** появляется тогда же; все это слом старого христианского мира и мифа; на Западе ранее спорили в рамках христианства или с ним, теперь **вне его**; хотя оно и «включается» в эти споры как одна из сторон). Или у Локка и Бёрка – основы консервативно-либерального подхода.

Россия узнает о либерализме и консерватизме (и о социализме) где-то в 30-е годы XIX в. Здесь следует иметь в виду следующее. Русская политическая мысль практически во всех ее изводах, направлениях формировалась после «инъекции» различных западных влияний. Сначала влияние-заимствование-освоение, затем переработка и, как результат, нечто свое, оригинальное, во многом несхожее с европейским «образцом».

К тому же, скажем еще раз, мы должны помнить: какой-то «абсолютной» разделительной линии между либерализмом и консерватизмом нет. Пример: в блестящей «Истории русского либерализма» В. Леонтовича нашлось место и М.М. Сперанскому, и Н.М. Карамзину. Хотя у последнего репутация отца-основателя русского консерватизма. А в нем было и то, и другое, что порождало неповторимый склад мысли. Или П.Б. Струве, которого Н.А. Бердяев называл (я полностью согласен) лучшим политическим мыслителем России начала XX в., а о. С. Булгаков (мы уже говорили об этом – для запоминания) при отпевании в храме Св. блгв. кн. Александра Невского на рю Дарю в Париже – «крестоносцем русской свободы», кто он? Либерал, консерватор? И то и другое. Плюс марксист, просвещенный националист, «государственник» и т.д. Или один из отцов-основателей русского либерализма К.Д. Кавелин? Казалось бы, классический либерал, гуманист 40-х годов, а в конце жизни создал концепцию самодержавной республики, во главе которой стоит неограниченный монарх, опирающийся на систему крестьянских общин и узаконивший запрет частной собственности. С отказом от парламентаризма, конституционализма, «партийности».

Поверхностно и мнение, что либералы были оппозиционерами, а консерваторы защитниками статус-кво. Вновь пример Сперанского и Карамзина. Михаил Михайлович свои либеральные реформы пытался делать руками императора, будучи его «первым министром». А Николай Михайлович критиковал «либеральную» политику Александра I с консервативных позиций. То есть наличное «либеральное» самодержавие отвергалось во имя и от имени аутентичного, идеального, «нелиберального». Иначе говоря, Карамзин находился в оппозиции. Причем сетовал Сперанскому

на то, что его реформы могут разрушить исторически складывавшееся «гражданское общество». Хотя известно, что защита «civil society» есть прерогатива либералов. Сперанский же при Николае I составил Свод законов империи. И у него прочная репутация законника, что тоже имманентное «качество» либерализма. Но этот его Свод «заморозил» Россию в законах самодержавно-крепостнического порядка. А принадлежащий перу Михаила Михайловича проект конституции – это дальний предок нынешней с ее «самодержавным президентством».

Схожая «история» со славянофилами и западниками. Первые-де тянули в старину (азиатчину, татарщину), были ретроgrадами, а вторые – европейцы, борцы с деспотическим абсолютизмом. Нет, в славянофильстве мы можем обнаружить сильное либеральное начало, последовательную по отношению к постпетровскому самодержавию «гражданскую» («земля») оппозицию, вообще отрицание романовской полицейщины. Напротив, западники (не все, конечно, и далеко не во всем) нередко тянули к «государственничеству», апологии судильной власти и оправданию «объективности» наличного деспотического порядка.

Говоря о «либерализме-консерватизме», следует помнить об уникальной природе и исторической роли русской власти – о самодержавии. Оно, как известно, не без успеха, не без основания претендовало на то, чтобы быть **всем** (Павел: в России только тот что-то значит, с кем я разговариваю и пока я разговариваю; через двести лет Путин скажет: я здесь отвечаю за все), **субстанцией**; остальное и остальные – функции. А коли так, то оно было и консервативным, и либеральным (и репрессивным, и эмансипирующим, и крепостническим, и вольнодумническим, и революционным, и реакционным). Папа и Лютер в одном лице, единственный европеец и единственный (восточный, деспотичный) «азиат» и т.п. Самодержавие проявляло эти свои качества по мере необходимости (т.е. выгоды для себя). Причем и либеральные, и консервативные (и прочие) акции оно проводило с опорой на определенные силы в обществе. Власть всегда находила в нем единомышленников и поделщиков. Заметим также, что государство на Руси являлось и крупным мыслителем. Не случайно ведь теоретиками почти всех серьезных преобразований выступали чиновники.

Эта русская особость приводила к следующему. Поскольку власть была **всем**, то не существовало публичной политики как пространства, в котором развертывается конкуренция и сотрудничество различных **общественных** сил. В результате либералы и консерваторы сталкивались **внутри** государства. Все помнят слова В.О. Ключевского: в России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений. Так, известный конфликт либерального Минфина и консервативного МВД (вторая половина XIX в.)

прочитывался как аналог соперничества британских вигов и тори. Но в том-то и дело, что у них шла пряха за власть, а у нас – внутри ее.

И еще одно: ни либералы, ни консерваторы (как, впрочем, ни революционеры, ни реакционеры и т.п.) не поняли эту **синтетическую** природу отечественного кратоса. Как правило, они видели в нем лишь одну сторону; здесь не очень-то и важно, **какую**. Поэтому они или уповали на власть, или объявляли ей смертный бой. Безусловно, в этом была коренная слабость русского «либерализма-консерватизма».

Продолжая эту тему, укажем и на органические, так сказать, естественные «недостатки» классического либерализма и консерватизма XIX–начала XX в. Причем речь идет не только о наших изводах, но и о западных. Либерал, стремясь к большей свободе, открытости, умножению возможностей человека, уводя от старых болезней, предрассудков, противоречий, ввергал его в круг новых проблем, неопределенностей, столкновений. Реформа решает одни проблемы и порождает другие (прав Ленин: реформа 1861 г. подготовила революцию 1905 г.). Консерватор, имея в виду эту «негативную диалектику», стремился не допустить новых, возможно, еще более острых конфликтов, сохранял статус-кво, загоня наличные противоречия вглубь. И тем самым готовил революционный взрыв. – Вот почему в XX столетии западные либерализм и консерватизм существенно изменились, во многом преодолев эти свои врожденные свойства.

Разумеется, трагедией русского либерализма стала Февральская революция. Поведение П.Н. Миллюкова в конце 1916 г. (выступление в Думе), операция с отречением и составлением правонерелевантного Манифеста об отречении (В.Д. Набоков, барон Б.Э. Нольде; в эмиграции они посыпали голову пеплом, но было поздно; кстати, все это прекрасно проанализировано П.Н. Новгородцевым), постепенный уход от власти; разочарование в содеянном (когда в середине 1917 г. Струве был задан вопрос, чему он так радовался в начале марта, тот сказал: «дурак был»). А ведь это было лучшее и практически наиболее подготовленное поколение русской либеральной интеллигенции. Травма оказалась крайне болезненной. Русское сознание еще не излечилось от нее. «Либерализм» в русском языке имеет скорее негативные, чем какие-либо иные коннотации.

Безусловно, для нас бесценен опыт эмигрантской России. Там продолжалась работа по формированию нового русского мирозерцания. На повестке дня стояла задача синтеза либерального, консервативного, социалистического и христианско-демократического начал. Такой социальной лабораторией стал журнал «Современные записки» (Париж, 1920–1940, 70 выпусков). Историческая ситуация (в России и на Западе) требовала от авторов быть либералами – против тоталитаризма, консерваторами – против тоталитаризма, социал-демократами–социалистами – против извращенных тоталитарных социализмов, христианами – против богоборче-

ских тоталитаризмов и т.д. Струве называл все это философией «серединь», новым аристотелианством.

Другой бесценный опыт – внутрисоветский. Это позиция правозащитников. Впервые в русской истории главными стали вопросы **правовые** и защиты прав человека. Так, право из ценности функциональной, операционной превращалось в ценность бытийственную, онтологическую. Произошла «революция сознания». Не идеи справедливости и равенства, а значимость права как единственного и обязательного регулятора жизни стала в центре русской мысли. Можно сказать, что русское сознание окончательно вступило в Modernity.

Но что для нас сегодняшних исторические русские либерализм и консерватизм? Можем ли мы воспользоваться наработанным ими? – Думаю: лишь в **общекультурном смысле**. Впрочем, это касается не только нас, и в других странах так же. Мир стал иным. К тому же классический русский либерализм–консерватизм не знал в полной мере советского коммунизма и двадцатилетнего периода без него. Смысл же этого феномена (либерально-консервативного) в том, что он свидетельствует: русская культура – это очень сложный, «высококачественный продукт», мы не «третьесортная» интеллектуальная сила, мы – «можем». Одновременно его история это и некое нам послание, предупреждение. Старый русский либерализм–консерватизм, как это ни горько признавать, несет определенную долю вины за то, что мы провалились в XX в. Речь идет и о политической ответственности, и об **опасностях утопического сознания**, и о недостаточном знании собственной страны, и о вредности механистической рецепции чужих идей, и о высокомерном отказе от общечеловеческого опыта. Увы, все это было присуще этим замечательным людям.

Теперь мы должны сами выработать синтез современных либеральных, консервативных и социал-демократических идей. Для того, чтобы Россия вновь не разбилась в пух и прах. Б.Н. Чичерин различал три вида (типа) либерализмов – «уличный», «оппозиционный» и «охранительный». Первый он отождествлял с активными действиями «на улице», второй – с радикальным политическим поведением и критикой «правительства», третий – тот самый, «искромый», «спокойный», сочетающий движение вперед с мудрой ответственностью, с «консервацией» основ гражданского общества (синтез свободы и порядка). С легкой руки Бориса Николаевича приемлемым, желаемым признается только либерализм охранительный. – Но сегодня либерализм должен быть всех трех видов. Ему необходимо освоить улицу – **мирные** манифестации, митинги, другие формы «уличной» политики. Улицу нельзя отдавать радикалам, националистам, всяким «буйным». Либерализму необходимо быть массовым и «физически» заметным. Это пространство должно остаться за ним. Одновременно он обязан быть и оппозиционным. В том смысле, что он и есть оппозиция, ему

следует занять и это пространство. Власть осознает силу либерализма только тогда, когда он станет синонимом слова «оппозиция». Охранительство современного русского либерализма в том, что он постарается не дать ни самой власти, ни националистически-погромным силам свергнуть страну в новую кровь; именно на нем лежит обязанность сохранения (с определенным изменением) конституционно-правового порядка. Именно в этом и проявится его консервативная сущность. Больше «консервировать» нечего. Здесь синтез либерального и консервативного.

Мы нуждаемся в либерально-консервативной и одновременно социал-демократической программе. Она должна быть создана. И на ее основе – широкое гражданское движение. Подчеркиваю: речь идет о программе, но не о новой «идеологии» или некоей «идее» (либерально-консервативной, наподобие «русской»). Программа – это ясный, понятный, компактный документ, задача которого сплотить различные социальные группы с отличающимися ценностями, целями и т.д. Но все это люди **современной** (в смысле Modernity) России.

И здесь несколько слов о русской оппозиции. О «системной» мы, конечно, не говорим. С ней всем все ясно. Хотя отдельные ее представители могут – примеры налицо – меняться. Мы и не о «внесистемной», а просто об оппозиции (правда, сегодня в России «вне» и «просто» практически совпадают). С одной стороны, она у нас, безусловно, имеется. Доказательств в последний год (осень 2011 - осень 2012) представлено достаточно. С другой – все говорят (и справедливо) о ее слабой структурированности, отсутствии «настоящих» лидеров, не вполне ясной и четкой программе и т.п. – Что же может дать нам чаямую оппозицию, как структурировать ее, как точнее артикулировать требования, оформленные в понятную и актуальную программу?

Убежден: некая ключевая тема. Так всегда было в истории. У первых инакомыслящих – «соблюдайте свою конституцию» (советскую, другой тогда не «стояло»), у более поздних – права человека (правозащитники), у диссидентов-почвенников – вернуть Россию на пути органического развития, у инакомыслящих-социалистов – подлинный (с человеческим лицом и/или ленинский) социализм и т.д. Кстати, и у русского освободительного движения конца XIX – начала XX в. была тема, скреплявшая все остальные: долой самодержавие. И Февральская революция стала осуществлением этого долгожданного и выстраданного поколениями «долой» (как это ни покажется парадоксальным – сама историческая русская власть тоже поработала над этим «долой»; об этом читайте у Н.М. Коркунова: самодержавие самоограничивалось и «конституционализировалось»).

Ну, так какую тему мы можем предложить в качестве главной? – **Изменение Конституции**. Всего-то, скажут мне. Во-первых, все эти конституционные и вообще правовые штучки для русских не имеют существ-

венного значения. Мы-де нация не правовая и т.п. Во-вторых, она и так имеется в программе оппозиции. Да разве власть пойдет на это, а у нас пока еще сил недостаточно.

Однако речь не об этом. Кто же станет спорить с этими возражениями. – Но на что «натякаются» призывы к честным, нефальсифицируемым выборам, к изменению социальной политики государства, к отказу от все более репрессивной политической практики и «бассманного» правосудия? – На власть – полицейски-агрессивную, жесткую, претендующую на регулирование чуть ли не всех сфер жизни человека и общества. В общем – на власть **самодержавную**. – Что ж, тогда: долой самодержавие? Как и встарь (да, ведь и слышно уже это).

В том-то и дело, что: **нет**. Призыв к свержению (в жесткой или мягкой форме) царского самовластия имел хоть какой-то *raison d'être*, поскольку эта власть до 1906 г. имела сомнительную правовую природу, а в период 1906–1917 гг., хоть и обрела ее, но в полной мере ни царизм, ни общество не осознали этого (если бы «догадались», катастрофы не произошло бы). – Сегодняшнее самодержавие – президентское – на 100% имеет конституционную, т.е. правовую природу. Однако ведет себя по преимуществу как вотчинный царек пятисотлетней давности. Правда, используя современные политические, информационные и прочие технологии. – И тем не менее это – власть, повторим, конституционно-правовая. Потому – не «долой».

Тема правового изменения, конституционной трансформации должна быть поставлена в центр оппозиционной программы, быть ее «гвоздем». Власть необходимо «укротить», лишить ее тотальных потенциалов. Россия, чтобы вновь не опрокинуться навзничь, нуждается в переходе от монархической системы к полиархической (кстати, одним из вариантов является конституционная монархия, но нам еще до такой модели расти и расти). В этом историческое содержание современного русского «транзита».

Вторая тема: права человека. Это, напомним, наследие правозащитников, высочайшее достижение русского ума и мужества 60–70-х годов XX в. (разумеется, она связана с первой, более того, первична по отношению к ней, но с точки зрения политической рациональности и логики должна идти вторым номером).

Третья тема: правдивый анализ прошлого. В ФРГ на нем была построена вся денацификация (в широком смысле слова, не только правовая). Почему это так важно, даже неотвратимо? Современный режим, безусловно, имеет опору в широких массах (здесь не важно, что поддержки разных социальных групп, слоев разные – и по силе, и по мотивации). Важнейшей составляющей частью этой опоры является неадекватное представление о прошлом, которое с помощью СМИ внедряется (с успехом) в общественное сознание. Более того, режим находит свою легити-

мацию именно в этих представлениях. Следовательно, необходимо неправде противопоставить правду. Нужен убедительный, ясный, мужественный мессидж обществу. Практически это должно сопровождаться активной просвещенчески-воспитательной работой.

Четвертая тема: ясное самоопределение России в мире. Это внешнеполитическая тема, но и не только. У П.Б. Струве есть работа 1908 г. («Великая Россия»), в которой он весьма убедительно показывает, как внешняя политика государства определяет его внутреннюю политику. Это была, понятно, неожиданная позиция, врез с общепринятой. Но, конечно, Струве прав (это не отменяет правильности и общепринятой). – Заметим, как меняется наша внутренняя политика **вслед** за внешней. Так вот, мы должны определенно заявить: каков внешнеполитический вектор России. С какими цивилизациями нас объединяют ценностные основы, с кем нам стратегически выгодно союзничать? Думаю, ни у кого сомнений нет: при всех наших сложностях и особенностях это евроатлантическая ориентация. Пора заканчивать всякие игры с «восточничествами». Такой подход не отменяет элементов «Realpolitik», не настраивает нас против Китая, исламского мира и т.д. – Не менее существенной частью нашей ориентации является позиция по наследию СССР, СНГ и т.д. Что мы здесь хотим и можем? Главное – Украина.

В этой программе также должно быть сказано, что именно необходимо преодолеть. – П.Б. Струве гениально заметил: на Западе идея социализма – регулирование в условиях перепроизводства и совершенно несправедливой, по сути разрушающей основы общества системы распределения-потребления. На историческую сцену является социал-демократия, профсоюзы и кейнсианство. Они упорядочивают рынок, минимизируют его издержки, делают государство социальным, профсоюзы важнейшим субъектом политики etc. В то же время «недостатки» социализма купируются господством частной собственности, рыночной конкуренции, политической и экономической мощью капиталистического класса. Национализация и приватизация становятся двумя разными сторонами одной медали. Но не социальной альтернативой.

В Россию, говорил Струве, социализм пришел регулировать народное хозяйство в условиях дефицита. Это, кстати, весьма обычный для русской истории способ. Понятно, что черносотенец Сталин годился для этого дела больше, чем международные авантюристы Ленин, Троцкий, Зиновьев. Вообще для Русской Системы дефицит – норма, а не «слабость». Она может функционировать в условиях вынужденной «диеты». Накопление потребительского жирка усложняет жизнь Системы, поскольку за этим следуют: а) рост ожиданий (потребительских запросов), и как бы эти запросы ни удовлетворялись (хуже, лучше), они всегда превышают получаемое; аппетит приходит во время еды, тогда и начинают говорить о

дефиците; при Пахане помалкивали, там на кону была жизнь, а не живот; в **этом** смысле проще было; здесь корни сталинлюбия нынешней Популяции; б) усложнение всех сфер и отношений социальной жизни, появление новых общественных сил, интересов; запрос на информацию, изящные искусства, спорт, туризм, самодеятельность и самостоятельность; отсюда рукой подать до инакомыслия и инакоповедения; а по пятам за всем этим крадется «разврат»; недаром и Замятин, и Оруэлл «разлагали» тоталитаризм с помощью эротизма.

Гайдар-чубайсовский капитализм 90-х – это отказ от регулирования в условиях дефицита. Пусть само **все** образуется. На деле это оказалась «прикрытием», за которым последовало молниеносное обогащение кучки властителей и проходимцев. При этом на «дуван» кинулись не только «каждою толпой стоящие у трона», но и многомиллионные массы (не все конечно) бывшей «новой исторической общности». Им, правда, досталось немного либо вообще ничего. Однако здесь важна сама интенция – «сарынь на кичку».

Когда передел – в общих чертах – достиг определенного насыщения (заметим: русский социально-хозяйственный передел никогда не останавливается; это к нему удивительно подходит: «движение все, конечная цель ничто»; если когда-нибудь «конечная цель» станет реальностью, то закончится русская общественная реальность; останутся одни «реальные пацаны», а это при всей их завораживающей брутальности-вitalности мало-вато для социальной жизни), явился В.В. Путин. На смену толстому мальчику Тимуру (Егору) и его команде пришел ленинградский паренек с рабочей окраины («за фабричной заставой, где закаты в дыму, жил парнишка...») с отрядом чекистов-международников. Советская власть выучила и дала все, что могла, этим детям рабочих. И они остановили совершенно безответственный грабеж родины. Они приступили к делу ответственно. Путинская система – это комбинация регулирования и рынка в условиях дефицитарно-бездефицитарной экономики. То, что имеется в наличии (включая и наличку), подлежит регулированию. В смысле перераспределения в пользу регулировщиков. То, чего в наличии нет и что составляет дефицит, отдано, как и в 90-е, «рыночной стихии». Там ему место.

В высшей школе мое (и не только мое) поколение учили: социализм придет вслед капитализму, как его отрицание. И это так. Свидетельствую: я жил в обществе, которое отвергло капиталистический (демократически-рыночный) уклад в пользу социалистического гибрида тюрьмы, казармы и санатория. Но затем произошло неслыханное. Советский социализм породил в качестве высшей своей фазы не коммунизм (здесь Энгельс и Суслов ошиблись), а капитализм. Который вырос из социализма – психологически, нравственно, структурно, организационно etc. Более того, этот новый русский капитализм не утратил и своей социалистической субстанции. Еще

более того, путинский капитализм-социализм, подобно западному устройству, – медаль с двумя сторонами. И никакой социальной альтернативы капитализм и социализм в России начала XXI в. собой не представляют.

Одно отличие от Запада: там социал-демократический капитализм работает на большую часть общества (средний класс, «социальная плазма», по Р. Дарендорфу), здесь социалистический капитализм – на меньшую (верхи и их прислужников, «властная плазма», по моей терминологии). – Должен сказать: путинская модель устойчива и непротиворечива. – В свое время русская история нашла свою формулу в самодержавнокрепостничестве – общинно-передельном режиме. Самодержавный царизм закабалил население России, поместил его в формат общины, где шел перманентный передел земли. Это был эффективный способ процветания верхушки за счет народа, который с тех пор занялся делом, которое вскоре станет привычным, органическим – кормить дворян и отправлять передел. – Сегодня в России сложилось типологически сопоставимое. Самодержавное президентство «поместило» население в формат перманентного «рыночного» передела небольшой материальной субстанции в условиях денежного дефицита. Население вновь занято привычным делом. Та же его часть (все не нужны), которая необходима для обеспечения процветания «властной плазмы», мобилизуется ею и сносно оплачивается. Мы пришли или вернулись к знакомой диспозиции: самодержавие (бесконтрольная власть), опирающееся на передел. Или иначе: передел как основной социальный процесс и инстинкт, «обеспечиваемый» самодержавием. Подобно христианской Троице они единосущны, но не слиянны.

Таковы итоги русской политэкономии в начале десятых годов XXI в. И это-то мы должны преодолеть...

* * *

...Да, мы чуть не забыли объяснить, почему так странно названа работа – «...Апрель двенадцатого года». Это строчка из ахмадулинского «Снимка» (стихотворение перепечатано в поэтической подборке «Трудов...») настоящего выпуска). Мне всегда от этих «стишков» (как любил говаривать Иосиф Бродский) хотелось и радостно, и горько (одновременно) плакать. **Та** Россия, **моя** Россия (дореволюционная), казалось бы, на невиданном, неостановимом подъеме, но мы-то знаем, что «в терновом венце революции грядет шестнадцатый год». Оказалось Семнадцатый, какая разница. – И вот столетие спустя вновь «апрель двенадцатого года». Будущее неясно. Неужели опять «невиданные перемены, неслыханные мятежи»? Не знаю. Но на всякий случай, «людям добра» (по Льву Толстому) советую объединяться. Ведь зло, как всегда, наготове.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. – М.: Мысль, 1993. – 416 с.
2. Кульпин Э.С. Социально-экологический кризис XV века и становление русской цивилизации // Общественные науки и современность. – М., 1995. – № 1. – С. 88–98.
3. Кульпин Э.С., Петкевич К. Восточная Европа между двумя смутами: Феномен Великого княжества Литовского // Общественные науки и современность. – М., 2004. – № 2. – С. 80–94.
4. Сухова О.В. Десять мифов крестьянского сознания. – М.: РОССПЭН, 2008. – 678 с.

А.Г. АРБАТОВ

ПОЙДЕТ ЛИ РОССИЯ НА ЧЕТВЕРТЫЙ КРУГ?
(Наброски на тему прошлого и будущего
российского способа самореализации)

«Отбросьте амбиции – и обретете
твердую опору».

*Ли Цзе Сюй – сановник,
философ и литератор, наместник
императора Китая в провинции Гуандун
в середине XIX в.*

В настоящей статье автор ставит перед собой задачу ответить на два вопроса, имеющих не только историческую, но и актуальную политическую значимость. Первый: является ли авторитарная военная империя естественной и единственно возможной формой существования России, как утверждают сегодня многие сторонники великодержавной философии, или же окончательно она изжила себя и должна быть заменена другой? Второй вопрос: насколько внутренняя политика России влияет на внешнюю и, с другой стороны, как международная обстановка отражается на внутрисоссийских делах?

Оба вопроса неразрывно связаны, ибо в мире не так много стран, на историческое развитие которых наложили такой глубокий отпечаток геополитическое положение и воздействие извне. И сегодня российская внешняя политика – это не только и не столько способ отношений с другими странами, сколько поиск модели собственного экономического и политического развития. А перемены во внутренней жизни неизбежно скажутся на международном курсе.

Для ответа на эти вопросы обратимся не только к опыту последних 20 лет – нового времени в жизни России, но и заглянем в глубь ее истории. Автор осознает, что его исторические экскурсы весьма схематичны. Однако история интересует нас постольку, поскольку «задает» точки отсчета для рассмотрения современных процессов.

Особый имперский путь России

Нынешнее состояние России представляет собой невообразимую амальгаму. В ней есть новейшие признаки рыночной экономики, информационной революции, зарождения гражданского общества, присутствуют массовая мобильность, широкие зарубежные связи и атрибуты демократии, которых страна за всю свою историю никогда не знала. Наряду с этим происходит реставрация советской однопартийной системы и «новой номенклатуры», расширяется контроль органов безопасности, суда и правоохраны над внутренней политикой и общественной жизнью, наращивается военная мощь, идет «ползучая» реабилитация сталинизма. Возрождаются православно-имперская идеология, мифология и державная традиция царской России.

Одним словом, то ли рельеф традиционализма проступает сквозь «кисею» современной цивилизации, то ли развитие нового общественного уклада облекается в исконно российские покровы. В свете мощного всплеска общественной ностальгии по бывшему имперскому величию тема падения империи снова актуальна как никогда.

Становление, расцвет, упадок и крушение каждой из великих империй уникальны и неповторимы. Однако всех объединяет одна общая черта. Начиная с римского государственного деятеля и философа V–VI вв. Аниция Бозция, очевидцы падения своей державы считали, что в отличие от всех остальных она рухнула не в силу естественного хода истории, а из-за стечения обстоятельств, некомпетентности правителей, злого умысла, созревшего внутри и за рубежом. Распад собственной империи всегда воспринимался как невиданная катастрофа, тогда как конец любой другой – всего лишь как звено цепи сходных, объяснимых и закономерных исторических событий.

Такие взгляды преобладают и в сегодняшней России. Президент Владимир Путин несколько лет назад назвал распад СССР «величайшей геополитической трагедией XX века»; эту мысль поддержало большинство общества и политической элиты. Не касаясь существа этой весьма спорной оценки, заметим: она еще раз доказывает, что при всех особенностях советская империя была подвержена действию универсальных законов социально-экономической, военно-политической и морально-психологической цикличности. По существу она ничем не отличалась от своих многочисленных предшественниц, переживших подъем, расцвет, упадок и крах.

Нет сомнений: в некоторых важных отношениях царская Россия и ее продолжатель Советский Союз выделялись на фоне великих трансокеанских империй XIX–XX столетий. Великобритания и Франция, Испания и Португалия, Италия, Голландия, Бельгия и Германия строили свое процве-

тание на беспощадной эксплуатации заморских колоний и проводили жесткое разграничение между европейцами метрополии и порабощенными коренными народами.

Россия же всегда была империей не экономической, а военно-политической, приобретающей колонии не только и не столько для выкачивания их ресурсов, сколько для расширения периметра своей безопасности, а также для приумножения престижа и роли в окружающем мире. Российская (советская) правящая элита была открыта для знати из колониальных провинций, и эта поистине интернациональная номенклатура сообщила и жестоко эксплуатировала и подавляла всех подданных, использовала их как дешевую (хотя и малопроизводительную) рабочую силу и как пушечное мясо – все для поддержания своих власти, богатства и величия. С имперской нацией – этническими русскими – зачастую обходились даже более сурово, чем с другими народами.

Тем не менее Россия, а после нее Советский Союз были полноценными империями и имели сходство с континентальными военно-политическими империями прошлого: Османской, Австро-Венгерской и особенно Византийской. От них Москва больше всего позаимствовала в части имперской идеологии, государственного строительства, норм и традиций чиновных взаимоотношений и политического процесса в целом.

Коммунистическая идеология советского типа – по мере забывания от романтики раннего периода и перехода к строительству военно-промышленной империи – все более опиралась не на марксизм-ленинизм как теоретическое руководство к действию, а на упрощенную догму тотального государственного управления обществом, имперского расширения границ и мессианства, обернутую в ритуальные формы. Только такая идеология была способна цементировать единство множества народов, разбросанных по огромному пространству и находящихся на разных ступенях социального развития – от индустриального хозяйства до кочевого скотоводства.

Только она могла оправдать чудовищные преступления Сталина в ходе борьбы с «социально чуждыми», проведения коллективизации, индустриализации, массовых репрессий и депортаций народов в 1934–1953 гг., жертвами которых стали, по самым приблизительным подсчетам, 22–27 млн. человек (см.: 15). Лишь такая идеология могла обосновать «правильность» преступного сговора Сталина с Гитлером через Пакт 1939 г., избиение советского офицерского корпуса в 1937–1938 гг., преступную неподготовленность страны к ожидавшейся всеми войне и бездарное сталинское руководство военными действиями, особенно в 1941–1942 гг. Все это стоило советскому народу невероятных жертв, число которых до сих

пор оценивается с погрешностью в 10 млн. человек (от 27 млн. до 37 млн. погибших на фронтах и в тылу¹).

К сожалению, нынешнее поколение активных граждан и политиков зачастую не знают истории, равнодушны к ее урокам. Иначе трудно объяснить поиск «моральных скреп» в том времени, когда детей воспитывали на примерах отцеубийцы Павлика Морозова и ударников раскулачивания из «Поднятой целины». О какой коммунистической или христианской морали можно говорить, когда прах миллионов погибших в Отечественной войне оставался (и множество остается до сих пор – почти 70 лет спустя!) в безмянных братских могилах или вовсе не погребенным? Жизнь ни в чем не совпала с моральным кодексом строителей коммунизма, но многим запомнился мифический кодекс, а не реальность.

Еще одно отличие России/СССР от главных европейских империй состоит в том, что параллельно с авторитарным колониальным подавлением зависимых территорий в метрополиях (кроме авторитарной Португалии) существовала та или иная степень демократии. Потому их политический строй не рухнул даже после того, как они лишились своих колоний (конец 40-х – конец 60-х годов XX столетия).

Существование российской и еще в большей степени советской империй держалось на четырех системообразующих столпах.

Первый – огромный авторитарный или тоталитарный, пронизанный железной дисциплиной корпоративный чиновничий режим во главе с самовластным лидером, защищенный всеобъемлющим политическим сыском и подавлением инакомыслия.

Второй – централизованная и управляемая государством экономика (в СССР напрямую, в царской России – косвенно), работающая, прежде всего и в ущерб остальному, на укрепление власти бюрократического истеблишмента и наращивание военной мощи державы.

Третий – большая армия, содержание и оснащение которой непомерно перегружает экономические ресурсы страны и отвлекает средства от гражданской экономики и государственных функций обеспечения благосостояния народа.

И четвертый – мессианская идеология, призванная узаконить основы имперского могущества, оправдать великими идеями нищету и бесправие подданных, а также периодическую внешнюю экспансию.

Неотъемлемым элементом этой идеологии была одержимость вопросами безопасности, секретности, непрекращающейся борьбы против внешних и внутренних заговоров и угроз. Частично она основывалась на суровом историческом опыте постоянных нападений извне, но со време-

¹ Не кто иной, как маршал Д.Т. Язов обнаружил цифры потерь: почти 9 млн. на фронте и 27–28 млн. в тылу (см.: 17).

нем стала самодовлеющим условием существования режима. Необходимость поддержания и легитимации строя требовала постоянного расширения периметра границ, что истощало экономические и людские ресурсы. Навязчивая идея о внешних и внутренних врагах и угрозах превращалась в самореализующееся пророчество. Воинственная внешняя и репрессивная внутренняя политика и в самом деле порождала противодействие внутри империи и конфронтацию за ее рубежами.

Мессианство – важная особенность всех империй: Британская, Французская и другие страдали манией величия и оправдывали свои экспансионистские притязания цивилизационной миссией («бремя белого человека»). Гитлеровская Германия провозглашала Третий рейх высшей нордической расой. Италия во главе с Муссолини намеревалась возродить великую Римскую империю, а Япония силой оружия распространяла на Азию и Тихий океан зону «сопрощетания» под «благодетельной властью» микадо. Все эти империи распались под давлением движений деколонизации или были повержены в мировых войнах.

Советский Союз возглавлял «триумфальное шествие» социализма и национально-освободительного движения по планете, спонсировал «неуклонное изменение глобального соотношения сил в пользу мира и социализма», пока сам внезапно не распался. И российский имперский проект с давних пор включал в себя понятие особой «русской миссии». В ней присутствуют элементы, свойственные в той или иной степени любой колониальной идеологии – прежде всего убежденность в том, что метрополия распространяет цивилизацию на народы, менее развитые в социально-экономическом и техническом отношениях.

Но исторические корни «русской идеи/миссии» уходят и во внутри-русские проблемы: на протяжении столетий она была психологической защитой и опорой нации в тяжелейшей борьбе за выживание. В известном смысле эта идеология служила компенсацией за относительно низкий уровень жизни и отсутствие многих элементарных удобств, доступных народам Запада. Духовные искания и метафизические ценности питали интеллектуальный потенциал нации в условиях, когда реакционный правящий режим жестко ограничивал свободу политической деятельности или экономического предпринимательства.

Похоже, однако, что одна из тайн загадочной русской души состоит в склонности вновь и вновь наступать на одни и те же «грабли», никак не учась на собственных уроках и придумывая этому хождению по кругу всевозможные метафизические объяснения.

Со времен заката феодализма в конце XV и начале XVI в. экономическое развитие стран Европейского континента шло параллельно с расширением политических прав и гарантий безопасности, собственности и достоинства нарождавшегося класса городской промышленной и торговой

буржуазии – двигателя этого прогресса – в ущерб власти и привилегиям феодальной аристократии и духовенства. Как только в России начинался экономический рост, элита делала выбор в пользу мобилизации народа, геополитической экспансии, изнурительных военных кампаний. Это истощало ресурсы страны и в конце концов обрушивало политический режим и государство.

В Европе (и, наверное, во всем мире) не найти другой державы, которая в своей истории трижды повторила такой цикл. Вновь и вновь, не будучи способна наладить достойную жизнь внутри страны, элита обращалась в поисках объединяющей национальной идеи к великим имперским проектам, не желая понимать причины прежних катастроф и сваливая вину за них на «злоумышленников» (будь то Годунов, Лжедмитрий и польский Сигизмунд, или Распутин, Ленин и Троцкий, или же Горбачев с Яковлевым и Шеварднадзе).

Ведь крах государства и Смута в конце XVI и начале XVII в. объяснялись не только и не столько тем, что прервалась династия Рюриковичей из-за убийства Иваном Грозным своего сына Ивана, таинственной смерти царевича Дмитрия и слабоумия царского наследника Федора. Двести пятьдесят лет татаро-монгольского ига наложили глубокий отпечаток на генотип, быт и язык русского народа, но еще тяжелее было социально-политическое и морально-нравственное наследие. Всевластие и произвол Орды превратили все слои населения, включая князей, в бесправных холопов, которых пришлые варвары могли по своей прихоти лишить власти, собственности, семьи и жизни. На протяжении двух с половиной веков периодические вспышки сопротивления режиму подавлялись огнем и мечем, глубоко внедрив в сознание поработанного народа, что бороться бесполезно, таков данный свыше порядок вещей.

Возможно, если бы национальное освобождение от ига пришло с великой победой на поле Куликовом в 1380 г., то в рабской психологии наступил бы перелом и дальнейшая история Руси сложилась бы иначе. Но стереотип подчинения был еще глубже вколот в сознание русских, когда всего через два года после триумфа Дмитрия Донского последовала карательная экспедиция хана Тохтамыша. Героический князь бежал из Москвы, бросив на повальное избиение ее жителей, и гнет был восстановлен еще на сто лет, пока Орда сама собой не пришла в упадок. Закончилось иго не блестящей освободительной войной, а курьезным стоянием двух армий на реке Угре, после чего обе просто разбежались в разные стороны.

Получив так легко суверенитет и полную власть над страной, правящая верхушка не стала менять сложившийся за века политический и морально-нравственный уклад. Освободившиеся от ярма рабы, как правило, не устраняют рабство, а воссоздают его как оптимальный способ правления, заняв место прежних властителей. Так и русская феодальная аристо-

кратия с готовностью заняла нишу Орды, а царь Иван III – место Великого хана, все подданные которого, от боярина до смерда, были суть его холопы. Его преемники, и более всех Иван IV Грозный, возвели этот порядок в абсолютизм (что он выразил в письме перебежавшему к полякам князю Андрею Курбскому: «Своих холопей мы вольны жаловать и казнить»). Взятая Орда была создана опричиною, рабски подвластная царю и так же, как монгольские завоеватели, стоявшая над законом и чинившая произвол в отношении остального народа – земщины (подробнее см.: 13, с. 34–36).

Еще два важных события по существу совпали с «уходом» ига. В 1453 г. под ударами Османской экспансии окончательно пали Константинополь и православная Византийская империя. Незадолго до этого, в 1448 г., Московская церковь самочинно провозгласила автокефалию (независимость) от своей ослабевшей матери – Константинопольской церкви, после чего Москва приняла на себя роль знаменосца православной веры (как писал старец-монах Филофей царю Василию III, «два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти»). По византийской традиции русская церковь подчинилась государственной власти. Это было тем более объяснимо, что церковь сыграла немалую роль в сохранении русской идентичности и объединении славян в условиях монгольского ига.

Слияние церкви и государства имело важнейшие последствия (см.: 7, с. 212–213). Во-первых, исчезло средневековое «разделение властей», коим в Европе было многовековое соперничество папского Рима и императоров Священной Римской империи, духовной и светской властей. Это противостояние обеспечивало относительно свободное пространство для развития городов, производства и торговли, науки и искусства, формирования третьего сословия – буржуазии, которая впоследствии бросила вызов папству и монархиям Европы. Во-вторых, Россия отгородилась от христианского Запада, как раз вступавшего в эпоху Возрождения, и законсервировала свою отсталость в экономике, науке, искусстве и философии. В-третьих, это объединение сделало светскую власть на Руси сакральной – правящей не на основе закона, социального договора или традиции, а по благословению православной веры, т.е. стоящей над законом и чаяниями подданных.

В Европе с момента коронации Карла I в 800 г. монархи тоже получали благословение церкви и правили именем Бога. Но верховенство оставалось у духовной власти, что выразил папа Григорий VII: «Ясно, что церковь должна быть свободной от государства. Более того – папа выше царей земных... Папа, никому не подсудный, может низлагать императоров и требует от государей целования его ноги» (цит. по: 12, с. 210). И он утвердил это положение, добившись униженного покаяния императора Священной Римской империи Генриха IV в Каноссе (1077 г.).

Конечно, верховенство католической церкви над светской властью утверждалось в Европе с переменным успехом, а в XV–XVI вв. монополию католического Рима и вовсе расколола Реформация. Но на Руси духовная власть была всецело подчинена монарху, и те, кто ставил это под сомнение – как митрополит московский Филипп II, перечивший Ивану Грозному, или через сто лет патриарх Никон, воспротивившийся царю Алексею Михайловичу, – заплатились за это свободой и жизнью. Такой власти было недостаточно объединения русских земель и развития хозяйства и торговли; она реализовывалась в грандиозных мобилизационных проектах, во внешней экспансии.

Таким образом, в конце XV в. был заложен фундамент российской государственности: жесткое авторитарное правление, подчинение экономики целям политики и войны, репрессивная охранительная система, слияние государства с религией, мессианская идеология, имперская внешняя политика и милитаризм. Эти «несущие конструкции» на столетия вперед предопределили великие победы и катастрофические поражения России. Строительство военной империи, начавшись при Иване III, достигло пика при Петре I. С начала XVIII в. ее отличали европейский внешний блеск аристократии и армии и беспредельное азиатское рабство остального народа.

Первый цикл занял чуть больше ста лет: после освобождения от татаро-монгольского ига и принятия эстафеты православия от Византии – столетие имперского расширения. Страна была истощена военными походами на Казань и Астрахань и еще больше – беспросветной Ливонской войной. В целях мобилизации земель под рукой Кремля были уничтожены процветавшие центры средневековой демократии (как сейчас сказали бы, «зоны экономического роста») – Новгород и Псков. Боярская политическая элита была растерзана опричниной.

В результате нация, экономика и государство просто развалились. Свары уцелевших бояр и чехарда вокруг трона, крестьянские войны, появление нескольких Лжедмитриев и воцарение поляков в Кремле – это не причины Смутного времени, а последствия необоснованных имперских амбиций и безумной внутренней «мясорубки» правления Ивана IV (которого при жизни русский народ прозвал не Грозным, а Мучителем).

Этот же цикл с теми или иными вариациями и поправками на новые времена повторился в 1917 г. и снова повлек крах империи, а затем в третий раз – в 1991 г.

События 1991 г., катастрофа 1917 г. и даже правление Ивана Грозного остаются в сегодняшней России не только темой исторических дискуссий, но и, что весьма показательное, объектом пристального общественного внимания и политической борьбы. В современной Европе трудно представить себе ожесточенные политические споры вокруг перипетий

распада Австро-Венгерской империи в 1917 г. и тем более – по поводу событий Варфоломеевской ночи 1572 г.

Почему обрушился СССР?

По поводу второй российской трагедии, не вдаваясь в детали, отметим, что 1917 год был закономерным по существу, хотя и случайным по исторической форме. Следствием бурного роста капитализма в России в начале XX в., глубоких социальных перемен стало обострение политических противоречий. При этом незавершенные экономические реформы и ущербная демократия, дарованная царским Манифестом 1905 г., были не в состоянии спустить пар социального напряжения мирным путем. Как обычно, правящая элита – в отсутствие эффективных обратных связей общества и власти – совершенно не представляла себе истинного положения дел и втянула державу в мировую войну за передел имперских сфер влияния. И как всегда, тут же выяснилась неподготовленность отсталой крестьянской армии к войне машин 1914–1918 гг. Имперские амбиции монархии не позволили вывести страну из беспросветной бойни; крах империи стал делом времени и стечения обстоятельств.

Советский Союз, как и другие империи, пережил моменты великой славы. Несмотря на чудовищные жертвы, вопреки преступным ошибкам Сталина и его клеветов, их бесчеловечного отношения к людям (по сталинскому определению, «винтикам»), советский народ – офицеры и солдаты, рабочие и колхозники в тылу – одержали великую Победу, освободили Отечество и внесли решающий вклад в разгром фашизма во Второй мировой войне. Этого и не мог простить спасенный ими Сталин – он обрушил на народ новые удары репрессий, чтобы ни у кого не зародилось и тени сомнения в том, кому страна обязана Победой и кто в государстве хозяин. Соответствуя историческим традициям, образ вождя-победителя оказался вбит в народное сознание так глубоко, что имя Сталина до сих пор для многих является синонимом Победы, которая стала инструментом легитимизации советского режима, а с недавнего времени – и российского.

После разгула сталинской опричнины и массовых репрессий советская держава, как и другие империи в период расцвета, обеспечивала своим подданным высокую степень стабильности, безопасности и предсказуемости – пусть и в рамках жестких правил политического поведения. Помимо колоссальной военно-промышленной мощи был достигнут скромный, но доступный всему многонациональному населению уровень здравоохранения, образования, социальной защиты и обеспечения жильем (со строго регламентированными привилегиями для начальства). Невозможно отрицать огромные – по самым высоким мировым стандартам – достижения в культуре, науке и технике.

В отличие от большинства других империй, включая царскую Россию, СССР не был побежден или смертельно подрван в большой войне. Его распад не был связан и с изнурительными колониальными конфликтами, несмотря на трясину войны в Афганистане (1979–1989) и волнения в советских национальных республиках (1989–1991). Вопреки расхожему мнению Советский Союз не потерпел поражения в холодной войне. Многих вводит в заблуждение тот факт, что распад империи совпал по времени с завершением глобального военного и идеологического противостояния, но в истории далеко не всегда «после того» равнозначно «по причине того».

Советская империя создавалась и строилась для гонки вооружений, конфронтации и при необходимости для войны. Гонка вооружений сама по себе не была причиной распада империи¹. Ускорение гонки вооружений в начале 1980-х годов, включая программу Стратегической оборонной инициативы США, не нанесло окончательного удара по советской экономике. Советский «адекватный и асимметричный ответ» на военно-технический вызов президента США Рональда Рейгана в начале 80-х предполагал гигантские затраты, но с точки зрения обычного цикла крупных военных программ набрал бы полные обороты (и потребовал бы наибольших расходов) не раньше, чем в конце 1990-х годов. Горбачёвская разрядка началась на полтора десятилетия раньше, а оборонные программы, осуществлявшиеся на излете советской эры, были реализацией решений, принятых еще в 70-е годы прошлого столетия.

Причина экономического упадка в другом. Военная промышленность СССР являлась двигателем всего планового хозяйства, ядром общей экономической и техногенной системы. Однако эта система в силу своей собственной внутренней динамики к концу 80-х годов полностью утратила эффективность и привлекательность как локомотив гражданской экономики – на фоне роста запросов массового городского потребителя и в условиях расширения контактов с окружающим миром. В итоге экономика вошла в ступор – вместе со всем нагромождением политических и идеологических догм и мифов, подпиравших государственный строй и монопольную власть номенклатуры.

¹ Как показал дальнейший опыт, десятикратное сокращение расходов на гонку вооружений в 1990-е не привело к экономическому росту, а скорее усугубило проблемы, разрушив все отрасли экономики, непосредственно связанные с военным производством. Свободного перемещения капитала, труда и товаров в гражданские отрасли не произошло ввиду системного характера милитаризованной советской экономики, и эта система обвально деградировала, но не подверглась рациональному реформированию после 1992 г. Поэтому сейчас, в условиях огромного роста ассигнований на оборону, положение остается немногим лучше.

Технически и экономически СССР мог бы и дальше нести огромное бремя военных расходов, если бы общество понимало необходимость таких жертв. Но государство до основания разведало внутренняя эрозия. Несответствие между официальными идеологическими догматами и реальной жизнью стало вопиющим. Это порождало у подавляющей части населения апатию и разочарование, лишая режим социальной опоры и поддержки. Господствующий класс при сложившейся системе «естественного» отбора, за редкими исключениями, пополнялся кадрами, которые были поражены духом цинизма, карьеризма и стяжательства.

Крах был ускорен научной, технологической и информационной революцией, повлекшей экспоненциальное расширение контактов СССР в 1980-е годы с внешним миром. К концу 1980-х годов СССР имел более 30 тыс. ядерных боеголовок, 5 тыс. баллистических ракет, 60 тыс. танков и 300 подводных лодок, но, как образно подметил Григорий Явлинский, не смог выпустить ни одного портативного персонального компьютера. В наступившую эпоху сплошной компьютеризации жизни именно это, фигурально выражаясь, явилось символом поражения СССР в историческом споре между «реальным социализмом» и капитализмом.

Советский Союз – как государственно-политический строй и как империю – низвергло не внешнее давление, а глубокая разрядка международной напряженности и непоследовательные попытки внутренних реформ. Михаил Горбачев освободил Восточную Европу, чтобы поддержать политическое сотрудничество с Западом, а Борис Ельцин и российские демократы освободили советские республики, чтобы покончить с правлением КПСС и Горбачева. Демократическая Россия и была главной державой-победительницей в холодной войне, а не США и их союзники, которые оказывали ей лишь эпизодическую и вялую моральную поддержку.

Распад советской экономической и политической системы, а также связанной с ней идеологии предшествовал краху империи, а не наоборот. В этом заключается отличие СССР от Османской, Австро-Венгерской, Португальской и кайзеровской Германской империй. Нельзя провести параллель и с дезинтеграцией Британской, Французской, Голландской и Бельгийской империй, которая не привела к серьезным изменениям в экономическом или политическом строе метрополий.

Тем не менее внешняя политика сыграла в судьбе СССР (как и его предшественницы – царской России) огромную роль. В отношении Российской империи, как было отмечено выше, решающей каплей, переполнившей чашу, была мировая война. Даже наметившиеся к началу 1917 г. успехи на фронтах не могли изменить общую ситуацию. Страна была истощена двумя с половиной годами бессмысленной боины, не понимала ее цели, люди на фронтах и в тылу видели бездарность военного командования во главе с царем, всеобъемлющее казнокрадство и обогащение спеку-

лянтов на страданиях народа. Крушение империи в итоге поражения (или неспособности достичь победы) в большой войне не выходило за рамки исторического опыта. Вместе с Россией рухнули Германская, Австро-Венгерская и Османская империи. Специфика России в том, что она распалась, находясь в стане победителей, а не побежденных.

На момент своего зарождения в конце XV в. Российская империя при всей особости была более или менее естественным образованием. Авторитаризм, мессианство, милитаризм и империализм были свойственны всем крупным европейским государствам. Правда, и тогда в остальной Европе, где свирепствовала инквизиция и назревали страшные восстания и религиозные войны, не было такого рабства большинства населения и безраздельной власти монарха над аристократией и всеми подданными. Экономическая и политическая отсталость Руси, как результат 250 лет монгольского ига, имела огромное негативное значение, но тоже не являлась чем-то из ряда вон выходящим. От этого недуга страдали и другие европейские страны и регионы, побывавшие под гнетом восточных завоевателей: Балканы, Испания и Португалия, юг Италии.

Специфика России в том, что в 1917 г. на «обломках самовластья» власть захватили самые радикальные революционеры, свято верившие в заимствованную на Западе и превращенную в догму теорию и готовые на любые жертвы, чтобы воплотить ее в жизнь¹. В отличие от Российской империи Ивана III или Петра I Советское государство было изначально создано для того, чтобы не просто расширить владения, но разрушить другие государства на планете и завоевать весь мир, спонсируя мировую коммунистическую революцию.

Когда первый «кавалерийский наскок» в начале 20-х годов XX в. провалился, начался долгосрочный проект строительства военно-промышленной империи как антипода остальному миру и с целью его будущего завоевания под лозунгами марксизма-ленинизма. Этот проект продолжался при Сталине и Хрущеве (вспомним знаменитое обращение последнего к Западу одновременно со стуком ботинком по трибуне ООН: «Мы вас закопаем!»). Он стал изживать себя только в брежневские времена в силу естественного внутреннего дряхления коммунистического режима. Но основообразующие звенья государства продолжали работать по инерции, пусть в смягченном и цинично-имперском идеологическом облике.

Именно потому, что эти фундаментальные основы не изменились, СССР стал историческим прецедентом – рухнул в предельно благоприятных внешних условиях. Советская империя была построена как монолитный, наглухо закрытый бастион, находящийся в вечной осаде, и потому не

¹ Нельзя не отметить, что, например, в Германии после падения монархии образовалось вполне демократическое государство. Оно уступило место гитлеровскому нацизму лишь 16 лет спустя в условиях беспрецедентного мирового экономического кризиса.

обладала иммунитетом против широких контактов с внешней средой. Но такое существование не могло продолжаться вечно.

Ядерное оружие сыграло с державой злую шутку. Поначалу оно действительно сделало большую войну немислимой и обеспечило неприкосновенность границ СССР. Но кремлевские сидельцы слишком полагались на это оружие как на гарантию безопасности и глобального статуса и потому не поняли (да, наверное, и не были способны понять) жизненную важность адекватного приспособления страны и государства к динамичной научно-технической и информационной революции, бурным экономическим и социально-политическим переменам в мире, которые неуклонно размывали основы советской системы. В итоге бастион рухнул, как только осада (или социально-психологический «синдром осады») была снята. Конечно, современная Россия существенно, и во многом необратимо, отличается от Советского Союза. Но от уроков его краха не стоит отмахиваться нынешним руководителям страны – это касается и абсолютизации роли ядерного оружия как главной и чуть ли не единственной опоры безопасности и мирового статуса страны.

Распад империи Рюриковичей был для своего времени экстраординарным по масштабу хаоса, но не беспрецедентным. Национально-освободительная борьба Нидерландов против испанского владычества и гражданская война и революция в Англии, случившиеся примерно в тот же период, уступали русской Смуте по масштабам, но не по примерам кровавых злодеяний. А начавшаяся вскоре Тридцатилетняя война установила на тот момент общеевропейский «рекорд» по боевым и гражданским потерям, массовому мародерству и жертвам последовавшей эпидемии чумы. Правда, то была не внутренняя сумятица, а международная бойня, которой по праву стоило бы присвоить звание первой мировой войны (а наполеоновским войнам – второй).

Падение империи Романовых создало прецедент распада державы, находившейся в стане победителей в мировой войне.

Крах Советского Союза – уникальное историческое событие: крушение империи произошло безо всякой войны и, более того, – в максимально благоприятных международных условиях мира и сотрудничества.

Советский Союз и холодная война

Роль внешней политики в подъеме и крушении СССР была неоднозначной. Холодная война прошлого века достаточно отчетливо распадается на два характерных этапа примерно по 20 лет каждый: с конца 40-х до конца 60-х годов и с конца 60-х до конца 80-х годов. Первый этап явил биполярность в классическом виде со всеми ее политическими, военными и идеологическими последствиями. Ожесточенная борьба Востока и Запа-

да во главе с СССР и США на всех площадках глобальной арены идеально соответствовала официальным идеологическим догмам советской империи (борьба за мировую коммунистическую революцию с опорой на ее оплот – СССР), устройству Советского государства и мобилизационно-милитаристской экономики.

СССР вполне эффективно выполнял свое «генетически закодированное» предназначение и одержал немало политических и военнотехнических побед над Западом: закрепление за собой сфер имперского влияния в Восточной Европе, Азии (КНР, Индия, Северные Корея и Вьетнам, Индонезия, арабские страны Ближнего Востока), в Африке (Алжир, Гана, Танзания) и Латинской Америке (Куба), запуск первого спутника в 1957 г. Эта фаза конфронтации завершилась прямым противостоянием СССР и США во время Карибского кризиса 1962 г., после которого Москва вывела ракеты с Кубы, а Вашингтон пообещал на нее не нападать и стал постепенно склоняться к признанию за Советским Союзом военностратегического равенства.

Второй этап холодной войны уже носил отпечаток формирующейся полицентричности – прежде всего, из-за выделения Китая в самостоятельный центр силы и, как следствие, политического, идеологического и военного противостояния между КНР и СССР. Оно вылилось, в частности, в прямые вооруженные столкновения на границе в 1969 г. и поставило две державы на грань войны во время нападения Китая на Вьетнам в 1979 г. Не снижая конфронтации с НАТО в Европе, Советский Союз развернул на востоке мощную (полумиллионную) военную группировку и всерьез готовился к обычной и ядерной войне с КНР. Биполярность размывалась и из-за роста экономической силы и политической активности Западной Европы (вспомним «новую восточную политику» канцлера ФРГ Вилли Брандта) и развития Движения неприсоединения во главе с Индией и Югославией.

Именно поэтому второй этап холодной войны был более спокойным, кризисы не столь остры, как раньше, а в первой половине 70-х годов случилась даже разрядка напряженности между СССР и Западом. Впервые начались серьезные переговоры об ограничении и сокращении ядерных вооружений СССР и США¹ и обычных вооруженных сил ОВД–НАТО в Центральной Европе, в 1968 г. был заключен Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). При сохранении жесткого соперничества Москвы и Пекина в верности марксистско-ленинским догмам несколько

¹ Заключенный до того Договор о частичном запрещении ядерных испытаний от 1963 г. преследовал прежде всего экологические цели. Договоры о запрещении размещения оружия массового уничтожения в космосе и на небесных телах (1967) и о запрещении размещения оружия массового уничтожения на дне морей и океанов (1971) относились к военной деятельности, которую стороны едва ли планировали из-за ее сомнительной целесообразности.

остыл пыл идеологической борьбы между Востоком и Западом (советская доктрина «мирного сосуществования» в чем-то была созвучна западной концепции «конвергенции»).

Таковы были первые признаки динамики полицентричного мира, имевшего совершенно иные черты, чем биполярная структура международных отношений. Но престарелое советское руководство не могло понять эти перемены, рассуждало в биполярном ключе (как в игре с нулевой суммой), стремясь воспользоваться ослаблением США после поражения во Вьетнаме. А советники кремлевских долгожителей, за редким исключением, боялись усложнить их картину мира и вызвать нареkania за лоббизм. Разумное свертывание военно-политической сверхвовлеченности США в Азии и Европе в 1970-е годы в Кремле восприняли как «отступление мирового империализма». Рост силы и самостоятельности Западной Европы и Японии был понят как «обострение межимпериалистических противоречий». Взрыв национализма в Третьем мире приветствовался – как новое подкрепление авангарда социализма в антиимпериалистической борьбе.

Вообразая себя на гребне волны мирового «наступления сил социализма, мира и прогресса», Советский Союз во второй половине 1970-х и первой половине 1980-х годов предпринял беспрецедентную геополитическую и военно-стратегическую экспансию. В 1979 г. советские войска вторглись в Афганистан, поставив перед собой задачу построения социализма в отдельно взятой раннесредневековой исламской стране. Предлогом послужил бредовый прогноз Минобороны о подготовке США к оккупации Афганистана, в ответ предлагалось развернуть 50 советских дивизий (как на границе с КНР) для прикрытия южного рубежа Союза¹. На деле это была исторически хрестоматийная имперская авантюра в духе «маленькой победоносной войны», призванная придавить волной патриотизма и военными успехами недовольство социально-экономической ситуацией в стране. Но, как обычно бывает, «маленькая» афганская война оказалась кровавой трясинной, обошлась СССР в 60 тыс. убитых и раненых военнослужащих (афганские потери, включая мирное население, оцениваются в 1 млн. человек), повлекла затраты порядка 100 млрд. руб. и закончилась поражением, глубоко подорвавшим статус, престиж и моральное состояние одной из двух сверхдержав.

¹ По исторической иронии, 22 года спустя, в 2001 г., США действительно предприняли военную кампанию в Афганистане вместе с союзниками и при поддержке России – с целью подавления гнезда международного исламского экстремизма и терроризма, в который превратился Афганистан в итоге десятилетней войны СССР, его поражения и ухода, последовавшей гражданской войны и захвата власти исламскими экстремистами под флагом «Талибана». Но и кампания США, НАТО и ООН тоже не принесла успеха, а их намеренный уход из Афганистана в 2014 г. грозит новой дестабилизацией всей Южной и Центральной Азии.

Одновременно с афганской эпопеей разворачивалась советская военно-политическая экспансия в Африке (Сомали, Эфиопия, Ангола, Мозамбик), Азии (Вьетнам, Сирия, Аден) и Латинской Америке (Никарагуа). Масштабное наращивание военной мощи по всему диапазону вооруженных сил и вооружений еще больше усугубляло конфронтацию с окружающим миром. По классическим правилам полицентричного мироустройства (которые были невдомек полуграмотным кремлевским старцам) в противодействии Москве сплотились столь разнородные силы, как США, Китай, Западная Европа, Япония, Пакистан, режимы исламского фундаментализма и локальные клиенты Запада и Китая в Африке и Латинской Америке. В результате такой внешней политики – и наряду с внутренним хозяйственным упадком – экономическая мощь и политическое влияние СССР в мире были глубоко подорваны. На продолжение этого курса к середине 1980-х годов уже не было ресурсов.

Осознав губительность имперского курса, Михаил Горбачев решительно закончил холодную войну: вывел войска из Афганистана, сократил расточительную поддержку заморских клиентов, дал свободу Восточной Европе и начал вывод оттуда полумиллионного контингента советских войск, фактически выполнявших оккупационную роль. Под его руководством были заключены прорывные соглашения по разоружению.

Договор по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД), который свел до нуля ядерные системы двух классов, повлек уничтожение 1840 ракет СССР и 860 ракет США. Договор об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ) от 1990 г. обусловил сокращение до равных потолков тяжелых наступательных вооружений сил общего назначения Варшавского договора и НАТО, причем Восток должен был сократить до уровней паритета вчетверо больше вооружений, чем Запад (34 700 и 8700 единиц соответственно) (см.: 1, с. 12). В следующем 1991 г. был подписан Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), по которому СССР и США впервые сократили¹ свои межконтинентальные ядерные силы примерно на 25% по носителям и на 40–50% по боезарядам. Также в 1991 г. были объявлены параллельные односторонние (а не договорные) меры Москвы и Вашингтона о сокращении оперативно-тактических ядерных вооружений (дальностью до 500 км); этот класс ядерного оружия предполагалось сократить с двух сторон примерно в 8–10 раз (!).

Соглашения имели огромное политическое значение, хотя далеко не означали полного разоружения – у двух сверхдержав и их союзников оставались большие ядерные арсеналы и крупные силы общего назначения. Но, во-первых, обмен данными по договорам продемонстрировал лжи-

¹ До этого Договоры ОСВ-1 от 1972 г., ОСВ-2 от 1979 г. предполагали ограничение наращивания, но не фактическое сокращение ядерных вооружений.

вость многолетних кампаний советского военного истеблишмента на тему стремления Запада к превосходству и миролюбивой политике СССР. Практически по всем категориям вооружений выявилось значительное (подчас многократное) превосходство Советского Союза, что предполагало, соответственно, более масштабное сокращение его вооруженных сил и вооружений. Были продемонстрированы невежество советского политического руководства и бесконтрольность военного комплекса, расточительность и агрессивность военной политики. Во-вторых, договорно-правовые ограничения ядерных и обычных вооружений сняли политико-психологическую атмосферу военной угрозы, постоянной мобилизационной готовности для обороны от агрессии, нескончаемой военной конфронтации и гонки вооружений. После этого в СССР началось существенное, хотя зачастую спонтанное (из-за саботажа военных ведомств), сокращение и отвод вооруженных сил, снижение военных расходов и свертывание затратных и ненужных программ наращивания военной мощи.

Все это подрывало традиционные основы советской государственности – наряду с кризисом административно-командной экономики, растущим параличом партийно-хозяйственного аппарата и окончательной дискредитацией фальшивой официальной идеологии.

Совершив правильные и смелые шаги, покончив с холодной войной и наиболее одиозными пережитками сталинизма, Горбачев и его соратники не сумели и не успели построить взамен ни «социализм с человеческим лицом», ни справедливый миропорядок на основе «нового политического мышления». Глубоко прогнившая советская империя не выдержала второй (после начала 1970-х годов) внешней разрядки напряженности и второй (после конца 1950-х годов) внутренней «оттепели» и... стремительно распалась, имея все еще огромную военную мощь (4-миллионную армию и более 30 тыс. единиц ядерного оружия) и феноменально благоприятные внешние условия.

Цена распада

Россиянам еще предстоит по-настоящему осознать, что они живут в стране, кардинально отличающейся от Советского Союза, а его падение было вызвано не исторической случайностью, не заговором внутри или вовне и не просчетом руководства – оно было обусловлено объективным ходом событий. Поэтому восстановить СССР невозможно, но попытки сделать это вполне способны разрушить его правопреемницу – Россию.

С этой точки зрения приход к власти Михаила Горбачева, выдвижение Бориса Ельцина и провал августовского путча 1991 г. были лишь субъективными катализаторами глубинных и давно назревших перемен. Они определили формы, но не суть произошедшего.

Как бы ни был неизбежен крах советской империи, для миллионов людей это стало катастрофой – развал государства, утрата национальной идентичности, разлука с родственниками и друзьями, оказавшимися в ближнем зарубежье. В некоторых из бывших советских республик миллионы жителей внезапно оказались бесправными и беззащитными людьми второго сорта. Особенно шокирующим был воинствующий, порой оголтелый национализм, пришедший на смену интернационализму, на основе которого по преимуществу строились повседневные отношения между простыми людьми всех национальностей.

Это усугублялось тем, что при советской власти многие границы между республиками кроились и перекраивались совершенно произвольно, без учета этнических либо экономических связей. Сталин нередко преднамеренно проводил границы так, чтобы, посеяв семена межнациональных раздоров, «разделять и властвовать». Став вдруг государственными, эти границы превратились в силовые линии напряженности, территориальных претензий, националистических спекуляций и трансграничной преступности. Негативное отношение к распаду Советского Союза усиливалось вследствие того, что у многих отсутствовало ясное представление о его причинах. Обстоятельства краха империи совершенно не походили на другие исторические случаи. Да и в республиках СССР по-разному отнеслись к прекращению его существования.

Последующие события: экономический упадок (в России – прежде всего в результате необдуманной и разрушительной экономической реформы), социальные противоречия, разрушение традиционных связей и коммуникаций, нестабильность и кровавые конфликты в бывших советских республиках и в самой России – усиливали разочарование и смятение населения. Все это создало благоприятную почву для оживления русского национализма, создания искусственных моделей национальной идентичности или объединяющей идеи, возрождения традиционных, архаических представлений и ценностей в новых условиях.

Спору нет, распад советской империи был крайне болезненным процессом. Но правда и то, что какими бы тяжелыми ни были события 1991 г., они несравнимо менее разрушительны, чем Смутное время или ужасающий хаос Гражданской войны 1917–1923 гг. Конечно, другие времена – другие точки отсчета; СССР все-таки распался в конце XX в. Но если посмотреть на опыт других стран, то ссылка на новые времена не должна успокаивать.

Развал Югославии в те же годы обошелся ей в потери, по разным подсчетам, от 200 тыс. до 500 тыс. человек. Постсоветские конфликты (включая войну в Таджикистане, Азербайджане, Грузии, Молдавии, две кампании в Чечне и столкновения в Северной Осетии и Дагестане) в тот же период унесли около 250 тыс. жизней военнослужащих и мирных гражд-

дан. Но природа постсоветских конфликтов была иной, чем в Югославии. Они обусловлены поспешностью роспуска СССР, которому не предшествовали переговоры о постимперском устройстве, а также бездарной политикой российского руководства после 1991 г.

Если бы Москва попыталась силой воспрепятствовать обретению свободы народами СССР, масштаб катастрофы был бы совершенно иным. Первые грозные раскаты в Вильнюсе, Риге, Тбилиси, Фергане, Душанбе, Баку в 1989–1991 гг. неминуемо вылились бы в ураган сокрушительной силы, губительный для России и, вероятно, для остального мира – ведь в тот момент в республиках имелись многие тысячи единиц ядерного оружия. Но даже если, не учитывая ядерный фактор, спроецировать на масштаб СССР число жертв в югославских войнах, мы получим ужасающую картину: минимум 3–4 млн. убитых и десятки миллионов беженцев, не говоря уже о разрушении материальных ценностей.

Скорее всего, так и случилось бы, если бы путч августа 1991 г. удался. Добавим к этому последствия массовых репрессий внутри страны, коллапс экономики и внешнюю изоляцию. Такова цена имперских амбиций в современном мире, таков миновавший страну кошмар утерянной сверхдержавы, призрак которой маячит за стенами коммунистов и националистов.

Годы упущенных возможностей

Крах советской системы произошел, к счастью, без массовых побоев, революции и гражданской войны. Но одновременно предопределил длительное и противоречивое формирование нового общества и государства. В известном смысле идеологическое противоборство времен холодной войны переместилось внутрь России. Пролегает оно не по партийным линиям, не между правополиберальными реформаторами и левыми консерваторами. Схизма гораздо глубже и уходит истоками в два столетия российской истории, хотя 70 лет большевистского владычества, казалось бы, навсегда «закатали» этот раскол «в асфальт» катком репрессий и удушьющего идеологического единодушия.

Одна принципиальная позиция в этой борьбе постулирует принадлежность России, при всей специфике ее исторического пути, к европейской цивилизации и культуре, что расценивается как непреходящая ценность. Для выхода из порочной спирали угнетения и хаоса России необходимо усвоить главную европейскую идею: отношение к государству не как к святыне, а как к более или менее работоспособной организации чиновников и выборных лиц, нанятых на службу обществу и каждому гражданину. Это диктует приоритетное внимание к внутреннему развитию страны, к демократизации политической системы, гарантиям неприкосно-

венности материальной и интеллектуальной частной собственности. Этим же определяется стратегическая ориентация на углубление многопланового сотрудничества прежде всего с передовыми демократическими странами мира: Евросоюзом, США, Японией, что не только не исключает, но предполагает укрепление отношений с постсоветскими соседями России, развитие взаимовыгодных связей с Китаем, Индией и другими неевропейскими странами (кстати, Запад развивает такие отношения с Востоком гораздо лучше Российской Федерации).

Принципиально иной подход основан на предпосылке имманентного отторжения Россией европейских ценностей. Он апеллирует к философии фетишизации государства и его всевластия, предполагает максимальный государственный контроль над экономикой и политической жизнью, первоочередную роль силовых ведомств (и поддержание постоянного ощущения угрозы безопасности). Здесь главная гарантия державного процветания – мудрый («истинно национальный») лидер, не дающий воровать чиновникам и заставляющий их радеть о благе народа. В основе такого подхода – представление о непреодолимых идеологических и геополитических противоречиях России и Запада. Единственную возможность сохранения российской цивилизационной идентичности его сторонники видят в противостоянии США и их союзникам, изоляции народа от западного влияния (глобализации).

Но если отслоить вековую шелуху любомудрия адептов «особого пути» («особистов»), окажется, что все сводится к тому, чтобы народ по-прежнему оставался дешевой рабочей силой и «пушечным мясом», обеспечивая правящей элите богатство и реализацию экспансионистских амбиций.

1990-е годы были периодом острой борьбы этих двух подходов за выбор модели дальнейшего развития России, а не просто противостоянием реформаторов с противниками рыночной экономики (или, по иной версии, разграблением народного богатства «наймитами Запада» при противодействии «истинных патриотов»), как это обычно полагают. Тот кардинально важный для судеб России период был необычайно противоречив, и хотя о нем написаны библиотеки статей и книг, объективная оценка, видимо, будет дана не скоро.

Поэтому ограничимся замечаниями самого общего порядка. Если реформаторы, пришедшие к власти вместе с Ельциным в 1991–1992 гг., действительно желали построить в России эффективную рыночную экономику и политическую демократию (а некоторые из них, видимо, искренне к этому стремились), то они допустили как минимум три фундаментальные ошибки, которые впоследствии дорого обошлись стране.

Первая ошибка: реформаторы решили создать рыночную экономику как можно быстрее и любой ценой, надеясь, что на этом экономическом

базисе все как-то само собой образуется и в экономике, и в политике. Отсюда «шоковая терапия» и «обвальная приватизация» (разовый отпуск цен, ваучерная приватизация, залоговые аукционы и пр.), которые привели к стремительному обнищанию большинства населения, вызвали взрыв общественного возмущения реформами и принесли оглушительную победу на выборах в Думу в 1993 г. (кстати, самых честных в современной истории страны) коммунистам и националистам.

Конечно, тезис о «разграблении народного достояния» — это обычное большевистское лукавство. При советской власти народу ничего не принадлежало, кроме жалких крох личной собственности, а всеми ресурсами и активами де-факто коллективно владела коммунистическая партийно-хозяйственная номенклатура в центре и на местах. В результате приватизации 1990-х годов эта коллективная собственность трансформировалась в индивидуальную и групповую собственность представителей третьего и четвертого эшелонов советской номенклатуры, выходцев из силовых ведомств, промышленного и сельского директорских корпусов, ловких молодых неоразночинцев (не обремененных профессиональными достижениями и обязательствами) и откровенно криминальных авторитетов. Это предопределило крайне неэффективный характер новой частной собственности; перекос экономики в сторону быстро окупающихся сырьевых отраслей, торговли, сервиса и спекулятивного банковского бизнеса; распродажу передовых технологических активов и разрушение интеллектуальных и трудовых коллективов.

Не менее важно, что новый российский капитализм оказался изначально изуродован родимыми пятнами разбойной приватизации и схемами обхода сумбурной налоговой системы 90-х годов. Это впоследствии сделало его абсолютно уязвимым для уголовного преследования и зависимым от государства, когда последнее оправилось от неразберихи и рьяно вторглось в бизнес через коррупционные каналы. В этом, кстати, существенное отличие российского капитализма от его европейского (и американского) предшественника. Тот капитализм хотя зачастую и создавался «баронами-разбойниками», но формировался за счет не расхищения государственных активов, а возникновения новых производств, торговли, распродажи феодальной собственности и развала старой системы социально-экономических отношений. На этой базе в течение нескольких столетий сложились новая правовая система и государственно-политическая надстройка.

Вторая ошибка реформаторов 1990-х годов заключалась в том, что, сделав в начале десятилетия огромный шаг вперед в создании демократического государства, плюрализма и всех гражданских свобод, они подстраховались и заложили в Конституцию 1993 г. и государственно-правовую систему мощный авторитарный механизм. Институт президент-

ства поставили над системой разделения властей, процедуру импичмента превратили в профанацию, запутали отношения законодательной и исполнительной властей и способ формирования кабинета министров, лишили законодательную власть контрольных функций, вывели органы выборов и судебную систему из-под контроля парламентов и пр.

Таким образом, реформаторы, среди которых преобладали экономисты, а не историки, философы или политологи, совершили классическую, но фатальную ошибку: сформировали государственную систему под конкретных людей (под Бориса Ельцина и себя самих) и под конъюнктурные задачи проведения любой ценой своей экономической реформы. Они не приняли во внимание те очевидные обстоятельства, что человек слаб, и характер личности может деградировать, особенно под влиянием огромной власти и богатства; одних людей на государственных постах сменят другие, которые используют служебные полномочия в иных политических целях.

Это было неизбежно, особенно если учесть российские традиции, переходный характер экономики и политической системы в 90-е годы. Довольно быстро, уже к середине десятилетия, изменился и сам Борис Ельцин, и состав руководящего эшелона и его советников. А государство из проводника реформы и демократии стало защитником интересов новой постсоветской номенклатуры, возникшей на основе приватизации и финансовой политики 90-х годов за счет и в ущерб реформе и демократии. Избавленное от контроля общества государство погрязло в коррупции и тесно переплелось (в том числе своими правоохранительными и судебными органами) с криминальным миром.

По сравнению с отцами-основателями американского государства, жившими на 200 лет раньше, российские реформаторы оказались профессионально непригодны. Американцы поставили во главу угла государственно-правовые гарантии от человеческих слабостей и пороков (систему сдержек и противовесов), которые исключили тиранию личности и господство бюрократии над обществом. Они придали беспрецедентную устойчивость конституционной системе США, ставшей основой того положения, которое держава заняла в мире во второй половине XX в. и сохранит в обозримом будущем, несмотря на все трудности и проблемы сегодняшней американской жизни.

Наконец, третья ошибка состояла в наивной вере реформаторов в то, что Запад, и прежде всего США, помогут России в ее экономических и политических реформах. За это Москва в первой половине 1990-х годов фактически встала в фарватер американского курса в международных делах (за исключением тех или иных действий на постсоветском пространстве). Однако надежда себя не оправдала. Крупные займы из-за рубежа были в значительной части разворованы чиновниками, а в остальном по-

шли на реализацию неправильных финансово-экономических реформ и курса макроэкономической стабилизации¹, в лучшем случае лишь смягчив их разрушительный эффект. (Исключением была программа американских сенаторов Нанна–Лугара, которая помогла России безопасно передислоцировать и ликвидировать избыточные унаследованные от СССР арсеналы оружия массового уничтожения.) Следование за внешней политикой США ввиду крупных ошибок Вашингтона не принесло России заметных выгод, а в ряде случаев привело к издержкам, которые впоследствии ухудшили ее отношения с Западом. Исключением были достижения, связанные с ядерным разоружением и нераспространением.

Могут сказать: задним числом критиковать легко. Но это не так – в 1990-е демократические политические и экспертные круги предупреждали об ошибках внутренней и внешней политики Ельцина, об их опасных последствиях для демократического развития России и ее отношений с Западом. Например, достаточно освежить в памяти документы, законодательные инициативы и протоколы голосований партии «Яблоко» и ее фракции в Государственной Думе за 1993–2003 гг. Высказанные тогда опасения, к сожалению, с лихвой подтвердились.

Спору нет, в 1990-е годы в России было больше свободы и конкуренции в политике, в электронных СМИ, чем в следующем десятилетии, и тем более – в сравнении с советским периодом. Но эти свободы мог оценить сравнительно узкий круг либеральной интеллигенции в больших городах. Для остальной части народа перемены свелись к шоковым реформам, обнищанию, невиданной коррупции, криминальному беспределу и разворовыванию национальных богатств. В одночасье рухнули системы социального обеспечения, здравоохранения, образования, науки, культуры и обороноспособности. (Как отметил Григорий Явлинский, менее чем за десять лет народ пережил два путча, два дефолта и две войны.)

Не надо забывать и о том, что при ельцинской демократии танки прямой наводкой били по парламенту в центре Москвы. Авиация и артиллерия дважды сравнивали с землей российский город Грозный, людей пытали в фильтрационном лагере в Чернокозово, убивали журналистов и либеральных политиков (Дмитрий Холодов, Владислав Листьев, Галина Старовойтова). Генералитет разворовывал армию, чиновники – зарубежные кредиты, олигархи – предприятия и природные богатства. Государственные дела вершила клика из родственников и лизоблодов, а президентская охранка совершала набеги на бизнесменов и укладывала их лицом в снег.

¹ Под ней понималось обеспечение сбалансированного федерального бюджета за счет жесткого урезания социальных расходов.

Но на все это официальные круги за рубежом смотрели сквозь пальцы. Причина была в том, что Ельцин и его команда почти всегда шли на уступки в международных вопросах и позволяли прямо вмешиваться в российские внутренние дела (вплоть до назначений на высшие государственные посты и формирования федерального бюджета). Беспрецедентное участие Запада в российских внутренних делах и его патронаж в международных – с учетом результатов и того и другого – дискредитировали в глазах российской общественности идею демократических реформ, зарубежной помощи и концепцию сотрудничества с США и их союзниками на мировой арене. Это оказало исключительное влияние на эволюцию внутренней политики России, которая исторически всегда была очень связана с внешней, особенно – в периоды глубоких внутренних преобразований, когда поиск модели собственного экономического и политического развития происходит и вовне.

Внешняя политика и российские реформы

После эпохи биполярности и холодной войны Вашингтону предоставился уникальный исторический шанс утвердить в международной политике верховенство правовых норм, ведущую роль легитимных международных институтов (прежде всего ООН и ОБСЕ), примат дипломатии в разрешении конфликтов, избирательность и законность применения силы для самообороны или в целях обеспечения мира и безопасности (по ст. 51 и 42 Устава ООН). Другими словами, с начала 1990-х годов у США был уникальный исторический шанс возглавить процесс созидания нового, многостороннего, согласованного с другими центрами силы миропорядка... И они этот шанс бездарно упустили.

Неожиданно ощутив себя «единственной мировой сверхдержавой» и пребывая во власти эйфории, Соединенные Штаты все больше подменяли международное право правом силы, легитимные решения Совета Безопасности ООН – директивами американского Совета национальной безопасности, а прерогативы ОБСЕ – действиями НАТО. Особенно негативную роль сыграло начавшееся вопреки возражениям России расширение НАТО на восток. Холодная война, как было показано выше, закончилась не победой Запада, а добровольным согласием Москвы под руководством Горбачёва, а затем Ельцина с политикой США и их союзников. Советский Союз добровольно освободил ГДР и Восточную Европу, Россия отказалась от коммунистического режима, который скреплял СССР. Но никто в Москве не мог тогда ожидать, что эти шаги вместо формирования новой общей системы безопасности в Европе на основе ОБСЕ повлекут продвижение на восток Североатлантического альянса, который сам являлся порождением и главным инструментом холодной войны.

Вопреки договоренностям (они не были оформлены в виде договоров, но остались в протоколах переговоров по объединению Германии) Москву сначала убедили согласиться на вступление в НАТО в виде исключения трех государств Центральной Европы (Польши, Чехии и Венгрии) под предлогом возмещения им особых «исторических обид». За ними последовали еще семь стран, включая государства Прибалтики, затем еще две, а потом был поставлен вопрос о присоединении к НАТО Грузии и Украины (причем, в последнем случае вопреки воле большинства ее населения). При этом никто (на официальном уровне) и никогда не приглашал Россию вступить в НАТО в качестве государства-победителя в холодной войне. Взамен согласованного прекращения холодной войны и объединения Европы была навязана геополитическая модель наступления США и НАТО и отступления России, как проигравшей державы. Понятно, что в России это вызвало острую реакцию отторжения и резкое ухудшение отношения к Западу, идее сотрудничества с ним в строительстве новой системы европейской и мировой безопасности.

Еще более яркое и трагическое выражение политика навязывания своей воли и неприкрытого давления со стороны Запада получила в военной операции против Югославии в 1999 г. – в вопиющем противоречии с международным правом и без санкции ООН. Это первый пример массированного разрушительного применения военной силы в Европе после 1945 г. Операция вызвала шок среди россиян, традиционно симпатизировавших сербам. Они восприняли ее как «показательную порку» маленькой страны для запугивания большой державы – России. После смены администрации в США в 2001 г. и чудовищных террористических актов 11 сентября силовая линия Вашингтона была возведена в абсолют. Вслед за справедливой, законной и успешной операцией в Афганистане США вторглись в Ирак (под надуманным предлогом и без санкции ООН), намереваясь в дальнейшем переформатировать весь Большой Ближний Восток под свои экономические и военно-политические интересы.

«Империи не проявляют интереса к действиям в рамках международной системы; они претендуют на то, чтобы самим быть международной системой, – писал о такой политике Генри Киссинджер. – Империи не нуждаются в балансе сил. Так вели свою внешнюю политику Соединенные Штаты на Американском континенте и Китай в Азии на протяжении большей части своей истории» (21, с. 21). В этом заключалась стратегическая ошибка Вашингтона, ибо после окончания холодной войны мир не стал однополярным. Наоборот, быстро формировалась многополюсная и многоуровневая система международных отношений. Держава, самонадеянно бросившая вызов новой системе и вставшая на путь односторонних и произвольных силовых действий, неизбежно должна была встретить сопротивление других государств, независимо от ее экономической и воен-

ной мощи. В этом в середине 80-х годов убедился Советский Союз, но США самонадеянно полагали, что им не пристало учиться на ошибках павших империй.

Скандальные факты представления заведомо ложной информации государственными органами США для оправдания вторжения в Ирак, вопиющие нарушения прав человека при оккупационном режиме, в тюрьмах Абу-Грейв и Гуантанамо, явно одобренные Вашингтоном предвзятые суды и средневековые казни иракских лидеров (вопреки протестам Европы) – все это густо запятнало моральный облик США во всем мире.

Содвиненные Штаты увязли в оккупационной войне в Ираке, подорвали коалиционную политику ООН и НАТО в Афганистане, связали себе руки в отношении Ирана и КНДР. Вашингтон спровоцировал небывалый подъем антиамериканских настроений во всем мире, новую волну активности международного терроризма и распространения ядерного и ракетного оружия. Все глубже вовлекаясь в дела постсоветского пространства и обостряя отношения с Россией (что привело стороны на грань вооруженного столкновения во время конфликта России с Грузией в августе 2008 г.), США утрачивали влияние в Западной Европе, на Дальнем Востоке и даже в своей традиционной «вотчине» – Латинской Америке. Помимо объявленных Вашингтоном врагов («ось зла»: Ирак, Иран, КНДР, Сирия, Куба) односторонняя силовая политика США объединила в лагере международной оппозиции столь разные державы, как ФРГ, Франция, Испания, Россия, Китай, Индия, Узбекистан, Венесуэла, Боливия, Эквадор, Никарагуа, многие страны Лиги исламских государств.

В 1990-е годы вместо того, чтобы беспардонно вмешиваться во внутренние дела России, США и НАТО следовало обеспечить Москве максимально благоприятную внешнюю среду безопасности и перспективы глубокого вовлечения в военно-политические и экономические международные институты Запада. Ведь в тот переходный период Россия была совершенно открыта для такого сотрудничества, приветствовала его позитивное влияние на процесс строительства демократии.

Но все было сделано с точностью до наоборот: наряду с вовлечением во внутренние дела России Запад спешил в максимальной степени воспользоваться внешнеполитической и военной слабостью Москвы, чтобы «застолбить» как можно больше преимуществ, пока она не начнет отстаивать свои собственные национальные интересы. Это вызывало возмущение подавляющей части нового политического класса, считавшего, что Россия выиграла холодную войну, обретя государственность и суверенитет. Именно политика Запада в отношениях с Россией наряду с «шоковой терапией» явилась самой серьезной причиной ослабления с начала 90-х годов российских демократических партий и движений. Международный

курс США все больше походил на внешнюю практику СССР, против которой выступали советские демократы и диссиденты до августа 1991 г.

Как отмечалось выше, стратегия Запада выразилась в расширении НАТО на восток, в попытках подорвать СНГ и ОДКБ, в навязывании России неравноправных договоров по разоружению¹, наконец, в односторонней позиции альянса по югославским конфликтам, завершившимся массированными авиационно-ракетными ударами по Сербии и массовым изгнанием сербов из Косово. Все это делалось вопреки бессильным протестам Москвы, используя непоследовательность ее внешней политики. Война в Югославии в 1999 г. была поистине поворотным пунктом в отношении российской общественности и политических кругов к НАТО и США. После этого оно неуклонно ухудшалось; исключением был кратковременный всплеск доброго сочувствия после атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г.

Реальное отношение к России большинства политиков в США и значительной их части в Западной Европе в первые полтора десятилетия после холодной войны наиболее откровенно выразил известный английский политолог Лоуренс Фридман: «Нет более никакой конкретной причины классифицировать Россию как “великую державу”, – писал он. – ... Поэтому она не может более ожидать привилегий, уважения и особой деликатности в отношении к ее интересам, которые обычно оказываются великой державе. Ее возражения против тенденций, которые она считает неблагоприятными для себя, или ее обязательства, которые, как она думает, принесут ей международное доверие, более не имеют значения» (19, с. 26). Подобное отношение к такой стране, как Россия, рано или поздно должно было вызвать мощную и враждебную обратную волну. Именно на этом внешнем и внутреннем фоне в стране сменилось руководство; надежда российской демократии президент Борис Ельцин назначил преемником Владимира Путин.

Путин: первые раунды

Для более глубокого понимания ситуации в России и отношения общества к Путину в первые два срока его президентства важно определить исторические и социально-экономические точки отсчета. По сравнению с передовыми странами Запада демократические институты России находились в эмбриональном состоянии, а реальная политическая жизнь сильно расходилась с формальными конституционными механизмами, процедурами и законодательными нормами. Большинство населения стра-

¹ Например, первый вариант Договора СНВ-2 от 1993 г. предусматривал 10-летний срок выполнения, который был экономически неприемлем для России и предполагал резкое нарушение паритета в пользу США.

ны воспринимало такое положение как данность. Политическая элита делилась на тех, кто стремился приблизить политическую жизнь страны к конституционным стандартам, и тех, кто считал сложившуюся систему неформальных отношений органичной для России и прекрасно приспособился к ней с изрядной политической и материальной выгодой для себя (к последним относятся и российские неоконсерваторы/«неоконы» – либералы-оппортунисты 90-х годов, ставшие через десять лет яркими националистами и приверженцами авторитарной власти).

Преобладающая часть российского народа и теперь с ужасом вспоминает «демократию» 90-х годов. Что касается следующего десятилетия (вплоть до кризиса 2008 г.), то никогда раньше – ни при Ельцине, ни предыдущие 75 лет коммунистического режима, ни сотни лет при царизме – народ не имел такого материального достатка и политических свобод, какими бы скромными они ни выглядели по европейским стандартам.

Все интересующиеся политикой и историей могли читать и говорить что угодно, не боясь КГБ. Это, кстати, породило немало эксцессов и помогло выходу в свет «творений» графоманов, мракобесов и шарлатанов, выступающих с апологетикой Сталина, Берии и даже Гитлера (см., например: 9). Выезд за границу стал свободным – были бы деньги; за общение с иностранцами никого не сажали.

Все время путинского правления (до кризиса 2008 г.) ежегодно понемногу улучшалось материальное положение населения. Зарплаты и пенсии стали платить вовремя, российские граждане впервые в своей истории в массовом порядке приобретали товары длительного пользования, покупали подержанные иномарки, строили дачи, выезжали на отдых за рубеж, захаживали в рестораны и т.п. Для страны традиционно бедной, закрытой и завистливой по отношению к загранице это явилось достижением поистине исторического масштаба.

После десятилетия непрерывных встрясок Путин обеспечил относительную дееспособность властных структур в центре и на местах. Внутриполитическая стабильность – несомненно, важнейшее достижение восьмилетнего правления Путина; именно в этом, более чем в чем-либо еще, залог его беспрецедентной и длительной популярности в стране. Исторически (за редкими исключениями – реформы царя Александра II или Столыпина и Витте) Россия и при царях, и при большевиках чаще всего страдала от пертурбаций, инициированных сверху, плохо продуманных и еще хуже осуществленных, а потому приносивших огромные издержки или противоположные планировавшимся результаты.

Стабильность и предсказуемость, возможность жить спокойно и заниматься своими делами без излишнего вмешательства властей российский народ – в отличие от многих других, для которых это давно стало нормой, – почитает за величайшее благо. Он не очень верит, что начальств-

во способно сделать для него добро, и благодарен хотя бы за то, что оно не делает явного зла. Этим, кстати, объясняется все более благожелательное ретроспективное отношение людей к правлению Л. Брежнева, несмотря на очевидные издержки и упущенные возможности периода застоя.

В этом и главная причина того, что преобладающая часть населения одобряла линию Кремля на строительство так называемой исполнительной вертикали и управляемой демократии. Люди просто не имели практического опыта демократии, кроме хаоса 1990-х годов, и такой демократии они предпочитали стабильное устройство жизни.

Строительство вертикали власти обернулось всеобъемлющей бюрократизацией политической и экономической жизни страны, свертыванием независимости законодательной и судебной властей, регионального и местного самоуправления, ущемлением свободы прессы и самостоятельности общественных организаций. Значительно и без каких-либо рациональных оснований, кроме корпоративных симпатий президента, разрослись силовые ведомства, увеличилось представительство их отставных и действующих офицеров во всех органах власти.

Кремлевские политтехнологи сконструировали бутафорские суррогаты гражданского общества в виде назначенных начальством партий в парламенте (правящих и оппозиционных), общественных палат, советов, форумов и разных общественных организаций и движений. Эти конструкции создавали видимость участия общества в управлении государством, но не имели никаких законных прав – их влияние всецело зависело от благорасположенности начальства. Хуже всего – они оттесняли на периферию и без того ограниченные в правах и зависимые от исполнительной власти конституционные законодательные институты, «засоряли» каналы взаимодействия общества и власти, освобождая руководство от обязанности чувствовать настроения народа и адекватно на них реагировать.

Конституционные органы, призванные систематически и профессионально выполнять эти функции, были основательно «поприжаты» ради достижения большей управляемости государства. В первую очередь это относилось к парламенту – Государственной Думе и Совету Федерации. После выборов 2003 г. они превратились в синекуру для отставных чиновников и генералов, спортсменов и артистов, а также в трамплин для молодых политических карьеристов, стремящихся выслужиться перед начальством и подскочить на теплое местечко в исполнительной власти.

Выборы только по партийным спискам, высокий проходной барьер в 7%, запрет на предвыборные блоки партий и всеобъемлющий административный ресурс, отмена выборности глав субъектов Федерации – все это привело к тому, что 90% депутатов проходили в Думу, только будучи назначенными своим партийным начальством и одобренными в Кремле. О Совете Федерации говорить вообще не приходилось – «сенаторы» не

выбирались, а фактически назначались региональными губернаторами и президентами, которые, в свою очередь, назначались высшим московским начальством.

Свертывание российского парламентаризма – главный порок внутренней политики минувшего десятилетия. Ведь парламент есть основной и незаменимый элемент демократии (с него она, собственно, и началась еще в Античности). Сильный и независимый парламент – главное связующее звено между властью и обществом, противовес бюрократическому произволу, кузница самостоятельных (а не услужливых) государственных деятелей, наконец, залог устойчивости государства даже в кризисных ситуациях.

Созданная в России в первые два срока президентства Путина система обеспечивала лишь иллюзию управляемости и стабильности. Чрезмерная концентрация власти на высшем уровне (когда без настойчивого вмешательства президента или премьера не проведут водопровод к деревенской бабушке, не построят госпиталь для моряков отдаленной базы и не выплатят зарплату протестующим работникам остановившихся заводов) – абсолютно тупиковое устройство государства и экономики большой современной страны. Эта практика окончательно парализует и без того неповоротливый и малоэффективный (когда дело не касается личной выгоды) чиновничий механизм; высшие же руководители физически не способны посетить все провинциальные города и перезапустить все остановленные предприятия. В современном обществе – это верный путь к новым потрясениям.

Исполнская федеральная бюрократия России (превысившая в полтора раза советскую) никак не уравновешена сильными законодательной и судебной ветвями власти, местными органами самоуправления, независимой прессой и общественными организациями. Бюрократия, которая в Советском Союзе хоть как-то контролировалась партийным аппаратом и КГБ, стала в современной России самодовлеющей силой. Она легко и незаметно подменяет национальные цели своими групповыми интересами и подчиняется высшей политической власти только тогда, когда линия последней этим интересам не противоречит.

Президент и премьер могут росчерком пера уволить любого чиновника и все правительство скопом, распустить Думу и местные органы власти, прижать к ногтю самого богатого олигарха. Но они не в состоянии избавиться от нового класса российской посткоммунистической номенклатуры, не могут заставить его действовать вопреки корпоративным интересам.

Ключевое звено в установлении эффективного контроля политического руководства и гражданского общества над бюрократией – сильный и независимый парламент. Только он создает политическую «разность потенциалов», в которой действуют нормальные законы, независимый суд,

арбитраж и объективная правоприменительная практика. Только в такой среде возрождается энергия предпринимателей, отечественные и зарубежные инвестиции приходят в свою (а не в зарубежную) экономику и питают инновационные отрасли хозяйства, а не экспортно-сырьевой комплекс, сервис и спекулятивный банковский бизнес.

Несомненная заслуга администрации Путина, армии и других войск – в том, что удалось нанести сильный удар по организованному терроризму. Пришлось, правда, заплатить высокую цену – более 20 тыс. убитых и раненых среди федеральных войск во вторую чеченскую кампанию в 1999–2000 гг. (потери местного населения так и не подсчитаны), разрушения в Грозном, взрывы домов и самолетов, трагедии терактов в московском театре в 2002 г. и в бесланской школе в 2004 г.

Но массовое кровопролитие в Чечне прекратилось, остались лишь отдельные, хотя и частые случаи террористических актов. Восстановлен Грозный, возрождено разрушенное хозяйство, выплачены компенсации пострадавшим жителям. Вместе с тем положение на Северном Кавказе едва ли стало стабильным. Терроризм из Чечни расползся во все республики региона. Численность активно действующих мятежников из года в год оценивалась на одном и том же уровне: 500–700 человек. Значит потери террористов постоянно восполнялись, причем в основном из местного населения, поскольку пограничники надежно закрыли внешнюю границу. Это вызывало большие вопросы об устойчивости положения руководства Чечни, Ингушетии, Дагестана и других республик и их методов управления. Да и в отношении действенности там федеральных законов и конституционных норм тоже были большие сомнения.

Власть в кавказских республиках держалась на лояльности Москве и жестоком подавлении любой внутренней оппозиции под предлогом борьбы с терроризмом, даже если оппозиция и правозащитники никак не связаны с экстремистами. При этом процветали клановость и злоупотребление властью, безработица достигала 40–50%, уровень коррупции и преступности был чрезвычайно высоким даже по российским стандартам. Все это создавало питательную почву для исламского экстремизма и терроризма – как внутреннего, так и международного. Подавить его только репрессивными мерами было невозможно.

Путин и его соратники весьма решительно расправились с олигархической вольницей 90-х годов. К тому времени олигархи набрали такую силу, что способны были создать альтернативный центр политической власти, а для авторитарного чиновничьего режима это недопустимо (и в этом его отличие от демократического, имеющего правовые механизмы интеграции всех групп интересов – например, институт легального лоббирования). Непосредственно пострадали далеко не худшие из олигархов – Михаил Ходорковский и другие руководители ЮКОСа попали на боль-

шие сроки в тюрьму, а сама компания была пущена с молотка. Заметим, это была самая передовая, прозрачная и уважаемая за рубежом частная российская корпорация с самой развитой системой социальных программ. То, как с ней обошлись, включая манеру проведения судебных процессов (точно названную «басманным правосудием»), нанесло удар по правовой и коммерческой репутации России в мире. Но было вполне в духе российских традиций: ради решения частных политических задач не останавливаться перед экономическим и имиджевым ущербом для страны.

Остальные российские капитаны большого бизнеса (включая пожившихся за счет ЮКОСа) мгновенно усвоили урок: по-прежнему все позволено в части дикого бизнеса и коррупции – в обмен на прекращение политической деятельности и лояльность власти. Вот тут-то и сказались «первородные грехи» российского капитализма – все крупные бизнесмены были «на крючке» прошлых (и неизбежных) махинаций и быстро подчинились власти. В результате положение сравнительно с 90-ми годами изменилось мало: тогда олигархи вертели чиновниками, теперь – наоборот, но от перемены мест слагаемых суммарный характер олигархического государственно-монополистического капитализма не изменился. Пошли даже дальше: высшие чиновники получили руководящие посты в крупнейших государственных компаниях.

Коррупция обрела еще больший размах и стала национальным бедствием, беспрецедентным даже для России. Но это не досадное отклонение от нормы. Коррупция явилась неизбежным и глубоко встроенным элементом сложившейся системы, закономерным следствием комбинации незрелой рыночной экономики (к тому же до недавнего времени утопавшей в нефтедолларах) и сверхцентрализованной бюрократической модели власти.

Советская бюрократия управляла планово-государственной нерентабельной экономикой и мало чем могла поживиться. Она довольствовалась номенклатурными привилегиями (скромными по нынешним стандартам), обустройством детей, приличной пенсией и почетным местом на кладбище. Нынешняя ее преемница – российская бюрократия – не заботится о персональной пенсии и спецпайках. Здесь и сейчас она снимает пенки с огромных доходов приватизированной или госмонополистической экономики.

Не встречая никаких сдержек и противовесов, современная бюрократия непрестанно разбухает, стремится максимально расширить свою власть над обществом и возможности обогащения посредством всеобъемлющих и запутанных законов, подзаконных норм и регламентов. Они делают жизнь всех прочих граждан просто невыносимой. Но им тут же предлагают более легкие, «неформальные» пути решения проблем – за

взятки в тех или иных размерах и формах (от импортного коньяка до многомиллионных «откатов»).

Коррупция превратилась в суть, смысл существования и мотивацию функционирования бюрократической машины в центре и на местах. Откаты, поборы, рейдерские захваты, отъем собственности с использованием правоохранительных органов или криминала (что зачастую одно и то же) подавляют средний и малый бизнес, которые на Западе дают наибольшую занятость, стимулируют конкуренцию и инновации. Любые, самые разумные законы будут выхолощены и извращены практикой чиновников; да они и не позволят разработать такие законы – особенно при угодливом и некомпетентном парламенте. Это главное препятствие для капиталовложений в отрасли высокой технологии со стороны российского и зарубежного бизнеса и банков. Стремясь вырваться из-под пресса коррумпированных чиновников, за границу уезжают уже не только талантливые ученые, врачи, деятели искусства, но и простые инженеры, которые обречены в России на нищенское существование или унижительный челночный приработок.

С этой системой не сладить отчетами чиновников о доходах и расходах, поскольку проверять эти отчеты призваны точно такие же чиновники, ответственные перед начальством, а не перед обществом. Не исправить дело ужесточением наказаний и нагромождением контролирующих органов. И они, и правоохранительные и судебные инстанции глубоко поражены метастазами коррупции. И потому ни с коррупцией, ни с преступностью эффективно бороться не в состоянии.

Многие животрепещущие проблемы современной России, не находящие эффективного решения, производны от засилья неконтролируемой бюрократии. Сюда относится однобокая экспортно-сырьевая экономика, социальная стратификация, высокая преступность, непрекращающийся терроризм на Северном Кавказе, демографический спад и этническая напряженность. Это и развал жилищно-коммунального хозяйства, растущее научно-техническое отставание от передовых держав, кризис образования, здравоохранения и культуры, стагнация оборонной промышленности. И вдобавок ко всему – тяжелая болезнь в форме коррупции, которая до основания разъедает общество и государство, выхолощивает и извращает любые благие законы, начинания и проекты.

Существует только один путь решения проблемы: более или менее открытая рыночная экономика и нетоталитарная политическая система. Никакого особого российского «велосипеда» тут не изобрести. На этом пути необходимы разумное и сбалансированное разделение властей, при котором только и могут существовать независимый суд, арбитраж и избирательные комиссии. Здесь требуются честные выборы, чтобы законодательные институты адекватно отражали общественные интересы и кон-

тролировали бюрократию. Этот путь предлагает регулярную сменяемость высших должностных лиц, безо всяких изъятий, всемерное развитие свободных СМИ и законопослушных общественных организаций. То же самое, в принципе, необходимо для обуздания коррупции. В этом нет ничего удивительного: первопричина обострения главных проблем России одна – засилье и всесилье государственно-монополистической системы в экономике и политике.

Что касается внешней политики, то, по всей видимости, Путин действительно стремился наладить хорошие отношения с США и Западной Европой, но не на основе модели 1990-х годов, а на более равноправных началах. При встрече новых президентов России и США в Любляне в 2001 г. между ними возникла взаимная симпатия. После террористических актов 11 сентября Путин сделал шаг навстречу США, руководствуясь несомненным личным чувством сострадания, но также и стремясь изменить отношения, резко повысив уровень сотрудничества.

Конечно, раздаться с «Талибаном» было в интересах Москвы, но она могла занять позицию доброжелательного нейтралитета (ссылаясь на чувства мусульманского населения России и «афганский синдром»). Однако вопреки настрою большей части политической элиты Кремль оказал полную и безоговорочную поддержку в создании антитеррористической коалиции, вооружении Северного альянса и проведении военной операции в Афганистане. Впоследствии Путин предоставил странам НАТО транзит для снабжения группировки войск в Афганистане, что было беспрецедентным шагом, возможным только в отношениях союзных государств.

В 2000 г. новое руководство воспользовалось контролем над парламентом и добилось ратификации Договора СНВ-2, который на протяжении предыдущих семи лет блокировался Думой. Другим шагом навстречу Западу была ратификация в 2004 г. адаптированного Договора по обычным вооруженным силам в Европе. После выхода США из Договора по ПРО в 2002 г. российская исполнительная власть не только постаралась умерить возмущение в политических кругах страны, но и пошла на заключение нового Договора с США о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП)¹. Также была подписана Декларация о новых стратегических отношениях, которая предусматривала сотрудничество в развитии систем ПРО.

На Петербургском саммите Россия – ЕС в мае 2003 г. Путин на весь мир провозгласил императив «европейского выбора России». В ответ на это Россия получила в 2002–2003 гг. выход США из Договора по ПРО (прикрытый фиговым листком в качестве Договора о СНП), войну в Ираке

¹ Договор СНП предусматривал сокращение стратегических вооружений каждой стороной до 1700–2200 ядерных боезарядов.

(и ликвидацию там крупнейших российских нефтяных концессий), а также дальнейшее расширение НАТО на восток, в том числе на территорию бывшего СССР – в страны Балтии.

В политике Запада в отношении России был очевиден элемент отторжения. Россия постоянно давали понять, что полномасштабная интеграция в западные военно-политические и экономические организации закрыта для нее даже в долгосрочной перспективе. В НАТО и ЕС скопом принимались другие страны; Москве же предлагали всевозможные паллиативы – Партнерство во имя мира (ПВМ), Совет Россия–НАТО (СРН), Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Евросоюзом (СПС). В России сложилось устойчивое представление, что ее не приглашают не потому, что она не соответствует каким-то конкретным общепринятым критериям, а из-за некой имманентной несовместимости с передовыми демократическими странами.

После трагедии 11 сентября 2001 г. на волне настроений солидарности с Америкой российский руководитель максимально прозрачно высказался о стремлении России серьезно обсудить вопрос о возможности и формах присоединения к НАТО. Говоря об отношении Москвы ко второй фазе расширения альянса, он подчеркнул: «Конечно, мы пересмотрели бы нашу позицию в отношении процесса такого расширения, если бы мы были вовлечены в такой процесс» (20). В ответ не последовало никакой реакции кроме стандартной отговорки высоких чиновников НАТО о том, что союз никого не приглашает, надо подавать заявку на членство и становиться в очередь. Неудивительно, что в конце концов Москва оставила надежды на быстрый и поступательный процесс интеграции с Западом на основе равноправия, взаимной выгоды и уважения интересов друг друга. Она обратилась к поиску более заинтересованных в ней и менее привередливых партнеров на юге и востоке.

Последней каплей, переполнившей чашу, явилось активное вмешательство Запада в 2004–2006 гг. в «цветные» революции в Грузии и на Украине для поддержки наиболее антироссийских политиков (это дало повод подозревать, что та же «схема» повторится в Киргизии). Было публично заявлено о намерении ускоренного вовлечения Украины и Грузии в НАТО. США объявили о плане строительства объектов американской стратегической ПРО в Польше и Чехии – вопреки духу Совместной декларации США–РФ 2002 г. о совместном создании такой системы.

Речь Путина в Мюнхене в 2007 г. стала сигналом Западу о том, что Россия больше не намерена играть по старым правилам и напрашиваться на более продвинутое сотрудничество, если он не проявляет к этому искренней заинтересованности. Однако потребовался вооруженный конфликт в Грузии в августе 2008 г., чтобы на Западе поняли, что Россия на-

мерена всерьез противодействовать втягиванию в НАТО Грузии и Украины и готова подтвердить свои слова силой оружия.

Реакция США и Запада по понятным причинам была предсказуемо острой. Отношения с Россией оказались на грани военного противостояния и небывалой со времен холодной войны политической напряженности. Отклонение от привычной для 1990-х годов парадигмы зависимого и подчиненного положения Москвы воспринималось за рубежом как аномалия, как проявление Россией традиционной враждебности к Западу и его ценностям, как рецидив империализма и мышления в духе холодной войны.

Между тем для роста напряженности существовали вполне объективные и обычные для международных отношений причины, понятные исследователям реальной политики. За первое десятилетие изменилось соотношение сил между Россией и Западом. По сравнению с 1990-ми годами Россия обрела устойчивый экономический рост (правда, в основном за счет взлета цен на нефть) и относительную социально-политическую стабильность. Москва консолидировала власть в стране, получила крупные свободные капиталы для внутренних и внешних инвестиций, расплатилась с огромным государственным внешним долгом, резко (вчетверо за 2001–2008 гг.) увеличила финансирование национальной обороны, подавила массовое вооруженное сопротивление на Северном Кавказе.

Одновременно относительно ослабли международные позиции США, Евросоюза, Японии – как из-за провалов во внешней политике администрации Д. Буша (особенно в Ираке и Афганистане), так и по причине мирового кризиса, спровоцированного безответственной финансово-экономической политикой американского правительства. Заявка на смену парадигмы сложившихся отношений неизбежно порождает противоречия – как между людьми, так и между государствами. Похожие конфликты возникали между США и СССР в конце 1950-х и начале 1960-х годов, между Советским Союзом и Китаем в конце 1960-х годов, между США и Западной Европой в 1970-е годы (конечно, в менее острой форме, присущей демократическим странам).

Этим объясняются повышенная дипломатическая активность Москвы на всех континентах, нежелание слепо идти в фарватере США в разрешении региональных кризисов (Косово, Палестина, Иран, КНДР), завязывание связей со странами, бросающими политический вызов американскому доминированию. Ведьма энергично Россия работала в независимых от США, НАТО и ЕС межгосударственных объединениях – ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС. Все это резко контрастировало с политикой 1990-х годов.

Помимо соперничества в мировой торговле оружием Россия более не стеснялась открыто противодействовать США в отдельных военно-технических сферах (системы преодоления ПРО). Москва начала соревноваться с Вашингтоном в демонтаже договоров по разоружению (отказ от

ДОВСЕ и угроза выхода из Договора РСМД) и выдвижении претензий к международным организациям (США – к ООН, а Россия – к ОБСЕ). В августе 2008 г. впервые за многие годы Москва применила военную силу на Кавказе.

Нельзя не признать, что более самостоятельная и активная линия России была объективно обоснована и вполне оправдана. Вопрос был в том, чтобы сохранить чувство меры, не поддаваться неоимперским амбициям, избежать сверхвовлеченности в мировые дела и втягивания в беспочвенную и непосильную конфронтацию с США и их союзниками в Европе и Азии.

Наверное, президент Путин хотел не просто иметь хорошие отношения с Западом, но и говорить с ним на равных. Будучи истинным патриотом своего родного города и гордясь всем, что с ним связано, Путин, видимо, осознанно (а может быть, подсознательно) следовал модели отношений, которую воплотил в жизнь Петр I и его преемницы, Елизавета I и Екатерина II. В XVIII в. после почти 500-летней изоляции Россия ворвалась в европейские политические комбинации и войны, заставив уважать себя как великую державу Европы (что, однако, не равнозначно статусу европейской державы), стала для одних желанным союзником, а для других достойным противником.

Проблема, однако, была в том, что за минувшие 300 лет (и более всего – за последние несколько десятилетий) Европа фундаментально изменилась – не только в экономическом и международно-политическом отношениях, но еще больше благодаря наднациональному продвижению демократии, прав человека, гуманитарных ценностей. Возможно, в силу своей профессиональной подготовки, знакомства с весьма специфическими представителями Запада (из циничного и жестокого мира разведок и спецслужб) Путин недооценил глубину перемен. При этом в принципе относился к Европе с уважением и симпатией, считал европейский путь развития самым привлекательным для России, о чем не раз официально заявлял на различных форумах.

Однако для равноправных отношений с Европой (а не с отдельными политическими лидерами) недостаточно было изменить ельцинский стиль общения с западными руководителями, сделать несколько шагов по либерализации экономики, поддерживать внушительный ядерный потенциал, первенствовать по экспорту углеводородного сырья и заложить ряд престижных мегапроектов в духе Петра I (Сочи, Владивосток, скоростные поезда в Петербург и пр.). Намного важнее было запустить высокотехнологичную инновационную экономику, справиться с всеобъемлющей коррумпцией, реально продвинуться в развитии демократии и защите прав человека, решительно поднять за счет беспрецедентных нефтяных доходов (подчас достигавших 1 млрд. долл. в день!) уровень жизни народа в про-

винции, дорожную и коммунальную инфраструктуру, качество здравоохранения, образования, науки и культуры. Безусловно, на такие мероприятия потребовалось бы немало времени, но уже сама нацеленность на решение этих вопросов, несомненно, вызвала бы огромное уважение, широкую симпатию и поддержку среди зарубежных политических и общественных кругов.

Понимал ли это Путин? И если да – знал ли, как этого добиться, не отказываясь от управляемой демократии и исполнительной вертикали?

Важно, что именно этого хотела передовая, образованная часть российского общества и именно в таких категориях она трактовала национальное могущество и престиж. За десятилетие стабильности и роста благосостояния в России сложился новый средний класс. Удовлетворив первоначальные материальные нужды, он стал все более активно выступать против того, что мешало прогрессу (и его собственному, и страны): засилья бесконтрольной бюрократии, всеобщей коррупции, произвола и криминализации силовых ведомств, манипулирования выборами всех уровней, зависимости законодательной и судебной властей от чиновников, повсеместного пренебрежения правами и достоинством граждан. Именно эти цели, осознанно или нет, ставил передовой класс в политическую повестку. Он не хотел снова тратить ресурсы на военно-политические вылазки и конфликты с демократическими странами мира.

В такой атмосфере на выборах 2009 г. пришел к власти назначенный Владимиром Путиным молодой и более либеральный преемник – Дмитрий Медведев, которого с энтузиазмом приветствовала почти вся демократическая Россия.

Одновременно произошли радикальные перемены в Вашингтоне. Провалы внешней политики США и самый тяжелый с конца 1920-х годов экономический кризис привели к смене в 2008 г. администрации. Новый президент Барак Обама, принадлежащий к одному с Медведевым поколению политиков, начал пересмотр американского внутреннего и внешнего курса, включая отношение с Россией.

Медведев: несбывшиеся надежды

Отвечая общественным настроениям, новый президент России провозгласил курс на демократизацию («свобода лучше, чем несвобода») и модернизацию экономики в целях перехода с экспортно-сырьевой на инновационную модель (тем более что в условиях кризиса цены на нефть пошли вниз). Определяя магистральный вектор российских внешних приоритетов, президент Медведев писал в своей программной статье 2009 г.: «Модернизация российской демократии, формирование новой экономики, на мой взгляд, возможны только в том случае, если мы воспользуемся ин-

теллектуальными ресурсами постиндустриального общества... Наши внутренние финансовые и технологические возможности сегодня недостаточны для реального подъема качества жизни... Конечно, не бывает отношений без противоречий, – отмечал он. – Всегда найдутся спорные темы, причины для разногласий. Но обидчивость, кичливость, закомплексованность, недоверие и тем более враждебность должны быть исключены на взаимной основе из отношений России с ведущими демократическими странами» (11). В том же духе высказывался министр иностранных дел Сергей Лавров: «...важнейшим приоритетом российской дипломатии является формирование благоприятных внешних условий для поступательного внутреннего развития» (10, с. 16).

Со своей стороны, президент Обама взял курс на сотрудничество с Россией в борьбе с международным терроризмом и в деле укрепления режима нераспространения ядерного оружия, заявил о намерении прекратить войны в Ираке и Афганистане, призвал в своей пражской речи 2009 г. вернуться к идее полного ядерного разоружения. Вашингтон значительно урезал программу ПРО в Европе, отказался от одностороннего и произвольного (вне рамок международного права) применения силы, отложил в долгий ящик расширение НАТО на восток.

В контексте провозглашенной «перезагрузки» отношений России и США в 2010 г. был подписан новый Договор СНВ, стороны согласились сотрудничать в развитии систем ПРО. Расширился афганский транзит, были приняты меры для укрепления режима нераспространения ядерного оружия. Подошли к концу многолетние переговоры о вступлении России в ВТО (их формальный финал относится уже к нынешнему президентству).

Однако внутри двух стран дела обстояли менее благополучно. В США республиканская оппозиция начала жесткую борьбу с внутренней и внешней политикой Обамы (что, в частности, выразилось в отказе ратифицировать Договор СНВ, который удалось преодолеть с большим трудом).

В России противоборство вокруг внутренней и внешней политики имело менее открытый, но более глубокий характер. Императив социально-экономической модернизации, новые угрозы и вызовы XXI в., противодействие которым требовало сотрудничества с Западом, предполагали выбор пути, о котором писал Медведев в своей нашумевшей статье. Тогда это было воспринято вполне серьезно.

Противники такой линии понимали, что новый президент победил в 2008 г. при поддержке Путина, был тесно с ним связан в политическом и личном отношениях, имеет весьма ограниченную свободу рук. Все силовые посты остались в руках путинских назначенцев, в законодательной власти сохранилась монополия путинской партии «Единая Россия», регионы возглавляли лояльные Путину губернаторы, мэры и президенты.

Но консерваторы неплохо знали (или чувствовали) российскую историю, которая дала много примеров превращения незаметного и зависимого лидера в самостоятельную фигуру и его освобождения от бывших соратников (Сталин, Хрущев, Брежнев, Путин). Поэтому с приходом Медведева – лидера нового типа с современными и вполне демократическими взглядами – традиционалисты упреждающим порядком пошли на обострение, чтобы держать нового президента под постоянным давлением.

Либеральные речи Медведева раскрепостили политическую обстановку в стране. К сожалению, дальше слов дело не пошло. Экономический кризис обнаружил неподготовленность российской экономики. Отсутствие внятной стратегии выхода из него, глубокие разногласия внутри исполнительной власти, неспособность изменить экспортно-сырьевой характер экономики и слабые надежды на успех перемен в будущем были следствием всевластия и неуправляемости федеральной бюрократии. Еще в бытность свою вице-премьером Д. Медведев сформулировал в Давосе три высших национальных приоритета России: диверсификация экономики, создание современной экономической инфраструктуры, инвестиции в человеческий капитал. Но эта прекрасная концепция никак не отражалась в федеральных бюджетах на 2007–2008 гг. и в поправках, внесенных после начала кризиса: по-прежнему самые крупные статьи расходов были на содержание госаппарата, национальную оборону и внутреннюю безопасность.

Если исполнительная власть безмерно разрастается и подавляет все и вся, то высшее политическое руководство становится ее пленником, а не хозяином. Чем-чем, а аппаратным искусством бюрократия владеет в совершенстве, умеет направить решения лидера в нужную для себя сторону, отвлечь или изолировать его от нежелательных альтернатив. Лишь беспощадный террор сталинского или гитлеровского типа способен держать бюрократию в узде (именно поэтому в нынешней России столь сильна ностальгия по «сильной руке»). Но сторонники этого простого рецепта забывают, что в таком случае вся страна становится заложником настроений и пороков одного человека и его сиюминутных фаворитов. Это рано или поздно неминуемо приводит к национальной катастрофе, коей для СССР стали коллективизация, репрессии 1930-х годов и июнь 1941 г., а для Германии – май 1945 г.

Для диверсификации экономики, перехода с экспортно-сырьевой модели на инновационный путь развития, который только и может обеспечить стране прочное, не зависящее от цен на нефть и газ положение среди великих держав и центров силы, красивых слов было недостаточно. Административных и кадровых перестановок, «игрушечных» инновационных центров или государственно-монополистических корпораций (вроде Сколково и «Нанотехнологий») для этого мало. Они стали новыми кор-

мушками для чиновников и их партнеров-олигархов. «Электронное» и «открытое» правительства не могли прорвать бюрократические бастионы, отменить ведомственную и лично-корыстную мотивацию чиновников.

Для глубокого преобразования российской экономики необходимо было прежде всего изменить сложившийся неформальный режим политических и экономических взаимоотношений, пронизавший все органы власти. Только в таком случае основательные поправки законодательства могли достичь цели. Речь шла о ясных и незыблемых правах собственности, которые может гарантировать только четкое разделение властей, независимый и беспристрастный суд, арбитраж и правоохрана; о прозрачных и узаконенных отношениях власти и бизнеса; об антимонопольном законодательстве и ограничении естественных монополий. Еще нужны современные и открытые банковская, страховая, ипотечная инфраструктуры, а также сильные гражданские организации, защищающие интересы и работодателя, и наемного работника, и потребителя. Без всего этого не следует ждать притока больших инвестиций в высокотехнологичные отрасли ни от отечественного, ни от зарубежного капитала, а значит не может быть долгосрочного экономического роста.

Между тем только высокотехнологичные сектора, в том числе в малом и среднем бизнесе, способны обеспечить широкую занятость населения. Лишь они могут сократить разрыв между бедными и богатыми, подстегнуть научно-технический прогресс (причем дома, а не на вывоз). Они в состоянии обеспечить мощную современную оборону, стимулировать экспорт продукции с высокой добавленной стоимостью и избавить Россию от кабалы сырьевых цен за рубежом. Только такая экономика и настоящий (а не искусственно сконструированный) привлекательный имидж позволят стране занять достойное место в мире.

И Запад, и российский бизнес были готовы к «партнерству ради модернизации», но кроме красивых деклараций внутри России ничего не было сделано.

Независимо от того, заблуждался Медведев относительно пути к реальной, а не «сколковской» модернизации или нет, добиться сдвига не удалось. Его президентство запомнилось профанацией с переименованием милиции в полицию, изменением часовых поясов и отменой перехода страны на зимнее время, что вызвало широкое народное раздражение. Еще он внес поправки в Конституцию: вместо того чтобы исправить ее многочисленные несуразности (начиная от процедуры импичмента и кончая формированием Совета Федерации и правительства), продлил срок президентства с четырех до шести лет и Думы – с четырех до пяти лет.

Начавшаяся при Медведеве под руководством министра обороны Анатолия Сердюкова военная реформа имела более серьезные, но весьма

противоречивые последствия. Новая Военная доктрина России¹, принятая в феврале 2010 г., вопреки духу медведевской концепции «партнерства с Западом ради модернизации» объявила, что приоритетные внешние опасности для России исходят от США и НАТО, а угрозы распространения оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий, а также международного терроризма (борьба с которыми как раз предполагает сотрудничество с Западом) периферийны (см.: 18).

В основу практических преобразований были заложены здравые принципы: отказ от мобилизации для большой войны и переход к силам постоянной готовности, сокращение численности армии, превращение округов в объединенные стратегические командования, разукрупнение частей и соединений, повышение доли контрактников в личном составе, улучшение боевой подготовки и техническое перевооружение Вооруженных сил, избавление от огромных и ненужных материальных запасов, недвижности и земельной угодий. Однако на практике ряд этих разумных мер усилиями военной бюрократии был сведен на нет и превращен в профанацию, другие проводились в жизнь с огромными издержками. Гигантской программе вооружений до 2020 г. (в 19 трлн. руб.), в соответствии с которой предполагалось произвести горы новых вооружений и боевой техники, не хватало обоснованности и реалистичности. Наконец, реформа сопровождалась беспрецедентной коррупцией и казнокрадством, за что в конце концов поплатились министр обороны и некоторые его подчиненные.

Во внешней политике после нового Договора СНВ переговоры с США зашли в глухой тупик из-за разногласий по противоракетной обороне. Потерпев неудачу в согласовании совместной программы ПРО, обе стороны приступили к разработке и развертыванию собственных систем обороны национальной территории (и союзников). В обозримый период (10–15 лет) американская программа не создаст сколько-нибудь серьезной проблемы для российского потенциала ядерного сдерживания. Точно так же российская программа воздушно-космической обороны (ВКО), которая по ряду официально заявленных параметров превосходит программу США/НАТО, не поставит под сомнение ядерное сдерживание со стороны США.

Нельзя не признать, что непомерное преувеличение возможного влияния американской ПРО на российский потенциал сдерживания имело внутривнутриполитические причины. Эта кампания явилась реакцией определенных кругов на идеи безъядерного мира и совместной системы ПРО, которые создавали вероятность союза России и НАТО и утраты в лице последних «верного врага». Также сказывалась заинтересованность определенных военных ведомств и коопераций оборонной промышленности в

¹ Военная доктрина РФ утверждена указом президента РФ 5 февраля 2010 г.

повышении ассигнований как на наступательные, так и на оборонительные вооружения.

Итоги президентства Медведева, его внутренней и внешней политики стали большим разочарованием особенно в сопоставлении с его прекрасными речами и статьями. Выдвижение им кандидатуры Путина на президентских выборах 2012 г. ознаменовало очередной рубеж в российских внутренних делах и международном курсе.

И все же... слова в политике – тоже дела. Пусть либеральные новации Медведева остались поверхностными всплесками над глубинным течением государственной политики, но и они не прошли даром – разбудили наиболее прогрессивную, передовую часть России от десятилетней спячки, вывели ее на авансцену общественной жизни.

Третий срок Путина – *quo vadis?*

В 2008 г. Владимир Путин совершил правильный и беспрецедентный для российской истории шаг – в соответствии с Конституцией добровольно ушел с высшего поста, причем не под давлением революционных масс и не из-за распада государства, а вопреки истерической кампании лизоблюдов под лозунгом: «Третий срок!»

Четыре года спустя его возвращение на шесть, а может быть, и на 12 лет было с восторгом воспринято большей частью постсоветской номенклатуры, как сигнал: «*business as usual*». Эти круги приняли и поддержали приход Путина как гарантию сохранения своей власти и богатства с опорой на сложившуюся систему верховенства коррумпированного чиновно-капиталистического аппарата на всех уровнях (с фасадными демократическими украшениями), основанную на экспортно-сырьевой экономике. Ибо любая другая рыночная основа несовместима с таким политическим режимом в большой современной развитой стране. Пролетариат промышленных городов, оборонный комплекс, депрессивная провинция и сельские жители присоединились к этой поддержке.

Но именно поэтому наиболее образованная часть населения – новый средний класс, «креативная» интеллигенция, активные средние и мелкие предприниматели, которых давит и душит эта система, – выступила против прихода Путина, осуждая беспардонные подтасовки на парламентских и президентских выборах 2011 и 2012 гг. Вместе с примкнувшей к ним левацкой и националистической молодежью зимой 2011 г. и в течение 2012 г. они выходили на протестные манифестации в Москве, Петербурге и других городах России. В этом движении не было единства, программы, руководящего центра – оно явилось истинно массовым и спонтанным (в отличие от встречных верноподданнических демонстраций, организованных властью).

Протестное движение объединилось под главнейшим и единственно верным лозунгом: «За честные выборы». А значит – за парламент, ответственный перед избравшим его народом, а не назначившим его начальством, способный противостоять бюрократии исполнительной власти. Иными словами – за разделение властей, при котором только и возможны независимые суд, арбитраж и правоохранительные органы, соблюдающие законы, собственный бизнес, гражданское общество, свободные СМИ и самостоятельные организации для защиты конкретных интересов простых людей – будь то сохранение парков и лесов, борьба с загрязнением воды и воздуха или грабительскими ценами ЖКХ. Все это было в вопиющем противоречии с тысячелетней российской традицией, и все это поддержал Запад, давно живущий по таким нормам и к тому же, за исключением отдельных политических лидеров (Джордж Буш-мл., Герхард Шрёдер, Сильвио Берлускони, Никола Саркози), с предубеждением относившийся к Владимиру Путину.

Поэтому вполне логично и закономерно, что реакция нового правящего класса, основанная на самом сильном инстинкте – инстинкте самосохранения, была нацелена на жесткое противодействие. Ужесточение авторитарного режима началось с уголовных дел или акций запугивания отдельных активистов протестного движения (Сергея Удальцова, Алексея Навального и др.), был проведен показательный процесс против эксцентричных шансонеток группы «Пусси Райот» – с налетом средневекового духа «охоты на ведьм» (не случайно обвинение ссылалось на резолюции вселенских соборов «темных веков»). Затем Дума с сервильным энтузиазмом приняла пакет антидемократических законов: о статусе «иностранных агентов» для некоммерческих организаций с зарубежным финансированием (прежде всего правозащитных), о поправках к Уголовному кодексу РФ, расширяющих трактовку понятия «государственная измена», о закрытии интернет-сайтов, об ужесточении правил уличных митингов, о запрете американским гражданам усыновлять российских сирот (в ответ на «Акт Магнитского» Конгресса США), появились предложения о возвращении выездных виз и пр. Во всем этом все более явственно проступали черты традиционной российско-советской системы.

Отстаивая эти традиции, парламент, лояльные средства массовой информации и многочисленные псевдонаучные центры и советы развернули истерическую кампанию о необходимости борьбы с «враждебным окружением России», «зловещими замыслами Вашингтона» – одновременно с пророчествами о «неминуемом закате Европы» в результате экономического и демографического кризиса. Утверждалось, что этот кризис он (Запад) попытается «обнулить» разжиганием всевозможных конфликтов и даже глобальной войны (подробнее об этом ниже). Пещерный антиамериканизм и шельмование европейских ценностей и институтов напо-

нили о худших временах холодной войны. Прославлялись достоинства православной российской государственности и ее предшественницы – Византии, якобы преданной и проданной туркам коварным Западом в лице Венеции.

Немало российских геополитических теоретиков, отыгрываясь за ущемленное догмами истмата советское образование, с восторгом неопитов открывают для себя столетней давности идеи Маккиндера и просвещают других по части «извечной борьбы морских и континентальных держав» и вражды «западнохристианского материализма» к «восточно-православной духовности».

Еще более постыдно и прискорбно, что, не достигнув удовлетворительных для себя статуса в мире и порядка внутри страны, значительная часть новой элиты встала на путь реабилитации сталинизма как символа величия и державности России. Массированная пропаганда последних лет повлияла на общественное сознание.

Евразийство: география и философия

Растущие разногласия Москвы с США и Западной Европой вокруг российских внутривнутриполитических проблем косвенно подталкивают ее к сближению с другими государствами, которые не ставят неудобных вопросов и зачастую сами становятся объектами подобной критики. Такого рода влияние идеологии и внутренней политики на внешнюю – не новость, и в истории России это иногда играло пагубную роль.

Например, назначенный победителем конкурса «Имя России» князь Александр Невский в 40-е годы XIII в. боролся с военно-идеологическими вылазками западного католичества, но продемонстрировал полную лояльность Орде. Она не покушалась на православие, но еще два с половиной столетия унижала, грабила и насиловала Русь. Не проводя никаких прямых аналогий, вспомним также, что в 1930-е годы Сталин был готов к сотрудничеству с германскими фашистами, а не с социал-демократами и демократическими Британией и Францией. Чем это закончилось 22 июня 1941 г. – общеизвестно.

В связи с разочарованием Запада в российской внутренней политике и ответной реакцией большей части российских политических кругов откладываются интеграция в большую Европу, реализация «Европейского выбора России». Эти задачи ставились в 1990-е годы и в первый президентский срок Владимира Путина – на Петербургском саммите России–ЕС в мае 2003 г.

На смену им пришла – уже как официальная – доктрина «евразийства» (проект Евразийского союза). Она предполагает первоочередную интеграцию России с постсоветскими республиками: прежде всего Белорус-

сией и Казахстаном, желательно – с Украиной, по возможности – с Киргизией, Таджикистаном и др. Однако дело вовсе не ограничивается Таможенным союзом и планами Единого экономического пространства, на определенных условиях экономически полезными. Да и это не позволит решить главную российскую проблему – перейти с экспортно-сырьевой на высокотехнологичную инновационную модель развития. Тут помощи от Белоруссии и Казахстана (и тем более других кандидатов в Евразийский союз) ждать не приходится: первая живет за счет экспорта нефтепродуктов из льготной российской нефти, а второй сам процветает на экспорте углеводородов.

Но важнее всего то, что «евразийство» – реакционная философия, как грубый макияж, прикрывающая политическую отсталость России, бесправие народа, чиновничий произвол. Понятно, что такой мировоззренческий, идеологический проект диктует и курс внешней политики – отчуждение от самых передовых, демократических стран мира (опять-таки под лозунгом «евразийства»).

Вот уже два столетия в России идет нескончаемый спор о национальной идентичности: кем являются россияне – европейцами или евразийцами (начался он с «западников» и «славянофилов» в XIX в.)? Наверное, в стране есть и те и другие, а их влияние на политику периодически меняется. Эта идентификация ничуть не зависит от национальной или религиозной принадлежности; более того, она вполне может быть предметом свободного индивидуального или коллективного выбора. Главный водораздел состоит в том, как трактуются отношения народа и государства, кто кому служит и в чем выражается величие державы – в богатстве и свободе своего народа или в покорении других, утверждении своего державного могущества за рубежом. Совмещать то и другое России, в отличие от иных империй, не удавалось никогда.

Основной порок «евразийства» в том, что он подменяет спецификой географического положения базовые принципы социально-экономического и политического развития страны. Показательно, что даже на официальном уровне медведевскую концепцию «партнерства (с Западом) ради модернизации (России)» сменил лозунг опоры на собственные силы – «реиндустриализации» с локомотивом в виде «оборонки» и использованием «положительного опыта» СССР 1930-х годов (при этом, правда, не уточняется, какой именно опыт имеется в виду: индустриальные сталинские пятилетки, коллективизация или массовые репрессии).

Между тем в современном мире географическое положение определяет главным образом внешнюю политику, безопасность, экономические связи, но не стратегии внутреннего развития. Турция, например, тоже расположена между Европой и Азией, однако ее азиатскую природу едва ли можно поставить под сомнение. В Турции одерживает верх исламский

фундаментализм (благодаря предпочтениям массы населения, а не прозападной элиты), и она, видимо, примкнет к исламскому миру.

Индия, Япония, Южная Корея расположены в глубине и на дальней окраине Азии. Но при всей национальной специфике Индия быстро идет по европейской магистрали развития, и именно поэтому, не имея больших природных ресурсов, может стать демократической сверхдержавой XXI в. А две другие страны, возродившись из руин разрушительных войн, давно уже встали в ряд ведущих экономик и демократий Запада.

Соединенные Штаты, как и Россия, исторически «отпочковавшись» от Европы, географически также расположены между Европой и Азией. Этим обусловлены их экономические и военно-политические интересы на обоих континентах, а также официально провозглашенный в последнее время политический, экономический и военный поворот в Азиатско-Тихоокеанский регион. Но американцы, наверное, были бы крайне озадачены и даже оскорблены, если бы кто-то предложил им развиваться по евразийскому пути. США – ведущая держава европейской цивилизации, достигнувшая экономической и военной мощи на радикальном (протестантском) пути европейского развития. Только благодаря этому США имеют огромное – хотя уже и не монопольное – влияние на Евразийском материке и в остальном мире.

Действительно, преобладающая часть территории Российской империи, СССР и нынешней Российской Федерации расположена вне Европейского континента. Однако народы Центральной Азии и коренные этносы Сибири и Дальнего Востока, при всем уважении к их самобытности, мало что привнесли в российскую культуру, экономику и политическое устройство. Что же сказалось на них самым роковым образом, так это два с половиной столетия татаро-монгольского ига. Москва унаследовала от него не культуру, а экономическую отсталость, изоляцию от передовой Европы, деспотизм, неэффективный и вороватый аппарат управления, бесчеловечное порабощение подданных. Советская власть под лозунгами коммунистической утопии довела эти черты до крайности. Но все это – наследие трудного исторического пути России, а не специфика «евразийской цивилизации». Нет никаких оснований возводить это во благо и отстаивать как «особый российский путь».

Бесконечные рассуждения о российской «особости» («Москва–Третий Рим», «русская идея», «народ-богоносец», «самодостаточная цивилизация») в лучшем случае отражение искренних заблуждений, а в худшем – потуги обосновать и облагородить неумение или нежелание создать благополучное и активное гражданское общество и современное государство. Речь идет о таком социальном устройстве, в котором можно добросовестно работать на пользу и себе, и стране; иметь материальные блага и жить богатой духовной жизнью; поощрять истинный, а не казен-

ный коллективизм и притом уважать индивидуальность; строить сильное государство и при этом не превращать граждан в холопов; содержать мощную армию, но не подчинять ей экономику и внешнюю политику; выбирать депутатов и назначать чиновников, которые служат народу, а не грабят и обманывают его; заставить начальство уважать законы, а не только навязывать их подданным.

Поразительно, что адепты российской «особости» разделяют это по принципу «или-или»: одно относят к европейским ценностям, а другое – к нашим, «исконно российским», да еще провозглашают их величайшим благом. Действительно, трудная и трагическая история России складывалась таким образом, что внешние враги и свои тираны все время заставляли народ идти на огромные жертвы ради истинных или мифических целей. Но вспомним Александра II, декабристов, европейское реформаторство Столыпина и Витте, нэп 1920-х годов, хрущевскую «оттепель», первые годы перестройки Горбачева, демократическую революцию августа 1991 г., наконец, общественное пробуждение 2011–2012 гг. Каждый раз, как только российскому народу давали хоть глоток свободы, он реагировал бурным расцветом экономики, политики, культуры, науки, возрождением истинно европейским демократических ценностей. Такого не было и не может быть в Азии, Латинской Америке или Африке. То, что эти плодотворные семена не погибают, несмотря на долгие периоды государственного гнета и трагических потрясений, является самым ярким свидетельством европейской природы российского народа.

Правда и то, что угнетение и бесправие россиянам навязывали не только внешние враги, но (чаще и надолго) и российские правители, которые были частью народа и властвовали его именем (какие бы этнические примеси ни были в их крови: норманнские, монгольские, польские, немецкие, еврейские, грузинские, украинские и т.д.). Это говорит лишь о том, что путь к цивилизованному общественному устройству, которое называется европейским, долг и труден, идет через падения и взлеты, жертвы и невзгоды.

Таким путем следовали все европейские народы, прежде чем достигли ко второй половине XX в. процветания (несмотря на периодические экономические кризисы) и свободы. У них за плечами темные варварские века, кровавые крестовые походы, бесконечные междоусобицы, перевороты и убийства, необузданные народные восстания и еще более жестокое их подавление, костры инквизиции и религиозные войны, братоубийственные революции в Англии XVII в. и во Франции XVIII в., зверства конкистадоров и плантаторское рабовладение в Новом Свете, Столетняя и Тридцатилетняя войны, общеевропейское наполеоновское побоище XIX в. и две самых чудовищных мировых войны в XX в.

Подспудно доктрина «евразийства» идет дальше создания Таможенного союза и Единого постсоветского экономического пространства. Она подразумевает стратегическую переориентацию с европейского пути на азиатский, прежде всего – китайский, сочетающий рыночную экономику с авторитарным (фактически однопартийным) политическим строем. Это называют «авторитарной модернизацией», якобы превратившей Китай в остров экономической стабильности и роста в море глобального кризиса, начавшегося в 2008 г.

Однако исторический опыт показал, что, в отличие от азиатских народов, русские не могут развивать эффективную рыночную экономику без политической свободы, в условиях авторитарной политической системы. Для России экономический подъем был бы невозможен и в условиях иностранной оккупации (как это было в Японии, Южной Корее, Тайване в 1950–1960-е годы)¹. И это еще один важнейший признак европейской принадлежности России.

Китай, безусловно, – великий народ и цивилизация. Но, помимо всех других отличий, Китай в своем поразительном экономическом росте проходит совершенно другую историческую стадию, сравнимую с российским нэпом 1920-х годов. Для запуска той модели потребовался непрерываемый авторитет Ленина (как Дэн Сяопина 60 лет спустя) и послушная руководству партия, еще не осознавшая себя правящим классом с собственными социальными интересами. В известном смысле Китай демонстрирует сейчас, каких успехов мог бы достичь СССР, продолжи он нэп после смерти Ленина, не прикончи его Сталин насильственной коллективизацией, индустриализацией и всесоюзным ГУЛАГом (то же через 30 лет в более мягкой форме проделал в Китае Мао Цзэдун – с известными результатами).

Китайское экономическое чудо помимо действительно умной политики руководства КПК основывается на добросовестном труде многих сотен миллионов китайских крестьян, которые в деревне кормят себя, страну и большую часть внешнего мира, а приходя в город, по последнему слову техники возводят жилые массивы, деловые центры, промышленные предприятия, аэродромы и автострады – и все за зарплату 60–100 долл. в месяц. При этом они не требуют никаких политических прав, помня о голодных годах «социализма» и «культурной революции»; большинство граждан пока довольствуется едой и скромными, но постепенно растущими материальными благами. Как долго так будет продолжаться – вопрос дискуссионный, но остающийся «пул» в 700 млн. крестьян – огромный запас для такой модели развития.

¹ Немецкое экономическое чудо 1950–1960-х годов в условиях оккупации – это не модернизационный этап развития страны, а возвращение народа в лоно европейской демократии после фашистской aberrации.

Россия может позаимствовать у Китая методы налаживания экономики, но не саму экономическую модель. Россия проскочила «окно» нэпа 80 лет назад и идет к рынку от высокоурбанизированной планово-государственной экономики и разваленной колхозами деревни, с населением, привыкшим ко всеобщему образованию и скромному, но всеобъемлющему здравоохранению и социальному обеспечению. Ни на селе, ни в городе россияне не будут работать за 60–100 долл. в месяц; они уже привыкли к политическим правам и свободам, хотя и не готовы ими пользоваться, обменяв их в 2000-е годы на социальную стабильность и рост благосостояния. А новый правящий чиновный класс, сросшийся с бизнесом, политиками и прессой, вполне осознает свои интересы и не станет добровольно подчиняться противоречащим им указаниям сверху, от кого бы они ни исходили. Иными словами, в нынешней России в силу ее фундаментально европейской природы не удастся построить цивилизованную рыночную экономику без параллельного развития демократии.

Сегодняшнее социальное устройство не есть следствие национальной («евразийской») специфики России, а определенный этап ее эволюции, который переживали и другие европейские страны. Возводить нынешнюю систему в статус особой национальной модели не просто бесосновательно, но безнравственно и опасно. Такая модель опять обрекает страну на стагнацию, разрыв между государством и обществом, не позволяет решать крупнейшие национальные проблемы. Она несовместима с высокотехнологичной, инновационной экономикой и чревата социальными потрясениями, если падение мировых цен на нефть станет затяжным.

В силу специфики географического положения Россия действительно имеет интересы в Азии, связанные с экономикой и безопасностью. Сможет ли Россия обеспечить их соответствующим присутствием и влиянием в регионе, зависит от выбора ее собственного пути. При нынешней экономической и политической системе привлечь в Сибирь и на Дальний Восток капиталовложения и высокие технологии не удастся, как не получилось до сих пор. Проведенный с большой помпой, затратами (и казнокрадством) саммит АТЭС в 2012 г. дал мизерный практический эффект, «пар ушел в гудок», и о нем уже забыли. В азиатскую часть России придет, пожалуй, только Китай, который рассматривает эту территорию как источник сырья для своей промышленности и зону демографического расширения («исторические претензии» не забыты, но на время отложены).

Чтобы стать действительно влиятельным субъектом Азиатско-Тихоокеанского региона, куда перемещается центр мировой экономической и военно-политической активности, России необходима модернизация социально-экономической и политической системы, причем не на мифическом евразийском, а на европейском пути развития.

Внешняя политика в поисках ориентира

Под влиянием внутривнутриполитической ситуации Москва взяла курс на обострение отношений с США. Пожалуй, никогда еще влияние внутренней политики на внешнюю не было столь явным. Судя по всему, в «верхах» утвердилось мнение о том, что следствием сближения с Западом (включая «партнерство ради модернизации») станет размывание исполнительной вертикали и управляемой демократии, а в пределе – «цветная революция».

Последнее представляется надуманным, но то, что модернизация и демократизация государственно-политической системы России диалектически связаны с углублением сотрудничества в рамках евроатлантического пространства, причем влияние здесь обоюдное, совершенно правильно. Другое дело, что это прежде всего необходимо для экономического и политического прогресса самой России, так как предполагает мирный и легитимный демонтаж властной монополии постсоветской номенклатуры и ее базиса – экспортно-сырьевой экономики. При создании в России благоприятных политических и экономических условий сюда естественным образом потекут инвестиции и технологии как зарубежного, так и отечественного происхождения.

Глобальный экономический кризис, падение спроса и цен на энергоносители резко ухудшили положение России в мировой экономике и торговле, существенно уменьшили государственные доходы. Экспортно-сырьевая экономика страны, для смены которой на инновационную за прошедшие годы практически ничего не было сделано, понесла самые большие потери от глобального кризиса, повлекла снижение уровня жизни народа (с учетом инфляции) и урезание инвестиций на социальные нужды, здравоохранение, образование, науку.

Зависимость Европы и других потребителей от российских энергоресурсов, имевшая большое внешнеполитическое значение, превращается сейчас в зависимость России от импортеров. Рано или поздно страны Запада выйдут из кризиса, но мировые цены на энергоносители никогда не вернуться к предкризисному уровню из-за целенаправленной политики основных импортеров по подавлению спекулятивных финансовых операций на энергетическом рынке, освоению по существу безграничных запасов сланцевого газа и нефти, внедрению энергосберегающих технологий и разработке альтернативных источников энергии.

Сокращение экспорта энергоресурсов не может быть восполнено экспортом другого сырья, оружия, атомных технологий и материалов. Россия встанет перед выбором: урезать свои внутренние и внешние амбиции до уровня скромных доходов начала предыдущего десятилетия или еще больше переориентировать энергетический экспорт на Азию. Тогда

вместо «сырьевого придатка» Запада она станет придатком Китая, Индии и других новых индустриальных стран, которые в огромной степени являются приложением к инновационным экономикам США, Евросоюза и Японии.

На постсоветском пространстве ситуация для России также неблагоприятна. Несмотря на частные успехи в развитии интеграционных объединений (Таможенный союз, ЕврАзЭС и ОДКБ), в 2000-е годы не удалось создать новую прочную основу взаимодействия. Правящие круги постсоветских государств рассматривают Россию или как угрозу своему суверенитету и территориальной целостности, или как «дойную корову» для получения экономических льгот за демонстрацию (или имитацию) политической и военной лояльности.

Авторитарные государства только в тактическом плане выглядят более надежными и предсказуемыми союзниками. В стратегической перспективе они, в отличие от стран демократических, генетически неспособны к интеграции. Их лидеры отвергают любое ограничение суверенитета (т.е. своей власти) внутри страны и потому не потерпят его извне. Среди авторитарных государств возможно лишь подчинение слабых более сильным, а это ненадежная основа сотрудничества. Некоторые из стран СНГ взяли курс на отрыв от России, другие постоянно маневрируют между Россией и Западом (а в Центральной Азии – еще и Китаем), стремясь получить от всех максимальные преимущества.

Да и Россия, видимо, не очень доверяет ближайшим соратникам. Недаром за большие деньги строятся газопроводы из России в Европу в обход «братских республик» Украины и Белоруссии (через Балтийское и Черное моря и далее – через территории стран НАТО). И это притом, что Белоруссия создает с Россией единое государство, а вовлечение Украины в Евразийский союз является приоритетной целью Москвы.

Ни один союзник по ОДКБ (вопреки ст. 4 Ташкентского договора о коллективной безопасности) не поддержал Россию в дни боевых действий в августе 2008 г., а впоследствии не признал влעד за Российской Федерацией (а также Венесуэлой и Никарагуа) независимости Южной Осетии и Абхазии (так же как не признала их ни одна страна ШОС и БРИК).

Отношения с Западом вступили сегодня в самый трудный после окончания 20 лет назад холодной войны период. Фактически парализована система европейской безопасности, зашли в тупик переговоры России о новом Соглашении о партнерстве и сотрудничестве с Евросоюзом. Вновь обострились противоречия между Россией и США/НАТО на Ближнем и Среднем Востоке (вокруг проблем Сирии и Ирана), возможны столкновения в Арктике и других регионах. Все чаще Россия и Запад оказываются по разные стороны локальных конфликтов.

Наступила глубокая стагнация процесса ограничения и сокращения ядерных и обычных вооружений. Распался Договор об обычных вооружениях в Европе, и замены ему не предвидится. Противоречия Россия – США вокруг систем ПРО, ограничения тактического ядерного оружия и стратегических вооружений в обычном оснащении могут добить остатки системы ядерного разоружения, включая Договор РСМД от 1987 г. и новый Договор СНВ. Стороны оказались на пороге возобновления гонки вооружений по новейшим направлениям военных технологий. Под угрозой режим нераспространения ядерного оружия, раскачиваемый ядерными и ракетными программами Ирана и КНДР. После шести единогласно принятых резолюций Совета Безопасности ООН в 2006–2010 гг. Россия и Китай, с одной стороны, и США, Британия и Франция – с другой, снова оказались расколоты по этому вопросу. На Западе линия Москвы воспринимается как заигрывание с Ираном и КНДР, которое позволяет этим режимам продолжать свои ракетно-ядерные программы, игнорируя решения ООН.

В своих отношениях Россия и Запад практически полностью отошли от недавних идей партнерства, стратегического союза, многоплановой интеграции и ныне колеблются между возвратом, в лучшем случае, к «мирному сосуществованию» времен СССР, а в худшем – к «сдерживанию» и конфронтации (обе доктрины относятся к разным периодам холодной войны).

Конечно, было бы несправедливо возлагать вину за это только на Москву. США и их союзники совершили огромный стратегический просчет, отвернувшись от авторитарных арабских лидеров и поддержав «арабскую весну» начала 2011 г. Вопреки наивным надеждам на исламскую демократию эти революции везде привели к власти исламских фундаменталистов той или иной степени радикальности или превратили целые регионы Северной Африки и Ближнего Востока в зону гражданских войн и терроризма.

В диалоге с Москвой по ПРО Вашингтон не проявил достаточной гибкости и понимания того, что единство с Россией по проблемам нераспространения намного важнее тех или иных технико-географических параметров программы ПРО. США инициируют все новые военно-технические проекты (вроде высокоточных стратегических вооружений, орбитальных и суборбитальных ударных систем), не заботясь о договорно-правовых мерах, которые могли бы снять озабоченность Москвы.

Впрочем, взаимопониманию не способствует и непоследовательная российская линия, которая походит то на блеф, то на фарс. Поставив вопрос о создании единой системы ПРО (что предполагает близкие союзнические отношения), Москва продолжала считать НАТО главной угрозой и делала упор на ракетно-ядерные программы, нацеленные на страны Запада. Требуя гарантий ненаправленности ЕвроПРО на Россию, она сама на-

чала массивную программу воздушно-космической обороны, открыто направленную против США.

Однако при всех тех конкретных претензиях, которые могут быть высказаны в адрес курса США и их союзников (по вопросам ПРО, Ливии, Сирии), ничто в их политике не дает основания для возврата России к менталитету осажденной крепости и холодной войны. Главную роль тут, несомненно, играют внутривнутриполитические мотивы, страх российских руководящих кругов перед «цветными революциями». Между тем главное средство против них – честные и свободные выборы. Недаром никто на Западе не страшится «цветных революций», несмотря на массовые и нередко сопровождающиеся насилием протесты, вызванные экономическим кризисом.

Отношения России с Китаем остаются благоприятными в кратко- и среднесрочной перспективе, но в долгосрочном плане сопряжены с большой неопределенностью и ростом проблем для России. Экономическая, демографическая и военная ситуация на Дальнем Востоке не сулит России ничего хорошего. Возрастает глобальная роль Китая, в условиях кризиса расширяется его экономическое взаимодействие с США, Японией, Евро-союзом, на порядок превышающее по объему российско-китайское сотрудничество. Все более явно чувствуется презрительное отношение к России. Происходит ползучая экономическая и демографическая экспансия Китая в депрессивные регионы Сибири и Дальнего Востока, причем их природные ресурсы хищнически опустошаются, а природа варварски загрязняется отходами китайского «экономического чуда».

При неуклонном росте уязвимости и зависимости России от Китая, в АТР сохраняется низкий уровень сотрудничества Российской Федерации с Японией, США, Южной Кореей. В силу, как выразился однажды Дмитрий Медведев, «железобетонной позиции» Москвы по вопросу Южных Курил (и с учетом опыта пересмотра российской стороной сахалинского газового проекта) рассчитывать на диверсификацию дальневосточных российских отношений в ближайшее время не приходится.

Политика заигрывания Москвы с исламским миром (признание ХАМАС, невозмутимая реакция на апологику преступлений гитлеризма со стороны руководства Ирана) вызывает не благодарность, а все более пренебрежительную реакцию последнего. Это обостряет отношения России с США и их союзниками, подкрепляет доводы о «чужеродности» России в европейской цивилизации. Тот же результат имеют попытки придания антизападной направленности блокам ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС и БРИК (хотя это отнюдь не приветствуется Китаем, Индией, Бразилией и большинством постсоветских стран). Прекращение американской войны в Ираке и предстоящий вывод контингента НАТО из Афганистана, весьма вероятно, приведут к тому, что российским войскам в конце концов вновь

придется сражаться с исламским экстремизмом в Центральной Азии, на Северном Кавказе, а возможно, и в других российских регионах. И делать это придется без помощи НАТО и постсоветских республик.

По отношению к развивающимся странам в политике Москвы последних лет просматриваются признаки имитации линии СССР 1960–1980-х годов. Речь идет о политической поддержке и восстановлении связей (проекты поставок оружия и ядерных реакторов, обсуждение строительства баз) с авторитарными режимами и организациями, которые объединяет радикальное антизападничество: Куба, Венесуэла, Боливия, Никарагуа, Иран, Сирия, КНДР и пр. Проблема не в том, что эти страны не отвечают высоким критериям демократии – Запад тоже бывает не слишком разборчив в выборе партнеров. Они открыто поддерживают террористов, проводят массовые репрессии и геноцид, бросают вызов ООН и МАГАТЭ, оправдывают производство наркотиков, допускают скандальные выходы во внешней политике. Как показал опыт СССР, сотрудничество с такими режимами экономически затратно и политически ненадежно: в любой момент они могут рухнуть по внутренним причинам, переметнуться к тем, кто больше заплатит, или втянуть Москву в свои авантюры.

В целом при явном росте напряженности или стагнации в отношениях России с самыми передовыми демократическими странами мира одновременно возникают серьезные сомнения в наличии стратегического видения и осознанных приоритетов в российской внешней политике. Равно как и в том, что возможности страны на международной арене рассчитываются на основе реалистической оценки экономической, финансовой и научно-технической базы ее влияния. Это касается, в частности, военного потенциала.

Программа вооружения и безопасность

Повышенная после кавказского кризиса августа 2008 г. военная активность России набрала еще большие обороты с 2012 г. Постепенно она перерастает в милитаристскую истерию с нагнетанием страхов перед внешней военной угрозой, кампанию за мобилизацию всех ресурсов для противодействия агрессии.

Военный баланс действительно заметно меняется не в пользу России. Однако парадокс состоит в том, что это происходит без форсированного наращивания военной мощи США и НАТО, в которых официальная Москва видит главные угрозы безопасности. Наряду с глубоко ошибочным в политическом плане расширением на восток НАТО заметно сокращает свои совокупные вооруженные силы. Нынешние 28 стран – членов альянса имеют в Европе на 40% меньшую численность личного состава,

на 35 – меньше сухопутных войск, на 30 – меньше военно-морских сил и на 40% меньше боевой авиации, чем 16 стран-членов в начале 1990-х годов. Американские войска на континенте за тот же период уменьшились втрое, а по некоторым параметрам (сухопутные войска) в 10 раз¹. Это вряд ли было бы возможно, если бы НАТО готовила агрессию против РФ, пользуясь ее военным отставанием.

Стратегические ядерные силы США за 20 лет сократились примерно в 5–6 раз и практически не модернизировались, а тактические ядерные средства были уменьшены в 15–20 раз. Их силы общего назначения сокращаются, переформируются и перевооружаются для ведения дистанционных, «бесконтактных войн» с региональными противниками и противопартизанских операций. Кроме того, в предвидении соперничества с Китаем идет передислокация стратегических вооружений и сил общего назначения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В условиях кризиса в ближайшие годы страны НАТО наметили сократить свои военные расходы в среднем на 15–20%.

Опережение США по новейшим системам высокоточного неядерного оружия, противоракетной обороны, управления и информационного обеспечения увеличиваются объективно – в силу общего экономического и военно-технического превосходства над Россией. Нет никаких оснований обвинять их в форсированном наращивании военной мощи, тем более что направлена она на других вероятных противников, хотя нередко вызывает опасения и подозрения в Москве.

Представляется, что ощущение растущей военной угрозы в России во многом обусловлено проблемами ее военной политики при кратном сокращении в 1990-е годы бюджета обороны, а также крупными ошибками военной реформы после 2000 г., несмотря на восьмикратное увеличение военных расходов (со 190 млрд. руб. в 2000 г. до 1660 млрд. руб. в 2012 г. (5, с. 2, 6)). Именно этим, более всего, объясняется прогрессирующая деградация сил общего назначения, низкие темпы модернизации стратегического ядерного потенциала, стагнация оборонно-промышленного комплекса, растущее отставание по новейшим военным технологиям и вал рекламаций на поставки вооружений за рубеж.

Может сложиться впечатление, что военное командование России вводит в заблуждение политическое руководство и общественность, раздувая два мифа: о росте военной угрозы извне и о неуклонном повышении обороноспособности страны. Речь идет о многочисленных военных пиар-акциях внутри и вне страны: заморские полеты бомбардировщиков и походы кораблей, испытательные запуски ракет, масштабные военные ма-

¹ В общей сложности силы НАТО отстают от потолков изначального ДОВСЕ по личному составу на 42%, по бронетехнике и артиллерии – на 25, по боевым вертолетам и самолетам – на 45%.

невры, грандиозные парады вооружения на Красной площади в сопровождении грозных заявлений.

Видимо, эти акции призваны отвлечь внимание от промахов российской военной реформы и государственной программы перевооружения, армейской коррупции, преступности и «дедовщины» в войсках – особенно если учесть, какие огромные средства выделялись на оборону в последние годы. Вот уже 20 лет Россия не может решить застарелые проблемы жилья для офицеров, контрактного комплектования, технического переоснащения войск, улучшения систем управления и информационного обеспечения, оптимизации уровня, структуры и состава вооруженных сил, формирования адекватной военной доктрины и стратегии. В ходе «реформы Сердюкова» произошли некоторые сдвиги в решении этих наболевших проблем, но они сопровождались огромными издержками и злоупотреблениями, которые дискредитировали даже правильные начинания. Время покажет, насколько успешно будет исправлять ошибки и продолжит ли правильные начинания назначенный в ноябре 2012 г. новый министр обороны Сергей Шойгу.

Находящиеся на службе и отставные российские стратеги по-прежнему грезят большими войнами с США и их союзниками на суше и на море, в воздушном и космическом пространстве, с применением обычного, ядерного и лазерного оружия. Вот уже более полувека – во времена как СССР, так и новой России – в военных доктринах повторяются сакраментальные тезисы о грандиозных будущих войнах (см.: 4). В последнее время при явном поощрении политического и военного руководства вал литературы такого рода буквально захлестнул печатные и электронные СМИ – как будто холодная война не кончилась 20 лет назад.

Вот, например, что пишет один из уважаемых патриархов отечественной военной мысли генерал армии Махмуд Гареев: «Очевидно, что первоочередным остается стремление мировых держав к установлению контроля над энергетическими ресурсами, в том числе и России... Цель – лишить Россию доходов от производства и продажи газа и нефти, поставить ее перед угрозой социально-экономического обвала... При современном характере вооруженной борьбы центр ее тяжести и основные усилия переносятся в воздушно-космическое пространство. Ведущие государства мира делают ставку на завоевание господства в воздухе и в космосе путем проведения в самом начале войны воздушно-космических операций с нанесением ударов по стратегическим и жизненно важным объектам по всей стране» (6, с. 4–5). Генерал говорит и о вероятности великих танковых сражений на европейских просторах. Логика его проста: куда иначе денутся накопленные горы бронетанковой техники в случае войны? Мысль о том, что такой войны не случится, как не случилось за прошедшие без ма-

лого 70 лет, и эти запасы оружия будут и дальше стоять без дела и постепенно таять, просто не приходит в голову известному военачальнику.

Генерал армии не приводит ни единого факта или довода в пользу своих предложений: очевидно, и точка! На самом деле ни у США, ни у их союзников, при всех претензиях, которые можно им предъявить, нет подобных политических замыслов, как нет и реальных планов развязать войну против России. Даже в Ираке после десяти лет войны и оккупации, подорвавших американские финансы, им не удалось поставить нефть под свой контроль. Вместо того чтобы зариться на российские углеводороды, Запад, к ужасу российских экспортеров, интенсивно осваивает сланцевый газ и нефть, внедряет энергосберегающие технологии. Однако для многих в России имманентное наличие зловещих агрессивных замыслов со стороны Запада – предмет веры, а не анализа и фактических доказательств, поскольку без этой веры их стройное мироздание рассыпается на осколки, как королевство кривых зеркал.

Исходя из тех же предпосылок, часто печатающийся военный специалист полковник Константин Сивков утверждает: «Возможность начала мировой войны сегодня непрерывно нарастает в связи с углублением глобального кризиса, разрешить который можно, только изменив всю систему мирового устройства...» (16, с. 2). Однако вопреки этому мнению США и НАТО, стремясь выйти из кризиса, не наращивают, а существенно снижают военные расходы, включая ассигнования на новейшие системы ПРО и ракетно-гиперзвуковые наступательные средства программы «Быстро глобального удара». Это весьма оригинальная стратегия для альянса, замышляющего большую войну.

Но, пожалуй, всех заткнул за пояс адмирал флота Иван Капитанец. Нарисовав устрашающую картину одновременного удара по России тысяч ракет США со всех азимутов, он раскрыл секретный замысел врага: «По окончании агрессии, когда от российской государственности не останется и следа, произойдет арест счетов российских олигархов и крупных правительственных чиновников, размещенных в иностранных банках. Вслед за арестом последует изъятие этих счетов и вкладов в качестве компенсации за понесенные Соединенными Штатами материальные затраты в ходе подготовки и проведения операции» (8, с. 441).

Иными словами, после победы агрессивная американская военщина перейдет на полный козыгинский хозрасчет. Если же говорить серьезно, то упомянутый труд был издан десять лет назад, устрашающие прогнозы не сбылись, причем военная сила России, по доводам сторонников этой школы, за десятилетие не возросла, а уменьшилась. Казалось бы, профессиональная честность и ответственность предполагают признание ошибки в оценке намерений, военных планов и возможностей других держав.

Но куда там! Кампания о неминуемой угрозе агрессии Запада набирает еще больший размах.

Это было бы смешно, если бы не было так грустно – ведь адмирал и его соратники пользуются авторитетом в военных кругах, по их трудам учатся офицеры в училищах и академиях. Хуже того, версия о том, что Запад хочет захватить российские углеводороды или выйти из глобального кризиса за счет новой войны получила хождение в политической элите и ареопаге Российской академии наук. Никакие реалистичные доводы и факты не принимаются во внимание, если они противоречат умозрительным построениям стратегов этой «школы». Полковник Сивков и его единомышленники – верные последователи римского богослова III века Квинта Тертуллиана с его сакраментальным тезисом: «*Credo quia absurdum est*» – «Верую, ибо абсурдно».

Приводить примеры таких опусов, радио- и телевыступлений можно без конца. Впрочем, кампания об угрозе ракетно-космических войн, захлестнувшая в последнее время российское медийное и аналитическое пространство, имеет вполне практические объяснения.

Пророчества о таких войнах основаны на предпосылке имманентной вражды России не с талибами и даже не с Грузией, а с США и НАТО. Раз есть угроза с их стороны, о каком «партнерстве ради модернизации» с этими странами может идти речь? И если нужна мобилизация экономики и политики для вероятной большой войны, то о рыночном хозяйстве и демократии следует забыть. Об этом прямо пишут и говорят ударники этой кампании.

За подготовкой к таким войнам – больше денег и больше славы, грандиозные технические проекты. Так легче дурачить политиков, которые мало смыслят в ракетно-космической эзотерике. В случае же ошибки не придется нести ответственность – ведь такой войны, скорее всего, не произойдет, а случись она – будет некому и не с кого спрашивать.

Другое дело – локальные войны, борьба с вооруженными экстремистами, миротворческие операции. Все представляют себе такие конфликты, а многие в них участвовали. Системы оружия можно испытать и сравнить с иностранными аналогами в условиях, близких к боевым, да и современного опыта реального применения более чем достаточно. Подготовка к таким боевым действиям – тяжелая и отнюдь не гламурная работа, а за провалы на настоящем поле боя могут призвать к ответу.

Тем не менее в реальной жизни все оказывается не так, как в богатом воображении стратегов. За прошедшие полвека советскому офицеру и солдату пришлось подавлять мятежи или мирную оппозицию в Германии, Венгрии, Чехословакии, воевать с моджахедами в Афганистане, поддерживать просоветские режимы и партизанские движения в Азии, Африке, Латинской Америке. А российские военнослужащие на протяжении по-

следних 20 лет вели боевые действия не в фантастических «звездных войнах», а в тяжелых и грязных (во всех смыслах слова) локальных конфликтах, сталкиваясь с незаконными, но зачастую хорошо вооруженными и организованными, фанатичными формированиями (Таджикистан, Приднестровье, Чечня, Дагестан). Российским войскам пришлось осуществлять локальное силовое принуждение к миру, миротворческие и правоохранительные операции (Таджикистан, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Чечня, Босния, Косово, Аденский залив).

Нет никаких политических оснований полагать, что в последующие 20 лет ситуация резко изменится – во всяком случае военные мечтатели не приводят ни одного довода в пользу этого. Напротив, локальные акции, судя по всему, будут все более частыми и многочисленными. Именно эффективностью и масштабом участия государства в миротворческой, спасательной деятельности и силовых операциях под эгидой ООН и региональных организаций безопасности (в том числе в отдаленных регионах) будет в первую очередь определяться престиж, статус и роль той или иной державы в мировой политике. Число ее ядерных ракет, кораблей и самолетов особого значения не имеет.

Пока в мире остается ядерное оружие, а другие ядерные державы не являются союзниками России, альтернативы поддержанию ее потенциала ядерного сдерживания на уровне разумной достаточности и в рамках международных договоров нет. Но этот потенциал – не более чем «страховой полис» безопасности на самый крайний, невероятный случай. Ядерное сдерживание не может быть главным приоритетом оборонной политики страны, поскольку реальные угрозы требуют иных военных и политических ответов.

В среднесрочной перспективе дестабилизация Южной и Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа – самая большая реальная военная угроза России, в отличие от мифов, порожденных политическими, ведомственными и корпоративными интересами. Это угроза со стороны внутреннего организованного вооруженного экстремизма, который действует в опоре на прямую военную помощь извне, да еще, возможно, под ракетно-ядерным прикрытием со стороны радикальных режимов, обзаводящихся таким оружием.

Качества этого врага – фанатизм, готовность к бесконечной войне, людские ресурсы и финансовые резервы, позволяющие не считаться с жертвами и использовать новейшие технические средства борьбы с передовыми армиями, – предъявляют высочайшие требования к уровню подготовки и оснащенности вооруженных сил ведущих держав. Они обязаны побеждать быстро и не могут позволить себе слишком большие боевые потери и сопутствующий ущерб для мирных жителей в зоне военных действий. Пока же и СССР в Афганистане, и Россия на Северном Кавказе и в

Центральной Азии, и США и НАТО в Ираке и Афганистане потерпели поражение или, во всяком случае, не сумели добиться решительной победы.

Похоже, к угрозе с юга Россия, как это нередко бывало в ее истории, не готова ни в военном, ни в политическом отношениях. Она ориентируется на подготовку к войне с США и НАТО на суше, на море и в воздушно-космическом пространстве. В развитии военной силы качественно нового типа Россия все больше отстает от США и их союзников, а в последнее время – даже от Китая. Нет уверенности в том, что реальные (в отличие от декларативных) плоды военной реформы 2008–2012 гг. и грандиозная Государственная программа вооружения до 2020 г. (ГПВ-2020 с общим объемом финансирования в 23 трлн. руб.) способны переломить эту тенденцию. Вопреки фанфарным реляциям запланированный вал бронетанковой техники, артиллерии, боевой авиации, кораблей и подводных лодок, ракет и антиракет¹ вовсе не обязательно выведет российские Вооруженные силы на качественно новый уровень.

Нацелившись на ядерное сдерживание США (в том числе начав затратную программу новой тяжелой межконтинентальной ракеты и ряд других дублирующих проектов), Россия все больше отстает в развитии информационно-управляющих систем, необходимых для боевых операций будущего, для полной координации действий разных видов и родов войск, применения высокоточных оборонительных и наступательных неядерных вооружений. Развертывая малоэффективную воздушно-космическую оборону против НАТО, Россия не обретет надежной защиты от ракетных и авиационных ударов безответственных режимов и террористов с южных азимутов.

Поддерживая большую по численности (1 млн. человек) и паркам оружия армию, Россия катастрофически проигрывает в стратегической мобильности, которая необходима ввиду размера ее территории и прилегающих зон ответственности в СНГ – ОДКБ. Готовясь к масштабным танковым и воздушным сражениям в Европе (6, с. 4–5), страна демонстрирует низкую эффективность в операциях против вооруженных мятежников и в неожиданных быстротечных локальных конфликтах (как в августе 2008 г.). Внедрению новых сложных систем оружия и боевой техники, методам ведения интенсивных операций не соответствует план сохранения более 30% личного состава на базе призывников с 12-месячным сроком службы.

Реформа и техническое перевооружение армии и флота в огромной мере диктуются ведомственными и корпоративными интересами, мотивами престижного и символического характера (новые тяжелая межконтинентальная ракета для шахтных пусковых установок и ракета железнодоро-

¹ По ГПВ-2020 планируется к 2020 г. произвести 3000 единиц бронетехники, 500 боевых самолетов и 1000 вертолетов, 100 кораблей и подводных лодок, 3000 антиракет и порядка 400 наступательных стратегических ракет.

рожного базирования, перспективный дальний бомбардировщик, истребитель пятого поколения, авианосцы, атомные подводные лодки и пр.). Ко всему, огромная программа государственных заказов на вооружения – это самая большая из существующих в России емкость для коррупции: даже по официальному данным военной прокуратуры, она составляет 20% от суммы контрактов, а на деле – намного больше. Такую программу гораздо легче оправдать угрозой воздушно-космических войн, а не нуждами борьбы с исламским вооруженным экстремизмом.

Ориентация на вымышленные, идеологически мотивированные угрозы может подорвать возможности России по эффективному применению силы в вероятных конфликтах на ее южных и восточных рубежах, в дальнем зарубежье для миротворческих задач и борьбы с опасностями нового типа. Россия в очередной раз рискует потратить огромные ресурсы, готовясь к прошлым войнам, и окажется не готова к реальным вооруженным конфликтам будущего.

Не менее пагубно, что намеченная Государственная программа развития вооружений (ГПВ)-2020 совершенно нереалистична в финансовом отношении.

Во-первых, количество и сроки внедрения новых вооружений и военной техники не соответствуют возможностям оборонной промышленности и не учитывают быстрый рост цен на ее продукцию. Цены же растут из-за коррупции, огромных «откатов», которые закладываются в стоимость военной техники. Покончить с этой практикой в рамках существующей системы невозможно, поскольку в этом и состоит ее суть – особенно в военной сфере с ее всеобъемлющей секретностью и кулуарным способом принятия решений. Для изменения же системы, кроме кадровых и административных перестановок, в Минобороны ничего не сделано.

Во-вторых, запланированный рост затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и закупку вооружений в рамках ГПВ-2020 предполагает общий объем военного бюджета в 6 трлн. руб. в 2020 г. Но если этот объем, как заявлено, не должен превышать 3,5–4% ВВП России, то в том же году российский ВВП должен достичь 150 трлн. руб., т.е. более чем утроиться по сравнению с 2012 г. (60 трлн. руб.). Если принять самые оптимистические прогнозы темпов роста экономики (ввиду ее экспортно-сырьевого характера), т.е. порядка 4% в год, то ВВП в 2020 г. составит только 100 трлн. руб. – на 30% меньше желаемого (З, с. 6). Это значит, что ГПВ-2020 придется по ходу дела свертывать или пойти на гораздо большее увеличение военных расходов за счет урезания и без того скудных гражданских статей федерального бюджета: на социальное обеспечение, здравоохранение, образование, науку и культуру.

Это происходит уже сейчас и угрожает вызвать массовые социальные протесты и волнения, которые придется подавлять законодательными

и силовыми способами. Вместе с ростом расходов на содержание государственного аппарата и внутреннюю безопасность этот курс делает федеральный бюджет зеркалом милитаристского, репрессивного государства – таким был Советский Союз. Однако уроки его падения, похоже, совершенно не осознаются постсоветской номенклатурой. Под лозунгами «великой России» она живет по принципу: «После нас хоть потоп».

Вместо заключения

Трудно отделаться от ощущения, что в настоящее время Россия снова, уже в четвертый раз за последние 500 лет своей истории, возвращается на круги своя. Как в головоломке (или ее современном варианте – лего), стоит одну деталь поставить на свое место – и все остальные тут же складываются в единую и органически взаимосвязанную фигуру.

Постсоветская номенклатура, противостоя новой волне демократического движения, пытается вернуть Россию к авторитарному, репрессивному политическому строю, одержимому страхом перед внутренними и внешними угрозами. Развернулась истерическая кампания, питающаяся «старыми» идеями о враждебном окружении России и нарастании внешней опасности (вплоть до нападения с применением самых современных вооружений). Соответственно во внешней политике взят курс на отчуждение от США и их союзников, а по ряду направлений – на обострение отношений с ними.

Все это особенно парадоксально именно сейчас. В США после тяжелой борьбы на выборах 2012 г. на второй срок пришел президент Барак Обама – наиболее перспективный с точки зрения отношений с Россией американский лидер со времен Франклина Рузвельта. Европа слишком погружена в проблемы финансово-экономического кризиса, чтобы думать об отношениях с Москвой. Военно-политические отношения с США, НАТО, Японией беспрецедентно благоприятны. Поэтому российский настрой на отражение угроз военной агрессии и «цветных революций» производит впечатление полного сюрреализма.

Еще один элемент традиционной системной конструкции – разгул милитаризма и принятие грандиозной программы наращивания вооружений, намного превышающей промышленные и финансовые возможности страны. Эта программа «легитимируется» абсолютно несостоятельной, но популярной в верхах идеей: военные заказы и возрождение обороной промышленности станут локомотивом общего экономического подъема.

Но если это так, то почему развалилась экономика СССР, построенная именно вокруг военно-промышленного комплекса? Она не только оказалась неспособна удовлетворить растущие потребности мирных граждан, но и не сумела создать и новейшие виды оружия. В ведущих военных

державах технические инновации динамичной гражданской экономики и науки питают военную промышленность, а не наоборот. Время сталинских индустриальных пятилеток безвозвратно ушло, его не возродить в эпоху сплошной компьютеризации и перманентной информационной революции. Если программа вооружений не будет пересмотрена с учетом реальных возможностей и реалистических военных задач, она закончится провалами, беспрецедентным воровством, еще более глубоким кризисом военной промышленности и обороноспособности страны.

Впрочем, то, что кажется политическим сюрреализмом внутри и вовне России, вполне согласуется с курсом на консервацию государственно-монополистической, экспортно-сырьевой модели ее экономического развития. Все большее подчинение экономики государству, т.е. коррумпированной и некомпетентной бюрократии, – еще одна знакомая черта российской традиции. Это главное препятствие для перехода от экспортно-сырьевой к современной инновационной экономике высоких технологий, для которой необходима модернизация государственно-политической системы.

Объективности ради следует сделать оговорку: давление на власть оказывают и крайне националистические, по существу неофашистские общественные группировки, проникнутые духом тоталитаризма и средневекового религиозного мракобесия, готовящиеся в том числе к насильственному захвату власти. Остается тайной – насколько велики эти группы, как широка их социальная опора, каков характер их связей с силовыми органами. Но если бы они представляли реальную угрозу нынешней власти, то она обратилась бы против националистов и крайних сталинистов – вместо заигрывания с ними, нажима на либералов и демократов и отчуждения от симпатизирующего им Запада. С учетом этой угрозы, безответственной представляется тактика некоторой части внесистемной оппозиции, нацеленная на расшатывание и слом нынешнего режима любой ценой. Этот курс может по русскому обычаю привести к власти совсем другие политические силы. Именно так произошло в 1917 г., когда либеральная и социал-демократическая оппозиция сначала свалила царя, потом расшатала базу Временного правительства, а в результате сама погибла от рук большевистских узурпаторов.

С другими основаниями российской традиции пока менее ясно. В настроениях политической элиты более явно звучат традиционные неоиерархические мотивы. Они выливаются то в проект Евразийского союза, то в идею поворота на восток – как будто Россию там кто-то ждет и как будто там сохранился прежний вакуум силы, а не присутствуют экономические гиганты (США, Китай, Япония, Южная Корея, страны АСЕАН).

Что касается постсоветского пространства, Белоруссия, Украина и Молдавия, завися от российских газа и нефти и поставляя России дешевую

рабочую силу, не рассматривают ее в качестве привлекательной модели экономического и политического устройства. Большинство украинского населения не хочет вступать в НАТО, но и не желает возвращаться под руку Кремля. Воссоединение с Россией в качестве бедного родственника неприемлемо для режима личной власти белорусского батьки Лукашенко, а на равных – не подходит для державной Москвы. В будущем же республику, вероятнее всего, возглавит демократическое руководство, которое возьмет курс на сближение с Евросоюзом по примеру Украины и Молдавии. Именно ЕС, а не Россию они считают социально-экономическим образцом для подражания.

Ни одна из трех стран Южного Кавказа не расценивают российскую идеологию или социально-политическую систему как более передовую и привлекательную для себя. Грузия после конфликта 2008 г. открыто и единодушно хочет в НАТО. Армения по-тихому пробирается в ту же сторону. Азербайджан воспроизводит султанскую нефтяную модель стран Ближнего и Среднего Востока (включая наследуемую пожизненно верховную власть).

В разной степени авторитарные или диктаторские режимы Центральной Азии тоже ищут образцы для подражания не на севере, а на юге и востоке. Любая попытка насильно привнести туда нынешнюю российскую идеологию и политическую систему вызовет взрыв исламского радикализма и его ожесточенное сопротивление (как в Ираке и Афганистане).

С военной точки зрения Россия гипотетически могла бы вернуть себе Белоруссию, Крым и восточные области Украины, присоединить Абхазию и Южную Осетию. Однако ни о каком «восстановлении» царской империи или СССР не может быть и речи – за отсутствием привлекательного для соседних народов экономического и политического устройства или идеологического превосходства (которое раньше давали христианство или коммунизм). За весьма незначительные геополитические приобретения России пришлось бы заплатить жизнями своих солдат, экономическими ресурсами, политической изоляцией и созданием враждебного окружения.

С мессианской идеологией тоже не все ладится. Православие стало де-факто государственной религией, и РПЦ принимает активное участие в деятельности правительства (вплоть до благословения новых стратегических подводных лодок, каждая из которых способна одним ракетным залпом убить столько людей, сколько погибло во Вторую мировую войну. Специалистам понятно, что это оружие составляет потенциал ядерного сдерживания. «Привлекать» божественное к таким материям едва ли уместно.) Так или иначе, идеология ведущей индустриально-технологической державы XXI в. не может основываться на религии – при всем уважении к свободному выбору веры ее гражданами. А в многоконфессиональной стране упор на религию опасен, поскольку может повлечь религиозную

вражду. Еще более губителен негласно поощряемый национализм, ведущий, как показала в 1990-е годы Югославия, к этническим конфликтам и распаду государства. Полное единение РПЦ и государства не оставляет пастве надежды на церковную защиту от главного угнетателя – коррумпированного и криминализованного чиновничества.

Тратя время и силы на ужесточение управляемой демократии, поиск внутренних и внешних врагов, наращивание вала вооружений и показательные мегапроекты, руководящие круги обходят вниманием другие, гораздо более важные для страны и ее зарубежного престижа вопросы. Между тем перед государством стоят огромные по сложности и масштабам задачи социально-политической модернизации, распространения «евростандартов» жизни с двух столиц на провинциальную глубинку. Являясь передовой по ряду показателей державой, Россия в то же время остается поразительно отсталой по многим элементарным критериям, не говоря уже о ВВП на душу населения, уровне средней зарплаты, пенсии и прожиточном минимуме.

По-прежнему тяжелейшим остается (и, по Булгакову, – портит людей) жилищный вопрос. Имея самые большие в мире месторождения природного газа, государство до сих пор не смогло обеспечить централизованным газоснабжением больше половины своей территории. Обладая самыми крупными на планете запасами пресной воды, не предоставило современную канализацию 50% населения страны. Даже в городах-миллионниках этого элементарного удобства лишены 10% жителей, не говоря уже о малых городах и селах. Традиционно гордясь своей гигантской территорией (седьмая часть суши Земли), Россия уступает по протяженности сети качественных автострад крошечной Бельгии или Швейцарии. По ожидаемой продолжительности жизни граждан, детской смертности, авариям на дорогах, уровню коррупции Россия стоит в списке развивающихся стран, причем далеко от его начала.

Те, кто опять бьет в барабаны державного величия и имперского похода (включая многих бывших либералов – российских неоконсерваторов)¹, как правило, уже имеют и газ, и канализацию, и загородные усадьбы, иностранные лимузины для поездок на дачу по отличному шоссе, собственность и крупные банковские счета за рубежом, их дети учатся и живут за границей. Но все это, видимо, стало для них настолько обыденным и скучным, что хочется более величественного и захватывающего:

¹ Это бывшие либералы времен Горбачева и Ельцина – от политики, журналистики и науки. То ли стремясь реабилитировать себя за свое демократическое прошлое, то ли подстраиваясь под генеральную линию начальства, они превратились в рьяных консерваторов и неоимпериалистов. В отношении этих публичных фигур возможны аналогии с американскими «неоконами», которые составляли большинство в администрации Буша-мл. и привели США к небывалому кризису.

воссоздания империи, большой геополитической игры на мировой арене, восстановления статуса глобальной сверхдержавы...

А канализация, газ и автодороги для населения – слишком прозаично, хлопотно и долго. К тому же у них, видимо, подсознательно есть ощущение, что в рамках сложившейся экономической и политической системы, которая дает им благосостояние и власть, этого и не получится. Для себя они уже имеют вполне европейский (и очень высокий) уровень жизни; остальному же населению предлагают пробавляться евразийским (точнее, «азеопским») способом. К чему возиться с онкологическими центрами для детей? Дашь авианосцы и военные базы за океаном!

Нередко утверждается, что российскому народу не нужно-де мешанского благополучия, но требуются великая идея и глобальная миссия, которые всех сплотят и ради которых люди пойдут на любые жертвы. Но разве народ кто-нибудь об этом спрашивал? Ему когда-нибудь давали возможность благополучно жить и работать на благо своих детей и внуков? Короткие периоды такого спокойствия случались (например, в первое десятилетие нового века) и народ сразу потребовал участия в политике и управлении государством. Быть может, отсюда и склонность правящей элиты звать народ на новые подвиги ради величия державы – это надолго отвлечет от неприятных и неудобных вопросов относительно устройства жизни дома.

Авторитарные традиции, милитаризм, централизованная командная экономика, мессианская идеология, экспансионизм и конфронтация с Западом не являются неотъемлемой частью русской ментальности или национального характера. Эти предпочтения характерны только для части населения и элиты, причем часть эта постепенно тает под воздействием технологического прогресса, социальных изменений, глобализации и растущей взаимозависимости мира. Неприглядные традиционные черты государства и общества – продукт исторических особенностей страны; они могут меняться и уже меняются по мере трансформации внутренних условий и внешнего окружения.

Эволюция России очень зависит от ее отношений с окружающими странами – в первую очередь со странами Запада. Чем лучше эти отношения, чем глубже взаимодействие в экономике, международной политике, безопасности, гуманитарном и культурном общении, тем сильнее будет тяга общества к демократическим свободам, внимание властей всех уровней к соблюдению демократических процедур и норм. Конечно, эти отношения должны основываться на взаимном уважении национальных особенностей и обоснованных практических интересов сторон.

Внешняя политика будет в большой мере определять перспективы интеграции России в Большую Европу, которая – при наличии благоприятных внутренних условий – может содействовать экономической и тех-

нологической модернизации. От внешней политики зависят положение и роль России в мировой торгово-экономической и финансовой системах, национальная безопасность, экономический и политический портрет ее партнеров в ближнем и дальнем зарубежье и, наконец, территориальная целостность и суверенитет на обширных пространствах от Северного Кавказа, Поволжья до Сибири и Дальнего Востока.

Для автора этих строк несомненно, что военно-имперский путь – это тупиновый маршрут, чреватый угрозой еще одного катастрофического падения Российского государства. Единственно перспективный для России выбор – отказ от экспортно-углеводородной зависимости, опора на демократию европейского типа и развитие высоких технологий. Глобальное влияние в XXI в., в первую очередь определяется реальным экономическим потенциалом страны и мерой участия в мировой торговле – особенно позициями в инновационных отраслях и сферах, объемом зарубежных инвестиций, ролью в международных экономических и финансовых институтах. И только при этих условиях военная сила (причем тоже основанная на высоких технологиях и высоком профессионализме) может вносить свой вклад в положение державы в мире.

Это в полной мере относится к позициям России на постсоветском пространстве, ее перспективам стать реальным центром притяжения для других бывших республик СССР. Именно такая основа обеспечила бы Москве прочное и долговременное ведущее положение в этих регионах – в отличие от искусственных меж- и надгосударственных институций, личных связей с местными лидерами, транзита и льготных поставок сырья или «игры» на темах территориальной целостности и положения диаспор.

Разумеется, идя по европейскому пути, Россия не должна, да и не может плестись в хвосте Европы, просто копируя ее историческую эволюцию. К обретению универсальных ценностей европейской цивилизации Россия призвана идти своим национальным путем. Это обусловлено и исторически: в современный мир Россия, в отличие от остальной Европы, движется не от аграрно-феодалного строя через мануфактуры, торговый капитал и промышленную революцию, а от централизованной государственной экономики, основанной на тяжелой и оборонной индустрии, через нынешний экспортно-сырьевой, коррумпированный государственно-монополистический капитализм. Но при всем своеобразии и неповторимости этого пути, его цель – не Советский Союз в усеченном масштабе, не антикварное подобие царской империи и не евразийский оксюморон, а российско-европейская экономика и политическая система.

Такие общественные перспективы признаются и на самом верху власти. Так, президент Владимир Путин в своем послании Федеральному Собранию 2012 г. заявил: «Для России нет и не может быть другого политического выбора, кроме демократии. При этом хочу сказать и даже под-

черкнуть: мы разделяем именно универсальные демократические принципы, принятые во всем мире... Демократия – это возможность не только выбирать власть, но и постоянно эту власть контролировать...» Что касается экономического развития, то и тут президент вполне недвусмысленно декларировал: «Убежден, в центре новой модели роста должна быть экономическая свобода, частная собственность и конкуренция, современная рыночная экономика, а не государственный капитализм» (14). Остается претворить эти прекрасные, хотя и совсем не новые предложения в жизнь. А это будет нелегко, поскольку сегодня Россия очень далека от таких перспектив; обратное же движение еще дальше уводит страну от заявленных целей. Однако декларации президента – не дань моде, а отражение понимания того, какой путь является единственно перспективным для великой державы. А значит, политика «отката» будет пересмотрена – нынешним российским руководством или теми, кто придет ему на смену мирным и законным путем.

В заключение вспомним слова академика Георгия Арбатова, сказанные им как завещание незадолго до ухода в мир иной: «Россия – это исторически великая нация и великая держава. Но этот статус не есть нечто безусловное, данное как аристократический титул от рождения и навечно. История знает множество великих держав и народов, скатившихся на обочину мирового развития и канувших в небытие. Статус великой державы в современном мире должен постоянно подтверждаться, как титул чемпиона, и обеспечивается он благосостоянием и свободами граждан, прочностью внутренней и внешней безопасности, прежде всего, перед лицом новых вызовов и угроз XXI века. Пройдя столько невероятных испытаний в XX веке, Россия может этого добиться. Но только – на путях строительства экономики высоких технологий и демократического, социально ответственного государства, последовательно развивая взаимовыгодное сотрудничество с самыми передовыми демократическими странами мира» (2).

Список литературы

1. Антонов А., Аюмов Р. Контроль над обычными вооружениями в Европе – конец режима или история с продолжением? // ПИР-Центр. – М., 2012. – № 1(27). – С. 12.
2. Арбатов Г. Жизнь: События. Люди. – М.: «Любимая Россия», 2008. – 359 с.
3. Барабанов М. Критический взгляд на ГПВ-2020 // Военно-промышленный курьер. ВПК. – М., 2013. – 9–15 янв. – № 1. – Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/13870>
4. Военная стратегия / Под. ред. В.Д. Соколовского. – 2-е изд. – М.: Воениздат, 1963. – 504 с.
5. Военно-промышленный курьер. ВПК. – М., 2013. – 9–15 янв. – № 1. – Режим доступа: <http://vpk-news.ru/issues/13869>
6. Гареев М. На пороге эпохи потрясений / Военно-промышленный курьер. ВПК. – М., 2013. – 23–29 янв. – № 3. – С. 4–5.
7. Зубов А.Б. Россия: Продолжение истории? // Труды по россиеведению. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – Вып. 2. – С. 211–222.

8. Капитанец И.М. Флот в войнах шестого поколения. – М.: «Вече», 2003 г.– 480 с.
9. Кремлёв С. Берия – упущенный шанс страны // Национальная оборона. – М., 2009. – № 4. – С. 100–103.
10. Лавров С.В. Кризис в отношениях с Западом: Какой кризис? // Итоги. – М., 2009. – 18 мая. – № 21(675). – Режим доступа: <http://www.itogi.ru/russia/2009/21/140267.html>
11. Медведев Д.А. Россия, вперед! // Президент России. 2009. – 10 сент. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/5413>.
12. Петрушенко Л. Повседневная жизнь средневековой Европы. – М.: Мол. гвардия, 2012. – 368 с.
13. Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое // Труды по русистике. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – Вып. 3. – С. 25–78.
14. Послание Президента Федеральному Собранию 12 дек. 2012 г. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/12/stenogramma-poln.html>
15. Преодоление сталинизма. – М.: «ЯБЛОКО», 2009. – 205 с.
16. Сивков К. Обоснование численности ВС России // Военно-промышленный курьер. ВПК. – М., 2012/2013. – 26 дек. – 8 янв. – № 51. – Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/13767>
17. Татьяничев В. Потери подсчитаны // Офицерский сплав. – М., 2009. – 15 мая. – № 4(33). – С. 3–4.
18. Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Российская газета. – М., 2010. – 10 февр. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html>.
19. Freedman L. Traditional security // Russia and the West: The Twenty First Century security environment / Ed. A. Arbatov, K. Kaiser, R. Legvold. – Armonk; NY: Sharpe, 1999. – P. 26–52.
20. Jones G. Putin softens on NATO // Moscow times. – М., 2001. – 4 oct. – P. 1.
21. Kissinger H. Diplomacy. – N.Y.: Simon and Shuster, 1994. – 564 p.

В.Б. ПАСТУХОВ

СЦЕНАРИИ АПОКАЛИПСИСА: *Судьба российской государственности в XXI веке*

На заре перестройки академик Н.Н. Моисеев обрисовал современную ему политическую ситуацию как «сумерки России». При этом он затруднился дать ответ на вопрос, являются ли эти сумерки началом исторического заката или, наоборот, предвестником восхода. Тридцать лет спустя мало кто сомневается, что это был закат. Поэтому сейчас вопрос звучит несколько иначе – доживет ли Россия до нового рассвета?

Двухслойное государство

Серьезная политика начинается тогда, когда рушатся легкомысленные надежды. Реакция – лучшее время для раздумий. Добротный, не пустословный либерализм ковался в полумраке келий, за окнами которых бесновались тени ожившего прошлого. Когда нечего больше ждать, Россия может наконец позволить себе сосредоточиться...

Президентские и парламентские выборы в России 2011–2012 гг. стали исторической вехой, обозначившей границу, отделяющую одну политическую эпоху от другой. Россия подводит черту под «блеском и нищетой» двенадцати лет правления Владимир Путин, восстановившего русскую государственность из праха только для того, чтобы в прах же ее и низвергнуть.

Что представляет собою «возрожденное» Владимиром Путиным государство? Ответ на этот вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. Больше всего современная Россия похожа на то, что обычно называют «неразвитым государством» («underdeveloped state»), для которого характерны правовой произвол, неконтролируемая коррупция и прогрессирующее социальное неравенство. На этом можно было бы поставить точку, если бы не одно обстоятельство: Россия пребывает в таком состоянии – за редкими периодами исключений – как минимум последние 400 лет.

Неразвитость – это нормальное состояние русской государственности и русского общества. Но при этом для обыкновенного «неразвитого государства» оно слишком «развито». Россия играла и еще продолжает

играть по инерции выдающуюся роль в мировой истории. Двигаясь рывками от застоя к революции, она оказалась способна создать культуру мирового значения.

Это заставляет присмотреться к русскому государству в целом пристальнее. Его способность, оставаясь неразвитым, обеспечивать развитие – не случайность. Она во многом обусловлена дуалистической, двухуровневой природой этой государственности. Как справедливо заметил Юрий Пивоваров, на протяжении последних нескольких столетий русское государство существует в двух ипостасях – регулярного (внешнего) и чрезвычайного (внутреннего) государства (см., например: 4, с. 21–28). Слабость институтов первого всегда компенсировалась вездесущностью и силой неформального влияния второго.

Без параллельной власти, этого своеобразного встроенного в повседневное управление «государства в государстве», Россия не только бы не смогла достичь тех исторических высот, на которых она расположилась сегодня, но и вряд ли сохранилась бы в качестве суверенного государства в пределах своих нынешних границ. В России на протяжении нескольких веков чиновники были разделены на когорты, одна из которых (привилегированная) контролировала и направляла работу всей остальной бюрократии. Это и было своеобразным разделением властей «по-русски».

«Внутреннее государство» в России могло принимать разные исторические формы, эволюционируя от опричнины до советской номенклатуры, но во все времена привилегированной когорте были присущи некие общие «сквозные» черты: она напрямую замыкалась на «национального лидера» (как бы он ни назывался – царь, император или генсек), представляя собой прежде всего инструмент его личной власти; она была спаяна определенной идеологией, которая больше напоминала религию; она имела существенные экономические и политические привилегии. Опричником всегда было быть выгодно, почетно и безопасно.

Эта традиционная для России двухуровневая система власти была сломана в конце 80-х годов в ходе горбачевской перестройки, когда был сначала политически «нейтрализован», а потом и уничтожен аппарат коммунистической партии, которая, собственно, и была той самой параллельной властью, на которой испокон веков держалось все в стране. Оболочка же осталась нетронутой – внешнее, никчемное государство продолжало существовать как иллюзорная политическая реальность. На самом же деле без партийного руководства советская бюрократия была недееспособна. Даже «Бентли», если из него вынуть двигатель, превращается в дорогостоящий хлам. А советская государственная машина была отнюдь не «Бентли»...

Удивительно не то, что компартия была уничтожена, а то, что она была уничтожена по ошибке. «Прорабы перестройки» не до конца пред-

ставляли себе ту действительную роль, которую партийная машина играла как цементирующая сила российской (советской) государственности, и надеялись удержать ситуацию под контролем без ее помощи. Они видели в компартии только препятствие для своих реформаторских замыслов, и вместо опережающей реорганизации пошли на ее фактическое форсированное устранение из политической жизни. Позднее Горбачев признал «запаздывание» с реформой КПСС одной из своих главных ошибок.

Так или иначе, но крах компартии привел к краху всей советской бюрократической системы и всеобщему государственному параличу, последствия которого не преодолены и по сегодняшний день. Но этим дело не ограничилось, и вслед за экономической приватизацией последовала практически такая же молниеносная политическая приватизация. Бесхозная бюрократия недолго оставалась без присмотра. Место «смотрящего», которое ранее монопольно занимала Коммунистическая партия, перешло к бесчисленному множеству свежеспеченных макро- и микроолигархов, которые в массовом порядке, в центре и на местах, захватывали, словно трофей, и отдельные должности, и целые ведомства.

Власть очень быстро оказалась «разобрана на части» весьма специфическим новым правящим классом, костяк которого составляли отчасти бывшие советские номенклатурщики, отчасти взбудораженные революцией представители интеллигенции и в значительной мере – криминалитет.

К концу 90-х годов криминально-номенклатурная приватизация власти и собственности достигла своего апогея, вследствие чего в обществе возникло обратное движение сопротивления – появился жесткий запрос на восстановление бюрократической системы, к тому моменту практически полностью исчерпавшей себя.

Феноменальная поддержка, которую в то время общество оказало никому не известному Владимиру Путину, объясняется именно тем, что он ответил на этот запрос. Путин осуществил «политическую национализацию» (буквально «отскреб») власть от отдельно взятых олигархов), воссоздал единство бюрократии и восстановил бюрократическую иерархию. Но вместе с тем он воссоздал и ту «параллельную власть», ту порушенную Горбачевым силу, с помощью которой можно было этой системой управлять.

Приступив к созданию своего «спецгосударства», Путин последовательно решил несколько важнейший политических задач, в том числе: осуществил реорганизацию правящего класса; воссоздал номенклатуру; восстановил политический террор как универсальный метод контроля над властью; подвел под вновь созданное им «государство в государстве» собственную экономическую базу.

Реконструкция олигархии. Путин по инерции воспринимается чуть ли не как истребитель олигархов. Однако на самом деле это очень далеко

от правды. Он, может быть, и враг отдельно взятых олигархов, но вовсе не враг олигархии. Напротив, мало кто сделал больше для укрепления коллективной власти олигархов, чем Путин. Жертвуя отдельными фигурами, он выиграл партию в интересах нового класса. Пользуясь терминологией Гегеля, можно сказать, что Путин превратил олигархов из «класса в себе» в «класс для себя».

Через 80 лет после сталинской коллективизации Путин проделал нечто подобное с российскими олигархами. По сути, в начале второго срока своего президентства Путин провел скрытую национализацию. Он подчинил себе своенравных олигархов, поставив обладание ими собственностью в зависимость от степени их лояльности власти, а точнее, ему лично. Он изменил психологию этих людей, заставил их признать себя не более чем назначенными управленцами вверенных им государством активов, которые даны под определенные гарантии.

Входной билет в новую олигархию стоил дорого. Во-первых, необходимо было смириться с теньвым налогообложением и стать донором многочисленных «черных касс», которые создавались бесчисленными правительственными агентами. Во-вторых, следовало признать соблюдение политического нейтралитета и отказаться от самостоятельной политической активности в качестве *conditio sine qua non* экономического выживания. Тех, кто не соглашался принять условия, безжалостно изгоняли из русского экономического рая. Поводы преследования Ходорковского, Браудера, Чичваркина и им подобных были разными, но причина у них была одна – выдавливание из бизнеса людей, не принявших новых «коллективных» правил игры. По сути, Путин сумел заставить олигархов подписать джентльменское коллективное трудовое соглашение...

Реорганизация правящего класса – недооцененный подвиг Путина. На решение этой задачи ушло несколько лет. Сегодня мало кто помнит, что, придя к власти, Путин был невероятно слаб, со всех сторон его окружали «постсоветские феодалы», обладавшие не просто огромными деньгами, но и собственными службами безопасности и чуть ли не вооруженными силами. В этом смысле есть нечто общее в положении раннего Путина и молодого Ивана Грозного. Не мудрено, что и выход оба искали в одном направлении. Путин одновременно и укрощал старых олигархов, и создавал рядом с ними новых, из «своих», лично ему обязанных людей. И, конечно, чтобы быть лидером этого класса, он должен был сам стать главным олигархом, что он и сделал, фактически подчинив себе «Газпром» и ряд других мощных государственных энергетических предприятий.

Структура «коллективной олигархии» – нового правящего класса при Путине – существенно усложнилась в сравнении с 90-ми годами. Теперь в нее вошли: старые (укрошенные) олигархи; новые (свои) олигархи (или «олигархи-лайт»); крупные чиновники, прежде всего высшие офице-

ры силовых ведомств, которые напрямую стали подчинять себе бизнес; множество анонимных советников (консильере), обслуживающих чиновничество; присягнувшая Путину часть элиты «воровского мира», значение которой в целом не только не упало, но даже возросло в сравнении с пресловутыми 90-ми годами.

Реставрация номенклатуры. Обновленный, избавленный от случайных противоречий, организованный как «бандитская аристократия» и имеющий своего лидера олигархический класс должен был позаботиться об инструментах власти. На рубеже 2003–2004 гг. Путин приступил к воссозданию советской номенклатуры, способной работать в новых исторических и социально-политических реалиях. Эту когорту особо преданной бюрократии можно назвать «путинскими преторианцами».

Путинские преторианцы – это номенклатура эпохи рыночной экономики. Будучи по своей политической сущности тем же, чем была советская номенклатура, преторианцы XXI в. существенно отличаются от нее по форме. В отличие от четко структурированной и формально организованной советско-партийной номенклатуры, преторианцы Путина – это, скорее, сетевая структура, не имеющая четко выраженных границ. «Своими» людьми буквально напиговано каждое ведомство, в котором чиновники поделены на «черную» и «белую» кость. «Белая кость» имеет множество неафишируемых привилегий, но на ней же лежит и вся тяжесть политической нагрузки. Лучше всего это разделение заметно в судебной и правоохранительной системах, где «специально уполномоченные» лица занимаются «знаковыми» для власти делами. Однако в действительности аналогичная ситуация существует во всех властных структурах.

Естественно, что привилегии новоявленной номенклатуры также претерпели изменения. Тут тоже произошла своего рода «монетизация льгот», и в дополнение к ряду рудиментарных социальных «поблажек» в виде сохранившихся от старых времен спецбольниц, спецполиклиник, спецтранспорта и так далее новые преторианцы стали получать денежный эквивалент бывших советских номенклатурных льгот.

Термин «конвертация» в современной России является одним из самых двусмысленных. В одном из своих значений он указывает на глубоко укоренившуюся систему бонусов, выдаваемых избранным государственным служащим на постоянной основе (регулярно) наличными деньгами, т.е. «в конвертах». При этом конвертная составляющая может многократно превышать официальную заработную плату новых номенклатурщиков, являясь главным стимулом их нахождения на государственной службе.

Другой специфической, хотя и не уникальной, формой «премирования» является предоставление избранным чиновникам индальгенций, своего рода «лицензий на совершение преступлений». Этот «юридический иммунитет» помимо гарантий безопасности имеет и чисто экономическое

содержание, так как обладающий таким иммунитетом чиновник способен сам «прокормить» себя, добирая недостающее при помощи взяток и всякого рода злоупотреблений.

Репродукция террора. Советская номенклатура была орудием политического террора. В разные периоды времени она с разной степенью интенсивности проявляла эту свою сущность, но сама сущность при этом не менялась. Без террора ее существование выглядит бессмысленным и бесполезным, террор был ее *modus operandi*.

Восстановив на новом витке истории номенклатуру, Путин должен был влед за этим обратиться и к свойственным ей методам осуществления власти. Для того чтобы обозначить методы управления государством при Путине, изобретено много эвфемизмов: ручное управление, суверенная демократия, мягкий авторитаризм. Все они имеют право на существование. Однако если мы ставим своей задачей прояснение ситуации, а не ее замутнение, то вещи лучше называть своими именами. Именно путем возрождения политического террора как универсального и систематического метода управления Россией Путину удалось достичь своей знаменитой стабилизации.

Ни одна мера, предпринятая Путиным как в отношении олигархов, так и в отношении других слоев населения, не имела бы никаких шансов на успех, если бы ему не удалось внушить своим оппонентам страх перед террором. Пусть этот террор и осуществлялся в весьма мягкой, «вегетарианской» по сравнению с советскими временами форме, сама по себе его природа от этого не изменилась. Он был и остается внесудебным, внеправовым насилием, применяемым по усмотрению государства произвольно и на систематической основе.

Для реализации политики террора нужен был подходящий инструментарий. Поэтому одной из важнейших вех в деле реставрации «спецгосударства» стала реорганизация политической полиции (ФСБ РФ). Эта реорганизация, впрочем, показала, что все новое в той или иной степени является немного подзабытым старым. ФСБ РФ под руководством Путина прошла через ряд последовательных трансформаций, о которых я ранее неоднократно писал.

Во-первых, ФСБ РФ фактически была поставлена надо всеми другими правоохранительными структурами, включая суд, чем была разрушена система сдержек и противовесов, культивируемая советскими лидерами со времен Хрущева.

Во-вторых, ФСБ РФ получила универсальную компетенцию, превратившись из контрразведывательной и антитеррористической организации в орган по борьбе с преступностью как таковой, что дает ей возможность сегодня вмешиваться в любое уголовное дело, открываемое по любому поводу.

В-третьих, ФСБ РФ обзавелась собственной службой экономической безопасности, структурированной наподобие ЦК КПСС, которая стала, по сути, теневым правительством, поскольку отделы этой службы фактически дублируют все основные направления работы официального правительства.

В-четвертых, ФСБ РФ обзавелась сетью кураторов, которые были прикомандированы практически во все ведомства и госкомпании в качестве комиссаров и легализованы там под видом руководителей структурных подразделений и заместителей руководителей ведомств, продолжая фактически службу в контрразведке.

В-пятых, ФСБ РФ стало активно взаимодействовать с криминальными структурами с целью использования их для решения политических и экономических задач.

Легко заметить, что в этом вопросе Путин отказался не только от наследия Ельцина, но и от наследия Горбачева, Брежнева и Хрущева, вместе взятых. Впрочем, это была отнюдь не единственная контрреформа Путина. Очевидно, что громоздкая конструкция государственного террора не вписывалась в политическое пространство 90-х. Нужно было расчистить площадку под этот имплантат. С этой целью Путиным были проведены три важнейшие контрреформы: судебная, политическая и конституционная.

Поскольку исследование этих контрреформ не является специальной целью данной статьи, остановлюсь только на самом главном. Судебная контрреформа была проведена в 2000–2001 гг. под флагом усовершенствования судебной системы. Ее главным итогом стало восстановление независимости судов от исполнительной власти и восстановление жесткой вертикали управления внутри судебной системы. Политическая контрреформа была проведена в 2003–2004 гг. под лозунгом «борьбы с терроризмом». Ее главным итогом стал фактический отказ от выборов и подчинение законодательной власти диктату власти исполнительной. И наконец, конституционная контрреформа была проведена в 2008 г. Ее главным итогом стало создание дополнительных барьеров для смены политической власти в стране за счет удлинения избирательного цикла. Все вместе указанные контрреформы позволили «мягко» вписать политический террор в существующие политические реалии.

Финансовая эмансипация. Наличие собственного бюджета – условие существования любого государства и тем более «государства в государстве». Без денег власти нет, поэтому победа Путина не могла быть окончательной до тех пор, пока он не изыскал самостоятельных источников финансирования своего детища. Теневое государство живет за счет теневого бюджета. Этот бюджет начал создаваться практически сразу после прихода Путина к власти как своего рода неформальный резервный фонд, иногда в шутку называемый «бассейн». К 2003–2004 гг. «бассейн»

раздвинулся до нешуточных размеров, поглотив значимую часть государственных финансов. Как и у любого бюджета, у этого теневого бюджета были свои доходная и расходная части.

По принципам организации бюджетный процесс создаваемого Путиным теневого государства копировал механизмы наполнения «воровского общака» – в него отдавали процент от различного рода доходных промыслов, так или иначе связанных с функционированием власти. Можно бегло указать на следующие основные статьи доходов: плата за продажу государственных должностей; комиссии за получаемые государственные заказы, подряды и иные выгодные сделки с органами государственной власти; доходы от деятельности государственных корпораций, понуждаемых конфиденциально направлять часть прибыли на финансирование непрофильных проектов; отчисления от незаконных «промыслов», осуществляемых под надзором правоохранительных органов, в первую очередь от операций по «обналичиванию» денег, их отмыванию и выводу за рубеж, которые в принципе не могут быть реализованы без соучастия контролирующих ведомств; незаконный возврат налогов (НДС и налога на прибыль), поставленный в 2004–2010 гг. «на поток».

Обслуживанием этого теневого бюджета занята армия посредников, наверное, сопоставимая по численности с официальной налоговой службой. Большинство операций передано в «концессию» представителям криминальных кругов. Все эти люди действуют небескорыстно, оставляя себе львиную долю от собираемых ими «черных налогов». В результате эффективность теневого бюджета оказывается крайне низкой. Тем не менее в нем аккумулируются значительные средства, позволяющие решать глобальные политические задачи.

Расходование средств теневого бюджета представляет еще большую загадку, чем его консолидация. Можно лишь приблизительно обозначить основные статьи этих расходов: финансирование новой номенклатуры, обеспечение бонусной системы для путинских «преторианцев»; финансирование «политического прикрытия» власти в рамках всевозможных избирательных кампаний; финансирование виртуального гражданского общества, фиктивных организаций и движений, лояльных власти; финансирование секретных контрразведывательных и разведывательных операций как внутри России, так и за рубежом, неизбежных в условиях ведения непрерывной войны на Кавказе; финансирование разнообразных благотворительных инициатив, выплата поощрительных премий, покрытие представительских расходов, расходов на развлекательные мероприятия и иные расходы.

Вряд ли возможно даже приблизительно определить размер расходной части теневого бюджета российской власти, можно лишь констатировать, что с каждым годом он увеличивается.

Крах «спецгосударства». К сожалению, путинское «государство в государстве» стало ярким, но недолговечным проектом. Его «ахиллесовой пятой» оказалось отсутствие какой бы то ни было эффективной идеологии. Все предыдущие версии «спецгосударств» были стабильными за счет того, что новоявленная номенклатура была связана «внеэкономическими» путями, представляя собой полурелигиозный орден. Для путинских преторианцев в этом политическом проекте нет «ничего личного», это для них «только бизнес». Прагматичное и безыдейное «внутреннее царство» деградирует так же быстро, как «царство внешнее». Не успев возникнуть, оно распадается на составные части, разваливается на кланы, которые начинают вести друг с другом непримиримую войну. Каждый новономенклатурный чиновник быстро превращается в средневекового богдыхана, не подчиняющегося никому, в том числе и Путину.

Сам грозный Путин в какой-то момент оказывается не таким уж и грозным. Это и не правитель вовсе. Он существует где-то наверху в «Cloud», а «на земле» власть вершат тысячи «микроолигархов», превращающих Россию в «Большую Кушевку». В конечном счете все это приводит к тому, что контроль над процессом принятия решений полностью утрачивается. Абсолютная вертикаль власти вырождается в ее абсолютную горизонталь. Каждый, кто хоть когда-то сталкивался с проблемой лоббирования в России, знает, что самое трудное здесь – найти человека, принимающего решение, потому что решения в современной России принимаются «сетью». Государство же в целом погружается в «институциональную анархию». Пересекши линию финиша, Путин, таким образом, очутился снова на старте.

Россия образца «2012» оказалась зеркальной копией России образца «1999». Тринадцать лет (чертова дюжина) как ни бывало. Как и тринадцать лет назад, главными бенефициарами разложения государства, на этот раз уже «спецгосударства», стали криминальные структуры. Власть попала в собственную ловушку. Все это время она активно использовала криминальные элементы в своих политических целях. Кремль, т.е. практически все силовые ведомства, создавал с криминальными структурами своего рода «публично-частные партнерства». После жесткой селекции (аналогичной той, которая была произведена в среде ельцинских олигархов) отобранные властью лояльные «криминальные авторитеты» стали лучшими друзьями правительства, решая зачастую нерешаемые другими средствами задачи, будь то оплата за поставляемый на Украину газ или отмывание денег в Европе. Но за все приходится платить. И когда власть ослабла и стала снова распадаться на куски, когда силовики пошли войной друг на друга, «решать» их судьбу стали их бывшие «младшие» криминальные партнеры. Произошла вторичная и, видимо, уже необратимая криминальная приватизация политической власти.

Существуют ли теоретически выходы из сложившейся в России ситуации, кроме тех трех, на которые указывает ставший опять популярным в Москве анекдот: «Шереметьево», «Домодедово» и «Внуково»?

Наиболее проблематичен прямой переход к демократии и институциональному строительству. Я не вижу тех тектонических сдвигов в политической культуре, которые сделали бы сегодня «демократический проект» более перспективным, чем он был, скажем, 20 лет тому назад. По крайней мере, я ничего не могу сказать по этому поводу, пока себя не проявит новое поколение, выросшее уже после перестройки.

Наиболее вероятным сегодня, к сожалению, кажется коллапс, который наступит после длительной стагнации, которую как раз и будет обеспечивать призванный на «третий срок» Владимир Путин. Его власть будет качаться на ветру до тех пор, пока наконец какой-то ураганный порыв, скорее всего дующий с мировых финансовых рынков, не сбросит этот символ стабильности вниз. Риск распада России в этот момент (неважно, случится это через 10, 20 или 30 лет) станет, как никогда, велик.

И наконец, существует вероятность того, что вопрос будет решен снова «по-русски», и на смену «спецгосударству» Путина придет новое «государство в государстве», которое устроит кто-то, кто будет сильнее Путина, и которое станет, в отличие от нынешнего «коммерческого» проекта, проектом «идеологическим», а значит гораздо более стабильным. А вот что это будет за идеология, сказать трудно. Скорее всего, ею станет какая-то вариация на тему национал-социализма.

Так или иначе, но эпоха Путина завершается, и третий срок здесь мало что меняет. Его детище и предмет гордости – новое русское государство, – поднявшись на короткое время высоко над горизонтом, стремительно рухнуло вниз. На этом фоне актуальным становится моделирование возможных сценариев выхода русской государственности из этого пике.

Вряд ли сегодня можно говорить о каком-либо достоверном прогнозе. В каждой точке исторического пути существуют определенный набор сценариев будущего, предопределенных прошлым, и свобода воли и случая, которая позволяет одному сценарию реализоваться, а другим – бесславно кануть в небытие. Пройдя эту точку, история какое-то время движется по инерции, пока не оказывается в новой точке выбора, для которой возникают свой набор уже других сценариев и своя же свобода воли и случая. Как это ни банально звучит, Россия сама выбирает свое будущее, и именно поэтому его практически невозможно предсказать. Можно только перечислять наиболее вероятные варианты развития, из которых возможен выбор.

Сценарий 1: Горькое похмелье – это, пожалуй, самый органичный и самый вероятный на данный момент для России сценарий. Он более всего

соответствует русскому национальному характеру – пока гром не грянет, мужик не перекрестится. В переводе на современный политический язык это означает, что срок жизни нынешнего политического режима строго равен сроку физической жизни Владимира Путина – не меньше, но и не больше. Рассвет, который после этого наступит, скорее всего, будет иметь кровавый оттенок.

При таком сценарии все существующие параметры как внутренней, так и внешней политики сохранятся как константы. Власть будет жить внутри своего нефтяного кокона, практически не завися от окружающей среды. Оппозиция, лишенная всякой возможности хоть как-то влиять на политический процесс, будет неизбежно вырождаться, так как любой неработающий орган или институт деградирует. Единственной доступной формой политического диалога в обществе станет разговор власти с самой собой, отчего у всех будет складываться впечатление, что она сошла с ума.

Внутри власти параллельно будут развиваться два процесса – процесс консолидации и процесс саморазрушения. Эти процессы будут подстегивать друг друга, входя в опасный политический резонанс. Правящий класс попытается мобилизовать все наличные ресурсы перед лицом внешнего вызова, и чем активнее и грубее окажутся эти попытки, тем быстрее будет расти фронда внутри него. Но пока Путин жив, ничего не произойдет, так как он является для этого класса консолидирующей силой. Как только его не станет, сразу обнаружится, что никакого правящего класса нет, а есть расщепленная до атомарного состояния элита, где все воюют друг с другом. Россия в этот исторический момент будет напоминать вскрывшийся гнойник. Бюрократические и олигархические кланы сойдутся в клинче, в образовавшиеся во властной броне зазоры хлынет изголодавшаяся, охочая до власти оппозиция, оживут призраки всех мыслимых и немыслимых региональных и этнических конфликтов. И все это будет происходить на фоне истощенной популистской политикой экономики, в стране с пустой казной, избалованным подачками народом, нефтегазовой инфраструктурой, приведенной варварской эксплуатацией в состояние совершенной непригодности. Это очень сильно напомнит конец 80-х – начало 90-х годов прошлого столетия и все то, что происходило с СССР.

Надежда, конечно, умирает последней, и поэтому даже в этой ситуации теоретически остаются шансы на сохранение России как единого государства (если, конечно, Владимир Путин не собирается стать долгожителем). Но все-таки куда более ожидаемым представляется распад страны. При этом югославский сценарий кажется более вероятным исходом, чем тот, который был реализован в СССР.

Сценарий 2: Россия – северная страна, и поэтому никого здесь не должно удивлять то, что ночь может длиться дольше, чем день. Рассвет может вообще не наступить, если правительству (в широком смысле сло-

ва) при горячем участии официальной церкви и при поддержке маргинальной части общества удастся превратить нынешний полуавторитарный режим в тоталитарный – на этот раз в версии «православного фашизма». Это все равно как если бы в 1917 г. власть взяли не большевики, а черносотенцы. Отличительной чертой такой модели является принципиальная возможность «идеологической преемственности» власти, которая позволит политической системе воспроизводить себя в своих основных чертах и после того, как Владимир Путин отойдет от политических дел. В этом случае политический курс может оставаться неизменным в течение нескольких десятилетий, несмотря на смену вождей, как это было в СССР на протяжении почти 70 лет. Меняться будут оттенки, но не базовый цвет, который так или иначе останется коричневым.

Сценарий 3: Может случиться так, что все устоявшиеся экономические и политические константы предсказуемо-непредсказуемо обрушатся. Мировой кризис все-таки застигнет, цены на сырье рухнут минимум на год-полтора, природа добавит своих катастроф, и в результате правительство лишится возможности проводить популистскую экономическую политику (а никакой другой оно проводить не может в силу полного отсутствия кредита доверия со стороны населения). В этом случае в России с вечера начнется такая дискотека, что до рассвета уже мало кто дотянет.

Власть развалится вследствие вдруг обнаружившейся полной неспособности адекватно управляться не с вымышленной, а с реальной революцией. Обрушатся, оказавшись бесполезными, все столь тщательно возводимые преграды. Оппозиция также проявит все свои слабые стороны, в том числе неготовность консолидированно взять ответственность за судьбу государства на себя. Из России хлынет самый многочисленный вал эмиграции – потянутся к своим «запасникам» многочисленные рейдеры, силовики, продажные чиновники. Россия обезлюдует.

Бунт превратит всю Россию в казино, где все посетители, независимо от желания, обязаны сыграть в «русскую рулетку». Множество мелких политических группировок всех цветов и оттенков поведут борьбу между собой. Победитель будет определяться методом естественного отбора. В итоге может сложиться самая неожиданная конфигурация власти. Это очень рискованная игра, принимая участие в которой, можно, конечно, мечтать о том, чтобы сорвать политический джек-пот – либеральное и демократическое государство, но есть вероятность и проиграться в пух и прах, обнаружив себя в тисках того самого «православного фашизма», которому так благоволил нынешний режим. Бунт – это не решение проблем, это их начало.

Сценарий 4: Полностью исключать для России возможность пробуждения посреди глубокого и кошмарного политического сна, конечно, нельзя. Это, пожалуй, самый перспективный, но и самый невероятный

сценарий. Для этого нужно, чтобы что-то очень сильно громынуло за окном. Для переворота необходимы два условия, одно из которых относится к состоянию общества, а второе – к состоянию власти.

Во-первых, должна произойти консолидация самосознания постсоветской интеллигенции хотя бы до той степени, до которой было консолидировано самосознание советской интеллигенции, массово отторгавшей режим на исходе коммунистической эпохи. Самопровозглашенным лидерам нынешней оппозиции решить эту задачу не удастся. Может быть, потому, что в среде оппозиции нет нравственных авторитетов, равных по масштабу личности Сахарову и Солженицыну, без чего эта задача является практически нерешаемой. Разумеется, ни Сахарова, ни Солженицына нельзя создать «на заказ», равно как нельзя смоделировать, импортировать, симитировать и так далее. Поэтому предсказать темп и направление эволюции протестного сознания сегодня невозможно.

Во-вторых, оппозиция режиму внутри самой власти должна уловить изменение настроений околоставных элит, почувствовать их всеобщность, проникнуться, пропитаться ими, как в свое время пропиталась дисидентством либеральная коммунистическая номенклатура. У этой номенклатурной оппозиции должна появиться уверенность в том, что восстание возможно, что оно будет поддержано, а не утоплено в крови. Должны возникнуть смелость и воля, чтобы при необходимости не только сказать, что так жизнь нельзя, но и влезть на танк.

Эти две силы – оппозиция внутри власти и оппозиция околоставных элит – должны двинуться навстречу друг другу. Бульварное кольцо и Садовое кольцо должны соединиться. В этом сценарии оппозиционно настроенной бюрократии отводится особая роль, ибо она должна не просто пойти навстречу оппозиционно настроенным элитам, но и попытаться возглавить движение (хотя бы на первом этапе), чтобы придать ему организованный характер. По сути, речь идет в той или иной форме о втором издании «перестройки», т.е. действиях, которых многие ожидали от Медведева, да так и не дождалась.

Переворот может быть мирным или немирным, явным или тайным, называть сам себя революцией или просто коррекцией курса – все это не имеет значения. Это вообще эвфемизм, который обозначает перерыв политической постепенности, разрыв пресловутой стабильности. Предсказать его формат и движущие силы не представляется возможным. Можно лишь очертить самые общие контуры событий. Так или иначе он предполагает открытый раскол во власти, переходящий в открытое столкновение властных группировок; победу восставшей «пятой колонны» при поддержке улицы, но без допущения полной анархии («для народа, но без народа», так сказать); удержание общей ситуации под контролем и более или менее плавную конверсию существующего политического режима с по-

этапной заменой целых блоков наличной государственности на вновь создаваемые, возможно, в ходе конституционной реформы институты. Не исключено, что в процессе этих преобразований инициаторы и первоначальные лидеры «номенклатурного восстания» потеряют власть, и им на смену придут другие силы (как это случилось с Михаилом Горбачевым). Но в любом случае это будет многоступенчатый процесс, а не «одноактный балет».

Это, пожалуй, единственный сценарий, при котором со сменой политического режима (возможной при жизни Путина) останутся некоторые надежды на сохранение российской государственности. В этом случае есть шанс на культурную, технологическую и политическую модернизацию, необходимость которой для России никто не отменял, несмотря на то что эта идея была сильно дискредитирована неуклюжей демагогией официальной пропаганды. Очевидно, что только в случае успеха такой модернизации Россия в перспективе может сохраниться как суверенное государство в границах если и не совпадающих, то близких к существующим.

Гниение России

В сложное для страны время сторонники Владимира Путина возвысили свой голос в защиту русского государства и русской церкви от угроз, которые несут с собою «западничество» и неразрывно связанные с ним либерализм, демократия и рынок. Они живописуют бесчисленные бедствия, которыми чревато разрушение «незыблемых основ» русской государственности, в том числе государственной собственности и властной иерархии. При этом они уклоняются от обсуждения рисков, связанных с сохранением в неизменном виде сложившегося порядка вещей.

Положение России в мире даже хуже, чем это описывают современные государственники, но из этого вовсе не следует, что они правы. Скорее наоборот, это положение уже настолько плохо, что Россия больше не может позволить себе щедро оплачивать их иллюзии и фантазии. Страна столкнулась с одним из самых масштабных в своей тысячелетней истории вызовов. Ей предстоит сделать непростой выбор между изменением и исчезновением. Либо Россия кардинально изменится, пройдет через запоздалую реформацию и соединится с Европой и Америкой в противостоянии глобальным вызовам, что позволит ей сохраниться в рамках существующих границ, но уже в качестве не империи и «сверхдержавы», а национального государства, участвующего вместе с другими на равных (или не на равных) в новом мировом разделении труда; либо уже в рамках текущего столетия Сибирь, Дальний Восток и Кавказ будут поглощены Китаем, Турцией и, возможно, Японией.

Уже сейчас возникают серьезные сомнения в том, что Россия сможет бесконечно долго самостоятельно удерживать столь обширные территории в условиях нарастающих демографического и технологического кризисов. Весьма скоро мы станем свидетелями начала великой битвы за русские окраины (прежде всего за Сибирь), которая в самом худшем варианте перерастет в войну за «русское наследство». Ранее было объявлено о создании русской версии Ост-Индской компании для развития Сибири¹. Смею предположить, что со временем нечто подобное предложат и для Кавказа. Таким образом, Россия вынуждена откровенно признать эти территории колониями. Это может дать резкий толчок развитию сибирского сепаратизма – опасности, которую очень многие недооценивают.

Но если дело дойдет до реализации этих идей, то заработает мощный насос, откачивающий ресурсы из центра страны на окраины. Последние будут получать все больше денег и все больше суррогатной автономии. При этом культурно и экономически станут больше тяготеть к сопредельным территориям, чем к Центральной России. Рано или поздно из этой ситуации будут сделаны соответствующие политические выводы.

Борясь с иллюзорной угрозой с Запада, Путин и государственники цепляют Россию к Китаю. Можно с высокой долей вероятности утверждать, что поводом этот окажется весьма коротким. Если Россия не обопрется на помощь Запада, она будет поглощена Китаем. Через несколько десятилетий страна развалится по тем самым границам, которые сегодня чертят для всех этих «сибирских», «дальневосточных» или «северокавказских» управляющих компаний. От России отвалятся самые жизнеспособные, напитанные остаточными нефтегазовыми деньгами территории. Это жесткая и неприглядная, но, к сожалению, объективная реальность. Демографические и социально-экономические показатели развития России, ее нарастающее технологическое отставание от передовых экономик Запада и Востока не оставляют на этот счет никаких сомнений. Социальный и политический строй современной России не способен обеспечить то ускоренное развитие, без которого она в самом скором времени будет неспособна защитить свой суверенитет в рамках сложившихся государственных границ. Поэтому пресловутая модернизация сегодня возможна только в формате мощной социальной и политической революции, сопоставимой по глубине воздействия на русскую жизнь с «петровскими» или «большевистскими» преобразованиями. Речь идет, по сути, о необходимости смены культурной парадигмы, ломке большинства привычных стереотипов поведения, отказе от традиций, разрушении всего прогнившего старого

¹ В апреле 2012 г. некоторые СМИ сообщили о проекте создания госкомпании по развитию Сибири и Дальнего Востока (подробнее об этом см., например: 3).

мира и строительстве на его месте нового русского общества и нового русского государства.

Это, конечно, весьма пугающая перспектива, потому что реальные перемены всегда вызывают те самые «великие потрясения», которые с легкой руки ставшего теперь культовым Столыпина считаются нашими государственниками несовместимыми с «великой Россией». К сожалению, в истории все обстоит с точностью до наоборот, и только те народы, которые нашли в себе силы и мужество пройти с честью через великие потрясения, смогли занять в ней достойное место. Страх великих потрясений естественен. Но от того, что кто-то не хочет смотреться в зеркало, его изображение не становится лучше. Зато возникает простор для игры воображения.

Государственники – это те люди, которые обещают сегодня России великое будущее без великих потрясений. Это перспектива, за которую каждый готов был бы проголосовать, будь она реальной. Но государственников не волнуют отношения с реальностью, потому что они живут внутри созданного ими мифа о России. Государственники не собираются считаться с реальностью, они игнорируют действительные угрозы России, не осознают масштабов исторического вызова, стоящего перед страной, и поэтому не видят никакой необходимости делать выбор в пользу кардинальных перемен. Они – служители «культы стабильности», где Владимир Путин одновременно и главный жрец, и высшее божество.

Разумеется, государственники не просто живут внутри мифа, но и активно участвуют в его создании. Миф – это не фантазия, а иносказание. В его основе лежат реальные события и факты, интерпретируемые мистическим образом. Мироззрение государственников сегодня покоится на «трех китах».

Во-первых, это миф о Путине, победившем либералов и демократов, разрушивших Россию в «лихие 90-е». Те условные «либералы» и «демократы», которых государственники активно критикуют и за приватизацию, и за развал государства, действительно самым варварским способом участвовали и в том и в другом. Но, с одной стороны, они были лишь последними в очереди среди тех, кто вывел Россию на этот печальный рубеж (при этом непонятно, кого считать в этой очереди первым – то ли Горбачева, то ли Ленина, то ли Петра I). А с другой стороны, нынешние государственники в 90-е отнюдь не были принципиальными оппонентами либералов и демократов. Путин и его команда вышли из тех же «лихих 90-х» и были частью того самого движения, которое сегодня активно критикуют. Путин – последовательный продолжатель политического курса Ельцина.

Во-вторых, это миф о Путине, победившем олигархов, обокравших Россию. Появление «олигархата» действительно было одним из самых

уродливых последствий краха коммунистической системы. Неоспоримо, что хищническая приватизация бывшей государственной собственности была криминальной и впоследствии была дополнена не менее алчной приватизацией государственных функций. Тем не менее нет никаких оснований говорить о победе Путина над олигархами. Можно говорить о сотрудничестве Путина с олигархами. Он не устранил олигархов, а лишь «отформатировал» их. Теперь Россией правят не отдельные сомнительные и своенравные личности, а олигархический синдикат, лояльный защищающему его интересы правительству.

В-третьих, это миф о Путине, победившем государственную разруху и восстановившем российскую государственность из праха. На самом деле Путин после прихода во власть сумел восстановить практически разрушенную к концу 90-х годов бюрократическую машину, соединил при помощи жестких полицейских мер разрозненные звенья государственной машины, приглушил аппаратный сепаратизм. Это обеспечило ему в свое время реальную поддержку значительной части населения и элит, остро ощущавших необходимость в реанимации государства. Однако эффект от всех этих мероприятий, повторим, оказался недолговечным.

В течение десяти лет путинские государственники имели возможность практически беспрепятственно проводить свою политику. Это была эпоха реставрации. Они осуществили фактическую ренационализацию «командных высот» в экономике и сделали все, чтобы вернуть страну исторически в ту точку, с которой стартовала перестройка. Если этого не удалось сделать полностью, то это не их заслуга.

Теперь они хотят взять реванш у истории и «переиграть» партию. Вариант, предложенный в свое время Горбачевым, им не симпатичен (поэтому захлебнулась попытка второго издания перестройки «по Медведеву»). Судя по всему, многим не терпится разыграть для России исторический гамбит «по Милошевичу». Вместо того чтобы идти у истории на поводу, государственным не терпится взять ее за горло.

Наблюдать за этим экспериментом было бы также увлекательно, как смотреть «Судьбу на выбор» Александра Гордона, если бы последствия этого эксперимента оставались виртуальными. Но этот сценарий будет писаться не на бумаге, а на человеческих шкурах. Проблема в том, что амбиции государственных не очень соответствуют их амуниции. Они предлагают израсходовать исторический ресурс нации на реализацию очередной утопии.

Путин и его окружение хотят завладеть технологиями Запада, отвергнув культуру, в том числе политическую, которая делает возможным их производство. В этом стремлении они находят полное понимание и поддержку русской церкви, инстинкт самосохранения которой заставляет ее бешено сопротивляться любым западным веяниям.

Не стоит упрощать ситуацию и сводить все к корысти и мздоимству. Речь идет об историческом выборе, в котором у русской церкви есть своя позиция, и эта позиция на сегодняшний день совпадает с позицией путинских государственников. Союз церкви и государственников – это не сио-минутный пиар-ход, а стратегический идеологический альянс сил, кровно заинтересованных в отстаивании русской «самости» любой ценой, даже ценой гибели русского государства.

Историческое спасение России состоит в ее преобразовании, сколь бы мучительным и длительным ни был этот процесс. Причем речь идет не только о судьбе самой России. Россия может сыграть важнейшую роль в отношениях между Западом и Востоком. Если Россия пойдет по пути преобразований, она объективно поможет Западу (который остро нуждается в ее ресурсах, но взамен может дать необходимые для развития технологии). Если Россия не пойдет по пути преобразований, то она усилит Китай, к которому преимущественно «откатятся» ее территории.

Идеология государственников, внешне столь понятная и привлекательная, является по сути своей лукавой. Она умалчивает о долгосрочных последствиях комфортного «ничегонеделанья» и предлагает русскому народу пойти по «третьему пути», которого в природе не существует. В этом смысле государственники очень близки большевикам. Только большевики предлагали поставить на кон судьбу России ради ее утопического будущего, а сегодняшние государственники предлагают рискнуть Россией ради ее не менее утопического прошлого.

Провокация России

Утверждение, что у нынешней власти нет идеологии, что она вся прямо-таки насквозь прагматичная, что, кроме денег, ее ничего не интересует, верно лишь отчасти. Интересует и еще как – причем чем больше у нее денег, тем замысловатее ее политическая философия. Другое дело, что свои истинные политические взгляды власть до поры до времени стеснялась пропагандировать, демонстрируя на публике идейный унисекс. Но все тайное рано или поздно становится явным. Обострение политической борьбы при неуклюжей передаче власти обратно от Медведева к Путину привело к тому, что власть была вынуждена обозначить свой идеологический профиль. Официальной идеологии сделали обрезание – в рекордно короткие сроки аморфная и вязкая доктрина «путинизма» трансформировалась в кондовый и твердый как сталь «пушизм».

У кого хорошая память, тот легко вспомнит, как все начиналось. В 2005 г., в эпоху расцвета суверенной демократии, на сайте ветеранской организации сотрудников спецслужб Санкт-Петербурга был вывешен курс лекций, якобы прочитанных анонимным автором на засекреченных курсах

ФСБ, под подчеркнуто скромным названием «Проект Россия» (5). Вскоре после этого была издана книга с одноименным названием, оформленная в стиле тома из Полного собрания сочинений В.И. Ленина, которая, если верить русской «Википедии», перед тем, как поступить в продажу, была разослана всем руководящим сотрудникам силовых структур, МИДа, правительства и администрации президента. До 2010 г. свет увидело еще три дорого переплетенных фолианта «проектно-сметной документации» для России (6; 7; 8). На моей памяти единственной анонимной книгой, пользовавшейся ранее в народе такой же популярностью, были «Законы мафии», изданные, однако, не так помпезно.

В то время как официальная идеология Кремля на словах признавала значимость демократии, важность универсальных, т.е. «западных», ценностей и осторожно намекала на необходимость их адаптации к особым российским условиям, что в переводе с эзопова языка кремлевских политиков означало ограниченное применение, анонимный автор «Проекта Россия» брал быка за рога и объявлял демократию главной угрозой безопасности России, а Запад – ее естественным историческим противником. На этом революционность произведения исчерпывала себя; во всем остальном книга не отличалась особой оригинальностью и в своей философской части была жалким плагиатом идеологии современных европейских наци. Обращал на себя внимание разве что тот пиетет, который автор испытывал к французским крайним правым, что, в общем-то, плохо вязалось с центральной антизападнической линией книги. Логичней было бы испытывать пиетет перед Прохановым.

Поразительна беспечность, с которой общество отнеслось тогда к этой идейной провокации. Книга воспринималась как реакционная духовная «вылазка» окопавшегося в глубоком подполье закомплексованного маргинала, который не совладал со стрессом, испытанным после падения Берлинской стены. Оказалось, однако, что маргинал засел вовсе не в окопе, а обосновался на самом что ни на есть виду, а мысли, высказанные анонимным автором «Проекта Россия», были лишь его до поры до времени скрытым, потаенным, почти интимным мировоззрением. Нам рассказали о нашем будущем, но мы не поняли намека, отнеся все к прошлому. И лишь когда суверенная демократия вместе со своим вдохновителем Владиславом Сурковым съехала из Кремля, потаенная идеология стала полуофициальной, а затем и официальной. Она перестала быть анонимной, выплеснулась сразу из всех политических звукоусиливающих устройств, заговорила тысячами голосов.

Сегодня часто характеризуют реакцию власти на действия оппозиции то ли как испуг, то ли как истерику. На самом деле все гораздо сложнее. Если и были испуг или истерика, то они лишь обнажили то, что в скрытой форме существовало задолго до всяких оппозиционных волне-

ний, но что в других, менее напряженных политических условиях удавалось прятать подалеже от посторонних глаз. Мы услышали наконец правду. Нравится она кому-то или не нравится – это другой вопрос. Но она состоит в том, что российская власть прочно стоит на антидемократических, антизападных позициях, преклоняется перед тоталитарными учениями, ей симпатична идея корпоративного государства и она не испытывает ложного стыда при применении репрессивных мер по отношению к своим идейным и политическим противникам. Знание этой правды полезно как тем, кто внутри страны предусмотрительно воспитывает в себе душевный конформизм, так и тем, кто на Западе культивирует прагматичный подход к Путину в духе «real politics».

В начале «лихих 90-х» гениальный Вадим Цымбурский определил фашизм как восстание нации против попыток вписать ее в непрестижный и дискомфортный для нее мировой порядок на правах нации «второго сорта» (9). Он предупреждал, что России никто на льготных условиях абсорбировать в систему новых международных отношений не будет. Поэтому он считал, что при желании любой ценой закрепиться на окраине «мирового цивилизованного» перед Россией встанет выбор между двумя путями: компрадорским и фашистским. Все, что будет сказано ниже, в какой-то степени есть дань памяти Вадиму.

Если двадцать лет назад фашизация России представлялась абстрактной возможностью, которую можно было обсуждать на семинарах Института философии РАН наряду с сотней других гипотетических сценариев, но не более того, то сегодня это – весьма конкретная перспектива, жить в которой с высокой долей вероятности, может быть, придется уже нынешнему поколению россиян. Когда-то Виктория Токарева написала, что к хорошему люди привыкают не быстро, а очень быстро. К этому можно добавить – к плохому тоже.

Почему-то совершенно необоснованно считается, что если русский народ один раз свалился в историческую пропасть, то с ним уже больше ничего такого не может произойти. Вроде как в одну воронку снаряд два раза не попадает. На самом деле никакого серьезного иммунитета против тоталитарного оболванивания русский народ выработать не успел. Напротив, психологически ему гораздо проще поменять знак с «плюса» на «минус», но остаться в прежней нравственной парадигме, чем начать мучительно выработать какую-то новую парадигму. Поэтому вполне возможно, что маятник просто качнется из крайнего левого положения в крайнее правое, не задержавшись на спасительной умеренной середине.

То, что несколько лет назад казалось маловероятным, сегодня выглядит вполне технологичным. Мы находимся на пороге невиданной культурной контрреволюции. Ревизии подвергается нечто большее, чем «либеральный зигзаг» Медведева и даже плоды горбачевской перестройки. Под

вопросом оказался европейский выбор России как таковой. Речь идет о пересмотре культурной и политической парадигмы, в рамках которой Россия развивалась почти полтысячи лет.

Под разговоры о разрушительной природе «оранжевых революций» правящая элита сама готовит революцию, в разы более сокрушительную, чем большевистский переворот. Эта революция грозит сотрясти Россию до самого основания, превратив ее в изолированное от мира средневековое клерикально-криминальное государство. По сути это реваншистская политика. Но это не реванш «обделенной» нации, как в Германии, или «обделенного» класса, как в царской России. Это реванш «обделенной» архаичной культуры, вытесненной на обочину истории, сжатой до размеров «черной дыры», но не исчезнувшей, не растворившейся в небытии, а затаившейся и теперь готовой втянуть в себя всю российскую Вселенную. Мысли и чувства, изложенные в «Проекте Россия», отстоялись и готовы к применению.

Власть вольно или невольно вталкивает Россию в эту «черную дыру». Одной рукой она потворствует агрессии взбесившегося невежества, атакующего любые очаги культурного роста. Другой рукой она выдавливает из страны всех тех, кто этой агрессии пытается сопротивляться. Массовая и, по-видимому, беспрецедентная для России эмиграция не смущает правящий класс, а скорее радует. Оставшихся людей частью запугивают, частью подкупают. Трансформация их сознания может произойти молниеносно и для них самих практически незаметно. Если кому-то это покажется утопией, рекомендую вспомнить о всеобщей и искренней вере нескольких поколений советских людей в коммунизм.

Через несколько лет некому будет удивляться тому, что «Ну, погоди!» – это запрещенный к показу мультфильм из категории «для взрослых», а «Иисус Христос – суперзвезда» можно посмотреть только «по благу» и только на закрытых показах в кино клубе при московской патриархии. Это станет настолько естественным, что на это перестанут обращать внимание. А новая поросль русских интеллигентов-националистов будет с жаром рассказывать приезжим иностранцам о гигантских преимуществах жизни за нефтегазовым занавесом.

Россия поражена синдромом культурного иммунодефицита. При этом опыт не только самой России, но и стран с гораздо более мощными культурными традициями сопротивления невежеству показывает, что никто не застрахован от приступов исторической истерики. Через это прошли Германия и Италия, к этому были очень близки США. К этому, как никогда, сейчас близка Россия – страна на грани нервного срыва.

Путинизм даже в его нынешней обрезанной форме «пушизма» еще далеко не фашизм. Но это та стволовая клетка, из которой при желании фашизм можно легко вырастить. Нынешний очевидный политический и

неочевидный экономический кризис обнажил нищету философии посткоммунистической элиты, которая за фасадом красивых слов скрывала скудость политической мысли и инфантильность нравственного чувства. Время, когда политику в России формировало сознание, кончилось. Наступает время подсознательного, если уж и вовсе не бессознательного. Современное русское подсознание сформировано родовым шоком посткоммунистического общества, провинциальным страхом перед открывшимся ему вдруг и кажущимся враждебным миром, глубоко заганенным комплексом неполноценности, который оно пытается заглушить демонстративным хамством и бахвальством. Это практически идеальный коктейль для фашизма. Чтобы не выпить его, России необходимо сделать над собой огромное нравственное и политическое усилие, в то время как для того, чтобы раствориться в нем без остатка, практически никаких усилий предпринимать не надо. Все случится само собой.

Разрушение России

Попытка возложить всю ответственность за происходящее в России персонально на Владимира Путина бесперспективна. Владимир Путин управляет страной не сам по себе и даже не от имени пресловутых силовиков. Он политически представляет неимоверно расплодившееся паразитическое сословие, которое благодаря ему конституировалось как господствующий класс. Только политическое подавление всего этого паразитического слоя может вывести Россию из перманентного кризиса.

Режим Владимира Путина вовсе не парит в воздухе, как этого многим бы хотелось. Скорее наоборот – он стоит обеими ногами на земле, и от него ощутимо пахнет социальным перегноем. Архаичная Русь, придушенная Петром, растерзанная большевиками, осмеянная либералами, восстала из праха, чтобы послать миру свой прощальный привет прежде, чем испустить дух. Чтобы победить, надо выдавить ее из себя, и не по капле. Времени у России нет.

Политический строй современной России совершенно адекватен ее социальному строю – состоянию российского общества, и в этой адекватности кроется секрет его стабильности. Пока в самой структуре общества, в положении его основных классов, в их самосознании не произойдет радикальных перемен, Путину ничего не угрожает. Государство Владимира Путина – это государство диктатуры люмпен-пролетариата. Люмпены являются основным конечным бенефициаром политики Путина.

Современная Россия – это страна победившего люмпена. Несмотря на то что количественно люмпены не преобладают, они, безусловно, доминируют сегодня в российском обществе, навязывая последнему свои «правила поведения». А уже как следствие они являются и политически

господствующим классом, распоряжающимся государственной властью, как трофеем. Проще говоря, Россия сегодня – «босаяцкое государство», а Путин – «босаяцкий царь».

Все русские диктатуры похожи друг на друга, и стенограмма судебного процесса по делу Иосифа Бродского («тунеядца») выглядит так же омерзительно, как стенограмма процесса по делу «Pussy Riot» («кошунниц»). Тем не менее социальная природа этих диктатур совершенно разная. И даже если в будущем путинский режим сравняется по уровню репрессий с советской властью, а возможно, и переплунет ее, ничего общего с советской властью, кроме паразитического внешнего сходства, он иметь не будет.

Советский строй был своего рода «генномодифицированным» социальным продуктом. Большевизм привил к широкому крестьянскому стволу веточку западного модернизма. Через 70 лет это дерево сгнило, так и не родив обещанных семян. Правда, под землей остались корни, из которых наверх полезли уродливые побеги малопонятной природы.

Сегодня все старые советские сословия (классов в европейском смысле слова в России никогда не было) деградировали, а новые еще не успели сформироваться. В обществе как никогда много «лихих людей», готовых на все «социальных фрилансеров», не связанных никакими корпоративными, моральными и тем более правовыми узами.

В основании «путинизма» лежат не крестьянские (так что зря писатели-деревенщики так о нем пекутся), а люмпенские идеалы. В этом его главное отличие от советской власти. Это та разница, которую многие не улавливают. «Путинизм» – политический строй деклассированных элементов, всех тех, кто выпал из своих социальных ниш либо вообще их никогда не имел. Наверное, так выглядела бы Россия, если бы Стенька Разин взял Кремль. На смену философии общины пришла философия «общака». Люмпен – питательная среда для криминала. Люмпенизация российского общества имела своим прямым следствием его сплошную криминализацию.

В конце первой четверти прошлого века в русский город пришел раздавленный, обозленный и растерянный крестьянин. Несколько десятилетий ушло на то, чтобы городская среда переварила его, а он, в свою очередь, освоился в городском интерьере. На стыке этих двух процессов возникла полугородская «советская цивилизация», просуществовавшая почти полвека.

На рубеже XX и XXI в. в русский город с гиком и свистом ворвался самодовольный, наглый и беззастенчивый уголовник. Двух десятилетий ему хватило для того, чтобы подмять городскую, полугородскую и крестьянскую культуру под себя и свести на нет политические достижения 200-летней европеизации страны. Криминализация общества всегда является свидетельством его социальной деградации, провалом в архаику, возвра-

том к наиболее примитивным формам социальных отношений, основанных на насилии и грабеже.

Криминальная опухоль пустила метастазы повсюду, она проросла «снизу», так же как и «сверху», проглотила государство, подмяла по себе общество. Повинуясь основному инстинкту, криминальные элементы стихийно сбиваются в стаи, которые терзают «тяглых» людей и потрошат их кошелки. Периодически внутри этих стай случаются свары, как между собаками, не поделившими кость. Но все тот же инстинкт заставляет их снова объединяться. Их много. Они – главная социальная база нынешнего режима. Это их режим.

Новоявленный хозяин России дико озирается в необычном для него историческом интерьере, не в силах поверить, что все теперь принадлежит ему. Он чужд всякого истинно производительного начала. Фабрики и заводы, железные дороги и больницы, государственные учреждения и дома призрения, суды и театры – все это для него не более чем груды бесполезных институций, если их нельзя немедленно разобрать на части и продать или по крайней мере заставить работать на себя.

Социальный и политический уклад жизни современной России очень похож на уклад жизни колониального государства. В медицине известен феномен аутоинтоксикации – самоотравления организма ядами, которые начинают вырабатываться внутри него при некоторых нарушениях нормальной жизнедеятельности. Нечто подобное произошло сегодня с российским обществом, которое подверглось «самоколонизации» паразитическими элементами, возникшими вследствие развития патологических социальных процессов внутри общества. Россия сегодня – империя и колония «в одном флаконе».

Страна вернулась в свой XVI век и даже еще раньше. Через всю русскую историю проходит конфликт между работающим «тягловым» (платящим налоги) человеком, которого не могло защитить слабое государство, и «тáтем» (вором и разбойником), который пользовался этой слабостью государства. Но почти никогда не было так, чтобы «тати» захватывали само государство, превращали его в орудие воровства и нещадного избияния работающих людей. Так было только в ордынские времена, когда ханские отряды стояли в каждом русском городе и защищали тех, кто больше заплатит. Но то были чужие, а здесь – свои.

Русское общество приобрело характерную для оккупированных (колонизируемых) территорий двухуровневую структуру. Где-то «на дне» есть реальный «производящий» социум со всеми свойственными ему внутренними противоречиями между составляющими его сословиями, и есть «криминальная нашлапка» над этим социумом, состоящая из не включенных в его повседневную производительную жизнь паразитических элементов, которые выкачивают из этого социума все, что можно.

Криминальная стихия, как вирус, живет внутри любого здорового общества на протяжении всей его жизни. И любое общество на протяжении всей своей жизни борется с этим вирусом. Победить криминальную стихию, как и вирус, окончательно нельзя, но можно и нужно держать ее под контролем. Стоит, однако, обществу ослабнуть, а его социальным и политическим институтам отклониться от тщательного исполнения заложенных внутри них программ, как «криминальный вирус» берет реванш и начинает поедать еще живое общество изнутри. Социальный иммунодефицит опасен так же, как и биологический.

Как правило, эта «вирусная атака» на ослабленное общество заканчивается быстро и печально. Общество умирает, а вместе с ним умирают и те паразиты, которые его пожирала. Но если это общество, в свою очередь, оказывается паразитическим и само живет за счет какого-то неограниченного внешнего ресурса (находится, так сказать, на искусственном питании и дыхании), то драма может затянуться. Возникает паразитическая цепочка, на вершине которой оказывается криминал, в середине – поднятое им под себя при помощи подконтрольного ему государства общество, а в основании лежит тот самый ресурс, за счет которого они оба существуют.

Современную Россию невозможно представить без «Газпрома». Если бы не было Черномырдина, взлелеявшего эту уникальную монополию, то не было бы и Путина с его режимом. Недаром, повинувшись интуиции, Кремль в срочном порядке создает нефтяной аналог «Газпрома» из «Роснефти». Выдерни из-под власти «Газпром» с «Роснефтью» – и от нее ничего не останется. Нефтепроводы и газопроводы для криминальной российской элиты есть то же, что «шелковый путь» для кочевников – источник непрерывного и неограниченного «нетрудового» обогащения. Поэтому в российском обществе и возобладали нравы, естественные для какого-нибудь вайнахского племени, но мало сочетающиеся с христианской традицией.

Проблема современной России состоит в том, что эволюционным путем из того криминального исторического тупика, в котором она оказалась, выбраться невозможно. Криминальный режим самодостаточен, и через десять, и через двадцать, и через тридцать лет он будет воспроизводить себя в том виде, в котором мы его сегодня наблюдаем. В отличие от коммунистического режима, он завязан на деньги, а не на идеологию, деградация которой автоматически означает его крах и перерождение. Этот режим сам по себе не рухнет до тех пор, пока не исчерпает внешние ресурсы, его питающие. Это резко сужает количество возможных политических сценариев для России.

Усыпление России

Демократическая общественность не верит в способность власти предлагать новую политическую повестку дня. Все действия Кремля интерпретируются ею исключительно как пропаганда. Но власть продолжает оставаться мощным политическим игроком, способным менять правила игры по своему усмотрению. В конце 2012 г. она заложила крутой вираж, стремясь перехватить инициативу у оппозиции. Нет, однако, уверенности в том, что ей удастся закончить этот маневр.

Нет ничего удивительного в том, что в первую очередь внимание к себе привлекают крайние варианты: либо праворадикальный переворот, во многом подготовляемый (осознанно или неосознанно) политикой властей, либо революция, тоже, в общем-то, провоцируемая Кремлем, с неизбежно следующей из нее диктатурой (природа которой непредсказуема). Однако кроме сценариев, которые предполагают то или иное разрешение проблемы, могут быть и сценарии, ориентированные исключительно на то, чтобы отложить какие бы то ни было решения в «долгий ящик». Одним из таких сценариев является бюрократическая оптимизация режима.

Я полагаю, что в политике Кремля может произойти важный поворот. Это странный «серый поворот», о котором не говорят вслух. Потому что официально никакого нового курса не существует. Только из-за зубчатой стены едва ли не ежедневно вылетают теперь «ошметки» какого-нибудь нового высокопоставленного чиновника. Перефразируя классика, можно сказать, что по мере продвижения к стабильности клановая борьба возрастает.

Кремль начал бюрократическую оптимизацию режима. Это его ответ на несостоявшуюся революцию. Одной рукой подавляя революционное движение, он второй рукой пытается по-своему воплотить в жизнь главные лозунги революции. Это уже вторая попытка трансформировать систему, инициируемая властью за последние пять лет. Первая попытка, предпринятая в период президентства Медведева, провалилась. Но либеральная оптимизация в духе Михаила Горбачева, заявленная, но так и не осуществленная Дмитрием Медведевым, как оказалось, не является единственно возможной формой бюрократической оптимизации. Похоже, в Кремле с опозданием на 30 лет и в совершенно новых исторических обстоятельствах решили-таки реализовать «андроповскую» версию перестройки.

Нельзя недооценивать политическое значение шквала уголовных разборок в высших эшелонах власти, списывая все исключительно на дешевый и конъюнктурный пиар. Пока общественность с изумлением наблюдает за происходящим, удобно расположившись в партере с попкорном. Зрителям кажется, что они все еще смотрят рекламную заставку.

Однако на самом деле уже давно идет первая серия фильма. Более того, полагаю, что перед второй серией очень многих попросят выйти из зала с вещами. В том числе тех, кто сидит сегодня в первых рядах. Это – русское кино, у него своя драматургия, без хэппи-энда.

Нет ничего удивительного в том, что реакция постфактум воплощает в жизнь программу проигравшей революции. В истории – как в футболе: если не забиваешь ты, забивают тебе. Историческая инициатива переходит к победителю, но направление исторического движения не меняется. История, и не только российская, знает тому множество примеров. Столыпинская аграрная реформа есть не более чем реакционный ответ на требования захлебнувшейся в крови революции 1905–1907 гг. «Сердюковщина», какими бы сугубо личными ни были ее поводы, в конечном счете есть ответ на захлебнувшуюся в медийных помоях «болотную» революцию. Горе побежденному – власть всегда обкрадывает несостоявшуюся революцию, топорно и своекорыстно реализуя ее лозунги.

Не стоит примитивизировать людей, сидящих в Кремле. В конечном счете они не глупее и не умнее тех, кто заседает в Координационном совете¹. У них просто разные цели. Но они не настолько неадекватны, как это иногда кажется после просмотра вечерних новостей. Когда разговор ведется в узком кругу и не под протокол (в хорошем смысле этого слова), многие из тех, кто отвечает за политический курс Кремля, демонстрируют и всестороннюю информированность, и глубокую проницательность, и завидную изобретательность.

Власть не может не ощущать и, как следствие, не осознавать, в чем состоит главный вызов времени. Она прекрасно осведомлена о том, что именно правовой произвол и коррупция, а вовсе не социальная политика (которую удастся удерживать на плаву за счет уникально высоких цен на энергоносители), являются главным триггером политического брожения в стране. Она также понимает, что на всякий политический вызов должен быть дан симметричный политический ответ, и судорожно ищет подходящий формат для такого ответа. В общем, то, что мы сегодня наблюдаем, это первый эскиз, так сказать, черновой набросок некой новой политики.

Если обратиться к историческим аналогиям (отдавая, однако, себе отчет в том, что любые аналогии хромают), то на исторических часах новой России где-то 1907–1908 гг. Власть, придя в себя от испуга, пытается решить две взаимоисключающие задачи: охладить общество и разогреть общество. С одной стороны, она обрушивает репрессии на головы революционеров, не особенно церемонясь с выбором средств. С другой сторо-

¹ Координационный совет российской оппозиции – негосударственный политический и гражданский орган, выборы в который состоялись 20–22 октября 2012 г.

ны, потакает обществу, пытаясь по-своему решить те проблемы, которые были поставлены на повестку дня революцией.

Болотная революция внесла в политику два вопроса: о борьбе с коррупцией и о реформе политической системы (включая конституционную и судебную реформы в самом широком смысле слова). Власть пытается решить одну из этих задач в удобной, приемлемой для себя форме – организовав борьбу с коррупцией, не меняя системы в ее существенных чертах. Причем я допускаю, что речь идет именно о желании бороться с коррупцией (так, как они себе это представляют), а не только о стремлении продемонстрировать видимость этой борьбы.

Отвечая на вопрос журналистов о судьбе Сердюкова, Владимир Путин неожиданно бросил фразу о том, что у нас же не 1937 год. Действительно, не 37-й, но в глубине души, наверное, ему иногда очень хочется, чтобы был именно он. У всех тех криминальных историй, которые обрушивает сейчас на головы обывателей государственное телевидение, есть один общий знаменатель. Будучи разными по своей природе, происхождения, составу заинтересованных лиц и другим важными элементами, они все вместе являются частью политики «управляемого террора». Пока управляемого...

Скорее всего, кроить новую политику будут по старым лекалам «борьбы с олигархами». В этом случае, возможно, Анатолию Сердюкову (или кому-то «пожиже», если Сердюков «отмолит» грехи) предстоит стать вторым Михаилом Ходорковским. На примере одного, самого «крутого», будут «лечить» остальных чиновников. В конечном счете все они должны усвоить, что в России может быть только один «неприкасаемый».

Десять лет назад, когда Владимир Путин еще был «мужиком, едущим на ярмарку», он создал себе политическую репутацию на борьбе с олигархами, перехватив у оппозиции 90-х ее лозунги. Теперь, когда Путин стал «мужиком, едущим с ярмарки», он, скорее всего, попытается повторить свой успех и восстановить свою растерянную репутацию, создав себе имидж борца с коррумпированной бюрократией.

На этот раз бюрократы, как объект тщательно культивируемой государственными средствами массовой информации ненависти, должны заменить собою в массовом сознании ставших менее актуальными олигархов. Борьба с бюрократией будет, по-видимому, главным лозунгом нового политического сезона. Теперь на рядовое чиновничество может обрушиться тот самый «бессмысленный и беспощадный» террор, который до этого момента испытывали на себе рядовые предприниматели. Чиновники в будущем будут поступать в СИЗО пачками и скоро составят там конкуренцию коммерсантам. Быть рядовым сотрудником налоговой инспекции, полицейским и даже агентом спецслужб будет уже не так комфортно и безопасно, как прежде.

Впрочем, как и в случае с олигархами, террор затронет отнюдь не всех чиновников, хотя неуверенность почувствуют многие. Власть не может ставить своей целью уничтожение бюрократии, являющейся ее опорой, как ранее она не могла по тем же причинам ставить своей целью уничтожение олигархии. Задача не в том, чтобы стереть бюрократию с лица земли, а в том, чтобы сделать ее послушной, сломать ее буйное своеволие, внушив страх. Своеволлие бюрократии должно быть подавлено так же безжалостно, как в свое время было подавлено своеволие нуворишей. И те и другие должны постоянно помнить, кому обязаны всем, что имеют.

В своей апологии «возвращения» Андрей Колесников («Коммерсантъ») пишет, что Путин вернулся, чтобы сломать созданную им же вертикаль (2). На самом деле он хочет не сломать вертикаль, а спрямить ее. Сегодня вертикаль ниспадает вниз потоками, как Ниагарский водопад, а должна бить, как струя из брандспойта. Я думаю, что действительное политическое содержание нового курса не осмыслено пока и самим Путиным. Он действует, более полагаясь на интуицию, чем на расчет. Тем не менее, по сути, новая политика Кремля сводится к установлению (восстановлению) режима «личной власти».

Кому-то это покажется странным, но сегодня Владимир Путин обделен властью. Россией правит не он, а некое «властное облако». Он создал систему, которая в конце концов вышла из-под его контроля. Он не собирается менять эту систему (так как не умеет по-другому управлять государством, и система как таковая его полностью устраивает), а хочет только вернуть себе утерянную власть. Поэтому я не исключаю, что в процессе этой реорганизации «кооператив Озеро» может существенно пострадать, хотя суть режима от этого нисколько не изменится. Это не разрушение вертикали, а ее совершенствование.

В каком-то смысле новый курс Путина направлен против элит вообще. Путину не нужны элиты, не только ответственные и самостоятельные, но даже коррумпированные и зависимые. Все они по-разному, но создают угрозу стабильности его власти. Ему нужны послушные и запуганные исполнители его воли, которые являются приводными ремнями между ним и «народом». Как ни странно, его старые друзья на эту роль уже не подходят. В новых условиях они оказались политически нефункциональны. Слишком много «ресурсов» теряется на «промежуточных стадиях». В сытное и мирное время на это можно было закрывать глаза. Но в эпоху кризисов и волнений они стали обременением.

Теоретически есть два способа контролировать бюрократию. Во-первых, демократически, при помощи гражданского общества в условиях экономического и политического плюрализма. Этот путь Путину не подходит по определению. Во-вторых, за счет установления тотального личного контроля над аппаратом власти. Этот путь ему гораздо ближе и, судя

по всему, он как раз в эту сторону и сдвигается. Но режим личной власти должен опираться на свой собственный аппарат насилия, которого у Путина пока нет. Все, на что он может опереться, – это спецслужбы, напичканные его друзьями, которые и крадут у него власть.

Ключевая проблема – в отсутствии рычага, при помощи которого Путин мог бы перераспределить власть внутри вертикали в свою пользу. Это только Мюнхаузен мог вытащить себя из болота за волосы. Путину для этого требуется политический инструмент. Он не может ограничить власть «питерских чекистов» до тех пор, пока они являются его единственной опорой. Выясняется, что для устойчивости вертикали требуется не один, а целых два стержня, чтобы можно было опираться на них попеременно. Вывод, скажем, для России не новый. Со времен опричнины самодержавие так только и выживало.

По существу, перед Путиным стоит та же задача, которая стояла перед Сталиным в начале 30-х годов. Только для него препятствием являются не обуржуазившиеся «старые большевики», а превратившиеся в мафиози «питерские чекисты» (разумеется, это собирательный образ), которые растворили Владимира Путина во власти, как сахар в стакане воды. Чтобы выжить, Путин должен стать Сталиным. Кому-то это покажется смешным, но чисто теоретически алгоритм формирования аппарата личной власти существует. Дополнительный стержень созрел, и ждет, чтобы его употребили по назначению.

Нет и не было за последние годы более презираемого общественным мнением политического института, чем «Единая Россия», как бы в насмешку называемая партией власти. Превращенная объединенными усилиями «креативного класса» в почти эпическую ПЖиВ, она мало кем воспринимается сегодня всерьез. Над ней так долго и изощренно потешались, что не заметили, как «гадкий путенок» превратился в злобного птеродактиля. «Птичий двор» продолжает над ним хохотать, а пора бы уже и прослезиться.

До последнего времени «Единой Россией» заправляли преимущественно бывшие чиновники, страдающие политической недостаточностью. Партийная работа была для них ссылкой, сюда попадали те, для кого не нашлось лучшего предложения. Они относились к своим партийным обязанностям как к отработке политической барщины. О косности и интеллектуальной деградации партийных функционеров ходили легенды.

Все изменилось буквально в последние несколько лет. Стабильность не прошла даром. В партию власти потянулся «политический середняк», ищущий путей пробиться наверх. Для него партия является социальным лифтом, может быть, вообще единственной возможностью улучшить свое социальное и материальное положение в ставшем совершенно закрытым клановом российском обществе.

Вместе с тем изменился и социальный облик партии. На смену тем, кто до сих пор конвертировал во власть те или иные конкурентные преимущества (представители номенклатуры, мафиози и даже просто интеллигенты), в политику потянулись те, чьим единственным преимуществом является отсутствие всяких преимуществ. Поскольку движение внутри партии пошло не только сверху вниз, но и снизу вверх, то и партия в целом стала более «народной».

Эту специфическую «народность» гениально предвосхитил Максим Горький, описывая психологический портрет «среднерусского» человека эпохи посткоммунизма: «На мой взгляд, это будет не очень “милый и симпатичный русский народ”, но это будет – наконец – деловой народ, недоверчивый и равнодушный ко всему, что не имеет прямого отношения к его потребностям. Он не скоро задумается над теорией Эйнштейна и научится понимать значение Шекспира или Леонардо да Винчи, но, вероятно, он даст денег на опыты Штейнаха и, несомненно, очень скоро усвоит значение электрификации, ценность ученого-агронома, полезность трактора, необходимость иметь в каждом селе хорошего доктора и пользу шоссе» (1, с. 44). Все новое – хорошо забытое старое. Деловитость и серость скоро снова станут отличительными чертами российского функционера.

Как-то незаметно партия власти перестала быть внешним придатком власти, слившись с ней в единое целое. Еще свежи в памяти анекдоты о том, как наставлял и поучал партийцев всесильный Сурков, презиравший это «пушечное мясо» политики. И тогда, и сейчас «Единой Россией» управляли клерки из кабинетов на Старой площади. Разница лишь в том, что теперь в этих кабинетах сидят выходцы из этой самой партии.

Почти неизбежно будущее «полевение» партии, которой придется-таки обзавестись массовой идеологией. Это будет означать закат «системной» левой оппозиции, в которой упадет нужда. Еще это будет означать, что Михаила Ходорковского обворуют еще раз, на этот раз покусившись на его интеллектуальную собственность, потому что «серый поворот» со временем станет-таки левым.

Возвращение партии власти во власть, если оно состоится, будет своего рода восстановлением исторической справедливости. Этот шаг был бы логичным продолжением реставрационной политики Владимира Путина. Невозможно заниматься воссозданием СССР по всем фронтам и не пытаться возродить КПСС. Обновленная «Единая Россия» неизбежно будет пытаться занять место КПСС как руководящей и направляющей силы общества.

Безусловно, двум стержням непросто ужиться в одной берлоге. Столкновения «молодых волков» и «питерских чекистов» будет трудно избежать. Мне кажется, это лишь вопрос времени.

Через «Единую Россию» в политику хлынул поток беспринципных и напористых карьеристов. В массе своей они – искренние государственники, потому что кроме как на государство им рассчитывать не на кого. Их много, сзади и снизу их подпирают те, кто не протиснулся в первые ряды. Это по-настоящему массовое движение (в отличие от оппозиционного), новый «железный поток». Новые люди уже сейчас готовы занять все существующие государственные должности. Но на хлебных местах как в центре, так и в провинции расселись чекисты и бандиты.

То, чего не удалось сделать демократическим путем, может случиться вследствие институционализации клановой конкуренции. Борьба «партийцев» с «чекистами», возможно, приведет к тому, что наиболее радикальные и откровенные проявления коррупции будут действительно пресечены. Их место вновь займут регулируемые чиновничьи (номенклатурные) привилегии.

Возможно, произойдет существенное перераспределение властных полномочий внутри путинской вертикали, многие ныне доминирующие кланы потеряют свое абсолютное влияние. Случись такое, больше всех выиграл бы Владимир Путин, под руками у которого оказалось бы два властных рычага вместо одного. Ведь ему остро нужен новый, дополнительный аппарат власти, на который он смог бы опереться в борьбе не только со своими врагами, но и со своими друзьями. Это, конечно, не спасет режим, но существенно продлит срок его эксплуатации.

«Серый поворот» – это попытка удвоить власть Путина. Другое дело, что в этот поворот еще надо суметь вписаться так, чтобы не вылететь на обочину истории. Если Путин не сможет совладать с собственным окружением, то затеянная им «нелиберальная оптимизация» режима захлебнется, и политическая кампания выродится в пропагандистскую. В этом случае новый курс Путина останется одним из неиспользованных черновиков истории.

Надежда России

Русская власть одновременно и животворящий источник, и бесправная раба русской культуры, ее причина и следствие, цель и средство. Власть существует не в безвоздушном пространстве. Есть вещи, которые определяет политика, и есть вещи, которые определяют политику. К последним относится культура. В конце концов власть – это и есть часть культуры, хотя и весьма специфичная.

Если бы завтра весь правящий класс России исчез, испарился, улетучился в небытие (как об этом многие мечтают), то это мало что поменяло бы в жизни русского народа. Через какое-то время народ «отрастил» бы себе точно такую же алчную и коррумпированную власть, которую он

имеет на протяжении многих веков своей истории, не исключая и сегоднешний день.

Все самые грандиозные русские революции были на самом деле культурными революциями. То место, которое в европейской истории занимают социальные конфликты, в русской истории отведено столкновению культур, войне «менталитетов». Именно поэтому русские революции, как правило, происходят неожиданно для стороннего наблюдателя – им не предшествуют ни ужасающий голод, ни всеобщая разруха. Все это, напротив, появляется уже после революции.

В основе русских революций лежат оскорбленное достоинство, нетерпимость и ненависть различных культурных классов друг к другу. Революционный энтузиазм в России не только не сопряжен напрямую с экономическими интересами, но зачастую и прямо противоречит им. Революции в России делаются в пользу «третьих лиц». Революцией профессионально занимаются не те, кому плохо, а те, кому хорошо, но кто приходит к убеждению, что дальше так жить нельзя.

Мне кажется, что вырваться из замкнутого круга русской истории можно, только изменив культурные основания власти, уничтожив тот источник, из которого она вырастает. Россия нуждается в реформации, в самом глубоком, может быть, пересмотре основ своей культуры за всю ее многовековую историю.

Речь, естественно, идет о реорганизации собственной культуры, а не о попытке механически имплантировать в русскую культурную ткань образцы чужой культуры. Потому что, как показывает опыт, в последнем случае все неродное, все наносное будет уничтожено. Так иммунная система человека уничтожает любое чужеродное тело (хорошее или плохое – неважно).

К сожалению, пока вместо реформации власть предлагает обществу реставрацию. Она не меняет, а укрепляет те культурные основания, которые двадцать лет назад уже привели страну на грань катастрофы. Сегодня, двадцать лет спустя после того, как, выражаясь языком авторов Беловежского соглашения, Советский Союз «перестал существовать как геополитическая реальность», он продолжает существовать как «виртуальная реальность», напоминая о себе чертами сходства власти нынешней с властью прошлой.

Не надо быть пророком, чтобы увидеть в новой России все черты старого советского прошлого и предсказать ей советское же будущее. Рано или поздно поколение «восьмидесятников», повторив миссию «шестидесятников», добьет окончательно ту курьезную копию «советской власти», игрушечную империю, которую с такой любовью и тщанием создает сегоднешнее поколение их родителей. Вопрос опять-таки только в цене, которую придется за это заплатить.

В современной российской жизни много политики. В политических реформах люди видят панацею от всех бед, поразивших общество. Но все более ясным становится то, что это лекарство не соответствует характеру болезни. Мы присутствуем (участвуя, разумеется) при нравственной деградации общества. Из этих тисков нельзя вырваться при помощи чисто экономических или политических мер. Подобное лечится подобным. Хотим мы того или нет, но преодоление кризиса придется начинать с нравственного подъема.

Рождение буржуазии в Европе, как известно, сопровождалось движением Реформации, в рамках которого выковывалась новая буржуазная мораль. Политическое сознание гражданина опиралось на нравственное самосознание человека, сформированное Реформацией. Не может быть буржуазных рыночных отношений без буржуазной этики, равно как и политической демократии без нравственной дисциплины. В России же, наоборот, на рубеже XX–XXI в. обретение экономической и политической свободы происходило в обстановке непрерывного и обвального падения нравов.

Человек, хоть немного знающий современную Россию, не может не заметить царящего в ней уныния. Пессимизм, скептицизм, апатия стали частью национального характера. Порождаемые ими цинизм, распухенность и элементарная лень дополняют грустную картину. Изредка проявляющий себя на этом фоне остервенелый, истеричный патриотизм отдельных лиц и групп, скорее, пугает, чем дает надежду. Все вместе создает впечатление тяжелобольного общества, где не верят не только в завтрашний день, но и в сегодняшний вечер.

Россия сегодня свалилась в «средневековый колодезь». В такие периоды жизни народов происходит приостановка развития. Поступательное движение истории, эволюция культуры замирают. Общество застывает в историческом времени и пространстве. Причем застывание это может быть очень длительным, растянувшись на несколько веков.

Средневековье – это черная дыра истории; в этот момент страна выпадает из мирового контекста. То есть Россия еще есть, но историческая жизнь из нее уже ушла. Впрочем, даже тогда, когда заканчивается историческая жизнь, продолжается историческое существование. Где исчезает историческое движение, остается историческая суэта. И на дне «средневекового колодезя» обитают люди, продолжающие как ни в чем не бывало вести свою частную жизнь. Они не догадываются, что их историческая жизнь завершилась...

В этой жизни на дне колодезя во всем угадываются старые порядки. Что-то присутствует в виде «институциональных обломков», что-то продолжает работать по инерции, что-то было перелицовано до неузнаваемо-

сти и теперь выдается за абсолютно новое. Но один элемент исчез полностью, растворился без остатка в «колодезной воде» – это право.

Право в России сохранилось как видимость. Формально оно существует – действуют десятки тысяч норм, работают правоохранительные органы и даже тюрьмы. Но оно существует только для тех, у кого нет ресурсов для его преодоления. Право утратило свое главное качество – всеобщность. Оно стало избирательным, применяемым по обстоятельствам: к кому-то предъявляются все существующие и даже несуществующие требования, а кто-то освобождается от всякой ответственности. Право стало по-настоящему частным в том смысле, что оно теперь принадлежит исключительно частным лицам. Именно гибель права удерживает сегодня русское общество в историческом колодеце, не дает ему подняться со дна.

Насилие – единственный эффективно действующий инструмент нового русского средневековья. Причем произвол власти есть лишь вершина айсберга. Основание его погружено глубоко в общество, в котором идет непрекращающаяся гражданская война всех против всех. Найдется немало лжепророков, готовых указать пальцем на власть как на причину произвола. Требуется, однако, гораздо больше мужества и мудрости, чтобы признать главным источником насилия само общество.

В перестройку в качестве господствующего класса советского общества вошел номенклатурно-криминальный союз. Он же и вышел из перестройки в качестве господствующего класса. В СССР основу экономики составляла государственная собственность, которой фактически с оглядкой на государство распоряжались частные лица, принадлежавшие к правящим элитам. В России основу экономики составила частная собственность, фактически контролируемая государством, которой частные лица, составившие новую элиту, распоряжаются все с той же оглядкой на государство. При этом доминирующим культурным архетипом в России продолжает оставаться «советский человек».

Новые элиты появятся в России только тогда, когда заработает новый нравственный императив. На смену нравственной распушенности должна прийти мода на аскезу. Сегодня в недрах русского общества идет подспудная селективная работа. Миллионы людей поставлены перед нравственным выбором. Оказалось, что рынок может быть испытанием гораздо более суровым, чем тоталитарный пресс. При тоталитаризме личность противостояла (если противостояла) внешнему давлению, теперь ей необходимо преодолевать внутренний соблазн. Остается только надеяться на то, что эта селекция не будет отрицательной. В связи с этим вопрос об историческом будущем России остается открытым – право на будущее надо выстрадать.

Однако нельзя не замечать и новых тенденций. На фоне разложения и тления советских культурных останков происходит медленный, несме-

лый рост элементов новой культуры. Появляются «новые новые русские» элиты. Они еще очень слабы и пугливы. Их трудно обнаружить невооруженным глазом. Но почти в каждом сегменте общественной жизни исподволь обнаруживаются совсем несоветские люди, обладатели самостоятельного, независимого ума.

Подрастает когорта независимых профессионалов, молодых управленцев, в том числе прошедших дисциплинирующую школу западного бизнеса. Десять лет назад практически весь руководящий состав представительств крупнейших западных компаний в России был сплошь иностранным. Сегодня можно наблюдать прямо противоположную картину – для этого достаточно полистать телефонный бизнес-справочник.

Где-то в щели между госкорпорациями и спекуляцией «зацепился», как кустарник на скале, отечественный инновационный бизнес. На трубе уместились многие, но отнюдь не все. Есть и старые «бойцы теневой экономики», чья рука «колоть устала». Пройдя огонь, воду и медные трубы экономических войн, они хотят мирно закончить свою сытую жизнь в правовом государстве.

Иногда мелькает новое чиновничество, над которым довлеет груз образованности и которое не лишено элементов протестантской этики. Сегодня это, как правило, представители второго и третьего эшелонов власти, но у них есть одно важное преимущество перед бесконечными «питерцами» и «силовиками» – они молоды.

Эти «новые новые русские» так незаметны еще и потому, что они в принципе интегрированы в сегодняшнюю элиту (правда, на вторых ролях). Это естественно, поскольку в противном случае у них не было бы шансов выжить. В России пока можно быть эффективным, только находясь внутри системы. Следует помнить, что и политическую революцию, поставившую точку в советской истории, совершили ассимилированные в номенклатуре интеллигенты.

Все эти элементы нового – лишь предтеча, подготовка к приходу того, кто будет сильнее и кто будет крестить огнем, а не водой. В недалеком будущем к активной общественной жизни в России придет поколение, родившееся после коммунизма, для которого советское прошлое – лишь легенда.

Это будет совершенно иное поколение, чем то, которое определяет общественный климат сейчас. Его реакции и поведение с позиций сегодняшнего дня непредсказуемы. Оно будет способно создавать новую реальность. Именно ему придется в следующем десятилетии делать выбор – либо прежний произвол с последующим неминуемым распадом страны, либо поворот к правовому государству с открывающимся шансом возврата к «исторической жизни».

Именно поколению 12-го года предстоит выводить Россию из «черной дыры» нового средневековья. Вот тогда России и понадобится новый президент. А пока она голосует за старого, чтобы управлять хаосом...

Список литературы

1. Горький М. О русском крестьянстве. – Берлин: Изд-во И.П. Ладьяжникова, 1922. – 44 с.
2. Колесников А. Возвращение Путина в Кремль. Опубликовано на сайте радиостанции «Эхо Москвы» 24 ноября 2012 г. – Режим доступа: http://echo.msk.ru/blog/paragraf_blog/954572-echo/
3. Мельников К., Гудков А., Панченко А. Вся власть в Сибири // Коммерсантъ. – М., 2012. – 20 апр. – № 71 (4856). – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1919404>
4. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. – М.: РОССПЭН, 2006. – 168 с.
5. Проект Россия. – М.: ЭКСМО, 2007. – 384 с.
6. Проект Россия: Выбор пути. – М.: ЭКСМО, 2008. – 379 с.
7. Проект Россия: Третье тысячелетие. – М.: ЭКСМО, 2009. – 448 с.
8. Проект Россия: Большая идея. – М.: ЭКСМО, 2010. – 320 с.
9. Цымбурский В. Сюжет для цивилизации-лидера: Самооборона или саморазрушение? // Полис. – М., 1995. – № 1. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/subject/>

В.П. БУЛДАКОВ

***ГОД ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТОРИИ
ИЛИ «НАС ВОЗВЫШАЮЩИЙ ОБМАН»?***

Год истории стал феноменом российской истории и историографии. Что же отмечали мы в этом году? Что праздновали? И как?

2012 год был действительно богат на юбилейные даты. Среди них официально назывались: 1150-летие российской государственности, 550-летие начала правления создателя Московского государства Ивана III, 400-летие освобождения Москвы от иноземных интервентов, 250-летие начала правления Екатерины Великой; 200-летие Бухарестского мира, Отечественной войны 1812 г. и основания Форта Росс в Северной Америке; 150-летие со дня рождения П.А. Столыпина; 90-летие образования СССР; 70-летие Сталинградской битвы (19, с. 403).

Почему-то забыли упомянуть про 430-летие начала присоединения Сибири, 95-летие революций 1917 г., 90-летие «философского парохода». И, разумеется, 75-летие Большого террора. «Некруглые» даты? А 30-летие смерти Л.И. Брежнева, которого не забывают? Вспомним, что некоторые из этих событий когда-то отмечали весьма пышно, о других очень много писали и говорили, трети звучали под сурдинку.

«Юбилейных» дат много. Каким из них мы отдаем предпочтение? И почему?

**Об идеалах и возможностях историка
и о массовых ожиданиях от истории**

Всекие памятные даты и юбилеи у нас, как правило, лишь отчасти связаны с исторической памятью. Это сугубо политические мероприятия. Не случайно президент РАН Ю.С. Осипов напомнил, что некоторые из памятных дат Года истории мы отмечали не всегда, а «главная» – 1150-летие российской государственности – достаточно «условна», ибо «государственные начала стали формироваться у восточных славян еще до появления Рюрика с варяжской дружиной» (цит. по: 19, с. 6).

Этатистская направленность Года истории очевидна. Власть решила напомнить о своих тысячелетних – и потому вроде бы непоколебимых –

стоях, благодаря которым и иноземцев удалось прогнать, и Наполеона победить, и, конечно, всех нынешних (и будущих!) супостатов, включая внутренних, наказать. Вообще-то русский народ действительно умел одолеть всех внешних врагов и даже охотно помогал власти расправиться с врагами внутренними. Однако ему никак не удается построить государство, которое обходилось бы без образа врага, в том числе и среди себя. Даже духовенство, по словам В.О. Ключевского, «всегда учило паству свою не познавать и любить Бога, а только бояться чертей, которых оно же и расплодило...» (13, с. 387).

Нравится нам это или нет, но прошлое никогда не уходит. Вопрос только в том, кто больше преуспеет в вызывании его «духов» – политики, профессиональные историки или так называемая историческая память (т.е. естественное, хотя и искаженное в легендах, поверьях, предрассудках, топонимических символах, артефактах и т.п., неустанное напоминание о минувшем). Профессионал может доказывать все, что угодно. Но его идеи будут услышаны лишь в той мере, в какой они резонируют с исторической памятью людей, оперирующей совсем иными, куда более примитивными и архаичными понятиями и идеалами. Обычно мы имеем дело не с «настоящим прошлым», а с меняющимися представлениями о том, каким ему надлежало быть. Последние, как правило, предлагались властью.

Политизация прошлого довела над всей историей Нового времени. Сформулированный еще Наполеоном принцип по-монархически править «энергией воспоминаний», по мнению Г. Дебора, «обрел полную конкретизацию в постоянной манипуляции прошлым в сфере не только значений, но и фактов» (8, с. 66–67). И хотя прошлое – вольно или невольно – искажалось в интересах текущей политики везде и всегда, каждая эпоха вносила в этот процесс свои особенности.

Как же быть нынешнему историку, зажатому между текущей политикой, четко сознающей свои практические, пусть не вполне достойные, цели, исторической памятью, существующей вопреки политикам и тем более профессиональной историографии, и *mass media*, озабоченных только одним – деланием сенсаций? Ведь историк, желает он того или нет, «формирует политические идеалы будущего, и именно поэтому сам должен руководствоваться высочайшими идеалами и сохранять независимость от текущих политических дискуссий» (32, с. 254). Но возможно ли такое в принципе? И откуда должен историк черпать свои идеалы?

В.О. Ключевский высказался на этот счет весьма скептически. «Историк задним умом крепок. Он знает настоящее с тыла, а не с лица. Это недостаток ремесла... – писал он. – Отсюда оптимизм историка, вера в нескончаемый прогресс, ибо зад настоящего краше его лица» (14, т. IX, с. 358). Конечно, можно сказать, что этот специфический «оптимизм» – позитивистское порождение эпохи Просвещения, перегрузившее историка

«пропастью воспоминаний и примеров», но лишившее чутья и предчувствий (14, т. IX, с. 358). Дело в том, что сомнения в познавательной (а не поучительной) пользе историографии высказывались не одним Ключевским. Ф. Ницше как-то отметил, что неприкрашенная история подрывает будущее, разрушая иллюзии и отнимая у окружающих нас вещей их атмосферу, в которой они только и могут жить. В наше время в России эта зависимость еще более заметна.

Нет сомнения, мы остаемся обладателями дурного историографического наследства. Так называемая история КПСС, вкупе с «научным коммунизмом» забивавшая всякую историческую мысль, была диктаторской прикладной дисциплиной, призванной утвердить «веру». Выдающийся социолог Э. Геллнер как-то заметил, что коммунистические правители ухитрились сделать официальной государственной доктриной и основой социального порядка «не что иное, как саму *теорию истории*» (38, с. VIII). Эта амальгама «науки» и мифа – поистине выдающееся государственное «достижение» во все времена. Несуразность его лишь в том, что «теория», претендуя на абсолютную истину, складывалась из последовательной череды апокрифических формаций, из которых каждая последующая отрицала предыдущую. Это противоречило этактической традиции, согласно которой даже имя нового правителя должно было легитимизировать и сакрализовать преемственность власти, а не ее разрыв. Можно только поражаться тому, что сооружение с непрерывно «обновляющимся» фундаментом простояло так долго. Вероятно, помогла людская вера в чудо.

Что же остается современному историку: снова между ремеслом и верой? Можно допустить, что красота «ремесленного» творения в свете искренней веры может уподобиться свету истины. Однако историк все же призван отыскивать смыслы в «бесмысленности» жизни, а не возводить идолов для того, чтобы со временем затоптать их в грязь. Он не может уподобляться дергающемуся от собственного недоумения обывателю.

Правда, современные историографы готовы до бесконечности сокрушаться по поводу распада традиционно-образовательных структур, «потери ориентиров», господства «двойственности, амбивалентности» в среде профессиональных историков (30). Конечно, проще было бы заявить о постмарксистском провале в историческом сознании, затронувшем и профессионалов, что неизбежно в условиях «проседания культуры» всякого постреволюционного времени. Но особенность нынешней ситуации не только в этом. Дело в том, что бактерии разложения прежней (прогрессистской) «историософии» оказались подхвачены постмодернистским ветрием.

Историк, тщетно пытающийся «овладеть прошлым», к несчастью, как и все люди, лишен иммунитета против болячек современности. И это

притом, что история в гораздо большей степени подвержена «профессиональному кретинизму», нежели какая-либо прочая научная дисциплина. Над исследователем прошлого довлеет парадокс: он не может позитивистски поставить эксперимент, однако вынужден упорно – в видах «убедительности» – цепляться именно за позитивистские принципы исследования. Ему надо бы обладать «сверхмудростью» сравнительно с существами обычной породы, но он вынужден становиться на одну доску с недоумевающим обывателем. Известное изречение: «Мудрецы никогда не бывают учеными, а ученые никогда не становятся умными людьми» (Лао Цзы), – несомненно, очень подходит для характеристики нынешнего, основательно размытого профессионального сообщества историков.

Научная дисциплина история всегда слишком тесно соседствовала с «наукообразными суевериями». Иного и быть не могло, ибо феноменологическое пространство прошлого непосредственно переплетено с областью мифического в рамках исторической памяти (обыденных генерализаций, выросших на основе отрывочных свидетельств «очевидцев»). В смутные периоды такой набор воспоминаний, догматов и надежд жизни не просто актуализируется, а в полном смысле слова «начинает бунтовать» – происходят своего рода мнемонические психозы. Возникает ситуация, когда «мертвая история возрождается, минувшее становится нынешним», ибо того «требует сама жизнь» (Бенедетто Кроче). Но как оседлать вставшего на дыбы «зомби»?

На протяжении большей части XX в. истории как науки в России практически не существовало – она оставалась вертлявой, хотя не всегда расторопной, служанкой политики, готовой угодить любому барину. В значительной степени такое положение сохраняется и сегодня. Однако появился нюанс, привнесенный информационной революцией. Теперь, констатирует В.А. Тишков, «мы живем в ситуации, когда история перестала быть просто академической дисциплиной, это часть общей культуры, гораздо в большей степени, чем это было во все прошлые эпохи» (18, с. 7). Поэтому «сегодня историки не могут считать себя исключительно владельцами даже профессионального исторического знания...» (там же). Так что же им делать: конкурировать с пылкими невеждами или замкнуться в скорлупе академизма?

Сообщество вольных или невольных служителей Клио всегда было многообразно. «Есть историки-мудрецы среди любителей, занимающихся каким-либо местным вопросом, и сухие торговцы знаниями из числа столпов университетского сословия» (33, с. 231), – так было всегда. Как же оценивать общественную значимость тех и других в условиях рыночной состязательности? Каковы их шансы в связи с появлением новых возможностей доставки исторической информации (или дезинформации) «потребителю»?

По сути дела, в наши дни само понятие профессионализма в историческом знании и сознании основательно пошатнулось, ибо появилась невиданная ранее возможность тотальной «виртуализации» прошлого опыта человечества с помощью новейших технологий. Это происходит во всем мире. Любые исторические сюжеты с помощью телевидения и Интернета становятся не только доступными в любой точке мира. Их делают «понятными» на манер уличных пиктограмм. В таких условиях фантазии на исторические темы способны особо пощекотать умы и души массовой публики. Это своего рода «утопии, обращенные в никуда»; они заслоняют и замещают характерные для Нового времени мечты, обращенные в будущее.

Строго говоря, в человеческой истории это не вполне новое явление. В доисторические времена человек целиком «жил в прошлом», его настоящее было лишено будущего за практической ненадобностью. Но он был локализованным существом, т.е. потенциально располагал перспективой сравнить свое и «чужое» бытие. Сегодня мировой опыт замыкается в кокон *всеобщего* виртуального бытия. А потому стоило бы задуматься: не редуцирует ли пресловутая информационная революция наше историческое сознание до синкретичных миропредставлений троглодита, не разделяющего реальное, воображаемое и символичное? Если так, то как себя вести в этом когнитивном хаосе историку-профессионалу? Станут ли люди верить именно ему?

В создавшихся условиях возрождение споров о «научности» и «истинности» академичной истории закономерно. И этот вопрос также не нов. В свое время известный философ Ф. Степун так размышлял о соотношении истины и науки: «Наука, конечно же, не коллекция истин, а система отдельных научных комплексов истин» (25, с. 148). Естественно, внутри последних возможны «психологически обоснованные заблуждения отдельных ученых», но они не должны ставить под сомнение возможность научного познания мира (там же). Тем не менее в наше время многие «самодеятельные» историки стремятся сами, независимо от академического сообщества, удивить мир впечатляющими «открытиями». Задача такого рода облегчилась: уплотнение информационного пространства приводит к тому, что шарлатаны и невежды поразительно быстро находят друг друга. При этом первые к радости вторых во всеуслышание объявляют о субъективности всякого исторического знания – шарлатаны и профаны сходятся на почве мифологизации прошлого.

Конечно, вопрос об объективности исторического знания так же стар, как само человеческое стремление к истине. Историки связывают его с «вопросом об уровне аппроксимации». Как бы следуя основному принципу апофатического богословия, историк движется к недостижимой истине путем отрицания того, чего не могло быть в том или ином культурно-антропологическом пространстве. Если же встать на путь «чистых пред-

положений и надуманных гипотез, основанных на домыслах», то неизбежно появятся «опасные химеры общественного сознания». Таким образом, следует разделять «поиск истины и поиск достоверности реалий» (18, с. 11–12).

Простой пример. Можно определенно сказать, что Ф. Каплан не стреляла в Ленина, а большевистские руководители поспешно «назначили» ее в заговорщики. В политически шаткой ситуации ими двигал страх перед эсерами, неумение найти настоящих террористов и желание подключить к своим страхам колеблющуюся людскую массу. Такое заключение можно сделать с почти стопроцентной уверенностью. Но кто в таком случае стрелял? На этот счет можно высказать лишь предположение – иначе никак к истине не приблизиться. Конечно, обыденное сознание этим не удовлетворится и будет тяготеть к умозрительным «открытиям». Однако не является ли предположение, основанное на доступных реалиях, более достоверным, т.е. научным, нежели произвольные домыслы и открытые фантазии?

При этом историку важно избегать упрощения и искажения прошлого с помощью понятий позднейшего времени, в частности «применения в истории социологических категорий», не адекватных изучаемому времени. Следовательно, полагает С.П. Карпов, необходим «терминологический консенсус» (18, с. 14). Вот как раз от этого самодеятельные «историки», привыкшие купаться в водовороте избыточных эмоций и языкового словоблудия, шарахаются как черт от ладана. Но люди неискушенные, конечно, скорее поверят им, чем «скучному» профессионалу.

Впрочем, профессиональные авторы порой впадают в прямо противоположную крайность. В бескрайнем пространстве бесконечно копируемых и ложно калькируемых ими обществоведческих абстракций, кажется, уже невозможно подобраться к «значению значения». Приходится возвращаться к праосновам бытия. И единственным противоядием от историографических нелепостей может быть историческая антропология. Разумеется, если ее не превратят в бесконечный карнавал бытовых передеваний.

Если так, то, может быть, свести профессию историка к искусству дешифровки и правильного чтения текстов прошлого? Разумеется, нет. Тексты следует выстраивать соответственно культурным иерархиям своего времени. Это естественный путь научного отсеивания малодостоверного, недостоверного, не говоря уже о ложных наслоениях последующего недомыслия.

Все это легко проиллюстрировать на свежих примерах.

Исторические даты в общественной памяти: «фантазии» Года истории и задачи историка

Разумеется, начальным и базовым событием Года истории стал 862 г. – дата призвания Рюрика. Окончательная легитимизация этого варяжского завоевателя вроде бы произошла 150 лет назад – тогда же отмечалось 1000-летие российской государственности. В советское время в силу инерции сталинского патриотизма, предписывавшего борьбу с норманнской теорией, о 1100-летию Руси «забыли». Теперь Рюрик понадобился вновь.

Из всех юбилейных событий самое большое впечатление произвела Всероссийская научно-общественная конференция «Российская государственность: Исторические традиции и вызовы XXI в.», проходившая в сентябре 2012 г. в Великом Новгороде. Поскольку организаторами конференции выступили ведущие российские университеты, на нее слетелось свыше 200 вузовских преподавателей. В большинстве из них безошибочно угадывались бывшие преподаватели «истории КПСС» или «научного коммунизма». Естественно, Рюрика они не вспоминали и даже не слышали имени автора самой внушительной работы о нем (см.: 27) (его, кстати, никто не пригласил), зато всю костерили нынешних врагов российской государственности. Особенно досталось либералам, среди которых в главные враги Отечества благодаря телевидению выдвинулся Н.К. Сванидзе. Разумеется, были и «нормальные» доклады, но они безнадежно тонули в потоках «патриотических» эмоций.

Спрашивается, какое отношение «прозревшие» коммунисты имеют к Рюрику? Кажется, я знаю ответ. В свое время меня поразила одна бывшая «историк КПСС». Защитив кандидатскую диссертацию во здравие победы Сталина над всевозможными троцкистами и зиновьевцами, он во времена перестройки решил, что настала пора переписать историю Отечества с «либеральных» позиций. В качестве начального шага выступил с публикацией на тему «Откуда есть пошла Русская земля». Как видно, существует целая генерация историков, готовых искренне и усердно молиться всякому очередному доморощенному Левиафану, ибо он, независимо от раскраски, и есть главное божество российского пантеона.

Впрочем, новгородская конференция смотрится вполне безобидно на фоне некоторых юбилейных «открытий». Так, один известный по телеэкрану оптимист-сатирик (произносить его имени не хочется) разом утер нос всем профессионалам, продолжающим бороться с приснопамятной норманнской теорией. Он «обнаружил», что этноним *варяг* связан с... *варкой* соли – одним из традиционных занятий прибрежных жителей всех времен и народов. А значит, «наши» варяги вполне могли быть славянами, что соответствует критериям современного российского патриотизма.

Особенно впечатляет даже не само «открытие» (а вдруг дядя по привычке просто пошутит?). Куда интереснее то, что на предложение сатирика собрать деньги на съемки соответствующего «документального» фильма откликнулось множество любителей родной старины. Говорят, фильм уже снят, можно ожидать серьезного зрительского успеха.

Граница между реальным, воображаемым и символическим в российском культурном пространстве всегда была слишком проницаемой. В наше время обнаружилось, что она словно бы вообще исчезла из-за резкого перемещения «истории» в сферу технологий. Упомянутый эстрадный умник в сущности попытался стереть грань между научным, популярным и фантастическим жанрами. На обывателя его «история» может произвести впечатление убедительной или по крайней мере «значительной», ибо автор выступает одновременно в роли шута, писателя и продюсера.

Кто-то, возможно, считает, что современная информационная революция привела к расширению пространства смыслов. В действительности происходит их выхолащивание.

Иногда кажется, что юбилей нам нужны лишь в качестве лакмусовой бумажки на верноподданничество. Так, изгнание «интервентов» из Москвы некоторые авторы готовы превратить в сакральный акт окончания Смутного времени. Между прочим, было время, когда некоторые ученые мужи усматривали в Смутном времени целый веер демократически-правовых альтернатив, открывшихся перед Россией. Получалось, то ли Гришка Отрепьев, то ли королевич Владислав едва не осчастливили наше Отечество! Но в Год истории с телеэкрана, напротив, было кем-то произнесено, что «4 ноября из Кремля выгнали Лжедмитрия». На самом деле второе ополчение вступило в Кремль не 4, а 5 или 6 (по польским источникам, даже 7) ноября (более точных данных нет). Как видно, навязывание властью нового праздника (взамен старого – коммунистического) породило очередной всплеск патриотических фантазий.

Однако будем справедливы, в нынешних торжествах по поводу изгнания «чужаков» из Кремля обнаружились проблески объективности. Так, от выражения «польско-шведская интервенция» (так раньше писали в школьных учебниках) отказались, кажется, на официальном уровне – вспомнили, что Польша и Швеция находились тогда в состоянии войны. Усомнились даже в самом факте польской интервенции – действительно, правомерно ли отождествлять обычные для Средневековья разбойные инициативы отдельных магнатов с интервенцией государства? Было подтверждено и то, что сама Смута – вовсе не результат происков извне, а замороженный (и отнюдь не последний) системный кризис.

В свое время представление об эндогенном характере Смуты было широко распространено. Писали, к примеру, о том, что среди войск, осаждавших Троице-Сергиеву лавру, поляки составляли всего одну треть. От-

мечали при этом, что Смута XVII в. богата аналогиями с революцией XX в. (31, с. 21). Сегодня о таких фактах стараются не вспоминать.

И все же некоторый прогресс налицо. Так, в ходе «юбилея» прозвучала мысль, что окончание Смуты нельзя относить ни к 1612, ни к 1613 г. (воцарение Романовых). Современники связывали окончательное избавление от Смуты (по крайней мере на символическом уровне) с Деулинским перемирием (1618) или возвращением Филарета из плена (1619). Но внедряются ли эти представления в массовое сознание? Ведь, похоже, оно уже неспособно проснуться без образа врага.

Политизация и идеологизация событий начались непосредственно в годы Смутного времени. Основу их составлял антиполонизм. Это неудивительно, но почему инерция такого сочинительства сохраняется до сих пор? Приятно ощущать камень за пазухой против «вредного» соседа?

Между прочим, Смута не привнесла в российскую государственность ничего нового. Даже ее вывеска не поменялась. Приказная система оказалась устойчивой, состав Боярской думы почти не изменился, роль земских соборов не выросла – они собирались немногим чаще, причем по-прежнему работали под диктовку монарха. Никаких шагов к государству, управляемому на основе закона, сделано не было. И конечно, монархически-патерналистские настроения в массах ничуть не ослабли. Подданные словно согласились, что легче перенести обиду от царя, чем от ближних, тем более себе подобных. И это несмотря на десакрализацию прежних правителей: в годы Смуты из пяти свергнутых «монархов» двое были убиты.

Впрочем, будем объективны. Определенный прогресс налицо: по поводу Смуты на российском телевидении выступали и польские историки, с ними проводились совместные конференции. Но не было ли это продиктовано очередной политической модой?

То, что существует своего рода запрос на определенных исторических деятелей и, соответственно, на исторические события, конечно, не новость. И эта «мода» также меняется. Как выяснилось, может эволюционировать даже представление о таком знаковом событии, как Бородино. Так, некоторые историки и публицисты задумались: а кто же выиграл битву? Формально русские отступили, поле боя осталось за французами. Наполеон считал Бородинское сражение своей победой. Но известно, что о победе при Бородино говорил и Кутузов. Кто же прав? Конечно, от Наполеона, вступившего в Москву, странно было бы услышать признание в недавнем поражении. А что мог сказать Кутузов, отдавший приказ об отступлении после неопределенного (еще) исхода битвы? Ясно, что любое толкование исхода Бородинского сражения приобретает условный характер на фоне безусловной победы России в войне 1812 г. Но и в свете этой победы не стоит забывать об отдельных просчетах и неудачах русского оружия в ходе кампании в целом.

Оказывается, можно спекулировать не только на «успехах», но и – в пику им, ради возможности покрасоваться перед публикой – на «неудачах» истории. Так, один молодой, импозантный и дерзкий молодой автор утверждал, что кампания 1812 г. была тотальным провалом России. Правда, его аргументация столь поверхностна, а желание показать себя столь велико, что серьезные исследователи попросту не приняли его всерьез. Но в связи с этим нельзя не заметить, что всякое одномерное толкование истории подталкивает амбициозных самоучек к «ниспровержению идолов».

Кстати, нечто подобное наблюдалось и наблюдается в толковании Великой Отечественной войны. Было время, когда некоторые историки пытались отнестись «коренной перелом» в войне (или хотя бы его «начало») к битве под Москвой. Спрашивается, зачем тогда понадобилась контрнаступательная операция под Сталинградом? И разве не началась Курская битва с наступления противника? А в результате знаменитого танкового сражения под Прохоровкой поле боя осталось за немцами. Формально это означает их победу. Но «победа» оказалась поистине пирровой. После нее наступил действительный перелом в войне. Увы, показушное упоение былыми победами лишь осложняет работу историка и идейно развращает граждан. Оно же провоцирует некоторых авторов на выступления «разоблачительного» характера.

Между прочим, на одной из конференций, посвященных Сталинградскому сражению, прозвучало утверждение, что победоносный итог наступления был достигнут благодаря Сталину, вовремя «поправившему» излишне осторожного Жукова. Надо ли удивляться, что на таком фоне некоторые нынешние волгоградские начальники додумались до предложения «временно» переименовать «город великой победы» в Сталинград?

А в целом к 70-летию Сталинградской битвы историки пришли с неоднозначными итогами. Одни авторы пишут учебники совместно с немцами, другие пытаются возродить «дух патриотизма». Первое начинание, впрочем, продиктовано не столько академическими установками, сколько духом нынешнего политического компромисса. Что касается «научно-квасных» начинаний, то за них обычно цепляются люди, по-холоуйски ориентирующиеся на власть.

Вообще юбилеи «полезны» хотя бы тем, что позволяют безошибочно выявлять политических конъюнктурщиков, объявляющих себя историками. Так, едва мы успели отметить столетие гибели П.А. Столыпина, как настала пора праздновать 150-летие со дня его рождения. Петр Аркадьевич вот-вот станет главным действующим лицом *новейшей* (именно так!) российской истории. Достаточно вспомнить его знаменитый ответ всяким либералам и революционерам: «Вам нужны великие потрясения, а нам Великая Россия», чтобы понять, что ему суждено закрепиться в святцах нынешней российской бюрократии. Особыми политическими обертонами

было отмечено и 30-летие смерти Брежнева. Оказывается, генсек был не столь уж прост. В первую половину своего правления он сформировал культуру патерналистско-коммунистических согласований¹. А это также нравится нынешним начальникам, не желающим, как и Брежнев, никаких «потрясений». Что и говорить: главная проблема России не Смута, не революция, а «вечный *застой*», их порождающий.

Ключевский так характеризовал древнерусское мирозерцание: «Не трогай существующего порядка, ни физического, ни политического, не изучай его, а поучайся им, как делом Божиим» (13, с. 365). Остается только удивляться, до какой степени нынешняя власть готова следовать древним заветам.

Историку важно учитывать не только то, *что случилось* в ту или иную эпоху, не только прикидывать *что могло* случиться, но и иметь в виду *то, чего не произошло* вопреки возможному или должному. В ходе многочисленных юбилейных мероприятий из истории России куда-то исчез Раскол. Между тем именно в нем одни авторы видят причину перманентной кризисности России (см.: 2; 5; 6), другие – символ непреходящей псевдоморфности ее устройства (см.: 1). Получается, что нынешние российские историки, как и встарь, добровольно подыгрывают власти. Представители же последней так поглощены заботой о собственном благополучии, а в связи с этим – проблемой государственной стабильности, что не желают замечать рисков, *уже* заложенных в истории.

Приходится также помнить, что обыденное сознание требует «упрядоченного» прошлого. Между тем история будет переписываться профессионалами до бесконечности – новая информация создает новую версию мира. Даже два духовно близких человека напишут «разную» историю. Разумеется, если они не одинаково оболванены современностью. Это в первую очередь касается проблемы российской кризисности.

Об образах революции, природе власти и пороках исторического воображения

Образ революции более столетия будоражит российские умы. Хотя 1917 г., кажется, вот-вот вымарают из школьных учебников, революция по-прежнему притаилась в закоулках нашего сознания. К ее 95-летию некоторые авторы, похоже, готовились всерьез. Так, В.А. Никонов, несмотря на более чем критическую оценку своих публицистических опусов (см.: 6, с. 642), написал большую книгу о Февральской революции. В ней немало ссылок на работы серьезных авторов. Но понадобились они лишь для того, чтобы убедительнее выглядел ряд политических по существу заявлений:

¹ В этом убеждает великолепно подготовленный сборник документов, а равно современные телевизионные выступления его составителей (см.: 7).

самодержавная власть была благом для России; никаких предпосылок для ее падения не существовало; революцию подготовили безответственные «заговорщики».

Автор, правда, оговаривается: «Когда было принято решение приступить к свержению Николая II... мы вряд ли когда-либо узнаем», но тут же воспроизводит слухи о «заговоре Думы и Земгора», «заговоре семьи» (императора), «заговоре Гучкова», опиравшегося на Ставку, наконец, «заговоре социалистов» (см.: 21, с. 474–550). Не логичнее ли предположить, что самодержавная власть довела общество до такой степени гражданского бессилия, что ему не оставалось ничего иного, как тишить себя пересудами о заговорах против нее?

Чем более ограничен человек в свободе действия, тем более он несдержан в своих фантазиях. И когда случится нечто непривычное для его ума, непременно перетолкует это на свой лад.

Революция всегда является «вторжением неопределенности, хаоса, непостижимости в мир рушащегося порядка», но внешнему наблюдателю она, напротив, предстает «совершенной определенностью, радикальным противостоянием черного и белого» (34, с. 24). Попросту говоря, каждый человек воспринимает хаос как доступную его понятию «определенность» (там же). Обычно это бывает «определенность» ограниченного и пошлого человека, а то и просто «мнение» интеллектуального дикаря. *Suum quique*, каждому свое – в том числе применительно и к реалиям революции! Интенсивность мифотворчества всегда связана с уровнем общественного непонимания того или иного явления.

Российская власть не понимала своего народа, образованное общество не понимало ни тех, ни других, низы жили своей жизнью – в такой ситуации заговорщики будут мерещиться везде и всегда. Впрочем, Никон больше похож не на мифотворца, а на простого исполнителя политического заказа. Нынешняя власть, ухитрившаяся приватизировать целую страну, непременно представит злокозненным заговорщиком всякого недовольного человека. Точно так же любой намек на призрачность нынешней стабильности воспринимается в контексте подготовки очередного «крушения России».

Следует отметить, что революция не нравится не только чиновникам. Так, на телевидении можно было услышать высказывание известного кинотеатрального режиссера Марка Захарова: «Избавьте нас от старого ярма – оно вышло из моды». Это было обращение к государству по поводу Октябрьской революции, «породившей Сталина». Режиссер, некогда прославившийся сценической «ленинианой», ныне хотел бы забыть и о ней, и о революции. И кто поможет ему в забвении собственных «наивностей», как не всесильное государство?

Отметим, что Никонов последовательно и упорно обосновывал свои выводы. Так, на вопрос: «Возможна ли объективная история?» – он решительно отвечал: «Конечно, нет! Ибо известный вопрос Понтия Пилата: “Что есть истина?” не имеет ответа». Сия библейская «мудрость» сдобрена, правда, назидательной интенцией: к истине надо стремиться – в этом смысл человеческой жизни (20, с. 33, 36). Но как он сам намерен пробиваться к истине, осталось неизвестным. Листая книгу о «крушении» все еще здравствующей России, обнаруживаешь, что источниковедения, позволяющего минимизировать ошибки историка путем критики источника (т.е. облегчить путь к истине), для Никонова не существует. Документы подбираются соответственно нынешней политической моде – в ход идет «железный» аргумент Понтия Пилата.

Даже если потуги отдельных ученых в свете «недостижимой истины» выглядят неуклюжими, из этого отнюдь не следует, что занятие исторической наукой безнадежно *sui generis*. Человек обречен прорываться к истине. История – всего лишь наиболее трудный и сложный научный способ реализации его врожденного (видового, если угодно) устремления. И если кто-то пытается прикрыть свою исследовательскую немощь и политическую сервильность дырявым щитом обывательского релятивизма, то такому «историку» можно только посочувствовать.

Вернемся к истории революции. Допустим, что судьбы России периодически оказываются в руках безответственных «заговорщиков», не задумывающихся о последствиях крушения государственности. Но, спрашивается, почему почти за два года до крушения самодержавия тогдашние жандармы отмечали растущую убежденность в том, что революция неизбежна (29, с. 36, 37)? Отчего убежденный сторонник самодержавия в марте 1915 г. писал, что «сам Вильгельм не мог бы лучше дезорганизовать, замучить и обессилить врага» (Россию), чем это сделали за него отечественные бюрократы (9, с. 48)? Почему провинциальные обыватели восторженно поздравляли друг друга с «новой жизнью» и с легкостью согласились, что «Николай II был окружен преступниками» (24, с. 209, 231)? Как могло случиться, что добропорядочные крестьяне вмиг поверили газетным рассказам о безобразиях, которые творили самодержец, его окружение и особенно императрица (10, с. 155, 158)? И кому и чему должен в первую очередь доверять историк, оценивая деяния свергнутой власти?

Если взглянуть в реалии 1917 г., то обнаружится, что в сущности старую власть ни в Феврале, ни в Октябре никто не свергал. В нее перестали верить, она развалилась сама, ее просто добились – с упоением людей, которым нечего терять. Не случайно «революционные» события 1990-х годов протекали по сходному сценарию. А потому «психотравма» одной революции столь естественно вписалась в историографические психозы последующей смуты.

Попытаться понять революцию – значит попытаться понять саму историю, ее смысл. Но как? Для Гегеля история была процессом освобождения личности. А что сказать о человеке, сбросившем одни оковы для того, чтобы поменять их на новые? Свобода – это действительно «вечный творец истории и субъект всякой истории» (37, с. 57) (даже если человек не умеет ни ее добиваться, ни ею пользоваться). И если видеть во всякой революции отчаянный порыв к освобождению, то придется признать, что на онтологическом уровне революция – всего лишь очередная, т.е. неизбежная демонстрация бессилия всякого нормального (исторического) человека перед окружающей социокультурной средой. Человек исторический – это вечный (хотя и безнадежный) бунтарь. *Такова его природа.* И упрекать его нельзя.

Кризисы намертво прописаны в нашей истории. Некоторые авторы связывают четыре «катастрофы русской истории» с последовательной гибелью киевской, московской, романовской и советской государственности (2, с. 30–58). Кризисы объясняются как расколом (см.: 3; 4), так и манихейским типом российской цивилизации (23, с. 284). Пишут также о коллизиях византийского и монгольского начал в русской истории (12, с. 35, 39, 41). Вероятно, все эти факторы так или иначе сказываются на ритмике исторического существования России. В любом случае такой подход более предпочтителен, нежели попытки рассматривать цикличность русской истории в «ритме» реформ и контрреформ (см.: 35, с. 124–159)¹, не говоря уже об эвристически беспомощной констатации смены смут и авторитаризма (28).

В нынешних умствованиях о природе российской власти появилось и нечто новое. Особенно охотно стали писать о ее «легитимности», даже о «металегитимности». Понятно, что самодержавие не должно быть самовластьем. Но кто сказал, что абсолютная власть непременно нуждается в правовой упорядоченности? Однако споры о нелегитимной природе российского властвования не утихают. При этом некоторые авторы стараются убедить, что этот феномен связан с противоречивым соединением византийской и монгольской традиций. Но должна ли авторитарная власть непременно иметь под собой формальные юридические основания? В конце концов, в животном мире власть безошибочно связывают с источником силы. Так почему не допустить, что вместо закона может действовать «инстинкт власти», почти одинаково развитый как у деспотов, так и у стадных существ? С другой стороны, власть издавна связывали с верой в Бога. Если так, то зачем обосновывать веру во власть?

Вопрос о легитимности власти издавна связывается с ее желанием и способностью прислушаться к мнению народа. В.О. Ключевский не слу-

¹ В рамках этой парадигмы пытались работать и другие авторы (см.: 11).

чайно писал: «Нужно было пережить страшное потрясение, испытанное государством в начале XVII в., чтобы переменить... взгляд на народное представительство и сообщить дальнейшим Земским соборам настоящий, не фиктивный представительный состав» (14, т. II, с. 381–383). Увы, в данном случае и выдающийся историк оказался в плену либеральных иллюзий. На деле состав соборов не столь уж изменился, а значение их по мере укрепления самодержавной власти сошло на нет. Достаточно вчитаться в Соборное уложение Алексея Михайловича, чтобы убедиться в «легитимизации» тотальной несвободы русского человека. Но, кажется, желание образованных людей протестировать власть на по-своему понятую легитимность неустребимо.

В этих спорах сказывается и другой порок нашего исторического воображения. Имеются в виду те вроде бы устоявшиеся понятия, которые мы автоматически используем. Где видано, чтобы из заимствованного термина, как на дрожжах, выростала целая концепция? Однако у нас происходит именно это. Сегодня русское слово «понятие» пытаются приравнять к европейскому «концепту» – величине, словно намеренно зауженной во избежание постановки «вечных» вопросов. Но стоит ли, подобно герою Достоевского, доказывать, что для «спасения России» требуется «заузить» избыточно «широкого» русского человека? Понятно, что в прошлом цивилизации строились людьми ограниченными, но дисциплинированными. Людей «заужали» искусственно. Но это не значит, что с нами следует проделать то же самое. Будущее связано с креативным типом личности. К тому же нынешнее «зауживание» исторического образования в России ведет к окончательному элиминированию и без того слабых начал гражданственности.

Понятно, что нынешние разговоры о «гражданском обществе» – сознательно или бессознательно – затеяны властью в видах очередного прихорашивания. В силу своей самопровозглашенной «демократичности» ей никак нельзя без имитации «гражданского общества». Однако некоторые историки не только поверили в реальность этого псевдообщества, но и взялись отыскивать его следы в дореволюционном прошлом. «Историков» определенного сорта не смущает тот факт, что сословное общество, по определению, не может называться гражданским: ведь если имелось множество так называемых общественных организаций и в ходу был термин граждане, то как не быть искомому «гражданскому обществу»? У нас общепринятые понятия то и дело начинают выворачивать себя наизнанку. А если так, то стоит ли задумываться о том, что дореволюционные «общественные организации» носили сословно-корпоративный характер? Зачем вспоминать, что корпоративные структуры были непременным спутником фашистских режимов? Зачем вообще думать, если государство предлагает

не только удобный набор «научных» понятий, но и вдохновляющие «исторические» открытия?

Серьезные авторы прямо заявляют, что «в России проблема с гражданским обществом существует именно потому, что власть его боится...» (22, с. 119). Поэтому она «изобретает все новые технологии по его перемальванию...» (там же). Этому способствует, в частности, информационная политика на телевидении, «где присутствует очень жесткий микс гламура и трэша» (там же). В связи с этим остается удивляться не тому, что государство выдает этот тошнотворный микс за демократию, а тому, что в такую демократию верят.

Между прочим, ничто так не провоцирует революцию, как разоблачение официальной фальши. Именно в связи с этим бывшие мифы начинают вытесняться утопиями – несбыточными по определению.

Человеческую историю можно рассматривать как обучающий процесс: Клио просто наказывает нас за невыученные уроки. А потому с чисто практической точки зрения в российской истории следовало бы изучать не «достижения», а грядущие опасности, заложенные в ней. Но кто за такую работу скажет спасибо?

Об отношениях историка и истории и о проблемах современной историографии

Анализируя, сколько, кем, где и как сказано и написано в Год истории, в принципе можно составить довольно точный портрет российского исторического сообщества, а равно убедиться в наличии его как такового. Проблема, однако, в том, что объем соответствующей информации столь велик, что на практике удастся обрисовать лишь главные направления работы исторической мысли и ее интенсивность.

История как наука по-своему «консервативна» – в смысле отношения к неординарным взглядам, не говоря уже о прозрениях. Зыбкость «материи прошлого», мифологическая аура вокруг переломных событий заставляют сомневаться в любых открытиях. Большинство историков предпочитают «уточнять», не покушаясь на «устоявшееся». А потому судьба «первопроходцев» в освоении прошлого всегда драматична.

Но можно ли историку избежать «опасностей» своей профессии? Конечно! Если писать историю, «востребованную» властью, вкладывая в нее нужную долю патриотических эмоций. А главное – точно улавливать вектор общественных страстей, дозировано раздувая угли воспоминаний. Но каков будет итог?

Для одних историк – прозектор, способный вынести точный вердикт прошлому. Для других – актер, стремящийся вдохнуть в него душу. То, что мы именуем историей, многослойно, однако полиморфности истори-

ческого «знания» люди не замечают. Конечно, профессионалу хотелось бы верить, что история – судебный процесс, где слушается дело о человеческой глупости, да кто с ним согласится! Для роли судьи человечества ни один историк не созрел и никогда не созреет – это удел Господа. В итоге, историку суждено вечно разрываться между всеми возможными ипостасями своего непонятного ремесла. В лучшем случае его История – это искусство отделения реалий прошлого от всевозможных симулякров.

Обычный человек поступает «практичнее». В России ушедших правителей поносят за то же, за что превозносят, – за надежды, которым никогда не суждено сбыться. Чем более многообещающе позиционирует себя правитель или лидер, тем острее будет разочарование. Что может больше раздосадовать несамостоятельного человека, чем обещанная и неисполненная мечта? Иные историки смотрят на объект своих профессиональных интересов сходным образом. Для одних революция – исполнение исторических устремлений, для других – крах надежд на «справедливое» будущее. То, что принято называть историографией русской революции, до сих пор остается по преимуществу состязанием моральных оценок и соответствующих риторик, сдобренных наукообразными иллюстрациями. Какие бы «объективные» данные ни приводили авторы, при их использовании обязательно обходится суть исторического процесса, его аксиология и телеология. Ибо последняя сродни Божественному замыслу, дотянуться до него у человека, представления которого ограничены обыденным временем, никак не получается.

История, точнее отношение к ней, «приподнимает» одних авторов и «опускает» других. В известном смысле Клио производит селекцию собственных служителей. Если раньше советские историки паразитировали на идеологизации и политизации исторического процесса, то теперь они снимают сливки с привлекательных исторических сюжетов и персонажей. Понятно, что их релевантность соответствует обывательским запросам.

Знание не может строиться на эмоциях, сколь бы благородными они ни казались. Убеждения могут стать более опасными врагами истины, чем ложь (Ф. Ницше). Между прочим, одним из показателей органической слабости нашего исторического сознания является то, что, разочаровавшись в очередной раз в настоящем, мы опрометью бросаемся в прошлое, с восторгом и убежденностью первооткрывателей вытаскивая оттуда полузабытых идолов. Иначе как кладбищем историографических иллюзий все это не назовешь.

Нынешняя российская «метаисторическая» мысль не случайно оказалась пронизана неумолимой эмоциональностью. Совершенно очевидно, что приверженность тем или иным ценностям парализуют способность к объективности. Ценности – из области личных предпочтений, тогда как объективность – залог всеобщности познавательного процесса. Попросту

говоря, историю нельзя судить с позиций нынешнего понимания справедливости, несмотря на выигрышность такого поведения. История вообще «несправедлива», тогда как человек без позитивной оглядки на нее попросту не может существовать. Вот и получается, что историк пытается объективно написать «историю несправедливостей» (будем надеяться, в чисто профилактических целях), а «патриотичный» сочинитель от истории пытается «выправить» ее по собственным нравственным лекалам. Люди склонны верить последнему.

По случаю Года истории стоило бы вспомнить, что нынешняя российская «научная» историография развивалась, отталкиваясь от «марксистско-ленинского» наследия. И каким же могло стать наше прошлое, если из него вынуть миф о всеобщности классовой борьбы? Борьбой всех против всех? Вовсе нет! Поскольку в советское время никогда не ставилась под сомнение необходимость для России мощной государственности, то всякий конфликт в ее истории – явно или подспудно – оцениваться с этатистских позиций. Выдающийся пример – двухтомная работа Б.Н. Миронова о «социальной истории» дореволюционной России (17). Она написана так, что социальная история, т.е. история народа, предстает по преимуществу полем деятельности вездесущего государства.

Какие «методологические основы» в большей степени соответствуют этой склонности нынешней российской исторической мысли? Ясно, что идея всеобщности истории не случайно подменяется выхолощенным «цивилизационным подходом», основной упор делается на особенное, а не на общее. В советское время настоящих научных школ практически не существовало (хотя были яркие авторы, к которым тянулись их ученики). Но является ли многообразие академических подходов панацеей от застоя исторической мысли? «Факт превращения свободного исследования отдельных людей в научное предприятие привел к тому, что каждый считает себя способным в нем участвовать, если только он обладает рассудком и прилежанием. Возникает слой плебеев от науки; они создают в своих работах пустые аналогии, выдавая себя за исследователей, приводят любые установления, подсчеты, описания и объявляют их эмпирической наукой...», – признавал в свое время К. Ясперс (36, с. 333). Увы, современные академические институты переполнены ученым «балластом», успешно имитирующим исследовательский процесс.

В таких условиях «плюрализм мнений» и «многообразие подходов» – пустые звуки. Теории потребовались, скорее, для самоутверждения тех или иных историков, нежели для процесса исследования. Любопытный симптом: некоторые юные авторы готовы годами судиться друг с другом – совсем на манер Ивана Никифоровича с Иваном Ивановичем – не только относительно приоритетов использования того или иного «авторитета», но и правильности перевода использованного им термина. Некоторые «исто-

рики» пишут исключительно о методологии истории, о конкретике которой ровным счетом ничего не знают. *Suum quique* в пространстве российского «плюрализма».

Впрочем, наиболее амбициозные авторы безошибочно отыскивают в прошлом своих знаковых *alter ego*. На эту роль особенно подходят непризнанные «гении». Можно попытаться и «перевернуть» известный образ, организовать своеобразную ротацию «героев» и «злодеев». Для историографических шоу годятся любые инверсии, а то и подлоги.

Так, в наше время нашелся автор, взявшийся сочинять дневники Берии (см. об этом: 15, с. 21–24). Ничего удивительного: этатизированная история допускает, что деяния исторического персонажа могут быть представлены в различных системах координат, среди которых преобладает государственно-целесообразная. Куда труднее подойти беспристрастно. В патерналистской системе даже вульгарное злодейство можно представить «благом для народа».

Для большинства не в меру честолюбивых историографов извлечение из забвения некоторых исторических персонажей превращается в сладостный процесс авторского самоутверждения. Марксистско-ленинская историография не допускала авторского оригинальничания – всякий историк оставался своего рода бесполом служкой «объективного» исторического процесса. После ее краха открылась возможность «показать себя» на фоне видных фигур прошлого. Это обернулось настоящей ярмаркой тщеславия.

Обывательский спрос на биографии великих людей расширил поле деятельности самоутверждающихся историков. Так, один молодой исследователь стал с невероятной скоростью плодить (явно не без помощи Интернета) всевозможную агиографическую попку: от Григория Распутина до Отто Скорцени, не забывая при этом ни Теслу, ни Тамерлана. Вообще-то великие люди являются на свет не для самоутверждения историографов, а для того, чтобы через них попытаться понять ту или иную эпоху и самый ее «дух». Последнее, однако, не востребовано: в современном информационно-потребительском мире «байки про великих» – область обыкновенного обывательского развлечения.

История России не менее богата захватывающими сюжетами и действующими лицами, чем ее недра – углеводородным сырьем. «Рассказать вам о всех мировых дураках, / Что судьбу человечества держат в руках. / Рассказать вам о всех мировых подлецах, / Что уходят в историю в светлых венцах», – писал в свое время Георгий Иванов. Оказывается, с двудликих образов всех этих «дураков» и «подлецов» можно снимать своего рода ренту.

В последнее время историческое сообщество будоражат известия о коррупции в сфере присуждения ученых степеней. Между тем «липовые»

диссертации писались и во времена «развитого социализма» – на соответствующие сюжеты на столичных подмостках даже ставились соответствующие пьесы. Другое дело – масштабы. Если всякий столоначальник считает нужным добавить к своему имени звание кандидата или доктора наук, то не приходится сомневаться, что этот процесс приобретет тотальное измерение.

Означает ли это, что «рыночная» историография деидеологизировалась? Вовсе нет! Идеологический диктат уступил место потребительской «диктатуре вкуса». Последняя в России всегда была слишком тесно (хотя и не всегда заметно) связана со «вкусами» власть предержащих – тех многочисленных столоначальников.

В Год истории мне пришлось участвовать в создании «документального» телефильма об Октябрьской революции. Я не питал иллюзий относительно познавательной глубины этого жанра – хотелось просто поставить хоть какой-то заслон конспирологическим наваждениям, заполонившим телеэкран. Надо заметить, что создатели телефильма по-своему добросовестно воспроизвели «страшные» сюжеты революционной вольницы со страниц моей книги «Красная смута». Правда, сделано это было в рамках совершенно иного – развлекательного, а не познавательного – жанра. Разумеется, появилась и характерная отсебятина: стандартный намек на «немецкие» деньги Ленина и американские доллары Троцкого (последний, ко всему, в фильме вдруг начал картавить). Создатели телеопуса шли на подобные вольности сознательно, объясняя их «диктатом жанра». Один известный телекритик довольно точно отреагировал на сей феномен. Из фильма незаметно исчезла *идея* революции, в полном смысле перевернувшая Россию. Мещане, отметил он, не способны бороться за идею. По его мнению, именно они в 1917 г. не заметили революции, а через 95 лет проигнорировали ее юбилей (26, с. 10). Стоит задуматься, куда заведет нас «балаганная» историография?

Строго говоря, произошла «дематериализация» прошлого. Теперь это воображаемая «реальность», в которую может включиться любой современный человек со всеми своими фантазиями. И можно не сомневаться в том, что он населит «свое» виртуальное пространство не просто зомби, а такими же монстрами, какие поставляются создателями фильмов-страшилок. Какое же будущее ждет участника такого «историографического» действия?

Не следует думать, что академическая историография может существовать изолированно от того «исторического» видеоряда, который подсовывают массовому сознанию развлекательные жанры. Даже стремясь расчистить историческое сознание от «развесистой клюквы», историк вольно или невольно вступает в диалог с ее поставщиками. Так или иначе становится с ними на одну доску. А это значит, что в прошлом он будет

задерживаться на легковесных предметах, минуя невидимых, но неумных «кратов истории».

Наш взгляд в прошлое стремительно теряет свою «глубину». С другой стороны, раскрашенное по мещанским вкусам прошлое становится подпоркой практической политики. После «бессмысленного» хаоса революции очень хочется увидеть «твердую» руку, которая его преодолет. Той же цели служит практика создания на региональном уровне череды образов гиперактивных и вездесущих губернаторов, наделенных ко всему некими «чудодейственными» возможностями в решении личных проблем граждан (16, с. 118–119). Что это, если не воплощение «мифотворческого психоза», имплицитно связанного с поиском «спасителей Отечества»?

Во времена культурно-исторического упомешательства обычно интенсивно воспроизводятся «новые-старые» культурные клише. В России они всегда были тесно связаны с идолом государственности. Именно поэтому Год истории стал годом напоминания исключительно о ее «успехах». И, похоже, никто не заметил, что страсть к подобным экскурсам в прошлое – показатель бессилия общества, ни на что не способного без стороннего Левиафана. В общем, празднование Года истории вылилось в «возвышающий обман», как некогда писал Пушкин, сочиненный для начальников и правителей, намертво присосавшихся к телу российской государственности.

Список литературы

1. Ахиезер А. Октябрьский переворот в свете исторического опыта России // Октябрь 1917 года: Взгляд из XXI века. – М.: РИПО, 2007. – С. 13–23.
2. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: Конец или новое начало? – М.: Новое изд-во, 2005. – 464 с.
3. Ахиезер А.С. Специфика исторического опыта России: Трудности обобщения // Pro et Contra. – М., 2000. – Т. 5, № 4. – С. 209–221.
4. Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 610 с.
5. Булдаков В.П. Quo vadis. Кризисы в России: Пути переосмысления. – М.: РОССПЭН, 2007. – 208 с.
6. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 968 с.
7. Вестник Архива Президента: Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев, 1964–1982. – М.: Родина, 2006. – 240 с.
8. Дебор Г. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000. – 73 с.
9. Дневник Л.А. Тихомирова, 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2008. – 440 с.
10. Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева, 1906–1922. – М.: Институт российской истории, 1995. – 256 с.
11. Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России: Цикл модернизационного процесса. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 400 с.
12. Кантор В. Русская классика, или Бытие России. – М.: РОССПЭН, 2005. – 768 с.

13. Ключевский В.О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. – М.: Наука, 1968. – 528 с.
14. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. II, IX: Материалы разных лет. – М.: Мысль, 1990. – 448 с.; 528 с.
15. Козлов В. Реабилитация подлогов – «как в кино» // Родина. – М., 2012. – № 2. – С. 21–24.
16. Малякин И. Российская региональная мифология: Три возраста // Pro et Contra. – М., 2000. – Т. 5, № 1. – С. 109–122.
17. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В двух томах. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. – 548 с.; Т. 2. – 583 с.
18. Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2 декабря 2011 г. – М.: Изд-во МГУ, 2012. – 222 с.
19. Никитин М.А. Памятные события Года российской истории // 1150 лет Российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). – М.: Наука, 2012. – 411 с.
20. Никонов В.А. Возможна ли объективная история? // Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2 декабря 2011 г. – М.: Изд-во МГУ, 2012. – С. 33–38.
21. Никонов В.А. Крушение России, 1917. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2011. – 928 с.
22. Окара А.Н. «Русская власть» – генератор «особого исторического пути» России // Феномен русской власти: Преемственность и изменение. Материалы постоянно действующего семинара. – Вып. 3 (12). – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 116–122.
23. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 376 с.
24. Письма вятского обывателя / [Автор-составитель Р.Я. Лаптева]. – Вятка (Киров): О-Кратное, 2009. – 336 с.
25. Письмо Ф. Степуна Дм. Оболенскому 15 сент. 1931 г. / Публ. В.К. Кантора // Вопросы философии. – М., 2012. – № 3. – С. 148–149.
26. Пухнавцев О. Мещанин в Октябре // Литературная газета. – М., 2012. – 14–20 нояб. – С. 10.
27. Пчелов Е.В. Рюрик. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 336 с.
28. Сахаров А.Н. Смуты и авторитаризм в России: Полемиические заметки // Свободная мысль. – М., 1996. – № 9. – С. 89–101.
29. Семенова Е.Ю. Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 – начало 1918 г.): Сб. док. и мат. – Самара: СИЦРАН, 2011. – 606 с.
30. Сергеев Е.Ю. Проблематика и источниковая база изучения истории XX в. в оценке российского сообщества профессиональных историков на рубеже XX–XIX вв. (К постановке проблемы) // Историческая наука в современной России. – М., 2010. – № 1. – С. 178–179.
31. Трубецкой Е., князь. Великая революция и кризис патриотизма. – Р-н-Д: б. и., 1919. – 26 с.
32. Хайек Ф. фон. Судьбы либерализма в XX в. – М.: ИРИС ЭН, 2009. – 335 с.
33. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. – М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. – 416 с.
34. Ямпольский С.М. «Сквозь тусклое стекло»: 20 глав о неопределенности. – М.: НЛЮ, 2010. – 704 с.
35. Янов А. Тень Грозного царя. – М.: Крук, 1997. – 223 с.

36. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 287–418.
37. Croce B. History as the Story of Liberty. – N.Y.: Meredian Books, 1955. – 395 p.
38. Gellner E. Foreword // Loone E. Soviet Marxism and Analytical Philosophies of History. – L.; N.Y.: Verso, 1992. – P. I–VIII.

О.Ю. МАЛИНОВА

***НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
В ОФИЦИАЛЬНОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ
ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹***

«Общепринятые» представления о прошлом являются одной из главных опор идентичности современных политических сообществ. Репрезентации и интерпретации прошлого, адресованные широкой аудитории неспециалистов, которые иногда называют «публичной историей» (в отличие от «формальной» или «профессиональной»), обладают интегративным потенциалом, являются одним из факторов мобилизации групповой солидарности. Политическое использование прошлого служит инструментом для конструирования всех типов коллективной идентичности (классовой, гендерной, религиозной и др.), однако особое значение оно имеет для формирования представлений нации о самой себе («воображения» нации). Не случайно в рамках сложившейся (и пока трудно поддающейся изменению) традиции именно нации/государства стали главными объектами исследования.

После распада СССР все бывшие союзные республики столкнулись с необходимостью создания новых идентичностей на основе имевшихся символических ресурсов. В случае России эта задача осложнялась множеством проблем, о которых нам уже доводилось писать (29, с. 10–11). Трудности с формированием общепринятых представлений о коллективном прошлом, способных задавать смысловые рамки новой политической идентичности, были обусловлены как структурными, так и агентивными (субъектными) факторами. С одной стороны, приходилось принимать в расчет ограничения, заданные контекстом: факт трансформации административных границ в государственные; наличие советского наследия институционализации этничности; особенности историографической традиции, вплетавшей национальный нарратив в имперский (см.: 35; 56); декларацию правопреемства по отношению к СССР, которая мешала провести четкую границу между российским и советским (см.: 21; 38), и др.

¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 11-03-00202 а.

С другой стороны, неопределенность коллективного прошлого усугублялась отсутствием внятной официальной позиции по большинству вопросов, вызывавших идеологические споры.

По признанию многих исследователей, ключевой проблемой, затрудняющей формирование в России новой «большой» идентичности, является стремление властвующей элиты отложить на будущее решение дилемм, связанных с ее ценностно-смысловым наполнением (см.: 5, с. 21; 6, с. 74; 20, с. 17; 29 и др.). Переоценка коллективного прошлого и реорганизация исторических нарративов с учетом новых задач – один из аспектов этой проблемы.

**Политическое использование прошлого
как элемент символической политики:
теоретический аспект**

Практика использования интерпретаций прошлого в политических контекстах стала в последние годы предметом анализа представителей разных социальных наук – историков, социологов, политологов, культурологов и др. В обширном списке литературы – немало работ, посвященных анализу российского случая (2; 17; 18; 24; 30; 37; 49; 50; 55; 57; 60 и др.). Понятийный аппарат исследований не отличается единообразием: речь идет об «исторической политике/политике истории», «политике прошлого», «политике памяти», «коллективной/общественной памяти», «политическом использовании прошлого», «культурах памяти» и др. Такое многообразие терминов в полной мере отражает состояние изученности проблемы: исследователей объединяет скорее предмет, чем методологические подходы и стремление к эмпирической проверке немногочисленных пока теорий. Это, впрочем, нормально, если учесть междисциплинарный характер исследований. Более строгая методологическая рефлексия возможна в рамках их постепенной специализации, встраивания в теоретические подходы, разрабатываемые отдельными социальными науками. Это, конечно, не отменяет коммуникации поверх дисциплинарных границ, но делает ее более осмысленной.

В связи с этим нам представляется перспективным изучение практики политического использования прошлого в качестве одного из аспектов *символической политики*. Опираясь на концепцию символической борьбы П. Бурдьё (3 и др.), под этим термином мы предлагаем понимать *деятельность, связанную с производством различных интерпретаций социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве*. Рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее аспектом «реальной» политики. Не случайно в

ней применяются как вербальные, так и невербальные (образы, жесты, графические изображения и др.) способы означивания.

Предлагаемый нами подход ориентирует не только на изучение целей, стратегий и технологий, реализуемых субъектами публичного пространства (т.е. не только на выявление различных типов *symbolic policies*). Он также побуждает фокусировать внимание на процессе взаимодействия (конкуренции, поддержки, сопряжения и др.) разных способов интерпретации социальной реальности, который в логике различения, имеющего место в английском языке, можно обозначить как *symbolic politics*. Наконец, этот подход нацелен на изучение результатов такого взаимодействия: доминирование одних способов интерпретации социальной реальности и маргинализация других, трансформация дискурсов под влиянием конкуренции и т.п.

Объектом нашего исследования является использование различных интерпретаций коллективного прошлого в том курсе символической политики, который проводится «от имени» современного Российского государства. Не будучи единственным субъектом этой деятельности, государство занимает в ней особое положение, поскольку обладает возможностью навязывать «нужные» ему способы интерпретации социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов, законодательства, придания символам особого статуса, а также благодаря тому, что оно представляет «нас» на международной арене. Поэтому с публичными высказываниями акторов, выступающих от имени государства или участвующих в принятии властных решений, вынуждены так или иначе соотноситься другие участники коммуникации. Вместе с тем доминирование интерпретаций, которые предлагаются властвующей элитой, не безусловно. Даже если «нужная» нормативно-ценностная система навязывается обществу насильственными методами, у него остаются возможности «лукавого приспособления»¹, двоемыслия и проч. Оспаривание существующего социального порядка – не менее важная часть символической политики, чем его легитимация.

Продвигая или поддерживая те или иные трактовки коллективного прошлого, представители властвующей элиты преследуют политические цели, необязательно связанные с «исторической политикой» (36): стремятся легитимировать собственную власть, укрепить общественную солидарность, оправдать принимаемые решения, мобилизовать электоральную поддержку, показать несостоятельность оппонентов и проч. Вместе с тем возможность реализации этих целей существенно зависит от уже сложив-

¹ Согласно концепции Ю.А. Левады, советские идеологические практики, навязывавшие индивидам универсальную нормативно-ценностную систему, формировали «человека лукавого»: соглашаясь с предписываемыми установками, он одновременно искал способы их обойти (25).

шегося в обществе набора понятий, представлений, образов, символов, нарративов и т.д., которые в известном смысле являются «общим достоянием» всех участников публичного пространства и оказываются предметами интерпретации, присвоения и оспаривания. «Конфигурация» публичной сферы влияет на стратегии символической политики и возможности ее участников.

Очевидно, что выбор политически «пригодного» прошлого определяется не только преследуемыми целями, но и уже существующими в обществе представлениями о тех или иных исторических событиях или фигурах, которые, в свою очередь, опираются на интерпретации прошлого, циркулирующие в публичном пространстве. Можно предположить, что опорой макрополитической (национальной) идентичности могут быть события, образы, символы, мифы прошлого, которые а) закреплены в массовом сознании, т.е. «освоены» в процессе социализации, б) позволяют конструировать положительный образ «нас», соответствующий устойчивым культурным представлениям и оценкам, в) не являются предметом противоположных оценок, конкуренция которых воспринимается по принципу «игры с нулевой суммой»¹. Если эти предположения верны, «тысячелетняя история» России – хотя и богатый, но трудный ресурс для политических антрепренеров, занятых конструированием идентичностей.

В настоящей статье на основе изучения риторики президентов РФ, публичных выступлений политиков, занимавших ключевые позиции в федеральной исполнительной власти, а также публикаций официального печатного органа правительства РФ – «Российской газеты»² мы попытаемся проследить, как менялись практики политического использования прошлого властвующей элитой в 1990–2010-х годах. Выборка источников не является репрезентативной, а методика их анализа – строгой. Задача этой статьи – выявить эволюцию подходов к использованию прошлого для решения текущих политических задач и оценить ее последствия для формирования новой идентичности. Уточнение выявленных тенденций и их анализ в общем контексте символического пространства – задача другого, более обстоятельного исследования.

¹ Речь идет о конкуренции интерпретаций одного и того же события, символа, мифа и т.д. Если эта конкуренция устроена по принципу «игры с нулевой суммой», символ годится лишь для «перетягивания каната» в политической борьбе, но не для решения задачи более высокого уровня – мобилизации солидарности макрополитического сообщества. – *Прим. ред.*

² Этот статус РГ обусловлен функцией официального публикатора указов президента, постановлений и распоряжений правительства, а также нормативных актов министерств и ведомств. Тем не менее представляется возможным рассматривать эту газету в качестве источника, наиболее полно отражающего спектр мнений *властвующей* элиты, поскольку она обеспечивает информационное сопровождение принимаемых решений, публикуя новости, репортажи и интервью государственных деятелей.

1990-е: через отрицание «тоталитарного прошлого» – к поискам «примирения и согласия»

В первые годы существования нового Российского государства интерпретация национального прошлого в публичной риторике властвующей элиты была подчинена главной политической задаче – оправданию курса на радикальную трансформацию советского («тоталитарного») порядка. Цели реформ, начавшихся в 1992 г., формулировались в духе «незападнического» дискурса, который сложился еще в годы перестройки (см.: 28, с. 95–108). Казалось, что победа «демократов» в августе 1991 г. открывает перед Россией перспективу превращения в «нормальную» демократическую страну с рыночной экономикой.

По образному выражению министра иностранных дел в правительстве Ельцина–Гайдара А.В. Козырева, «наша “сверхзадача” – буквально за волосы себя втащить... в клуб наиболее развитых демократических держав. Только на этом пути Россия обретет столь необходимое ей национальное самосознание и самоуважение, встанет на твердую почву» (23, с. 22). По существу речь шла о радикальном изменении сложившейся траектории исторического развития. Рассуждая о необходимости перемен, многие «демократы» использовали метафоры, указывавшие на волевой и даже насильственный характер предстоящего прорыва¹. Отталкиваясь от идеологических оппозиций времен холодной войны, властная элита начала 1990-х годов интерпретировала постсоветский транзит в логике исторической схемы, строившейся на тотальном отрицании советского опыта.

Отношение к дореволюционному наследию было более сложным. С одной стороны, начатые преобразования интерпретировались как восстановление связи времен, разорванной советской властью. В первом президентском послании Федеральному Собранию Б.Н. Ельцин подчеркивал: *«Разложилась доминировавшая в течение десятилетий тоталитарная государственная идеология, выразителем которой была КПСС. На смену приходит осознание естественной исторической и культурной преемственности...»* (9)². Впрочем, в символической политике государства эта установка реализовывалась очень избирательно. Усилия по «восстановле-

¹ Ср. «мюнхгаузенский» образ Козырева («втащить себя за волосы») с рассуждениями оппозиционера Ю. Афанасьева («Необычность... нынешней ситуации... в том, что на эти коренные реформы, на превращение, на прорыв в цивилизацию должны найти в себе силы мы сами – такие, какие мы есть...») (1, с. 11). Позднее Е. Гайдар также описывал миссию своего правительства как выбор между двумя стратегиями модернизации: традиционным («перенимать не экономические структуры, а результаты, обеспечивать рост, выжимая из общества все ресурсы») и новым («взрастить на российской почве институты, подобные западным», «укоротить» государство) (4, с. 143–144).

² Ср. в 1999 г.: «Завершается десятилетие, озаглавленное возвращением России на магистральный путь мирового развития» (14).

нию памяти» в большей мере касались недавнего прошлого. Действовала Комиссия при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий (соответствующий Закон был принят еще в октябре 1991 г.; с апреля того же года действовал Закон «О реабилитации репрессированных народов»). Пересмотр («реабилитация») тех элементов советской истории, что порицались или были преданы забвению по идеологическим соображениям, позволял формировать позитивные символы, не отступая от доминирующего принципа отрицания «тоталитарного прошлого»¹.

Заметно меньше внимания уделялось восстановлению «исторической и культурной преемственности» с досоветским периодом. Так, в шести ежегодных посланиях Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию нам удалось обнаружить всего три упоминания о явлениях и событиях истории до 1917 г., причем только в одном случае она представлялась «со знаком плюс» (ссылка на «глубокие исторические корни» местного самоуправления «в российской политической культуре в виде земства» (14)²). Этот факт примечателен, если учесть, что легитимация текущего курса через апелляцию к прошлому с самого начала стала неотъемлемым атрибутом президентских публичных выступлений. Тем не менее в посланиях Б.Н. Ельцина заметно больше фрагментов, которые содержат упоминания о событиях, явлениях и действующих лицах прошлого, чем в аналогичных выступлениях В.В. Путина (2000–2007) и Д.А. Медведева (2008–2011): 46, 22 и 15 соответственно (30). Восстановление «связи времен» требовало кропотливой работы по переосмыслению отечественной истории, покоившейся на идеологических схемах советского времени (которые, в свою очередь, впитали многое из дореволюционной традиции героизации «революционно-освободительного движения»). Здесь трудно было ожидать быстрых результатов, однако следовало наметить соответствующие цели. К сожалению, в первой половине 1990-х годов символическая политика властвующей элиты была всецело подчинена текущим задачам. Казалось, что главное – сделать постсоветский переход необратимым, остальное «само собой устроится».

Вместе с тем корни многих современных проблем усматривались в дореволюционной истории. По словам Ельцина, *«царская Россия, обремененная грузом собственных исторических проблем, не смогла выйти»* на

¹ Яркий пример такой практики – целенаправленные усилия по «канонизации» фигуры опального маршала Г.П. Жукова: в 1994 г. были изданы указы президента о сооружении памятника выдающемуся военачальнику на Красной площади и учреждении медали и ордена Жукова.

² См. также аналогию между «создаваемыми ведомствами за счет взимаемых ими штрафов и расходовемых бесконтрольно на собственные нужды» внебюджетных фондов и известной из российской истории «системой кормления» (14) и цитируемое ниже высказывание из послания 1996 г.

«дорогу демократии», что предопределило «радикализм российской революционного процесса, его стремительный срыв от Февраля к Октябрю» и в конечном счете обусловило разрыв исторической традиции (12). Февральская революция 1917 г. оценивалась как наивысшая точка движения России по «нормальному», «европейскому» пути, прерванного большевиками¹. Напоминания же о шаткости отечественной либеральной традиции имели мобилизационное значение – они должны были оттенить грандиозность переживаемых реформ и одновременно подчеркнуть связанные с ними риски (см. у Ельцина: «Россия хорошо знает, что такое право силы. Осознать силу права только предстоит... Тем самым зреет опасное для нашего развития явление: права личности, никогда в отечественной истории не считавшиеся практическим государственным приоритетом, рискуют и впредь остаться декларативными» (11)).

Тема «октябрьской катастрофы» активно звучала во время избирательной кампании Б.Н. Ельцина в 1996 г. Представляя выбор между действующим президентом и его главным противником – лидером коммунистов Г.А. Зюгановым как вопрос жизни и смерти для новой России, властвующая элита часто использовала в качестве ресурса массовые представления об ужасах большевистской революции и ее последствий, сформированные разоблачительными публикациями СМИ конца 1980-х – начала 1990-х годов. Так, тогдашний руководитель администрации президента Н.Д. Егоров в статье, напечатанной «Российской газетой», подчеркивал: «Нам придется снова выбирать между продолжением демократических реформ и поворотом вспять. Но назад дороги нет, сзади – пропасть. *Еще одной разрушительной революции Россия просто не выдержит*» (выделено мною. – О.М.) (8). Более определенно эту мысль сформулировал мэр Петербурга А.А. Собчак: «После того, что пережила Россия в течение заканчивающегося столетия, она просто не выдержит еще одного диктатора,

¹ Примечательно, что «уроки» Февральской революции некоторые сторонники правительственного курса использовали в качестве аргумента в поддержку современных реформ: «То, что делалось и делается реформаторами вплоть до сегодняшнего дня... так или иначе направлено на создание социально-экономической базы принципиально нового на нашей Земле государства, которое в исторической перспективе должно обеспечить нам то качество жизни, которым пользуются граждане с развитой рыночной экономикой и демократической системой... В таких условиях сорвать стратегическое направление развития нашей жизни было бы не просто легкомыслием, а преступлением перед собственной страной и народом. Подобное уже встречалось в отечественной истории. *Плоды Февральской революции, вводившей страну в общемировое русло исторически прогрессивных перемен, были перечеркнуты в порыве эмоционального неприятия власти "министров-капиталистов"* в пользу большевистских лживых посулов отдать землю крестьянам, фабрики – рабочим, ввести в повседневную практику самую совершенную в мире социалистическую демократию... И вот теперь многие десятилетия спустя реформаторы *вынуждены исправлять трагическую ошибку Октября*» (выделено мною. – О.М.) (22).

еще одной революции, которая может оказаться самой кровавой в ее истории» (46).

После выборов, продемонстрировавших готовность значительной части избирателей поддержать кандидата от КПрФ, в официальной символической политике произошли некоторые перемены. В соответствии с Указом Б.Н. Ельцина, изданного 7 ноября 1996 г., за год до 80-летия Октября, новый смысл приобрел праздник, оставшийся в наследство от советской власти: День революции стал Днем примирения и согласия. Можно предположить, что не все одобряли такое решение. Во всяком случае, некоторые представители прежней властвующей элиты и после победы Ельцина говорили о «столетней гражданской войне», обвиняли «современных большевиков» в эскалации агрессии. Накануне 79-летней годовщины революции А.Н. Яковлев опубликовал в «Российской газете» статью «Если большевизм не сдастся», в которой доказывал, что *«путь к торжеству свободы в России может быть прерван в любой день, если не поставить вне закона большевистскую идеологию человеконенавистничества»* (52). Однако Ельцин и его окружение решили не играть на обострение.

В период второго президентства Б.Н. Ельцина наметились очевидные сдвиги в символической политике. Они определялись, с одной стороны, новым раскладом сил, а с другой – потребностью в консолидации политического класса и «стабилизации» конфликтов, которые во время избирательной кампании намеренно обострялись. Не случайно использованное для переопределения праздника революции слово «согласие» заняло центральное место в риторике президента. Государство перешло от квазиневмешательства в «свободный рынок» идей к продвижению идеи национального консенсуса. Наиболее заметным проявлением этого сдвига стал призыв Ельцина (уже через месяц после выборов) к разработке новой «национальной идеи». Хотя последовавшая за этим дискуссия, несомненно, внесла оживление в общество, привлекла внимание многих политиков, журналистов, специалистов и просто рядовых граждан, она не привела к искомому результату. Установка политиков на взаимодействие по принципу игры с нулевой суммой оказалась сильнее призывов к единению. Как показал в своем исследовании М. Урбан, несмотря на то что дискурсы коммунистов/патриотов, демократов и государственников в этой дискуссии имели структурное сходство и все участники принимали общую цель – отчетливо сформулировать идею сообщества и превратить ее в государственную идеологию, острота конфликтов по поводу содержания последней не позволяла сосредоточиться на поиске согласия (59, с. 985). С учетом советского опыта закрепления государственной идеологии ставки казались слишком высокими, чтобы решать проблему «принципов» на пути компромисса.

Это в полной мере касалось и проблемы интерпретации коллективного прошлого: в понимании «демократов» идея «согласия и примирения»

не отменяла необходимости «покаяния» в преступлениях советского режима, в то время как «народно-патриотическая оппозиция» изображала попытки переписать советскую историю как стремление правящего «преступного режима» «унизить русский народ». Без трансформации (или маргинализации) этой оппозиции консенсус был невозможен. И здесь многое зависело от позиции власти: она могла попытаться дистанцироваться от обеих точек зрения и предложить в качестве основы для диалога некий «третий вариант» или пойти по пути, предложенному А. Яковлевым, и решительно встать на сторону «демократов», используя имеющиеся ресурсы для маргинализации «народно-патриотического» дискурса. Однако ни того ни другого сделано не было.

Во второй половине 1990-х годов в официальной практике политического использования советского прошлого произошли некоторые изменения. Они обозначились еще в 1995 г. в связи с празднованием 50-летия победы в Великой Отечественной войне. Масштаб события, его международно-политическое значение и высокий общественный статус обязывали к проведению торжественных мероприятий с должным размахом. В процессе их подготовки были сделаны некоторые уступки на поле «борьбы символов»: во время парада на Красной площади 9 мая 1995 г. впервые вместе с государственным трехцветным флагом использовалась копия Красного Знамени Победы (эта практика позже была закреплена, в том числе и законодательно). Возвращение символа Победы многими было воспринято как свидетельство того, что «волна отрицания собственной великой истории схлынула», и «понятие патриотизма, преданное было поруганию и лжи», «вновь стало наполняться сокровенным значением» (53). Корректируя свою символическую политику, власть, безусловно, реагировала на запрос общества, уставшего от тиражирования негативного образа «нас»¹. При этом она опиралась на уже сложившиеся оценки прошлого: в то время как Октябрьская революция вследствие ее реинтерпретации в СМИ стала предметом идеологической конфронтации, Великая Отечественная война, память о которой была основательно институционализирована в советский период (24, с. 90–105), оставалась бесспорным консолидирующим символом.

Начиная с 1995 г. Б.Н. Ельцин и его спичрайтеры пытались найти новый ракурс интерпретации Великой Победы, стремясь использовать огромный символический потенциал этого события и вместе с тем не отступить от принципа «отрицания тоталитарного прошлого». Анализ выступ-

¹ Потребность в такой корректировке ощущалась и «демократами», которые к тому времени уже утратили былое влияние на власть. Не случайно и «Демократический выбор России», и «Яблоко» в ходе избирательной кампании 1995–1996 гг. уделили заметное внимание не только вопросам национальных интересов и межэтнических отношений, но и теме патриотизма (26, с. 133–150).

лений президента по случаю Дня Победы показывает, что Ельцин неизменно оценивал это событие как «символ мужества, патриотизма, самоотверженности» людей, но не как заслугу государства и «советского строя» – в отличие от В.В. Путина, который стал говорить о Великой Победе (и о некоторых других аспектах советского наследия) с точки зрения преемственности советской и российской государственности. Вместе с тем Ельцин часто обращался к памяти о Великой Победе, чтобы подчеркнуть единство бывших союзных республик, напомнить Западу о былом сотрудничестве союзников по антигитлеровской коалиции, указать на необходимость преодоления «взаимного недоверия и страха», порожденного эпохой холодной войны (11), и призвать к «национальному согласию и единству» «независимо от убеждений и политических пристрастий» (15). Таким образом, именно при Ельцине были заложены основы политического использования богатейшего символического потенциала памяти о Великой Отечественной войне, успешно продолженного его преемниками.

Важной вехой на пути к «примирению и согласию» должно было стать перезахоронение останков императора Николая II и членов его семьи. Однако разгоревшиеся в обществе дискуссии относительно подлинности найденных под Екатеринбургом останков (ее отказалась признать Русская православная церковь) и аутентичности места захоронения в значительной степени свели на нет символическое значение этого акта. К тому же решение об участии президента Ельцина в церемонии, назначенной на 17 июля 1998 г., и тем самым – о ее статусе было принято буквально накануне. Поэтому эффект от выступления президента, говорившего об *«искуплении грехов предков»* и о необходимости *«завершить век, который стал для России веком крови и беззакония, покаянием и примирением»* (13), оказался смазан.

В конечном счете политика «примирения» носила преимущественно декларативный характер: целью властвующей элиты ельцинского призыва оставалась легитимация непопулярных решений, принимавшихся под лозунгом «борьбы с тоталитарным режимом», что не позволило уйти от практики использования недавнего прошлого по принципу контраста с настоящим. Вместе с тем более отдаленные исторические эпохи в политической практике 1990-х годов использовались мало. На наш взгляд, это объясняется, с одной стороны, отсутствием «готовой» интерпретационной модели, которая позволяла бы связать наследие доимперского и имперского периодов с современными задачами конструирования новой политической идентичности¹, а с другой – неопределенностью ценностно-смыслового содержания последней. Во всяком случае, заказ на разработку нарратива, пригодного в новом контексте, сформулирован не был. Не раз-

¹ Следует отметить, что процесс формирования такой интерпретации властвующей элитой, безусловно, зависит от усилий историков, журналистов, деятелей культуры и др.

деляя в полной мере интерпретацию коллективного прошлого, предложенную в конце 1980-х – начале 1990-х годов «демократами», власть по прагматическим соображениям вынуждена была ее придрерживаться.

2000-е: образ великой державы в технике коллажа

По разным причинам в процессе политических перемен 1990-х годов не удалось создать эффективных институциональных площадок для обсуждения общественно значимых проблем и способов их решения. Идеологические конфликты во фрагментированном публичном пространстве существенно затрудняли консолидацию макрополитического сообщества, и это обстоятельство создалось политическим классом как проблема. В 2000-х годах был взят курс на установление «согласия сверху» путем частичного ограничения плюрализма в публичной сфере и одновременно внедрения «частичной» идеологии, эклектически сочетающей элементы разных дискурсов (19, с. 274–281). В отличие от Б.Н. Ельцина, В.В. Путин не был связан принадлежностью к определенному политико-идеологическому лагерю и мог себе позволить использовать идеи и символы «народно-патриотической оппозиции», казавшиеся абсолютно неприемлемыми «демократам».

Первым шагом в этом направлении стало принятие в 2000-г. федеральных конституционных законов о государственных символах России, утвердивших одновременно и трехцветный флаг, который был взят на вооружение демократическими силами в дни августовского путча 1991 г., и герб с двуглавым орлом – символ империи Романовых, и гимн с новыми словами, положенными на старую, советскую мелодию. Аргументируя этот компромисс, Путин осудил позицию тех, кто «предельно идеологизирует» эти символы государства и связывает с ними исключительно «мрачные стороны в нашей истории». Президент заявил: *«Если мы будем руководствоваться только этой логикой, тогда мы должны забыть и достижения нашего народа на протяжении веков. Куда мы с вами тогда поместим достижения русской культуры? Куда мы денем Пушкина, Достоевского, Толстого, Чайковского? Куда мы денем достижения русской науки – Менделеева, Лобачевского и многих, многих других? А их имена, их достижения тоже были связаны с этими символами. И неужели за советский период существования нашей страны нам нечего вспомнить, кроме сталинских лагерей и репрессий? Куда мы тогда с вами денем Дунаевского, Шолохова, Шостаковича, Королева и достижения в области космоса? Куда мы денем полет Юрия Гагарина? А как же блестящие победы русского оружия со времен Румянцева, Суворова и Кутузова? А как же победа весной 1945 года? Я думаю, что если мы подумаем обо всем этом, то мы признаем, что мы не только можем, но и должны использовать сегодня все основные символы нашего государства»* (42).

Предложенный властью список национальных достижений, которые не должны быть забыты народом, включал в себя три категории: а) достижения великих соотечественников на ниве культуры и науки, получившие мировое признание; б) военные победы прошлого, в ряду которых особое место занимает Победа в Великой Отечественной войне; в) достижения в области освоения космоса. К началу XXI в. список положительных символов, способных служить опорой новой коллективной идентичности, был существенно уже, нежели набор негативно оцениваемых фактов национальной истории, которые могли быть использованы в политической риторике в качестве «урока/предостережения».

Вскоре этот список был дополнен идеей великодержавности, проецируемой на всю «тысячелетнюю историю» России. В новом официальном дискурсе именно государство (вне зависимости от менявшихся границ и политических режимов) стало тем ценностным стержнем, который скреплял макрополитическую идентичность. Идея «сильного государства» как основы былого и будущего величия России была отчетливо сформулирована Путиным в 2003 г. *«Хотел бы напомнить: на всем протяжении нашей истории Россия и ее граждане совершали и совершают поистине исторический подвиг. Подвиг во имя целостности страны, во имя мира в ней и стабильной жизни, – сказал президент в послании Федеральному Собранию. – Удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире – это не только огромный труд. Это еще и огромные жертвы, лишения нашего народа»* (43). Как известно, в современных общественных дискуссиях огромная территория рассматривается не только как залог величия России, но и как проблема: прежде всего как фактор, определяющий «мобилизационный» тип развития страны и сопряженный с некоторыми издержками¹. Отождествление президентом России с удерживаемым ею пространством (*«...таков тысячелетний исторический путь России. Таков способ воспроизводства ее как сильной страны»*), его призыв ценить плод «огромного труда» многих поколений людей – безусловно, заявка на вполне определенную позицию в этом споре.

Естественным следствием изменения модели коллективной идентичности, поддерживаемой властью, стала переоценка советского прошлого. Впервые Путин затронул эту тему еще в самом начале своей прези-

¹ О проблемах, обусловленных обширной территорией, говорил, например, в контексте первой чеченской войны Б.Н. Ельцин: «Российская история распорядилась таким образом, что суверенитет государства простирается на огромную территорию и охватывает многочисленные народы». И далее: «Таким крупным странам, как Россия, естественным образом присущи большие внутренние различия между регионами». Их следствие – «диспропорции регионального развития», ставшие «родимым пятном нашей истории и экономики» (10).

дентской кампании. В 1999 г. в программной статье «Россия на рубеже тысячелетий» он писал: «Было бы ошибкой не видеть, а тем более отрицать несомненные достижения того времени». Далее в духе «демократического» дискурса 1990-х годов добавлял: «Как ни горько признаваться в этом, но почти семь десятилетий мы двигались по тупиковому маршруту движения, который проходил в стороне от столбовой дорожки цивилизации» (41). В последующих выступлениях нового президента РФ можно обнаружить как позитивные, так и критические оценки советского опыта.

Более решительный поворот в символической политике обозначился в 2005 г., в начале второго президентского срока В.В. Путина. В послание Федеральному Собранию были включены известные слова о распаде СССР как «крупнейшей геополитической катастрофе века» (44), явно противоречившие той оценке, которую не однажды давал этому событию Б.Н. Ельцин (ср.: «*Советский Союз рухнул под тяжестью всеобъемлющего кризиса, разодранный на куски экономическими, политическими и социальными противоречиями*» (12)). Вместе с тем интерпретация распада СССР (и де-факто акта рождения нового Российского государства) как случайной катастрофы, спровоцированной действиями «плохих политиков», прекрасно вписывалась в концепцию «тысячелетней» великой державы.

В том же президентском послании переопределялось и значение Победы в Великой Отечественной войне, 60-летие которой отмечалось две недели спустя. Путин придал этому событию особый гуманистический смысл, назвав его «днем торжества цивилизации над фашизмом», а солдат Великой Отечественной – «солдатами свободы». Эта интерпретация была увязана с отношениями на постсоветском пространстве: гуманистическое наследие Победы Путин представлял общим достоянием «бывших республик СССР, а ныне независимых государств», которому нужно «вместе соответствовать». Тема войны, значимая для конструирования национально-государственных идентичностей большинства стран Западной и Восточной Европы, стала играть важную роль в международной символической политике, превращаясь в объект соперничества интерпретаций. С течением времени символ Великой Отечественной войны в риторике глав Российского государства приобретал все больше новых смыслов. Н.Е. Копосов высказал предположение о том, что миф о войне в постсоветской России выполняет функцию «мифа происхождения»¹, кото-

¹ «Миф происхождения» (myth of origin) – это фундаментальный миф об историческом моменте, когда «нация» кристаллизовалась в своей «современной» форме (54, с. 542–543; 58, с. 33–34). По мнению Н.Е. Копосова, миф о войне в каком-то смысле изначально имел такие функции, ибо легитимировал советские формы социальной организации, прошедшие «проверку» войной. В современных условиях «миф о войне в концентрированном виде выражает историческую концепцию нового режима» (24, с. 163–164).

рую в силу резкого расхождения общественных оценок не могут выполнять события, связанные с распадом СССР.

На наш взгляд, существенные идеологические противоречия в интерпретации коллективного прошлого не позволяют говорить о «мифе происхождения» применительно к современной России, поскольку он может считаться состоявшимся при наличии общепринятой концепции национальной истории. Вместе с тем очевидно, что символ Великой Победы благодаря его интенсивному политическому использованию, с одной стороны, и укорененности в массовом сознании – с другой, выступает в качестве важной составляющей современной российской идентичности. Отчасти этим объясняется жесткая позиция российской стороны в «войнах памяти», развернувшихся в Восточной Европе во второй половине 2000-х годов.

Однако «реабилитация» советского прошлого в официальной символической политике происходила избирательно: наиболее одиозные моменты были из нее исключены. Примечательно, что именно при Путине в 2004 г. отменили государственный праздник, вызывавший в обществе наиболее острые споры – годовщину Октябрьской революции. 7 ноября осталось «памятным днем» календаря в формулировке, введенной Ельциным: День согласия и примирения. Вместо него появился новый государственный праздник – День народного единства 4 ноября, весьма условно приуроченный к дате освобождения в 1612 г. Китай-города бойцами народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского (39). Однако авторам нового праздника так и не удалось укоренить его в практиках и ритуалах, способных вызвать общественный резонанс; смысл даты остается непонятным и для элит, и для широкой публики (см.: 16). Этот «ничейный» праздник эффективно используется лишь организаторами «Русских маршей», традиционно проходящих в этот день.

Описываемые изменения в официальной символической политике не означали тотальной апологии коммунистического режима. В выступлениях В.В. Путина можно обнаружить немало критических замечаний в адрес советского прошлого. История СССР оказалась «политически пригодной» прежде всего как история великой державы, которая, несмотря на все трудности, осуществила (пусть и не вполне совершенную) модернизацию и превратилась в ведущую силу мировой политики. Тоталитарные практики и репрессии в режимной риторике были «вынесены за скобки»¹. Примечательно, что подобная редукция «актуальной» памяти произошла и

¹ Периодически эти «изъяны» советского строя оказываются объектом критики, но в обезличенной форме. См., например, последнее по времени послание В.В. Путина Федеральному Собранию: «Попытки государства вторгаться в сферу убеждений и взглядов людей – это, безусловно, проявление тоталитаризма. Это для нас абсолютно неприемлемо» (45).

в массовом сознании. Согласно исследованиям Левада-Центра, «символическое примирение» с советским прошлым в конце 1990-х – начале 2000-х годов сопровождалось «декоммунизацией» советских символов, которые «теперь связаны в общественном сознании не с коммунистической партией, ее руководством, тоталитарной пропагандой и т.п., а с идеализированным образом коллективного существования “всего народа”» (7, с. 18–19).

Символическая политика двух первых президентских сроков В.В. Путина отличалась принципиальной эклектичностью, стремлением сочетать идеи и ценности разных политических сил. При этом «единство» достигалось чисто механическим путем: совмещение противоположных смыслов не сопровождалось содержательной реинтерпретацией, хотя объектами официального «признания» оказывались взаимоисключающие – в логике прежних «символических битв» – идеи и символы.

Наиболее яркое проявление этой тенденции – дискуссии, связанные с концепцией «суверенной демократии», основные принципы которой были сформулированы в президентском послании В.В. Путина Федеральному Собранию в 2005 г. и более детально разработаны в текстах политиков и публичных интеллектуалов во главе с заместителем руководителя администрации президента В.Ю. Сурковым. Эта концепция выполняла множество разных функций. Помимо прочего она предлагала новую «формулу» российской идентичности, в которой «западническое» представление об *общности целей и ценностей* России и «Запада» сочеталось с «почвенническим» акцентом на *самобытный* способ их реализации. Россия при этом изображалась как *актуально* (а не только потенциально) *подобная и равная* своему «Значимому Другому» (см.: 27).

Для обоснования этой формулы требовалось не только напомнить о самобытности российского пути, но и связать национальное прошлое с идеей демократии, а также обнаружить в нем параллели с историей европейских стран, дабы придать основательность притязаниям на актуальное (а не потенциальное, как в традиционных западнических схемах) подобие и равенство с «Западом». Нетрудно заметить, что при решении этой задачи авторы концепции «суверенной демократии» довольствовались «точечным» переопределением отдельных событий и символов коллективного прошлого, не посягая на создание целостной картины и не оспаривая альтернативных интерпретаций, существующих в публичном дискурсе (что неизбежно потребовало бы более тщательной проработки деталей).

В частности, «присвоение» ценностей, с которыми традиционно связывается идентичность «Запада», осуществлялось за счет тезисов о том, что 1) *«мы... ничем не лучше и не хуже других»* и *«не должны считать себя какими-то изгоями, у которых не получается то, что получается у других»* – Европа тоже имела опыт авторитаризма и тоталитаризма (48,

с. 35)¹; 2) демократия – это наш собственный выбор («...Россия приведена к демократии не “поражением в холодной войне”, но самой европейской природой ее культуры» (47, с. 30, сн.). Доказывая последний тезис, Сурков представлял СССР «модернизационным крупнейшим проектом», который «уже нес в себе зачатки демократии», однако оказался не вполне удачным². Выбор 1990-х годов в этой логике был «возвращением к демократическим ценностям», «подробно прописанным» в советской Конституции (48, с. 37). Фактически Сурков повторял советскую концепцию «социалистической демократии», с тем, однако, отличием, что формально стремился доказать историческую общность ценностей России и «Запада».

Декларируя приверженность «европейским» демократическим ценностям, новая властвующая элита решительно отказалась от уничтожительной самокритики, свойственной демократам 1990-х годов. Привлекая прошлое для подкрепления своих идеологических конструкций, участники дискуссий о «суверенной демократии» работали с ним в технике коллажа: они спешили заполнить контуры «удобной» в функциональном отношении схемы путем механического соединения элементов разных дискурсов. При этом мало заботились о правдоподобности аргументов: вырванным из контекста историческим символам приписывались радикально новые смыслы. Такая технология позволяла обозначить контуры коллективной идентичности, предлагаемой властвующей элитой (или ее частью), но не могла сформировать *связные и устойчивые* представления о коллективном прошлом, настоящем и будущем, ибо исходно не была на это нацелена.

«Модернизация»: тема прошлого в риторике Д.А. Медведева

Символическая политика Д.А. Медведева может рассматриваться как продолжение и развитие путинской линии на эклектическое сочетание политически «пригодных» символов из разных дискурсов, хотя в ней выделяется и ряд новых тенденций. Подобно своим предшественникам, Медведев апеллировал к «тысячелетней истории» страны, когда ему требовалось легитимировать наиболее важные решения. Например, в послании 2008 г., говоря о «понимании», с которым были встречены действия власти во время августовских событий и первые антикризисные меры, он

¹ Нетрудно заметить, что, аргументируя этот тезис, Сурков произвольно «вспоминал» одни факты, «забывая» о других. Абсолютизм в России действительно «достиг своего апогея примерно в то же время, что и во Франции», однако просуществовал почти на полтора столетия дольше. Парламентаризм и впрямь «ненамного младше, чем в [некоторых. – О.М.] других странах», однако оказался гораздо менее долговечным. И хотя сталинский режим – не единственный тоталитарный «опыт» в истории Европы, в нашей стране он отличался некоторыми особенностями.

² «Крупнейшими достижениями» СССР Сурков называл «мощную идеологическую работу... в планетарном масштабе» и индустриализацию (48, с. 35–37).

отмечал: *«По-другому и не должно быть, когда речь идет о народе с тысячелетней историей, освоившем и цивилизовавшем огромную территорию», «создавшем неповторимую культуру» и «мощный экономический и военный потенциал»* (31).

Примечательно, что в качестве национальных достижений Медведев назвал не только «неповторимую культуру», но «территорию» и «военный потенциал». Эти символы в современном публичном дискурсе явно ассоциируются с «имперским наследием». Здесь очевидна переключка с путинским посланием 2003 г. Вместе с тем любопытно сравнить этот перечень с близким по смыслу пассажем из статьи «Россия, вперед!», где названы те элементы «большого наследия», на которое мы можем опереться. *«Мы располагаем гигантской территорией, колоссальными природными богатствами, солидным промышленным потенциалом, впечатляющим списком ярких достижений в области науки, техники, образования, искусства, славной историей армии и флота, ядерным оружием, – писал Медведев. – Авторитетом державы, игравшей значительную, а в некоторые периоды и определяющую роль в событиях исторического масштаба»* (32). Обращает на себя внимание, что список позитивно оцениваемых символов прошлого, «пригодных» для политического использования, заметно расширился по сравнению с 1990-ми годами в основном за счет осуществленной В.В. Путиным переоценки наследия «великой державы».

Д.А. Медведеву также не чуждо было стремление легитимировать собственный политический курс по контрасту с прошлым (преимущественно, хотя и не исключительно, недавним). Наиболее ярко оно проявилось при обосновании концепции «модернизации», которая представлялась как *«первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии»* (33). Главным пунктом соотнесения оказывался советский опыт модернизации, который оценивался, с одной стороны, положительно (*«ценой неимоверных усилий аграрная, фактически неграмотная страна была превращена в одну из самых влиятельных по тем временам индустриальных держав»*), а с другой – критически (*«в условиях закрытого общества, тоталитарного политического режима эти позиции невозможно было сохранить»*). Те же мысли ранее были высказаны в статье «Россия, вперед!», причем сравнение проводилось не только с советской, но и с петровской (имперской) модернизацией. Обе они, как подчеркивал автор, были «оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников» (32). Примечательно, что спустя 17 лет после начала перестройки лидер Российского государства, опасаясь негативной реакции, считал нужным доказывать, что предлагаемые им инновации не следует путать с революцией «сверху».

Вместе с тем Д.А. Медведев и его спичрайтеры попытались более избирательно подойти к оценке национальных традиций. Ссылки на национальное прошлое в выступлениях президента нередко носили характер критики, сопровождалась призывами к пересмотру отдельных представлений и переоценке практики. Эта позиция была открыто заявлена в программной статье «Россия, вперед!», где подчеркивалось, что традиции «не все полезны» и от некоторых «следует избавляться самым решительным образом». При этом указывалось на прецеденты «преодоления» негативных явлений прошлого («...когда-то и крепостничество, и повальная неграмотность казались неодолимыми. Однако же были преодолены») (32). Признание неоднозначности прошлого давало возможность подчеркнуть преемственность с положительно оцениваемой частью исторического наследия и одновременно дистанцироваться от того, что представлялось «недостатком» или «проблемой». Такой подход можно считать удачной находкой: он позволяет более гибко решать проблему преемственности/прерывности по отношению к прошлому.

В период президентства Д.А. Медведева «исторический» аспект официальной символической политики формировался под заметным международным влиянием («войны памяти», связанные с переписыванием истории Второй мировой войны в странах Восточной Европы, начались еще в середине 2000-х). В ответ на резолюцию Парламентской ассамблеи ОБСЕ «Объединение разделенной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в XXI в. в регионе ОБСЕ», осудившую сталинизм наравне с нацизмом как режимы, повинные в геноциде и преступлениях против человечности, в мае 2009 г. Медведев создал президентскую Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Хотя работа этой комиссии не отличалась особой активностью, сам факт ее появления и декларированные цели имели большое символическое значение. Очевидно, что в случае необходимости этот институт мог быть приведен в действие. Так или иначе в феврале 2012 г. Комиссия по фальсификации была упразднена. «Взамен» в июне 2012 г. было учреждено Российское историческое общество – профессиональная общественная организация во главе со спикером Государственной Думы С.Е. Нарышкиным. Помимо прочего, в задачи РИО входит обсуждение принципов организации исторического образования и содержания учебников истории. Фактически власть просто изменила «формат» института, позволяющего ей контролировать массовые каналы трансляции представлений о коллективном прошлом.

Проблема выбора «политически пригодного» прошлого

Практика последних двух десятилетий показывает, что властвующая элита сознает потребность в более целенаправленной работе с таким символическим ресурсом, как коллективное прошлое. Однако, несмотря на описанную выше эволюцию официальной символической политики, национальная история является, скорее, объектом ситуативного «использования», нежели предметом «конструирования». Очевидно, что власть предпочитает не касаться «трудного прошлого» и стремится, насколько это возможно, избежать определенности в оценках исторических событий, процессов и фигур, которые вызывают горячие споры в обществе.

Следствием такой символической политики стала крайняя ограниченность фактов и событий прошлого, «пригодного» для «политического использования». Некоторые сдвиги в этом отношении наметились в последние годы президентства Д.А. Медведева, однако со сменой лидера они не получили развития. В 2011 г. Медведев попытался использовать празднование 150-летия крестьянской реформы 1861 г., чтобы провести исторические параллели с собственным курсом на модернизацию (34). Развивая успех, он объявил о намерении отметить в 2012 г. 1150-летие российской государственности. В декабре 2011 г. будущий, 2012, год, с учетом предстоящих 200-летия Отечественной войны 1812 г. и 400-летия преодоления Смуты, был провозглашен Годом российской истории. В условиях подъема политической активности, связанной с выборами, можно было предположить, что круг акторов, которые попытаются использовать анонсированные юбилейные торжества в собственных политических целях, будет весьма широким. Однако этого не произошло.

Юбилей Отечественной войны 1812 г. был чинно отмечен торжествами на Бородинском поле с участием президента В.В. Путина, но не стал значимой вехой в переосмыслении идентичности. Празднование же 1150-летия Российского государства в Великом Новгороде и вовсе было обойдено вниманием федеральных политиков высокого ранга. Вероятно, исторические символы, намеченные для «политического использования» Д.А. Медведевым, «не вписались» в повестку дня нового президентства В.В. Путина. Вместе с тем есть основания полагать, что поиски политически «пригодного» прошлого будут продолжены. На это указывают попытки приспособить к «политическому моменту» юбилей П.А. Столыпина¹, предложение президента поставить общенациональный памятник героям

¹ П.А. Столыпин оказался причислен к «политически полезным» символическим фигурам отечественного прошлого в канун избирательной кампании, в июле 2011 г. Тогда Путин провел специальное совещание, посвященное празднованию 150-летия со дня рождения своего предшественника на посту премьер-министра России.

Первой мировой войны, прозвучавшее в послании Федеральному Собранию 2012 г. (45), и др.

Подводя итоги, можно констатировать, что практика политического использования прошлого в дискурсе властвующей элиты складывалась *ad hoc* и была подчинена логике легитимации политического курса. Как правило, текущие решения оправдывались по контрасту с политикой предшественников¹. Поэтому главным ресурсом и неизменным предметом споров являются события истории XX в. Вместе с тем набор политически «пригодных» символов, образов, нарративов, связанных с нашей «тысячелетней историей», в официальной риторике конкретизирован слабо. Спустя более чем 20 лет после распада СССР России так и не удалось сформировать концепцию отечественной истории, отвечающую задачам конструирования новой коллективной идентичности. Конечно, разработка нарратива (ов) национального прошлого – это прежде всего задача профессиональных историков, однако политики призваны выполнять свою часть работы, включая в публичный оборот символы, связанные с историческими событиями, и участвуя в их реинтерпретации. Сейчас властвующая элита пожинает плоды недостаточно дальновидного подхода к конструированию образов национального прошлого, испытывая явный недостаток символических ресурсов.

Список литературы

1. Афанасьев Ю. Прошел год // Год после Августа: Горечь и выбор. – М.: Литература и политика, 1992. – С. 7–12.
2. Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» // Символическая политика / ИНИОН РАН. – М., 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 126–148.
3. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
4. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. – М.: Евразия, 1995. – 205 с.
5. Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром: «Управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма: Очерки (под ред. М. Липман и А. Рябова). – М.: Изд-во Р. Элинина, 2007. – С. 8–64.
6. Дробижева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе (Тенденции и проблемы) // Общественные науки и современность. – М., 2008. – № 2. – С. 68–77.
7. Дубин Б. Символы возврата вместо символов перемен // *Pro et contra*. – М., 2011. – № 5 (53). – С. 6–22.

¹ Речь идет о практике публичного обоснования принимаемых решений ссылками на общие/групповые ценности, репрезентируемые в соответствующих образах прошлого. – *Прим. ред.*

8. Егоров Н.Д. Июньские выборы: За стабильность и за потрясения? // Российская газета. – М., 1996. – № 53. – 29 марта.
9. Ельцин Б.Н. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Об укреплении Российского государства», 1994 г. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/04/poslanija_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html (дата обращения 11.11.12).
10. Ельцин Б.Н. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «О действенности государственной власти в России», 1995 г. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html (дата обращения 11.11.12).
11. Ельцин Б.Н. Фрагмент выступления президента России Б.Н. Ельцина 9 мая на приеме в Государственном Кремлевском дворце // Российская газета. – М., 1995. – № 90. – 11 мая.
12. Ельцин Б.Н. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия, за которую мы в ответе», 1996. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_zakotoruju_my_v_otvete_1996_god.html (дата обращения 11.11.12).
13. Ельцин Б.Н. Речь Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина на траурной церемонии в соборе Святых Апостолов Петра и Павла Петропавловской крепости 17 июля 1998 г. – Режим доступа: <http://ural-yeltsin.ru/news/date20086/document1303/> (дата обращения 3.11.12).
14. Ельцин Б.Н. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия на рубеже эпох», 1999. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_na_rubezhe_jeperokh_1999_god.html (дата обращения 11.11.12).
15. Ельцин Б.Н. Великий День Победы нашей: Выступление Президента РФ Б.Н. Ельцина на параде, посвященном 54-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Российская газета. – М., 1999. – № 90. – 12 мая.
16. Ефремова В.Н. День народного единства: Изобретение праздника // Символическая политика / ИНИОН РАН. – М., 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 286–261.
17. Зверева В. История на ТВ: Конструирование прошлого // Отечественные записки. – М., 2004. – № 5 (20). – С. 160–169.
18. Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Возвращение к «Русской идее»: Кризис идентичности и национальная история // Отечественная история. – М., 1999. – № 4. – С. 4–28.
19. Идеино-символическое пространство постсоветской России: Динамика, институциональная среда, акторы / Под ред. О.Ю. Малиновой. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2011. – 285 с.
20. Каспэ И., Каспэ С. Поле битвы – страна: Nation-building и наши нэйшбилдеры // Неприкосновенный запас. – М., 2006. – № 6 (50). – С. 15–32.
21. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: Общие положения, российский случай. – М.: РОССПЭН, 2012. – 192 с.
22. Кива А. После коммунизма, накануне Октября // Российская газета. – М., 1997. – № 212. – 31 окт.
23. Козырев А.В. Преображение. – М.: Междунар. отношения, 1994. – 336 с.
24. Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
25. Левада Ю.А. Человек лукавый: Двоемыслие по-русски // Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки, 1993–2000. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 508–529.

26. Малинова О.Ю. Либерализм в политическом спектре России (На примере партии «Демократический выбор России» и общественного объединения «Яблоко»). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 207 с.
27. Малинова О.Ю. Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000–2007 гг.): Попытки переопределения коллективной идентичности // Образ России в мире: Становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. И.С. Семенов. – М.: ИМЭМО РАН, 2008. – С. 86–106.
28. Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. – М.: РОССПЭН, 2009. – 190 с.
29. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: Символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Полит-экс. – СПб., 2010. – Т. 6. – № 1. – С. 5–28.
30. Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et contra. – М., 2011. – № 3–4. – С. 106–122.
31. Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372_type63374type63381type82634_208749.shtml (дата обращения 11.11.12).
32. Медведев Д.А. Россия, вперед! (Опубликовано 10.09.2009 а). – Режим доступа: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения 11.11.12).
33. Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979> (дата обращения 11.11.12).
34. Медведев Д.А. Выступление на конференции «Великие реформы и модернизация России» 3 марта 2011 г. Санкт-Петербург. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/10506> (дата обращения 4.03.11).
35. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.
36. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI в. / Под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7–32.
37. Миллер А.И. Историческая политика в России: Новый поворот? // Историческая политика в XXI в. / Под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 328–367.
38. Морозов В.Е. Россия и Другие: Идентичность и границы политического сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 656 с.
39. Назаров В. Что будут праздновать в России 4 ноября 2005 года? // Отечественные записки. – М., 2004. – № 5 (20). – С. 85–99.
40. Нарочническая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 536 с.
41. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. – М., 1999. – 30 декабря. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (дата обращения 22.01.2011).
42. Путин В.В. Не жечь мостов, не раскалывать общество // Российская газета. – М., 2000. – № 233 (2597). – 6 декабря.
43. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 16 мая 2003 г. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259_type63372type63374_44623.shtml (дата обращения 18.11.12).
44. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372_type63374type82634_87049.shtml (дата обращения 11.11.12).
45. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 декабря 2012 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (дата обращения 12.12.12).

46. Собчак А.А. Мы начинали реформы, не рассчитывая на аплодисменты // Российская газета. – М., 1996. – № 95. – 2 мая.
47. Сурков В.Ю. Национализация будущего [Параграфы про суверенную демократию] // Суверенная демократия: От идеи к доктрине. – М.: Европа, 2006. – С. 27–44.
48. Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности: Стенограмма выступления заместителя руководителя Администрации Президента РФ перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» // PRO суверенную демократию. – М.: Европа, 2007. – С. 33–61.
49. Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика // Символическая политика / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 91–125.
50. Феретти М. Обретенная идентичность: Новая «официальная история путинской России» // Неприкосновенный запас. – М., 2004. – № 4(36). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/fe11.html> (дата обращения 7.11.12).
51. Юрьев М. Две логики в российской политике // PRO суверенную демократию. – М.: Европа, 2007. – С. 149–166.
52. Яковлев А.Н. Если большевизм не сдастся // Российская газета. – М., 1996. – № 199. – 17 октября.
53. Яшманов Б. У нас на всех одна победа: С праздником, россияне! // Российская газета. – М., 1996. – № 86. – 8 мая.
54. Coakley J. Mobilizing the past: Nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. – Philadelphia, 2007. – Vol. 10, N 4. – P. 531–560.
55. Laruelle M. Public memories, or public memory? Discussing the Kremlin's attempts to fight against a pluralism of remembrance in Russia. – Paper presented at the Association for the Study of Nationalities, 2012. – World Convention, New York, April, 19–21, 2012.
56. Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870. – Madison: University of Wisconsin Press, 2010. – XV, 277 p.
57. Merridale C. Redesigning history in contemporary Russia // J. of contemporary history. – L., 2003. – Vol. 38, N 1. – P. 13–28.
58. Schopflin G. The functions of myth and a taxonomy of myths // Myths and nationhood / Ed. by G. Hosking, G. Schopflin. – N.Y.: Routledge etc., 1997. – P. 19–35.
59. Urban M. Remythologizing the Russian State // Europe-Asia Studies. – Glasgow, 1998. – Vol. 50, N 6. – P. 969–992.
60. Wertsch J.V. Blank spots in collective memory: A case study of Russia // The annals of the American academy of political and social science. – Philadelphia, 2008. – N 617. – P. 58–71.

О.Н. НОВИКОВА

АФГАНИСТАН – ЗОНА РОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ?

Афганистан – ключ к Центральной Азии.

В.И. Ленин

Путь красной конницы в Европу лежит через Индию и Афганистан.

Л.Д. Троцкий

Руководители Российской империи, затем Советской России и Советского Союза всегда напряженно следили за развитием событий в Афганистане. И это понятно. Азиатские регионы царской России, среднеазиатские республики СССР непосредственно граничили с Афганистаном. О его важности для Советской России свидетельствует тот факт, что молодая Советская республика первой в мире в 1919 г. признала суверенитет Афганистана. А в 1979 г. СССР, опасавшийся потерять свое влияние, вторгся на территорию этого государства.

После вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. и распада СССР наше влияние там оказалось серьезно подорвано. Восстановить его в одностороннем порядке вряд ли возможно. В 2001 г. Россия поддержала миссию Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане. В военных действиях мы не участвуем, но оказываем помощь международной коалиции. Почему? Общих границ с Афганистаном у нас нет. В чем же в настоящее время заключаются наши национальные интересы в этой стране и носят ли они только геополитический характер? Каковы способы восстановления российских позиций на Среднем Востоке?

Афганистан накануне вывода коалиционных войск

Одна из главных задач нашей внешней политики – обеспечить участие России в формировании полицентричной архитектуры глобального управления, влиять на решения важнейших политических, экономических и финансовых проблем, которые принимаются на международном уровне. Для этого Российская Федерация и пытается продвигать свои интересы на таких региональных площадках, как Средний Восток и Центральная Азия.

Мы прежде всего заинтересованы в стабильности этих регионов. Основной же центр нестабильности на Среднем Востоке – именно Афга-

нистан. Здесь по-прежнему высока активность международного терроризма, трансграничного наркобизнеса, организованной преступности, растет религиозный экстремизм. В северных, ранее более спокойных провинциях Афганистана укрепляются позиции радикальных сил – Движения талибов, Исламского движения Узбекистана, Исламской партии Афганистана (Г. Хекматъяр). С территории Среднего Востока террористическая активность перемещается в граничащие с РФ центральноазиатские государства, прежде всего в Таджикистан. Весьма протяженная граница между Афганистаном и Таджикистаном (1343,8 км) плохо охраняется таджикскими пограничниками и не является серьезным препятствием ни для организованной преступности, ни для наркодилеров, ни для радикальных исламских группировок.

В связи с перспективой вывода до конца 2014 г. коалиционных войск в Афганистане идет процесс передачи ответственности за безопасность от МССБ к местным силовым структурам¹. Россия поддерживает идею «афганизации» ситуации путем укрепления афганских национальных сил безопасности (АНСБ), однако, в отличие от западных партнеров, считает, что афганцы еще не в состоянии полностью контролировать и стабилизировать страну. К сожалению, нужно отметить, что в тех провинциях, где уже произошла передача ответственности от МССБ афганским властям, вооруженная оппозиция наращивает свои усилия. Объявление точных сроков вывода коалиционных сил придало талибам уверенности и способствовало активизации их военных действий. В России считают, что, поскольку Международные силы содействия безопасности находятся в Афганистане в соответствии с мандатом Совета безопасности ООН, они и покинуть страну должны по мандату ООН.

Россия не заинтересована в поспешном выводе войск МССБ из Афганистана, так как опасается дальнейшей дестабилизации ситуации, радикализации исламских настроений и их распространения на центральноазиатские государства, находящиеся в непосредственной близости от наших границ. Нелишне напомнить, что в самой России проживает 20 млн. мусульман, не считая потоков легальных и нелегальных мигрантов из Центральной Азии. «НАТО поставила перед собой задачу и должна довести ее до конца, – заявил в сентябре 2011 г. Д. Рогозин, в то время представитель России в НАТО, в интервью французской газете “Le Figaro”. – Мы не хотим, чтобы, растревожив муравейник, НАТО ушла и оставила нас лицом к лицу с шакалами войны. Сразу же после ухода НАТО они распространятся на Таджикистан и Узбекистан, и это станет уже нашей проблемой» (15). Возражая против поспешного вывода коалиционных сил, Россия в то же

¹ Намечено создать афганскую национальную армию в количестве 240 тыс. человек и полицию – 160 тыс. Таким образом, силы безопасности Афганистана должны составить 400 тыс. человек.

время выступает против размещения постоянных американских военных баз в Афганистане. Позицию России поддерживают Китай, Иран и Пакистан.

9 октября 2012 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 2069 о продлении на один год, до 13 октября 2013 г., мандата МССБ в Исламской Республике Афганистан (ИРА). В резолюции, в частности, отмечалось, что после переходного периода, который намечено завершить к концу 2014 г., должно последовать десятилетие преобразований (2015–2024). Их цель – укрепление суверенитета Афганистана, создание здесь эффективно функционирующего стабильного государства. В настоящее время Соединенные Штаты стараются как можно быстрее (еще до конца 2013 г.) передать ответственность за безопасность страны афганцам. При этом планируют оставить в Афганистане 68 тыс. своих солдат. Вместе с силами союзников общее количество иностранных войск в Афганистане может составить почти 100 тыс. человек, которые, впрочем, должны быть выведены до конца 2014 г. Однако США предполагают продлить свое военное присутствие в стране еще как минимум на десять лет. Помимо военных инструкторов из других стран, входящих в МССБ, сохранится американский контингент спецназа (20–30 тыс. человек). Кроме того, после 2014 г. будут функционировать группы спецназа, предназначенные для проведения отдельных контртеррористических операций, силы обеспечения воздушной поддержки и разведывательные подразделения. Останется в Афганистане и Учебная миссия НАТО.

По мнению западных аналитиков, Россия пытается усилить опасения центральноазиатских стран относительно долговременного американского военного присутствия в регионе (см.: 21). Она якобы стремится уверить местных лидеров в том, что американцы используют военную логистику в регионе (например, военную базу Манас в Киргизии) не в интересах борьбы с движением «Талибан» или «Аль-Каидой» и не для защиты от них местных правительств, а для ведения скрытой войны с Ираном. Центральноазиатские страны могут, таким образом, быть вовлечены в конфликт с Ираном.

Надо сказать, что для такого рода опасений имеются основания. В число стратегических целей Вашингтона, безусловно, входит геополитическое блокирование Ирана и постоянное давление на него. Поэтому России удалось на сессии ОДКБ¹ в декабре 2011 г. добиться решения о том, что военные базы третьих стран на территории государств ОДКБ могут размещаться лишь с согласия всех участников организации (5). Это

¹ Организация договора о коллективной безопасности – военно-политический союз, куда входят Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан. Действует с 1994 г.

решение способно сковать свободу рук Соединенных Штатов в Евразии и усилить влияние России в регионе.

Кроме жесткого давления на Иран к стратегическим целям США относится сдерживание возможной экспансии поднимающегося Китая, отслеживание усилий России в регионе и обеспечение контроля за добычей и транспортировкой углеводородов из Центральной Азии. Вашингтон также стремится втянуть соседние с Афганистаном страны в контролируемые им структуры безопасности.

Россия заинтересована (и во всех российских документах это положение зафиксировано) в независимости Афганистана и его нейтральном статусе. Наши западные партнеры принципиально не согласны с такой перспективой, так как полагают, что Афганистан не сможет существовать без донорской помощи (сейчас бюджет ИРА на 93% пополняется за счет иностранного финансирования), а потому о независимости государства не может быть и речи. Американцы пытаются обеспечить свое долговременное военное присутствие в стране. И, конечно, они стремятся вовлечь Афганистан в зону собственного влияния и в свою систему безопасности. Нейтралитет республики их не устроит.

В связи с перспективой вывода иностранных войск к концу 2014 г. (и даже раньше) и со снижением поддержки действий НАТО в Афганистане международным сообществом правительство Афганистана и международная коалиция пришли к единому мнению: ни МССБ, ни вооруженная оппозиция не в состоянии одержать военную победу. НАТО все больше концентрирует внимание на проблемах национального примирения и реинтеграции, которые являются ключевыми в стратегии вывода войск.

Однако процесс национального примирения в Афганистане не имеет положительной динамики. Население страны не верит в победу международных коалиционных сил и центрального правительства Афганистана. Пессимизм вселяет отсутствие прогресса в государственном строительстве; не удается обеспечить верховенство закона и наладить надлежащее государственное управление. Процветает коррупция. Опасность прихода к власти талибов после вывода коалиционных сил вполне реальна. Переговоры с талибами по существу так и не начинались; талибы и стоящие за их спиной пакистанцы ведут игру как с окружением Х. Карзая, так и с американцами, пытаясь добиться односторонних уступок.

Что касается таких внешних игроков, как США и НАТО, то разрешить конфликт в Афганистане они не в состоянии. Их первоочередная задача на данном этапе – с помощью силового давления принудить талибов к переговорам. Однако всякая попытка навязать условия урегулирования из Вашингтона или Брюсселя лишь стимулирует талибов и поддерживающих их пакистанских военных воевать до победного конца.

Неудача переговоров в большой степени также связана с тем, что в Афганистане переплелись интересы слишком большого числа внешних игроков. Североатлантический союз – участник конфликта и поэтому не должен был бы руководить переговорным процессом. Да он, собственно, им и не руководит. Всем заправляют американцы, зачастую даже не информируя союзников по НАТО. Россия полагает, что решающая роль в переговорах должна принадлежать ООН. Однако энтузиазм ООН в Афганистане с 2009 г. несколько уменьшился после серии политических и вооруженных нападений на ее представительства.

Поддерживать переговорный процесс и гарантировать соблюдение достигнутых соглашений могли бы страны НАТО, Россия и Китай, Организация исламского сотрудничества (ОИС)¹, а также ШОС². Интересно отметить, что глава Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА) Я. Кубиш в ноябре 2012 г. участвовал в консультациях по вопросам региональной безопасности государств – членов ШОС и государств – наблюдателей при ШОС. Была подтверждена важность сотрудничества по Афганистану со всеми заинтересованными странами, международными и региональными организациями при центральной координирующей роли ООН. Представители государств – членов ШОС и глава МООНСА Я. Кубиш высказались за налаживание контактов между ШОС и МООНСА в интересах поддержки деятельности МООНСА и обеспечения мирного и стабильного развития ИРА.

Россия–Афганистан: социально-экономическое сотрудничество

Пытаясь уменьшить зависимость правительства Х. Карзая от западных доноров³, Россия предпринимает усилия по содействию социально-экономическому развитию ИРА: участвует в различных проектах в экономической сфере, оказывает гуманитарную и продовольственную помощь, материально-техническое содействие. За последнее десятилетие, как зая-

¹ Организация исламского сотрудничества до 2011 г. называлась Организацией исламской конференции (создана в 1969 г.).

² Шанхайская организация сотрудничества создана в 2001 г. Страны-участницы: Казахстан, Киргизия, КНР, Россия, Таджикистан, Узбекистан. Государства-наблюдатели: Афганистан, Индия, Иран, Монголия, Пакистан. Партнеры по диалогу: Беларусь, Турция, Шри-Ланка.

³ Сейчас европейские страны тратят на восстановление Афганистана 1 млрд. долл. в год. Но, как утверждает Пино Арлакки, депутат Европарламента, член Комитетов по международной торговле и по иностранным делам, автор Проекта стратегии ЕС для Афганистана, «только 20% средств, выделяемых европейцами, доходит до афганского народа. Частично это происходит из-за коррупции афганского правительства, но большая часть денег пропадает из-за растрат, дублирования платежей, завышения сумм в счетах-фактурах, избыточных и ненужных расходов на консультативную деятельность и безопасность» (см.: 16).

вил глава МИД С. Лавров, выступая на международной конференции по Афганистану в Бонне, Россия списала Афганистану долг – около 11 млрд. долл. (9).

В январе 2011 г. по приглашению президента РФ Д.А. Медведева президент Афганистана Х. Карзай впервые посетил Россию с официальным визитом. Главы государств высказались за динамичное развитие двусторонних связей в торгово-экономической, научной, культурной и образовательной сферах, диалога по парламентской линии, контактов между представителями общественных и деловых кругов. Отмечена важность двустороннего и многостороннего сотрудничества в борьбе с региональными угрозами терроризма, незаконного оборота наркотиков и организованной преступности (7). В ходе визита было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве (13), а в июле 2011 г. создана межправительственная комиссия (МПК) (12), сопредседателем которой в настоящее время является заместитель министра энергетики Российской Федерации Ю.П. Сентиурин. В результате в 2011 г. товарооборот между Россией и Афганистаном достиг 985 млн. долл. США, т.е. вырос по сравнению с 2010 г. на 53,4% (3).

Вместе с тем надо отметить, что российские предприниматели предпочитают вкладывать деньги в Афганистане в небольшие быстрокупающиеся проекты. Связано это с политической нестабильностью, низким уровнем безопасности, неясными перспективами в связи с выводом международных сил. Российские компании участвуют, например, в возведении ГЭС небольшой мощности в провинциях Бамиан, Кунар, Пактия, Панджшер и Бадахшан. Покупательная способность афганского населения крайне низка, поэтому крупные инфраструктурные проекты финансируются международными финансовыми организациями. Так, за счет средств Всемирного банка и силами российской компании «Технопромэкспорт» осуществляется модернизация ГЭС «Наглу».

Во время встречи президентов России, Пакистана, Таджикистана и Афганистана в Сочи в августе 2010 г. Москва получила предложение принять участие в проекте «CASA-1000» (Central Asia – South Asia), предполагающем транзит дешевой электроэнергии из Таджикистана и Киргизии в Пакистан через территорию Афганистана. В соответствии с проектом, стоимость которого составляет 700 млн. долл. США, протяженность системы высоковольтной линий электропередач только между Таджикистаном и Пакистаном через Афганистан должна составить 750 км. «На полях» саммита ШОС в Пекине 7 июня 2012 г. президенты В. Путин и Х. Карзай среди прочего обсудили возможности реализации «CASA-1000» и строительства магистрального газопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия) (14).

Россия предлагала афганской стороне восстановить завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе и тоннель «Саланг», которые строили еще советские специалисты. Однако эти проекты не были реализованы. И в этом нельзя обвинять российский бизнес или афганское правительство. Принципиальная позиция американских спонсоров заключается в том, чтобы в роли подрядчиков в таких проектах выступали исключительно афганские компании. Российские фирмы могут претендовать лишь на роль субподрядчиков, что невыгодно с материальной точки зрения.

Развивается российско-афганское сотрудничество в военно-технической сфере. В ноябре 2010 г. Россия завершила поставки на безвозмездной основе стрелкового оружия афганским правоохранительным структурам. Как заявил генеральный директор «Рособоронэкспорта» А. Исайкин, передача оружия афганской полиции и силам самообороны осуществлялась с разрешения США. В общей сложности Афганистан получил 20 тыс. автоматов Калашникова и 2,5 млн. патронов. Ранее на вооружении афганской полиции находились автоматы и пулеметы Калашникова, полученные еще из СССР (8).

Несмотря на монополию США в определении приоритетов военного строительства афганской армии, Министерство обороны ИРА стремится диверсифицировать военно-техническое сотрудничество с зарубежными странами. Так, афганцы настояли на сохранении в Вооруженных силах ИРА вертолетной техники российского производства и ее приобретении непосредственно в России. К настоящему времени завершена крупная сделка на поставку 21 вертолета МИ-17 МТВ-5 для афганской армии, которая фактически оплачивается департаментом нетрадиционной вертолетной техники Министерства обороны США. Общая сумма контракта – 367,5 млн. долл. Вертолеты собираются на заводах в Казани и Улан-Удэ (18), где на них устанавливается американское оборудование (включая средства связи и радарную систему обнаружения). Создан целевой фонд Совета Россия–НАТО по техобслуживанию этих вертолетов. Свыше 30 афганских вертолетных техников на средства фонда прошли подготовку в Новосибирске.

Отечественные частные авиакомпании – «Вертикаль-Т», «U Taig», «Кагалымавиа», ПАНХ и др. – принимают участие в воздушных перевозках грузов ООН и МССБ по территории Афганистана. Россия продолжает оказывать ИРА гуманитарную помощь в виде поставок муки и автомашин КамАЗ. С 2005 г. на афганском рынке работает филиал «Ростелекома» фирма «Мультинет», которая специализируется на предоставлении Интернет-услуг и сотовой связи. Россия увеличила количество предоставляемых Афганистану стипендий на обучение гражданским специалистам. Кроме того, все больше афганцев проходят курсы по линии наших военных вузов и правоохранительных органов.

Возможности и перспективы международного регионального сотрудничества

Для обеспечения своих интересов в регионе собственных экономических и финансовых средств у России недостаточно. Необходима диверсификация экономических связей Афганистана путем привлечения ресурсов из ведущих государств региона, включая Китай, Индию, Иран, а также региональных международных организаций – ШОС и ОИС.

Ожидать на данном этапе от КНР активного подключения к совместным с Россией проектам в Афганистане не приходится. Китай действует в регионе самостоятельно. Он выиграл тендер на разработку второго в мире по объему залежей медной руды месторождения «Айнак», а также подписал соглашение о строительстве железнодорожной ветки Север – Юг от порта Хайратон до Кабула. В целом позиция Китая по Афганистану неоднозначна, что затрудняет кооперацию с ним России. Пекин, как уже было отмечено, решительно выступает против создания постоянных военных баз США на территории ИРА. В то же время «сковывание» США в Афганистане в целом отвечает интересам КНР, поскольку у Вашингтона остается меньше сил на противодействие Пекину.

Индия по объемам инвестиций в Афганистане занимает шестое место среди крупнейших доноров, играя важную роль в реконструкции и развитии страны. Нью-Дели концентрирует свои усилия на реализации экономических проектов в сфере энергетики, транспортного сообщения, коммунального и сельского хозяйства, образования, здравоохранения, постоянно оказывает Кабулу гуманитарную помощь. Вместе с тем афганцам пока не удалось привлечь индийскую сторону к масштабной подготовке персонала афганских сил безопасности из-за негативной реакции Пакистана. Индия стремится играть более значимую роль и в вопросах сохранения мира и стабильности в Афганистане. Индийцы внимательно наблюдают за афганской программой национального примирения, опасаясь усиления позиций талибов в будущих структурах власти в стране. Известно, что Индия выступает за превращение Афганистана в мощный региональный транспортный, торговый и энергетический центр, связывающий Центральную и Южную Азию. Это не противоречит и российским интересам.

При осуществлении своих планов в Афганистане России не следует пренебрегать сотрудничеством с Ираном, хотя оно и вызывает недовольство США. Россия и Иран одинаково заинтересованы в стабильности региона и создании заслона терроризму, исходящему из Афганистана (его «суннитское происхождение») Иран, кстати говоря, постоянно подчеркивает). Российская Федерация и Иран совместно пытаются создать альтернативу западным рынкам, способствуя развитию региональных энергетической и экономической систем, стремятся уравновесить американское

влияние в регионе. Россия рассматривает Тегеран как силу, нацеленную на ограничение военного присутствия США в соседних странах и в Центральной Азии, территория, воздушное пространство и военные базы которых могут быть использованы для нападения на Иран. В свою очередь, Иран, надеясь на расширение торговых отношений с центральноазиатскими странами и опасаясь новой вспышки гражданской войны в Афганистане, в результате которой в страну хлынут новые потоки беженцев, считает военное присутствие России в Центральной Азии положительным фактором.

Россия приветствует тесное сотрудничество Ирана и Афганистана в противодействии наркотрафику через ирано-афганскую границу. Сейчас изучается возможность выделения дополнительных средств на реализацию совместных проектов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, в рамках которых предусматривается сооружение и обустройство пограничных пунктов на ирано-афганской границе. Обсуждается строительство железной дороги от Герата до афгано-иранской границы и участие ООО РЖД в строительстве продолжения железнодорожной ветки от Герата до афгано-таджикской границы (около 1200 км) в обход Узбекистана.

Россия заинтересована в привлечении на нужды восстановления Афганистана средств, находящихся в распоряжении ШОС. Ожидаются увеличение гуманитарных поставок продовольствия из стран ШОС, активизация военно-технического сотрудничества, содействие в восстановлении афганской экономики, создание благоприятных условий для продвижения афганских товаров на рынки государств – членов ШОС, инвестирование в разработку природных ресурсов и подключение к реализации на территории Афганистана инфраструктурных проектов. Россия надеется, что ШОС могла бы взаимодействовать с Кабулом в борьбе с наркотрафиком, наладить координацию усилий государств-членов по оказанию экономической помощи Афганистану, готовить национальные кадры. Весьма полезными были бы усилия ШОС по «подталкиванию» афганцев к национальному примирению, тем более что этот процесс пока так и не сдвинулся с места. У членов организации есть такие возможности. И наконец, активное участие Исламской Республики Афганистан в ШОС в качестве наблюдателя позволит более эффективно вовлекать Кабул в политическое и экономическое взаимодействие с Россией в региональных и международных делах.

Афганистан – член Организации исламского сотрудничества (ОИС). Россия рассчитывает на то, что ОИС сыграет более значимую роль в афганском урегулировании, восстановлении экономики страны, развитии ее науки и образования. С января 2011 г. в Кабуле начало функционировать представительство ОИС. Во время совместного заседания в начале марта 2011 г. в Джидде (Саудовская Аравия) ОИС и Международной контактной группы по Афганистану генеральный секретарь организации Э. Ихсаноглу подчеркнул готовность ОИС работать в ИРА со всеми заинтересованными

сторонами, чтобы внести свой вклад в урегулирование конфликта (4). Руководство организации солидарно с афганцами в том, что военное решение – не единственный выход из создавшегося положения; нужно искать пути к примирению. Вместе с тем, как считают в Кабуле, сотрудничество с исламскими государствами должно затрагивать также вопросы подготовки и обучения Афганской национальной армии (АНА) и Афганской национальной полиции (АНП).

Россия полагает, что Кабул необходимо вовлекать в интеграционные процессы, имея в виду значительную роль и влияние соседних стран, с целью обеспечения стабильности Афганистана, снижения его конфликтного потенциала. Россия придает большое значение взаимодействию с региональными партнерами и организациями в целях урегулирования афганского конфликта, снятия напряженности в регионе и развития экономики Афганистана.

Россия–Запад: военное сотрудничество

Для продвижения своих интересов в регионе Россия пытается использовать заинтересованность Запада в обеспечении транзита военных и невоенных грузов для контингента МССБ/НАТО. Решения о транзите были приняты на основе резолюции 1386 СБ ООН от 2001 г., призывающей оказывать Международным силам содействия безопасности «такую необходимую помощь, которая может потребоваться, включая предоставление разрешений на пролет самолетов и транзит» (6). На саммите Совета Россия–НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г. были оформлены договоренности об упрощенном порядке железнодорожного транзита нелетальных (невоенных) грузов МССБ в Афганистан, а на саммите Совета Россия–НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 г. – о распространении такого порядка на транзит в обратном направлении (из Афганистана) и его применении к бронированным транспортным средствам с усиленной противоминной защитой (10). Кроме того, в настоящее время действуют двусторонние соглашения о воздушном транзите вооружений, военного имущества и персонала между Россией и Германией (с ноября 2004 г.), США (с июля 2009 г.), Францией (с декабря 2009 г.), Испанией (с декабря 2010 г.), Италией (с июня 2012 г.) и Швецией (с ноября 2012 г.). Как было заявлено на встрече «группы 20» в Мексике в июне 2012 г., Россия в соответствии с действующими договоренностями обеспечила транспортировку в Афганистан наземным и воздушным путями 379 тыс. военного персонала¹ и 45 тыс. контейнеров (19).

Перевозки невоенных грузов МССБ носят коммерческий характер: доставка осуществляется компаниями, которые выбираются по тендерам

¹ В войсках коалиции происходит постоянная смена персонала.

оборонными ведомствами стран–участниц МССБ. Вот что говорят о масштабах «обратного» транзита, имеющего особое значение в связи с перспективой вывода коалиционных войск из Афганистана, служащие НАТО: «Чтобы вывезти оборудование МССБ из Афганистана до конца 2014 г., надо каждые семь минут, начиная с этой, 24 часа в сутки, семь дней в неделю отправлять из страны один контейнер». Всего должно быть отгружено 100 тыс. контейнеров и 50 тыс. единиц техники (22).

До недавнего времени все невоенные грузы в Афганистан проходили через Карачи. Но этот путь с ноября 2011 г. перекрыл Пакистан из-за натовского авиаудара, в результате которого погибли 24 пакистанских солдата. США в ответ заморозили проект военной помощи Пакистану. До конца июля 2012 г. почти все снабжение войск НАТО проходило через так называемую северную распределительную сеть (СРС). Этот маршрут длиной 5169 км обеспечивает транспортировку грузов к европейским портам, где они перегружаются в железнодорожные составы или на самолеты и отправляются через Россию в Казахстан или Узбекистан. Там грузы помещают на грузовики или железнодорожные поезда и направляют в Афганистан. Функционирование «северного маршрута» предусматривает обязательное участие России, поскольку он проходит через российскую территорию. Россия контролирует этот проект и потому, что может оказывать влияние на страны-участницы, которые раньше на правах республик входили в СССР.

В конце июля 2012 г. под давлением американцев транзитный путь через Пакистан был вновь открыт. За это Пакистан получил от Соединенных Штатов 1 млрд. долл. в качестве военной помощи. Не остались в накладе и талибы. Ни для кого не секрет, что они получают «отступные» от афганских и пакистанских перевозчиков натовских грузов. На эти деньги полевые командиры покупают оружие и амуницию для своих боевиков.

Несмотря на восстановление транзита через Пакистан, НАТО намерена пропускать через «северный маршрут» по меньшей мере одну треть своих грузов. Натовцы не могут оставить свое военное снаряжение в Афганистане: это дорого, а, кроме того, в случае гражданской войны оно будет способствовать ее эскалации. Еще важнее другое обстоятельство. По мнению некоторых обозревателей, истинная ценность «северной распределительной сети» состоит вовсе не в количестве доставляемых по ней контейнеров. Функционирование этой сети требует заключения весьма выгодных для альянса контрактов, которые помогают подключить государства Центральной Азии к решению стратегических задач, стоящих перед США и Евросоюзом в Афганистане. НАТО и Соединенные Штаты подталкивают страны Центральной Азии к тому, чтобы они оказывали большее содействие международной коалиции в афганской войне. Администрация президента Б. Обамы, например, убедила киргизское руко-

дство изменить свое решение о закрытии авиабазы антитеррористической коалиции «Манас», которая представляет собой важный транзитный узел и промежуточный аэродром дозаправки на пути в Афганистан¹.

К тому же НАТО пытается уменьшить свою зависимость от проходящего через Хайберский перевал в Пакистане пути доставки грузов, который в последнее время все чаще подвергается нападениями со стороны пакистанских талибов. Стоимость транзита по «северной распределительной сети» сопоставима с расходами на поставки грузов через территорию Пакистана. При этом большая протяженность наземных участков транзита компенсируется снижением расходов на обеспечение безопасности.

В мае 2011 г. были проработаны условия упрощенного железнодорожного, автомобильного и воздушного транзита для невоенных грузов МССБ. В качестве места перезагрузки выбран аэропорт «Восточный» в городе Ульяновске. При принятии решения учитывалось, что неподалеку расположены железнодорожные пути, которые используются для международных транзитных перевозок. Принимались во внимание и перспективы развития транспортной инфраструктуры региона (в том числе после завершения операции МССБ в Афганистане) как транзитного маршрута Центральная Азия – Западная Европа. Транзит должен осуществляться под таможенным контролем России. Предполагается задействовать исключительно гражданские объекты материально-технического обеспечения, где не предусмотрено присутствие ни военного, ни гражданского персонала НАТО. Проработаны механизмы усиленного антинаркотического контроля: существует принципиальная договоренность России с НАТО о том, что транзитные грузы могут подвергаться дополнительным проверкам на предмет наличия наркотиков.

Афганские наркотики и российские национальные интересы

Проблема афганских наркотиков непосредственно затрагивает российские национальные интересы. По данным Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков России (ФСКН), в Афганистане производится 90% всего мирового героина. Кроме того, страна является вторым (после Марокко) производителем гашиша. Через Таджикистан и Пакистан наркотики поступают в Европу и Россию, причем на долю российских наркоманов приходится 21% всего производимого в мире героина. В России, где наркотики ежегодно уносят жизни 30–40 тыс. человек, потребляется от 75 т до 80 т афганского героина в год.

¹ В феврале 2009 г. предыдущий президент Киргизии Курманбек Бакиев объявил о намерении закрыть базу, однако после длительных консультаций с Вашингтоном ограничился лишь ее переименованием в Центр транзитных перевозок. Подробнее см.: <http://www.rosbalt.ru/exusstr/2013/01/15/1081681.html>

Самым крупным в мире производителем наркотических средств опиатной группы является афганская провинция Гильменд. Кроме того, посевы опийного мака сосредоточены в провинциях Кандагар, Фарах, Урузган. Резко увеличилась оптовая торговля опиатами в северо-восточной провинции Бадахшан, имеющей весьма протяженную границу с Таджикистаном и нестабильными районами Пакистана. Широкомасштабное производство опиума в Афганистане объясняется прежде всего отсутствием централизованной власти в районах произрастания опийного мака. Коалиционные силы в состоянии контролировать лишь крупные населенные пункты. Прекурсоры¹ из Ирана и Пакистана ввозятся в страну почти беспрепятственно.

Российскую Федерацию чрезвычайно тревожит активизация наркоточа на Кавказ (через Абхазию, Грузию и Азербайджан), способствующая дестабилизации ситуации в этом и без того сложном регионе. Другой маршрут наркотрафика – через Центральную Азию, особенно через Таджикистан (бадахшанская и пянджская зоны). Участки границы охраняются здесь хуже всего, и каждый год, по данным ООН, через афганотаджикскую границу в Россию и Европу перевозится 80 т героина и 20 т опиума. Из Таджикистана наркотики поступают в Киргизию и Узбекистан, а оттуда переправляются в Казахстан. На территории России транзитными пунктами переправки афганских опиатов являются Астрахань, Волгоград, Саратов, Оренбург, Каргалы, Троицк, Курган, Омск, Рубцовск.

К 2001 г. при режиме талибов посевы наркотиков были практически полностью истреблены². После начала в 2001 г. антитеррористической операции производство наркотиков в стране выросло в 40 раз. Гуманитарный кризис, наступивший после ввода иностранных войск, и массовая безработица послужили благодатной почвой для увеличения наркопроизводства.

В 2010 г. в Афганистане распространился грибок, который уничтожил часть посевов. Производство опиума сократилось на 48%, вследствие чего цены увеличились на 164%, а доходность наркопроизводства возросла на 38%. В 2012 г. очень низким был урожай опийного мака – также из-за болезни растений (17, с. 3), необычайно холодной зимы и несвоевременных дождей. Крестьяне, враждебно настроенные к иностранному военному присутствию, объясняли неурожай деятельностью американцев; те якобы распыляли отравляющие вещества, которые и уничтожили урожай мака.

¹ Прекурсоры – вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ.

² Движение «Талибан» правил Афганистаном с 1996 по 2001 г. Талибы объясняли свою борьбу с наркопроизводством тем, что употребление наркотиков в исламе запрещено. Запад же считает, что талибы одолели наркомафию под давлением мирового сообщества.

Американское командование в Афганистане и правительство в Кабуле надеялись, что благодаря неурожаю снизятся доходы талибов от оборота опиума. Однако разорились тысячи афганских фермеров, которые взяли дорогие кредиты под урожай (трое из них даже покончили жизнь самоубийством). Среди крестьян распространились настроения разочарования и раздвоенности, что явно вредило безопасности и стабильности. Однако вскоре цены опять подскочили вверх. Килограмм сухого опиума в 2009 г. закупался у фермера за 80 долл., в марте 2012 г. – уже за 200 долл., а в мае – за 300 долл. Повышение цены опасно тем, что приведет к расширению производства опиума в следующем году. Это, в свою очередь, осложнит осуществление планов международной коалиции по передаче ответственности в стране афганским силам безопасности.

Сумма доходов от производства наркотиков в Афганистане и их транспортировки через Центральную Азию составляет приблизительно 17 млрд. долл. в год. Около 15 млрд. долл. присваивают транснациональные преступные и террористические организации (Исламское движение Узбекистана, Хизб-ут-Тахрир, Акрамия и др.). Выручка нарколабораторий Афганистана – 1 млрд. долл. Мелкооптовые трейдеры с розничными распространителями также получают приблизительно 1 млрд. долл. На долю афганских крестьян, выращивающих мак на своих полях, приходится всего 100 млн. долл. Афганский землевладелец в среднем получает с одного гектара сельхозугодий доход в 3 тыс. долл. при посеве пшеницы и 10 тыс. долл. при посевах опиумного мака.

Полковник Тим Оливер, возглавляющий разведку Регионального командования Юго-Запад, куда входит провинция Гельменд, в 2012 г. заявил: «Незаконное налогообложение – главный финансовый источник для повстанцев» (20). Меньше опиума, считает полковник, меньше дохода. Взрыв активности вооруженной оппозиции в 2012 г. он объяснил низким урожаем опиумного мака. По мнению Оливера, талибы защищают то, что могут защитить. Однако Организация Объединенных Наций не согласна с утверждением американцев, что Движение талибов – главный бенефициарий от наркоторговли. В одном из своих интервью Жан-Люк Лемайо, представитель Управления ООН по наркотикам и преступности в Афганистане, утверждал: «Наркодилеры не на стороне талибов, они в коллизии с ними» (20).

К сожалению, страны НАТО не включают в число своих приоритетных задач в Афганистане борьбу с наркобизнесом. Озабоченность России в деле борьбы с производством и транспортировкой наркотиков не находит должной поддержки прежде всего у наших американских партнеров. Причина в том, что наркопоток из Афганистана идет большей частью в Россию и Европу и не достигают Соединенных Штатов. Поначалу стратегия США по борьбе с производством наркотиков в Афганистане преду-

смаatrивала уничтожение наркосодержащих растений – в основном с воздуха. На каждый гектар было потрачено 44 тыс. долл. Эти действия встретили жесткое сопротивление со стороны местного населения: происходило заражение почвы. Сейчас американцы направили свои усилия на выслеживание наркоторговцев и поиск нарколабораторий. Притом противодействуют США в основном тем наркодилерам, которые имеют связи с движением «Талибан».

Европейский союз лоббирует подход, предполагающий культивирование в Афганистане альтернативных наркосодержащим растениям сельскохозяйственных культур. Приоритетное направление – выращивание шафрана. Во-первых, эта культура чрезвычайно дорога на международном рынке, а во-вторых, в Афганистане для нее подходящий климат. Цветок афганского шафрана – самый высококачественный в мире. Шафран применяется как краситель, специя, а также используется в медицинских целях. Он выращивается в стране с 2002 г. В 2012 г. посевы этой культуры занимали 620 гектаров и были распространены в 23 провинциях. Килограмм шафрана может быть продан за 80–100 тыс. афгани (1929 долл.), в то время как такое же количество опиума стоит 10 тыс. (192,90 долл.) афгани¹. С одного акра земли (40,47 сотки) можно собрать 14 кг опиума и только 200 г шафрана в первый год, 500 г – во второй и по 2 кг – в следующие пять лет (что обескураживает фермеров). Однако шафран надо поливать лишь 2–3 раза в год, а опиумный мак – 6 раз в год.

Преимуществом выращивания шафрана является и его легальность, в то время как производство наркотиков в соответствии с нормами ислама запрещено. Но пока попытки распространить посевы шафрана на территории Афганистана не увенчались успехом. Это относительно новая для страны культура; к тому же продвижение шафрана встречает сопротивление наркомафии. Его можно выращивать только в благополучных с точки зрения безопасности районах. Министерству сельского хозяйства Афганистана не удалось создать благоприятные рыночные условия для фермеров, выращивающих шафран. Еще одна сложность состоит в том, что для того, чтобы экспортировать шафран в Европу, он должен пройти высокотехнологичную обработку – иначе не будет соответствовать высоким стандартам качества ЕС. Сейчас обработка проводится в Пакистане, который и имеет 80% прибыли от продажи афганского шафрана. Чтобы решить эту проблему, европейцам надо ввозить в Афганистан дорогостоящее оборудование и создавать перерабатывающую отрасль хозяйства.

Позиция России такова: для стабилизации обстановки в области борьбы с производством наркотиков в Афганистане совершенно необходимым комплексный подход, сочетающий силовое подавление наркоторгов-

¹ 51,84 афгани = 1 долл. США (курс на 16 ноября 2012 г.).

цев, ликвидацию посевов наркосодержащих растений и использование альтернативных культур с широкомасштабной программой социально-экономического восстановления страны. Учитывая тот факт, что Афганистан живет, опираясь на финансовую помощь международного сообщества, которая, вероятно, будет сокращаться с уходом иностранных войск, перспективы борьбы с наркобизнесом и наркотрафиком кажутся самыми неблагоприятными.

Сотрудники Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков России не принимают непосредственного участия в операциях по обнаружению и уничтожению наркотических средств, но оказывают информационную и организационную поддержку, передают американцам разведывательную информацию о местоположении нарколабораторий и о трафике героина за пределы Афганистана. Афганцы болезненно реагируют на распространение публичной информации о совместных операциях иностранных государств на территории Афганистана; их раздражает сама постановка вопроса о наркопроизводстве как угрозе безопасности и стабильности. Тем не менее, выступая 5 сентября 2011 г. в Кабуле на заседании Центральноазиатского антинаркотического квартета¹, директор ФСКН Виктор Иванов предложил российский план ликвидации афганского наркопроизводства «Радуга-2», который предполагал повышение через Совет Безопасности ООН статуса проблемы до уровня угрозы международной миру и безопасности (формула «афганские наркотики как угроза международному миру и стабильности» принадлежит президенту России В.В. Путину).

По мнению главы ФСКН, чтобы бороться с наркопроизводством, необходимо развивать инфраструктуру Афганистана, создать не менее двух миллионов рабочих мест. Российский план предусматривает массовое уничтожение посевов опиумного мака и включение в санкционный список ООН владельцев земли, на которой он растет, – лэндлордов. Земли, используемые в преступных целях, предложено экспроприировать в собственность государства. Российская сторона настаивает на включении в мандат МССБ компетенции и обязанности уничтожения наркоплантаций (1).

В настоящее время реализуется проект Совета Россия–НАТО по подготовке антинаркотических кадров для Афганистана и стран Центральной Азии на базе Всероссийского института повышения квалификации МВД РФ «Домодедово»². Нашим натовским партнерам предложено подумать над совместной работой по прекурсорам и противодействию ле-

¹ В Центральноазиатский антинаркотический квартет, действующий с 2010 г., входят Афганистан, Пакистан, Таджикистан и Россия.

² Пилотный проект по обучению и подготовке персонала из Афганистана и стран Центральной Азии по борьбе с наркотиками действует по инициативе министров иностранных дел стран – членов СРН с декабря 2005 г.

гализации доходов от наркотрафика. Не стоит, однако, забывать о давлении, которое оказывают на руководство Афганистана, местные министерства и ведомства некоторые страны – и в первую очередь США – для лоббирования собственных интересов. В планы США входит обучение антинаркотических кадров на базе Кабульской полицейской академии с использованием особых «мобильных команд», укомплектованных в основном натовскими инструкторами.

Тем не менее единственный путь ликвидации афганского наркопроизводства – углубление международного сотрудничества. В России это понимают. Серьезный импульс совместной работе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Афганистане могут придать одобренные главами государств – членов Антинаркотической стратегии ШОС на 2011–2016 гг. и Программа действий по ее выполнению. Дополнительные возможности в деле противодействия наркоугрозе откроет укрепление сотрудничества между Секретариатом ШОС и Управлением ООН по наркотикам и преступности.

Выводы

Деятельность России на афганском направлении определена ее неизменным желанием закрепиться в Центральной Азии. В нынешней ситуации традиционная активность приобрела свою специфику. Россия стремится если не контролировать, то влиять на процессы, происходящие на постсоветском пространстве, – в том числе в азиатской его части. Это обусловлено исторически и геополитически. По всей вероятности, именно усиление позиций на постсоветском пространстве способно изменить статус России в мире.

Современная Россия, очевидно, слаба для игры «на равных» с мировыми лидерами – евроатлантической и китайской «цивилизациями». Все наши попытки противостоять в мировой политике Западу кажутся бесперспективными. У нас слишком мало рычагов воздействия на США для продвижения своих интересов. Сейчас Российская Федерация не только не может, но уже и не хочет интегрироваться в военно-политическое и экономическое пространство Евроатлантики. Период больших надежд миновал; понятно, что нас там попросту не ждут.

Однако западные страны хотели бы вместе с Россией бороться с общими угрозами. Это единственная реальная возможность для России стать одним из мировых центров силы, и ее необходимо использовать. Мы можем и должны поддерживать в ограниченном объеме усилия западных стран там, где это поможет решить стоящие и перед нами задачи. При этом Россия естественно добивается, чтобы Вашингтон рассматривал ее как равного партнера хотя бы на отдельных треках мировой политики.

Во многом этим и определяется интерес России к Афганистану. Есть, конечно, и другие соображения. Серьезные опасения вызывает возможное распространение вблизи наших границ исламского экстремизма. Поэтому Россия рассматривает пребывание американских войск в Афганистане как фактор стабильности и опасается их поспешного вывода. В то же время нас не может не настораживать очевидное стремление Соединенных Штатов использовать присутствие в Афганистане для распространения своего влияния в регионе (прежде всего «через» создание постоянных военных баз), втягивания центральноазиатских стран в контролируемые ими проекты. Россия борется за нейтральный статус Афганистана, стремится уменьшить зависимость правительства Х. Карзая от западных доноров, участвуя в социально-экономическом развитии республики и прощая ей долги. Не имея возможности конкурировать с западными странами в масштабах инвестиций в Афганистане, Россия пытается диверсифицировать его экономические связи за счет привлечения ресурсов ведущих государств региона – Китая, Индии, Ирана, а также региональных международных организаций – ШОС и ОИС.

Не следует забывать и о более отдаленных перспективах. Вероятно, основными игроками будущего миропорядка будут две сверхдержавы – США и КНР. Цель внешнеполитической стратегии Москвы в новых условиях – обрести достойное место в той системе отношений, которые выстраивают две эти силы. Сделать это при нашей нынешней экономической слабости и «дефектах» политической системы чрезвычайно сложно. Уже сейчас необходимо налаживать эффективные механизмы отстаивания своих национальных интересов. Это, среди прочего, требует обеспечения устойчивого долговременного влияния России в Центральноазиатском регионе. Ключевым фактором усиления позиций России в Центральной Азии по-прежнему является политика в Афганистане.

Список литературы

1. Иванов В. Об антинаркотических инициативах ШОС как ключевого фактора обеспечения антинаркотической безопасности в Евразии: Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России Виктора Иванова 2 апреля 2012 г. в Пекине на заседании компетентных органов государств – членов ШОС. – Режим доступа: http://fskn.rkomi.ru/rukovodstvo/fskn_rf/director/vystuplen/2012/04_2012/02_04_2012/02_04_2012_01.html
2. Иран и Таджикистан построят железную дорогу в Афганистане // Islam news. – 2010. – 22 мая. – Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-24410.html>
3. Марканова Т. Интервью с А. Шкирандо: «В развитии российско-афганского сотрудничества ключевую роль должен играть бизнес» // Торгово-промышленные ведомости. – М., 2012. – 6 марта. – Режим доступа: http://www.tpp-inform.ru/economy_business/2096.html

4. ОИС и Международная контактная группа обсудили проблему Афганистана // Информационно-аналитический канал ANSAR. – 2011. – 5 марта. – Режим доступа: <http://www.ansar.ru/sobcor/2011/03/05/12341>
5. Организация Договора о коллективной безопасности: Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ. – М., 2011. – 20 дек. – Режим доступа: http://www.dkb.gov.ru/session_fortnight/a.htm
6. Резолюция 1386 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4443-м заседании 20 декабря 2001 г. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/708/57/PDF/N0170857.pdf?OpenElement>
7. Российско-афганские отношения. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/9258c824737051ca43256d9700331b25!OpenDocument>
8. Россия завершила безвозмездные поставки оружия Афганистану. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2010/11/12/last/>
9. Россия списала Афганистану 11 млрд. долл. долга за десять лет. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/business/2011/12/05/n_2123282.shtml
10. Саммит Россия – НАТО: Подводя итоги. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/txt.asp?id=165850>
11. Совместное заявление президентов Исламской Республики Афганистан, Исламской Республики Пакистан, Российской Федерации и Республики Таджикистан. – Режим доступа: http://news.kremlin.ru/ref_notes/679
12. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Исламской Республики Афганистан о создании Российско-афганской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. – Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/3e9e71db5be242ec44257afb00287b0e
13. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Исламской Республики Афганистан о торгово-экономическом сотрудничестве. – Режим доступа: http://www.mid.ru/BDOMP/spd_md.nsf/0/D9C7D9F2AC75A7C444257AFB00287AB6
14. Обзор прессы по Афганистану: Дайджест от 9 июня 2012 г. / Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков. – Режим доступа: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/prensa_afganistan_all/2012/0609/125219224/detail.shtml
15. Чоршанбиев П. Интервью с Д. Рогозиным: «После выхода НАТО из Афганистана шакалы войны придут в Таджикистан» // Asia-Plus, 2011. – 19.09. – Режим доступа: <http://news.tj/ru/news/rogozin-posle-vykhoda-nato-iz-afganistana-shakaly-voiny-pridunt-v-tadzhikistan>
16. Arlacchi P. Afghanistan – Pino Arlacchi advocates new approach. – Режим доступа: <http://www.pinoarlacchi.it/it/parlamento-europeo/335-afghanistan-pino-arlacchi-advocates-new-approach>
17. Fact sheet, Afghanistan opium survey 2012 // Summary findings. – November 2012. – United nations office on drugs and crime, 2012. – 27 p. – Режим доступа: http://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Summary_Findings_FINAL.pdf
18. Russia to supply copters to Afghans // Press TV. – 2011. – 22 janv. – <http://edition.presstv.ir/detail/fa/161360.html>
19. Lally K. Russian heartland fears NATO transit // The Washington post. – Wash., 2012. – 28 june.
20. Trofimov Y. Afghan poppy blight adds uncertainty to course of war // The Wall street journal. – N.Y., 2012. – 22 mai.
21. Weitz R. How Russia plays the great game // The diplomat. – Tokyo, 2012. – 27 mars. – Режим доступа: <http://thediplomat.com/2012/03/27/how-russia-plays-the-great-game>
22. Zuckerman E. Leaving Afghanistan by 2015 requires shipping container every 7 minutes // The Atlantic wire. – Wash., 2012. – 31 jule.

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

**А.Б. ЗУБОВ И Ю.С. ПИВОВАРОВ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ¹**

Беседа 1

А. Шарый: Справедливы ли аналогии между сегодняшней ситуацией в России и событиями 1917 года?

А. Zubov: Я думаю, что очень в небольшой степени. Сходство – в самом факте подъема массового общественного движения. В старой России общество тоже постепенно просыпалось в течение всего XIX в., хотя этот процесс, на мой взгляд, не был однолинейным. Определенной точкой отсчета можно считать рубеж XIX и XX столетий. Ричард Пайпс, например, датирует начало русской революции студенческими выступлениями 1901–1902 гг. Россия проснулась – и уже больше не засыпала до того, как ее надолго усыпили большевики. Сейчас она вдруг опять проснулась, можно сказать, просто ожила. Подобное оживление, но совсем другое по социальному составу, по мотивам, имело место на последнем этапе перестройки, в 1989–1991 гг.

Мы переживаем, я думаю, качественно новый момент русской истории, потому что впервые в России сформировался по-настоящему широкий слой критически мыслящих, образованных, открытых миру людей. Эти люди хотят жить так, как живет Европа. В то же время власть не вызывает у простого народа болезненной ненависти. А в предреволюционной России такая болезненная ненависть к власти, к сожалению, ощущалась. Мне кажется это очень удачным совпадением: революционное движение охватило образованный слой населения и в то же время среди простого народа нет ненависти к власти, которая всегда приводит к разрушению системы.

Ю. Пивоваров: Определенные параллели между 1917 и 2012 гг. провести можно. Но ведь в любой национальной истории обнаруживаются параллели – во французской, немецкой и т.д. Конечно, Россия изменилась

¹ Печатается переработанный вариант цикла передач радио «Свобода» «Проекция: Беседы о настоящем России на фоне ее прошлого» (март 2012 г.). Ведущий – Андрей Шарый, российский журналист, писатель, сотрудничает с радио «Свобода» с 1992 г.

за эти 100 лет. Другое дело, что и сегодня перед обществом стоят некоторые вопросы, которые стране не удалось решить столетие назад. Это вообще свойство российской истории: практически в каждую историческую эпоху Россия не решает ключевых вопросов, уходит от их решения.

Я приведу самый прямой исторический пример. Собственно, против чего поднялась революция в феврале 1917 г.? Если говорить кратко, против самодержавия, т.е. против устаревшей конфигурации распределения власти в обществе. Это возмущение было в пользу более европейского, более, как мне кажется, нормального и, кстати, вполне выстраданного Россией очертания власти. Примерно то же самое происходит и сейчас.

Дело ведь не в каких-то отдельных персонажах современной истории, не в том, нравится или не нравится кому-то, например, нынешний президент. Конституция дает президенту России абсолютно самодержавные права, а это значит: голос всех тех миллионов европейски ориентированных граждан (к которым я отношу и себя, и Андрея Борисовича, и многих-многих других), их мнение никогда не будет учитываться.

А. Шарый: Тогда я по-другому поставлю вопрос. В какой степени президент действует в соответствии с традициями русской истории, зачастую авторитарными?

А. Зубов: В очень малой степени. Если продолжить аналогии с революцией 1905 или 1917 г., то, на мой взгляд, тогда власть старалась оставаться в рамках закона, права. Что она себе никогда не могла позволить – это лгать. Это считалось бесчестным.

А. Шарый: Это царская-то власть не лгала никогда?

А. Зубов: Были, конечно, случаи, когда власть не выполняла своих обязательств. Скажем, давала обязательства перед общественностью летом 1905 г., а потом брала их назад. Когда речь зашла о Манифесте 17 октября, была альтернатива – или подавить революцию кровью, или даровать народу Манифест. Подавить волнения не смогли, не захотели, не было сил (по-разному можно говорить) – дали Манифест. Во время Февральской революции, накануне отречения, государь привез в Псков проект создания правительства доверия – фактически план перехода к конституционной монархии. И я думаю, это было бы исполнено, повернись обстоятельства по-другому. Но нельзя сказать, что императорская власть постоянно и заведомо лгала обществу.

Что происходит сейчас? То, чего раньше не было в принципе: кража голосов на выборах, массовые вбросы бюллетеней и т.д. Конечно, и при царе появлялись какие-то фальшивки, которые иногда санкционировали местные власти, но их было немного. Сейчас совершенно другая ситуация: власть не просто врет своему народу, но знает, что народ знает, что она врет, – и при этом все равно врет. Этим, я думаю, она отличается от цар-

ской власти, которая была, может, и слабой, где-то глупой, но вряд ли бесчестной.

А. Шарый: Кажется, современная власть все-таки действует в соответствии с русскими историческими традициями. Власть в Отечестве всегда была патерналистской, всегда к ней относились как к царю-батюшке, как к генеральному секретарю, как к отцу. Матрица эта сохранилась. Может быть, то, что происходит в последние месяцы, – попытка изменить эту матрицу, предпринятая наиболее активной частью общества?

Ю. Пивоваров: В России издавна существовала мощнейшая и сильнейшая власть. Я, кстати, один из соавторов концепции, согласно которой власть в России названа моносубъектом, т.е. единственным субъектом общественной жизни.

А. Шарый: Власть и сейчас моносубъект?

Ю. Пивоваров: Думаю, что как раз сейчас – нет. Более того, я теперь весьма критически отношусь к этой концепции, хотя и являюсь одним из двух ее авторов. Дело в том, что русская история – это и история свободы. Одно из самых первых самоограничений власти последовало в 1606 г. Известна «подкрестная» запись боярского царя Василия Шуйского – фактически клятвенное обещание ограничить свою власть. Далее: как говорил П.Б. Струве, если бы в 1730 г. группа русских аристократов во главе с Долгорукими и Голицыными («верховники») одержали верх в борьбе с тронем, самодержавие было бы ограничено. И тогда в 1917 г. не победил бы Ленин – тоталитарная власть уже не имела бы в России шансов. Наша страна знавала и либеральные планы Михаила Сперанского, и прекрасные, во многом удачные либеральные реформы Александра II. У России есть разные традиции – не только сверхсильной власти, но и общественного влияния на власть, общественного самоуправления.

А. Шарый: ... и народного бунта.

Ю. Пивоваров: Почему только народного бунта? Например, еще в XVI в. в России существовал прообраз того, что мы сейчас называем судами присяжных – «губные суды», когда общество само занималось судопроизводством. Демократическая по меркам времени процедура. А земские соборы? В начале 40-х годов XVII в. царь Михаил (первый Романов) хотел воевать Азов, выйти к Азовскому морю. А Собор ему сказал: царь-батюшка, денег в казне нет – никуда не пойдешь. И он не пошел, короне пришлось послушать Земский собор. Или еще пример: князь Василий Голицын в правление Федора и Софьи Алексеевичей готовил планы осовременивания России, как потом Петр, но только на основании не рабства, а эмансипации общества. Так что эмансипационная, освободительная и самоорганизующая тенденция в отечественной истории прослеживается.

Когда мне говорят, что авторитаризм – это «наше», в России так всегда было и всегда будет, я отвечаю: нет, вовсе не так. Перед революцией

все было по-другому, потому что существовал общественный договор. Его заключили общество, которое вроде бы начало гражданскую войну против власти, и власть, сказавшая: не надо никого топить в крови, давайте проводить реформы. Этот договор зафиксирован обнародованной 23 апреля 1906 г. Конституцией. В 1917 г. и власть, и общество трагически вышли из этого договора, разорвали его и ввергли нас в такую пучину, из которой мы еще и сейчас не можем выбраться.

А сегодняшняя власть принципиально отличается от той, царской. И не только потому, что царская власть себя чувствовала сакральной, исторически легитимной, поскольку династию когда-то избрали на трон...

А. Шарый: А эта не чувствует себя сакральной, Вы думаете?

Ю. Пивоваров: Не знаю, чувствует ли, но точно не является. Монархия – это вполне определенная логика, философия. А у нас формально-юридически – республика, демократия, выборы. Это принципиально иная логика. Притом со мной (а я – гражданин России) никакого общественного договора никто никогда не заключал.

Беседа 2

А. Шарый: Верна ли идея о том, что в России нет истории, поскольку властные структуры воспроизводятся на протяжении веков под разными именами?

А. Зубов: Эта идея совершенно, на мой взгляд, неверна, потому что властные структуры России в прошлом и сегодня различны. А самое главное – лица, которые реализуют властные полномочия, по своему типу принципиально отличаются. Александр I, абсолютный монарх, был одержим идеей дать стране Конституцию. Юношей он даже не хотел вступать на престол, собирался уехать в Швейцарию. Но его убедили приближенные, что для блага подданных надо все же взять власть. Он думал о Конституции, об освобождении крестьян. Масса была причин, почему всего этого в то время не могло произойти. Конституция, кстати, была даже написана – знаменитый проект Николая Новосильцева (и он не был единственным). Власть чувствовала свою ответственность перед обществом, считала, что служит обществу.

Николай I, человек странный, совсем не герой моего романа, по своему тоже чувствовал ответственность перед обществом. Он не Россию для себя использовал, а себя использовал для России. Именно это обстоятельство абсолютно изменилось в советское время. Николай II отрекся от престола, хотя вполне мог не делать этого – на его стороне были верные части армии, восстала только столица, остальная Россия вовсе не была революционизирована, оставалась лояльной монархии. Поведи император себя по-другому (в соответствии с теми самыми авторитарными тради-

циями) 95 лет назад революции не случилось бы. Был путч в Петрограде, его подавили бы – и все... Но ради блага России, ради продолжения войны, ради обязательств перед союзниками, т.е. опять же ради чести и долга, император пожертвовал собой. Понятия чести и долга исчезли после Октября, в большевистской системе. Советская и постсоветская власть никогда не руководствовались этическими мотивами.

А. Шарый: А Вы не сводите исторический процесс к субъективным понятиям: «Были люди чести и долги – была одна страна, сейчас таких людей нет – и страна стала другой?»

Ю. Пивоваров: Мне кажется, Андрей Борисович правильно говорит о чести и долге. В русской истории, даже в совсем недавней, были примеры, когда властители поступали с честью. М.С. Горбачев, который мог утопить страну в крови, не сделал этого. В руках Б.Н. Ельцина дважды были путчисты – в 1991 и в 1993 гг. Дважды он оставил их в живых, потом отпустил. А они его казнили бы!

Два этих человека, Горбачев и Ельцин, при всех их различиях, между прочим, сделали обществу инъекцию против гражданской войны, против насилия, против крови! Сейчас действие этой инъекции сходит на нет, но мы долго жили – я абсолютно в этом уверен – на энергии и инерции этих абсолютно христианских по своей сути поступков. Для меня эти деяния не менее важны, чем то, что Андрей Борисович говорил про Александра I и Николая II. Есть в России и здоровые силы, и здоровые люди.

А. Шарый: В каком же соотношении тогда находятся моральные качества политиков (людей, которые берут власть или борются за власть) и пути развития страны?

А. Зубов: В прямом – прямая зависимость не просто очень важна, но и единственно необходима. У правителей нет способностей во всех областях. Правитель может не знать экономики, лесного дела, нефтедобычи, но то, что у него должно быть обязательно – чистый ум и чистая совесть, которые позволяют ему отделять правду от неправды, тьму от света, выбирать верные – социально эффективные, «народосберегающие» ориентиры и стратегии.

Эти понятия забыты в нашей общественной жизни. Вместе с советским историческим материализмом нам внедрили мысль о том, что есть объективный ход истории: одна общественная формация сама собой меняется на другую, и ты хоть умри, хоть костями ложись – от тебя ничего не зависит, ты исключен из процесса. На самом же деле все в истории происходит из-за человека. История человечна! Эта правда истории была не просто забыта, но уничтожена в советское время. Властная группа, которая захватила страну после 1917 г., жила только для себя. Если бы она жила для народа, не убивала бы сограждан миллионами.

Мы сейчас возмущаемся – и правильно делаем, – что в Сирии убиты тысячи противников режима Башара Асада. А у нас сколько убито? Миллион? Десяток миллионов? То была война власти против собственного народа ради самой себя. И нынешняя «элита» (даже, к сожалению, Борис Николаевич – по крайней мере после 1995 г.) жила и живет для себя. Она рассматривают страну как средство, позволяющее ей удобно жить. Это принципиально отличает сегодняшнюю власть от императорской власти до 1917 г.

Ю. Пивоваров: Я по первой специальности германист. Вспомним, какую роль в новейшей истории Германии сыграл канцлер Вилли Брандт. Он не был таким уж великим человеком, мыслителем, склонен был, кстати, к некоторым излишествам – тем же, что и Борис Николаевич... Но Брандт преклонил колени в Варшаве, покаялся перед польскими жертвами нацизма, покончив с вековой, если угодно, враждой Германии с Польшей¹. Тем самым он начал объединять послевоенную Европу. Вот такие поступки и сформировали современное германское общество.

Не «Мерседес» или «Опель», а моральные поступки создали это общество – грамотно социально организованное, щадящее слабых, способное на благодарность. Это нормальное общество, на которое мы можем посмотреть в определенном смысле как на пример. Успех Германии связан именно с такими людьми, как Вилли Брандт.

А. Шарый: Сколь важно в историческом процессе такое явление, как покаяние?

Ю. Пивоваров: В 1956 г. в России состоялся XX съезд КПСС. Безусловно, это был акт покаяния. Неважно, шла ли внутрипартийная грызня (шла, конечно), существовал ли общественный запрос на изменения... У развенчания сталинизма была масса причин, но главной в этой сумме факторов оказалась воля Никиты Хрущева. Он был полубразованным человеком, с руками по локоть в крови, и прочее, прочее, но нашлась у него воля сказать правду.

Хрущев будто бы говорил – я так жить больше не могу! Ему надо было покаяться. Как ни странно, ни парадоксально, даже в рамках человеконенавистнического, абсолютно суицидального для России ленинско-сталинского режима иногда появлялись подобные люди.

А. Зубов: Хочу напомнить, что «покаяние» в русском контексте – не совсем понятное слово. Его греческая первооснова означает «изменение

¹ 7 декабря 1970 г. первый социал-демократический канцлер ФРГ от имени немецкого народа преклонил колени перед мемориалом жертв национал-социализма в бывшем Варшавском гетто. Этот символический акт покаяния поляризовал немецкое общество. Однако со временем образ коленопреклоненного Брандта стал в сознании не только многих немцев, но и поляков, представителей других наций символом политики сближения и примирения.

ума». Происходит изменение ума: человек ужасается тому, что он делал прежде. Вот вам нравственное основание. Когда какой-то человек, облеченный властью, живет ради себя и для этого гнобит других людей, он губит в конечном счете и самого себя. И если он начинает это понимать и старается оправдаться перед людьми, исправить свои ошибки, тогда и происходит настоящее покаяние.

Беседа 3

А. Шарый: Есть ли в российской истории примеры, которые могли бы смоделировать решение вопроса легитимности власти, не выходя из правового поля? Имеют ли конституционно-правовые нормы какой-нибудь влияние на нашу современную жизнь?

А. Зубов: Примеров я, честно говоря, не знаю. В течение XIX в. и до февраля 1917 г., когда стабилизировались механизмы преемственности, власть никогда не оставляла бразды правления и всегда оставалась легитимной. Ее законность признавалась почти всем обществом, кроме крайних радикалов. А после 1917 г. власть в России никогда не была законной. После того как В. Путин провел президентские выборы, не обращая внимания на общественные сомнения в их легитимности, ситуация еще более усложнилась и юридически, на мой взгляд, загнана в тупик. К этому, правда, можно привыкнуть и зажить в таком положении по инерции.

А. Шарый: Но на каком основании могли бы гипотетически пройти новые выборы в Думу?

А. Зубов: На том основании, что количество фальсификаций на выборах в Думу не позволяет считать всех депутатов реальными представителями народа России. Кто-то представлен по праву, а кто-то пролез незаконно. Поэтому: мы принимаем новый закон о выборах или существующий закон соблюдаем расширительно и проводим новые выборы. Второй шаг – президент делает то, что сделал 1 марта 1917 г. (или, точнее, хотел сделать) император Николай II: объявляет о таком изменении Конституции, в соответствии с которым формируется правительство, ответственное перед Думой. После этого все становится на свои места. Если новое правительство и новая Дума поддерживают В. Путина – хорошо. Если нет – нужны новые выборы президента.

Ю. Пивоваров: Я не верю в то, что так произойдет. Думаю, когда Андрей Борисович об этом говорит, он лишь указывает на то, как можно найти выход. Но я абсолютно убежден: без изменения Конституции – сколь бы длителен и болезнен для общества ни был этот процесс – ничего хорошего нас не ждет. Пока институт президентства не вписан в систему разделения властей, глава государства может творить любой произвол. И неважно, как этот глава зовется.

Что можно сделать прямо сейчас? Вернуться к прежним срокам полномочий президента (два раза по четыре года) и исключить слово «подряд». Восстановить старый избирательный закон: смешанная мажоритарно-пропорциональная система с барьером в 5%. Нам говорят, что это произойдет на следующих выборах, но это необходимо сделать уже сейчас. Дальше: отказаться от некоторых полномочий, которые дает президенту Конституция, чтобы лишить его возможности вторгаться во все сферы власти – законодательную, исполнительную, судебную.

Должен сказать: есть одно «но». Россия не знает конституционной и исторической практики, согласно которой фигура первого лица – императора или президента – была бы вписана в систему разделения властей. Мы не имеем такого опыта. Значит, надо либо «придумать» то, чего никогда не было, а это очень сложно, либо, что пока невозможно, вернуться к конституционной монархии. Но в любом случае необходимо резко ограничить полномочия президента, избавить его от огромной массы властных прерогатив.

Нужно отказаться от всех неконституционных органов управления, вроде администрации президента, которая лишь однажды упомянута в Конституции, и мы не знаем с правовой точки зрения, что это такое. Должны быть ликвидированы федеральные округа – они не только умножают бюрократию, но и дают незаконную возможность «прямого» ручного управления страной. Даже возвращение к Конституции в ее ельцинском варианте способно резко оздоровить общество; потом уже можно думать об Учредительном собрании. Д. Медведев, как известно, внес в Думу законопроект о конституционном, т.е. фактически Учредительном, собрании¹. В этом – хотя бы намек, хотя бы посыл обществу.

Беседа 4

А. Шарый: Часто говорят о том, что в каждом государстве система управления, система власти обусловлена, в том числе, особыми историческими традициями. Поэтому считается, что сильная президентская власть в России определена долгим опытом. Так ли это?

А. Зубов: В период феодальной раздробленности во всех странах христианского мира верховная власть была слаба. Монарх был первым среди равных – и, кстати, в Византийской империи, и на Западе. Потом наступила эпоха абсолютизма, когда, наоборот, монарх обладал абсолю-

¹ 5 марта 2011 г. Дмитрий Медведев поручил своей администрации подготовить проект федерального конституционного закона о созыве Конституционного собрания. Поручение было опубликовано на сайте Кремля по итогам встречи президента с лидерами внесистемной оппозиции 20 февраля 2011 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/assignments/14683>

ной властью. Господствовала теория о том, что монарх – часовщик, а страна – часовой механизм. В России было то же самое. С конца XVIII в. европейские страны одна за другой – кто революционным путем, кто разумным, мирным способом – отказались от этой модели. Последней в Европе (если не считать Османской империи) ее в 1905 г. пересмотрела Россия. Общеευропейский процесс отказа от сверхцентрализованной, замкнутой на монархе системы управления связан не с какой-то там непонятной логикой истории, а с простой вещью – с уровнем образования и культуры общества.

Как только общество становится более образованным и ответственным, оно хочет само контролировать собственную жизнь. Говорить, что в России какая-то особая традиция, неправильно. Наша страна идет обычным путем всех стран. Ее отбросил назад советский эксперимент, который уничтожил культурную часть общества, разрушил общество как структуру. Однако в последние два десятилетия русское общество, безусловно, возрождается.

А. Шарый: Если применить вашу типологическую схему, то персонафикатор нашей верховной власти рассматривает себя как часовщика, а страну как часовой механизм?

А. Зубов: Мне трудно судить о психологическом самоощущении человека, но объективно он не является часовщиком.

Ю. Пивоваров: Чувствует ли себя нынешний президент часовщиком? Думаю, что да. В 2004 г. (накануне своих вторых выборов) он выступил в здании Московского университета перед доверенными лицами. Я сидел в зале. В. Путин сказал: «Я не собираюсь менять Конституцию». Я тогда про себя отметил: что за подход «собираюсь – не собираюсь», нельзя так просто взять и поменять Конституцию страны. Дальше президент говорит: «Я обязан вырастить обществу наследника, представить преемника». Через четыре года он это и сделал. А я тогда подумал – какого такого наследника? Россия – республика. Это же заговор против республики, нарушение Конституции. Но произошло именно так. Однажды Владимир Владимирович сказал (по телевизору слышал): «Я здесь отвечаю за все». Безусловно, у него присутствует патерналистско-хозяйская философия власти, ее отношений с обществом.

Мой опыт подсказывает: неограниченная власть любого человека – директор ли он бани, председатель колхоза, тренер ли футбольной команды или президент России – обязательно приводит к ее бесконтрольной узурпации. Это не зависит от личных качеств; просто человека нельзя ставить в условия неограниченной власти. Нигде – ни на радиостанции «Свобода», ни в Российской Федерации.

А. Шарый: А кем или чем поставлен в такие условия нынешний президент – стечением обстоятельств, несовершенством российских законов, логикой истории?

А. Зубов: Во-первых, конечно, советской традицией, которая предполагала именно абсолютную, ничем не ограниченную власть, чего, кстати говоря, никогда не было в дореволюционной России. Царь был ограничен хотя бы христианской нравственностью. Кроме того, в XIX столетии император мог выступить против большинства Государственного совета, но, в общем, Государственный совет имел авторитет для монарха. А вот в советское время у руля всегда был абсолютный правитель. Сначала Ленин, потом после некоторой смуты Сталин, потом после некоторой смуты Хрущев, потом почти без смуты Брежнев и Горбачев.

Второе обстоятельство – это слабость действующей, 1993 г., Конституции. Она нужна была не как ширма, не для прикрытия ничем неограниченной власти, а для создания в демократических условиях системы, которая обеспечивала бы тому же Ельцину стабильное ручное управление страной. Поэтому Конституция 1993 г. дала президенту неразумно большие полномочия – в этом смысле она кое в чем похожа на законы 1905–1906 гг., о чем мы с Юрием Сергеевичем не раз писали.

И третье обстоятельство – властные полномочия были значительно расширены при нынешнем президенте. Здесь, кроме всего прочего, играет роль сознание пришедшего к власти человека. Одно сознание – у партийного функционера, который привык работать на относительно коллегиальном партийном собрании, кого-то убеждать, слушаться. Совершенно другое сознание – у офицера вообще и у офицера спецслужб в особенности. Это абсолютная вертикаль власти. Путин – прекрасный офицер советских спецслужб, но такой человек не нацелен на управление столь сложной системой, как демократическое государство. Я думаю, это обстоятельство – одна из величайших российских бед.

Кстати, есть исторический пример такого рода, разумеется, очень смягченный – это Николай Павлович, император Николай I. Человек абсолютно военный, он не представлял себе иного управления страной, кроме как построения вертикали. Его и не готовили к роли царя. Николай любил играть в армию и даже мечтал уничтожить всю латинскую библиотеку Зимнего дворца, потому что ненавидел латынь с детства. К чему это привело в 30-летие николаевского царствования? К дикой коррупции и невообразимому ослаблению страны.

А. Шарый: Но генералу де Голлю военное мышление не помешало модернизировать Францию.

А. Зубов: Генерал де Голль был сформирован в совершенно другой, демократической, парламентской традиции. За ним – полтора века этой традиции. Де Голль – человек свободного демократического общества.

Ему в голову не могло прийти стать эдаким часовщиком, хотя, как Вы знаете, во Франции его в этом подозревали. Была, я помню, карикатура в «Монд», где к старику де Голлю случайно входит в ванную жена и говорит: «О, Боже!» «Здесь ты можешь называть меня просто Шарль, дорогая», – отвечает президент.

Ю. Пивоваров: Французы не устают утверждать, что Конституция Пятой республики 1958 г. резко усилила авторитарность политического режима. Смотрите, что сделал генерал де Голль – как мы знаем, католик, представитель традиционалистской французской культуры. Элементами Конституции 1958 г. (а де Голль лично курировал этот проект) являются Декларация прав человека 1789 г. и преамбула Конституции Четвертой республики 1946 г. На этих документах идеологически основывалась Четвертая республика, которую генерал фактически сверг во время путча 1958 г. Тем не менее де Голль обращался к истокам того, против чего выступал. Это то, о чем говорил Андрей Борисович. Даже авторитарный человек в западном политическом мире, западной политической культуре настолько «повязан», ограничен, настолько впитал в себя демократические ценности, что его авторитаризм – для нас либерализм чистой воды.

Что же касается сегодняшней власти, то она в известном смысле опаснее даже советской. Власть советских вождей была ограничена их идеологией. Они вроде бы могли все: казнить людей тысячами и десятками тысяч, сегодня объявить Гитлера врагом, завтра – дружить с ним и т.п. Но они не могли отказаться от цели построения коммунизма, от идеалов социалистического общества. Сегодня это может показаться смешным, но идеология их действительно ограничивала. Сейчас вообще нет никакого тормоза. Теоретически его и не может быть в либеральном демократическом обществе, поскольку параметры его функционирования очерчивает Конституция. Если же Конституция и законы попираются, выборы по сути похоронены (а демократия – это выборы и больше ничего; процедура выборов – ее главный нерв), то власть становится голой. А что такое голая власть? Насилие и только насилие! Ничем не ограниченная власть всегда превращается в насилие. Вот в чем опасность.

Беседа 5

А. Шарый: В начале 2000-х годов в России модной была постоянная апелляция к петровским временам. Бюст Петра Великого тогда стоял на рабочем столе В. Путина. Модно писать было об этой преемственности в газетах. Сейчас все это утихло. Почему? Были какие-то параллели?

А. Зубов: Я думаю, тогда это был личный выбор В. Путина. И не единственный: второе имя, которое употреблялось в «верхах», – философ Иван Ильин. Этого деятеля, к примеру, очень любил В. Сурков. Один раз в

жизни мне пришлось быть в кабинете Суркова, и я с удивлением увидел, что там висят только два портрета: Путина и Ильина.

Мне кажется, что у нынешнего президента пушкинское представление о Петре как о великом реформаторе, который создал новую Россию. Известно, что потом, начиная со второй половины XIX в., многие историки подвергли сомнению эту точку зрения. То, что Петр поднял Россию на дыбы, многим казалось не очень хорошим делом. Но со временем положительные исторические аллюзии у власти закончились, их заменили отрицательные. Поэтому сейчас так много говорится о Феврале 1917 г., об ужасе революций.

В день последних выборов президента показали очень неважный фильм «Белая гвардия» об опасности революций¹. Это продолжение тенденции – вспомните брошюру А.И. Солженицына «Февральская революция». Теперь «работает» другой образ (своего рода охранительный идеал): уйдет власть – ночной сторож, – и всем будет очень плохо. Петр забыт, никто не востребован на его место. Образ царя-реформатора заместил страх социальной катастрофы.

Ю. Пивоваров: Знаете, чем еще был хорош Петр? («Хорош» условно: на самом деле он был бесчеловечным деспотом.) Я думаю, для нашей власти Петр – «крутой» мужик, символ силовой, волевой модернизации, дающей «выход на Запад». Это привлекало, создавало историческое «алиби». Однако в общественном мнении Петра отодвинула фигура Сталина. Среди русских вождей Сталин, конечно, «круче» (безжалостнее и могущественнее) всех, его лучше помнят – он ведь был совсем недавно. А «в верхах» на первый план опять вышла фигура П.А. Столыпина. Это, конечно, не случайно. В каждом обществе есть такой «топ-менеджер»: Ф. Рузвельт – у американцев, Черчилль – у англичан, тот же де Голль – у французов. Русским тоже нужен такой человек, а никого другого нет.

Я думаю, Столыпин начал выводить на роль «настоящего русско-го управленца». Он в этом отношении очень удобная фигура – и традиционалист, и аристократ, и европеец, и либерал. К реальному Столыпину этот миф не имеет никакого отношения – как к реальному Петру Алексеевичу Романову не имел отношения миф о нем или как к реальному Сталину не имел отношения культ его личности. Все-таки политика – это отчасти театр.

А. Шарый: Скажите, можно ли рассматривать XX век как столетие упадка российской государственности?

А. Зубов: Я думаю, что в целом – если не считать короткого периода, связанного со Столыпиным, думскими выборами, ограниченной мо-

¹ Речь идет о сериале «Белая гвардия», первая серия которого была показана по федеральному телеканалу «Россия» 3 марта 2012 г.

нархий, – да. Государственность начала исчезать в феврале 1917 г. и абсолютно «ушла» во время Гражданской войны. Ее «остатки» пытались как-то сохранять белые правительства. Не забудем, что до ноября 1920 г. в Ялте (в гостинице «Россия») заседал Сенат, – главный законоохранительный орган страны хотя бы формально существовал. Но в целом государство исчезло.

Властью располагала группа людей, опиравшаяся на ничем не ограниченное насилие и на колоссальную ложь. Они управляли страной, не пользуясь объективным доверием общества. Я говорю «объективным», потому что вся пропаганда была направлена на то, чтобы общество им поверило. Для этого надо было создать «железный занавес», огородить страну от всего мира, лгать, лгать и лгать, проверять на лояльность режиму все – вплоть до курсов физики и математики, не говоря уже об истории и литературе.

Государство, если мы вспомним Аристотеля, – это система властных отношений между народом и правителем. Все формы государственности, которым дали характеристику Аристотель, а до него Платон, – это система властных отношений между правителем и народом. В советском случае народ был элиминирован из этой схемы – получилась тирания чистой воды. Сейчас, после некоторых попыток построить государство заново (Конституция 1993 г., горбачевские реформы, Гражданский кодекс), мы – и это ужасно! – возвращаемся к состоянию тирании. Юрий Сергеевич правильно сказал, что мы жили много лет излетом ельцинских политических реформ, ельцинского отвращения к гражданской войне. Мы надеялись, что страна строится, – пусть не так хорошо, не так быстро, не так умело, как хотелось бы, но строится...

Ю. Пивоваров: Я согласен с Андреем Борисовичем, что при коммунистах никакой государственности в классическом – и даже в русском традиционном, а не только в аристотелевском – смысле не было. Причем, и сам народ в этом виноват. И.А. Бунин писал: «“Левые” все “эксцессы” революции валят на старый режим, черносотенцы – на евреев. А народ не виноват! Да и сам народ будет впоследствии валить все на другого – на соседа и на еврея. “Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жиды на все это дело подбили”»¹. В том, что происходило в 1917–1921 гг., народ виноват не меньше, чем церковь или бюрократия, либералы или большевики.

Наша трагедия заключается в том, что для большого числа наших сограждан «государство» – это то, что было раньше. Советское «государство» не являлось государством в классическом смысле, но для наших людей именно оно и есть государство: мощное, с сильными позициями в мире, его все боятся и уважают. Но ведь власть не должна быть такой!

¹ Бунин И.А. Окаянные дни. – СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2003. – С. 133.

Власть – не только и даже не столько насилие; в первую очередь, это согласие, конвенция между властвующими и подвластными.

А. Шарый: Если государство и государственность находятся в кризисе, то страна рано или поздно распадется. Велика ли опасность распада России, о которой, кстати, нам очень часто говорят по телевизору?

Ю. Пивоваров: Я не вижу такой уж прямой угрозы. Меня больше беспокоят в этом отношении, например, процессы депопуляции в Сибири и на Дальнем Востоке. Россия пустеет. Да и здесь, до Урала, она пустеет. Население аккумулируется в больших городах, а уездная Русь умирает.

Распад может произойти не так, как нам представляется, – от страны отломился кусок и стал другим государством. Дело не в том, что страна распадется территориально – может распасться общество. Начнутся процессы не эволюции, а деволуции. Россия это пережила в 1918–1920 гг. Если мы не будем строить государство, институты, не станем договариваться, то насилие, тирания, власть одного (даже в мягкой форме – в «белых перчатках») не приведут ни к чему хорошему.

А. Зубов: Я не вижу причин для распада России – иначе как в том смысле, о котором говорил Юрий Сергеевич. Если не будет сделано практических политических, экономических и правовых шагов (и очень важных шагов), у нас будет продолжаться процесс депопуляции провинций. Это же было в поздней Римской империи. Стали приглашать варваров, которые «садились на землю», служили в армии. Вам это ничего не напоминает? В итоге это привело к распаду Римской империи. Необходимо действовать, чтобы этот процесс не просто замедлить, но повернуть вспять.

Ю. Пивоваров: Однако сейчас впервые в русской истории возник многочисленный средний класс, городской класс образованных культурных людей. Такого еще не было! Даже столетие назад, когда было 5–7% удивительной элиты, фантастической по своему качеству, массового среднего класса не появилось. Иначе не случилось бы ни Февраля, ни Октября!

А. Шарый: Выходит, российская государственность – особенная, поскольку власть не коррелирует свои действия с желаниями и волей народа. Чревато ли это цивилизационным отставанием России?

Ю. Пивоваров: Безусловно, если Россия встанет на путь застойного гниения с постоянным разбазариванием последних средств (Россия же – небогатая страна). Вот пример: два года назад в Москве была страшная жара, город задыхался. Власть показала себя абсолютно импотентной. Где была «вертикаль» – якобы сверхсильная власть? Город оказался брошен на произвол судьбы. Вот что такое распад – когда нет никого, кто отвечает за безопасность, правопорядок, обеспечивает помощь пострадавшим и т.п., никто ничего не может сделать. В «плохом» фильме «Белая гвардия» это тем не менее правильно показано: когда в Киеве не оказалось ничего орга-

низирующего, контролирующего, сдерживающего, мир стал распадаться – сначала на уровне города, потом домов, улиц и проч.

А. Зубов: У нас еще достаточно культурное общество. Но поскольку это культурное общество не допускают к гражданской ответственной деятельности, люди уезжают. Поэтому демодернизация происходит на глазах – из-за того, что культурная, образованная молодежь уезжает из страны. Это очень простой признак, известный еще из Древнего Китая. Правило такое: когда в страну люди едут со всего мира – значит, эта страна перспективная, живая, она развивается, у нее есть будущее. А когда из страны все разбегаются – значит, эта страна погибающая. Будущее России зависит от того, сможет ли русское общество изменить этот вектор.

Беседа 6

А. Шарый: Почему именно Московское княжество оказалось главным собирателем русских земель? Почему не Литва, не Тверь, не Новгород?

А. Зубов: Когда речь идет о вопросах, связанных с древними периодами русской истории (хотя на фоне античности это совсем недавнее время), небольшое количество источников часто не позволяет делать исчерпывающие выводы. Как мне думается, свою роль сыграла целая череда случайностей. Главным соперником Москвы в собирании русских земель была Литва. Новгород никогда на такую роль не претендовал, город жил самодостаточной жизнью. Всерьез таких претензий не имела, кроме очень короткого периода, и Тверь, хотя там сложилась очень интересная форма политического бытования русского общества, занимавшая какую-то промежуточную позицию между Новгородской республикой и московской деспотией.

Но вот Литва, князя Гедиминовичи, безусловно, претендовали на объединение Руси. Литва была открыта через Польшу Западной Европе, уже тогда была многонациональным и многоконфессиональным государством, поэтому и предлагала русской национальной общности совсем другой путь развития: скорее аристократический, нежели авторитарно-монархический. Но в 1399 г. произошла битва на реке Ворскле, где объединенное литовско-западнорусско-германское войско разбило ордынские татары, союзником которых была тогда Москва. Ни случись этого поражения, может быть, объединение Руси пошло бы по другому сценарию. То была военная удача Орды: объективно войско, собранное великим князем литовским Витовтом, было сильнее татарского, но князь допустил роковые военные ошибки.

Второе обстоятельство – Крестовый поход против турок в 1444 г. закончился страшной для католической Европы катастрофой под Варной.

В этом сражении погиб польский и венгерский король Владислав. Если бы западная коалиция победила в этом сражении, возможно, не была бы провозглашена автокефалия Русской православной церкви и объединение Руси пошло бы по западному сценарию, тем более что тогда Московское княжество было ослаблено, князь Василий II попал в 1445 г. под Суздалем в татарский плен. Несколько разрозненных событий конца XIV – первой половины XV в. во многом решили судьбу Руси. Это объективные геополитические факторы.

Наконец, я думаю, очень многое зависело от личности Ивана III, правившего всю вторую половину XV в. и особенно от его сына Василия III. Василий III был незаконный правитель. Он держал в заключении, а потом умертвил действительно коронованного внука Ивана III (сына своего умершего от болезни старшего брата Ивана). Поэтому Василий не принял титул царя, а оставался великим князем. Это сознание своей незаконности плюс целый ряд других моментов привели к тому, что правление Василия оказалось типичной ренессансной деспотией. Василий III отделил Русь от западного мира ради того, чтобы владеть своими землями полностью и безраздельно. А его сын Иван Грозный – просто порождение и развитие тех же тенденций. (Если только действительно Василий III был отцом Ивана Грозного – тут у историков есть некоторые сомнения.)

Ю. Пивоваров: Источников для изучения средневековой русской истории действительно мало. Другая проблема – верный взгляд при оценке этих немногих источников. Скажем, раньше дореволюционную историю России учили по решениям партийных съездов большевиков. А ведь до революции они были кучкой маргиналов, о которых никто ничего толком не знал. Победив, они сконструировали исторический процесс «под» себя. Но нам-то казалось (и до сих пор очень многим кажется), что такой, как они ее представляли, и была русская дореволюционная история.

Преувеличивать закономерность возвышения Москвы особенно надо, потому что несколько столетий было неясно, откуда пойдет собиранье русских земель. Новгород (я согласен с моим коллегой) никогда по существу не претендовал на эту роль, поскольку имел еще и вторую идентичность – принадлежность к Ганзейскому союзу, т.е. к торговой Северной Европе. Что же касается Москвы, то ее возвышение во многом было обусловлено качествами ее правителей. О них хорошо написал В.О. Ключевский: все эти Даниловичи (первый удельный московский князь Данила был младшим сыном Александра Невского) талантливы талантами людей неталантливых.

Это люди, которые умели хорошо слушаться, хорошо подчиняться. Я недавно прочел книжку московского университетского профессора Николая Борисова «Возвышение Москвы», где он показывает, что московские князья победили в конкуренции себе подобных: и они сами, и другие

князья были только «приказчиками» Золотой Орды¹. Так сложилось, что люди из Москвы оказались наиболее талантливыми «приказчиками» – собирателями дани, проводниками воли Орды на Руси. Они были талантливыми «коллаборационистами»: умели жестче, чем другие, эксплуатировать свой народ ради собственной выгоды, но чтобы при этом и Орде было хорошо.

Безусловно, московские князья рано задумались о том, какую громадную роль играет в сознании народа и укреплении государственности церковь, и озаботились тем, чтобы митрополит из Владимира переехал в Москву. Понимали они и значение военных новшеств. В Москве раньше всего на Руси появились пушки. Впервые артиллерийские орудия использовали в 30-е годы XIV в. во Фландрии, а в Москве они появились через 50 лет через генуэзцев, через Крым – на белокаменном Кремле Дмитрия Донского. Если тверские князья, например, прославились украшением своего города (там совершенно великолепные церкви, храмы), то Москва больше инвестировала, скажем по-современному, в военно-промышленный комплекс.

И, конечно, еще одно: победа на Куликовом поле в 1380 г. Как сказал В.О. Ключевский, Русское государство родилось не в суме Ивана Калиты, а под гром победы на Куликовом поле. Хотя Дмитрий Донской выступал не столько как носитель русской идеи против Мамаю, а как «легитимист», восставший против узурпатора власти в Орде. Донской действовал в рамках ордынской вселенной, тем не менее его победа, конечно, произвела большое впечатление. Москва показала, что она может быть северо-восточным русским лидером.

Беседа 7

А. Шарый: В какой степени становление российской государственности отличалось от западной практики? Часто говорят об особом государственном пути России. Есть ли у таких заявлений исторические основания?

Ю. Пивоваров: Поскольку все мы живем на одной земле, существуют общие социальные закономерности и, конечно, есть своеобразие. Здесь весь вопрос в том, на что мы больше обращаем внимание. Скажем, в последние годы Андрей Борисович <Зубов> больше говорит об общих чертах русско-европейского развития. Я же склонен подчеркивать своеобразие, не отрицая и наличие сходства.

А. Шарый: А истина-то где?

¹ Речь идет о работе: Борисов Н. Возвышение Москвы. – М.: Русский мир, 2011. – 576 с.

Ю. Пивоваров: Это старая марксистско-ленинская штучка, что возможна теория, которая все объяснит. Наука имеет границы – это не предсказание по телевизору того, что будет через 400 лет. Наука – вещь очень строгая, способ рационального познания мира. В ней невозможны одна концепция или одно видение. В принципе необходимо несколько подходов: они дают множество взглядов, точек зрения, т.е. стереоскопическое видение.

А. Шарый: Давайте обеспечим стереоскопический взгляд.

Ю. Пивоваров: Начнем с природно-климатических условий. Конечно, они отличны от Западной и Центральной Европы. Российская история – это первая попытка человечества строить цивилизацию и культуру в северных широтах. Здесь земледельческого населения изначально не было – жили угро-финские охотничьи племена.

Второй фактор – изоляция от образованного мира, причем от всякого образованного мира. То, что мы поначалу взяли христианство из ученой Византии, но на болгарском языке, несколько провинциализировало, ограничило цивилизационные возможности России. Добавьте века изоляции, ордынский удельный период... Мы же знаем, что монголы уводили в полон книжников, людей мастеровых, которые умели строить каменные храмы. Удар наносился дифференцированно – по наиболее качественным профессиям, по грамотным людям.

И, разумеется, вопрос территории. Известны красивые, но отчасти и правильные слова Н.Я. Бердяева, что русскую историю съела русская география. Конечно, не надо понимать это в прямом смысле слова, но в определенном, – конечно, Бердяев прав. Безусловно, когда, например, Александр III и С.Ю. Витте обсуждали вопрос о том, сколько будет стоить билет на поезд от Варшавы (тогда русского города) до Владивостока, они понимали, что, говоря сегодняшним языком, по рыночной цене только они и смогут по такой железной дороге прокатиться. Разные пространства предполагают различные экономические, хозяйственные ритмы, методы освоения. Я думаю, у России есть глубокое своеобразие, но главное все-таки не в нем.

Конечно, мы – страна христианского мира, в общем и целом мира европейского, хотя и с огромным своеобычаем. Я очень боюсь, как бы в нашем общественном сознании не победила идея самобытничества. Тогда нам конец. Заметьте, лучшие русские историки не были самобытниками. И настоящие славянофилы ими не были.

А. Шарый: Как вы считаете, можно сказать, что исторически Россия – это глубокая европейская провинция?

А. Зубов: В принципе можно. Я в нескольких своих последних работах говорю о том, что в силу особенностей исторического развития мы являемся культурной периферией Европы – так же как, например, Скандинавия.

динавия. Культурным центром Европы была Римская империя – если, конечно, не говорить о более ранних временах, когда эту роль играли Крит, Греция. Римская империя была единой целостностью с латинским языком, единым культурным классом. В тот мир входили, естественно, и будущая Византия, и будущая западная часть империи. То, что находилось на варварской периферии, за границами империи, т.е. современные Германия, Скандинавия, Польша, Россия, Чехия, – это глубокая провинция.

Эта периферия примерно в одно время (пожалуй, только Германия чуть раньше) стала христианизироваться, и через процесс христианизации втягиваться в европейскую цивилизацию. Христианизация означала принятие не просто определенной веры, а определенной культурной системы. На Руси после крещения основные византийские новации внедрялись с отставанием в 50–70 лет. Даже Орда, татарское завоевание не построили непроницаемую стену.

На самом деле изоляция России произошла в XV в., когда мы отделили себя от всего христианского мира фанатичным антикатолицизмом и самопровозглашенной автокефалией. Вот тогда Русь ограничила себя со всех сторон. Будучи провинцией, постоянно питавшейся токами более развитой – на порядок более развитой – культуры классического средиземноморского мира, страна, самоограничившись, одичала. И когда при царе Алексее Михайловиче вновь встал вопрос о включении Руси в мировую систему отношений, мы были не просто глубоко провинциальны, но дико провинциальны. Периферийная Швеция к тому времени стала страной, где Декарт чувствовал себя как дома, а Россия оказалась страной, в которой любой немец чувствовал себя совершенно чужим человеком. Вот результат неправильного выбора.

И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ

КНЯЗЬЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: «СВОИ» ИЛИ «ЧУЖИЕ»? ¹

Рюрик или «рюриковичи»: проблема происхождения древнерусских князей

Дата, от которой принято отсчитывать начало древнерусской государственности, неразрывно связана с именем легендарного Рюрика, который, согласно Начальной летописи, якобы отозвался на призыв новгородцев «княжить и володети» ими «по праву». И вот уже на протяжении двух с половиной веков ученые мужи из всех сил пытаются выяснить, откуда родом был герой легенды и какова его этническая принадлежность.

Еще в 1749 г. Герард Фридрих Миллер доказывал, что Рюрик с братьями прибыл из Швеции, в то время как его оппонент Михайло Ломоносов считал их балтийскими славянами. В ходе разгоревшейся впоследствии дискуссии пришедших в Новгород князей-варягов называли то скандинавами, то финнами, то славянами–выходцами из Южной Руси, то литовцами, то мадьярами, то хазарами, то готами, то грузинами, то иранцами, то яфетидами, то кельтами, то евреями...

В 1836 г. появилась статья, автор которой высказал догадку, что летописный Рюрик – не кто иной, как Рёрик Фрисландский (или Ютландский), известный по западноевропейским источникам (6). Основанием для такого предположения послужили, во-первых, сходство имен отождествляемых персонажей, а во-вторых, близость летописных дат, под которыми упоминается Рюрик, и времени жизни и деятельности Рёрика Фрисландского. Эта догадка, популярная и по сей день, вскоре подверглась серьезной критике. Так, Михаил Погодин скептически замечал: «Профессор Крузе предоставляет Рюрику слишком много действий из немецких и русских летописей! В продолжение целых пятидесяти лет он пускает его по всем морям – в Пизе, Дорештаде, Бирке, Новеороде, по Роне, в Англии, в Франции, – и дает ему владения, хотя временные, в самых отдаленных между собою странах». К тому же, «что делать нам с хронологиею? – за-

¹ Первый вариант статьи опубл. в изд.: Родина. – М., 2012. – № 9. – С. 112–114.

давался вопросом Погодин, – если сводить то, что известно о Рёрике Фрисландском, с летописными упоминаниями, “наш” Рюрик окажется не только весьма изрядного возраста, но и обзаведется сыном Игорем только лет в 80... Из всего этого следовал вывод: “Наш Рюрик не германский Крузев Рюрик”» (9, с. 35, 37).

К аналогичным выводам – но на гораздо более серьезных основаниях – пришел через сто с лишним лет советский историк Владимир Пашуто. Ссылаясь на исследования польского специалиста Хенрика Ловмянского, он подчеркивал: «Само предание о Рюрике лишено прочных исторических корней... В пору жизни реального Рорика Фрисландского прямых связей ни Фрисландии, ни Дании с Русью не было, и вся деятельность этого викинга времен Лотаря и Карла Лысого в 40–70-х годах IX века протекала в кругу датских и германских интересов. В IX веке фризы не ходили на восток дальше датского Шлезвига и шведской Бирки, откуда жители ездили в Дорештадт... Экспансия самой Дании еще не простиралась восточнее земли куршей; датско-новгородские торговые отношения впервые зафиксированы в XI веке». Появление же в «Повести временных лет» самого «англосаксонского мотива о трех братьях (переработанного в духе договора о приглашении на княжение) следует, видимо, связывать с женитьбой Владимира Мономаха на дочери англосаксонского короля Гите, которая со своей свитой до отъезда на Русь укрывалась в Дании» (8, с. 23–24).

И тут незаметно для нас возникает новая тема – куда более реальная и серьезная, чем поиски исторических корней мифического Рюрика: а кем вообще были по происхождению древнерусские князья? Насколько они были «нашими», «своими»? И как происхождение князей сказывалось на развитии русских земель? Если «воссоздание» генеалогии самого Рюрика – задача малопродуктивная, то разобраться, так сказать, в этнической составляющей правящей элиты Древнерусского государства и княжеств, возникших на его обломках, – дело довольно полезное, которое может привести к нетривиальным выводам. Естественно, речь идет не только и даже не столько об «этнографическом составе крови» (как выразился Василий Ключевский) первых поколений древнерусских князей. Но начать надо именно с нее.

Дочки-матери: о княжеских родословных

Авторы школьных учебников по истории России всегда с удовольствием и гордостью сообщают о том, как древнерусские князья выдавали своих дочерей за представителей правящих династий Западной Европы. На память, естественно, сразу приходит Анна Ярославна – «королева Франции» (тогда – Парижа с ближайшими пригородами, Иль-де-Франс). Можно также вспомнить, что сестра Анны Елизавета вышла замуж за ко-

роля Норвегии. Сестры их отца Ярослава Мудрого были выданы за норманнского маркграфа Бернгарда, за кузена венгерского короля Иштвана I Ласло Сара и за польского короля Казимира I Пяста (Добронег-Мария), а дочери Владимира Мономаха – за венгерского короля Коломана (Евфимия), за византийского царевича Леона (Мария) и за венгерского короля Белу II (София). Но вот о том, кем были матери древнерусских князей, авторы учебников обычно не упоминают. А зря...

Итак, кем же были «наши» князья по материнской линии? Начнем с первого вполне исторического киевского князя Игоря. От его брака с Ольгой (судя по имени, скандинавкой) родился сын Святослав, одной из жен которого была некая Малуша. Была ли она славянской, сказать трудно. Следует, однако, отметить, что ее имя совпадает с именем библейской царицы Савской – как оно дается в древнерусских переводах Библии. Характеристика же Малуши как рабыни-ключницы княгини Ольги, скорее всего, результат переосмысления неверно понятых слов, якобы произнесенных Рогнедой в ответ на предложение Владимира Святославича: «Не хочу разути робичича...» (7, стлб. 76), где слово «робичич» значило «нехристь» (подробнее см.: 4). Согласно летописной легенде, своего старшего сына Ярополка Святослав женил на монахине-гречанке, которую привез из Балканского похода, «красоты ради лица ея» (7, стлб. 75). Младший же Святославич Владимир имел несколько жен: летописец упоминает, в частности, Рогнеду, отец которой, полоцкий князь Рогволод, «пришел из-за моря» (т.е. был скандинавом), «чехиню» и «болгарыню», а также византийскую принцессу Анну.

От первой жены у Владимира родились будущие князья – полоцкий Изяслав, тмутараканский Мстислав, а также новгородский и киевский Ярослав, которого мы обычно – вслед за историками XIX в. – называем Мудрым. Все они, соответственно, по материнской линии были скандинавами. От «чехини» был рожден будущий новгородский князь Вышеслав (судя по всему, самый старший из Владимировичей), а от «болгарыни» – Борис и Глеб, которые вскоре будут убиты своим сводным братом Святополком (сыном Ярополка Святославича и монахини-гречанки), женатым, кстати, на дочери польского князя Болеслава Храброго. Так что, судя по летописным данным, первые русские святые были наполовину болгарами.

В результате кровопролитной братоубийственной усобицы, начавшейся сразу после смерти Владимира, единственным правителем на Руси остался Ярослав. От брака со шведской принцессой Ириной-Инггердой, дочерью шведского короля Олафа Шётконунга, родятся все сыновья Ярослава. Старший из них, Изяслав, унаследовавший от отца новгородский и киевский престолы, женится на Гертруде, дочери польского князя Мешко II. Сменивший брата на киевском княжении Святослав Ярославич будет женат на дочери немецкого графа Леопольда фон Штаде, а младший Яросла-

вич – Всеволод, также ставший киевским князем, – на дочери византийского императора Константина Мономаха.

Потомки Всеволода закрепятся на киевском престоле. Владимир Мономах женится на Гите, дочери англосаксонского короля Гаральда II. Их сыновья также вступят в брак с иноплеменницами: Мстислав-Гаральд – с дочерью шведского короля Инга Стейнкельса Христине, Ярополк – с осетинской княжной Оленой, а Юрий Долгорукий и Андрей с дочерьми половецких ханов.

Сыновья Изяслава Ярославича свяжут свои судьбы: один с дочерью немецкого графа Оттона фон Орламонде (Ярополк, князь туровский), другой – Святополк, князь киевский, – сначала с половецкой хатунь, дочкой Тугорхана, а затем с представительницей византийской династии Комнинов Варварой. Сын Святополка Изяславича вольнский князь Ярослав также будет женат дважды: первый раз на дочери венгерского короля Ласло, а второй – на дочери польского короля Владислава Германа.

Святослав Ярославич женит своего сына Олега, князя черниговского, курского и северского, сначала на византийской аристократке Феофано Музалон, а затем на половецкой хатунь, дочери хана Осулука. Внуки же его возьмут в супруги дочерей польского князя Болеслава III (Всеволод, князь муромский) и половецкого хана Аепы (князь черниговский Святослав). От последнего брака, кстати, родится главный герой «Слова о полку Игореве», который, сам будучи внуком и правнуком половецких ханов, сына своего, Владимира (князя галицкого), также женит на половецкой, дочери хана Кончака...

Список жен-иноземок древнерусских князей можно продолжить. Здесь мы найдем и дочь чешского оломоуцкого князя Оттона II Евфимию (жену новгородского князя Святополка Мстиславича), и дочь хорватского князя Белуша (жену дорогобужского князя Владимира Мстиславича), и немецкую принцессу, и грузинскую царевну Русудан (жены великого князя киевского Изяслава Мстиславича), и дочь польского великого князя Болеслава III Агнешку (жену великого князя киевского Мстислава Изяславича), и дочь литовского князя Довспрунка (жену великого князя киевского Данила Романовича), и дочь польского князя Казимира III (жену великого князя киевского Всеволода Чермного), и дочерей половецких ханов Белгука (жену великого князя киевского Рюрика Ростиславича), Тоглыя (жену новгородского князя Мстислава Давыдовича), Котяна (жену князя Мстислава Удатного) и Юрия Кончаковича (жена Ярослава Всеволодовича), и осетинскую княжну Марию (жену князя Всеволода Большое Гнездо), и грузинскую царицу Тамару (жену сына Андрея Боголюбского Юрия)...

**Ракурс: домонгольская история Руси
с точки зрения происхождения «элит»**

Еще раз повторю: дело не в том, что в подавляющем большинстве древнерусские князья (если не все они) не имели восточнославянских «кровей» и уже потому были если не «чужими», то не вполне «своими». Учет семейно-брачных связей древнерусских князей домонгольского времени существенно проясняет многие вопросы, связанные, скажем, с участием иностранных отрядов в борьбе «Рюриковичей» за престолы на севере и на юге русских земель.

Становится, скажем, понятным, почему в борьбе за киевский, галицкий или волынский престолы такое активное участие принимают отряды из Польши, Венгрии, Германии, половцы. Становится ясно и то, что отношения с соседями и на Западе, и на Востоке (в частности, отношения со Степью) – это не только противостояние и постоянная борьба с внешней агрессией. Это еще и решение, так сказать, внутрисемейных вопросов. Так, знаменитый поход новгород-северского князя Игоря Святославича, учитывая происхождение этого князя, уже не выглядит бесславной авантюрой, направленной на предотвращение половецких набегов на русские земли. Князь сам по большей части половец и, судя по всему, принимает участие в каких-то не вполне понятных нам выяснениях отношений между различными половецкими кочевьями. Недаром к нему с таким вниманием и почетом относится Кончак, который, кстати, после бегства Игоря из «плена» нанесет удар по княжествам, враждовавшим с Новгород-Северским. Эти родственные связи сыграют, в частности, роковую роль в событиях на Калке в 1224 г., когда южнорусские князья, откликнувшись на призыв о помощи своих половецких родственников, потерпят сокрушительное поражение от передовых монгольских отрядов...

Не менее важно, на мой взгляд, и то, что иноземные «принцессы» приносили на Русь свою культуру, свои языки и обычаи. Они приезжали не одни, а с двором, пусть небольшим. Христианки прибывали ко дворам своих супругов со своими духовниками (на этот счет есть важное свидетельство Титмара Мерзебургского о том, что дочь Болеслава Храброго приехала в Туров со своим духовным отцом, колобжегским епископом Рейнберном). Священники же, очевидно, привозили с собой книги...

До сих пор практически даже не поставлен вопрос о том, на каком языке, точнее, на каких языках разговаривали при княжеских дворах. Владимир Мономах писал, что его отец Всеволод Ярославич «дома седа, изучаеши 5 язык – в том бо честь есть от иных земель» (7, стлб. 246). Пять языков (ученые, кстати, до сих пор спорят, что это были за языки: обычно называют латинский, немецкий, венгерский, половецкий, литовский, торческий, косожский, абезский, «скандинавский», язык волжских болгар

и др.; единственно, в чем сходятся все: Всеволод, безусловно, владел греческим языком) – это, конечно, много. Но, судя по матримониальным связям, каждый князь должен был достаточно свободно владеть не меньше чем тремя языками, чтобы беседовать со своей матерью, у которой он воспитывался лет до 6–8, с отцом, женой и подданными. Древнерусский язык должен был, судя по всему, выполнять функции языка-посредника, языка межнационального общения в окружении князя. Следует ли после этого удивляться довольно обширным познаниям древнерусских книжников в области античной и даже древнеегипетской мифологии, включению в круг их чтения не только греческих хроник, иудейских апокрифов, но и «Повести о Варлааме и Иоасафе», представляющей собой христианизированный вариант истории Гаутамы-Будды, или перевода с арабского или с сирийского языка ассиро-вавилонской повести VII в. до н.э. об Акире Премудром?

Показательно, что знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха обнаруживает близость к западноевропейским наставлениям «к детям», к творениям отцов Церкви, в частности, Василия Великого, поучениям из «Пролога», произведениям византийской, латинской и англосаксонской литературы. По мнению В.В. Данилова, князь косвенно использует в «Поучении» трактат раннехристианского римского автора III в. Минуция Феликса «Октавий». В «Повесть временных лет» включены выдержки из древнерусского перевода еврейского хронографа «Книга Иосиппон», составленного в Южной Италии в середине X в. История о четвертой мести Ольги – о том, как по приказу княгини с помощью птиц, к которым был привязан горящий трут, была сожжена столица древлян Искоростень, – имеет параллели не только в скандинавской саге о Харальде Суровом, но и в уэльском романе «Brut Tysilio», восходящем к «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, а также у Саксона Грамматика, который приводит два рассказа «о взятии города по искоростенскому способу» датским эпическим героем Хаддингом: в Восточной Европе (где-то на Западной Двине) и в Ирландии (10, с. 200). Похожие истории содержит ближневосточное предание об Александре Македонском и об эмире багдадском Ибн-Хосрове, записанное армянским историком XI столетия Стефаном Таронским (Асохик). Причем, по мнению В.Г. Васильевского, «все это рассказывалось в Армении современно с пребыванием там и вблизи русского корпуса, почти современно с зимовками варягов в Халдии, и тогда мы будем, по всей вероятности, гораздо ближе к родословной Гаральдовых птиц и Ольгиных воробьев и голубей» (1, с. 235).

Есть основания утверждать, что на Руси делались, хотя бы в исключительном порядке, переводы с латинского и древнееврейского. Разыскания А.А. Гогешвили, проводившиеся в последнее десятилетие XX в., позволяют предположительно говорить о том, что древнерусским авторам

домонгольского времени были в подлинниках знакомы многие произведения античной литературы и западноевропейский рыцарский роман, откуда они заимствовали не только отдельные образы и тропы, но и поэтическую технику (см.: 2; 3). Существовали культурно-литературные контакты и со странами Ближнего Востока. Столь широкий контекст, в котором формировалась древнерусская культура, не в последнюю очередь обеспечивали матримониальные связи древнерусских князей. Оставаясь для основной массы населения Руси чужими (иноземное имя легендарного Рюрика – лучшее тому подтверждение), они, сами того не подозревая, закладывали фундамент древнерусской культуры.

Во всяком случае, учет материнской линии в родословных древнерусских князей может внести новые, порой неожиданные ноты в понимание логики развития политической и культурной истории нашей страны домонгольского времени. Что же касается попыток восстановления «генеалогической химии» мифического Рюрика, а тем более его точной биографии, то дело это совершенно бесперспективное. Говоря словами Ключевского, «такой поворот в умах есть, несомненно, симптом общественной патологии» (5, с. 113).

Список литературы

1. Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Он же. Труды. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1908. – Т. 1. – С. 177–377.
2. Гогешвили А.А. Акростих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XIII веков. – М.: Москва, 1991. – 204 с.
3. Гогешвили А.А. Три источника «Слова о полку Игореве»: Исследование. – М.: Белые альвы, 1999. – 209 с.
4. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. – М.: Аспект-пресс, 2004. – 389 с.
5. Ключевский В.О. наброски по варяжскому вопросу // Он же. Неопубликованные произведения. – М.: Наука, 1983. – С. 113–115.
6. Крузе Ф. О происхождении Рюрика: Преимущественно по французским и немецким летописям // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1836. – Ч. 9. – С. 43–73.
7. Лаврентьевская летопись // Полн. собр. русских летописей. – М.: ЯРК, 1997. – Т. 1. – 496 с.
8. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. – М.: Наука, 1968. – 474 с.
9. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. – Т. 3: Норманский период. – М.: Императорское моск. о-во истории и древностей российских, 1846. – XV, 546 с.
10. Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Она же. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.: Материалы и исследования. – М.: Наука, 1978. – С. 178–184.

А.В.ГОРДОН

***СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ
В РОССИИ XVIII в.
(Типическое и архетипическое)***

Длительное время «нововременные» процессы и само явление модерности – Modernity рассматривались в науке в русле «Entzauberung» Макса Вебера. В веберовской парадигме «расколдовывания мира» акцентировались различные стороны секуляризации, рациональное начало в политике и культуре, автономизация политической сферы, освобождение ее от религиозности. Важнейшей частью цивилизационного процесса Нового времени считалось изживание в общественной жизни иррационального, мистического, ритуального. Соответственно, в поле зрения исследователей оказывались по преимуществу политические доктрины, государственные учреждения, юридические нормы, материальные интересы различных социальных групп, стратегические планы правящих кругов и собственно *raison d'état*.

Вторая половина XX в. и особенно его последние десятилетия поставили под вопрос доктрину поступательной рационализации политики. «Обволакивание» современных институтов наследием традиционных отношений, возрождение религиозных культов и настойчивые попытки их приверженцев добиться для них государственного статуса, фундаментализм, наконец, побуждают исследователей обратить внимание на прежде периферийные темы и сюжеты истории Нового времени. Это, в свою очередь, требует новых методологических подходов.

Современные политологи и культурологи с увлечением описывают политический процесс как «большую игру», «политический театр», живописуют роль «имеджмейкеров» и «политтехнологов», подчеркивают значение различных «репрезентаций» власти (см., например: 37). Как бы это ни было интересно само по себе, для диагностирования в политике всего, что обращено к эмоциям, воспринимается скорее на уровне подсознательного, формируется представлениями участников, требуется более решительный переход к политической антропологии. Связь «сценариев власти» (используем здесь термин Р. Уортмана – см.: 51) с массовым сознанием, с

глубинными слоями культуры – вот что, очевидно, становится задачей историко-антропологического подхода. В силу особенностей нововременной истории России историко-антропологическое изучение роли архетипов, ритуалов, всего символического измерения политики должно особенно интересоваться именно россиеведов.

Эти особенности, парадоксально соединившие секуляризацию культуры с сакрализацией государственной власти, сформировались в эпоху Просвещения. Ключом же к антропологии российской власти Нового времени является царствование великого преобразователя Петра I. В образе действий основателя Российской империи проявился особый духовно-нравственный алгоритм преобразования страны. С впечатляющим постоянством он воспроизводился в последующие периоды российской истории (включая реформы 90-х годов XX в.), заставляя одних задуматься о естественно-исторической закономерности, а других – о культурной укорененности этой преобразовательной модели (см.: 12).

Император как Творец: архетип «власти преобразовывать»

Размышления о своей роли в судьбах России, похоже, были отнюдь не чужды основателю империи; ему оказалась близка классическая история Пигмалиона и Галатеи. Об увлеченности ею Петра I свидетельствует тот факт, что он лично избрал в качестве эмблемы своего царствования легендарный творческий акт, в котором слились мастерство резчика и его любовь к делу своих рук (см.: 26). Этот образ, запечатленный на одном из знамен, сопровождал императора к его последнему земному пристанищу. Ссылаясь на это изображение («резец, делающий статуу»), Феофан Прокопович восклицал: «Россия вся есть статуя твоя, изрядным мастерством от тебя переделанная» (34, с. 144). Многочисленные вариации образа воспроизводят общую идею: Петр I «всю Россию, каковая уже есть, зделал и создал» (там же).

Царя в многотрудных его делах, несомненно, мог вдохновлять образ творца, однако нам важно даже не это, а историческая судьба образа. Аллегория царя-скульптора, ваявшего страну по своему замыслу из бесформенного материала, косной и даже неодоушевленной материи, по-разному преломляясь, сопровождала весь век Просвещения; в его финале она воплотилась в знаменитом памятнике работы Фальконе. Показательна оценка Н.М. Карамзина, особо выделившего идею заменить классический пьедестал природной скалой – «диким камнем». «Сей камень, – полагал выдающийся русский просветитель, – служит разительным образом того

состояния России, в котором была она до времен своего преобразователя» (18, с. 199)¹.

Авторепрезентация первого российского императора не только запечатлелась в исторической памяти о нем, но и оказала могущественное воздействие на его наследников, на правящий слой, российское общество, отложившись в политической культуре. Право на радикальное переустройство страны из любви к ней стало частью национального восприятия верховной власти; «власть преобразовывать», по удачной формулировке американского историка (44, с. 34), сделалась ее высшей легитимацией.

Петр I выстраивал свою историческую роль в соответствии с классическим общеевропейским каноном. Образцы искал в актуализованном сначала Возрождением, а затем эпохой Просвещения античном наследии; сам поиск стал знаковым и многозначным явлением для русской культуры. Император-преобразователь, в свою очередь, сделался моделью для просветительской мысли (см.: 27), уподобившись героям-цивилизаторам различных народов и времен, а страна, которую он преобразовывал, – еще одной иллюстрацией *tabula rasa* (властитель созидает страну из культурного небытия). Очевидно влияние представлений о чрезвычайных преимуществах культурной девственности на «идеологию» и стиль реформ². Тем не менее универсальная модель Просвещения не вполне подходит к преобразованиям Петра I и совершенно не учитывает национально-культурные особенности («истоки») взятой им на себя роли.

Петровские нововведения выглядят прежде всего как новый государственный ритуал. Все (не одни только «мировоззренческие» (6, с. 18)) реформы – от нового летоисчисления до сооружения столицы, от гражданского шрифта до «Табели о рангах», от чужеземных форм общения до чужеземной одежды – имели не только функциональное, но и глубокое символическое значение. Они сопровождались интенсивными обрядовыми церемониями. Не случайно более рациональное сознание мыслителей екатерининской эпохи, подчеркивавшей в целом преемственность со временем Петра, восприняло далеко не все из этого наследия. М.М. Щербатов («О повреждении нравов в России»), И.Н. Болтин («Примечания на Историю древняя и нынешняя России г-на Леклерка»), Е.Р. Дашкова (в своих

¹ В XIX в. возникла новая интерпретация памятника, получившего характерное название – «Медный всадник». Россия уподоблялась лошади, вздыбленной властной рукой могучего седока. Возник мотив критического скепсиса: «Куда ты скачешь, гордый конь, И где опустишь ты копыта?» (35, с. 286). Но архетип преобразующей власти сохранился в эстетике железной воли и мощного движения.

² Еще Лейбниц, внушая царю идею о его провиденциальной роли в мировой истории, доказывал, что девственность российской почвы позволяет сеять, не опасаясь сорняков, и потому Россию можно цивилизовать без отклонений с правильного пути. Когда же философ, озадаченный петровским радикализмом, стал высказывать критические замечания, царь напомнил ему о прежних поучениях (42, с. 711–712; см. также: 11; 38).

«Записках»), поздний Карамзин (автор «Записки о древней и новой России») доказывали, что императору не стоило вторгаться в сферу нравов и обычаев, оскорбительно было европеизировать одежду и брить бороды – достаточно было заимствовать научные знания и технические приемы. Те же соображения высказывали некоторые французские просветители (характерно мнение Руссо: Петру не следовало цивилизовать русский народ, довольно было научить его воевать (50, с. 386)).

Однако критика петровских преобразований со стороны «екатеринских орлов» лишь доказывает, что между двумя царствованиями в русском обществе произошел основательный культурный сдвиг. В отличие от своих просвещенных потомков, Петр I был сыном России XVII в., вращенным в обрядовом строе традиционной русской культуры. В культурно-ментальном отношении даже протопоп Аввакум был ближе царю, чем, например, Н.М. Карамзин. Симптоматично, что воспоминание о Никоне и его обрядовых нововведениях вызывали у Петра крайнее раздражение, хотя и по иной причине, чем у Аввакума. Ритуальный статус и роль монарха – вот что оказалось основой основ для сына Алексея Михайловича.

Обличая «дух папского властолюбия», Петр I указывал на стремление патриарха стать «выше самого государя», «особливо в публичных церемониях»¹. Источником раздражения были и попытки Никона подчинить себе царя через распоряжение различными таинствами. Так, говоря о причинах опалы Никона, Петр в один ряд с прямой государственной изменой (будто бы имевшим место во время войны с Польшей подкупом патриарха неприятелем) поставил эпизод запрета Алексею Михайловичу на причащение во время Великого поста (2, стб. 701–703).

Обычно считается, что царь-преобразователь стремился своими ритуальными действиями легитимировать цивилизационный смысл нововведений и тем самым придать им необратимость. Это мнение хотя и имеет некоторые основания, на мой взгляд, преувеличивает рационализм и «просвещенность» Петра. Ритуал, видимо, был для него в некоторой степени самоценен. Придание же нововведениям ритуального характера являлось в значительной мере спонтанным и органичным.

Даже в действиях Петра I в церковной сфере преломились особенности его натуры; эти новшества полностью соответствовали стилю и общему направлению преобразований. Не терпя пустословия, царь «опреде-

¹ Прежде всего, как считает передавший свидетельство современника Петровской эпохи П.А. Алексеев, речь шла о ритуале «шествия на осляти», когда царь-отец Алексей Михайлович должен был в Вербное воскресенье вести под уздцы коня, на котором восседал Никон. Молодому царю Петру Алексеевичу тоже пришлось играть роль «коношоного» в такой церемонии. Алексеев точно определил символическое значение ритуала как «уничтожение царского величества», особо отметив его «нововеденность» в русской церкви (см.: 2, стб. 699). Отмена ритуала непосредственно предшествовала упразднению патриаршества.

лил», чтобы и в церквах «не было никаких пустых разговоров» (цит. по: 29, с. 31). В церковном интерьере утверждались простота и строгость, отражавшие стиль эпохи. Сооружавшиеся храмы стали напоминать идеальное чиновничье присутствие; в то же время государственная служба в соответствии с убеждениями царя обрела душевспасительные мотивы. Служение царю и Отечеству на любом посту уподоблялось выполнению религиозного долга¹.

Органичным в этом смысле выглядит объединение церковных и светских праздников и разработка для таких «церковно-светских праздников» (29, с. 27) особого ритуала, соединявшего торжественный молебен с оружейным салютом, фейерверком и народными гуляниями. Нововведением считает церковная историография «превращение православного храма в музей воинской славы, помещение в храм военных трофеев» (там же, с. 29). Здесь Петром руководило, конечно, не чужеземное влияние, а искренняя преданность военному делу – едва ли не главному в его жизни. Торжественной церковной службой отмечались по его распоряжениям все сколько-нибудь значительные победы русского оружия в Северной войне, а учрежденные в честь апостола Андрея Первозванного, «равноапостольного» князя Владимира, «святого благоверного князя» Александра Невского высшие ордена прославляли героизм победителей.

Историко-культурные основания петровской модели преобразований: Крещение как прообраз

При изучении роли ритуала в российских преобразованиях необходимо обратить особое внимание на два обстоятельства. Во-первых, ритуал имел особое значение для всех традиционных обществ. Поэтому обращение в цивилизацию Нового времени (обретение Modernity) во многих из них – особенно в монархических государствах (в Японии или Османской империи) – в некоторых существенных моментах соответствовало «петровской модели» с ее подчеркнутым вниманием к ритуальным нововведениям (в том числе в одежде и манерах поведения²). Во-вторых, каждая реформаторская модель, безусловно, имела национально-культурные предпосылки. И здесь возникает вопрос: можно ли говорить об особой роли ритуальности в русской духовности, культуре? Он кажется риторическим – достаточно вспомнить о явлении «обрядоверия»; оно известно на

¹ «Вытолковать, что всякому исполнению звания есть спасение», – указывал царь в записке 1722 г. (цит. по: 24, с. 45).

² При введении европейской одежды, прически и пр. помимо соображений удобства или гигиены значим был цивилизующий эффект. Красноречив афоризм эпохи Мэйдзи: «Если постучишь по голове с *джангири* [короткая стрижка, заменившая самурайскую косицу], отзвуком будут Цивилизация и Просвещение» (49, с. 158).

протяжении веков, но его масштабы и истоки все еще не определены. Размышляя о национальных особенностях веры – необыкновенной пышности церковной службы, тщательной разработанности ее чина, общей убежденности в необходимости строгого следования установленным нормам¹, В.О. Ключевский объяснял их обстоятельствами принятия христианства – «географической и исторической отдаленностью» Древней Руси (как и других стран Восточной Европы) от первоначальных его очагов; тем, что эти страны «не были поприщем деятельности апостолов и св. отцов» (20, с. 420).

Думается, было еще одно обстоятельство, наложившее глубокий отпечаток на церковную и государственную историю России: в исторической памяти Крещение оказалось всецело связано с верховно-учредительной ролью светской власти. И в Западной Европе признана роль правителей, но когда говорят, например, о христианизации Франции, вспоминают не только Хлодвига, крестившего свое войско и учредившего (в V в.) государственную религию. В исторической памяти несравненно большее место занимает евангельская проповедь подвижников и мучеников, обращавших в христианство жителей римской Галлии с I в. н.э. (яркий пример – монмартрский мученик св. Дионисий). Религиозные праведники канонизированы, стали почитаемыми национальными и местными святыми. К примеру, надпись на камне у главного храма Ирландии гласит: «Здесь св. Патрик крестил многих ирландцев».

В России иная культурная традиция. Осуществленный по воле древнего правителя обряд крещения Руси одновременно легитимировал обрядодозидательную «миссию» светской власти (государева воля – государева вера). Историко-культурный факт стал основополагающим артефактом не столько религиозно-церковной, сколько политико-государственной истории страны. Будучи запечатлено в национальном сознании и актуализовано в Петровскую эпоху, Крещение сделалось своего рода архетипом цивилизационного преобразования страны².

Эта историческая контаминация произошла уже в летописном сказании. 1. Сюжет «Повести временных лет» по существу воссоздает акт государственной воли: князь решает сменить веру, выбирает и соизволяет. 2. Принятие христианства превращается в государственный ритуал: «Будь то богатый или бедный, или нищий, или раб» – всем в воду! А «если не придет кто завтра на реку... будет мне врагом», – объявляет князь. 3. Ле-

¹ Ключевский ссылался, в частности, на протопопа Аввакума: замена троеперстия двуперстным знаменем поразила его подобно внезапному наступлению зимы: «Сердце озябло и ноги задрожали» (20, с. 437).

² Уже в работах Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского 1970-х годов была раскрыта символика петровских реформ как «крещения в Просвещение» (см.: 22). Об общей постановке вопроса об архетипах в российском Просвещении см.: 4.

тописец прокламирует установление государственной религии; его не интересует индивидуальное обращение людей Древней Руси, предшествовавшее этому акту. 4. На дохристианском прошлом страны в прямом и переносном смысле ставится крест. Свергают, рубят, бросают в воду языческие божества во главе с Перуном, которые незадолго до того по воле того же Владимира разместили перед княжеским теремом. «Велик ты, Господи, и чудны дела твои, – с эпическим бесстрашием замечает летописец. – Вчера еще был чтим [Перун. – А.Г.] людьми, а ныне поругаем» (32, с. 189–190).

Таким же переворотом, упразднявшим существовавшую систему ценностей, виделись современникам преобразования начала XVIII в. Подчеркивая их радикальность, идеолог реформ Феофан Прокопович почти вторит Нестору: «Чим мы прежде хвалилися, того ныне стыдимся» (34, с. 135). Подобно принятию новой веры в летописном изображении, обращение в новоевропейскую культуру диктуется волей правителя и становится актом лояльности со стороны подданных. Страна принимает новую культуру буквально на веру – и это вера в государя, архетипическая убежденность в мудрости его выбора¹.

Думал ли Петр I, что заимствует модель культуротворчества киевского великого князя, провозглашенного Русской православной церковью «равноапостольным»? Маловероятно². Осознавая свою духовную миссию, царь-преобразователь видел ее в распространении в России дохристианской («первоначальной», «исходной») древнегреческой учености. Он был уверен, что новоевропейская культура – это «прежняя греческие искусства, науки и образ жизни». Из Греции они распространились по Европе, утверждал Петр в речи, пересказанной одним немецким дипломатом. «Теперь, – обращался царь в той же речи к приближенным, – очередь доходит до нас, если только вы поддержите меня» (9, стб. 1073–1075). В таком контексте не было необходимости использовать для легитимации преобразований авторитет крестителя Руси. Это дает основания полагать, что в основе сходного способа культуротворчества разных эпох – его глубокая укорененность во властно-государственной традиции. Мы имеем дело с архетипом «власти преобразовывать», а не с манипулированием исходной преобразовательной моделью.

¹ Описывая, как древнерусские люди, оплакивавшие расправу над Перуном, брошенным в Днепр, назавтра ликовали, принимая крещение, летописец, не мудрствуя, объяснял чудесную перемену народным убеждением, что «если бы не было это хорошим, не приняли бы этого наш князь и бояре» (32, с. 190).

² Характерно, что тот же Феофан Прокопович, сочинивший в 1705 г. трагикомедию «Владимир» (в финале которой история страны доводится до петровского царствования), никак не акцентирует аналогии. В литературе, однако, высказывается мнение о том, что Феофан придал герою своего произведения черты личного сходства с Петром (45, с. 64).

Отставание преобразователем именно «власти преобразовывать» до сих пор заставляет многих историков (как до того современников) думать, что изменения в Петровскую эпоху происходили как бы ради самих изменений. Нередко поражает их утрированность, чрезмерность. Архетип Крещения как исторический прообраз петровского «стиля» крутого слома традиции отчетливее всего выразился в манифестировании преобразований. Они во многом оставались декларацией – словом, намерением, но не делом. При этом обновление полагали состоявшимся даже тогда, когда принятие новоевропейской культуры было очевидно поверхностным (подобно тому как под покровом христианской обрядности масса населения Киевской Руси и Московского царства веками сохраняла нехристианские верования). Несовпадение намерений и реалий сделалось со второй половины XVIII в. излюбленной мишенью критики западных авторов, ответ на которую являлся предметом особых забот преемницы преобразователя Екатерины II («Антидот»).

Санкт-Петербург как прообраз новой России: место столицы в преобразовательной модели Петра I

Вместе с тем надо признать, что петровский пафос обновления страны, воля к преобразованиям соответствовали не только долговременным государственным потребностям, но и неотчетливым, сложно верифицируемым массовым настроениям. Иначе они не были бы осуществлены и продолжены в последующей истории страны. Замечательный тому пример – Санкт-Петербург. Трудно найти другое столь очевидное подтверждение стремления преобразователя «начать с нуля»; мировая история дает мало подобных примеров торжества «власти преобразовывать». Она утвердила себя вопреки всему – природе и географии, прошлому страны, традиционной государственности Московского царства, мессианскому стремлению на юг, к обретению византийского наследия («Третий Рим»), вопреки приверженности «родной старине» значительной и влиятельной части государственной и культурной элиты¹.

Исключительно функциональное значение основания города в устье Невы до сих пор обоснованно оспаривается исследователями. Роль экономического «окна в Европу» (т.е. торгового порта на Балтике) с большим успехом могли исполнить уже существовавшие Ревель, Нарва, Выборг, вскоре попавшие под скипетр Петра. В военно-стратегическом отношении для прикрытия входа в Невскую губу достаточно было укреплений на ост-

¹ Эта воля утверждала себя «противу чаяния и *противу естества вещей*», по словам далеко не самого резкого критика и не самого консервативного представителя той элиты (5, с. 48).

рове Котлин и близрасположенных берегах залива¹. Невероятные усилия в сооружении Петербурга можно объяснить (и оправдать) лишь одним: двигалась новая столица, призванная стать духовной основой и институциональным рычагом обновления страны.

В отечественной научной литературе и публицистике постоянно акцентировалось (и акцентируется) заимствование при сооружении Петербурга инонациональных образцов. Об этом особенно охотно говорят в отношении самого облика города на Неве с ее бесчисленными протоками и притоками – «Северная Венеция», «Новая Голландия», «Новый Амстердам». Водное пространство действительно занимало исключительное место в воображении и устроительных замыслах царя-преобразователя. Но сами по себе «водные» аналогии «плывут» по поверхности. Поучительней заняться поиском более глубоких исторических связей.

Можно вспомнить, как несколькими десятилетиями ранее волей «первого просвещенного деспота»² Европы был сооружен Версаль – и тоже в «диком», с нездоровым климатом (буквальная реминисценция «из топи блат») месте. (Здесь кстати вспомнить и о сходстве душевных травм от начала правления Петра I и Людовика XIV, видевшего врывавшихся в королевские покои парижских фрондеров и не раз спасавшегося от них бегством.) Но главная аналогия касается политического и символического значения строительства: планомерно застраивалась королевская резиденция; одновременно реорганизовывалась структура королевского двора как аппарата власти. В форме особого «королевского города» (8, с. 65) материализовался образец «регулярного» государства. Принцип «начать с нуля» создавал необходимый демонстрационный эффект преобразований в духе «просвещенного абсолютизма». Закономерно, что Версаль и его строитель стали примером для подражания другим европейским монархам эпохи Просвещения³.

Но русский император пошел гораздо дальше «предшественника». Новая столица в своих основополагающих культурно-типических чертах и градостроительных принципах сооружалась как антипод и собственно Москве, и всей Московской Руси. «Питер – город, Москва – огород» (41, с. 54), – так местный фольклор зафиксировал культурно-историческую

¹ Даже в самый опасный момент сооружения столицы, во время Северной войны, «огонь по противнику открывали только пушки Кроншлота. Ни Петропавловская крепость, ни Адмиралтейство не выпустили по неприятелю ни одного ядра, ни одной гранаты, ни одного заряда картечи» (23, с. 78).

² Определение современного биографа – см.: 8, с. 725.

³ Русский император тоже соорудил бессмертную «копию» Версаля в образе Петергофа. Но важнее, что он как личность был поставлен потомками в один ряд с автором Версаля. Ю.М. Лотман указал на распространенность сопоставления преобразователя России с «королем-солнце» в русской литературе XVIII в. (см. примечания к «Письмам русского путешественника»: 18, с. 636).

противоположность двух столиц. Здесь «схвачено» и передано не значение сельского хозяйства для жителей традиционной Москвы (огороды возникли и в новой столице), а отсутствие четкой грани между городом и селом в Московской Руси. С обретением столичного статуса град св. Петра и внешне стал соответствовать новоевропейским понятиям и просветительским канонам¹. Каменными зданиями и мощеными дорогами, прямыми улицами и всей, по Пушкину, «строгой стройностью» он противостоял спонтанной органичности и органической неупорядоченности городов Московии. В воплощении рационального начала, плановости, или, говоря языком того времени, «регулярности», и была историческая миссия Петербурга².

Существует известное мнение, приведенное еще в «Разоблачениях дипломатической истории XVIII века» К. Маркса, что основание новой столицы на краю империи указывало на замысел Петра присоединить к России окружающие земли (25, с. 12). Послевоенная советская историография, в целом не принимавшая работу «классика», с удовольствием воспроизводила эту оценку (см., например: 17, см. также: 23)³. О.Г. Агеева справедливо отмежевывается от позиции, в рамках которой подчеркивалась «агрессивность» намерений создателя Петербурга. По ее мнению, «это было политическое, культурное и торговое вторжение России в Европу, хотя война и являлась одним из его самых действенных средств» (1, с. 206).

¹ Прослеживается хронологическое совпадение между утверждением столичного статуса Петербурга и началом планомерного комплексного градостроительства. По оценке В.В. Мавродина, «временем окончательного признания Петербурга столицей России следует считать 1712 год» (23, с. 122). Автор же одной из новейших монографий указывает, что именно в 1710-х годах стал строиться «второй Петербург», пришедший на смену хаотичной застройке первых лет (см.: 1).

² «Промыслительная», говоря словами В.Н. Топорова, роль Санкт-Петербурга в «антиэнтропическом» устремлении страны (43, с. 320) при всей ее очевидности слабо осмыслена в научной литературе. Думаю, сказывается «слабость» методологического аппарата антропологического подхода, отмеченная в начале статьи. В результате темы формирования новой российской государственности и сооружения новой столицы оказались в отечественной историографии изолированными друг от друга (см.: 39, с. 138).

³ Занимательно, что, вроде бы повторяя Маркса, советские историки приводили мнение, с которым он полемизировал. Для Маркса политику Петра I определяла не задача завоевания Прибалтики, а планы создания мировой державы посредством европеизации страны. Основание новой столицы было, по Марксу, признаком не провинциально-анексционистских, а глобально-цивилизаторских замыслов. В духе антироссийских настроений своего времени основоположник марксизма писал, что в политике царя выразились «гордые стремления монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира». Однако, «если московитские цари, осуществлявшие свои захваты, главным образом используя татарских ханов, должны были *татаризовать* Московию, то Петр Великий, который решил действовать, используя Запад, должен был *цивилизовать* Россию» (25, с. 11, 13).

Мне кажется, что и само «вторжение» можно рассматривать в первую очередь как «средство» преобразования. Интересно перевести проблему в другую плоскость и порассуждать не о внешней, а о внутренней экспансии. Удачна метафора Б.А. Успенского: Петербург для царя-реформатора был не столько «окном в Европу», сколько «окном в Россию»¹. Обращает на себя внимание и ход мыслей автора «Разоблачений...» Маркс считал, что с основания новой столицы должно было начаться превращение России из державы континентальной в морскую, а значит, по стандартам цивилизации Нового времени, и в современную.

Тогда «регулярная» столица как бы встает в один ряд с регулярным войском и «регулярным государством». Все это звенья единого организаторского замысла цивилизационного обновления страны. Новый город явился ярчайшим воплощением петровской идеологии «России молодой» (по существу вариация *tabula rasa*), которая при всей противоречивости преобразований стала влиятельным архетипом национального самосознания Нового времени. Молодая столица должна была послужить прообразом «молодой», т.е. обновленной, России.

Анализируя облик Петербурга и его место в планах Петра, уместно вспомнить о просветительских канонах – в данном случае о модели, так сказать, радиальной (или концентрической) цивилизации. В соответствии с ней «просвещенный» центр, воплощающий очаг Разума, распространяет свои лучи по всей округе, цивилизуя сначала ближнюю, а потом и отдаленную (включая иноземную и заморскую) периферию. Так мыслилась, например, цивилизационно-колонизирующая роль Парижа в XVIII в., и особенно в эпоху революции. Несомненно, и основатель Петербурга стремился превратить свое детище в центр просвещения страны (причем в буквальном смысле – основав здесь Академию наук, первые в стране музей, библиотеку и проч.). Но и в данном случае, утверждая универсально-просветительскую модель, Петр I придавал «радиальной» цивилизации национальное своеобразие, обусловленное культурными традициями.

Сакрализация новой столицы:

Петербург как «парадиз»/«святая земля»/новый «Третий Рим»

Можно считать определение «парадиз» – так царь упорно именовал основанный им город – простой метафорой, доказывающей, однако, как дорог он был своему создателю. Вместе с тем данное понятие органично мышлению Петра I, несомненно, помнившего, какое высокое место оно

¹ Петр, основывая Петербург, «пытался именно не столько на Европу смотреть через окно из России, сколько на Россию из Европы» (46, с. 390).

занимало в религиозно-ценностной иерархии¹. В соответствии с этим предпринимались целенаправленные усилия по освящению города: в официальной культурной традиции новая столица обретала сакральный статус.

При основании города царь развил интенсивную храмосозидательную деятельность, целью которой было превращение Петербурга в важнейший религиозный центр страны². Это предполагало сакрализацию как города, так и его основателя³. Любопытна в этом смысле, например, история с воскрешением имени св. Исаакия Далматского. Малоизвестный и непопулярный в России святой стал знаковой для города фигурой только потому, что день его поминовения в церковном календаре пришелся на день рождения царя. Петр I постарался сакрализовать в петербургском «тексте» не только день своего крещения (апостолов Петра и Павла), что соответствовало традиции, но и день рождения. Им было начато строительство храма, освященного в честь св. Исаакия. Ритуально-строительную эстафету подхватили преемники. Спустя сто с лишним лет, после нескольких неудачных проектов, был сооружен грандиознейший собор, ставший одним из символов города.

Идея создания другого важнейшего городского храма – Казанского собора – тоже связана с основателем города: это он повелел перенести в Петербург чрезвычайно почитаемую в России икону Казанской Божией Матери. Явленная в XVI в. при завоевании Казанского ханства икона стала чудесной заступницей страны и одновременно служила прославлению успехов русского оружия. Два этих сакральных мотива приобрели еще более мощное звучание с превращением новой столицы волей царя в центр национального культа Александра Невского.

Существенно изменив при этом традицию, Петр I вместе с тем действовал в соответствии с общим духом и основополагающими требованиями ритуала. В честь канонизированного церковью князя он основал монастырь (впоследствии Александро-Невская лавра), которому придал исключительно высокий институциональный ранг (приравнял к Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лаврам). На месте победы княжеской дружины над вторгшимися на Русь в 1240 г. шведами уже стояла церковь, однако замыслы Петра требовали включить сакральное пространство в пре-

¹ Показательно, что ближайший сподвижник царя и первый губернатор столичной области А.Д. Меншиков уже в 1709 г., т.е. до обретения полного статуса столицы, именовал «Санкт-Петербурх» в письме к царю «святой землей» (31, с. 1356).

² Одновременно со строительством новой столицы шло, замечает В.С. Семенов, «форсированное создание мифологии царственного города, направленной на поиск и максимальное усиление духовных и символических связей со всей историей России» (39, с. 143).

³ В конечном счете в массовом сознании обе линии сакрализации – «город св. Петра» и «святой город Петра» – сошлись, породив прочное убеждение в том, что столица получила наименование в честь своего основателя (см.: 40, 41).

дела будущего города. Царь лично приискал территорию, напоминавшую место Невской битвы (см.: 29, с. 75), дав тем самым основание для появления соответствующей легенды. Наконец, он распорядился перенести в основанный монастырь из Владимира мощи князя.

Александро-Невский монастырь был учрежден в 1710 г., вскоре после Полтавской победы над шведами, одержанной под руководством царя. Так устанавливалось прямое преемство по военно-героической линии между Петром I и прославленным государственным деятелем Древней Руси. Преемственно-наследственная связь была усилена «подправлением» церковных установлений. Постановление Святейшего Синода от 15 июня 1724 г. предписывало: «Святого благоверного великого князя Александра Невского... отныне... в монашеской персоне никому отнюдь не писать... а писать тот святого образ во одеждах великокняжеских» (33, с. 148). Спустя несколько месяцев, во время церемонии перенесения мощей князя в монастырь, по именному императорскому указу Синод распорядился «отныне праздновать службу Александру Невскому» не 23 ноября (как это делали прежде), а 30 августа – в годовщину Ништадтского мира, завершившего Северную войну (там же, с. 188)¹.

Сакрализации новой столицы должен был служить и культ св. Андрея Первозванного, весьма значимый в русской православной традиции². Учреждением в честь Андрея высшего ордена и военного знамени царь преобразовал «старый» культ в новый государственный ритуал. Апостол стал небесным покровителем Санкт-Петербурга. При основании города, как свидетельствует официальный текст того времени «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга»³, был зарыт ковчег с его мощами (ныне мощи апостола соединились с останками великого князя владимир-

¹ Многозначительна ритуальная точность в хронологии, проявленная Петром. Поскольку ковчег с останками князя не успел прибыть в Петербург к 30 августа 1723 г., он распорядился перенести церемонию, повелев почти на год оставить ковчег в Шлиссельбурге (см.: 29, с. 76).

² Интересно предположение О.Г. Агеевой о том, что Петр I собирался сделать культ Андрея Первозванного важнейшим в новой столице и во всем государстве, так как, по убеждению царя, «народ российский первое начало христианской веры от него восприял» (1, с. 286–287). Кажется, однако, сомнительным, чтобы культу св. Андрея назначалось заместить (или потеснить) «верховного апостола» – духовного патрона царя и самого города.

³ Этот замечательный с точки зрения собрания архетипов власти текст опубликован дважды: Г.В. Есиповым в «Русском архиве» в 1863 г. и Ю.Н. Беспятым в приложении к книге «Петербург Петра I в иностранных описаниях». Оба раза – без датировки и комментариев. Совсем недавно текст стал использоваться в отечественной научной литературе. Между тем, как справедливо указывает П.А. Кротов, особое значение ему придают личные пометы царя и указание на принадлежность к бумагам из его кабинета (21, с. 211). Ранее упоминание текста см.: 30, с. 42–43.

ского в Александро-Невской лавре), на крышке которого вырезали надпись об основании «царствующего града»¹.

В тексте «О зачатии... града...» особо указывалось на то, что именно воля апостола «предвозвестила» основание новой столицы. Согласно приведенной легенде, на Киевских горах апостол Андрей поставил крест (как бы предназначив город для будущего Крещения Руси), а в Новгородской земле, на дороге в сторону будущего Петербурга, водрузил жезл. Тем самым «прообразовал самодержавие в стране оной» (цит. по: 7, с. 260). Если сопоставить эту историю с «Повестью временных лет», можно заключить: петровский культ Андрея Первозванного тоже возник из целенаправленного преобразования сакральной традиции. Этого требовала задача легитимации (прежде всего традиционной, сакральной) как новой российской столицы, так и версии северо-западного происхождения российской государственности².

Тот же текст свидетельствует, что при основании имперской столицы России власть актуализировала архетип «Третьего Рима». Однако центральной в Петровскую эпоху стала не идея верного религиозной традиции сакрального царства, а перспектива новой мировой империи, соответствующей стандартам цивилизации Нового времени. Текст прямо указывал на связь «зачатия» «царствующего града» Петербурга (символика орлиного гнезда) с основанием Царьграда-Константинополя³. Новоучрежденная Российская империя провозглашалась преемницей-наследницей предыдущих – Восточной, Греческой и Римской. Как пророчил анонимный автор, обогатившись «всеми добродетельми и науками», она превзойдет предшественниц и своими делами: под ее властью окажутся «многие языцы» и «многие цари» (цит. по: 7, с. 261–262).

Задача легитимации имперской столицы потребовала обращения к еще одной сакральной фигуре: «первоверховный апостол» Петр стал небесным покровителем города и его основателя. На важность этой символической акции для придания священного статуса городу на Неве и актуализацию в связи с нею архетипа «Третьего Рима» указано в отечественной литературе. Исследователи отмечают разнообразные способы уподобления новой российской столицы Вечному городу: собственно наименова-

¹ О.Г. Агеева обращает внимание на несоответствие этого указания действительному установлению столичного статуса города (1, с. 61).

² В повествовании Нестора посещение св. Андреем Новгородской земли отмечено лишь любованием народными банями (32, с. 145). В тексте же «О зачатии и здании царствующего града» знаковая иерархия Киева и Новгорода перевернута: Киевские горы во время хождения апостола еще «пусты», а на месте Новгорода уже стоит «великий Славенск».

³ О символическом «сближении» Петра I с образом византийского императора см.: 10, с. 49–53.

ние, конфигурация элементов и символика герба, посвящение апостолу Петру главного храма (см.: 47, с. 64). Добавим: у Андреевского собора, который должен был стать важнейшим храмом нового городского центра на Васильевском острове, император желал видеть купол того же стиля, что и у римского собора св. Петра (см.: 1, с. 287).

Культы «верховных апостолов» Петра и Павла были вовлечены в идеологическое и символическое противостояние новой и старой столицы, олицетворявшее конфликт «молодой» и «древней» России. Как истинный город св. Петра, Петербург противопоставлялся извращенному «папской ересью» Риму и «папезной» Москве, бывшей для царя символом «папского властолюбия» патриархов и ханжеской архаики государственного ритуала Московского царства. Как воплощение новой России Санкт-Петербург по существу занял символическое место Москвы в национально-архетипическом образе «нового Рима».

Европеизм и самобытность в идеологии екатерининского царствования

Итак, Петербург – этот центр российского Просвещения – волей преобразователя был превращен в важнейший центр традиционной религиозной обрядности. Можно сказать, что при формировании в России новоевропейской государственности не снизилось значение архетипической легитимности, но был использован ее потенциал. Единство нововременного и традиционного начал сохранилось и на втором этапе российского Просвещения, связанном с именем Екатерины II. Более того, в культуротворчестве духовной преемницы преобразователя (идея этой преемственности материализована в величественном памятнике, ставшем еще одним сакральным символом Петербурга, и в почтительно-претенциозной надписи на нем: «*Petro primo Catharina secunda*») просветительские модели еще плотнее сплелись с национальными архетипами. Отчетливее проявился синкретизм образа власти, ставшего основой имперской политической культуры.

В отличие от Петра I, который лишь под конец жизни занялся регламентами, придававшими государству системный и законосообразный вид, Екатерина II начала свое царствование с устроительно-законодательной деятельности. Знаменитый «Наказ» – продукт увлечения императрицы политической мыслью эпохи Просвещения – должен был придать России вид «регулярной» европейской монархии. Но не случайно историки до сих пор спорят, чего было больше в этом документе: реальных планов переустройства или «репрезентации», задачи которой – продемонстрировать просвещенность императрицы и утвердить ритуально-архетипическую «власть преобразовывать».

Усилия Екатерины II по приданию российской государственности «регулярного» характера, несомненно, впечатляют. И во всем, включая символично-ритуальную сферу, она выступала преемницей Петра I. При Екатерине градостроительный облик «Петра творенья» окончательно стал прообразом устройства всей страны. Все «регулярнее» делалась сама столица, черты петербургского стиля проникали в российскую глубинку. Параллельно с учреждением губернского управления в губернских городах планомерно создавались основы регулярного градостроительства. Геометрическая планировка центральных улиц и благоустройство городской жизни являлись символами новой России. Стремясь повысить ритуальный статус городов, Екатерина II присваивала им гербы, сочиняя их вместе со своим окружением. Геральдическая кампания придала возрожденной традиции черты «изобретения», типичного для Нового времени.

Осью внешней политики Екатерины II было южное направление, имевшее особое значение с точки зрения архетипов российской государственности. Здесь духовные потребности соединились с экономическими интересами империи, устроительные замыслы Петра – с новыми возможностями, стремление утвердить свою европейскую принадлежность – с ощущением «особости» положения России в Европе. Хорошо известно, как екатерининская империя продвигалась на юг. Для нас важно, что это движение направлялось и обосновывалось и цивилизаторскими идеологиями Просвещения, и архетипом «Третьего Рима».

С обращением в цивилизацию Нового времени Россия оказалась во власти того миссионерского экстаза, который гнал европейские державы во все части света. В движении на Восток национальное сознание искало обоснование идеи самобытности. Основой для самоутверждения стало признание России преемницей Византии, воспроизводившее архетип Московского царства. Российская империя провозгласила себя единственной претенденткой на духовное и территориальное наследие этой имперско-православной цивилизации. Продвижение империи на юг было способом предъявить и реализовать это свое историческое право. Вместе с тем борьба за византийское наследие была интегрирована в политику воссоединения с цивилизованным европейским миром, начатую Петром I. Русско-турецкие войны велись под флагом защиты христианства и торжества европейской цивилизации над азиатским варварством. Провозглашались просветительские принципы свободы народов и образования национальных государств (молдаво-валашского, славянского, греческого, крымско-татарского).

Порождением и своеобразным выражением европейского эллинизма эпохи Просвещения можно считать знаменитый «греческий проект», бывший для просвещенной самодержицы такой же душевной отрадой, как для преобразователя – «парадиз» на берегах Невы. Просвещенческие

принципы сплелись в этом проекте с национальными архетипами, что выявляется при сопоставлении первоначальной идеи, подсказанной Екатерине II Вольтером, с «восточной системой», которую «строил» Г.А. Потемкин. Внимая призыву «нести свет цивилизации варварским народам», императрица никогда не забывала о перспективе «восстановления Восточной империи» (см.: 16, с. 39–64).

От Петра I до Екатерины II культурная элита страны, подчеркивая свою европейскую принадлежность, добивалась признания европейской идентичности России просвещенным (и просвещавшимся) общественным мнением Европы. Заглавная статья программного документа российского Просвещения – «Наказ» Екатерины II, написанного в 1767 г. по-французски и по французским источникам, – звучала как манифест: «Россия есть европейская держава». Это положение получило историческое обоснование: «Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал» (13, с. 2–3)¹.

Архетип «призвания» правителей в екатерининской мифологии происхождения российского государства

Вместе с тем именно в «век Екатерины» впервые всерьез был поставлен вопрос о российской самобытности. Сама правительница инициировала поиск древних корней Российского государства, обратившись к национальной истории и мифологии. Екатерина II считала нужным не только придать самодержавию просвещенный облик, но и выявить историческую специфику российской государственности. Сакральность власти приобрела синкретический характер: в ней «ожил» еще один ключевой архетипический образ национального сознания – «призвание варягов». Как и в случае с Крещением Руси, здесь важна не историческая достоверность, а культурная ценность летописной версии основания древнерусской государственности: обращение славянских племен к чужеземным военачальникам представлено в ней государствообразующим актом².

Для чего потребовались «варяги»? В устройтельном мифе русского государства фигурировал свой «тройной след». Международный статус Московского царства утверждался легендарной родословной правителей, которую возводили к римским кесарям: Иван IV Грозный заявлял о своем родстве с Августом. История о варяжском («стороннем») происхождении

¹ Здесь императрица почти буквально воспроизвела оценку Монтескье. Французский просветитель полагал, что преобразования Петра означали восстановление подлинно европейской природы России и «облегчались тем обстоятельством, что существовавшие нравы не соответствовали климату страны и были занесены» (28, с. 417).

² Под датой 6370 (862) год в летописи записано: «Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”» (32, с. 149).

Юриковичей была полезна царской власти в период становления. Она утверждала ее историческое право быть «над» и «вне» российского общества.

Со становлением имперской государственности и появлением просвещенной элиты чужеземный «след» стал возмущать национальную гордость и отчаянно оспаривался патриотическими историками. Уже М.В. Ломоносов был основателем антинорманнской историографической традиции. Между тем легендарный сюжет укоренился в общественном историческом сознании. В этих условиях Екатерина II проявила себя замечательным культурным комбинатором. Не отказываясь от «варяжского» сюжета, она придала ему такую форму, что он перестал оскорблять патриотов. История о «призвании» стала краеугольным элементом идеологии российской монархии, тем «архетипом власти», который легитимировал и сакрализовал национальную исключительность.

Весьма чувствительная к пробуждавшимся национальным чувствам своих подданных, Екатерина II деликатно обошла тему этнической идентичности первых русских правителей. Архетипический сюжет «призвания» служил лишь обоснованию своеобразия происхождения государства в России. В отличие от истории с Крещением Руси, которая в начале XVIII в. «вспомнилась» спонтанно при восприятии обществом петровских преобразований в данном случае мы имеем дело с сознательным использованием летописной версии в идеологических целях.

В «Наказе» просвещенная императрица обосновывала самодержавие географическим детерминизмом в стиле Монтескье. «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит», – писала Екатерина II, указывая на необходимость компенсации трудностей коммуникации быстротой в принятии решений (13, с. 3). Однако прагматических доводов показалось недостаточно. Для их поддержки был привлечен известный со Средних веков «генеалогический метод», переживавший в век Просвещения как бы второе рождение. В результате удалось не только расширить легитимность российской монархии, но и «подтвердить» исключительность российского общества, которая делала его неуязвимым для социальных потрясений.

Акт «призвания» идеологи екатерининского века представили антитезой акта «завоевания»: «право завоевания» (покорение франками галлов), которым А. де Буленвилье обосновывал господство дворянства в монархической Франции, послужило свидетельством насильственного характера генезиса государства в Западной Европе¹. Поначалу Екатерина II и ее окружение популяризовали антитезу «призвания/завоевания», отри-

¹ Между тем концепция «завоевания» как государствообразующего акта сформировалась во Франции лишь в начале XVIII в. Так выражался протест аристократии против абсолютизма Людовика XIV. Концепция представляла собой разрыв с предшествовавшей традицией, которая, как и в России, происходила из «старого мифа... изначального единства народа и его королей» (48, с. 50).

чая необходимость конституционной реформы государственного строя. Со вступлением Европы в эпоху революционных потрясений к ней обратились в поисках идеологической защиты от революции. В «особом» происхождении российской власти екатерининская элита видела историческую гарантию от судьбы, постигшей французскую монархию.

Так просвещенная элита, руководствуясь рационалистической логикой, подвела под существовавшую в России форму правления своеобразную теоретическую базу. М.А. Алпатов назвал ее «теорией двух закономерностей» исторического процесса (3, с. 159–160). Уделом Западной Европы, представленной Францией, объявлялись изначальные раздоры и насилие, которые и привели к революции. России «изначальное согласие» правителей и народа сулило благодетельное монархическое правление на вечные времена. Бином «двух закономерностей», выведенный с помощью просветительского «инструментария» из национального архетипа власти, стал одним из самых влиятельных и устойчивых стереотипов российской общественной мысли.

При всех разногласиях историков того времени определяющее значение для конструирования («изобретения») «первоначала» истории России имел архетип «призвания». Характерна в этом смысле позиция Н.М. Карамзина. Он допускал возможность сомнений относительно фактических обстоятельств «призвания варягов»: «Так ли было действительно, мы не знаем; но так говорит Летописец. Истину знали верно одни современники» (19, с. 240). С тем большей полемической страстью и убежденностью историк подчеркивал архетипическое значение версии «Повести временных лет». «Начало Российской Истории, – писал Карамзин, – представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай... Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие... В России оно утвердилось с общего согласия граждан». И заключал: «Отечество наше... обязано величием счастливому введению монархической власти» (там же, с. 93).

Архетип «призвания князей» послужил своего рода исторической основой для российского варианта общественного договора. Он был «обработан» в духе концепции, которая к началу XVIII в. уже утвердилась в западноевропейской общественной мысли, став основой государственно-правовой теории эпохи Просвещения. Следует отметить, что общественный договор в российской версии (точнее, в версии российского «просвещенного самодержавия») соответствовал доктрине «регулярного государства», а не радикальной концепции Руссо. Государствообразующий акт изображался соглашением между правителем и подданными, по которому русский народ как бы раз и навсегда избрал себе самодержавную государственность.

Специфика российского Просвещения определяется центральной, а во многом и монопольной ролью власти, которая объясняется ее особой природой. Это наложило глубокий и неизгладимый отпечаток как на восприятие европейского Просвещения, так и на характер просветительской модели в России¹. Просвещение общества обратилось в XVIII в. в культурно-идеологическую власть над ним. Поскольку российское самодержавие, подобно любой монархии, имело сакрально-ритуальный статус, сакрализировалось и собственно просветительство (ср.: 14, 15).

Это выявилось вполне, когда в борьбу за «власть преобразовывать» вступило главное детище российского Просвещения – интеллигенция. Заимствовав у верховной власти просветительскую функцию, интеллигенция постаралась придать своему «культуртрегерству» статус сакральной миссии. Вследствие этого, несмотря на перевороты и сломы государственного строя, сохранились описанные архетипы российской власти. Они активно поддерживаются и в «западнической», и в «почвеннической» традициях общественной мысли, воспроизводятся в массовом сознании.

Список литературы

1. Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. – 343 с.
2. Алексеев П. Рассказ Петра Великого о патриархе Никоне: Всеподданнейшее письмо прот. Алексеева к имп. Павлу Петровичу // Русский архив. – СПб., 1863. – № 8–9. – С. 92–102.
3. Алпатов М.А. Русская историческая наука и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). – М.: Наука, 1985. – 272 с.
4. Артемьева Т.В. Идея истории в России XVIII в. – СПб.: С.-Петербургский центр истории идей, 1998. – 267 с.
5. Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 92 с.
6. Артемьева Т.В. Утопические архетипы в русской культуре // Философский век, 13. – СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2000. – С. 15–21.
7. Беспятовых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. – Л.: Наука, 1991. – 280 с.
8. Блюш Ф. Людовик XIV. – М.: Ладомир, 1998. – 818 с. – Оригинал: Bluche F. Louis XIV. – Paris: Fayard, 1986.
9. Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. – № 6. – СПб., 1872. – Стб. 1073–1075 (публикация П. Бурсова с немецкого издания 1744 г.).

¹ На это указывал еще А.С. Пушкин. В письме П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. он с мудростью и печалью констатировал, что даже в николаевскую пору «правительство все еще единственный европеец в России» и при «отсутствии общественного мнения» само устанавливает критерии цивилизованности (36, с. 511). Во французском оригинале: «Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie et... tout brutal et cynique qu'il est, il ne tiendrait qu'à lui de l'être cent fois plus».

10. Вилинбахов Г.В. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Ученые записки Тартуского ун-та. – № 664: Труды по знаковым системам. – № 18. – Тарту, 1984. – С. 49–53.
11. Герье В.И. Отношение Лейбница к Петру Великому и России по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. – СПб.: В.И. Головин, 1871. – 207 с. (Лейбниц и его век. Т. 2).
12. Гордон А.В. Архетипы российской власти // Куда идет Россия? – М.: МВШСЭН, 2000. – С. 21–29.
13. Екатерина II. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. – СПб.: Изд-во имп. Академии наук, 1907. – 174 с.
14. Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII в. // Век Просвещения: Россия и Франция. – М.: Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, 1989. – С. 141–165.
15. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII в. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 591 с.
16. Зорин А.И. Кормя двуглавого орла: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. – М.: Новое лит. обозрение, 2001. – 416 с.
17. История СССР. – М.: Госполитиздат, 1948. – Т. 1. – 744 с.
18. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1984. – 718 с.
19. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – 640 с.
20. Ключевский В.О. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. // Очерки и речи: 2-й сб. ст. – Пг.: Лит-изд. отдел Народного комиссариата по просвещению, 1918.
21. Кротов П.А. Рождение Балтийского военно-морского флота // Вопросы истории. – М., 1991. – № 11. – С. 209–213.
22. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) // Ученые записки Тартуского университета. – Вып. 414: Труды по рус. и слав. филологии. № 28. – Тарту, 1977. – С. 3–36.
23. Мавродин В.В. Основание Петербурга. – Л.: Лениздат, 1983. – 208 с.
24. Майкова Т. Петр I и православная церковь // Наука и религия. – М., 1972. – № 7.
25. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII в. // Вопросы истории. – М., 1989. – № 4. – С. 3–19 (начало в № 1–3).
26. Матвеев В.Ю. К истории возникновения и развития сюжета «Петр I, высекающий статую России» // Культура и искусство России XVIII в. – Л.: Искусство, 1981. – С. 26–43.
27. Мезин С.А. Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII в. о Петре I. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 214 с.
28. Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 159–733.
29. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии / Ред.-сост. митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев). – СПб.: Андреев и сыновья, 1994. – 284, [33] с.
30. Петербург петровского времени / Под ред. А.В. Предтеченского. – Л.: Лениздат, 1948. – 158 с.
31. Письма и бумаги имп. Петра Великого. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 9, ч. 2. – С. 531–1619.
32. Повесть временных лет. – СПб.: Наука, 1996. – 669 с.
33. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. – СПб.: Синодальная типография, 1876. – Т. 4. – 382 с.
34. Прокопович Ф. Слово на похвалу блаженной и вечнодостойной памяти Петра Велико-го // Прокопович Ф. Сочинения. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 129–146.
35. Пушкин А.С. Медный всадник // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – Л.: Наука, 1977. – Т. 4. – С. 273–288.

36. Пушкин А.С. Письмо П.Я. Чаадаеву от 19 окт. 1936 г. // Полн. собр. соч.: в 10 т. – Т. 10. – М., 1979. – С. 511.
37. Репрезентации власти: Символы и нарративы монархии // Новое литературное обозрение. – М., 2002. – № 56.
38. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Изд. В.И. Герье. – СПб.: Имп. Академия наук, 1873. – 407 с.
39. Семенцов В.С. Создание Санкт-Петербурга как составная часть формирования российской имперской государственности при Петре I // Империя Нового времени: Типология и эволюция. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – С. 138–144.
40. Синдалковский Н.А. История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. – СПб.: Норинт, 1997. – 360 с.
41. Синдалковский Н.А. Петербург в фольклоре. – СПб.: Летний сад, 1999. – 384 с.
42. Содержание истинного разговора Петра Великого с Лейбницем в Торгау // Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – СПб.: Петрополис, 1996. – Т. 3. – С. 711–713.
43. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст» русской литературы // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М.: Прогресс- Культура, 1995. – С. 259–367.
44. Уортман Р. Изобретение традиции в репрезентации российской монархии // Новое литературное обозрение. – М., 2002. – № 56. – С. 34–38.
45. Успенский Б.А. Избранные труды. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 1. – 432 с.
46. Успенский Б.А. Россия и Запад в XVIII в. // История продолжается: Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого. – М.: Университетская книга, 2001. – С. 375–415.
47. Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Успенский Б.А. Избранные труды. – Т. 1. – С. 60–74.
48. Bourguière A. L' historiographie des origines de la France: Genèse d' un imaginaire national // Annales HSS. – P., 2003. – N 1. – P. 41–62.
49. Esenbel S. The anguish of civilized behavior: The use of Western cultural forms in the everyday lives of the Meiji Japanese and the Ottoman Turks during the Nineteenth century // Japan review. – Tokyo, 1994. – N 5. – P. 145–185.
50. Rousseau J.J. Du Contrat social // Rousseau J.J. Oeuvres complètes. – P.: Gallimard, 1964. – Vol. 3. – 2240 p.
51. Wortman R.S. Scenarios of power: Myth and ceremony in Russian monarchy. – Princeton: Princeton univ. press, 1995–2000. – Vol. 1. – 277 p.; Vol. 2. – 586 p.

А.С. СЕНИН

ЧАСТНЫЕ ИЛИ КАЗЕННЫЕ:

**175 лет дискуссий о форме собственности
и способах хозяйствования на железных дорогах России**

«ВОПРОС: Здравствуйте, Владимир Владимирович! Меня зовут Роланда Казачакова, Республика Тува. Ровно год назад 12 декабря Вы были в Туве, забивали серебряный костыль, тем самым дав начало строительству железнодорожной ветки Кызыл – Курагино. Год прошел, так же холодно: минус 46. Но государство вышло из проекта, оставив на дороге одного частного инвестора.

У меня вопрос: дождутся ли жители Тувы поездов по железнодорожной ветке Кызыл – Курагино? И неужели Вы тогда зря мерзли в минус 46, забивая этот серебряный костыль? Спасибо.

***В. ПУТИН:** Это очень сложный проект, и я уверен, что Вы об этом знаете. Он начался с того, что один из наших предпринимателей, который сейчас уже, по-моему, за границей давно проживает, приобрел это месторождение, потом долго им торговал, привлекал различных исполнителей. Потом выяснилось, после того как уже были забиты эти костыли и положены первые рельсы, что эта компания обременена долгами. В этой связи возникли сложности с привлечением кредитных ресурсов для обеспечения нормального развития проекта. Но месторождение очень перспективное и для внутреннего использования угля, который там есть в огромных количествах, и для поставок на экспорт, в том числе в Китайскую Народную Республику. И мне бы очень хотелось, чтобы этот проект был реализован.*

Кстати говоря, это ведь не секрет, это всем хорошо известно, дорога-то должна была бы строиться частной компанией и, прежде всего, для освоения этого угольного месторождения. Разумеется, это означало бы расширение инфраструктурных возможностей всего региона, в том числе улучшение ситуации для жителей. Надеюсь, что такие проекты будут реализованы. Считаю важным отметить, что если критическим будет участие государства, то мы это участие обеспечим».

Пресс-конференция президента РФ 20 декабря 2012 г., Москва

Этот примечательный диалог важен для осмысления всей истории участия государства и частного сектора экономики в железнодорожном строительстве. Вспомним его основные этапы.

Начало железнодорожной эпохи: Царское Село – Петербург – Москва

Первая железная дорога России, связавшая столицу империи с летней резиденцией российских императоров Царским Селом, была построена акционерным обществом. 15 апреля 1836 г. Николай I утвердил «Положение об учреждении общества акционеров для сооружения железной дороги от С.-Петербурга до Царского Села с продолжением до Павловска». Компанию учредили церемониймейстер императорского двора граф А.А. Бобринский, купец 1-й гильдии и директор Русско-Американской компании Б.Б. Крамер, консул вольного города Франкфурта-на-Майне И.К. Плитт, австрийский дворянин Ф.А. фон Герстнер. Устав Общества Царскосельской железной дороги император утвердил 12 августа 1837 г., уже после начала строительных работ. Первым председателем правления был избран Бобринский. Общее руководство строительными работами было возложено на Герстнера. Ему помогли 17 немецких и чешских инженеров. Обществу бесплатно предоставлялись казенные земли, оно освобождалось от сборов и налогов, могло свободно назначать тарифы за проезд и перевозку грузов, имело право беспошлинного ввоза из-за границы оборудования для строящейся дороги. Великий князь Михаил Павлович, владелец Павловска и его окрестностей, безвозмездно передал обществу землю для укладки железнодорожной колени, станционных построек, вокзала и увеселительных заведений. На уставной капитал (3 млн. руб.) компания выпустила 15 тыс. акций, которые купили около 700 акционеров (8, с. 3–7).

Протяженность трассы – 25 верст (26,3 км). На строительстве применялся артельный способ организации работ. Небольшие участки сдавались подрядчикам с артелью в 30–40 человек. Земляные работы велись вручную с помощью лопат, кирок и тачек. Дальние перевозки осуществлялись на лошадях. В разгар строительства на трассе работало около 1800 крестьян окрестных деревень и 1400 солдат. Локомотивы, вагоны, рельсы, инструменты, поворотные круги и т.п. были закуплены в Англии и Бельгии (35, т. 2., с. 1092).

В течение первых пяти лет эксплуатации Царскосельская дорога перевезла 2,5 млн. пассажиров и принесла 360 тыс. руб. чистого дохода (12, с. 60). Однако для значительной части элиты того времени железнодорожное строительство в России представлялось делом опасным, невыгодным с разных точек зрения. Главными аргументами противников рельсового

транспорта были «несвоевременность» его сооружения и неподходящий для него климат с затяжными морозными и снежными зимами, с весенним половодьем. Прочие доводы не отличались от тех, что звучали в то время в Европе. Недостатки первых железных дорог были очевидны: возможность пожаров от искр паровоза в придорожной полосе, пугающий лошадей шум поезда, задымление воздуха, риск развития заболеваний у пассажиров и жителей примыкающих к железной дороге поселений, а также возможность развития болезней из-за непривычных скоростей. Полицейские власти опасались новых проблем с поиском преступников. Преимущество же этого вида транспорта заключались прежде всего в быстроте и всепогодности движения; следовательно, он гарантировал доставку пассажиров и грузов в срок.

Еще до ввода в эксплуатацию Царскосельской железной дороги Ф.А. фон Герстнер предлагал Николаю I построить сеть железных дорог, основой которой должны быть линии Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань и Москва – Одесса (или Таганрог). Идея плана заключалась в соединении крупнейших промышленных, торговых и научных центров страны с главной водной магистралью Европейской России – Волгой и основными портами на Балтийском и Черном морях. Идеи Герстнера были реализованы спустя несколько десятилетий. Первоначально они были встречены с настороженностью, поскольку у нового вида транспорта было немало влиятельных противников. Чиновный мир занял выжидательную позицию. Председатель Комиссии проектов и смет генерал-лейтенант Дестрем сравнил тарифы на перевозку тонны груза на Манчестерской дороге в Англии с возможной ценой перевозки такого же груза по будущей дороге между столицами в России и доказывал, что стоимость перевозки груза железной дорогой будет в 4,5 раза дороже по сравнению с водным путем Вышневолоцкой системы (4, с. 30). Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями граф К.Ф. Толь утверждал, что железные дороги могут поколебать социально-экономическую систему России. Министр финансов Е.Ф. Канкрин говорил, что они приведут к уравнению сословий и уничтожению «столь необходимой общественной иерархии», ведь в одном поезде будут ехать представители разных сословий. Представители МВД опасались, что преступники, совершив злодеяние, могут быстро переместиться в другую местность.

Несмотря на опасения и критику, «императорская» дорога стала началом новой эпохи. Следующая железнодорожная магистраль связала Санкт-Петербург и Москву. В 1838 г. независимо друг от друга на суд общественного мнения вынесли свои проекты строительства железной дороги между двумя столицами А.В. Абаза и А. Правдин (1; 27). Несмотря на скромный социальный статус авторов, правительство услышало оба предложения и отнеслось к ним со всей серьезностью. Считается, что извест-

ную роль в получении высочайшего согласия на то, чтобы дать им ход, сыграл церемониймейстер двора граф А.А. Бобринский, который в данном случае преследовал и собственные интересы (12, с. 62).

В сентябре 1841 г. инженеры путей сообщения П.П. Мельников и Н.О. Крафт при участии начальника Штаба корпуса горных инженеров К.В. Чевкина подготовили и представили императору проект сооружения железнодорожной магистрали между Петербургом и Москвой. Император направил проект в Министерство внутренних дел и Главное управление путей сообщения и публичных зданий. Как и следовало ожидать, отзывы были отрицательными. Тогда же император получил из-за границы письмо Е.Ф. Канкрин по поводу предстоящего строительства железной дороги между двумя столицами. Министр финансов считал, что «она не принесет никакого дохода, испортит нравственность и истребит капиталы, которые могли бы найти лучшее применение» (12, с. 218). Комитет министров, где противники железнодорожного дела имели явное большинство, избрал тактику затягивания принятия решения. Наконец, на заседании 13 января 1842 г. абсолютным большинством голосов министры отклонили идею строительства железнодорожной магистрали между двумя столицами.

Убежденный в необходимости строительства железной дороги император Николай I издал 1 февраля 1842 г. Указ, в котором сообщил подданным: «Я решил – ей быть, против мнения большинства, призванных мной на совет, надеюсь, что потомство оправдает мое решение». В Указе подчеркивалось, что дорога будет сооружена за государственный счет, «дабы удержать постоянно в руках Правительства и на пользу общую соображение, столь важное для всей промышленной и деятельной жизни государства» (цит. по: 4, с. 58).

Дорога строилась с шириной колеи 1524 мм, принятой тогда в Америке (консультантом строительства был американский инженер Уистлер), первые рельсы завозились из Великобритании, позднее их производство было налажено на Людиновском заводе С.И. Мальцова в Калужской губернии. Локомотивы поставил Александровский завод в Петербурге. На пути общей протяженностью 650 км было устроено 8 больших мостов (среди них Веребьинский и Мстинский), 182 средних и малых мостов (в том числе через реки Волгу, Волхов, Тверцу), 69 водопропускных труб, 19 путепроводов, 34 станции. Николаевская железная дорога была самой северной из существовавших на тот момент в мире, одной из самых технически оснащенных, двухпутной и максимально прямой. Принятая в эксплуатацию в ноябре 1851 г., она и спустя полтора века остается лучшей дорогой России. Только на ней возможно сегодня движение скоростных поездов «Сапсан» со скоростью до 200 км/ч.

**Создание железнодорожной сети:
ГОРЖД и акционерная «горячка»**

Крымская война наглядно доказала необходимость строительства в стране сети железных дорог. Направляемые в Крым пешком, в лучшем случае гужевым транспортом, пополнения добирались до полуострова в таком состоянии, что уже не могли воевать с полной отдачей. В результате, несмотря на численное превосходство русской армии, расквартированной по всей России, ей не удалось сбросить в море ограниченный десант противника. Однако у российского правительства в первые послевоенные годы не было средств для строительства новых железных дорог, и оно решило передать железнодорожное дело в частные руки. Считалось, что дороги, построенные и управляемые энергичными предпринимателями, а не косными бюрократами, быстро протянутся до самых отдаленных окраин Российской империи.

С этой целью 28 января 1857 г. был подписан Указ об образовании крупнейшего акционерного общества под названием «Главное общество российских железных дорог» (ГОРЖД). К середине 1850-х годов в Западной Европе сформировались две основные конкурирующие между собой и международные по составу группы, которые занимались организацией и финансированием железнодорожного строительства. Одна из них сложилась вокруг парижского банка «Credit Mobilier» и занималась строительством железных дорог во Франции. Ядро другой составлял банкирский дом Ротшильдов и ряд примыкавших к нему второстепенных немецких банков; она выступала основным инвестором железнодорожного строительства в Германии, Швейцарии, Австро-Венгрии и Италии. Российскому придворному банкиру А.Л. Штиглицу было поручено провести предварительные переговоры с обеими группами, но в дальнейшем правительство решило вести дела только с группой «Credit Mobilier».

ГОРЖД создавалось для постройки и содержания в течение 85 лет сети железных дорог (после чего они бесплатно переходили в казну), о которой говорилось в Указе от 28 января 1857 г. Ее основу должны были составить четыре магистрали: начатая в 1851 г. Санкт-Петербургско-Варшавская с ветвью от Вильны до прусской границы в направлении на Кенигсберг; Московско-Нижегородская; Московско-Курская с продолжением до Феодосии; Либаво-Орловская. Всего предполагалось построить около 4 тыс. верст железных дорог. Уже в 1857 г. ГОРЖД приступило к работам на Санкт-Петербургско-Варшавской дороге, во второй половине 1858 г. было начато строительство Московско-Нижегородской линии и в следующем году – Московско-Курской (в небольших объемах в Крыму, близ Феодосии).

В число учредителей ГОРЖД были приглашены крупнейшие представители банковского мира: барон А.Л. Штиглиц, варшавский банкирский дом С.А. Френкель, парижские банки «Credit Mobilier», «В.L. Fould» и «Hottinguer et Cie», лондонский банкирский дом «Baring brothers», амстердамский банкирский дом «Hope&C^o», а также «Fould&Fould – Oppenheim» из Бонна и «Mendellsohn&C^o» из Берлина. В состав русской части вошел целый ряд влиятельных фигур как из среды высшего чиновничества, так и из состава экономического блока правительства и близких к нему людей. 1200 акциями общества владел Александр II (12, с. 76–77).

Идея пригласить в ГОРЖД основные фигуры банковского мира Европы из числа тех, кто принимал ключевые решения по инвестициям, была совершенно правильной. К тому же с их приходом можно было рассчитывать на использование развитой технической и промышленной базы. Но расчет на то, что ГОРЖД удастся привлечь иностранные капиталы в Россию сразу в большом объеме, не оправдался. Осенью 1857 г. Западную Европу поразил экономический кризис, в связи с этим акции и облигации ГОРЖД (на сумму 100 млн. руб. из первоначального акционерного и облигационного капитала в 278 млн. руб. серебром) были размещены только в России; наличными деньгами было внесено и того меньше. К тому же под влиянием кризиса в Европе и колебаний валютного курса рубля ГОРЖД лишилось значительной части строительного капитала, размещенного за границей в виде авансов на поставку материалов, и постоянно находилось на грани банкротства.

Чтобы спасти положение, правительство в 1858 г. срочно выпустило внутренний облигационный заем на 35 млн. руб., который само же и приобрело. Несмотря на государственную поддержку, в 1857–1861 гг. ГОРЖД построило только 775 верст из намеченных четырех тысяч. Из-за невозможности продолжать дела на прежних условиях общество коренным образом преобразовали. По новому уставу от 3 ноября 1861 г. его обязательства были ограничены достройкой Санкт-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской линий. Для этого выдавалась ссуда в 28 млн. руб. из Государственного казначейства.

В 60-х годах XIX столетия железнодорожная политика определялась министром финансов М.Х. Рейтерном, убежденным сторонником частного железнодорожного хозяйства. В 1867 г. был создан специальный миллиардный «Железнодорожный фонд» для финансирования железнодорожного строительства, формально обособленный от государственного бюджета. Первоначально финансовым источником фонда послужили средства, вырученные от продажи Русской Аляски Соединенным Штатам Америки. За счет этого фонда в казну принимались ценные бумаги первых частных железнодорожных обществ, выдавались всевозможные денежные ссуды, субсидии, премии, акционерам выплачивались гарантированные доходы

по акциям. Из этих средств оплачивались заказанный за границей подвижной состав, а также казенные и частные заказы на русских машиностроительных и металлургических предприятиях. Для поддержки ГОРЖД Рейтерн настоял на передаче ему лучшей в России казенной Николаевской железной дороги. Категорически возражавший против этой сделки первый министр путей сообщения России П.П. Мельников подал в отставку.

1860–1870-е годы вошли в историю страны как период биржевой и акционерной «горячки», сопровождавшийся ожесточенной спекуляцией, колоссальными растратами, бесцеремонным обращением с вкладчиками. Знаменитый профессор права и публицист, профессор Петербургского университета А.Д. Градовский так охарактеризовал те годы: «Когда формы прежнего быта разбиваются разом, когда сотни тысяч людей выбиваются из колеи, по которой шли их отцы, и деды, и прадеды, первая забота этих людей – устроить свое личное положение, приспособиться так или иначе... Эта потребность развивалась в страстное, неудержимое стремление, если принять в расчет, что лица, ее почувствовавшие, не имели понятия о труде, о том процессе, каким накапливается богатство... При таких осложнениях на Руси раздался страшный раздирающий крик: дайте нам обеспеченное положение, дайте его сейчас, без всяких наших усилий и в надлежашем размере! И пошла погоня за наживой, какой давно не видела наше общество. На помощь к этой погоне пришла масса новых “предприятий”, народившихся на свет вместе с новой эрой: акционерные компании, железные дороги, банки, товарищества всех сортов. Все бросились в спекуляции, в ажиотаж, в чаянии легкой и богатой добычи» (9, с. 241–242).

В железнодорожное строительство устремились действующие и отставные государственные чиновники; отставные военные; бывшие откупщики, чей прибыльный водочный бизнес был прекращен в 1863 г.; земства, заинтересованные в оживлении местной жизни с приходом железной дороги; дворянство и купечество; представители титулованной аристократии и члены царствующего дома, в «активе» которых были поддержка высших эшелонов государственной власти и связи с западными финансовыми кругами. Основу механизма сказочного обогащения составляла разница между концессионной и затратной ценой. В результате концессионер клал себе в карман примерно 50 тыс. руб. с версты. Известный публицист и издатель второй половины XIX в. А.С. Суворин писал: «О концессиях вздыхали как о манне небесной. Спит, спит в своей дыре какой-нибудь предприниматель, жаждающий не столько признательности своих граждан, сколько капиталов, и вдруг проснется со счастливой мыслью: Ба! – восклицает он, ударяя себя по лбу, за покрывало которого никогда ни одной идеи не тайлось, – чего же я думаю? Дорога из Болванска в Дурановку имеет государственное значение» (цит. по: 18, с. 109–110). Далее надо было найти знакомого в высших сферах или мобилизовать связи в окруже-

нии местного губернатора, на худой конец в органах самоуправления, увлечь нескольких энтузиастов. Можно легко обещать весьма приличный доход, если дельце удастся повернуть – ведь 500–600 верст концессии давали капитал в 25–30 млн. руб. По тем временам фантастический доход.

Главный инспектор частных железных дорог (с 1861 г.), член Комитета железных дорог (с 1868 г.) А.И. Дельвиг, часто руководивший ведомством путей сообщения во время отсутствия или болезни министра, вспоминал, что титулованные ходатаи при царе получали от учредителей частных железных дорог по 4 тыс. руб. с версты пути и быстро сколачивали миллионные состояния только на посредничестве. Управляющий делами Комитета министров А.Н. Куломзин писал в дневнике, что при получении железнодорожных концессий пускались в ход придворные влияния, которые другие лица продавали нередко за большие деньги. В число этих лиц входили шеф жандармов А.Л. Потапов, министр императорского двора граф А.В. Адлерберг, председатель Комитета министров князь П.П. Гагарин и многие другие.

Не стеснялся брать взятки и император, утверждавший железнодорожные концессии. Военный министр Д.А. Милютин 11 июля 1874 г. записал в дневнике: «Остается только дивиться, как самодержавный повелитель 80 миллионов людей может до такой степени быть чуждым обыкновенным, самым элементарным началам честности и бескорыстия. В то время как, с одной стороны, заботятся об установлении строжайшего контроля за каждой копеечкой, когда с негодованием указывают на какого-нибудь бедного чиновника, обвиняемого или подозреваемого в обращении в свою пользу нескольких сотен или десятков казенных или чужих рублей, с другой стороны, с ведома высших властей и даже по высочайшей воле раздаются концессии на железные дороги фаворитам и фавориткам...» (11, с. 162). Дельвиг подчеркнул в своих воспоминаниях: «Картина этих злоупотреблений, в которых принимает участие сам государь... до того грязна, что, несмотря на представляемый ею интерес, я от нее отвернулся и не разглядывал ее подробностей... Как бы дорого я дал совсем не видеть ее и не иметь о ней понятия! До настоящего года я полагал, что в России есть, по крайней мере, одна личность, которая по своему положению не может быть взяточником, и грустно разочаровался» (10, с. 461).

Благодаря связям и поддержке в самых высоких кругах представители железнодорожного бизнеса на какое-то время превратились в самый влиятельный «клан» отечественных предпринимателей, за которым закрепился неофициальный титул «железнодорожные короли», в известной мере отражавший реальное положение вещей. Среди «железнодорожных королей» в первую очередь следует назвать имена П.Г. фон Дервиза (1826–1881), К.Ф. фон Мекка (1821–1875), И.С. Блюха (1836–1901), П.И. Губонина (ок. 1825–1894), С.С. Полякова (1836/37–1888), а также А.М. Варшавско-

го (1821–1888), Н.Г. Рюмина (1793–1874), И.Ф. Мамонтова (ум. 1869), С.И. Мамонтова (1841–1918), В.А. Кокорева (1817–1889), В.Ф. Голубева (1842–1903), Ф.В. Чижова (1811–1877), А.Л. Штиглица (1814–1884), В.Н. Тенишева (1844–1903), Р.В. Штейнгеля (1841–1892) (12, с. 78–79).

Как предпринимательский тип их отличали безусловная деловая хватка в сочетании с умением подбирать квалифицированные кадры, отчетливая тяга к богатству и специфическое умение налаживать контакты в коридорах власти на самых верхних этажах. Они строили железные дороги быстро и в расчете на версту формально несколько дешевле, чем казна. Например, всю Курско-Харьково-Азовскую железную дорогу под общим руководством С.С. Полякова построили всего за 20 месяцев. Но уже через несколько лет после начала эксплуатации ее стали называть «дорогой смерти». Именно на этой дороге 17 октября 1888 г. пошел под откос императорский поезд (14, с. 29–35; 17, с. 1–9). Возглавлявший комиссию по расследованию обстоятельства происшествия известный юрист А.Ф. Кони пришел к заключению о «преступном неисполнении всеми своего долга». Он считал необходимым отдать под суд членов правления этой дороги за то, что они довели ее до опасного состояния. Император согласился с выводами Кони, а на разговоры о террористическом акте резко ответил: «Красть надо меньше!» (16, с. 298).

На закате своих лет один из самых известных «железнодорожных королей» писал К.П. Победоносцеву: «Приходится краснеть перед моими детьми при мысли, что я принадлежу к той сфере, в которой ныне они видят вертеп разбойников». И сделал неутешительный вывод: «Я пришел к убеждению, что в России не может быть того честного и способного человека, который бы не соблазнился легкой возможностью поживиться за счет казны» (цит. по: 15, с. 3).

Главный итог концессионного периода железнодорожного строительства – создание рельсовых линий общей протяженностью свыше 20 тыс. верст; их уже можно называть сетью в полном смысле этого слова, хотя и охватывали они пока что преимущественно центр, запад и юго-запад Европейской России. Железные дороги превратились в основу транспортной инфраструктуры народного хозяйства и неотъемлемый элемент его дальнейшего развития. В то же время эта сеть получила весьма одностороннее развитие, преимущественно в тех направлениях, которые давали скорейшую коммерческую выгоду. Основная часть первых железных дорог была проложена в наиболее благоприятных с точки зрения гидрологии, климата, рельефа и населенности районах к югу, юго-западу и западу от Москвы.

Все попытки правительства привлечь отечественных предпринимателей к сооружению железных дорог в Средней Азии и Сибири неизменно проваливались. Закаспийскую железную дорогу построили воины желез-

нодорожных батальонов. По Каспийскому морю грузы для стройки перевозили корабли частного общества «Кавказ и Меркурий». При строительстве самой южной линии Российской империи – от Мерва к Кушке – правительство первоначально попыталось организовать торги на проведение земляных работ. Однако желающих взять подряд на эти работы не нашлось. Военный совет Военного министерства признал, что ущерб от потерянного на торги времени оказался слишком велик, а громадную выгоду «мы приобретаем с более ранним окончанием постройки Мургабской ветви» (28, с. 76, 77). По мнению профессора П.И. Георгиевского, частных предпринимателей не интересовали дороги, которые «не обещают значительного дохода». Более того, он считал, что 77,3% частных железных дорог никакого права «именоваться частными... не имеют». Он называл их «особо привилегированными арендами», которые давали права на получение дохода и не налагали обязанности «отвечать за убытки» (6, с. 10).

О железнодорожной политике на рубеже XIX–XX вв.

К середине 1880-х годов долги частных железнодорожных обществ стали просто неприличными. Всего в России в 1886 г. было 44 акционерных общества и лишь 5 из них не имели долгов перед казной. Общий долг всех АО по ссудам и по разного рода невыполненным обязательствам достиг к этому году 950,5 млн. руб. У отдельных обществ отношение долга правительству к акционерному капиталу достигало 240% (19, с. 32)¹. На этом основании государственный контролер Филиппов доказывал крайнюю финансовую невыгодность частного железнодорожного строительства для казначейства.

По мере расширения железнодорожной сети все большее значение наряду с технической приобретали экономическая и финансовая стороны эксплуатации дорог. Период работы Комиссии для исследования железнодорожного дела в России графа Э.Т. Баранова (с 1876 по 1884 г.) стал временем активной дискуссии сторонников сохранения коммерческой системы эксплуатации железных дорог и усиления государственного вмешательства. Но поскольку в самом правительстве имели место различные взгляды на ведение железнодорожного хозяйства, в конечном счете ни одна из позиций не получила полного преобладания.

Условиями всех договоров на сооружение железных дорог предусматривался предельный срок эксплуатации концессионером выстроенных линий (80–85 лет), после чего они в обязательном порядке и без всякой компенсации переходили к государству. Кроме того, предусматривалось право правительства на принудительный выкуп конкретной дороги в казну

¹ По мнению современного исследователя А.А. Лазуткина, только 4,3% частных железнодорожных обществ действительно заслуживали названия частных (см.: 22, с. 32).

через определенное время (обычно по истечении 20 лет). Согласно большинству договоров, выкуп становился возможным в первой половине 1890-х годов, однако правительство по ряду соображений решило форсировать процесс. Утвержденный в 1885 г. Общий устав Российских железных дорог создал для этого юридическую базу, а Министерство финансов разработало соответствующую процедуру.

Вопрос о выкупе железных дорог как широкой акции по примеру аналогичного выкупа в Пруссии, проведенного в 1879 г., впервые возник в 1881 г. Сам процесс огосударствления железных дорог прошел в три этапа. В ходе первого этапа (1881–1886) в казну было выкуплено четыре линии, во время второго (1887–1892) осуществили выкуп десяти частных железных дорог, а в ходе третьего (1893–1900) казна приобрела 23 линии. На 1 января 1881 г. в казенном управлении находилось лишь 1133 версты (1208 км), что составляло 5,5% протяженности всей сети. В 1901 г. соотношение стало обратным, и протяженность казенных дорог составляла уже 33 813 верст (36 071 км), или 69,6% всей сети. Выкуп сопровождался значительными компенсациями собственникам; в пересчете на поперстную стоимость одна верста дорог приобреталась государством по цене 170,6 тыс. руб. при средней поперстной стоимости их сооружения в 1870–1890-е годы 40–60 тыс. руб.

В начале 1890-х годов встал вопрос о том, как в дальнейшем будет развиваться железнодорожная сеть страны. В Министерстве финансов при И.А. Вышнеградском и под непосредственным руководством С.Ю. Витте был намечен план, по которому нескольким железнодорожным обществам «сохранялась жизнь» и предоставлялось право в перспективе расширить свои предприятия, ведя постройку новых магистральных и дополнительных линий и привлекая капиталы в виде гарантируемых правительством займов. В 1891–1897 гг. было создано восемь железнодорожных обществ – Московско-Казанской, Московско-Киево-Воронежской, Московско-Ярославо-Архангельской, Московско-Виндаво-Рыбинской, Рязанско-Уральской, Варшаво-Венской, Владикавказской и Юго-Восточных железных дорог (12, с. 102–104). Протяженность путей каждого из этих обществ составляла 2–3 тыс. верст. Общества были тесно связаны с частными банками. Например, контрольный пакет акций Общества Юго-Восточных железных дорог в начале XX в. находился у Петербургского международного банка. Председатель правления Русско-Азиатского банка А.И. Путилов возглавлял одновременно и Общество Московско-Казанской железной дороги. В состав правлений железнодорожных обществ вошли как банкиры, так и представители министерств финансов, путей сообщения и Государственного контроля (26, с. 102).

В начале XX в. в частном железнодорожном предпринимательстве почти ничего не изменилось. Полученную прежним путем концессию час-

то продавали крупному банку за место в правлении. За отказ от этой синектуры бывшему владельцу концессии платили весьма солидные отступные. Например, концессионеры Ачинск-Минусинской железной дороги А.А. Баландин, В.А. Баландина и Г.В. Адрианов уступили концессию Русско-Азиатскому банку за 300 тыс. руб. Согласно договору с банком, они входили директорами в Правление акционерного общества и должны были до окончания строительства получать ежегодно по 8 тыс. рублей. В случае отказа от этих должностей банк выплачивал им на троих еще 150 тыс. руб.¹

Одновременно правительство форсировало строительство железных дорог за счет средств государственного бюджета. Так была сооружена самая протяженная в мире магистраль – Великий Сибирский путь – от Челябинска до Владивостока. На трассе было построено около 7 тыс. искусственных сооружений. Некоторые объекты были уникальными. Например, проект моста через Енисей у Красноярска получил золотую медаль на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. Современники приравнивали по значению эту магистраль к Суэцкому каналу и называли одним из чудес света. Но и затраты государства были очень велики. Первоначально стоимость проекта была определена в 350 млн. руб. В итоге вышло почти в три раза дороже – 915 млн. руб. Министр финансов С.Ю. Витте по этому поводу философски заметил: «Громадность жертвы, принесенной Россией на дело сооружения Сибирского пути, которая в настоящее время очень живо чувствуется, заслоняет от глаз современников будущее значение сооружения и мешает правильной его оценке» (цит. по: 31, с. 39).

На рубеже веков государство построило еще несколько стратегически важных железных дорог. Прежде всего, за счет ввода участков казенных железных дорог был установлен не побитый до сих пор рекорд – в 1899 г. введено в эксплуатацию 5 тыс. верст железнодорожных путей (30, с. 271).

Можно ли было строить такие дороги за счет иностранных инвесторов? В феврале 1891 г. французский сенатор Ж. Лессюэр представил российскому министру путей сообщения А.Я. Гюббенету проект строительства Сибирской дороги. Он предлагал построить эту дорогу по расценкам дорог в европейской части России – 40 тыс. руб. за версту, но требовал гарантированного дохода минимум 3 тыс. руб. с версты. Сколько бы выплатила Лессюэру казна исходя из протяженности этой дороги и с учетом, что она несколько десятилетий была убыточной? Гюббенет тогда ответил, что он «не имеет оснований входить в какие-либо переговоры или в рассмотрение настоящего заявления, так как правительство вовсе не выражало намерения обращаться в этом деле к частной предприимчивости» (цит. по: 16, с. 311).

¹ РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 932. Л. 1–2.

В начале XX столетия французский путешественник и исследователь Аляски Л. де Лобель высказался за строительство грандиозной железной дороги от Северной Америки до Парижа протяженностью 18 тыс. км. Большая часть этой трансконтинентальной магистрали должна была пройти через Россию. Предприимчивые американцы ухватились за эту идею и организовали специальную компанию для ее проектирования и строительства. Они заявили о готовности построить значительную часть этой дороги от Аляски до одной из станций Великого Сибирского пути (с паромной переправой, а впоследствии мостом или тоннелем через Берингов пролив) без гарантии капитала со стороны российских властей. Американская сторона не возражала против выкупа Россией всей дороги через 30 лет. Американцы намеривались провести вдоль всей трассы телеграфную линию, которой сможет пользоваться российское правительство. Они обещали привлекать к строительству русских инженеров и рабочих, учредить новый банк в Сибири и помогать местным крестьянам кредитами на приобретение сельскохозяйственных машин. Поскольку общая стоимость проекта приближалась к миллиарду долларов, американская компания требовала в счет возмещения затрат отвести синдикату сроком на 90 лет помимо полосы отчуждения по 12 верст с каждой стороны дороги, причем в отношении этих земель на концессионеров переносятся все права, принадлежащие государству. Это предложение обсуждалось на специальном межведомственном совещании в Петербурге. Было подсчитано, что американцам на 90 лет предстояло отдать примерно 138 тыс. кв. км, что по площади больше Бельгии и Голландии вместе взятых. На этом основании предложение американского синдиката было отклонено.

Вообще России явно не везло на сотрудничество в строительстве железных дорог с иностранными частными компаниями. В годы Первой мировой войны Совет министров России принял решение о сооружении железной дороги до незамерзающего порта на Баренцевом море. Тут же поступило предложение от группы английских предпринимателей во главе с О. Френчем, младшим братом британского фельдмаршала, командовавшего экспедиционными войсками на континенте. Отказ мог негативно повлиять на союзнические отношения с Англией и принимавшей участие в этом проекте Канадой. Российская сторона после долгих колебаний согласилась с предложением Френча и отдала ему в концессию сооружение 120 верст пути от Кандалакши до Колы. Концессионеры получили от российского правительства аванс в 560 тыс. руб. золотом и передали концессию субподрядчику – английской фирме «Братья Бультон и К^о», имевшей опыт строительства дорог в Африке и Южной Америке.

Но в России фирма не смогла выполнить своих обязательств и прекратила работы, построив только 10 верст пути. Более того, англичане заявили, что в столь сложных условиях эту дорогу русские не построят нико-

гда. Совет министров России признал свою ошибку и вернул концессию, но, не желая ссориться с союзниками, оставил аванс англичанам. После отъезда иностранных специалистов дорога продолжала строиться государством без подрядчиков. Мурманская магистраль протяженностью 1324 км была построена с марта 1915 по декабрь 1916 г. силами завербованных на стройку рабочих центральных губерний России, австрийских и немецких военнопленных и китайских строителей (из районов, прилегавших к Китайской восточной железной дороге) по проектам и под руководством русских инженеров (7; 25).

Экономический кризис начала XX в. и вопрос о соотношении частного и казенного в железнодорожном деле

В начале XX столетия в России разразился экономический кризис. Он в большей степени поразил тяжелую промышленность, особенно металлургию, металлообработку и машиностроение. Например, производство паровозов снизилось почти вдвое. Резко сократилось железнодорожное строительство. Началась ликвидация части предприятий, выросла безработица. Перепроизводство продукции и падение товарных цен вызвали кризис отраслей легкой промышленности. Кризис перерос в длительную экономическую депрессию. Для финансирования военных расходов в годы русско-японской войны правительство прибегло к эмиссии и иностранным займам. В результате стабильность российской денежной системы пошатнулась. Экономические проблемы страны не могли не сказаться на работе железных дорог. В течение ряда лет их эксплуатационные расходы превышали доходы. В этих условиях в ведомстве путей сообщения возобновились споры о преимуществах и недостатках казенной и частной форм эксплуатации железных дорог.

Начальник Службы движения и телеграфа Петербургской сети Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги Б.Д. Воскресенский и его сослуживец инженер путей сообщения В.А. Наградский опубликовали в 1908 г. исследование «Страницы современного русского железнодорожного хозяйства» (5), в котором доказывали, что частные дороги экономичнее казенных. По их мнению, уже виден «призрак полного разложения их хозяйства». На этих дорогах не было хозяина. Руководители ведомства не несли ответственности за экономное ведение дел. С них спрашивали за безопасность движения, т.е. за техническое состояние железнодорожной сети. Из «чувства самосохранения» они шли на ряд совершенно ненужных расходов для уменьшения своей ответственности. Казенное железнодорожное хозяйство, подчеркивали авторы, лишено здоровых коммерческих начал. «Какой-либо системы в этом огромном деле доискаться невозможно. Ее заменяет как в центральных, так и в местных учреждениях обшир-

нейшая расплывчатая регламентация, не освещенная лучом делового понимания» (5, с. IV–V), – писали Воскресенский и Нагордский. Система, по их словам, существовала только потому, что многое из этой необъятной регламентации просто не выполнялось.

Частные железные дороги тоже далеки от идеала, отмечали авторы исследования, но, «за малыми лишь исключениями, они стремятся к улучшению методов своей работы и недостатки их, это – недостатки живого прогрессирующего организма, с которыми справиться много легче, чем с окаменевшими формами рутины» (5, с. VI). На основе анализа статистических сборников за 1900–1905 гг. они попытались доказать, что расходы казенных железных дорог на версту значительно выше частных. Причину видели в том, что казенные дороги содержат намного больший штат служащих (например, телеграфистов) и чрезмерно высоко оплачивают их труд.

В том же году с критикой взглядов Воскресенского и Нагордского выступил начальник Службы движения Привисленских железных дорог и председатель Варшавского комитета по распределению на железных дорогах перевозочных средств для массовых грузов И.Н. Борисов. «Относясь с полным сочувствием к попыткам авторов осветить научной критикой такую важную и в то же время недостаточно обследованную область железнодорожного дела, как Службу движения и телеграфа, мы вправе требовать, чтобы критика эта была вполне научна, в смысле оценки условий, при которых протекает деятельность отдельных дорог» (3, с. 23), – писал Борисов. Этого научного подхода он не увидел у Воскресенского и Нагордского. Каждая дорога, подчеркивал исследователь, есть сложный механизм, приспособившийся к условиям своего существования, и строить их по одному ранжиру нельзя. «Можно ли в самом деле считать пудо-версту транзитного груза эквивалентной по расходам пудо-версте местного груза с погрузкой, выгрузкой или перегрузкой? Пудо-версту массовых повагонных отправок – пудо-версте сборного мануфактурного товара? Вагоно-версту вагона, идущего без отцепки от одной передаточной станции до другой, – вагоно-версте вагона, подвергающегося в своем движении отцепке и прицепке?» – задавал вопрос Борисов (там же). По его мнению, указанные измерители работы для разных дорог лишь по названию одинаковы, а по существу – разные. Поэтому сравнение хозяйства железных дорог на основе этих измерителей не заслуживало серьезного внимания.

Борисов привел свои аргументы и в отношении большого штата и высокой оплаты труда телеграфистов. Так, в 1906 г. на частной Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге было подано 3 949 260 телеграмм (23 508 на одного телеграфиста). На казенных Привисленских железных дорогах в том же году – 15 923 171 телеграмма (по 31 974 на одного телеграфиста). Привисленские железные дороги пролегли по тер-

ритории с развитой промышленностью, что объясняет большую телеграфную корреспонденцию. В силу географического расположения дорог ее телеграфисты должны были знать иностранные языки. Высокий размер их оплаты труда определялся не только интенсивностью работы, но и дороговизной жизни в городских центрах, по которым пролегла сеть Привисленских железных дорог. По мнению автора, хозяйство казенных железных дорог оставляло желать много лучшего, но и частное железнодорожное хозяйство не могло служить идеалом.

В 1909 г. в дискуссию вступил известный промышленник и меценат С.И. Мамонтов, бывший председатель правления Общества Московско-Ярославской железной дороги. Он обратил внимание читателей своей книги на факты перерасхода средств при строительстве дорог казной. Так, при сооружении Московской окружной железной дороги перерасход составил 1,5 млн. руб. Частник, заметил Мамонтов, строил для себя и не собирался потом достраивать и перестраивать дороги. Казна же, завершив в 1906 г. постройку линии Петербург – Вятка, в последующие три года истратила 4,5 млн. руб. для приведения ее в надлежащий вид, позволявший начать безопасную эксплуатацию всех сооружений (23, с. 12)¹. Мамонтов считал, что в частном обществе аппарат управления более подвижный, «более чувствительный», так как «есть хозяин дела, знающий точно, прибыль или убыток приносит его карману предприятия, и умеющий вовремя принять соответствующие меры» (там же, с. 17). Казенная же эксплуатация дорог инертна, безответственна, а главное – результаты выясняются спустя несколько лет, когда и при желании трудно что-то предпринять для улучшения дела.

Далее Мамонтов писал, что служащим казенных железных дорог иногда даже некогда думать о пассажирах и грузоотправителях. Им «еле хватает времени на то, чтобы давать справки, отзывы и всевозможные сведения, запрашиваемые бесчисленными предписаниями и циркулярами для доставления в разные контролирующие и наблюдающие учреждения». Он утверждал, что подобного на частных железных дорогах нет, ибо оно «не может быть терпимо не в одном правильно поставленном коммерческом деле» (там же, с. 19). Мамонтов отмечал, что казенные дороги явно переплачивают при заготовках топлива и разных материалов. Основная причина – задержка платежей из-за различных формальностей и как результат – финансовые претензии поставщиков. По его сведениям, на 1 января 1909 г. казенные дороги задолжали частным поставщикам нефти до 10 млн. руб. За это казне пришлось уплатить 12% годовых штрафа (там же, с. 20). Мамонтов считал наилучшим выходом передать все железные

¹ По сведениям Мамонтова, для завершения всех работ на этой линии требовалась еще такая же сумма.

дороги в аренду частным обществам, признав при этом, что вследствие громадной государственной важности железнодорожный транспорт «должен всегда представлять собственность государства» (23, с. 26, 27).

В 1910 г. было опубликовано исследование доктора финансового права П.П. Мигулина о частном железнодорожном строительстве в России. Он отметил, что все попытки привлечь частный капитал в эту отрасль народного хозяйства потерпели жесточайшее фиаско и железнодорожная сеть была создана за счет Государственного казначейства. Частное железнодорожное хозяйство приносило казне в последней четверти XIX в. ежегодно от 40 млн. до 60 млн. руб. убытка (24, с. 4). Это стало одной из причин решения о передаче государству железнодорожного дела и выкупе большинства частных железных дорог. Мигулин писал, что при сравнении эксплуатации казенных и частных дорог всегда следует учитывать наличие в руках государства многих стратегических бездоходных линий, каких у частных обществ нет. Тогда станет ясно, что «никакого преимущества частного железнодорожного хозяйства перед казенным у нас не наблюдается» (там же, с. 17–18).

Исследователь считал недопустимым привлечение частного сектора к строительству железных дорог в европейской части России. Частные средства, по его мнению, можно использовать при строительстве железных дорог в восточной части страны. Однако трудно предположить, что это возможно при существующей тарифной политике на транспорте: «Раз правительство удерживает в своих руках тарифное дело и определяет технические условия сооружения и эксплуатации железных дорог, никто не будет их строить и эксплуатировать без известной гарантии» (24, с. 21). Но гарантия, как это было в прошлом, чистого дохода частных железных дорог, это гарантия «плохого хозяйничания». Ведь частник знает: в случае неудачи крах не наступит, ибо ответственность за ведение дел всецело лежит на Государственном казначействе. Мигулин пришел к выводу, что «казенное железнодорожное хозяйство в общем выше и лучше частного как в смысле сооружения, так и в смысле эксплуатации дорог непосредственно распоряжением правительства сравнительно с частными обществами» (там же, с. 23).

В других своих работах П.П. Мигулин вообще поставил под сомнение наличие частного железнодорожного хозяйства в России. Действительно, направление новых линий, срок постройки, технические условия, стоимость определялись правительством. Оно же утверждало главного строителя, а затем управляющего дорогой. В составе правления обязательно присутствовал правительственный директор. Весь технический персонал приглашали с казенных дорог, поскольку другого просто не было. Все инженеры были выпускниками казенных высших учебных заведений (частных транспортных вузов не существовало). Доходы частных же-

лезнодорожных обществ также определялись государством, устанавливавшим почти все тарифы на перевозку грузов и пассажиров. В годы войны Мигулин писал, что частное железнодорожное строительство в России есть фикция, «способ прокормления разных особ, пристроившихся к исполнению железнодорожных концессий» (24).

Еще один участник полемики, инженер Л.Л. Элькин в статье «Нарекания на казенное хозяйство железных дорог», ссылаясь на практику работы порайонных комитетов, писал, что казенные дороги «к потребностям промышленности и торговли относятся с гораздо большей чуткостью, нежели частные, когда интересы последних не совпадают с интересами потребителей» (36).

Анализируя результаты работы частных железных дорог за 1911 г., инженер путей сообщения Л.Ф. Шухтан, занимавший ответственные должности на разных частных железных дорогах и в центральном аппарате МПС, на основе сопоставления коэффициента эксплуатации¹ вновь пришел к выводу о преимуществах частного железнодорожного хозяйства. Доход казенной сети железных дорог в 1911 г. составил 732 892 087 руб., а расход – 455 674 450 руб. (коэффициент эксплуатации – 62,17%). На частных железных дорогах эти показатели выглядели так: доход – 305 599 103 руб., расход – 171 074 468 руб. (коэффициент эксплуатации 55,98%). По мнению Шухтана, это означало, что частные железные дороги эксплуатировались «лучше и экономнее казенных» (33).

Эти выводы оспорил чиновник эксплуатационного отдела Управления железных дорог МПС А.М. Ларионов, автор многочисленных научных трудов по истории, экономике и эксплуатации железных дорог. Ларионов считал ошибочным сравнивать результаты эксплуатации всей частной и всей казенной сетей. Дороги работали в различных условиях (технических, климатических), находясь за тысячи верст одна от другой на необъятных российских просторах. Частные железные дороги целиком находились в пределах европейской части страны. Логично сравнивать с ними казенные дороги, находившиеся здесь же, т.е. без магистралей Азиатской России. Ларионов ссылаясь на аналогичное мнение железнодорожной комиссии при Совете съездов представителей промышленности и торговли.

По его мнению, наиболее объективным являлся показатель поверстной выручки, т.е. части валового дохода дороги на эксплуатационную версту. Но и в этом случае целесообразно сравнивать работу дорог, находившихся в равных условиях. Среди казенных дорог было немало таких, которые проходили по слабонаселенной местности и почти не перевозили

¹ Коэффициент эксплуатации – процентное отношение расходов дороги к ее валовому доходу.

транзитные грузы. Ларионов доказывал, что в 1911 г. ни одна частная дорога не имела поверстную выручку меньше 11 тыс. руб. на версту, а среди казенных (например, Полесских и Пермской) выручка не достигала даже 10 тыс. руб. на версту (20, № 4, с. 48). Поэтому сравнивать следовало такие дороги, как частная Московско-Казанская и казенная Николаевская, частная Владикавказская и казенная Екатерининская и т.п. Сопоставляя их, Ларионов пришел к выводу, что коэффициент эксплуатации казенных и частных дорог, находившихся в более или менее равных условиях, был примерно одинаковым (20, с. 49).

Однако для более правильной оценки коэффициента эксплуатации Ларионов предлагал сравнить эти дороги с учетом средних тарифных ставок, потому что номенклатура перевозимых грузов заметно различалась. В результате он пришел к выводу, что при уравнивании этих ставок коэффициент эксплуатации у казенных железных дорог будет значительно лучше по сравнению с частными (там же, с. 52). Затем он сравнил такой показатель, как средняя полезная нагрузка товарного поезда. У казенных дорог она составляла 17 234, а у частных – 15 900. Кроме того, Ларионов припомнил отказ частных железных дорог возить по льготному тарифу хлеб для губерний, пораженных неурожаем. Впрочем, он считал такое поведение вполне естественным для этих дорог как коммерческих предприятий. Поэтому окончательный вывод Ларионова таков: «Казенные дороги эксплуатируются, по-видимому, не только не хуже частных, но наоборот – во многих отношениях значительно лучше» (20, № 5, с. 67, 69).

Л.Ф. Шухтан ответил статьей «Об улучшении эксплуатации казенных железных дорог». Он указал на расходы частных железных дорог, «коих казенные дороги не знают и не несут». К ним относились расходы на содержание правления, выплаты в пенсионную кассу, премии страховым обществам и отчисления в страховую капитал, содержание правительственной инспекции, школ и церквей, уплата процентов по облигациям (как русских, так и иностранных займов), печатание новых облигаций и т.п. За 1910–1911 гг. частные дороги расходовали на эти цели ежегодно по 12 млн. руб. Поэтому для сравнения результатов эксплуатации следовало уменьшить на эту сумму расход частных железных дорог. Шухтан снова повторил, что «эксплуатация частных железных дорог ведется в настоящее время значительно лучше казенных. Это – факт, не подлежащий сомнению» (34, с. 196).

Затем Шухтан объясняет причины преимуществ частной сети. Казенные дороги не имеют одного хозяина. Ими заведуют Министерство путей сообщения и Министерство финансов, Государственный контроль. На местах все хозяйственные решения обсуждают коллегиальные органы – советы управлений и общие присутствия. Сама процедура обсуждения на этих коллегиях сложна и требует массы времени. Дела, для решения кото-

рых на частных железных дорогах нужно несколько минут разговора между управляющим дорогой и начальником одной из служб, на казенных дорогах зачастую требуют нескольких месяцев. Большинство дел в местных управлениях казенных дорог не может быть решено и направляется в Центральное управление железных дорог МПС. Управление распоряжалось 42 тыс. верст железнодорожных линий. Его персонал работал по 12 час. в сутки, но физически был не в состоянии оперативно рассматривать все поступающие к ним в управление вопросы.

В результате аппарат сталкивался с большой текучестью кадров. За 30 лет начальниками Управления железных дорог МПС (и его предшественником) были 17 человек с продолжительностью службы от шести месяцев до трех лет. Часто менялся и руководящий состав казенных железных дорог. Так, по состоянию на 1913 г. из 21 начальника этих дорог 15 состояли в должности менее года. Но частые перемещения должностных лиц крайне вредны для дела. Они не успевали вникнуть во все тонкости управления дорогами, плохо знали подчиненных. Для сравнения: председатели правлений Московско-Казанской, Московско-Киево-Воронежской, Рязанско-Уральской дорог занимали свои должности 20–35 лет. Управляющие дорогами руководили ими 6–7 лет, а инженер Иноземцев стоял на главе Владикавказской железной дороги 28 лет. Стабильность кадров положительно сказывалась на работе частных железных дорог. Шухтан был убежден, что личный состав служащих на частных дорогах более квалифицирован, так как начальники казенных дорог и служб не могли отказать в приеме на работу лицами по протекциям министерских работников. Поэтому в аппарате дорог было немало работников, не отвечавших по своим знаниям и опыту занимаемым должностям. Шухтан особо подчеркивал этот факт: «На крупные должности предпочитали не назначать людей способных и чем-либо выдающихся, а назначались люди средние, а иногда и просто бездарности» (34, с. 198).

Наконец, Шухтан отмечал, что размер жалованья на частных дорогах был значительно выше, что способствовало переходу с казенных на частные дороги наиболее способных и талантливых железнодорожников. Поэтому он сделал вывод о необходимости передачи казенных железных дорог в частные руки. Шухтана поддержал заместитель управляющего Петроградской сети Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги инженер А.Н. Фролов.

Ларионов ответил своим оппонентам книгой, изданной в том же году. Ссылаясь на мнение депутатов Государственной Думы, он писал, что казенные железные дороги лучше обслуживают повседневные нужды населения и более чутко относятся к этим нуждам. В частности, казенные железные дороги имели более современные пассажирские вагоны и вокзалы, а расписание движения поездов было удобно для пассажиров. Далее

Ларионов повторил свои аргументы по вопросу расчета коэффициента эксплуатации. Он писал, что этот показатель и себестоимость пудо-версты на казенных дорогах улучшились значительно быстрее, чем на сравнимых с ними частных. При расчете расходов Ларионов соглашался исключить статьи, на которые указал Шухтан. Но тогда из расходов казенных железных дорог также нужно исключить средства, направлявшиеся на содержание жандармской полиции, школ, церквей, общежитий. Расходы на пенсии, пособия и награды в отчеты дорог о расходах по эксплуатации не попадали. Ларионов предложил также учитывать интенсивность пассажирского движения. На казенных железных дорогах она была намного выше. Однако убыточность перевозок пассажиров была общеизвестна. При этом Ларионов ссылался на А.Н. Фролова, считавшего, что пассажир при определении работы железных дорог и себестоимости перевозок должен приравниваться к 100 пудам груза. Пересчитав с учетом этой нормы стоимость пудо-версты, Ларионов вновь доказывал, что частные дороги эксплуатировались менее экономично (21, с. 25).

Итоги этому спору подвел известный ученый в области тяги, руководитель Конторы над типами паровозов, профессор, член Инженерного совета МПС Ю.В. Ломоносов. В книге «Научные проблемы эксплуатации железных дорог» он написал: «Мне представляются бесплодными модные теперь попытки с помощью значений себестоимости решить вопрос о сравнительной хозяйственности частного и казенного железнодорожного хозяйства... Между условиями частной и казенной эксплуатации у нас сейчас нет серьезного различия» (22, с. 33).

Правительственные мероприятия по преодолению кризиса на железнодорожном транспорте в предвоенные годы

В июне 1902 г. правительство образовало при Министерстве путей сообщения Комитет по распределению между заводами заказов на подвижной состав, рельсы и скрепления. В функции этого учреждения входили: осмотр заводов, сбор сведений об их производительности и техническом оснащении, о получении ими государственных и частных заказов. На основании этих данных комитет более или менее равномерно размещал железнодорожные заказы, поддерживая отечественную промышленность. Была продолжена политика установления льготных тарифов на перевозки хлеба, сахара, угля, руды, металлов, керосина. Система грузовых тарифов способствовала более рациональному и интенсивному использованию всей железнодорожной сети (2, с. 151).

В 1905 г. по инициативе Министерства финансов, по-прежнему покровительствовавшего частным компаниям, был принят закон «О мерах привлечения частных капиталов в дело железнодорожного строительства в

России». В нем предусматривались новые льготы для железнодорожных обществ. В частности, ограничивалась доля участия правительства в прибылях частных обществ. Они получили право на возмещение казной затрат на улучшение путевого хозяйства, строительство вокзалов, различных станционных построек и т.п. (26, с. 105). Министерство финансов поощряло образование новых частных обществ, но преимущественно в районах, где крупные железнодорожные монополии не действовали или новое строительство не представляло для них интереса. В период с 1908 по 1913 г. возникло 23 новых железнодорожных обществ (12, с. 151).

Накануне Первой мировой войны железнодорожные общества обратились к правительству с ходатайством разрешить организацию железным дорогам своих угольных копий, брикетных фабрик, нефтяных скважин, разработку лесных площадей на дрова, шпалы и т.п. Правительство согласилось и к 1917 г. Общество Владикавказской железной дороги превратилось в одного из крупнейших нефтепромышленников на Северном Кавказе, а Общество Московско-Казанской железной дороги приобрело более половины паев товарищества Алапаевских горных заводов на Урале (15, с. 34–35). Поэтому об успешности этих и других частных обществ уже нельзя было судить по их основной деятельности.

В предвоенные годы значительных успехов достигли казенные железные дороги, по которым перемещалось более двух третей грузов и пассажиров. Современники связывали этот успех с деятельностью министра путей сообщения С.В. Рухлова. За пять лет валовой доход казенных железных дорог увеличился на 52% и достиг 825 582 000 руб., в то время как расходы выросли всего на 16%. С 1908 по 1913 г. доход с одной версты вырос с 2322 руб. до 7031 руб. В записке директора канцелярии МПС Н.И. Туган-Барановского министру путей сообщения подчеркивалось, что такие распространенные явления, как «залежи грузов, бывшие прежде более или менее хроническими, значительно сократились, а на казенных железных дорогах исчезли совсем»¹. Рухлов писал императору: «Вследствие сего приемлю долг всеподданнейше доложить Вашему императорскому величеству, что, независимо даже от неоспоримых общегосударственных выгод казенной эксплуатации железных дорог, крупные затраты государства на создание казенной сети представляются и коммерчески вполне оправдываемыми» (35, т. 2, с. 575). Все это позволяло правительству руководить железнодорожным транспортом как единым целым.

Рухлов, безусловно, гордился финансовыми результатами своей деятельности на посту министра путей сообщения. Немало усилий приложил он к модернизации пассажирского хозяйства. Решительно обновлялся парк пассажирских вагонов и локомотивов. На всех важнейших направлениях

¹ РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1700. Л. 106.

началось движение скорых и курьерских поездов. Впервые были назначены прямые (без пересадки на границах железных дорог или в крупных железнодорожных узлах) поезда для перевозки пассажиров в самые отдаленные районы империи. Почти повсеместно было введено газовое или электрическое освещение вагонов. Помимо технических усовершенствований, на железных дорогах был усилен ведомственный контроль. Решительно велась борьба с безбилетным проездом, перевозкой одних товаров по тарифам других и т.п. Рухлов приучил самих железнодорожников работать строго в пределах утвержденных парламентом смет. По мнению современников, эта борьба внутри ведомства была нелегкой, но она закончилась победой энергичного министра.

Разумеется, финансовые возможности ведомства не позволяли одновременно улучшить все сферы железнодорожного хозяйства. Прежде всего, были сокращены объемы нового железнодорожного строительства. С 1910 г. в эксплуатацию ежегодно вводилось в среднем 700 верст железных дорог, а требовалось не менее нескольких тысяч. Накануне войны плотность железнодорожных линий в Европейской России составляла примерно 1 км на 100 кв. км, а в Западной Европе – 6,5 км. Доля дорог с двойной колеей в России достигала всего 25%. Протяженность сети шоссейных дорог, которые тоже находились в ведении МПС, уступала будущему противнику – Германии – в 9 раз¹. Когда началась мировая война, все это было поставлено общественностью в вину С.В. Рухлову.

Первая мировая война выявила серьезное отставание железнодорожной сети Российской империи от воевавших с ней государств. Железные дороги исчерпали свою пропускную и провозную способность. В 1916 г. Особое совещание под председательством товарища министра путей сообщения И.Н. Борисова разработало пятилетний план усиленного железнодорожного строительства. Предполагалось строить по несколько тысяч верст железнодорожных линий ежегодно. В печати развернулась дискуссия о том, кто сможет осуществить столь грандиозное строительство. Даже такой сторонник частных железных дорог, как инженер путей сообщения А.А. Бубликов, председатель правления Общества Ачинск-Минусинской железной дороги и депутат Государственной Думы, признал, что не стоит надеяться «на пышный расцвет частного строительства». Строить будет государство. Но должна быть полная ясность в расходах огромных средств. Бубликов призывал установить на казенных железных дорогах «настоящую коммерческую бухгалтерию» (29, с. 133–134).

¹ РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1700. Л. 106 об.

Начало советской эпохи: «ударим» частной предприимчивостью по кризису на транспорте

Политический и социально-экономический кризис 1917 г., приход к власти партии большевиков и их союзников привел к существенной трансформации общества и государства. В новой экономической модели, казалось, не было места частным дорогам, акционерным обществам и прочим атрибутам жизни царской России, особенно после решения Советской власти о национализации промышленности и железных дорог. Но не все так просто.

Пытаясь найти выход из кризиса на транспорте, руководители ведомства путей сообщения обратились к зарубежному опыту. Нарком путей сообщения П.А. Кобозев еще в мае 1918 г. решительно высказался за использование в железнодорожном деле опыта Америки в научной организации труда. Он привел в пример работу двух американских дорог (Santa Fe и Chicago-Milwaukee St. Paul), на которых после ряда динамометрических опытов сумели вдвое сократить расход топлива. Нарком считал, что необходима строго научная программа восстановления железнодорожного транспорта. Она предполагала создание новой структуры управления частными и казенными железными дорогами с учетом особенностей районов, ими обслуживаемых, объединение дела заготовок топлива и других материалов, капитальный ремонт паровозов в особых починочных мастерских, работающих на сеть ближайших дорог, решительное сокращение «ненужного для дела числа лиц и категорическое требование выполнения оставшимися на службе всей выпадающей на их долю работы» с повышением заработной платы (5, с. 31).

Кобозев считал, что одна правительственная власть не сможет осуществить весь комплекс восстановительных работ. «Успех возможен, – подчеркивал нарком, – только при осуществлении намеченных задач без неизбежной казенной рутины и коллегиальной безответственности, при помощи частной предприимчивости, под объединяющим руководством, надзором и контролем правительственной власти, при ее действенной помощи и с участием казны в прибылях предпринимателей» (там же). Более того, народный комиссар П.А. Кобозев высказался за передачу ряда казенных железных дорог в частную эксплуатацию (там же).

Эта точка зрения была, по-видимому, распространена среди перешедших на службу в Наркомат путей сообщения специалистов царского путейского ведомства, искавших выход из затянувшегося кризиса железнодорожного хозяйства. Они, в частности, считали возможным возложить на железные дороги такие задачи, как разработка недр и лесов, улучшение судоходства, развитие ссудных операций, организация торгового аппарата и т.п. Это должно было в конечном счете привести к увеличению перево-

зок и повышению доходности железных дорог. Поскольку государство было не в состоянии решать все эти грандиозные задачи, требовалось привлечь отдельных предприимчивых и приспособленных к практической деятельности лиц. Выполнение этих планов возможно лишь вне казенной рутины и коллегиальной безответственности, при помощи частной предприимчивости, под объединяющим руководством, надзором и контролем правительственной власти, при ее действенной помощи и с участием казны в прибылях предпринимателей.

В печати обсуждались предложения по строительству Печоро-Беломорской железной дороги от села Троицкое до Архангельска с веткой на Усть-Цыльму. Инженер А.Н. Фролов, в частности, предлагал строить ее с участием иностранного капитала на концессионных началах, достаточно обеспечивающих интересы государства (32, с. 10, 14).

Переход к новой экономической политике означал возврат к прежней организации железнодорожного хозяйства. Утвержденный в 1922 г. Устав железных дорог РСФСР принципиально не отличался от хорошо знакомого железнодорожникам Общего устава российских железных дорог 1885 г. Вновь были вызваны к жизни железнодорожные правления.

Достраивать ряд железных дорог руководство НКПС решило на концессионных началах. Так, 2 сентября 1922 г. Концессионный комитет при Совете труда и обороны РСФСР принял решение об образовании Акционерного общества Ачинск-Минусинской железной дороги («Ачминдор»). 51% акций находился в НКПС. Обществу передали в эксплуатацию головной участок трассы. Предстояло наладить водоснабжение и завершить строительство нескольких мостов, уложить рельсы на большинстве участков. АО «Ачминдор» довело рельсовый путь до ст. Ужур (145 верст) и ввело временное движение поездов. Остальную часть достроило путейское ведомство (35, т. 1, с. 128–129).

Новая страна – старая проблема: какими быть железным дорогам России?

После отказа от новой экономической политики разговоры о концессиях, акционерных железнодорожных обществах и т.п. в нашей стране на несколько десятилетий прекратились. Вновь актуальной проблема соотношения казенного и частного на железных дорогах стала с реформой управления железнодорожного транспорта в начале XXI в. и создания ОАО РЖД, 100% акций которого принадлежит государству (13, с. 368, 388). Оказалось, что перед железнодорожниками стоят те же проблемы, что и сто лет тому назад. У государства снова нет денег на масштабное железнодорожное строительство. Министерство финансов и ОАО РЖД

опять уповают на частные инвестиции и готовы сооружать новые линии лишь на паритетных началах.

Возвращаясь к диалогу корреспондента из Тувы с Президентом РФ, отметим, что железную дорогу от Минусинска до Белоцарска (ныне Кызыл, столица Тувы) намечалось построить еще в начале XX столетия. Но годы войн и революций не позволили претворить эту идею в жизнь. С 1921 по 1944 г. Тува не входила в состав СССР. После Великой Отечественной войны Совет Министров СССР направлял средства на более важные инфраструктурные проекты. О железной дороге вспомнили после ликвидации СССР. Особый интерес вызвали колоссальные запасы угля и других полезных ископаемых. На территории Тувы открыто крупнейшее в мире месторождение коксующихся углей – Элегестское. Его разработка невозможна без железнодорожного пути на север. Акции этого месторождения до последнего времени принадлежали Объединенной промышленной компании российского олигарха С.В. Пугачева, с 2001 по 2011 г. сенатора от Тувы.

В марте 2007 г. правительство РФ одобрило проект строительства железной дороги Курагино – Кызыл в увязке с освоением минерально-сырьевой базы Тувы. К концу года правительство утвердило паспорт этой дороги. Проект был включен в Инвестфонд РФ на основе паритетного финансирования работ. Длина магистрали составила 411,7 км. Предполагалось построить 7 станций, 12 разъездов, 830 искусственных сооружений, в том числе 180 мостов и 7 тоннелей. Дорога проектировалась однопутной, неэлектрифицированной. Частным инвестором выступала Енисейская промышленная корпорация (ЕПК), входившая в Объединенную промышленную корпорацию Пугачева.

В июне 2011 г. у Объединенной промышленной компании и «Межпромбанка», также принадлежавшего Пугачеву, возникли проблемы. Чтобы расплатиться с долгами, олигарх решил продать ЕПК и часть акций Эгелестинского месторождения. ЕПК была продана, но от новых собственников скрыли непокрытые долги этой компании на сумму 64 млрд. руб. Одновременно Центробанк отозвал лицензию у «Межпромбанка», а С.В. Пугачев покинул пределы России. В конце августа 2012 г. в Арбитражном суде Тувы началось рассмотрение иска о банкротстве ЕПК. В этих условиях «во избежание неэффективного использования бюджетных средств» правительство РФ приняло решение об исключении из перечня инвестпроектов, реализуемых за счет средств Инвестиционного фонда РФ, железной дороги Курагино – Кызыл.

Вся эта история в очередной раз доказала, что в крупных инфраструктурных проектах Российское государство может полагаться, как правило, исключительно на себя. Если, конечно, есть реальная заинтересованность в провозглашенной модернизации страны.

Список литературы

1. Абаза А.В. Мысли московского жителя о возможности учредить общество на акциях для сооружения железной дороги от Санкт-Петербурга до Москвы. – СПб.: Тип. Греча, 1838. – 36 с.
2. Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. [Кн. 1.]. – М., 1999. – С. 151.
3. Борисов И.Н. Возражение на книгу инженеров Б.Д. Воскресенского и В.А. Нагродского: Страницы современного русского железнодорожного хозяйства // Журнал Министерства путей сообщения. – СПб., 1908. – № 9. – С. 22–65.
4. Верховский В.М. Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 год включительно. – СПб., 1898. – 591 с.
5. Воскресенский Б.Д., Нагродский В.А. Страницы современного русского железнодорожного хозяйства. – СПб.: 1908. – VI; 33 с.
6. Георгиевский П.И. Финансовые отношения государства и частных железнодорожных обществ в России и в западноевропейских государствах. – СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1887. – 328 с.
7. Голубев А.А. История строительства Мурманской железной дороги. – СПб.: ПГУПС, 2011. – 205 с.
8. Гольянов А.Л., Закревская Г.П. Из истории железнодорожных акционерных обществ в России // Из истории железной дороги в России. – М.: Иван Федоров, 2008. – С. 3–7.
9. Градовский А.Д. Трудные годы (1876–1880): Очерки и опыты. – М.: Гос. публ. ист. библиот. России, 2007. – 440 с.
10. Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. – М.; Л.: Академия, 1930. – Т. 2. – 600 с.
11. Дневник Д.А. Милютин. – М.: Отдел рукописей Государственной национальной библиотеки. Фонд Д.А. Милютин, 1947. – Т. 1. – 256 с.
12. История железнодорожного транспорта России, XIX–XXI вв. – М.: Издательский дом Мещерякова, 2012. – 736 с.
13. История организации и управления железнодорожным транспортом России: Факты, события, люди. К 200-летию транспортного ведомства и образования на транспорте России. – М.: ГОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2009. – 466 с.
14. Коновалов О.И. Железные дороги России: Транспортные происшествия XIX–XX вв. – М.: Лицей, 2007. – 408 с.
15. Костицкий С.Н. Частное железнодорожное предпринимательство в России во второй половине XIX–XX вв. – М.: МИТ, 2007. – 43 с.
16. Крейнис З.Л. Очерки истории железных дорог. – Кн. 3: Великий Российский путь из Санкт-Петербурга до Владивостока. – М.: ГОУ УМЦ, 2010. – 491 с.
17. Крушение царского поезда 17 октября 1888 г. на перегоне Тарановка–Борки и Спасо-Святогорский скит Святогорского монастыря на месте катастрофы и чудесного спасения царской семьи государя-императора Александра III. – Донецк: «Отражение», 2007. – 104 с.
18. Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство: Очерки истории. – М.: Прогресс-Академия, 1995. – 192 с.
19. Лазуткин А.А. Роль железнодорожной политики в стабилизации финансовой системы Российской империи в министерство И.А. Вышнеградского (1887–1892) // Вестник Московского университета. Серия 8, История. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – № 6. – С. 24–34.
20. Ларионов А.М. К вопросу о сравнительной хозяйственности эксплуатации казенных и частных железных дорог // Известия Собрания инженеров путей сообщения. – СПб., 1913. – № 3. – С. 30–32; № 4. – С. 45–52; № 5. – С. 63–72.

21. Ларионов А.М. О сравнении хозяйственности эксплуатации казенных и частных железных дорог. – СПб., 1913. – 29 с.
22. Ломоносов Ю.В. Научные проблемы эксплуатации железных дорог. – 2-е изд. – Одесса: Типография акционерного южно-русского общества печатного дела, 1914. – 132 с.
23. Мамонтов С.И. О железнодорожном хозяйстве в России. – М.: Типография литературного т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1909. – 35 с.
24. Мигулин П.П. К вопросу о частном железнодорожном строительстве / Высочайше учрежденная Особая высшая комиссия для всестороннего исследования железнодорожного дела в России. – СПб.: Нов. типо-лит., 1910. – 63 с.
25. Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919): Военная необходимость и экономические соображения. – СПб.: Истор. история, 2011. – 320 с.
26. Погребинский А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. – М.: Финансы, 1968. – 167 с.
27. Правдин А. О железных и торцовых дорогах в России. – СПб.: Тип. А.И. Семена, 1838. – 53 с.
28. Сенин А.С. Самая южная линия Российской империи // Железнодорожный транспорт. – М., 1999. – № 1. – С. 74–77.
29. Сенин А.С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). – М.: ГОУ УМЦ, 2009. – 320 с.
30. Соловьева А.И. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. – М., 1975. – 315 с.
31. Транссибирская и Байкало-Амурская магистрали – мост между прошлым и будущим России. – М.: Транспорт, 2005. – 348 с.
32. Фролов А.Н. Экономические перспективы района Печора–Беломорской железной дороги. – Пг.: Изд-во НКПС, 1920. – 53 с.
33. Шухтан Л.Ф. О результатах эксплуатации частных железных дорог в 1911 году // Известия Собрания инженеров путей сообщения. – СПб., 1912. – № 31. – С. 2–12.
34. Шухтан Л.Ф. Об улучшении эксплуатации казенных железных дорог // Известия Собрания инженеров путей сообщения. – СПб.: Электро-тип. И.Я. Стойковой, 1913. – № 13. – С. 194–199.
35. Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия. – Т. 1. – М., 2008. – 1470 с.; Т. 2. – М., 2009. – 1288 с.
36. Элькин Л.Л. Нарекания на казенное хозяйство железных дорог // Известия Собрания инженеров путей сообщения. – СПб., 1911. – № 9. – С. 1–5.

Е.Ю. МЕЛЕШКИНА

***СОВЕТСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ
И СОВРЕМЕННЫМ ГОСУДАРСТВОМ***¹

(Краткие заметки)

После распада СССР возникли 15 независимых государств, получивших международное признание. Эти новые государственные образования отличаются друг от друга по целому ряду параметров: спецификой политических режимов, различными внешнеполитическими ориентациями, разным уровнем экономического развития, разнообразными культурными традициями и т.д. Вместе с тем их объединяет ряд сходных проблем национального и государственного строительства, многие из которых объясняются общим советским прошлым и сформировавшейся в тот период институциональной памятью.

Для того чтобы оценить проблемы, возникающие при смене логики институциональной организации в новых независимых государствах, важно понять, что им досталось в наследство. В данной статье с этой точки зрения рассматриваются некоторые особенности организации власти в СССР, касающиеся административно-территориального деления и национальной политики.

Особенности советской национальной и административно-территориальной политики

СССР пытался двигаться по пути формирования современного государства. В то же время Советский Союз сохранил отчетливые черты имперской организации власти: не прямое управление², основанное на дву-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 10-03-00678 а «Формирование государств и наций в странах постсоветского пространства».

² Непрямое управление – черта имперской организации, отмечаемая многими исследователями. Ч. Тили, например, допускает два элемента непрямого правления: сохранение или достижение особых (отдельных) пактов/договоров для органов власти каждого сегмента; отправление полномочий через посредников, пользующихся значительной автономией в своих доменах в обмен на обеспечение согласия, сбор дани и военное сотрудничество с центром (24, с. 3).

сторонних отношениях обмена, высокую роль неформальных институтов, личных отношений и связей, множественность идентичностей и т.д.

Это фундаментальное противоречие отразилось на административно-территориальной и национальной политике. Можно утверждать, что в Советском Союзе предпринимались отдельные попытки стандартизации и унификации управленческих норм и правил, формирования единой гражданской нации на основе коммунистической идеологии. В рамках этой политики, которую условно можно назвать «советизаторской», ставка делалась на укрепление советского патриотизма, «дружбы народов» и консолидацию на этой основе «новой исторической общности советских людей».

В то же время в СССР сохранялась практика непрямого управления, проявлявшаяся, например, в политике выборочного и дозированного развития государственности союзных республик. Если оценивать характер советской федерации, то прежде всего следует отметить спорность, условность федеративного начала, официально провозглашенного ее основой. Кроме того, ее отличали «матрешечность» и асимметричность, что закреплялось и посредством правовых норм, и на уровне практик. Об асимметричности федерации свидетельствует, например, членство в ООН двух из пятнадцати союзных республик: Украины и Белоруссии. В хрущевскую оттепель и особенно в брежневские времена республики получили еще большую самостоятельность. При этом, однако, асимметричность и «матрешечность» административно-территориальной организации СССР сохранялись.

Две стратегии строительства советской федерации: о «коренизации» и «советизации»

Как известно, в основе советской федерации лежал принцип деления на национально-государственные образования, косвенное управления которыми предполагало реализацию условно «национализаторской» политики¹: усиление национального характера республик, поддержку развития культуры титульной нации, продвижение ее представителей в руководящие органы республик, предоставление иных преференций представителям титульных этносов в обмен на лояльность политическому режиму и СССР как единому государству.

Основными механизмами «национализаторской» политики являлись «коренизация» и институт «титульности». «Коренизация» была направлена на формирование советской этнической интеллигенции и вовлечение ее в процесс политического руководства соответствующими территориями.

¹ Не следует смешивать с выдвинутым Х. Линцем и А. Степаном понятием *национализаторской политики* (22, с. 35) или с понятием *национализирующего государства* Р. Брубэкера (19), хотя она содержательно близка к ним.

«Титульность» предполагала придание какому-либо этносу статуса основного на территории республики или иной территориальной единицы.

Как и другие явления советской национальной политики, «коренизация» на разных этапах развития СССР реализовывалась в неодинаковой степени. Наиболее широкое распространение эта политика получила в 1920 – начале 1930-х годов и иногда приобретала довольно гротескные формы. К 1928 г. в состав советских республик входили национальные округа, национальные районы, национальные советы, туземные исполнительные комитеты (тузрики), туземные советы, аульные советы, родовые советы, кочевые советы и лагеркомы. Этнические группы, объединяемые в границах этих территориальных единиц, должны были развивать национальные культурные традиции, собственный язык, институты (СМИ, школы и др.). Как отмечает Ю. Слезкин, к 1928 г. книги в СССР печатались на 66 языках (по сравнению с 40 языками в 1913 г.), а газеты – на 47 (всего выходило 205 нерусских изданий). Между 1928 и 1938 гг. число нерусских газет возросло с 205 изданий на 47 языках до 2188 изданий на 66 языках (23).

Ю. Слезкин приводит весьма забавные факты из истории «коренизации» в СССР. Так, 1 марта 1928 г. Центрально-Азиатское бюро партии, Центральный комитет Коммунистической партии Узбекистана и Исполнительный комитет Узбекистана официально приняли решение об «узбекизации» к 1 сентября 1930 г. 28 декабря 1929 г. правительство Узбекистана выдвинуло требование, согласно которому все чиновники Центрального комитета, Верховного суда и комиссариатов труда, просвещения, юстиции и социального обеспечения должны были в течение двух месяцев выучить узбекский язык. Другим комиссариатам предоставлялось девять месяцев, а «всем остальным» – один год. 6 апреля 1931 г. Центральный исполнительный комитет Крымской автономной республики принял декрет, согласно которому доля коренных служащих в правительстве повышалась к концу года с 29 до 50%. 31 августа 1929 г. в основном русскоязычные жители Одессы узнали о том, что их ежедневная газета «Известия» стала выходить на украинском языке под названием «Черноморска комуна» (там же).

Развитие институтов «коренизации» и «титульности» создавало предпосылки для статусного неравенства различных этнических групп в отдельных административно-территориальных образованиях. Нельзя не согласиться с А. Пуциевым в том, что «Советское государство стремилось создать приемлемую для себя национальную бюрократию/интеллигенцию и опереться на нее в контроле и поглощении национальной периферии. Однако этот контроль имеет своей обратной стороной усиление политического влияния представителей титульных этнических групп и усиление самого института титульности – системы неформального обеспечения коллективных прав одних групп над подобными правами других» (14).

По мнению С. Маркедонова, «фактически же Советское государство институционализировало этнические группы в качестве главного субъекта политики и государственного права... На практике это означало формирование представлений об этнической собственности того или иного этноса на территорию, обозначенную как “национальная республика”. Отсюда и нелегитимность этих образований, поскольку представители других, “нетитульных”, этносов не могли рассматривать этническую территорию “титульной” группы как свое государство» (8, с. 18).

Таблица

Динамика этнического состава населения Молдавии, Украины, Латвии, Литвы и Эстонии, %

Этническая группа	Год			
	1934	1959	1989	2000
<i>Эстония:</i>				
Эстонцы	88,1	74,6	61,5	67,90
Русские	8,2	20,1	30,3	25,63
Евреи	0,4	0,5	0,3	0,16
<i>Латвия:</i>	1935	1959	1989	2002
Латыши	77	62	52,0	57,66
Русские	8,8	26,6	34,0	29,58
Евреи	4,9	1,7	0,9	0,15
<i>Литва:</i>	1923	1959	1989	2001
Литовцы	83,88	79,3	79,6	83,45
Русские	2,49	8,5	9,4	6,13
Евреи	7,58	0,9	0,3	0,12
Поляки	3,23	8,5	7,0	6,74
<i>Молдавия:</i>	–	1959	1989	2004*
Молдаване/румыны	68,8	65,4	64,5	78,2
Русские	6,7	10,15	13	5,8
Украинцы	11,1	14,59	13,8	8,4
Болгары	7,5	2,14	2,0	1,9
Гагаузы	4,9	3,32	3,5	4,4
<i>Украина:</i>	1939	1959	1989	2001
Украинцы	76,48	76,8	72,7	77,8
Русские	13,49	16,9	22,1	17,3
Крымские татары	0,18	0,15	0,2	0,5
<i>Белоруссия:</i>		1959	1989	1999
Белорусы	–	81,09	77,86	81,22
Русские	–	8,19	13,22	11,37
Поляки	–	6,69	4,11	3,94
Украинцы	–	1,65	2,87	2,36
Евреи	–	1,86	1,1	0,28

* Без Приднестровья.

Формирование единой советской нации включало в себя и насильственные меры, призванные снизить этническую и социальную напряжен-

ность и добиться лояльного отношения населения той или иной территории к советской власти. В СССР ставились широкомасштабные территориальные эксперименты (например, передача Крыма Украинской ССР в 1954 г.), осуществлялись репрессии в отношении целых этнических групп. Самым массовым инструментом репрессирования стало переселение. Титульные группы искусственно перемещались на периферию советской империи, в результате чего существенно изменился этнический состав населения республик.

В качестве примера переселения этнических групп опишем высылку части коренного населения из стран Балтии. Самыми массовыми оказались депортации 25–29 марта 1949 г. в Латвии и Эстонии, когда было выслано 42,133 тыс. и 21 тыс. человек соответственно; 22–27 мая 1948 г. из Литвы выслали 41 тыс. человек (20, с. 42). За период с 1944 по 1953 г. в Латвию въехали 200 тыс. русских и представителей других национальностей; в Эстонию – 213 тыс., в Литву – 150 тыс.

Представители коренного этноса вытеснялись в Прибалтийских республиках из органов власти. В эстонской Коммунистической партии основная «чистка» прошла в 1949–1952 гг., в латвийской – в 1959–1960 гг. В 1970 г. латвийская Компартия включала 40,2% латышей, эстонская – 52,3%. Наибольший процент коренного населения был в литовской Компартии – 67,1%. В 1990 г. в ней состояли 70,3% литовцев, в латвийской – 34,5% латышей, в эстонской – 49,9% эстонцев (20, с. 59).

Наибольшей этнической гомогенностью среди Прибалтийских республик отличалась Литва – во многом благодаря 33-летнему правлению А. Снечкуса, окружившего себя литовской номенклатурой. Снечкус стремился к тому, чтобы Литва оставалась аграрной республикой, не нуждающейся в притоке рабочей силы из других частей СССР. Особая концентрация русскоязычного населения в северо-восточных регионах Эстонии явилась результатом форсированной индустриализации и массовой миграции 1960–1970-х годов (примерно 20–30 тыс. человек ежегодно). Три четверти приезжих оседали в районах Ида-Вирумаа и Нарвы (см.: 18).

В позднесоветский период косвенный характер управления и автономизация национальной периферии усилились. Как отмечает Р. Суни, «после того как хватка центра ослабла на периферии и гиперцентрализация, свойственная сталинизму, сменилась политикой непрямого управления, периферийные кадры, обладавшие поддержкой и влиянием в республиках, демонстрируя свою формальную лояльность советской идеологии, стали потворствовать местным национализмам и экономическим практикам, разорявшим Советское государство» (13, с. 195).

Постепенно между представителями этнических элитных групп установилось своеобразное разделение сфер влияния. Особенно заметным оно стало в брежневские времена. Центральной, преимущественно рус-

ской по происхождению, элите принадлежало стратегическое руководство страной, армией, внешней политикой. Доступ в центральную элиту представителям этнических групп был возможен, хотя и ограничен: «Представители элит... знакомые с советскими и русскими культурными практиками (как правило, прибалтийцы, украинцы или армяне, а в первые годы советской власти и евреи), становились частью космополитической советской элиты, людьми в высшей степени мобильными, взаимозаменяемыми и преданными советскому имперскому проекту» (13, с. 194).

Республиканская элита контролировала процессы распределения и теневую экономику в республиках. Пост первого секретаря ЦК компартии национальной республики занимал представитель этнической элиты, пост второго – представитель центра. Республиканский КГБ контролировала Москва, а милицию – республиканские власти. Как справедливо отмечает Д. Эпштейн, «условием консенсуса было невмешательство в местные дела, с одной стороны, лояльность и отсутствие претензий на равное участие в стратегическом руководстве – с другой» (17, с. 259). По мнению исследователя, «административная система СССР представляла собой конгломерат этнопрофессиональных доменов и одновременно – сферу действия патронажно-клиентельных отношений», где «всеобщим модератором служили личные связи и коррупция» (там же, с. 258–259).

«Национализаторская» и «советизаторская» политики: опыт Молдавии, Белоруссии и Украины

Степень выраженности двух политических линий – «национализаторской» и «советизаторской» – в национальной и административно-территориальной политике СССР варьировалась не только на разных этапах развития союзного государства. Существенное разнообразие наблюдалось и в отдельных республиках СССР.

Так, например, «национализаторская» политика возобладала в республиках Прибалтики и в Молдавии. В каждой из республик она отличалась специфическими особенностями и проводилась с разной степенью интенсивности; со временем менялись ее динамика и соотношение с «советизаторской» политикой. Курс на советизацию определял политику в Белоруссии. На Украине обе линии не только сочетались, но и порой вступали в конфликт с совершенно неожиданным результатом. Главное же – их контрапункт менялся во времени и в пространстве.

Фактически в разных регионах, искусственно объединенных в УССР, складывались свои традиции соединения «национализаторской» и «советизаторской» политик. Проиллюстрируем эти различия более подробно на примере трех советских республик: Молдавии, Белоруссии и Украины.

На преобладание той или иной политической линии среди прочего оказывали воздействие и внешнеполитические факторы. Один из ярких тому примеров – «национализаторская» политика, проводившаяся в **Молдавии**.

Как единая политическая общность Молдавия в современных границах стала формироваться в рамках Советского Союза. Только в 1940 г., после аннексии советскими войсками Бессарабии, произошло объединение шести из девяти уездов Бессарабии с шестью районами Молдавской АССР. Так была образована Молдавская ССР.

В Молдавскую Автономную Республику со столицей в Тирасполе, находившуюся в составе Украинской ССР, тогда входило 14 районов на Левобережье Днестра. В межвоенный период здесь усилились миграционные процессы, что привело к изменению этнического и социального состава населения. Среди мигрантов существенную долю составляли рабочие и высококвалифицированные специалисты. По данным переписи 1926 г., в Молдавской АССР проживало 48,5% украинцев, 30,1 – молдаван, 8,5 – русских и 8,5% – евреев (3, с. 368). К 1940 г. из 283,1 тыс. населения Левобережья менее половины (126 тыс.) составляли молдаване, 82,7 тыс. – украинцы и 38 тыс. – русские (4, с. 40).

После аннексии Бессарабии и создания Молдавской ССР национальная и социальная политика на этой территории существенно изменилась. Были проведены насильственная коллективизация и раскулачивание; 30 тыс. жителей (бывшие помещики, кулаки, предприниматели, сектанты, лица, помогавшие немцам) депортировали в отдаленные районы СССР (6, с. 322). Часть румынской интеллигенции была вынуждена эмигрировать.

Возросла иммиграция из других частей Советского Союза. Положительное сальдо миграции сохранялось в республике до 1970-х годов. Это, однако, не привело к существенному изменению этнического состава населения Молдавии. В 1959 г. доля молдаван в населении республики составляла 65,4%, украинцев – 14,6, русских – 10,2, евреев, болгар, гагаузов – 9,8%. В 1989 г. молдаван насчитывалось 64,5%, украинцев – 13,8 и русских – 13% (см.: 12).

Советская миграционная политика способствовала усилению этнических диспропорций в структурах расселения и занятости. Среди городского населения наибольшей была доля русских, которая росла вплоть до конца 1980-х годов. В 1959 г. она составляла 66,6%, а в 1989-м – 86,1%. Доля горожан-молдаван за этот период увеличилась с 9,6 до 33,5% (11, с. 277). Русские и русскоязычные занимали ключевые посты в структурах власти и экономики. В частности, в составе руководства Молдавии, по данным переписи 1959 г., русских было 46% (т.е. в 4,5 раза больше, чем в составе всего населения) (там же, с. 278).

В индустриальном секторе преобладало немолдавское население. Молдаване занимались преимущественно низкоквалифицированным трудом. В конце 1950-х годов более 90% молдаван трудились в сельском хозяйстве и лишь чуть более 5% были работниками умственного труда (11, с. 278). Молдаване составляли 78,2% сельского населения.

Часть населения Молдавии была недовольна советская миграционной и культурной политикой, отделением Бессарабии от Румынии. Чтобы снять возникшее напряжение, советское руководство выдвинуло тезис о том, что молдаване и румыны – разные нации. В Молдавии занялись формированием молдавской идентичности – в противовес румынской. В этот процесс активно вовлекались представители нетитульной нации¹. Были предприняты меры по «коренизации» аппарата управления и формированию молдавской интеллигенции, повышению образовательного уровня молдаван, увеличению их доли в отраслях, связанных с обслуживанием населения, где требовалось знание языка (управление, образование, здравоохранение, юстиция, торговля и др.).

Позиции русскоязычных в интеллектуальной сфере ослабли. Тем не менее их представительство среди городской интеллигенции оставалось значительным, а относительная численность специалистов и руководителей в целом и производственных специалистов в частности среди русской городской интеллигенции – более высокой, чем среди молдавской. В конце 1980-х годов почти треть деятелей науки и искусства, четверть преподавателей вузов составляли русские. Однако среди них доля руководителей государственного аппарата, медицинского персонала, учителей была меньше, чем среди молдаван (11, с. 279–280).

Основной промышленный потенциал МССР концентрировался в Приднестровье. Так сложилось исторически, что Приднестровье с РСФСР и УССР связывали самостоятельные коммуникационные потоки. Приднестровье поставляло Молдавии политическую элиту. После объединения с Бессарабией значительную долю руководства вновь образованной союзной республики по-прежнему составляли прежние руководители МССР, которые переехали в Кишинев. До 1980-х годов большинство первых постов в республике занимали уроженцы Приднестровья.

Пестрый этнический состав, особое положение Приднестровья, наличие различных центров влияния сыграли существенную роль в социально-политическом развитии Молдавии в постсоветский период.

Яркий пример доминирования «советизаторской» политики представляет собой **Белоруссия**. Не имевшая опыта самостоятельной государственности, кроме краткого периода существования Белорусской Народной Республики в 1918 г., со слабо развитым национальным самосознанием

¹ О культурной политике, осуществляемой в этом русле, см.: 21.

большинства населения и преобладанием феномена «локальности», характерного для традиционных обществ, с антиэлитизмом и крестьянской идентичностью (выражавшимися в самоидентификации «тутэйшыя»), Белоруссия предоставляла благоприятную почву для советизаторской политики. «Коренизация», расцвет национального языка и культуры смилились в 1920–1930-х годах репрессиями – в том числе против национальной интеллигенции, часто пролитовски, пропольски или пронемецки настроенной.

После Второй мировой войны была уничтожена или вынуждена эмигрировать антикоммунистически настроенная часть национальной интеллигенции, сотрудничавшая с фашистами. Как отмечает Я. Шимов, «для белорусского национализма сотрудничество некоторых его представителей с нацистами стало “поцелуем смерти”». В послевоенный период обвинение в “буржуазном национализме” было одним из самых тяжелых, а в массовом сознании белорусов, переживших нацистскую оккупацию, появлявшаяся устойчивая ассоциация “национализм = нацизм”, активно поддерживавшаяся советской государственной пропагандой... Результатом исторических потрясений, пережитых Белоруссией в первой половине XX века, и в частности разгрома и физического уничтожения значительной части национальной интеллигенции, стала гораздо более глубокая, чем в большинстве других республик СССР, советизация массового сознания белорусов. Послевоенная политическая и экономическая элита сформировалась из людей крестьянского происхождения, в большинстве своем невысокого образовательного уровня, сделавших карьеру в партийных или советских органах...» (16, с. 90).

Тот же автор указывает, что в Белоруссии наиболее успешной среди советских республик оказалась политика русификации образовательных учреждений. Произошло это помимо прочего в силу малочисленности белорусской интеллигенции и отсутствия у нее собственной региональной «базы». Русский язык превращался в язык государственных учреждений, системы образования, СМИ; белорусский в основном выполнял роль «деревенского», «фольклорного». Как отмечает С. Вульхизер, уже в 1960-х годах в белорусской Компартии доминировали русофоны вне зависимости от национальной принадлежности (25). Согласно данным переписи населения 1989 г., 19,7% всех белорусов (включая и жителей деревень) считали родным языком русский, а среди всего населения республики таких насчитывалось 31,9%. Белорусский язык признавали родным 65,6% всего населения (15). Такая политика и ее результаты наложили отчетливый отпечаток на выбор стратегии формирования нации и государства в постсоветский период.

Весьма своеобразным образом «советизаторская» и «национализаторская» политические линии соединились и взаимодействовали на **Украине**. Политические, социальные и культурные централизация и унифи-

кация проявлялись здесь прежде всего в новом административно-территориальном делении. На смену губернскому поначалу пришло окружное, основанное не на историческом, а на административно-хозяйственном принципе. Затем его сменили районное и городское, и наконец, областное. В то же время режим искал опору в нерусской части населения, пытаясь привлечь на свою сторону представителей национальных меньшинств. Украинизация, особенно активная в 1920–1930-е годы, рассматривалась «центром» как форма унификации Украины¹.

«Советская власть, в особенности в области школьного образования, сделала весьма много для развития украинской идентичности, распространения украинского языка в промышленных городах Украины, где раньше он почти не был слышен» (7, с. 89). По оценкам Ю. Слезкина, уже в 1927 г. 93,7% украинских и 90,2% белорусских учащихся начальных школ обучались на «коренном» языке (23). 1920–1930-е годы стали временем расцвета украинской культуры. В конце 1930-х годов Украина имела значительно больше студентов, чем любая другая европейская страна: 124 тыс. в 1938–1939 гг. по сравнению с 50 тыс. в Великобритании, 70 тыс. в Германии, 72 тыс. во Франции и 75 тыс. в Италии. Вузовскими центрами стали 28 городов республики (см.: 5, с. 344). Поддерживалось развитие украинской национальной культуры.

Процесс украинизации имел противоречивые последствия, поскольку Украина представляла собой разнородную в культурном, историческом, лингвистическом, экономическом и социальном отношениях республику. В состав Украинской ССР входили, например, земли Новороссии, в городах которой русский язык преобладал как среди русского, так и украинского населения. Поэтому «если для центральных регионов республики украинизация была возвратом собственной культуры..., то для Юга и Востока Советской Украины она была навязыванием чужой... Как и большинство других программ большевиков, украинизация 1920–1930-х годов была в полной мере тоталитарным действием, издержки которого отнюдь не в полной мере искупались его позитивными сторонами» (7, с. 95).

Политика советизации стала активнее проводиться после Второй мировой войны, когда в состав СССР вновь вошли земли Западной Украины. Во многом это было связано с необходимостью борьбы с западноукраинским подпольем, позиция которого становилась все более радикальной. Как отмечает А.И. Миллер, «именно в эту эпоху и эти реалии уходят корни современного западноукраинского национализма с его жесткой этнической привязкой, с мощными мобилизационными механизмами, с отношением к более “мягко” настроенным соотечественникам как к “коллаборантам” и отступникам» (10, с. 97).

¹ О советской украинизации Украины в 1920–1930 гг. см. подробнее: 1.

Политика унификации и культурной стандартизации не привела к формированию однородной в экономическом, социальном и культурном отношениях республики. В советский период Украина оставалась во многом похожей на лоскутное одеяло, а население различных регионов имело разное представление о национальной идентичности. Вот как описывает А.И. Миллер наиболее очевидные, «укоренившиеся» различия: «Отношение друг к другу представителей двух разных украинских идентичностей во многом походит на те, которые были между украинцами и малороссами до Первой мировой войны. Украинцы смотрели на малороссов как на объект просвещения и социальной инженерии, как на заблудших и исковерканных чужим влиянием. Так же сегодня смотрят западноукраинцы на восточноукраинцев. Если малоросс упрямо настаивал на своей идентичности, а тем более на ее праве быть доминирующей в стране, то он в глазах украинца становился “вражьем землячком”, прихвостнем москалей. Так же смотрит западноукраинец на агрессивно отстаивающего свою правоту восточноукраинца. В свою очередь, малороссы считали украинофилов подпавшими под вредное влияние (поляков, Австрии, Германии) и обвиняли их в агрессивном национализме. Так же восточноукраинцы смотрят на западноукраинцев, обзывая их нациками и считая, что они служат интересам поляков (это константа!) и американцев» (10, с. 99).

Ситуация осложнилась в связи с присоединением к Украине в 1954 г. Крыма. На его территории существовала автономная республика, упраздненная после освобождения полуострова от фашистских войск и депортации татар и представителей других немногочисленных национальных меньшинств, обвиненных в сотрудничестве с немцами. В Крыму было еще меньше, чем в восточных землях Украины, оснований для украинизации: украинцы составляли лишь небольшую часть его населения. По данным переписи 1939 г., в Крыму проживали 49,6% русских, 19,9 – татар, 13,7 – украинцев, 4,6% – немцев и представители других национальностей (7, с. 117).

Существенные региональные различия, причудливое сочетание «национализаторской» и «советизаторской» политик на Украине во многом обусловили проблемы формирования украинского государства и нации в постсоветский период. Своеобразные переплетения двух политических стратегий в различных республиках СССР, менявшиеся в течение десятилетий, наряду с другими факторами способствовали созданию своего рода «формул размежеваний», которые во многом определили природу и ход политического процесса на этапе формирования независимых государственных образований.

В частности, для постсоветской Молдавии существенную роль сыграло соперничество между различными центрами (Кишиневом, Тирасполем, Комратом, Бухарестом и Москвой), наличие множества националь-

ных и политических идентичностей. Результатами стали формирование эксклава в виде Приднестровской Молдавской Республики, воспроизводящего разногласия между сторонниками интеграции с Румынией и независимости страны и т.д.

На Украине незавершенность формирования единой национальной общности, существенные региональные противоречия, подкрепляемые лингвистическими различиями, разными культурными и политическими ориентациями, также осложняют формирование единого политического пространства и национальной идентичности.

В Белоруссии, несмотря на высокую степень институциональной преемственности по отношению к СССР, которая стала возможной в том числе благодаря усиленной советизаторской политике, разногласия по вопросу о содержании национальной идентичности во многом определяют противоречия между властью и оппозицией. Эти противоречия благодаря жесткости существующего политического режима А. Лукашенко и нынешней слабости оппозиции носят во многом латентный характер. Однако при изменении политического режима они могут стать вполне значимыми и определять политическую повестку дня.

* * *

В задачи этой статьи не входил подробный анализ влияния наследия СССР на последующее политическое развитие новых независимых государств. Вместе с тем выделим в заключение ряд определяющих в этом смысле тенденций.

Особенности противоречивой административно-территориальной и культурной политики Советского Союза во многом определили многие проблемы постсоветских стран (формирования центра, установления границ и консолидации наций), а также способы их решений. Территориальные и социокультурные эксперименты, проведенные в период существования Советского Союза, привели к несовпадению административно-политических, экономических, этнолингвистических, культурных и прочих границ и появлению «переходных» территорий, где такое несовпадение чревато серьезными конфликтами (Крым, Приднестровье, Нагорно-Карабахская автономная область и др.). Переселение этнических групп, репрессии и искусственное перемещение народов на периферию СССР создали потенциально конфликтные ситуации. Нерешенность проблемы формирования общей гражданской нации в Советском Союзе также способствовала тому, что в результате распада СССР обострились межэтнические и межрегиональные противоречия, возникали альтернативные политические проекты.

Наследие СССР отрицательно сказалось на решении независимыми республиками задач стандартизации и унификации управленческих пра-

вил и практик, препятствовало формированию консенсуса основных социальных, этнических, лингвистических и иных групп и политических сил по поводу наиболее важных, «устанавливающих» политическую систему вопросов (о природе государства, нации и ее границах и т.п.). Следствием этого стали слабость государственных институтов и «приватизация государств» (подробнее об этом см., например: 9), а также проблемы с вовлечением различных групп населения в политический процесс и демократизацию. И хотя некоторые бывшие советские республики более-менее успешно преодолевают советское институциональное наследие и развивают современные институты, большинство из них, вероятно, еще долго будет испытывать на себе его влияние.

Список литературы

1. Борисенко Е. Феномен советской украинизации 1920–1930-е годы. – М.: Европа, 2006. – 256 с.
2. Воссленский М.С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза.– М.: Советская Россия: Октябрь, 1991. – 624 с.
3. Гросул В.Я., Гузенкова Т.С. Приднестровье // Молдавия: Современные тенденции развития – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 365–448.
4. Зеленчук В.С. Население Молдавии: Демографические процессы и этнический состав. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 64 с.
5. История Украинской ССР. – Киев: Наукова думка, 1982. – 542 с.
6. Крылов А.Б. Религиозная ситуация в Республике Молдове // Молдавия: Современные тенденции развития. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 317–334.
7. Мальгин А.В. Украина: Соборность и регионализм. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 280 с.
8. Маркедонов С. De facto государства постсоветского пространства // Научные тетради Института Восточной Европы. – М., 2006. – Вып. I: Непризнанные государства. – С. 13–27.
9. Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе / ИНИОН РАН. – М., 2012. – 252 с.
10. Миллер А.И. Прошлое и историческая память как факторы формирования дуализма идентичностей в современной Украине // Политическая наука. – М., 2008. – № 1. – С. 83–100.
11. Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русская диаспора Республики Молдовы: Социально-демографические процессы и новая этносоциальная политика // Молдавия: Современные тенденции развития – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 271–316.
12. Республика Молдова. – Кишинев: Университас, 1992. – 384 с.
13. Суни Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. и сост. Герасимов И., Глебов С. – Казань, 2004. – С. 163–196.
14. Цуцнев А. Атлас этнополитической истории Кавказа, 1774–2004. – М.: Европа, 2006. – 128 с.
15. Шахотько Л.П., Куделка Д.Н. Этноязыковый состав населения Белоруссии // Демоскоп weekly. – М., 2003. – № 97–98. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2003/097/analit01.php> (Дата посещения: 10.04.2012).
16. Шимов Я. Белоруссия – восточноевропейский парадокс // Неприкосновенный запас. – М., 2006. – № 3(47). – С. 82–101.

17. Эпштейн Д. Советский патриотизм // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: В 3 т. / Под общей ред. Э. Яна. – М.: РОССПЭН, 2010. – Т. 1. – С. 239–264.
18. Apine I. Nationality policy in the Baltic States // The Baltic States as historical crossroads. – Riga: Academy of sciences of Latvia, 1989. – P. 315–333.
19. Brubaker R. National minorities, nationalizing states, and external home-lands in the New Europe // Daedalus. – Boston, 1995. – Vol. 124, N 2. – P. 107–132.
20. Budryte D. Taming nationalism? Political community building in the post-Soviet Baltic States. – Aldershot: Ashgate, 2005. – 233 p.
21. King Ch. The Moldovans: Romania, Russia and the politics of culture. – Stanford: Hoover institution, 2000. – 303 p.
22. Linz J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America and post-communist Europe. – Baltimore; L.: John Hopkins univ. press, 1996. – 504 p.
23. Slezkine Yu. The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism // Slavic review. – Seattle, 1994. – Vol. 53, N 2. – P. 414–452.
24. Tilly Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nationbuilding. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Ed. by Barkey K., von Hagen M. – Boulder; Oxford: Westview press, 1997. – P. 1–11.
25. Woolhiser C. Language ideology and language conflict in Post-Soviet Belarus // Language, ethnicity and the state. – Houndmills; N.Y.: Palgrave, 2001. – Vol. 2: Minority languages in Eastern Europe post-1989 / Ed. by C. O'Reilly. – P. 91–122.

И.А. ГОРДЕЕВА

***О СОВЕТСКОМ ПАЦИФИЗМЕ:
ИЗ ИСТОРИИ НЕЗАВИСИМОГО ДВИЖЕНИЯ
ЗА МИР В СССР (1980-е годы)***

Пацифизм в России–СССР

Пацифизм – это принципиальный отказ от насилия (физического и духовного) в международных, социальных и межличностных отношениях, имеющий в своей основе религиозные корни. В XIX в. ценности пацифизма вышли за пределы немногочисленных миротворческих сект, секуляризовались и постепенно стали общественными. После Первой мировой войны в Европе и Америке пацифизм был заметной политической силой (см., например: 24)¹.

Российское пацифистское движение возникло в конце XIX в. как результат политического самоопределения «толстовцев», которые также называли себя «свободными христианами» или «свободно-религиозным» движением. Пацифизм «толстовцев» носил радикальный характер, т.е. был направлен на общественное действие, на тотальное (и даже революционное) изменение общества посредством мирного, ненасильственного преобразования самого человека, его идеалов и ценностей, повседневной жизни и характера отношений между людьми.

«Толстовцы» начали с защиты преследуемых за веру сектантов и тех, кто отказывался от военной службы. Несмотря на то что лидеры российского пацифистского движения в основном принадлежали к привилегированным слоям общества, движение опиралось на сектантско-крестьянские массы. Проясняя свою общественно-политическую и этическую позицию, российские пацифисты обращались к идеям Л.Н. Толстого, к мировой философии ненасилия и гражданского сопротивления, к опыту народно-религиозных движений – как российских, так и зарубежных. Можно сказать, что они пытались превратить «оружие слабых» – устойчивые формы народного протеста (бегство и отказ от сотрудничества с государством, создание автономных от государства и его институтов общно-

¹ О пацифизме в России см.: 9, 16.

стей) – в современные и эффективные технологии социального протеста. Ценности ненасилия и свободы совести стали базовыми для движения, которое интенсивно взаимодействовало с западными пацифистскими организациями и движениями (как религиозными, так и светскими), активно осваивало западную политическую терминологию, принципы самоорганизации и методы протеста.

В конце XIX – начале XX в. находившиеся в эмиграции лидеры российских радикальных пацифистов основали в Англии и Швейцарии издательство, наладили выпуск периодических изданий, каналы получения информации из России и ее распространения, установили связи с различными течениями российской политической эмиграции, а также с европейскими пацифистами, анархистами и социалистами. «Толстовцы» много внимания уделяли распространению произведений Толстого, других мыслителей – сторонников ненасилия, протестовали против русско-японской войны, выступали с идеями ненасилия и примирения в период первой русской революции, а после появления в России Государственной Думы пытались использовать ее для продвижения законодательных инициатив, связанных с введением альтернативной военной службы и защитой свободы совести. Свидетельством признания российских радикальных пацифистов обществом стало оправдание на процессе в 1916 г. «толстовцев», составивших и подписавших осенью 1914 г. воззвание против мировой войны (3).

Наибольший организационный успех ждал российских пацифистов сразу после 1917 г. В то время были созданы Общество истинной свободы в память Л.Н. Толстого с многочисленными местными отделениями, несколько центральных и местных печатных периодических органов, а также Объединенный совет религиозных общин и групп, который занимался защитой отказников от военной службы и пострадавших за свои религиозные убеждения (см.: 12). Успехом движения было появление законодательства об альтернативной военной службе, которое предусматривало даже полное освобождение от нее по религиозным мотивам (впрочем, оно было практически свернуто уже к концу 1920-х годов). Помимо пропаганды ценностей ненасилия радикальные пацифисты занимались огромным количеством практических дел – например, организацией помощи голодающему населению в 1921 г., работой с беспризорниками. Продолжали пацифисты поддерживать связи с зарубежными единомышленниками, переписывались с Интернационалом противников войны, Международным содружеством примирения, Р. Ролланом, М. Ганди и др.¹

В годы репрессий против верующих и инакомыслящих движение фактически ушло в подполье. Последняя легальная организация россий-

¹ О связях «толстовцев» с Интернационалом противников войны см.: 25.

ских пацифистов – Московское вегетарианское общество – была вынуждена самоликвидироваться в 1929 г. После этого до своего окончательного разгрома в конце 1930-х годов движение существовало на базе оставшихся «толстовских» земледельческих общин, в которых весь строй жизни и хозяйствования, а также воспитание и образование детей были основаны на принципах ненасилия. Кроме того, рассылался своего рода самиздат. Поведение «толстовцев» при аресте и на процессах показало, что радикально-пацифистским движением был сформирован уникальный для России тип личности, обладающий «независимой» от внешних авторитетов совестью и необычно высоким для Советской России уровнем автономного мышления и неконформизма. Этот автономный субъект одновременно был и этическим субъектом, добровольно принявшим на себе ответственность за то, что происходит в обществе, исходя из своих собственных, свободно выбранных ценностей.

После подавления «толстовского» пацифизма в 1930-е годы ценности ненасилия в СССР были надолго забыты, а движение за мир стало возможно лишь в форме официальных общественных организаций, главной из которых с 1949 г. был Советский комитет защиты мира (СКЗМ). В исторической памяти бывших советских людей официальное движение осталось как «тоскливое и лицемерное занудство» либо чисто утопическая идея (17, с. 43; см. также: 15).

О том, что в России существовала собственная пацифистская традиция, знали лишь уцелевшие «толстовцы», члены их семей и ближайшие друзья, а также очень редкие представители интеллигенции и молодежной субкультуры. Диссиденты были весьма равнодушны к вопросам мира и ненасилия. Пацифистом себя называл лишь один из них – Юрий Галансков (4; 5). У товарищей Галанскова было несколько ироничное отношение к его проектам по созданию низовых, массовых миротворческих организаций. Владимир Буковский в 1982 г. опубликовал книгу «Пацифисты против мира» (2), где назвал западное движение за мир «полезными идиотами» СССР. Он считал, что ошибкой всех неангажированных пацифистов был их упор на дилемму войны и мира и пренебрежение к «основным конфликтам нашего времени» – между цивилизованными странами и коммунистическим режимом, агрессивным во внешней политике и репрессивным во внутренней. Вопрос о правах человека для Буковского, точно так же как и для большинства других восточноевропейских диссидентов, был важнее вопроса о мире.

До 1980-х годов в СССР возникали лишь единичные миротворческие инициативы низового, неофициального характера: антиядерные выступления А.Д. Сахарова, концептуальная работа А.И. Солженицына «Мир и насилие» (1973), немногочисленные протесты против ввода совет-

ских войск в Афганистан¹, открытое письмо ученых Прибалтики с требованием включить в «безъядерную зону» Северной Европы Балтийское море, Эстонию, Литву и Латвию (1981)², а также пацифистские демонстрации советских хиппи, которые они несколько раз пытались проводить начиная с 1971 г. Однако это были отдельные акции, не направленные на формирование общественного движения.

Тем временем международная обстановка в конце 1970-х становилась все более напряженной. К страху перед войной вообще, который не оставлял советского человека после 1945 г., добавился страх перед ядерной войной, который подогревался официальной пропагандой и порой давал о себе знать в весьма курьезных формах. Так, в сентябре 1979 г. по «антисоветской» статье был арестован Ю.Н. Никредин, 1955 г. рождения, из г. Нальчика. Он считал, что знает, как решить проблему всеобщего разоружения и предотвращения термоядерной войны, и думая, что может получить большое вознаграждение, стал систематически обращаться со своей «идеей», изложенной в рукописи под названием «Миру – мир», в различные инстанции. В связи с тем, что содержание этого документа «носило антинаучный характер и предложения, выдвигаемые им о предотвращении термоядерной войны, являлись абсурдными», Никредин получил отказ, после чего решил передать этот документ за границу через американское посольство. Он изготовил самодельное взрывное устройство, раздобыл два обреза и в апреле 1979 г. «остановил такси, угрожая оружием, сел за руль, ворвался на территорию посольства, произведя два выстрела. Был арестован. Объяснил, что взрывным устройством хотел подорвать себя в случае неудачи» (23, с. 783). В 1979 г. к военным страхам добавилась война в Афганистане, о которой подавляющее большинство советских людей предпочитало молчать³.

Возникновение групп «За установление доверия между СССР и США» и «Свободная инициатива»

Самоорганизация пацифистов началась в СССР в 1982 г., когда возникли группа «За установление доверия между СССР и США» (позднее – «между Востоком и Западом», далее – Группа доверия) и организация советских хиппи «Свободная инициатива»⁴. Первая поначалу была исключи-

¹ Среди них обращают на себя особое внимание православные феминистки из клуба «Мария» – своего рода прообраза организации «родительского» типа (см.: 11).

² Архив самиздата (АС) № 4570. Все ссылки в данной статье даются на материалы самиздата и радио «Свобода» (РС), хранящиеся в Архиве института «Открытое общество» (Будапешт) (OSA).

³ Краткий обзор протестов советских граждан против войны в Афганистане см.: 26.

⁴ Подробнее об истории этих групп см.: 27.

тельно антивоенной и почти не использовала в своих выступлениях пацифистскую риторику.

4 июня 1982 г. в Москве на квартире художника-нонконформиста Сергея Батоврина состоялась пресс-конференция для иностранных журналистов, на которой было объявлено о создании группы «За установление доверия между СССР и США»¹. Батоврин зачитал декларацию группы «Обращение к правительствам и общественности СССР и США», которая была отослана на имя Л.И. Брежнева и Р. Рейгана, а также в ТАСС, в газету «Правда» и в СКЗМ². В этом «Обращении», ставшем первым программным документом Группы доверия, ее учредители писали:

«СССР и США обладают средствами убивать в масштабах, способных подвести итоговую черту под историей человеческого общества.

Равновесие страха не может надежно гарантировать безопасность в мире. Только доверие между народами может создать твердую уверенность в будущем.

Сегодня, когда элементарное доверие между двумя странами полностью утрачено, проблема доверия перестала быть просто вопросом двусторонних отношений. Это вопрос – будет ли человечество раздавлено собственными разрушительными возможностями или выживет...

Облюдение политиками объективности в вопросах разоружения затруднено их политическими интересами и обязательствами...

Мы убеждены в том, что пришло время для широкой общественности не только ставить вопросы о разоружении перед теми, кто принимает решения, но и решать их вместе с политиками.

Мы выступаем за четырехсторонний диалог – за то, чтобы в диалог политиков равномерно включились советская и американская общественность»³.

В качестве первого шага авторы документа намеривались собрать предложения советской и американской общественности по вопросу о том, как можно установить доверие между СССР и США, и создать смешанные международные общественные группы для анализа таких предложений. «Обращение» содержало призыв к ученым обеих стран учреждать исследовательские группы для борьбы за мир на научной основе, а также к политическим деятелям и представителям прессы с предложением создать условия для открытого обмена мнениями.

Авторами «Обращения» были 11 человек: художник-нонконформист Сергей Батоврин, инженеры Мария и Владимир Флейшгакеры, врач Игорь Собков, учитель математики Сергей Розеноер, физики Геннадий

¹ Подробности см.: АС № 4851.

² Список документов, появившихся от имени группы в июне 1982 г., см.: АС № 4799, л. 16–18.

³ АС № 4788. Л. 1–2.

Крочик, Виктор Блок и Юрий Хронополо, Михаил и Людмила Островские, математик Борис Калужный. К «Обращению» в первые же дни присоединились врач Владимир Бродский, географы Юрий и Ольга Медведковы, математик Марк Рейтман, филолог Олег Радзинский, экономист Лев Дудкин, физик Валерий Годяк с женой и многие другие.

На 4 июня «Обращение» было подписано 38 лицами, к 6 июля под ним стояло уже 170 подписей¹. На конец февраля 1983 г. число лиц, подписавших «Обращение», превысило 900 человек², а всего о своей поддержке Группы доверия заявило около 1000 человек³. Инициаторами создания независимого движения за мир была интеллигенция Москвы и Долгопрудного, позднее подобные группы (впрочем, весьма малочисленные) появились в Новосибирске, Рыбинске, Одессе, Ленинграде, Куйбышеве, Риге, Киеве, Вильнюсе, Горьком, Львове.

Группа доверия абсолютно по-новому решала вопрос о защите мира. Во-первых, группа поставила перед собой не негативную, а позитивную задачу – бороться не против войны, а за мир, залогом которого является доверие⁴. Именно отсутствие доверия между СССР и США, Востоком и Западом члены группы считали причиной ядерной угрозы человечеству. По их мнению, «антиядерные протесты должны сопровождаться также широкими массовыми позитивными действиями, направленными на очеловечивание отношений», на преодоление недоверия (установление широких гражданских связей, сотрудничество и свободный обмен информацией и людьми, дискуссии и диалог)⁵. Это была идея широкомасштабной «народной дипломатии», призванной предотвратить третью мировую войну.

Члены Группы доверия старались придать своим предложениям позитивный характер, развивая «только положительные стороны критики, стремясь конструктивно подходить к решению всех вопросов»⁶. Они «поставили себе за правило не критиковать правительство», так как понимали, что это хотя «ограничит и притупит режущие свойства движения», однако «сделает его участников юридически неуязвимыми» (17, с. 45). Заявлениями о поддержке официальных советских мирных инициатив полны документы группы первого года ее существования. Поначалу груп-

¹ АС № 4851. Л. 8.

² Радио «Свобода» (РС) 80/83. Л. 4. По другим данным, подсчет голосов остановился на 800 по независимым от Группы обстоятельствам (АС № 4867. Л. 2)

³ АС № 4912. Л. 3.

⁴ Понятие «доверие», скорее всего, было напрямую заимствовано из словаря международных отношений периода разрядки.

⁵ РС 116/83. Л. 4; АС № 4858. Л. 3.

⁶ АС № 5982. С. 3.

па не претендовала на роль оппозиции, не нарушала никаких советских законов и поддерживала правительственные мирные инициативы¹.

Во-вторых, организаторы группы стремились создать массовое *низовое* движение за мир. Они заявляли о своей неудовлетворенности результатами реализации Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который предусматривал комплекс мер по укреплению дружественных отношений и доверия между странами, включая развитие сотрудничества и обмена в области культуры и образования, но возлагал решение всех проблем прежде всего на правительства, в то время как рядовые граждане «остаются не у дел, их потенциальные возможности в деле установления доверия не учитываются»².

Организаторы группы считали, что настало время защищать мир «снизу», силами простых людей, независимой от партии и правительства общественности. Объясняя мотивы своего участия в движении, Батоврин в интервью, данном 20 мая 1983 г. в Вене корреспонденту радио «Свобода», сказал: «Все дело в том, что каждый участник группы в один прекрасный день для себя почувствовал, что проблемы мира во многом зависят от того, будет ли каждый человек лично для себя понимать, что он должен приложить какие-то собственные личные усилия для того, чтобы мир был прочным. То есть борьба за мир не должна быть монополией политиков, а это должно быть каждодневным занятием тысяч и тысяч людей»³. Позднее участники движения назвали этот процесс «революцией низовых мирных инициатив»⁴.

Организаторы движения заявляли, что СКЗМ выступает исключительно с позиций советского правительства, «за все время своего существования он не выдвинул ни одного собственного предложения и фактически занимается изложением правительственной линии», в то время как настоятельно требуется объединение всех людей вне зависимости от их гражданства, идеологических, политических или религиозных взглядов («ядерная угроза всех людей делает равными»). Самих себя они считали гражданами мира, не обремененными какими-то определенными политическими рамками или идеями⁵.

Таким образом, можно считать, что непосредственной причиной появления низового движения за мир была искренняя озабоченность советской общественности «ядерным вопросом»⁶.

¹ АС № 4867. Л. 3

² АС № 5982. С. 4.

³ РС 116/83. Л. 2.

⁴ АС № 5982. С. 3; № 6105. С. 3.

⁵ РС 116/83. Л. 2.

⁶ АС № 4949. Л. 1.

Группа направила в Моссовет письмо, в котором информировала о своем создании и просила зарегистрировать ее как общественную организацию. К письму был приложен текст «Обращения». Письменного ответа на эту и последующие просьбы о регистрации группа не получила, зато устно им было сказано: «Чтобы бороться за мир, в нашей стране не нужно регистрироваться»¹.

Почти одновременно с Группой доверия, в 1982 г., в Москве появилась вторая независимая мирная группа, уже не просто «антиядерная», но и отчетливо пацифистская – «Свободная инициатива», в состав которой входили в основном хиппи. Ее лидерами были Юрий Попов (Диверсант)², анархист Сергей Троянский и Роман Осипов. Мирное воззвание этой группы в конце мая или 1 июня 1983 г.³ подписали 89 человек. Оно носило название «Обращение к молодой Америке» и также говорило о необходимости установления доверия между людьми:

«Нам бесконечно близка и понятна американская молодежь.

Нас объединяет общая боль и надежда, какие бы абсурдные формы она ни принимала в глазах старшего поколения.

И мы верим, что честная молодежь Америки так же, как и мы, видит свое будущее более свободным от организованного насилия, процветающего в атмосфере страха и взаимного недоверия.

Мы призываем рабочую, студенческую и “незанятую” молодую Америку поддержать неправительственные мирные инициативы, выступить за установление контактов между простыми людьми наших стран, в чем мы видим единственную возможность преодолеть формализм в отношениях, неизбежно возникающий, когда они опосредствованы средствами массовой информации. Ведь настоящего друга можно найти лишь соприкоснувшись с ним сердцем.

Нас многое объединяет, и в первую очередь – это пацифистское движение планеты, которое родилось и выросло на американской земле. И сейчас нам особенно ясен глубокий смысл слов трагически погибшего Джона ЛЕННОНА: “Нам нужна только любовь. Только любовь спасет нас всех”⁴.

Ранее один из авторов «Обращения» «Свободной инициативы» С. Троянский написал еще более радикальное послание к хиппи под названием «К 1 июня 1981 года». В нем открыто звучала тема протеста против афганской войны: «Как ты, пацифист, относишься к тому, что твой

¹ АС № 5928. Л. 4.

² Ю. Попов в середине 1970-х был участником художественной группы хиппи «Волось», с которой был связан и С. Батоврин (см.: 1).

³ В других источниках воззвание датируется иначе: 11 декабря 1983 г. (см.: АС № 5326).

⁴ АС № 5326. Л. 1.

сверстник убит в Афганистане? Спрашиваешь ли ты себя, почему он там оказался? Не потому ли, что Афганистан напал на нас? Или потому, что в твоей стране 250 млн. человек и у нее есть самое современное оружие, а в Афганистане всего 15 млн. человек и нет своего оружия?

Государство имеет своим свойством войну, и чем оно больше и сильнее, тем агрессивнее. Как только какое-либо государство почувствует себя достаточно сильным, чтобы нарушить равновесие в свою пользу, оно не замедлит это сделать. И на примере Афганистана история опять, в который уже раз, доказывает нам это. Для того чтобы защитить жизнь твоих сверстников и детей всего мира, нужно коллективное усилие твоих друзей и тебя самого. Коллективное самодеятельное выступление в тоталитарном государстве расценивается как помешательство.

Да здравствует коллективное помешательство против атомного оружия государства, за жизнь афганских детей, против войны в Афганистане!

Да здравствует Международный день защиты детей!»¹

«Обращение» Троянского было приурочено к 1 июня – в этот день в 1971 г. хиппи-пацифисты пытались провести демонстрацию в защиту мира (скорее антиамериканского, чем антисоветского характера) (10)². Уже в 1980-е, ежегодно в декабре, в память о Джоне Ленноне, который умер 8 декабря 1980 г., хиппи проводили пацифистские митинги на смотровой площадке на Ленинских горах (20). Леннона они считали своим «идейным руководителем и наставником». «Наша идеологическая база – это сплав идей Толстого и Ганди с примесью цветочной культуры, – скажет позднее в своем интервью Ю. Попов. – Мы представляли собой лицо системы хиппи, существующей в Москве. Мы сумели организовать, найти общее направление и пойти несколько дальше, чем молодежь, просто собирающаяся на тусовках. Нам очень хотелось, чтобы наш голос был услышан нашими сверстниками на Западе» (10).

В январе 1983 г. научная часть Группы доверия выделилась в группу «Дружба и диалог» и образовала семинар «Мирные и социальные исследования», который в 1986 г. перерос в независимую группу «Социальные исследования и исследования по вопросам мира»³. «Доверие» и «Дружба и диалог» проводили совместные семинары, на которых нередко присутствовали зарубежные ученые и пацифисты. В феврале 1987 г. участники семинара писали, что главным критерием, согласно которому осуществлялся отбор докладов для него, «является критерий социальной и общечеловеческой значимости обсуждаемого вопроса. Семинар стремится к тому, чтобы

¹ АС № 5325. С. 1–2.

² О том, что такие демонстрации с 1971 г. проводились ежегодно, писал и Троянский. Однако какие-либо другие источники эти заявления не подтверждают.

³ АС № 6015. С. 11.

его деятельность способствовала повышению независимого мышления и социальной активности людей и их политической культуры, что является предпосылкой для развития независимых контактов между простыми людьми на Востоке и Западе, для укрепления демократии, доверия и мира». Помимо изучения проблем мира и доверия семинар занимался «социологическим исследованием групп людей, проявляющих социальную активность»¹. Таким образом, участники семинара верили в то, что возможно целенаправленно воздействовать на историю.

Помимо антивоенной и гуманистической повестки дня общими чертами групп «Доверие» и «Свободная инициатива» был их низовой, независимый от власти характер, уверенность в том, что человек в силах изменить к лучшему свою жизнь и окружающие обстоятельства, что повлиять на историю способна добрая воля проявивших солидарность людей.

Именно такими людьми пополнялось низовое движение за мир в СССР. Вот «портрет» одного из них: Сергей Светушкин присоединился к группе в 1986 г., закончил МГИМО в 1981 г., был на практике в Международном отделе ЦК КПСС, работал юрисконсультom в ВААП, референтом в международном отделе Спорткомитета СССР, офицером-переводчиком в ГДР, много общался с иностранцами, читал западную прессу, слушал «их» радио и телевидение². По его словам, в какой-то момент он «понял, что судьбы Земли находятся в руках простых людей, а не их правителей, что только сами люди, сплотившись перед лицом угрозы ядерной войны, смогут победить ее». Ему стало ясно, «что простые люди на Западе так же, как и мы, боятся ядерной войны, что они материально и духовно живут много лучше нас и ни нас, ни наши земли они завоевывать не собираются», он увидел, что «основная причина наших разногласий – недоверие, незнание, а отсюда и непонимание друг друга. В этом в немалой степени повинны средства массовой информации обеих сторон». Поэтому он «решил все свои знания, всю свою жизнь – пусть она и будет короткой – посвятить делу взаимопонимания и сотрудничества между Востоком и Западом, внести свой, хоть какой-либо малый, но личный вклад»³.

Социальный состав независимого движения за мир в СССР

Социальный состав движения был пестрым. Его главные участники представляли следующие социальные и профессиональные группы: ученые (физики, математики и др.), среди которых было много отказников; отказники, среди которых было много ученых, а чуть позже появились и религиозные диссиденты, в основном пятидесятники; хиппи; представите-

¹ АС № 6015. С. 12.

² АС № 5928.

³ Там же. С. 2–3.

ли художественного андеграунда. Кроме того, в движении участвовали маргинализированные советским обществом люди – инвалиды, диссиденты, парапсихологи, представители нарождающегося в СССР движения «New Age».

На наш взгляд, этих очень разных людей объединяло то, что их социальное существование определял механизм Великого Отказа. В данном случае это понятие используется как метафора для обозначения радикального разрыва с социумом, синоним тотального отрицания существующего общества с его системой ценностей, не сопряженного с поисками позитивных точек опоры внутри него.

Представители СКЗМ называли Группу доверия «кучкой хулиганов с учеными степенями»¹. Участие ученых, по большей части физиков и математиков, в группе легко объяснимо. Эта социальная группа занимала привилегированное положение в СССР и обладала высоким для советской реальности уровнем общественного сознания. Еще в 1960-е годы в сообществах физиков и математиков возник ряд неформальных инициатив общественно-культурного характера. В этой среде идеи доверия возникли также потому, что ученым, в отличие от простых советских людей, были доступны западные источники информации (в том числе и общественно-политической). Они были осведомлены об участии в движении за мир западных ученых, знали сахаровские «янтядерные» статьи.

Собственно, Группа доверия выросла из неофициальных научных семинаров. С весны 1980 г. «группа московских интеллигентов» участвовала в работе семинара по «применению точных методов естествознания в ряде областей с плохо определенной методикой и структурой», где рассматривались модели коллективного поведения, массовая психология, парапсихология, а также проблемы война и мира². Семинар этот распался на несколько других, на одном из которых обсуждалась проблема «ядерной зимы», создавалась математическая модель возможного «ядерного кошмара» и велась работа над докладами по проблемам войны и мира.

Используя математическое моделирование, ученые пришли к выводу о том, что гонкой вооружений можно управлять посредством усиления обмена людьми (туристами, эмигрантами, командированными), что и подтолкнуло их к организации Группы доверия (17, с. 50–51). Как говорилось в докладе «Энергетическая модель противостояния двух государств», представленном 6 ноября 1982 г. на научном семинаре в Москве, противостояние СССР и США можно описать с помощью системы обыкновенных дифференциальных уравнений, допускающей качественное исследование. В докладе был сделан вывод о том, что «при определенных реалистиче-

¹ АС № 5288. Л. 2.

² АС № 4912. Л. 1.

ских значениях параметра устойчивость системы не определяется более экономическими причинами, а зависит исключительно от степени взаимопонимания. В этом случае все меры, которые могут препятствовать формированию ложных представлений о намерениях противостоящей стороны: туризм, иммиграция, эмиграция, культурный обмен, свобода обмена информацией и торговые связи, – стабилизируют систему»¹.

Участник семинара М. Рейтман написал статью «Оптимизационная модель разоружения с управлением уровнем иммиграции», в которой «на основе исторического опыта царской России и некоторых других стран показано, что наличие эмиграции и иммиграции населения в условиях отсутствия насилия уменьшает вероятность возникновения войны»². По результатам исследований ученые решили, что больше молчать нельзя. Зная о существовании на Западе мощного пацифистского движения и считая работу СКЗМ недостаточно эффективной, они вместе с другими представителями интеллигенции, озабоченными проблемой мира, «решили действовать самостоятельно»³.

В июле 1982 г. к московской Группе присоединились новосибирские ученые. Марк Малеев, старший научный сотрудник Института ядерной физики СО АН СССР, в «Обращении к правительствам и народам Запада и Востока» от имени инициативной Группы доверия Новосибирского академгородка писал, что в условиях, когда гонка вооружений угрожает существованию человечества, «ответственность за судьбы мира и человечества не может оставаться монополией профессиональных политиков: ее должны разделить все люди доброй воли. В особой степени это относится к научным работникам: физикам, химикам, биологам, математикам, инженерам – мы все несем моральную ответственность за своих коллег, давших и продолжающих давать военным новые и все более разрушительные виды оружия»⁴.

Группа сотрудников Новосибирского академгородка заявила о том, что разделяет идеи московской Группы доверия и присоединяется к ее предложениям. Авторы документа призвали правительства полностью прекратить любые испытания и разработку ядерного, бактериологического и химического оружия, а также создать неформальные международные группы ученых для совместной разработки проблем, решение которых может укрепить доверие между народами («например, анализ случаев наблюдения НЛО над территорией СССР и США, исследование национальных и социальных корней ксенофобии в разных странах, изучение причин

¹ АС № 4942. Л. 2. См. также: АС № 4956, 4957, 5172.

² АС № 4958. С. 1.

³ АС № 4912. Л. 2.

⁴ АС № 4834. Л. 1.

индивидуальной агрессивности и их связи с социальным и идеологическим окружением»). От имени инициативной Группы доверия Новосибирского академгородка документ подписали семь человек: инженер Э.А. Горбман, физики А.П. Иванский и М.Д. Малеев, математики В.М. и Л.А. Исаковы, филолог Б.А. Колненский, программист Н.А. Косянский².

В первоначальном составе «Доверия» было десять отказников, т.е. документы на выезд подавали (и получили отказ) все (кроме одного) организаторы группы. Многие, но не все, из этих отказников были евреями. Хотя подавляющее большинство первоначального состава группы в конце концов оказалось в эмиграции, их путь к выезду был сложен, а результат изначально не предопределен.

Несмотря на то что термином «отказники» называли «людей, которым отказывали в выездной визе» (14, с. 9), их все-таки можно назвать «отказчиками», потому что, подавая на выезд, они отказывались от советского гражданства. Мотивы для отказа были разными, но именно те люди, которые вошли в Группу доверия, чаще всего отказывались быть советскими людьми по морально-этическим причинам. Большинство (65,5%) отказников имели высшее образование (инженеры, математики, физики и т.п.). Основным мотивом, который побуждал их к отъезду, было «неприятие советского образа жизни, чрезмерная демагогия и лицемерие и подавление личности» (там же, с. 9, 35). Владимир Бродский, будущий член Группы доверия, в ОВИРЕ открыто заявил, что не хочет жить в тоталитарном государстве (там же, с. 58).

Есть все основания полагать, что тот тип еврея-отказника, который участвовал в пацифистском движении, является нетипичным для отказного движения. Еврейские отказники сотрудничали с диссидентами, но держались обособленно, 90% из них не интересовались общедемократическими проблемами (14, с. 233–235), были весьма религиозны и считали себя патриотами Израиля. Напротив, те, кто принял участие в Группе доверия, как правило, были ориентированы на защиту демократических ценностей и настроены космополитически.

Изначально в группе было несколько русских отказников, а впоследствии к ней присоединились и пятидесятники-отказники. Участники движения объясняли высокий процент отказников в своих рядах тем, что настоящими борцами за мир в условиях советской действительности могли быть только «смелые, ничего не боящиеся люди»³. Рейтман писал, что «отказники уже перешагнули тот психологический барьер, который останавливает остальных советских граждан у порога всякой не спускаемой

¹ АС № 4834. Л. 2; АС № 4928.

² АС № 4928. Л. 2.

³ АС № 4912. Л. 4.

сверху общественной деятельности. У отказника меньше опасений лишиться работы (многие ее уже потеряли) и свободы (многие убеждены, что рано или поздно с ней придется расстаться). Вот почему отказники, как никто, заинтересованы в улучшении международной обстановки, в укреплении мира»¹.

Исследовательница М.А. Морозова отметила, что одной из характерных черт «жизни в отказе» было то, что люди не могли знать, когда им дадут разрешение на выезд и дадут ли вообще, поэтому они «не могли ничего планировать на длительный период. Это создавало впечатление, что жизнь проходит мимо, в ней мало изменений и мало событий». Поэтому для нормализации жизни отказники стремились чем-то себя занять, «создать содержание жизни, делать что-то позитивное каждый день». Они организовали сначала научные (с 1972 г.), а затем культурные семинары, которые «стали местом, где люди вольны были обсуждать любые социальные или интеллектуальные проблемы» (14, с. 182–183).

Среди активных участников Группы доверия было несколько художников-нонконформистов. Большинство из них были одновременно и представителями художественного андеграунда, и отказниками. Основатель Группы доверия С. Батоврин был и художником, и одно время хиппи, и отказником². Ю. Киселев был художником и активистом Инициативной группы защиты прав инвалидов. Позднее к «Доверию» присоединятся художники А. Рубченко и Н. Коваленко, М.В. Зотов из Куйбышева, М. Звонова и А. Зильбер из Горького; последние четверо также стремились к выезду из СССР.

Художники-нонконформисты были представителями советской богемы, о которой социолог О. Здравомыслова писала: ее основным характеристиками являются «(само) исключение в отношении основных социальных структур, относительная неудача в профессиональном продвижении, отсутствие широкого общественного признания, непостоянство и ничтожность заработка, трудно уловимая психологическая меланхолия, в значительной степени праздный образ жизни, свободные сексуальные нравы, неопределенное будущее, подверженность саморазрушительным практикам... сплин как психологическое состояние... глубокое отвращение к происходящему как к бессмыслице» (7, с. 136). С. Савицкий назвал неофициальное сообщество в СССР «культурой разочарования» (18, с. 86), характерными признаками которой были «негативность и кризис позитивной идентичности»: «члены андеграундного сообщества зачастую определяли себя негативно, от обратного... Идентичность представителей этого сообщества строилась как воздержание от самоидентификации» (там же,

¹ АС № 5015. Л. 1.

² АС № 4768. Л. 1; АС № 4761. Л. 1.

с. 114). Тотальный протест богемы выражался в демонстрации негативной свободы, противопоставленной официальной публичности, цена которой «была высока – ранние смерти, разрушенные семьи, самодеструктивные практики» (7, с. 157). В религиозных поисках, интересе к идеологии пацифизма художественный андеграунд пытался обнаружить позитивное изменение жизни.

Такая же свобода протеста была основой субкультуры советских хиппи. Многие считают, что и хиппи, и представители литературного, музыкального и художественного андеграунда, и некоторые другие идеологические молодежные течения были частью одной весьма пестрой субкультуры – Системы, которая сформировалась в СССР в конце 1960-х годов¹. Несмотря на ярко выраженный «поисковый» характер Системы, ее протестные практики также имели во многом самодеструктивный характер (наркомания, алкоголизм, суицидные наклонности, в первой волне – еще и заметная связь с криминальным и полукриминальным миром).

В конце 1970-х, устав от «негативной свободы», хиппи занялись поиском позитивной идеи. С точки зрения Н. Храмова, участие хиппи в пацифистских организациях означало выбор способа «более осознанного и целенаправленного протеста» (8, с. 139). Хиппи-пацифисты объясняли свой «политический» выбор тем, что движение хиппи на Западе утратило революционный дух и превратилось в моду. Оно скомпрометировано лжехиппи, которым нравилась внешняя сторона движения; отказавшись от политической борьбы, они ушли из общества «в себя, в наркотический и галлюциногенный мир» (там же, с. 140). У советских хиппи возникла потребность в позитивном идеале – обществе равенства и братства, «где не будет никаких различий между нациями, где любовь будет основным фактором между людьми». И главной предпосылкой создания общества любви они считали «избавление от чувства страха перед ядерной угрозой – угрозой, которая в первую очередь мешает нам жить». А для успеха политики разоружения необходимо в первую очередь взаимное доверие между Западом и Востоком, налаживание культурных связей между разными странами, создание условий для общения между людьми двух разных систем (там же, с. 140–141).

Авторы манифеста «Свободной инициативы» (1987) также заявляли о своей потребности в положительном идеале, в позитивной солидарности: «Хиппи – отщепенец. Только так он может узнать об общей болезни... Но есть предел пользы одиночества. Для лечения духовной болезни на следующем этапе необходимо общение. Яд отщепенства полезен лишь в ограниченных дозах, иначе он убивает. Для хиппи нет пути обратно, но в своем прозрении он не одинок. Наука любви в общении продолжает ду-

¹ АС № 6156. Л. 1–2.

ховное исцеление... Поначалу общение пассивно. Хиппи роднит их нигилизм, общность отказа от старого порядка, репрессии, налагаемые обществом и государством на своих отщепенцев. Но на общности одних только негативных эмоций общение не может развиваться. С полным изживанием старых ценностей возникает духовная пустота, требующая заполнения положительными идеалами. Каждый они вырабатываются в одиночку, и это дает радость, что ты не одинок.

...Следующий шаг – синтез индивидуальных идеалов в общие. Он возможен только во всеобщей любви и при полном искоренении нетерпимости и догматизма... В синтезе наша основная позитивная цель. Он может быть достигнут только совместными практическими делами, совместным трудом, совместной жизнью» (8, с. 142).

Таким образом, несмотря на то что первоначально главную роль в формировании идентичности пацифистского движения сыграли механизмы негативной идентификации (радикальный отказ от ценностей советского общества, нежелание быть членами советских коллективов), возникло протестное сообщество с принципиально иными ценностями. Базовым концептом их новой идентичности стала идея доверия между людьми; этим движением принципиально отличалось от неполноценных структур принудительного доверия, преобладавших в советском обществе (21). Тот тип субъективности, который проявился у участников низового движения за мир 1980-х годов, был очень близок к упомянутому выше типу автономного этического субъекта «толстовцев»-пацифистов первой трети XX в.

Преследования движения пацифистов и идейная эволюция Группы доверия в 1982–1987 гг.

После создания Группы доверия ее членам начали поступать предложения по установлению доверия, которые она регулярно анализировала и включала в свои письма, адресованные правительствам СССР и США, советской и мировой общественности. Среди предложений, полученных и одобренных группой, были идеи гостевого обмена детьми между советскими и американскими семьями, развития международного туризма, проведения совместных советско-американских дискуссионных телепередач, пропаганды мира в школьных учебниках, создания бюро по переписке и личным знакомствам граждан обеих стран, разработки программы совместных космических исследований и многое другое¹.

Группа активно рассылала обращения к правительствам и общественности СССР, США и других стран, в международные организации с призывами к немедленному прекращению ядерных испытаний и с пред-

¹ РС 116/83. Л. 1–4, также см.: АС № 4833, 4836, 5173.

ложениями по установлению доверия. Ни одного официального письменного ответа на свои обращения от советских органов группа не получила¹.

Зарубежные корреспонденты и представители западных пацифистских организаций, напротив, с большим интересом отнеслись к инициативам советских неофициальных борцов за мир. Они выражали им свое одобрение и поддержку, активно участвовали в защите их от преследований.

Места встреч участников группы стали объектами пристального внимания милиции и КГБ. Милиция многократно пыталась попасть в их квартиры, задерживала на улице «для выяснения личности», члены Группы доверия получали повестки и звонки с предписаниями явиться в отделение милиции, в исполком, в прокуратуру, в КГБ, задерживались, доставлялись в милицию для бесед, на них сыпались угрозы по телефону и в личном общении с сотрудниками силовых органов, которые применяли оскорбления и физическое насилие. На работе на них тоже давили, угрожали увольнениями и увольняли, домашние телефоны отключали, подвергали домашним арестам на срок от одного дня до месяца.

Недовольство властей вызывал сам факт возникновения низового общественного движения, что нарушало монополию государства (в лице СКЗМ) на борьбу за мир. На беседе в милиции 12 июня 1982 г. членом группы было, среди прочего, сказано, что подписанное ими «Обращение» все «голоса» используют для критики советских мирных инициатив². Участники группы обвинялись в том, что их деятельность «дискредитирует правительственную борьбу за мир, а потому является провокационной и незаконной»³. Марии Флейшгаккер было заявлено: «Вы знаете, что сейчас у нас холодная война? А призыв к миру во время войны карается вплоть до расстрела»⁴.

Прокурор Князев, беседуя с одним из участников группы, сказал, что ее деятельность незаконна из-за отсутствия официальной регистрации. Также он указал на то, что на свою первую пресс-конференцию борцы за мир не пригласили советских журналистов, среди ее участников – одни «подаванты и отказники», а «доверие и политика – вещи несовместимые». Князев порекомендовал бороться за мир в составе СКЗМ⁵.

В беседе с Марком Рейтманом сотрудники органов заявили: «Тоже мне, “борцы за мир” нашлись. Вы анархическая организация. Советский Союз с [19]17 года борется за мир. И вот нашлись десять, которые заяви-

¹ В период перестройки многие идеи членов группы, особенно связанные с «народной дипломатией», можно будет встретить в выступлениях СКЗМ и его официальных программах.

² АС № 4799. Л. 5.

³ АС № 4851. Л. 3.

⁴ АС № 4847. Л. 15.

⁵ АС № 4799. Л. 3.

ли, что они, мол, “борцы за мир”, а Советский Союз – тьфу. Знаете ли, сколько человек поставило подписи под Стокгольмским воззванием..? А в “Комсомольской правде” под анкетой 17 миллионов подписалось – знаете ли об этом? Что вы можете придумать? Ничего? У нас есть Совет мира... Идите туда и боритесь!¹

Протестуя против преследований, защитники мира ссылались на ст. 69 советской Конституции, согласно которой «интернациональный долг гражданина СССР – содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира»². «Непонятно, почему выступление участников группы с призывом к полному запрещению ядерных испытаний – это “провокация”, – недоумевали они, – а такое же выступление три месяца спустя председателя Советского комитета защиты мира Ю. Жукова – это вклад в дело мира»³.

Радио «Свобода» предположило, что репрессии были следствием опасения советских властей, что какие-нибудь западные движения (вроде «Гринпис») могут счесть Группу доверия более приемлемым для себя партнером для установления диалога с Советским Союзом, чем официальный Комитет защиты мира⁴. Практически до конца деятельности группы и даже в период перестройки, когда на посту председателя СКЗМ Ю.А. Жукова сменил Г.А. Боровик, отношение СКЗМ к ней было резко негативным и репрессивным.

Не имея возможности напрямую обвинить участников группы в борьбе за мир, КГБ фабриковал против них дела о хулиганстве и антисоветской агитации и пропаганде. Уже в первые месяцы после возникновения движения несколько человек были арестованы по сфабрикованным делам, попали в заключение или в психиатрические больницы.

Все 11 участников конференции 4 июня были задержаны и предупреждены о том, что «их движение является провокационным, антиобщественным и незаконным». Их телефоны отключили, работники милиции и КГБ препятствовали их свободному передвижению⁵. Почти все они находились под домашним арестом. 16 июля 1982 г. у стадиона им. Ленина в Москве были задержаны и осуждены на 15 суток административного ареста по грубо сфальсифицированному обвинению в «мелком хулиганстве» два доктора наук – Ю. Медведков и Ю. Хронополо. Их обвиняли в том, что они якобы ругались матом. 21 июня неизвестный водитель автофурго-

¹ АС № 4799. Л. 5.

² АС № 4885. Л. 2.

³ АС № 4867. Л. 4.

⁴ РС № 92/82. Л. 2.

⁵ РС № 80/83. С. 2.

на попытался сбить на улице Виктора Блока, когда тот вез на велосипеде из детского сада своего пятилетнего сына¹.

Первыми за общественную деятельность 14 июля 1982 г. арестовали рабочих А. Шатравка и В. Мищенко, которые собирали подписи под «Обращением» среди рабочих леспромхоза поселка Воньеган. Шатравке предъявили обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (см.: 22). По этой статье 26 апреля 1983 г. он был приговорен к трем годам лагерей общего режима. 26 октября 1982 г. аресту подвергся учитель русского языка и литературы Олег Радзинский (сын писателя). Он обвинялся в «антисоветской агитации и пропаганде» (ст. 70 УК РСФСР)² и 13 октября 1983 г. был приговорен к одному году тюрьмы и пяти годам ссылки³. В 1984–1987 гг. было еще несколько случаев арестов с последующем осуждением за участие в Группе доверия.

5 августа 1982 г. власти разгромили выставку памяти жертв атомной бомбардировки Хиросимы, которая должна была состояться в Москве на квартире Медведковых. Более 80 антивоенных картин Батоврина конфисковал КГБ. Батоврин был насильственно госпитализирован в психиатрическую больницу, в которой провел три недели. За период с июня по ноябрь 1982 г. он восемь раз подвергался домашнему аресту⁴.

18 февраля 1983 г. группа попыталась открыть в Москве на квартире В. Бродского выставку, посвященную движению за мир в США. Милиция и агенты КГБ в штатском окружили дом и не пускали никого в квартиру, где проводилась выставка⁵. После задержания одного из членов группы и избития неизвестными Бродского 19 и 20 февраля блокада была снята, и посетители осмотрели выставку⁶. В день избития Бродского Батоврин, Розеноер и сам Бродский начали пятидневную голодовку протеста против преследований участников независимого движения за мир. Через пять дней Бродский прекратил голодовку, а Батоврин и Розеноер сняли ее лишь 22 марта, на 32 день после начала.

Поначалу преследования и репрессии члены Группы доверия воспринимали как злоупотребления местных властей, которые якобы «ставили своей целью дестабилизировать обстановку в стране, чтобы на смену относительно умеренной группе идеологов привести к власти сторонников жесткого курса, сил, обеспечивающих внутреннюю и внешнюю безопас-

¹ РС № 51/83. С. 1.

² АС № 4847. С. 7.

³ АС № 5177. С. 1.

⁴ АС № 4847. С. 1–3.

⁵ РС № 80/83. С. 3.

⁶ Там же.

ность, специалистов по “закручиванию гаек”¹. 21 сентября 1983 г. в своем письме академику Е.П. Велихову, руководителю Комитета советских ученых, Годяк, Медведков и Рейтман писали, что они «никоим образом не противопоставляют себя ни государственной политике мира, ни официально одобренным комитетам, организующим мирную деятельность» и полностью разделяют советскую программу мира. «Не обладая компетенцией в вопросе вооружений, – писали они, – мы сосредоточились на человеческих отношениях и чувствах, пересекающих рубеж “Восток–Запад”»². В очередной раз они указали на то, что принципиально отказались от какой-либо критики власти, так как заинтересованы в созидательных шагах и не видят «перспектив для доверия в обстановке конфронтации с властью в условиях нагнетания обстановки»³.

Участники «Свободной инициативы» также подвергались репрессиям за свои акции – чаще всего это было краткосрочное помещение в психиатрическую больницу. После демонстрации хиппи 1 июня 1983 г. в парке Царицыно были найдены листовки, которые призывали к отмене смертной казни и прекращению войны в Афганистане. Попов был арестован по обвинению в хранении наркотиков, помещен сначала в тюрьму, а затем в Сычевскую психиатрическую больницу (выпущен в 1986 г.). В 1986 г. арестован и осужден за хранение наркотиков С. Троянский; он также попал в Сычевку. При обыске у него нашли в том числе материалы западного пацифистского движения, а также брошюру о методах эффективного ненасильственного сопротивления⁴. Два других участника «Свободной инициативы», Роман Осипов и Светлана Барабаш (Офелия), также были помещены в психиатрическую больницу (10, с. 6–7). Из-за репрессий против ее лидеров, некоторых особенностей их образа жизни и в целом негативного отношения советских хиппи к политической деятельности «Свободной инициативе» не удалось развить полномасштабную деятельность. В 1984–1985 гг. некоторые хиппи – участники пацифистских акций «Свободной инициативы» – присоединились к Группе доверия.

Несмотря на репрессии, деятельность Группы доверия продолжалась. В 1982–1983 гг. группа регулярно проводила обсуждения и дискуссии, собирала предложения по установлению доверия, писала письма и обращения к общественности и государственным деятелям, распространяла свои воззвания, готовила мирные акции (включая голодовки протеста), проводила научные семинары. Зимой 1983 г. «антиядерные» предложения группы включали в себя создание советско-американской комиссии по

¹ АС № 4912. Л. 3–4.

² АС № 5153. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 3.

⁴ АС № 5854. С. 1.

конверсии, роспуск военных блоков НАТО и Варшавского договора, создание безъядерных зон, полное запрещение ядерных испытаний, прекращение создания новых видов оружия массового уничтожения, сокращение вооружений обычного типа, ряд экологических вопросов, «преодоление недоверия путем массированных гуманитарных мероприятий» и др.¹ С 1983 г. участились контакты группы с представителями западного пацифистского движения. За рубежом были созданы группы поддержки советских низовых борцов за мир: они проводили акции солидарности и поднимали шум в западных СМИ в связи с преследованиями членов Группы доверия. В то же время члены Группы доверия начали осваивать методы ненасильственного сопротивления органам милиции, воспринятые у западных пацифистов².

С весны 1984 г. к Группе доверия присоединяются два молодых человека, которые пришли из движения хиппи, – Александр Рубченко и Николай Храмов. Их взгляды и деятельность, по всей видимости, и сыграли решающую роль в повороте группы к пацифизму. Рубченко был художником, участником неофициальной художественной группы «Черный редут», с 1979 г. – приверженцем учения Л.Н. Толстого, вегетарианцем, пацифистом и хиппи, принимал участие в акциях «Свободной инициативы»³. Николай Храмов – студент факультета журналистики МГУ, с 1982 г. общался с хиппи и считал себя пацифистом, в декабре 1983 г. принял участие в пацифистской демонстрации «Свободной инициативы» памяти Джона Леннона и был задержан на несколько часов⁴. В короткое время Рубченко и Храмов стали одними из самых активных членов группы, за что их весьма жестко преследовали. Репрессии включали в себя неоднократные задержания, аресты, угрозы, избивания, помещение в психиатрическую больницу. Храмова исключили из университета и призвали в армию, понуждали к отъезду за рубеж⁵. Пацифисты Рубченко и Храмов привели в Группу доверия значительное число радикальной молодежи.

Постепенно и неизбежно в деятельности группы появлялась изначально не предусмотренная правозащитная тематика, а с 1984–1985 гг. группа обратилась к экологическим и уже собственно пацифистским (а не только антиядерным) проблемам.

Одним из ключевых вопросов повестки дня группы в 1984 г. был вопрос конверсии (13), в 1986 г. в связи с Чернобыльской аварией усили-

¹ АС № 4858. С. 3–4.

² АС № 5177. С. 4.

³ О Рубченко см.: АС № 5338. Автор благодарит А. Рубченко за предоставленную им информацию о себе.

⁴ О Н. Храмове см.: АС № 5339.

⁵ АС № 5468. С. 1 и др.

лась «экологическая» проблематика¹. В том же году члены Группы доверия установили связь с восточноевропейскими независимыми движениями за мир (польским и югославским).

В апреле 1987 г. Группа доверия приняла Декларацию принципов, в которой были отражены новые по сравнению с 1982 г. аспекты ее деятельности. Первый раздел декларации назывался «Мир и взаимное доверие». В нем говорилось о том, что путь к установлению прочного мира пролегает через «взаимное узнавание народами друг друга, изменение поведения по отношению к людям иного мировоззрения, искоренение в сознании людей навязываемого им стереотипа «врага», преодоление «баррикадного мышления»². Важной предпосылкой установления такого доверия являлась «вера в изначальную абсолютную ценность человеческой личности». Средство достижения этих целей – расширение контактов между простыми людьми. План таких мероприятий группа в очередной раз предложила в этом документе³: это и противодействие растущей милитаризации общественного сознания, содействие гуманизации социальных нравов, антимилитаристское воспитание детей. Здесь же Группа доверия впервые заявила, что, «отдавая себе отчет во всей сложности современных международных отношений», она «в принципе выступает против присутствия иностранных войск на чужих территориях, в настоящее время прежде всего – в Афганистане – советских войск»⁴.

Второй раздел декларации назывался «Права человека и мир». В нем говорилось, что «нельзя говорить о мире, не обсуждая при этом вопросы соблюдения прав человека» (и наоборот), «мир в мире и мир внутри общества теснейшим образом зависят друг от друга»⁵. Для установления общественного мира в СССР группа предлагала соблюдение конституционных прав и свобод граждан, амнистию всех узников совести, прекращение преследования людей за убеждения, отмену смертной казни, предоставление «права на пацифизм» – учреждение альтернативной гражданской службы, осуществление в полном объеме права на свободу передвижения и выбор места жительства, в том числе и вне страны (свободу въезда и выезда из страны, отмену прописки)⁶.

В третьем разделе декларации «Защита окружающей среды, проблемы третьего мира и внутренние проблемы» речь шла о мерах, направленных на предотвращение всемирной экологической катастрофы, о пробле-

¹ АС № 5737.

² АС № 6105. С. 1–2.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 4–5.

мах атомной энергетики, о необходимости сокращения военных расходов и направлении освободившихся средств на решение социальных проблем.

В заключение декларации утверждалось, что Группа доверия «является неформальным объединением граждан, разделяющих вышеизложенные принципы. Это не организация – она не предполагает ни партийной дисциплины, ни строгого членства, ни наличия руководителя и не имеет обязательной программы действий». В своей деятельности группа стремится максимально широко сотрудничать с западными мирными движениями и неофициальными движениями сторонников мира в странах Восточной Европы¹.

Группа доверия за несколько лет своего существования превратилась в настоящую пацифистскую организацию, говорящую на западном политическом языке, имеющую опыт общественно-политической борьбы, достойную репутацию и обширные связи за рубежом. К перестройке группа подошла со значительным опытом открытой (не подпольной) общественной и политической борьбы, отстаивания своей позиции, диалога с властями и противостояния им, проведения разного рода акций (в защиту мира, информационных, правозащитных), правовой защиты своих сторонников.

История «Свободной инициативы» закончилась, видимо, в начале 1990-х. Последнее свидетельство ее существования – номер самиздатского журнала («письмо-записка» № 12) «Свобода» за март 1992 г.² По всей видимости, и в период перестройки эта группа избежала политизации и сохранила свою ориентацию на тотальную революцию ценностей.

Механизмы негативной идентичности, столь распространенные в позднее советское время, сыграли деструктивную роль в развитии гражданского общества, потому что «без позитивных санкций или установок в отношении другого, с которым взаимодействуют самым разным образом... и соответственно без представлений о лучшем образе жизни, вещах, работе, жилье, обстановке, здоровье, счастье вообще невозможна никакая либо солидарность, т.е. разного рода длительные отношения, называемые в социологии ассоциациями, союзами, клубами, предприятиями, объединениями, группами» (6, с. 271–272, 292–293). Этих недостатков были лишены участники независимого движения за мир, которых их жизненный опыт привел к необходимости формирования «позитивной» повестки дня еще в начале 1980-х годов.

В 1980-е годы Группа доверия была одной из немногих неформальных организаций в СССР, которая открыто заявляла о своем протесте, пы-

¹ АС № 6105. С. 6.

² Свобода: [Публицистический и литературно-художественный] журнал Системы. Группа «Свободная инициатива» / Ю. Попов и др. – М., 1988. – Янв. – 40 с. (машинопись) (см.: 19). Автор благодарит Г. Мейтина за предоставленную информацию об этом издании.

талась сформировать публичное пространство для решения общезначимых общественных проблем и в то же время не отказывалась от диалога с властями.

В период перестройки и первые постсоветские годы бывшие участники Группы доверия (которая прекратила свое существование в 1989 г.) сумели завершить историческую миссию российского пацифизма, активно способствуя продвижению закона об альтернативной гражданской службе. Немаловажно, что группу можно рассматривать как одно из первых пропартийных формирований, опыт, репутация и связи которого были использованы некоторыми общественно-политическими организациями периода перестройки в своих целях (в том числе и В.И. Новодворской для организации «Демократического союза»).

Список литературы

1. Батоврин С. Беспечное путешествие с группой «Волосы» // Международный фонд «Демократия». – Режим доступа: <http://svetlyakov.livejournal.com/18479.html>
2. Буковский В. Пацифисты против мира. – Париж: La presse libra, 1982. – 105 с.
3. Булгаков В.Ф. «Опомнитесь, люди-братья!»: История воззвания единомышленников Л.Н. Толстого против Мировой войны 1914–1918 гг. – М.: Задруга, 1922. – Т. 1. – 228 с.
4. Галансков Ю. К проекту программы Всемирного союза сторонников всеобщего разоружения // Юрий Галансков. – Frankfurt am Main: Посев, 1980. – С. 76–86.
5. Галансков Ю. Организационные проблемы движения за полное и всеобщее разоружение и мир во всем мире // Там же. – С. 86–98.
6. Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Гудков Л. Негативная идентичность. – М.: НЛО, 2004. – С. 262–299.
7. Здравомыслова Е. Культурный андерграунд 1970-х: Ленинградское кафе «Сайгон» глазами завсегдадая и исследователя // Разномыслие в СССР и России (1945–2008). – СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2010. – С. 131–158.
8. Идеология советских хиппи (1967–1987) // Страна и мир. – М., 1987. – № 6. – С. 139–142.
9. Илюхина Р.М. Российский пацифизм вчера и сегодня / РАН. Институт всеобщей истории. – М., 1992. – 101 с.
10. Интервью учредителя группы «Свободная инициатива» Ю. Попова // Экспресс-хроника. – М., 1988. – № 5 (26). – С. 6–7.
11. Клуб «Мария» против оккупации Афганистана // Мария: Журнал российского независимого религиозного клуба «Мария». – 1982. – № 2. – С. 11–33.
12. Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатова А.Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 170–184.
13. Мирная конверсия – ключ к миру: Программный документ группы «За установление доверия между СССР и США» на 1984 год // Форум. – М., 1984. – № 8. – С. 3–12.
14. Морозова М.А. Анатомия отказа. – М.: Изд-во РГГУ, 2011. – 324 с.
15. Орлова Г.А. «Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир»: Советское миролюбие в брежневскую эпоху // Неприкосновенный запас. – М., 2007. – № 4 (54). – С. 70–88. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/or6.html>
16. Павлова Т.А. Исторические судьбы российского пацифизма // Вопросы истории. – М., 1999. – № 8. – С. 28–42.

17. Рейтман М.И. Мир и не от мира сего: Заметки о группе «Доверие» // Страна и мир. – М., 1986. – № 4. – С. 43–54.
18. Савицкий С. Андеграунд: (История и мифы ленинградской неофициальной литературы). – М.: НЛО, 2002. – 224 с.
19. Суетнов А. Справочник периодического самиздата. – М.: Московская независимая общественная библиотека, 1990. – 164 с.
20. Харо Е. Дело Леннона // Кампус. – М., 2009. – Декабрь. – № 11 (26). – С. 55–57. Комментарии участников событий 1980 г. к этой статье см. – Режим доступа: <http://www.beatles.ru/books/paper.asp?id=2129>
21. Хоскинг Дж. Структуры доверия в последние десятилетия Советского Союза // Неприкосновенный запас. – М.: НЛО, 2007. – № 4 (54). – С. 59–69.
22. Шатравка А. Побег из рая. – N.Y.: Liberty, 2011. – 464 с.
23. 58–10: Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде, март 1953–1991: Аннотир. кат. – М., 1999. – 942 с.
24. Brock P. Testimonies of Conscience sent from the Soviet Union to the war resisters' International 1923–1929. – Toronto: Printed privately, 1997. – 42 с.
25. Brock P., Young N. Pasifism in the twentieth century. – N.Y.: Syracuse univ. press, 1999. – 452 с.
26. Kuzio T. Opposition in the USSR to the occupation of Afghanistan // Central Asian survey. – L., 1987. – Vol. 6, № 1. – P. 99–117.
27. Kuznetsov E. The independent peace movement in the USSR // In search of civil society: Independent peace movements in the Soviet bloc. – N.Y.; L., 1990. – P. 54–70.

**«ФОРМУЛА ИСТОРИИ»:
ИСТОРИКИ О ПРОФЕССИИ**

В связи с подготовкой очередного выпуска «Трудов по россиеведению», посвященного Году российской истории, мы предложили историкам поразмышлять над следующими вопросами:

1. Как бы Вы определили положение историка в российском обществе?

В словаре исследователей «культуры памяти» есть термин «историзация», указывающий на нормативную роль историка в обществе – «лечить» историческую память, препятствовать идеализации и демонизации прошлого, а тем самым – и социальной дегуманизации, варваризации.

Такова ли роль нашего историка и нужен ли он в таком качестве нашему обществу? На какие вопросы, по Вашему мнению, отвечает историк в российском обществе?

2. Какой должна быть позиция историка в отношении острых, болезненных для общества исторических тем? И, вообще, должен ли наш историк самоопределяться в отношении сюжетов и проблем, напрямую не связанных с его научными интересами, и если да, то каким образом? Каковы ограничения в этом смысле – этические, профессиональные, социальные?

3. Есть ли, на Ваш взгляд, преемственность социальной роли и статуса историка в советское и постсоветское времена?

4. Следует ли и возможно ли историку в нашем обществе отстаивать свою профессиональную автономию? Как Вы оцениваете позицию современного государства/власти в отношении историка/истории? Можно ли говорить об ответственности историка за нынешнее положение исторического знания/образования/профессии или за низкий спрос на историю и эксплуатацию прошлого в социально ограниченных целях отвечает само общество и только оно?

Публикуем полученные ответы.

В.М. Шевырин

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН

1. В предложенном историкам «вопроснике» сказано, что отвечать надо «очень кратко». Постараюсь и даже начну с афоризма – может быть, не совсем бесспорного. Положение историка в российском обществе? – Если «горизонтальное», то при «вертикали», если «вертикальное», то без «горизонта». Есть и «модификации» этого, и исключения – причем весьма значимые.

«Лечащему историческую память»: истинно благородное занятие! Но не запамятовать бы ему и старинное, с седых времен известное пожелание «эскулапам»: «излечись сам!», и их собственную главную заповедь: «Не навреди!»

Есть некоторые сомнения: «препятствовать идеализации» – не значит ли это ломиться в открытую дверь? Ведь многие общественные идеалы сильно потускнели или даже приказали долго жить? «Препятствовать демонизации» – не род ли это донкихотства, ибо слишком часто «демоны» – лишь «приказчики» золотого тельца с его российской присказкой «все куплю – сказало злато»?

И опять афоризм: роль историка в обществе – это, образно говоря, роль талантливого «актера», которому не суждено сыграть роль Гамлета.

2. На мой «салтык», историку, по большому счету, не следовало бы избегать «острых, болезненных для общества исторических тем». Ведь любая «фигура умолчания» как бы сродни «анестезии» и «подмораживанию» общества, что мы уже «проходили» в приснопамятные победоносцевские времена. Прок стране от этого был таков, что мы до сих пор от него никак не опомнимся. Другое дело, что историк, касаясь таких тем, должен отрешиться от всякого субъективизма и политической суетности.

На какие вопросы отвечает историк в российском обществе? – Как и везде: на такие вопросы и таким образом, что история всегда переписывается и никогда набело.

Должен ли «наш историк» самоопределяться? – Разумеется: «Глонасс» наверху – «стимул» для этого круче «пепла Клааса, стучащего в сердце». А вообще, у «нашего историка» – не одна «ипостась». И хотя являет собой иногда «двуликого Януса», он, в сущности, многолик и многомерен и есть у него розановский «короб» сокровенного, от которого и у самой Клио захватит еще дух.

3. Вся преемственность социальной роли историка – в «игре» на «вторых ролях», чему способствовал (и способствует!) его третьестепенный статус. Эту роль разыгрывали и разыгрывают как по нотам. Вполне в «смутном духе» России, которая вся – «крыловский квартет». Впрочем, это мое утверждение, может быть, слишком категоричное.

Выскажу и другую «ересь», за которую, однако, тоже не стою с таким пылом, как Джордано Бруно за свои пламенные идеи. Власть и государство «очень стараются», чтобы историк стал «современным», то есть «душкой-политологом», который понимал бы актуальные проблемы исторической науки и современности преимущественно так, как их понимают власть и государство.

4. Заканчиваю – правда, не в «мажоре», но все-таки с флером оптимизма. Парадоксально, но почти адамситовский факт: чем рыночнее рыночные отношения в России, погруженной, как и все прочие страны, в мировой хаос (надеюсь, целительный – перевоссоздания бытия человечества и его нового Возрождения), тем меньше «спрос» на «историческую продукцию». И «вину» или «ответственность» историка за это «снижение» можно уподобить ответственности пожарных за все поджоги и возгорания.

А.П. Логунов

доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права РГГУ

1. В самом определении «*историзация*», над содержанием которого вы предлагаете поразмышлять, заложены весьма существенные противоречия. Попробуем, если обозначить.

Во-первых, если «нормативная роль» определяется «*лечением...*» и «*препятствованием...*», то определяющим в профессии историка становятся не профессиональные качества, а способность и умение понимать, как на данном этапе развития общества будут поняты и восприняты полученные и проинтерпретированные результаты исследования. Когда из-под пера Н.М. Карамзина стали выходить строчки, характеризующие деятельность Ивана IV, то многими из современников они были восприняты именно как *демонизация* прошлого.

И это проблема не только историков. Простите за банальное напоминание о том, что и сегодня *физиков* упрекают в том, что они ответственны за взрывы в Хиросиме и Нагасаки.

Недавно мне рассказали о дискуссиях в Ульяновске в связи с идеей создания на базе Ленинского мемориала Центра российской истории XX в. С одной стороны, участники согласились, что советская история должна быть представлена с максимальной степенью полноты и разнообразия, т.е. в ней должны найти место и стройки первых пятилеток и ГУЛАГ, и космические одиссеи, и диссидентство. С другой стороны, все должно быть согласовано в четких пропорциях: столько-то процентов на отображение истории диссидентов, столько-то на характеристику успехов социалистического строительства. И это подводит нас ко второму противоречию.

Во-вторых, внутри самой профессии историка заложены не имеющие однозначного решения различные методологические установки. Одна из них «предлагает» выбрать, слышать ли голос истории, прежде всего, в рутинной жизни крестьянских масс или в творческих прорывах Леонардо да Винчи? Вторая не менее сложная проблема определяется различием установок на то, видеть ли в конкретном факте воплощение основных тенденций исторического развития или смотреть на эти базовые тенденции через призму своего факта. Советский писатель Виталий Закруткин в свое время говорил о том, что на пожар в коровнике можно смотреть глазами председателя колхоза (сгорела всего одна корова), глазами хозяйки коровы или глазами самой коровы. И чей же взгляд адекватнее передаст суть феномена «пожара»?

Для любого историка это вопрос принципиальный. Как принципиально важным является и то, что самое понятие «историк» не остается неизменным. Достаточно взглянуть на традиции последних веков. В XIX в. историк должен был быть прежде всего *источниковедом*. В XX в. главным направлением исторической профессионализации становится *историография*. Что скажет век XXI, пока сказать сложно, но первые десятилетия свидетельствуют о том, что все более актуальной в профессионализации историка становится *историческая коммуникатология*.

Для современного российского общества это особенно ощутимо. До сих пор непроясненным и в общественно-политической, и в профессиональной исторической среде оказывается вопрос о происхождении нашей современности (2000-х годов). Из чего она выросла? Из 1990-х? Будто бы нет, мы стараемся все явственнее отмежеваться от них. Из перестроечного времени? Тоже много сомнений. Из советского периода? ... Из досоветского?... Или из всего сразу?

Эта непроясненность и приводит к тому, что мы до сих пор предпочитаем пользоваться суррогатными определениями качеств нашей современности: «*постсоветская*», «*посткоммунистическая*», «*новая*»...

Ясно, что в подобной ситуации социальная роль историка-профессионала должна была бы возрастать. Однако не все происходит столь однозначно. Любая радикальная ломка всегда сопровождается социальной дискредитацией профессионализма. Так же как в 1920-е годы, когда казалось, что специалист ниже по социальной значимости, чем партиец, сегодня на уровне обыденной государственной идеологии *менеджер* воспринимается более эффективным и социально значимым, чем профессионал в конкретной сфере.

И дело не только в том, что А. Руцкой собирался написать историю России в шести томах, а В. Черномырдин и В. Путин давали *профессиональные советы* историкам. Гораздо существеннее другое. Современный историк работает в *принципиально иной* интеллектуальной среде. Какие

бы совершенные учебники по истории ни создавали профессионалы, им придется конкурировать с интернет-средой и, скорее всего, проигрывать ей.

Тем не менее это не может привести к размыванию *профессионализма* – скорее, напротив, к обогащению его новыми качествами. Сегодня учить историка необходимо не только добыванию фактов в архивах, но и навыкам и умениям исторической публицистики, исторической журналистики и интернет-технологиям.

2. Начну ответ на этот вопрос с напоминания, что за последние десять лет наше телевидение представило нам не один и не два варианта ток-шоу на исторические темы. Но в этих многочисленных «судах истории», «судах времени» было нечто общее: *прошлому выставлялись оценки (пусть даже на основе демократических процедур), и в основе оценивания всегда лежала альтернатива «или – или»*. При всем замечательном пафосе этих замыслов: преодолеть негативное прошлое, избежать повторения негатива в будущем, вылечить историческую память и, наверное, добиться еще более благородных целей – в какой-то степени деформировались сами представления о смысле и существовании исторического знания.

Можно ли представить себе дискуссию на тему, что более важно для российской цивилизации – теорема Пифагора или законы Ньютона? Представить, конечно, можно. Но постановка подобной дилеммы вызвала бы, по крайней мере удивление. А вот организованное телешоу о том, кто более матери российской истории ценен – Столыпин, Сталин или Александр Невский, было воспринято как нормальный и даже общественно значимый проект.

Я напоминаю об этих очевидных фактах только для того, чтобы сказать, что историческое мышление мало совместимо с категориями «или». В нем, напротив, всегда, как в любой точной науке, доминирует категория «и»: белые и красные, самопожертвование и предательство, любовь и ненависть. «Или» подходит для менее точных наук типа химии, физики, биологии.

Поэтому если говорить о нравственных приоритетах, то задачей историка было бы стремление помогать современному обществу избавляться от страхов перед *разнообразием* и *многообразием*.

Гораздо строже могут быть ограничения, связанные с *трансляцией* исторического знания. (Я имею в виду не государственные запреты и диктаты. Их, к сожалению, все больше и больше в нашем обществе.)

В свое время блестящая исследовательница Маргарет Мид обратила внимание на то, что на процесс восприятия даже простейших математических категорий существенно влияют и особенности возрастной, и особенности этической психологии.

Механизмы восприятия исторического знания еще более тонкие и сложные. И сегодня требуется очень вдумчивый анализ того, как и в какой

последовательности формировать и транслировать научное историческое знание с учетом всех сложностей российского общества.

3. При ответе на данный вопрос, мне кажется, следует учитывать два аспекта.

Первый определяется тем, что, за исключением пяти-семи лет конца 1980-х – начала 1990-х годов (когда на короткое время историки стали настоящими «властителями дум»), социальный статус историков не изменился, поскольку в значительной степени и общество, и государство склонны воспринимать профессию историка не как самодостаточную, а как обслуживающую интересы и потребности конкретного времени или конкретных категорий населения. В одно время требуется помочь обществу избавиться от зависимости от государства, в другое – полюбить государство; одному народу требуется доказать азербайджанское происхождение Нагорного Карабаха, другому – армянское...

Второй аспект определяется тем, что в сравнении с советским «постсоветское» общество стало более дифференцированным. Различным его сегментам могут потребоваться разные варианты исторического знания – по глубине проработанности, по вариантам, по качеству интерпретаций. Это существенно расширяет горизонты исторической профессии.

4. Прежде всего, я не стал бы вырывать историка и профессиональную корпорацию историков из общества в целом. А если так, то трудно разделять степени «вины» и ответственности. Если общество и государство все более бюрократизируются, то и качество аттестационных работ историков (например, диссертаций) будет все более измеряться с помощью бюрократических параметров и процедур. Если государство берет на себя функции доминанта в заказах на интеллектуальную продукцию, то трудно говорить об автономии профессиональных интеллектуальных корпораций.

И тем не менее профессия историка, наверное, самая уникальная, поскольку позволяет историку формировать собственные миры, пространства. В этом смысле чем более историк – профессионал, тем менее он зависит от давления государства.

А.Н. Медушевский

доктор философских наук, профессор НИУ-ВШЭ

1. Положение историка-профессионала в любом обществе определяется функцией истории как науки. С позиций когнитивной теории историческое познание есть постижение механизмов функционирования той исторической реальности, которая формируется путем осознанной человеческой деятельности. Его основная задача состоит в накоплении и передаче достоверных знаний об обществе, полученных методами критического анализа исторических источников – всей совокупности интеллектуальных продуктов, созданных на протяжении эволюционно и глобально

целостного исторического процесса. Этой формулой и соответствующим рядом понятий мы будем руководствоваться в ответах на поставленные вопросы.

Положение историка в современном российском обществе позволяет ему реализовать эту задачу, хотя он и сталкивается с препятствиями внешнего характера, которые могут быть разделены на три группы – институционального, культурного и политического характера. Первое (и наиболее важное) препятствие связано с неготовностью значительной части самого исторического сообщества принять историю как строгую и точную (т.е. доказательную) науку. Это выражается в пренебрежении к научной логике познания, представлении об истории как разновидности искусства, апеллирующей не к разуму, но скорее к эмоциям. Второе препятствие связано с неготовностью общества (массового сознания) к самостоятельной работе мысли и критическому восприятию информации о прошлом. Третье препятствие обусловлено легкостью распространения в обществе (спонтанного или целенаправленного) различных суррогатных (мифических) представлений о прошлом, связанных с коммерческими или политическими выгодами отдельных социальных групп. Это препятствие, хотя и раздражает научное сообщество более всего, в сущности, является следствием первых двух и потому менее значимо по сравнению с ними.

Следует различать функции историка и функции исторического знания в обществе. В задачу историка входит обеспечение эвристической функции, т.е. выявление необходимой ретроспективной информации, критическая проверка ее достоверности, доказательная реконструкция исторической реальности и качественная аналитика на этой основе социальных процессов (в том числе с привлечением междисциплинарных и социологических подходов). Функции же исторического знания в обществе значительно шире: помимо эвристической (добывание нового знания) – это функции консолидации национальной идентичности, сохранения исторической памяти и преемственности, обеспечения легитимности политических идеологий, движений и институтов; доказательство исторической давности в праве и судебной практике; педагогическая функция. Обеспечение этих функций (несомненно, важных для всякого социума) не является, однако, непосредственной задачей историка-профессионала, поскольку выходит за рамки научного метода и осуществляется другими социальными и профессиональными акторами – идеологами, юристами, политиками.

В задачу историка (если мы говорим о науке) не входит, следовательно, исследование так называемой культуры памяти: она не отражена в исторических источниках и не является объектом анализа сознания определенной эпохи. В этом смысле «войны памяти» – часть информационной картины общества определенного периода, возможно, различные формы

пропаганды или цензуры, но не предмет деятельности историка. Тем более историк не должна быть свойственна функция социального терапевта в отношении современных деформаций общественного сознания – это скорее задача моралиста, педагога, журналиста или общественного деятеля. Историк, конечно, также может выступать в этом качестве, переходя в другие экспертные категории, но эта деятельность не должна рассматриваться как часть его профессиональной идентичности. В качестве моралиста историк не нужен и обществу. Оно решает не научные, а психологические проблемы. Эта ниша в традиционном обществе заполняется религиозными деятелями, а в современном реализуется телеведущими различной идеологической направленности.

В сущности, историк-профессионалу при выполнении его прямых функций должно быть мало дела до того, что думает (и думает ли вообще) общество об истории, подобно тому как астроному не важно, что думает общество об астрологии, а химику – об алхимии. Разумеется, до тех пор, пока это не начинает создавать технических трудностей его работе.

2. В отношении «острых и болезненных для общества исторических тем» (как и всех прочих) позиция историка, до тех пор пока он остается в кругу профессиональной деятельности, должна быть ценностно-нейтральной. Он руководствуется научной логикой, предполагающей использование доказательных методов познания, верификацию полученных данных, логическое выведение понятий и т.п. Логика научного познания лежит в основе картины мира ученого-гуманитария и, соответственно, представлений о «проблемах, напрямую не связанных с его научными интересами». Следует стремиться прежде всего понять смысл социального явления или процесса, осуществлять конструирование социального прошлого (или настоящего) в тех понятиях и границах, в которых возможны научная проверка выводов или, в случае необходимости, их доказательный пересмотр. Пусть это будет небольшой, но устойчивый результат, приводящий к накоплению научных знаний общества, а не привлекательный для массы, но содержательно пустой миф.

3. Социальная роль историка не менялась со времен Геродота и адекватно описывается формулой древних об истории как «*magistra vitae*». Социальный же статус, конечно, трансформировался в соответствии со сменой представлений о роли исторических знаний в социальном конструировании. В советский период было авторитетно представление, идущее от рационализма эпохи Просвещения и Французской революции. Оно коренилось в марксистском понимании истории как науки, способной быстро открыть законы общественного развития, а заодно легитимировать право партии на неограниченную власть. Этим обусловлены государственная поддержка официальной советской историографии и одновременно жесткое подавление инакомыслия на «историческом фронте». В постсоветский пе-

риод ситуация радикально изменилась. На короткое время стало возможно инакомыслие, но исчезла государственная поддержка историографии (что вызвало наивные представления о «кризисе исторической науки» и забавные жалобы советских историков на утрату государственной заботы об «исторической науке»). Сейчас, кажется, все возвращается в привычное русло – государственная забота идет рука об руку с возрождением официальной народности и борьбой с «фальсификаторами истории», что, несомненно, сулит ее оруженосцам возвращение временно утраченного высокого социального статуса.

4. Отношение современного российского общества к истории характеризуется прежде всего небывалым интересом: чрезвычайно широким распространением исторической тематики в средствах массовой информации, художественной литературе, официальных документах и проч. С другой стороны, очевидно, что этот интерес никак не связан в массовом сознании с осознанием смысла истории, критическим анализом информации и формированием собственных суждений о ней. Скептическое отношение к истории как науке, а к историкам как ученым – социологический факт, связанный не в последнюю очередь с их апологетической деятельностью в советский период. Однако господство таких настроений делает массовое сознание легкой добычей идеологов и публицистов, использующих привычные архетипы и старые советские мифы. Общество довольствуется суррогатной информацией, активно используемой официальной пропагандой и различными социальными группами для достижения собственных экономических и политических целей.

Определенная вина за сложившееся положение лежит на самом обществе историков, многие представители которого, опираясь на постмодернистские представления, до сих пор выступают с релятивистских позиций: говорят об истории как о бесконечном диалоге, о смысле (или, точнее, «смыслах» во множественном числе) – как продукте непротивления сторон, а о прошлом – как неопределенной совокупности «дискурсивных практик». Преодоление этих предрассудков будет способствовать формированию адекватного представления об истории в массовом сознании, научном сообществе и педагогической практике. Построение стройной и логически непротиворечивой концепции российского исторического процесса вполне возможно при решении трех ключевых проблем: разработке универсальных научных понятий, способных доказательно объяснить в глобальной перспективе его логику; преодолении интерпретационных диспропорций в отношении разных периодов русской истории; достижении большего взаимопонимания исследователей различных направлений, поколений и научных школ на основе профессиональных требований. Задача трудная, но выполнимая.

Этический выбор научного сообщества и ученого-историка – это ориентация на профессионализм и отрицание непрофессионализма. В условиях смены научных парадигм (перехода от нарративных методов к когнитивным) структура и самоидентификация научного сообщества подвергается серьезному испытанию. Весьма остро стоит вопрос: в какой мере оно способно отказать от наивных романтических и релятивистских представлений и принять идею истории как строгой науки? Ответ на вопрос зависит от способности сообщества выстроить новую шкалу ценностей, в основе которой – предоставление высокого статуса и престижа в обмен на достижение нового знания; отказ от транслирующей модели аккумуляции информации и переход к когнитивной, дающей новое качество постижения смысла; принятие новой модели гуманитарного образования, обеспечивающей освоение индивидом методов критического анализа информации, навыков самостоятельного добывания знания и формирование личности, способной противостоять навязываемым историографическим трафаретам и политизированным схемам интерпретации прошлого и настоящего.

На этой основе возможно преодоление растущей маргинализации исторического сообщества, которая выражается в превращении части его представителей в коммерсантов, публицистов и политических технологов, обслуживающих интересы различных социальных групп путем манипулирования историческими данными. Мотивы этой трансформации (характерной не только для российского социума) могут быть различны: от экономических до психологических деформаций личности, до неких даже альтруистических установок, но их общий результат – депрофессионализация и утрата статуса в научном сообществе.

Позиция власти в отношении исторической информации может быть охарактеризована как прагматическая. Власть по преимуществу использует те функции исторических знаний, которые актуальны для поддержания культурной и национальной идентичности, необходимой для единства страны и ретроспективной (исторической) легитимации существующей политической системы, а также для обоснования прав действующей элиты на господство. Реализации этих функций объективно противостоит эвристическая функция исторической науки, в которой заинтересовано научное сообщество. В идеале власть и ученые не должны пересекаться, поскольку они преследуют принципиально разные цели. Проблемы возникают в том случае, если власть стремится к подавлению гражданского потенциала, навязыванию патерналистских стереотипов научному сообществу, начинает путать задачи пропаганды и исторической науки. Это ведет к конфликту в отношениях власти и ученых, многие из которых не готовы пожертвовать независимым статусом и свободой суждений во имя официально санкционированных установок.

Констатируем ситуацию растущего когнитивного диссонанса в историографии. Сама необходимость учитывать «официальную позицию» при формулировании учеными своих выводов есть признак неблагоприятия. Его проявления: селекция ученых на официальных и неофициальных, выстраивание исходя из этого системы поощрений и наград, разделение их статуса в формальной иерархии академических должностей и званий, возрождение феномена «самоцензуры» и т.п. Эти явления хорошо известны по советской историографии; они и привели к ее деградации. Тот факт, что именно в Год истории появились призывы разделить историков на «патриотических» и «непатриотических», дать единую официальную трактовку русской истории (в обобщающих изданиях), преодолеть исторические «фальсификации», создать санкционированные «сверху» объединения историков и усилить контроль над академическими изданиями, свидетельствует о росте отчуждения общества от власти, догматизации и бюрократизации управления наукой.

Отстаивать профессиональную автономию необходимо, ибо без этого нет свободы научного творчества. Условия для этого становятся все более ограниченными, но пока они не исчезли совсем.

А.Л. Юрганов

*доктор исторических наук, зав. кафедрой отечественной истории
древнего мира и средних веков Историко-архивного института РГГУ*

1. Как бы Вы определили положение историка в российском обществе?

Положение можно определить только относительно чего-то, а не вообще. В обществе потребность в истории есть, но она ограничена запросами в популяризации тех или иных сюжетов. Государству историк с его «положением» не нужен – необходима историческая идеология и только в качестве приложения к ней историк. Но не больше того. Историки не вымерли пока еще, хотя хороших специалистов мало, а думающих – просто единицы. Науки, однако, как общего пространства, имеющего свои параметры интеллектуального развития, больше не существует (не знаю, хорошо это или плохо).

«Наш историк» – категория объективистская. Нечто «вообще», не существующее в природе (живой и конкретной). Можно говорить об историческом познании и его роли в обществе. Оно утратило регулирующую роль, потому что никто уже не связывает историческое познание с поиском истины. А потому ни лечить, ни губить оно не может, или, точнее сказать, – может, но лишь в той мере, в какой «пациент» сам того хочет.

2. Какой должна быть позиция историка в отношении острых, болезненных для общества исторических тем?

Та, которую он выберет сообразно своей свободе воли.

– Должен ли наш историк самоопределяться в отношении сюжетов и проблем, напрямую не связанных с его научными интересами?

А можно ли запретить?

– Каковы ограничения в этом смысле – этические, профессиональные, социальные?

Прописаны законами общества – во всем остальном полная свобода.

3. Есть ли преемственность социальной роли и статуса историка в советское и постсоветское времена?

Нет.

4. Следует ли и возможно ли историку в нашем обществе отстаивать свою профессиональную автономию?

Следует, как и во всем остальном.

– Как Вы оцениваете позицию современного государства/власти в отношении историка/истории?

А она есть?

– Можно ли говорить об ответственности историка за нынешнее положение исторического знания/образования/профессии?

Да, можно, вина есть и немалая.

Ю.И. Игрицкий

*кандидат исторических наук, зав. Отделом ИНИОН РАН,
главный редактор журнала «Россия и современный мир»*

1–2. Если история (как говорят, по Геродоту) мать всех наук, то роль историка в любом обществе трудно переоценить – он закладывает фундамент исторического сознания, без которого невозможно начать изучение всех прочих наук, во всяком случае социальных. И поскольку делает он это в конкретной социальной среде в конкретное социальное время, трудно переоценить влияние, оказываемое на него средой и временем. Тут нет проблемы курицы и яйца – среда однозначно первична. Другое дело, что потом историк отдает «долг» среде, влияя или пытаясь повлиять на нее, но это уже будет «следующая» среда. Она, конечно, родит следующее поколение – причинно-следственная связь непрерываема и бесконечна. Поэтому исходить надо из того, что общество формирует личность все же в большей степени, чем отдельный человек – общество.

Общественные трансформации, освобождающие творческую, мыслящую личность от конформизма, догматизма и цензуры (такая и случилась в позднем Советском Союзе), дают простор броуновому движению социальной мысли, в том числе исторической. В первой половине 1990-х годов в этом хаосе вырисовался доминирующий антикоммунистический вектор как частный случай реакции всего общества на догматизм и фаль-

сификации советской коммунистической идеологии. Если бы трансформация принесла ощутимые общественно полезные плоды в социальной, экономической и политической сферах, этот вектор, исчерпав свою негативную заряженность, естественным образом переплавился бы в мейнстрим социально-исторической мысли. Но не выросли такие плоды на почве российского олигархического капитализма и управляемой сверху демократии – и в идеологии возникли сразу две тенденции, идущие вспять антикоммунистическому вектору: 1) возврата к ценностям советского общества, да не просто советского, а сталинского; 2) утверждения державно-консервативного охранительного конформизма. Эти тенденции объединяются нелюбовью к демократической самоорганизации общества (к «либерастам» и «дерьмократам») и символизирующему ее Западу, который худо-бедно вынул на более (пусть даже немногим более) социально справедливый и экономически эффективный путь общественного развития.

И каково же творить историку в этих условиях? Попробуйте сказать, что независимая творческая личность всегда таковой и останется. Писать историю, как художник, в мансарде и для мансарды? А для обитателей нижних этажей в книжных магазинах целые полки заполнены трудами типа «Настольная книга сталинизма», «Сталин против “оранжевой чумы”», «Берия – лучший менеджер XX века» и т.д. и т.п. Или биографиями Путина. Или обвинительными актами в адрес «врагов Отечества».

Не считаю себя вправе наставлять коллег по цеху, но полагаю, что для историка любого ранга и любой внутридисциплинарной специализации существует **задача-минимум** – не поддаваться двум названным выше тенденциям. Не потому, что они антилиберальные и антизападные, а потому, что они тащат назад, в исторические тупики. При этом радикализируют и раскалывают общество таким образом, что преодоление раскола будет возможно на путях либо очередной леворадикальной революции, либо националистической диктатуры. Можно строить предположения о том, какой характер будут носить эта революция и эта диктатура (вероятно, и не такой кровавый, как ранее), но в любом случае они вернут Россию в точку, откуда движение к свободному самоорганизующемуся гражданскому обществу придется начинать заново.

В этом случае историку придется не столько с открытыми глазами искать в прошлом истоки настоящего, сколько с широко закрытыми глазами «опрокидывать» текущую политику в прошлое. Автор этой точнейшей (относительно официозной историографии) мысли М.Н. Покровский вспоминал (когда еще можно было это вспоминать): «...политически я (да и не один я, а, думаю, мы, тогдашние историки-марксисты) был настолько мало чуток, что отлично уживался с буржуазными демократами. Классовой борьбы не было *около нас*, а с массами мы, академики, соприкасались мало». И далее: «костюм» профессора истории «Октябрьская революция...

надела на меня насильно». А в начале 1930-х годов в этом костюме он уже объявил войну не только буржуазной науке, но и тем своим коллегам, которые якобы остались на ее позициях, включился в инициированное ОГПУ преследование историков с заведомо ложными обвинениями в антисоветской деятельности («Академическое дело», по которому были репрессированы С.Ф. Платонов, Е.М. Тарле, С.В. Бахрушин; несколько человек расстреляли). Если бы Покровский не умер своей смертью в 1932 г., через четыре года ему пришлось бы столкнуться со схожими обвинениями в свой адрес от своих же учеников, которые, спасая себя, кляли его по-смертно.

Мы не гарантированы от того, что история в очередной раз не повторит и эту ситуацию – инструменты борьбы с инакомыслящими уже есть (взять хотя бы Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России), немало и лиц, рвущихся в бой под флагом такой борьбы. Но из этого не должна следовать капитуляция перед конформизмом и конъюнктурщиной. Честность для историка – такой же императив, как и для любого другого человека в своей профессии. Да и в самой жизни – для всех.

Конечно, идеализация и демонизация прошлого могут быть не интенциональными, а спонтанными, отвечающими мироощущению исследователя; как постулировал Чарлз Бирд, «писаная история – акт веры». Истинность веры не в состоянии определить никакие комиссии (как не могла этого сделать в Средние века Святая инквизиция), но профессионализм историка заключается (должен заключаться) в том, чтобы время от времени подвергать сомнению написанное: достаточно ли я объективен? Принял ли во внимание все факты и другие точки зрения? Не ставлю ли я свою веру (версию) впереди фактов? Выдерживает ли моя вера (версия) проверку фактами? Эти вопросы смахивают на голую дидактику, однако если верно, что работа историка сродни работе следователя, пытающегося восстановить картину преступления (Марк Блок), ставить их необходимо.

Это особенно необходимо для тех представителей исторической профессии, которые анализируют острые и болезненные для общества исторические проблемы. Здесь этические и профессиональные требования и ограничения связаны воедино.

3. Историков всех времен и народов роднит следование тому, что Тойнби назвал автоматическим стимулом социального окружения. От этого стимула никуда не деться. От прямого и навязываемого политического заказа – можно. От социального – невозможно, если не вырваться из самого этого окружения материально и духовно. Но ведь тогда попадаешь в какое-то иное окружение, не так ли? Кроме того, оставаясь «среди своих» и пытаясь тем не менее плыть против течения, рискуешь стать жертвой

собственных амбиций, поддаться мессианскому соблазну единственного праведника.

С этой точки зрения социальная роль и статус историка в советское и постсоветское время объединяются, увы, нормативизмом, определенным потребностями власти. Феномен вроде бы общемировой, но в России он акцентирован более выраженной доминантой власти и нашел отражение еще в досоветское время в работах историков государственной школы, да и еще раньше – у Карамзина и других.

Исполнение социальной роли, однако, лишь одна сторона проблемы. Другая сторона – *назначение* социальной роли. И в досоветское, и в советское время государство очень хорошо понимало, насколько важны история и историки в духовной жизни общества. В просвещении, образовании, науке, культуре, наконец, в легитимации самой власти. Сейчас такого понимания нет, как, впрочем, нет должного понимания общественной роли науки в целом. Точнее, есть потребность лишь в утилизации истории для легитимации сложившегося политического режима. С этой целью из всей истории вычлняется самое героическое, самое священное в памяти народа (Победа в Великой Отечественной войне, прорыв в космос в 1957 и 1961 гг.) и становится объектом еще более концентрированной героизации, призванной установить преемственность режима с героизмом народа в прошлом, представить режим наследником этого героизма. Об этом столько сказано и написано, что здесь ни убавить, ни прибавить, но ситуация не меняется.

У власти, у чиновников, ведающих интеллектуальной жизнью общества, другие ценности и очень много других приоритетов. Казалось бы, следовало подумать и об историческом воспитании собственных детей, однако если дитя учится в Кембридже, то и читать оно будет «Кембриджскую историю России». Для прочих детей уже сделан исторический заказ – создать единую, непротиворечивую, отвечающую интересам власти историю без всяких «фальсификаций». Грустно-тревожная парадоксальность ситуации в том, что всякий согласится: да, историю нельзя фальсифицировать. Но при этом выявлять фальсификации будут скорее всего не посредством научных дискуссий, а директивными методами. Последствия же разоблачений затронут как конструктивные научные проекты, так и судьбы людей.

4. С максималистской точки зрения историк ответствен за нынешнее положение исторического знания и образования в силу той же логики, по которой любой гражданин общества (в том числе и он сам) ответствен за происходящее в стране. Но мера ответственности, естественно, разная. Наивысшая она у историка, исследующего ключевые, смыслоопорные, дискуссионные проблемы: ведь именно он либо выполняет, либо не выполняет конъюнктурный политический и социально-политический заказ.

С той же максималистской точки зрения за историю отвечает и само общество – как отвечает оно за все, что в нем совершается. Отвечает за то, что не стало гражданским, за то, что прогибается под власть, за то, что привыкло к политической пассивности и социальному иждивенчеству. В данном случае отвечает за то, что не стремится осмыслить и учесть уроки истории. Только ведь общество еще более дифференцировано в интеллектуально-нравственном отношении, чем профессиональная среда историков. Если ответственность конкретного пишущего историка за его причастность к духовному состоянию общества еще можно в каких-то определенных случаях установить, то ответственность отдельно взятого члена общества (если он не чиновник, принимающий и исполняющий решения) не поддается никакому учету. А чиновник от истории несет ответственность и как чиновник, и как член общества. Вряд ли можно дать иные, нетривиальные ответы на тривиальные вопросы об ответственности и вине за то, что исторический процесс происходит так, а не иначе.

Историки, конечно же, создают собственные «миры» прошлого, по своему видят историческую преемственность. Это совершенно естественно, и иначе не бывает. Но естественно на исследовательской ниве. С учебниками, к примеру, дело обстоит не совсем так. Учебники призваны дать читающей публике более или менее цельное представление об историческом процессе – без явных разночтений и противоречий внутри одного труда, даже если он написан разными авторами, без резкого крена в сторону одного из радикально различающихся мировосприятий. Утверждение учебных текстов на конкурсной основе – важный инструмент отбора, но еще важнее формирование корпуса экспертов, оценивающих эти тексты. Это должны быть профессионалы высокого уровня, исповедующие разные исследовательские подходы и различные концепции ключевых событий прошлой и современной истории, но в равной мере авторитетные в научной среде. Среди них не должно быть экстремалов разных ценностных ориентаций (впрочем, среди настоящих профессионалов их и не может быть по определению). И уж точно среди них нет места чиновникам, навязывающим правительственные приоритеты в интерпретации истории.

Как усадить оппонентов вместе, каким должен быть механизм вынесения ими решений – вот здесь свое слово может сказать Минобр. В самом учебнике необходимо пояснить, что в историческом сообществе есть разные точки зрения на главные события и фигуры истории (на истоки российской государственности, эпоху Петра I, кризис самодержавной власти, революции 1917 г. и Гражданскую войну, Сталина и сталинизм, перестройку и смену общественного строя, развитие России в XXI в. и др.). Уведомив читателя о наличии разных точек зрения и тем не менее встав на одну из них, авторы предоставляют читателям (обществу, широко говоря) возможность самостоятельного осмысления и выбора.

Д. Свак

доктор исторических наук, профессор, руководитель
Центра русистики Будапештского университета им. Л. Этвеша

Широким контекстом интересующей меня проблемы¹ является кризис венгерской исторической науки. Это не просто составная часть общего международного кризиса, который продолжается уже давно и к которому мы уже успели привыкнуть и как современники, и как историки. Мы уже видели много таких потрясений, и историческая наука в конечном счете всегда с успехом преодолевала их. Так будет и на этот раз, однако кульминация мирового социального, экологического и экономического кризиса продлевает состояние хаотической переходности, что влияет на историческую науку различных стран. Другими словами, скептицизм затрагивает чуть ли не каждое поколение, однако «старая рухлядь» (Маркс) накапливается тогда, когда жить в мире становится особенно тяжело.

В этом смысле XX в. никак не может уйти в прошлое: снова возрождаются самые трагические традиции, причем наиболее живучим оказывается антиинторизм, коренящийся еще в XIX в. Националистический, этнизирующий дискурс уже у порога венгерской исторической науки. Мы, историки, занимающиеся всемирной историей, особенно сильно чувствуем это, поскольку этот дискурс ставит под сомнение самые основы нашей деятельности, наших ценностей. У русистов же и без того повышенная чувствительность удваивается – мы ведь прекрасно знаем: тот, кто дает простор расистской, антисемитской аргументации или семантическим трюкам, мирится с ними, обычно не чужд и русофобии. А на практике все это дополняется еще и антикоммунистической риторикой. Сущностной чертой исторических конструкций, в основе которых лежит классификация людей по их происхождению, является как раз совмещение этих видов дискриминации.

В такой историографической ситуации резко встает вопрос об ответственности историков и о переосмыслении их роли, функций и миссии в обществе. Зачем нужна история, в чем ее польза? Боюсь, мы не можем удовлетвориться классическим *bon mot* Марка Блока, считавшего, что, если даже история не пригодна ни на что иное, она по крайней мере увлекательна. Добавлю, и не менее страшна. И поучительна, хотим мы этого

¹ Этот текст явился откликом на бурную дискуссию венгерских историков, вызвавшую и общественную реакцию. В статье 2012 г. историк Андраш Герё по существу упрекнул академика Игнаца Ромшича в том, что некоторые формулировки, содержащиеся в его работах, могут быть истолкованы как антисемитский нарратив, восприняты как уступки антисемитскому дискурсу. Случай Ромшича побудил автора задуматься о его профессии, о факторах, детерминирующих работу историка, и об имеющихся у него возможностях выбора.

или нет. История может учить и хорошему, и плохому, даже если сами историки строго придерживаются старого правила *sine ira et studio*. Стремление писать «без гнева и пристрастия» – не что иное, как в лучшем случае красивая мечта, от которой не хотел бы отказаться ни один добросовестный историк; в худшем же – просто личина. Дело в том, что на историков смотрят как на «посвященных», обладающих знанием многих тайн. Их обязанность – передать это знание другим, употребить его на пользу общества, которое содержит историков.

Однако служение обществу не тождественно службе власти предрезающим. Обычно историки – в большей или меньшей степени, в зависимости от того, какими темами они занимаются, – склонны проявлять лояльность к властям, которые платят им зарплату. Поэтому я ни в коем случае не стал бы преувеличивать степень независимости исторической науки от политики. Однако влияние политики на историческую науку в различные исторические периоды реализуется разными способами и с разной силой. Например, венгерские историки начиная с 1960-х годов все успешнее освобождались от опеки власти. Следует признать, что и власть, за редким исключением, не препятствовала этому освобождению по причинам, требующим изучения. В результате выросло несколько поколений историков, которым понятие и практика «политического заказа», являвшиеся неотъемлемой частью режимов Хорти, Ракоши и Кадара (на ранней его стадии), уже не казались само собой разумеющимися. Конечно, придерживаясь характерного для XIX в. «антикварного», фактографического подхода к истории, можно работать и в условиях авторитарного режима, но официальным историком мог быть только тот, кто преданно обслуживал актуальный политический курс. При политических режимах, руководствовавшихся господствующей идеологией, историки-позитивисты не могли играть определяющей роли, поскольку не приносили никакой пользы государственной идеологии.

Ценностно-нейтральный исторический подход не нравится ни власти, ни оппозиции, хотя в переходные эпохи, сопровождающиеся кризисом ценностей, он (по крайней мере до поры до времени) представляется единственным спасительным выбором для историка. Историк, который благодаря своим профессиональным навыкам раньше других чувствует изменение политического курса, старается по-своему приспособиться к меняющимся условиям, к усилению или ослаблению власти. (Конечно, это удастся не всегда или не всегда с первой попытки.) Ему приходится выбирать: по-прежнему с холодной беспристрастностью относиться к теме своих исследований и постепенно маргинализироваться или в определенной степени воспользоваться языком, модной фразеологией, соответствующими «духу времени». Выбрав последнее, он не становится автоматически официальным историком, а всего лишь делает уступку господствующему дис-

курсу и таким образом способствует его укреплению. В итоге проблема выживания оказывается решенной, зато о ведущей роли нечего и мечтать. В советскую эпоху такая профессиональная позиция считалась вполне порядочной; к тому же давала историку единственную возможность обеспечить свое существование. Не следует недооценивать ее положительную роль в условиях свирепых диктатур.

Иначе реагирует историк, руководствующийся определенными ценностями. Если он – по убеждению или в собственных интересах – разделяет приоритеты власти, то становится официальным историком, причем вовсе не обязательно плохим. Среди таких историков бывают и очень хорошие специалисты (как, например, Балинт Хоман и Дюла Секфю), только из статуса официального историка неизбежно вытекают нечистоплотные услуги власти, а в экстремальном случае – преступления против собственного народа. Историк, не примкнувший к власти, по необходимости оказывается оттесненным в оппозицию – в положение, с материальной точки зрения неприятное, но очень благодарное с интеллектуальной и научной точек зрения. Не будучи связанным с властными ценностями, он может позволить себе роскошь сомнения, несогласия, а также изучения и представления истины, не зависимой от власти.

Ныне, когда в Венгрии практика государственного социализма позорно провалилась, а неолиберальная идея потерпела сокрушительное поражение, в самый разгар глобального кризиса осталась лишь одна властная идеология – националистическая. Конечно, мы знаем, что и эта идеология в крайне утрированной форме привела к катастрофе, но это было уже достаточно давно. За неимением лучшего эта идеология способна пробуждать фальшивые иллюзии и обманчивую ностальгию, а также канализировать – с сомнительным результатом – социальные страсти. В настоящее время проводится «гестирование» мирной, постепенной, но заразной хортистской духовной реставрации. Пока еще в рамках демократии.

Историк, служащий не власти, а людям, обязан называть вещи своими именами, напоминать о том, каким был итог христианско-национального курса, четко отделять добро от зла, человечность от бесчеловечности. Ему еще не надо заключать беспринципные компромиссы, его еще никто не хочет посадить в социальный карантин фактографии, никто еще не обязывает пользоваться дискурсом власти, вводящей в употребление новый язык. Не желая возложить на себя ответственность интеллигента, имеющего смелость высказывать свое мнение, историк нарушает гуманистические традиции своей науки и выносит смертный приговор своей профессии. В этом случае ему действительно не остается ничего другого, как увлекательно писать и по крайней мере доставлять удовольствие публике. Но для этого нужен настоящий писательский талант, а это уже другая профессия.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

О.В. БОЛЬШАКОВА

**1812 ГОД В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ:
АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
(Аналитический обзор)**

Отечественная война 1812 г. всегда занимала особое место в отечественной истории и исторической памяти. Победа над Наполеоном изначально ассоциировалась с общенациональным патриотическим подъемом, международным могуществом России. «Миф 1812 года» начал складываться в общественном сознании еще в начале войны и с течением времени претерпевал неизбежные изменения. Официальные установки причудливо переплелись в нем с народными представлениями, художественные образы, воплотившиеся в живописи, скульптуре, беллетристике и драматических произведениях, – с воспоминаниями участников военных действий и выводами исследователей, историков и литературоведов.

Важными вехами в процессе изучения и «вспоминания» войны 1812 г. были публикация в 1866–1869 гг. журнального варианта романа Л.Н. Толстого «Война и мир», а также юбилеи – 100-летний и 150-летний. Ко времени последнего историческая память обогатилась новыми образами. Вторжение немецких войск в СССР в июне 1941 г. вызвало прямые ассоциации с наполеоновским нашествием, народной войной, патриотическим подъемом. Под этим углом зрения была склонна рассматривать Отечественную войну 1812 г. советская историография, несвободная, как отмечает британская исследовательница Дж. Хартли, от многих искажений. В ней господствовал классовый подход, а значит – умалялась роль дворянства; подчеркивался народный характер войны и, соответственно, все внимание уделялось крестьянству. В постсоветское время вернулись к оценкам, которые можно найти в юбилейном семитомнике 1912 г. «Отечественная война и русское общество» (3, с. 182).

**Современная западная историография
о роли наполеоновских войн в культуре Европы Нового времени**

Западная историография неизменно уделяла внимание войне 1812 г., причем изучалась она не только в русле военной истории. Тема патрио-

тизма русского общества рассматривалась в работах, посвященных истории культуры (см.: 1; 10). С усилением интереса к национализму и формированию национальных идентичностей борьба с Наполеоном стала анализироваться с точки зрения ее вклада в развитие русского национального самосознания. Оценивался он, правда, не слишком высоко. Как пишет Дж. Хартли, западные историки обычно относят появление современных форм национализма в России лишь к концу XIX в., крестьянское же сопротивление во время войны с Наполеоном считают «ксенофобским», а не националистическим. Тем не менее большинство из них признает, что события 1812 г. явились важным этапом развития национализма в Российской империи (3, с. 181).

В настоящее время, когда многие западные (в первую очередь американские) историки больше не видят в России аутсайдера и включают ее в «семью европейских наций», эти трактовки выглядят несколько устаревшими. Как полагает Стивен Норрис, молодой американский историк, национальная идентичность строится «шаг за шагом», и наиболее важными «шагами» следует признать войны. По его мнению, в Европе именно наполеоновские войны (а для России – 1812 год) стали эпохой формирования национальных идентичностей (7, с. 6–7).

Предложенная Норрисом идея характерна для современной зарубежной историографии Западной Европы, сосредоточившей свое внимание на войнах и их отражении в исторической памяти. Как считают редакторы-составители сборника «Память о войне: Революционные и наполеоновские войны в культуре Европы Нового времени» (2), период 1792–1815 гг. оставил глубокий след в жизни народов не только Европы, но и Азии, и Нового Света. Военная экспансия Франции привела к тому, что были мобилизованы неисчислимые материальные ресурсы, поставлены под ружье миллионы людей. Война и политика слились воедино. В ходе массовых военных конфликтов изменились и самовосприятие народов Европы, и их восприятие «другого». Причины заключались в том, что в войнах 1792–1815 гг. идеология играла более значительную роль, нежели в династических и колониальных конфликтах прошлого. Именно тогда появились противоположные идеологические «формы»: идеология гражданственности, проповедовавшаяся французскими революционерами и вскоре «поглощенная новым воинствующим национализмом», и глубочайший консерватизм монархической Европы. Наблюдался в тот период и подъем патриотической идеологии в странах, боровшихся с Наполеоном: в Пруссии, Испании, Португалии и России. Сильные патриотические антифранцузские чувства были заметны и в Великобритании (2, с. 8).

XIX век стал, по всеобщему признанию, «веком национализма». Для всех государств и народов, участвовавших в наполеоновских войнах, пережитые катаклизмы явились определяющим моментом национальной

истории. В эпоху романтизма начала XIX в. такие исторические события, как восстание 2 мая 1808 г. в Мадриде, восстание 1809 г. в Тироле, народное сопротивление и сожжение Москвы в 1812 г., «битва народов» при Лейпциге в 1813 г., стали основой национальных мифов. В исторической памяти всех европейских стран, воевавших с Наполеоном, кампания в интересах правителей и династий трансформировались в «освободительные», а партизанские грабежи – в «народные войны», пишут редакторы-составители сборника «Память о войне» (2, с. 10). В то же время следует признать реальный «либертарианский» потенциал этих войн. Так, Норвегия до сих пор празднует день своей первой Конституции 1814 г., которая принесла ей независимость от Дании; Финляндия в результате русско-шведской войны выделилась в великое княжество под протекторатом России и также получила Конституцию; Конституция Швейцарии выросла «на обломках Гельветической республики 1798–1803 гг.».

Во всех нарративах, в том числе и во французских, главным действующим лицом войн объявлялся «народ», причем самым мощным по эмоциональному воздействию стал «образ русского крестьянина, сжигающего свою столицу в попытке отразить натиск Великой армии». Это было, по словам авторов сборника, «героическое жертвоприношение», и нет ничего удивительного в том, что московский пожар стал одним из самых сильных образов наполеоновских войн (2, с. 11). Среди других образов, утвердившихся в исторической памяти народов Европы, первостепенное место занимает противоречивый образ Наполеона (о России см.: 12).

О природе патриотизма дворянства и народа в войне 1812 г.

За рубежом достаточно активно изучается влияние наполеоновских войн на формирование европейской идентичности Нового времени. Однако русистике пока не удается идти в ногу с современной историографией Западной Европы. Так, британский историк О. Файджес трактует наследие Отечественной войны 1812 г. вполне традиционно – с точки зрения возникновения революционного движения в России. Он отмечает, что заграничные походы сделали очевидной для их участников российскую отсталость; вернувшись в 1815 г. домой, многие ветераны испытали чувство отчуждения от общества и от поколения «отцов». Фраза Никиты Муравьева: «Мы были дети 1812 года» – является ключевой в его главе о декабристах, отсылающей нас также к трудам Ю.М. Лотмана. Файджес пишет об «открытии народа» образованным обществом: именно в сражениях молодые либерально настроенные дворяне осознали, что крепостной крестьянин – такой же патриот, как и они, что Россия должна гордиться героизмом простых солдат, которые принесли ей победу над Наполеоном, и связывать все надежды с этими «будущими ее гражданами» (1, с. 72).

Сходные оценки дает в работе о формировании русской национальной идентичности немецкий историк Хубертус Ян, работающий в Кембридже (5, с. 58–59).

Файджес присоединяется к общепризнанному мнению, что война 1812 г. явила собой водораздел в истории русской культуры. Он отмечает, что возникшее у «верхов» чувство единения с простым народом подтолкнуло их к предпочтению всего русского (начиная с ношения русского платья). Хотя и ранее, в 1800-е годы, предпринимались попытки внедрить русский язык в обиход аристократии, только на волне патриотического подъема дворянство начало активно отказываться от французского языка и французского «образа мыслей» (1, с. 101).

Американский историк Ричард Стайтс оценивает патриотическую галлофобию начала XIX в. более серьезно, называя ее «культурной прелюдией к войне 1812 г.» Всплеск же военного патриотизма 1812 г. Стайтс считает кратковременным и поверхностным, не сопоставимым по своему влиянию и последствиям с идеологией официальной народности или «народолюбием» славянофилов. Он сводился в основном к отказу от французского в пользу всего русского (в том числе от французских товаров) и не проник глубоко в народную толщу. Перед лицом наполеоновского нашествия многие дворяне испытали своего рода кризис идентичности; с этим были связаны отказ от французского языка в обиходе и от французских мод – выбор, условно говоря, русских сарафанов. Однако галлофобия 1812 г. не привела к созданию национальной общности, как это произошло во Франции во времена революции под воздействием войн и в немалой степени – новых ритуалов и празднеств. Не возникло и массового народного патриотизма, поскольку крестьяне, утверждает Стайтс, боролись в первую очередь за выживание (10, с. 192–193).

С оценкой Р. Стайтса солидарна Дж. Хартли (3; 4). Она полагает, что антифранцузские настроения в русском обществе носили в тот момент скорее традиционный, чем националистический характер. Размышляя о крестьянском патриотизме, Дж. Хартли указывает на главную проблему, с которой сталкиваются социальные историки, – скудность письменных источников. Однако, насколько можно судить по ряду немногочисленных, но достаточно адекватных свидетельств о «народной войне», пишет британская исследовательница, крестьяне сражались, чтобы защитить свою землю, свое имущество и семьи. Мотивы более широкого плана включали в себя главным образом инстинктивную ксенофобскую реакцию на вторжение чужеземцев-безбожников. Оснований для того, чтобы делать выводы о патриотических настроениях крестьян в современном (модерном) смысле, источники не дают (3, с. 185).

Изучая народное сопротивление Наполеону в России, исследователи обычно сосредоточиваются на партизанской войне. Однако, как полагает

Дж. Хартли, считать «русскими патриотами», например, казаков, игравших в той войне ведущую роль, вряд ли возможно. В Российской империи они имели особые идентичность и статус. Характерно, что местное население западных губерний не считало их своими братьями, а сопротивление крестьян мародерам-казакам вполне сопоставимо с сопротивлением наполеоновским войскам (3, с. 186).

Хартли отмечает, что для дореволюционных историков народное ополчение служило примером дворянского патриотизма. Советская же историография делала акцент на участии в нем крестьян, часто представляя дворянство настроенным антипатриотически. По мнению Хартли, нежелание многих дворян заниматься снаряжением и снабжением ополченцев объяснялось прежде всего скудостью материальных ресурсов «благородного сословия» в России. С практической точки зрения рассматривает исследовательница и мотивы, по которым представители обедневшего дворянства, духовенства и мещанства шли в ополчение со времени его создания в 1806 г. Для многих это была возможность получить средства к существованию, сделать карьеру, перейти в регулярные части (3, с. 190).

Основной посыл работ Дж. Хартли – недостаточное знание менталитета простых русских людей, в том числе рядовых солдат, что объясняется отсутствием источников и адекватных методик интерпретации имеющихся свидетельств. Историки, указывает она, не располагают сведениями об опыте простых солдат в сражениях, об их отношении к другим странам и народам в периоды европейских походов русской армии 1813–1814 гг. или оккупации Франции в 1815–1818 гг. Мы просто не знаем, что они думали, пишет британская исследовательница (3, с. 191).

Поэтому при изучении патриотизма простого солдата возникает больше вопросов, чем ответов. Современники – и русские, и французы – отмечали храбрость и стойкость русских солдат под огнем, но причины их стоицизма трактовались по-разному и пока не нашли удовлетворительного объяснения. Во всяком случае, в заграничных походах, в том числе во времена Суворова, русские войска проявляли свои боевые качества (среди которых первостепенное место занимал моральный дух) в неменьшей, а иногда и в большей мере, чем при защите Отечества. Особым патриотизмом нельзя объяснить и низкий по сравнению с европейскими странами уровень дезертирства из русской армии – здесь требуются более глубокие исследования (3, с. 192).

С уверенностью можно констатировать наличие в мировоззрении простого солдата сильного религиозного компонента, в котором православная вера тесно связывалась с идеей защиты Отечества. Религиозные основы мировосприятия приобрели особое значение в период наполеоновских войн, поскольку Наполеон был проклят церковью еще в 1806 г. и считался в народе Антихристом. Священники, особенно на территориях,

по которым проходили французские войска, с успехом пробуждали народные чувства против «безбожных захватчиков». Нет причин сомневаться в том, что и простых солдат отличал такой «религиозный патриотизм». Однако к этой трактовке следует подходить с большой осторожностью, пишет Хартли. В то время в русской армии было уже довольно большое количество неправославных. Кроме того, указывает исследовательница, гораздо бóльшую мобилизационную роль играла неприязнь к полякам, составлявшим немалую часть наполеоновской армии (3, с. 193–194).

Что касается возможностей изучения патриотизма офицерского корпуса, то здесь историки располагают необходимым количеством документов. Тем не менее русская дореволюционная и советская историографии по разным причинам избегали этой темы. Для дореволюционных историков «неудобным» оказался тот факт, что многие герои 1812 г. стали борцами против самодержавия. Советские историки, наоборот, посвятили много трудов изучению декабристского движения как предтече большевизма. Правда, рассматривали его, как считает Дж. Хартли (ни разу не сославшийся на авторитетнейшие труды Ю. Лотмана), обособленно от войны 1812 г. (3, с. 195).

Патриотизм, безусловно, является одновременно локомотивом в формировании национальной идентичности и ее важным элементом. Его изучение позволяет углубить наши представления о том, как выработывалось русское национальное самосознание. Однако точнее определить место «грозы двенадцатого года» в истории русского национализма возможно только в рамках более широкого подхода к вопросу национальной идентичности.

О национальном самоощущении российских элит

Становление национального самосознания российской правящей элиты приходится на послепетровскую эпоху, пишет американский историк Шон Поллок (9). Это рудиментарное сознание чаще всего выражалось двумя способами: как гордость завоеваниями и тем, что Россия правит многими народами, и как беспокойство по поводу угрозы, которую для русского государства могут представлять иностранцы. Третья тенденция фокусировалась на отношении к суверену и Отечеству и соединяла традиционные воззрения с идеями гражданской нации. Для XVIII в. были характерны широкие дефиниции национальности, но затем наметилась тенденция к более узкому пониманию: ее главными признаками стали считать профессиональную принадлежность и язык (9, с. 124).

После того как Французская революция сформировала современный национализм и вдребезги разбила старую систему международного миропорядка, проблема национальной идентичности приобрела для российской

элиты особую остроту, пишет А. Мартин. В начале XIX в. «националистически настроенные писатели и чиновники способствовали формированию такого общественного климата, в котором абсолютная монархия, традиционная социальная иерархия, православная вера и «русскость» в обиходе и культуре рассматривались как самая суть национальной идентичности, антитезисом которой была послереволюционная Франция» (6, с. 148).

При этом, отмечает А. Мартин, царь и его окружение оставались достаточно индифферентны к этим идеям; в их концепции имперской судьбы России не было сильного этнического компонента. Очевидна ориентация Александра I на Европу как во внешней политике (Священный союз был организован на космополитических, экуменических началах), так и во внутренней (конституции, дарованные Финляндии и Польше, отмена крепостного права в Прибалтике). Симптоматично, что Александр не любил Москвы и предпочитал вспоминать европейские кампании 1813–1814 гг., а не войну 1812 г., где его роль была гораздо менее героической (6, с. 149–150).

Согласно общепринятым в историографии представлениям, русское национальное самосознание поначалу являлось прерогативой образованной элиты и формировалось в процессе ее европеизации. Полемизируя с историками старшего поколения, Ш. Поллок предлагает пример иной модели ассимиляции и русификации в многонациональной империи. Его дает биография П.И. Багратиона. По мнению Поллока, представление о том, что значит быть русским, выковывалось в институте, который являлся главным инструментом создания Российской империи и «колыбелью русской нации», – в армии (9, с. 118–119). Как пишет автор, Багратион сражался с турками и поляками при Екатерине II, с революционной Францией при Павле I, шведами, турками и наполеоновской Францией – при Александре I, так что он в буквальном смысле слова находился в авангарде территориальной экспансии Российской империи. Именно благодаря непосредственному участию в «имперском проекте» у него сформировалось «рудиментарное русское национальное самосознание», в котором конфессиональные и этнолингвистические идентификации «питали чувство принадлежности к русскому народу». Поэтому Багратион считал себя не просто верноподданным государя, но «чистым русским» (9, с. 123).

Во времена Багратиона, пишет Поллок, космополитический характер офицерского корпуса не отменял национального характера армии в целом. Рекрутированные из крепостных крестьян рядовые солдаты, в большинстве своем принадлежавшие к «великорусской нации», полностью утрачивали связь со своей деревней, армия становилась для них «домом и отечеством». Их религиозное мировоззрение, в котором доминировали патерналистские образы и метафоры, вполне соответствовало концепции Отечества, базировавшейся на личной преданности царю. По мнению ав-

тора, в мировоззрении князя Багратиона было гораздо больше общего с рядовыми солдатами, нежели с высокопоставленными офицерами. Он не получил формального образования, не знал иностранных языков, не читал книг, да и его манеры не отличались изысканностью. Таким образом, пример Багратиона не вписывается в традиционную историографическую концепцию русской армии, согласно которой между солдатской массой и офицерами лежала непреодолимая пропасть (9, с. 130–131).

Отец-командир в духе Суворова, Багратион полностью разделял его военную стратегию, согласно которой отступление считалось предательством. Наиболее ярко это проявилось сразу после вторжения Наполеона в Россию. К тому времени Багратион уже прославился своей храбростью, после Аустерлицкого сражения его чествовали как национального героя. Он стал воплощением антифранцузских чувств в армии и предводителем «русской партии» при дворе. В статье подробно рассматриваются его столкновения с Барклаем де Толли, которого Багратион критиковал с позиций «русского патриота». Столкновения развернулись вокруг стратегии и тактики в начавшейся войне: в соответствии с суворовской доктриной Багратион и его сторонники считали отступление и выжидательную позицию Барклая де Толли предательством. Непопулярна эта стратегия была и в обществе. А поскольку сторонники оборонительной позиции в большинстве своем являлись «демонстративно нерусскими», пишет автор, противоречия приняли форму борьбы патриотов с «иностранными» врагами – внешними и внутренними. Провозглашалось, что Барклай и его советники, не будучи православными, не могут верой и правдой служить русским интересам, и по мере отступления войск, хотя и санкционированного императором, эти настроения превратились в своего рода национальную паранойю (9, с. 134, 136).

Присутствие иностранных войск на территории России оскорбляло национальные чувства, а сдача Смоленска, этого «первого истинно русского города», была воспринята как национальный позор. Вину за него возлагали на Барклая де Толли, которого упорно считали иностранцем, несмотря на его русское подданство и многолетнюю службу в русской армии. Решающее значение имели для патриотов такие вещи, как иностранное имя, предпочтение немецкого языка русскому и лютеранство командующего. Автор отмечает, что далеко не все разделяли тогда эту позицию и приводит пример гораздо более широкого видения проблемы национальной принадлежности – взгляды Н.И. Греча, которые Полок, однако же, считает устаревшими, свойственными XVIII в.

Замечая, что вопрос о принадлежности к русскому народу стал волновать Багратиона в годы войны 1812 г. и его борьбы за власть с Барклаем де Толли, автор указывает на «ситуативное и инструментальное» применение термина «русский». В то же время, заключает он, понимание Багра-

тином «русскости» предвосхитило и «официальный национализм» Николая I, и этнокультурный национализм, выдвинувшийся на первый план в Европе второй половины XIX в. В эпоху империализма 1870–1918 гг. он развился в шовинистический национализм расовой и культурной исключительности (9, с. 142).

О специфике изучения массовой военной патриотической культуры

Что касается национальной самоидентификации населения Российской империи в целом, в которую Отечественная война 1812 г. внесла фундаментальные качественные изменения, то здесь следует отметить наличие противоборствующих оценок. Историки единодушны в том, что антиклерикализм Наполеона и его практика ограбления населения возбудили всеобщее возмущение против нашествия «двунадесяти языков». Как пишет А. Мартин, Великая армия с ее панъевропейским составом и революционной идеологией (квинтэссенцией западного агрессивного рационализма) вторглась в Россию, но была перемолота «первобытными силами русской жизни». Горящие города, народные мстители (крестьяне и казаки), огромные пространства империи и, наконец, безжалостный климат – все эти проявления «стихийной русскости» укрепляли глубокое чувство национальной гордости и исключительности у представителей образованного общества (6, с. 155). Население страны не понимало «революционных принципов Просвещения» наполеоновского режима и отнюдь не симпатизировало им. Наполеоновское вторжение, по мнению Мартина, оценивалось народом с точки зрения традиционной (домодерной) религии и идеологии. Это мнение вполне согласуется со взглядами социальных историков Дж. Хартли и Р. Стайтса (3; 6, с. 156; 10).

Однако в последнее время благодаря привлечению новых видов источников в изучении национального самосознания простого народа был сделан определенный прорыв. Совсем недавно историки-русисты начали использовать визуальные материалы – прежде всего те, которые носят массовый характер: лубок, карикатуры, плакаты, вывески и проч. В эпоху формировавшейся потребительской культуры в них, по мнению Х. Яна, отражались идеи, мечты и представления самых широких слоев населения (5, с. 55).

На визуальных источниках основаны монография С. Норриса «Война образов» о лубочных картинках и военной патриотической культуре в России, берущей начало в 1812 г. (7), и статья М. Пелцер «Крестьяне, казаки, «черный царь»», посвященная русской антинаполеоновской карикатуре 1812–1814 гг. (8). Оба автора сосредоточивают свое внимание на образном выражении понятия «русскости» (посредством предназначавшихся для народа картинок и карикатур). В то время как М. Пелцер указывает на

принадлежность русских карикатур к иной, отличной от Запада изобразительной традиции, С. Норрис усматривает параллели в работах авторов наиболее известных лубков И. Теребенева, И. Иванова, А. Венецианова и, например, знаменитого британского карикатуриста И. Крукшенка.

По мнению Норриса, русские художники не только заимствовали изобразительные приемы у своих британских коллег, но и находились в русле общеевропейских тенденций эпохи национализма. Тогда наблюдался бурный интерес к массовому «производству» «народных образов» (образов «народа»), которые должны были обеспечить символами и сюжетами формировавшиеся национальные общности (7, с. 7). По словам Норриса, в 1812–1815 гг. лубок пережил настоящий бум и стал важным источником национальной идентичности в императорской России.

Широко разошедшиеся по всей стране лубки времен Отечественной войны, с одной стороны, отражали хронику событий, с другой – формировали визуальный образ врага, в противопоставлении (противостоянии) которому артикулировались русские национальные черты. Одним из центральных образов лубочных карикатур сначала был Наполеон; после отступления из Москвы объектом наиболее частых насмешек стала французская армия. Лубки 1812–1813 гг. изображали героизм русских солдат, крестьян и казаков. Они показывали военное, умственное и моральное превосходство русских над французами. Ко времени изгнания французской армии из России центральное место в народных картинках занял император Александр I как организатор победы над врагом. Его лубочные изображения и тексты под ними славят триумфатора, «освободителя Европы» и подчеркивают божественный характер его власти (7, с. 19–20, 25).

Лубки эпохи 1812–1815 гг. иллюстрировали «русскость», выявляя именно национальные черты (хотя Россия и была в то время многонациональной империей). Наряду с изображением народного героизма и смелости в них подчеркивалась такая важная особенность русской идентичности, как преданность «вере, царю и Отечеству» и даже готовность погибнуть за эти идеалы. Православная вера, неразрывно связанная с патриотизмом, и была тем, что отличало русских от французов («басурманов») (7, с. 24).

Подчеркивая необыкновенный коммерческий успех лубков 1812–1815 гг., Норрис отмечает, что в последующих войнах темы, символы и мифы, выработанные в грозную пору наполеоновского нашествия, возникали вновь и вновь. В целом же, полагает он, лубки содействовали утверждению в русской культуре мифа о том, что победа русского народа над Наполеоном «доказала» превосходство России над «хитрым врагом» (7, с. 13, 35), господствующее и по сей день.

Отечественная война и мифы русской культуры

Война 1812 г. стала одной из ведущих тем первых русских исторических романов 1830-х годов, написанных в романтическом духе. Сами события, стремительные и драматические, содержали в себе мощный мифологический потенциал, отмечает специалист по истории русской литературы Д. Унгуряну (11, с. 28). В центре популярных романов М.Н. Загоскина была русская нация, которая хотя и изменилась со Смутного времени, но сохранила свои основные черты, в его интерпретации сводившиеся к пресловутой триаде «православие, самодержавие, народность». Однако Загоскин выделял и другие качества русского характера – открытость, смекалку, удачу, молодечество.

Этапным событием для формирования «мифа 1812 г.» стала публикация эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». Историографические находки и философские размышления слились в романе в «квазинаучный анализ прошлого», который, по мнению Д. Унгуряну, обладает убедительностью (11, с. 120). Литературоведы обнаруживают в «Войне и мире» Толстого многие элементы романтических романов 1830-х годов, да и его образ «русскости» содержит некоторые обертоны позднего славянофильства. Более того, как отмечает Д. Унгуряну, даже триада Толстого «простота, доброта и правда» перекликается с триадой графа Уварова. Поглощенность автора всем «русским», безусловный патриотизм и подчеркнутая идентификация с одной из сражающихся сторон также указывают на близость с романтической традицией и романтическим националистическим дискурсом (11, с. 106).

Тем не менее именно реализм романа Толстого с его вниманием к мелким «прозаическим» деталям быта явился причиной нападков на него ветеранов войны 1812 г. – людей эпохи романтизма с иным пониманием патриотизма и законов его изображения в художественном произведении. Ветераны (в частности, князь П.А. Вяземский) обвиняли Толстого в искажении действительности и главное – в принижении истинного героизма эпохи Отечественной войны. Однако сопоставление их мемуаров с текстом романа показывает, что и сами участники войны сосредоточивались в основном на бытовых деталях, а не на «высоких» смыслах.

Неприемлемой для ветеранов-романтиков была философия истории Толстого, его презрение к так называемым «великим людям» и «героям». С их точки зрения, это делало историю бессмысленной, было равносильно отрицанию божественного провидения, которое проявляется через деяния великих людей (11, с. 116). Неприемлема для ветеранов – представителей старшего поколения была и толстовская демифологизация истории, стремление «противоречить принятой точке зрения на 1812 г., бытующей в народной памяти». Фактически, замечает Д. Унгуряну, если отойти от

литературоведческих определений «конфликта между романтизмом и реализмом», это было «столкновение эпох, или культурных парадигм» (11, с. 109).

Однако со временем роман Толстого начали воспринимать как более авторитетный, чем какие-либо свидетельства современников, которые казались тенденциозными, чрезмерно патриотическими и слабыми в художественном отношении, пишет Д. Унгурияну. Возражения ветеранов Отечественной войны игнорировались также по той причине, что их воспоминания могли быть искажены «мифом 1812 г.». В своем стремлении демифологизировать историю Толстой парадоксальным образом создал собственный миф 1812 г., который оказался настолько могущественным и привлекательным, что накрепко укоренился в русском национальном сознании (11, с. 124).

Историки-русисты считают, что в России сложилось два противоборствующих мифа об Отечественной войне. Для декабристов и Толстого это была народная война, время взросления русской нации, которая после триумфального вступления в Париж присоединилась к семье европейских народов. Для консерваторов, защитников статус-кво, война символизировала триумф самодержавного принципа, благодаря которому Россия спасла Европу от наполеоновского нашествия и «Бог избрал Россию для устройства нового европейского миропорядка». Два этих образа (национального освобождения и имперского спасения) находились в постоянной борьбе между собой. По одну сторону был роман Толстого – настоящая народная драма, по другую – многочисленные монументы, символизировавшие мощь империи (в том числе храм Христа Спасителя), произведения искусства (например, знаменитая увертюра Чайковского «1812 год»).

Пятидесятилетие победы над Наполеоном совпало с тысячелетием России. Александр II перенес празднования в Новгороде с весны 1862 г. на 26 августа – день Бородинской битвы и его собственной коронации в 1856 г. Таким образом, три даты сливались воедино, что должно было представить самодержавие национальным институтом, освященным победой 1812 г. и древним, как сама Россия (1, с. 137–139).

1812 год и мировоззренческие основы общественной консолидации

В том же духе, но несколько иначе трактуется наследие войны 1812 г. в статье А. Мартина. Отечественная война в России, так же как и освободительная война 1813 г. в Германии и война за независимость в Испании 1808–1814 гг., стала материалом для создания двойственной патриотической легенды, пишет он. Либерально-националистическое прочтение войны нашло свое выражение в романе Толстого «Война и мир» и заняло видное место в культурно-историческом сознании. Однако не менее зна-

чительное место в наследии 1812 г. занимали и отнюдь не либеральные явления, вызванные тем ощущением уязвимости, которое неизбежно возникает во времена исторических катаклизмов. Война внесла немалый вклад в усиление ксенофобии и реакционного национализма (того, что можно назвать «параноидальным стилем в политике России»), вызвала откат к социальному консерватизму. Религиозность и милитаризм использовались в качестве инструментов послевоенного государственного строительства (6, с. 146).

После войны возобладал интерес к историческим корням и этнокультурным особенностям русского народа. Развивается националистическая концепция русской истории, основой которой стала борьба с польскими оккупантами в Смутное время. В результате представление о вековом единстве алтаря, трона и русского народа в 1830-е годы становится официальной идеологией. Несмотря на убежденность ряда представителей образованного общества в том, что победа над Наполеоном давала нации право на свободу, большинство принимало националистическую концепцию, отмечает А. Мартин. Ее главные положения: фиксация на московской истории и русской этничности, ощущение национальной уникальности, признание морального превосходства простого народа и его духовной связи с режимом. Исследователь полагает, что в связи с распространением образования и пропагандистской кампанией времен войны с Наполеоном эти взгляды могли получить распространение среди населения в целом (6, с. 150–151).

Обращаясь к характеристике российской политической культуры, Мартин указывает, что присутствовавшие в ней националистический компонент и концепция политики как заговора были многократно усилены в ходе наполеоновских войн и имели тенденцию к слиянию. Истоки теории заговора обнаруживаются не только в российских реалиях. Определяющим, как утверждает автор, было влияние Запада: там распространилось убеждение, что начавшиеся в 1789 г. и не утихавшие в XIX в. революционные события и бунты являлись следствием заговора, имевшего целью уничтожение монархии, религии и существующего строя во всем мире (6, с. 152).

Центром русской версии этой теории были предатели, засевшие на самом верху: социальные аутсайдеры, как М.М. Сперанский, или этнически нерусские, как остзейский немец Барклай де Толли и поляк А. Чарторыйский. После 1814 г. Александр I и его окружение были убеждены в существовании некоего подрывного «комитета», базировавшегося в Европе, в то время как его критики считали созданное императором Библейское общество частью англосаксонского заговора против русского православия. Парадоксально, отмечает Мартин, что при этом не было предпринято никаких мер против реального заговора декабристов (6, с. 153).

Наполеоновская империя создала в Европе новую форму государства, в которой сочетались милитаристская элитарность и мобилизация народа, империалистический шовинизм и романтический миф о «карьере, открытой для таланта». Послевоенное русское общество должно было делать с этим наследием, чтобы сохранить способность режима к интеграции, контролю и мобилизации нации, но при этом избавиться от эгалитарных тенденций.

Религия явилась важным инструментом стабилизации и «структурирования» послевоенного общества. Под сильным британским и немецким влиянием в России ширилось движение масонов, возникли кружки пиетистов, организовалось Библейское общество. Во внешней политике эта идеология проявилась в создании Священного союза, во внутренней – в организации Министерства духовных дел и народного просвещения, призванного реформировать моральный уклад российского общества. Однако уже к середине 1820-х годов стало очевидно, что попытки выстроить культуру и политику России и Европы в духе библейского христианства провалились. В России был восстановлен авторитет православной церкви. В конечном счете традиционная идеологическая связь между режимом и православием после 1812 г. усилилась, пишет А. Мартин (6, с. 158–159).

Второй силой, структурировавшей русское общество, являлся милитаризм, который ассоциировался с централизованным, иерархически организованным и эффективным правительством. Автор напоминает, что с 1790-х годов Россия почти перманентно находилась в состоянии войны, в условиях постоянной мобилизации народа. Кроме того, милитаризм со времен Павла I рассматривался в качестве воспитательного средства для противодействия революционной идеологии. В отличие от наполеоновского милитаризма, отдававшего предпочтение эгалитаризму как средству объединения и мобилизации нации для проведения империалистической внешней политики, его русский аналог фокусировался на символических элементах, внушающих уважение к иерархии. Предпочтение отдавалось муштре, военизации учебных заведений, включая церковные, в то время как боеготовность не совершенствовалась (6, с. 159).

Однако опыт наполеоновских войн разрушил традиционные модели общественного устройства и, кроме того, вызвал повышенные социальные ожидания. Так, крестьяне надеялись на законное освобождение от крепостной зависимости после победы над Наполеоном. Крестьянская война, поднимавшаяся против французов, могла, как и в Испании, нести в себе угрозу режиму. Другой параллелью с Испанией было появление тайных обществ офицеров, стремившихся к радикальным политическим изменениям. Декабристы пытались по-своему разрешить те кризисные явления, которые стали особенно очевидными в послевоенное время (6, с. 161).

В патриотизме декабристов, пишет Дж. Хартли, не приходится сомневаться, однако правительство имело основания считать его опасным. Опыт войны 1812 г. показал, что патриотизм «двулик», двуосновен. Он полезен, когда речь идет о мобилизации человеческих и материальных ресурсов для борьбы с врагом, но становится угрозой для режима, когда с патриотических позиций выдвигаются требования фундаментальных политических и социальных изменений. Декабристы считали их справедливым «вознаграждением» за те жертвы, которые принес русский народ, защищая Отечество и освобождая Европу от тирании Наполеона. Патриотизм, таким образом, следовало строго контролировать, жестко привязывая к консервативным ценностям – самодержавию, православию и к той неопределенной сущности, которая именуется «русскостью».

Именно эта форма патриотизма культивировалась в царствование Николая I. Однако в условиях, когда относительное число этнически русских в империи неуклонно сокращалось, такая «формула» национальной идеологии не могла служить стабильным, долговременным основанием ни для русского патриотизма, ни для самого государства (3, с. 196). Она нуждалась в подкреплении безусловными образами, мобилизующими воспоминаниями. 1812 год был в этом смысле просто находкой. По мнению Дж. Хартли, созданный царским и советским правительствами образ «патриотической» войны влиял на русское и советское общества гораздо больше, чем само наполеоновское вторжение (4).

Список литературы

1. Figs O. *Natasha's dance: A cultural history of Russia*. – N.Y.: Metropolitan books, 2002. – XXXIV, 728 p.
2. Forrest A., François É., Hagemann K. Introduction // *War memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in modern European culture* / Ed. by Forrest A., François É., Hagemann K. – Houndmills; Basingstoke; Hampshire; N.Y., 2012. – P. 1–37.
3. Hartley J. The patriotism of the Russian army in the «patriotic» or «fatherland» war of 1812 // *Popular resistance in the French wars: Patriots, partisans and land pirates* / Ed. by Esdaile Ch.J. – Basingstoke; N.Y., 2005. – P. 181–200.
4. Hartley J. *Russia and Napoleon: State, society and the nation* // *Collaboration and resistance in Napoleonic Europe: state formation in an age of upheaval, c. 1800–1815* / Ed. by Rowe M. – Basingstoke, N.Y., 2003. – P. 186–202.
5. Jahn H.F. «Us»: Russians on Russianness // *National identity in Russian culture: An introduction* / Ed. by Simon Franklin S., Widdis E. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2004. – P. 53–73.
6. Martin A.M. *Russia and the legacy of 1812* // *Cambridge history of Russia*. – Vol. II: *Imperial Russia, 1689–1917* // Ed. by Lieven D. – Cambridge, 2006. – P. 145–161.
7. Norris S.M. *A war of images: Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945*. – DeKalb: Northern Illinois Univ. press, 2006. – XIII, 277 p.
8. Peltzer M. *Peasants, cossaks, «Black Tsar»: Russian caricatures of Napoleon during the wars of 1812 to 1814* // *War memories: The revolutionary and Napoleonic Wars in modern Euro-*

- pean culture / Ed. by Forrest A., François É., Hagemann K. – Houndmills; Basingstoke; Hampshire; N.Y., 2012. – P. 269–290.
9. Pollock S. «As one Russian to another»: Prince Petr Ivanovich Bagration's assimilation of Russian ways // *Ab imperio*. – N.Y., 2010. – N 4. – P. 113–142.
 10. Stites R. Serfdom, society and the arts in imperial Russia: The pleasure and the power. – New Haven: Yale univ. press, 2005. – XIII, 586 p.
 11. Ungurianu D. Plotting history: The Russian historical novel in the Imperial Age. – Madison: Univ. of Wisconsin press, 2007. – XII, 335 p.
 12. Wesling M.W. Napoleon in Russian cultural mythology. – N.Y.: P. Lang, 2001. – XVI, 196 p.

ЭНГЕРМАН Д.

***ЗНАЙ СВОЕГО ВРАГА:
ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ЭКСПЕРТОВ
ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ
(Реферат)***

Engerman D.C.

**Know your enemy: The rise and fall of the America's Soviet experts. –
N. Y.: Oxford university press, 2009. – XII, 459 p.: ill.**

Исследование Дэвида Энгермана (Брандейский университет, Уолтем, Массачусетс) посвящено истории американской советологии – научного направления, возникшего во второй половине 1940-х годов и имевшего своей целью всестороннее изучение Советского государства и общества. Автор рассматривает организацию исследовательской работы, ее финансирование, эволюцию концептуальных подходов, историю отдельных научных учреждений, биографии и творчество специалистов-советологов.

Сама идея тесного сотрудничества правительства и военных с академической наукой (союз «Марса и Минервы») получила широкое распространение только в период Второй мировой войны, когда сформировался американский «военно-промышленно-научный комплекс», в рамках которого была создана, в частности, атомная бомба. Хотя это была по преимуществу «война физиков», т.е. специалистов по естественным и техническим наукам, военно-политическое руководство США тогда осознало важность исследований и в области общественных и гуманитарных дисциплин. Тогда, к примеру, изучались немецкое и особенно японское общество и культуры.

С началом холодной войны особую актуальность приобрело изучение Советского Союза как главного потенциального противника США. Между тем в середине 1940-х годов по-настоящему квалифицированных экспертов-советологов в Америке почти не было, так что целую научную отрасль пришлось создавать в сущности с нуля. За довольно короткий срок была налажена подготовка специалистов, созданы профильные ис-

следовательские институты, появились тематические журналы и другие необходимые элементы научной инфраструктуры. Особенностью нового направления стала уникальная ситуация с фактическим материалом: западные ученые в большинстве своем не имели возможности посетить СССР и тем более получить доступ к советским архивам и поэтому были вынуждены довольствоваться той скудной информацией, которая просачивалась из-под железного занавеса. Ситуация немного улучшилась в период «разрядки», но кардинальные изменения произошли только после крушения коммунистических режимов.

Американская советология финансировалась по самым разным каналам: в число спонсоров входили Госдепартамент, Пентагон, управления отдельных видов вооруженных сил, частные благотворительные фонды. То, что отрасль в целом в соответствии с первоначальным замыслом, была ориентирована на прикладные исследования, обусловило ее междисциплинарный характер. Тематический охват был исключительно широким, особенно в первые годы: в поле зрения американских советологов оказались не только Советское государство, общество, экономика, но и история России и СССР, русская культура, язык, литература. Любопытно также, что вопреки распространенному заблуждению спектр политических предпочтений среди специалистов по Советскому Союзу был довольно пестрым, особенно на первых порах: среди них можно было встретить социал-демократов европейского склада и даже коммунистов. Заметная политизация советологии обозначилась позже, в 1960–1970-е годы.

В своем исследовании автор опирается на довольно обширный массив источников, включая научные работы, публикации в прессе, архивные документы и собственные беседы со специалистами, работавшими в описываемый период. Заметный пробел в источниковой базе составляют документы ЦРУ и материалы из советских архивов: и те и другие по большей части до сих пор не рассекречены. Значительный объем доступного материала обусловил довольно жесткие рамки исследования: работа Энгермана охватывает только американскую советологию, в ней не описываются исследования стран социалистического блока и отдельных советских республик (кроме РСФСР), деятельность отдельных специалистов и организаций рассматривается выборочно, преимущественное внимание уделяется тем авторам и публикациям, которые оказывали наибольшее влияние на отрасль в целом на различных этапах ее развития. «Я старался делать свой выбор настолько аккуратно, насколько это возможно, — отмечает Энгерман, — но я слишком хорошо знаю, что другие историки плюс сами специалисты по Советскому Союзу со мной бы не согласились» (с. 10). Не затрагиваются в книге и гендерные аспекты, поскольку русистика довольно долго (примерно до середины 1980-х годов) оставалась по

преимуществу мужским сообществом, что нехарактерно для американской академической науки в целом.

В первой части книги (три главы) описывается становление американской советологии. Исследования в области русистики проводились в США задолго до начала холодной войны. Одним из пионеров в этой области был Университет Беркли, где русский язык начали преподавать еще в 1901 г. Тем не менее в течение долгого времени русистика не относилась к числу по-настоящему востребованных научных направлений. Активная подготовка специалистов началась только в 1930-е годы; тогда же появились первые научные коллективы, сосредоточенные на изучении России. Ситуация изменилась с началом Второй мировой войны, когда американское военно-политическое руководство столкнулось с острым дефицитом экспертов по Японии, главному военному противнику США, и по Советскому Союзу, одному из главных партнеров по антигитлеровской коалиции. Именно в тот период начала формироваться американская советология как самостоятельная отрасль научных исследований, в значительной степени нацеленная на содействие правительственным органам в выработке политической стратегии. Тогда же обозначился и ее междисциплинарный характер, поскольку «армейских офицеров и дипломатов не интересовало, относится ли та или иная проблема к политологии или экономике, им требовались ответы на конкретные вопросы. А ответы на наиболее важные политические вопросы: устоит ли СССР в войне с Германией, насколько большое значение будет иметь помощь по ленд-лизу для его боеспособности, каковы будут его приоритеты после войны – не могли быть получены в рамках одной отдельно взятой дисциплины» (с. 26–27).

Исследования финансировались как государством, так и частными фондами – прежде всего фондами Рокфеллера и Карнеги, позднее также Фондом Форда. Работа продолжилась и во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов. Основными ее центрами стали Русский институт Колумбийского университета (сейчас Институт Гарримана), созданный в 1946 г., и Центр русских исследований Гарвардского университета, открывшийся в 1948 г. В последнем особое внимание уделялось исследованиям на стыке так называемых наук о поведении – антропологии, психологии, социологии – с целью комплексного изучения общества. Тогда же начались первые эксперименты с региональными исследованиями, предполагающими междисциплинарное изучение отдельных стран и регионов мира. На этой методологической основе строилась и русистика. Колумбийский университет финансировался в основном Фондом Рокфеллера и, кроме того, тесно сотрудничал с американской армией и флотом. Гарвард, финансируемый корпорацией Карнеги, поддерживал тесные связи с ЦРУ и командованием Военно-воздушных сил. Даже деятельность сенатора Дж.Р. Маккарти, хо-

тя и имела последствия для ученых-советологов, не остановила развитие новой отрасли.

В те годы были весьма популярны крупные коллективные междисциплинарные исследовательские проекты в рамках общественных наук, финансируемые государством и нацеленные на конкретный практический результат. По сути, это была попытка воспроизвести организационную схему, неплохо зарекомендовавшую себя в годы войны. Наиболее успешным проектом такого рода стало проведенное в начале 1950-х годов Гарвардским университетом интервьюирование выходцев (перемещенных лиц) из СССР, проживавших в Западной Германии. Любопытно, что одним из основных спонсоров исследования были американские ВВС, чье командование было заинтересовано в сведениях практического характера о состоянии советского общества, его сильных и слабых сторонах и вероятной реакции на войну с Соединенными Штатами, если таковая произойдет. Участники проекта тем не менее понимали свои задачи гораздо шире, и результаты их работы имели не только прикладное, но и сугубо познавательное значение: был собран колоссальный по объему материал, характеризующий самые разные стороны общественного, экономического и политического устройства СССР. Однако довольно быстро стало ясно, что подобная организация научной работы себя исчерпала. Коллективные междисциплинарные проекты сменились индивидуальными исследованиями, проводимыми обычно в рамках одной дисциплины.

К середине 1950-х годов, т.е. к концу первого десятилетия развития американской советологии, ее основными центрами оставались Колумбийский и Гарвардский университеты. Именно здесь в основном были сосредоточены специалисты по Советскому Союзу, здесь защищалась большая часть диссертаций по русистике и славистике, сюда же поступала и основная часть грантов. На протяжении следующего десятилетия отрасль пережила бурный рост, количественный и качественный (число подготовленных специалистов и новых студентов выросло в несколько раз), и значительно расширила свои географические границы, став общенациональной. Начали проводиться национальные научные конференции. Появилось и новое крупное объединение исследователей – Американская ассоциация по развитию славистики (AAASS); число ее членов возросло с примерно 600 в 1960 г. до 2260 в 1969 г.

Дальнейшему развитию отрасли способствовали начавшиеся в середине 1950-х годов научные обмены со странами советского блока. В этих условиях значительно ослабла связь советологии с правительственными учреждениями, усилилась тенденция к специализации ученых-славистов – их деятельность все в большей степени определялась особенностями развития их дисциплин, нежели общим состоянием советологии как отрасли региональных исследований.

В связи с этим автор, описывая во второй части книги период расцвета американской русистики (1950–1960-е годы), рассматривает развитие отдельных ее отраслей (экономика, филология, история, социология, политология), посвятив каждой из них самостоятельную главу. Первые серьезные работы по советской экономике появились еще во время Второй мировой войны, когда политическому руководству США потребовались научно выверенные оценки возможностей нового союзника в борьбе с Германией, потребностей СССР в американской помощи по ленд-лизу и т.д. В годы холодной войны эта работа продолжилась. Ее кульминацией стал выход в начале 1960-х годов сразу трех фундаментальных монографий, подготовленных А. Бергсоном, Н. Джасны (N. Jasny) и Г.У. Наттером. Несмотря на острые разногласия по целому ряду вопросов, все три автора сошлись в том, что реальные темпы экономического роста СССР существенно ниже официально декларируемых и приблизительно соответствуют таковым в наиболее динамично развивающихся капиталистических странах, например в Японии и ФРГ. Отставание СССР от Соединенных Штатов также было оценено как более значительное, нежели утверждалось в советской литературе. Исследователи констатировали, с одной стороны, относительно быстрое восстановление советской экономики после войны, с другой – явное снижение темпов роста; в последующие годы этот процесс только усугубился. Любопытно, что расцвет экономических исследований Советского Союза в США, пришедший на начало 1960-х годов, стал и началом их упадка. Одной из причин этого парадоксальным образом оказались достижения предшествующего периода: СССР постепенно перестал восприниматься как опасный конкурент на мировом рынке, что обусловило снижение интереса к экономической проблематике.

Во второй половине 1950-х годов произошел бурный рост числа исследований по славянским языкам и литературе. Тому было несколько причин: всплеск интереса к русскому языку после запуска первого спутника, большое количество преподавателей-иммигрантов в американских университетах, начало хрущевской «оттепели», которая сделала возможными многочисленными научные обмены и открыла американским исследователям ограниченный доступ к советским архивам. Автор отмечает, однако, что непрерывное увеличение количества специалистов и издаваемых ими работ не сопровождалось качественными сдвигами, что стало очевидным уже к началу 1970-х годов. Отчасти это было связано с тем, что американская славистика в тот период развивалась в известной степени в отрыве от литературоведения в целом, что затрудняло знакомство с теоретическими и методологическими новациями.

Что касается исторической науки, то историей России в американских университетах длительное время занимались в основном русские эмигранты, осевшие в США после революции 1917 г. и Гражданской вой-

ны. Следствием этого была, в частности, заметная политизация исследований, авторы которых так или иначе снова и снова возвращались к вопросу о причинах и альтернативах революции. Большинство публикаций того периода относилось к политической и интеллектуальной истории. Ситуация начала меняться на рубеже 1950–1960-х годов. Новые поколения историков-русистов стали активнее применять в своей работе разнообразные методологии, созданные специалистами по истории других стран и эпох, и, кроме того, получили возможность посещать СССР по обмену и имели ограниченный доступ к советским библиотекам и архивам. Если до этого политическая и интеллектуальная история изучались в основном по опубликованным источникам (политическая – главным образом по мемуарам), то теперь расширившаяся источниковая база сделала возможной работу в таких областях, как социальная история, история простого человека, история рабочего класса и рабочего движения и др. Значительно расширились и хронологические рамки исследований, возрос интерес к истории дореволюционной России. Русистика, еще недавно развивавшаяся достаточно обособленно, постепенно становилась органической частью мировой исторической науки. Большую известность в 1960–1970-е годы получила научная школа П.А. Зайончковского – среди его учеников были и 16 американцев, в том числе Т. Эммонс, Д. Филд и др. Зайончковский был одним из немногих советских исследователей, чья деятельность оказала существенное влияние на американскую историческую науку. Его ближайшим «конкурентом» был Н.Н. Болховитинов.

Значительное внимание изучению советского общества уделили также американские социологи. Однако, отмечает Энгерман, наибольших успехов добились авторы, которых сложно отнести к советологам в точном смысле слова. Так, Т. Парсонс, принимавший участие в создании Центра русских исследований Гарварда и входивший в его исполнительный комитет, занимался изучением советского общества, посещал СССР, но рассматривал это лишь как составную часть более обширной работы по созданию общей теории современного общества. Автор приводит и другие аналогичные примеры. По-видимому, здесь сыграл свою роль свойственный социологии универсализм: не отрицая особого характера советского социума, ученые тем не менее рассматривали его как разновидность современного индустриального общества, это позволяло применять к нему универсальные теоретические модели и методы исследования, на которых основывалось и изучение западных обществ. Даже такие исследователи, как А. Инкелес, Г. Маркузе и Б. Мур-младший, авторы специальных работ по Советскому Союзу, не считали себя советологами и занимались, скорее, изучением общества в целом, нежели каких-то отдельно взятых стран.

Вопросы политологии, напротив, анализировались в основном специалистами по советскому блоку, по-прежнему составлявшими достаточ-

но замкнутое сообщество, что заметно ограничивало их возможности. В 1940-е – начале 1950-х годов доминирующей в этой области являлась теория тоталитаризма. Однако по поводу дальнейших перспектив СССР как тоталитарного государства единого мнения не было; некоторые исследователи допускали возможность смягчения режима после смерти Сталина. Начало «оттепели» заставило многих политологов заметно скорректировать свои оценки, поскольку стала очевидной способность советской системы меняться изнутри, что не соответствовало тоталитарной модели в ее первоначальной версии. Дискуссионными оставались вопросы о природе хрущевских реформ (ряд авторов был склонен рассматривать их, скорее, как адаптацию системы к новым условиям, не меняющую ее существенных характеристик) и об их пределах.

Третья часть книги охватывает период с начала 1970-х до начала 1990-х годов. На этом этапе советология переживала тяжелый кризис. Одной из его причин стали экономические неурядицы, приведшие к резкому сокращению финансирования (особенно чувствительным оказалось уменьшение грантов Фонда Форда). В концептуальном плане обозначился относительный застой, положение усугублялось сохранявшейся изолированностью исследователей Советского Союза от остальных ученых. Более того, усиливалась и специализация самих советологов. Выделилось, к примеру, такое самостоятельное направление, как изучение внешней политики СССР, развивавшееся обособленно от политологии в целом, притом что все политологи, специализирующиеся на странах советского блока, по-прежнему были довольно слабо связаны с остальной частью политологического сообщества.

Еще одним источником трудностей стал бурный рост американской русистики в предшествующее десятилетие, поскольку увеличение числа новых рабочих мест в академической науке не поспевало за выпуском новых специалистов-советологов. Особенно трудно пришлось литературоведам и историкам: эти специальности не были востребованы даже в правительственных учреждениях. На перечисленные проблемы наложились многочисленные конфликты по самым разным поводам. Тем не менее отрасль продолжала развиваться, эволюционировала и ее организационные структуры (именно в тот период был создан, в частности, вашингтонский Институт Кеннана, имевший своей целью не только дальнейшее расширение советско-американского научного сотрудничества, но и преодоление разрыва между академической наукой и политической элитой). «Если Советский Союз, – отмечает автор, – не выдержал длительной стагнации, то советология выдержала. Но она уже никогда не была такой, как раньше» (с. 235).

Среди ученых-советологов в тот период наметился серьезный раскол. Ряд крупных специалистов, таких как Р.Э. Пайпс, активно сотрудни-

чавших с государственными структурами, приняли деятельное участие в политической жизни, во многом дистанцировавшись от академической части сообщества. Они критиковали политику «разрядки», выступали за возобновление более жесткого курса в отношении СССР. Многие из них отличались известным консерватизмом и в вопросах внутренней политики – Пайпс, к примеру, резко осуждал студенческие выступления, критиковал университетское руководство за уступки молодежному движению.

В академическом сообществе тем временем набирало силу ревизионистское направление, представители которого – С. Коэн, М. Левин, Ш. Фицпатрик, позднее Х. Куромия, Р. Мэнинг, Г. Ритерспорн, Л. Виола и др. – попытались выработать новый подход к изучению русской и советской истории, отказавшись от теории тоталитаризма как от упрощенной модели. В фокусе их внимания оказались прежде всего позднимперский период как канун революции 1917 г., эпоха нэпа и 1930-е годы. Сомнения в неизбежности революционного взрыва, а также в том, что сталинизм был единственно возможной траекторией развития большевистского режима, обусловили повышенный интерес к исследованию упущенных альтернатив. Характерным для ревизионистов было изучение политической истории в тесной увязке с историей социальной. Публикации ревизионистов вызвали острую полемику, имевшую к тому же сильный политический подтекст, несмотря на их стремление развести в стороны работу историка и политические баталии. Как следствие, в 1980-е годы отрасль вступила сильно разобщенной, причем накопившиеся конфликты, по ироничному замечанию Энгермана, «все больше походили на окопную войну: они привели к большим потерям, но движения вперед почти не наблюдалось» (с. 304).

Этой разобщенностью научного сообщества автор объясняет известную неудачу американских экспертов, которые оказались не в состоянии спрогнозировать крах Советского Союза. По мнению Энгермана, здесь сработала прежде всего их неспособность выработать единую и притом эффективную концептуальную основу, которая позволила бы убедительно объяснить и адекватно оценить то, что происходило в СССР в 1980-е годы. Несмотря на то что еще в начале десятилетия стал очевиден серьезный внутренний кризис коммунистической сверхдержавы, дальнейшие ее перспективы долгое время оставались неясными. Многие специалисты настаивали на том, что стареющее Политбюро не допустит к власти никого, кто мог бы всерьез реформировать систему (любопытно, что институциональный фактор, таким образом, рассматривался как более сильный, нежели человеческий), и режим будет загнивать еще довольно долго. Даже после прихода к власти Горбачева, его способность, да и желание осуществить такие реформы долгое время вызывали сомнения, в особенности у экспертов консервативного толка.

Только в конце 1980-х годов большинство специалистов убедились, что советский режим действительно встал на путь демократизации, однако в самом СССР к этому времени уже начинались экономический спад и политическая дезинтеграция. В американском научном сообществе обсуждались различные сценарии дальнейшего развития событий; некоторые из них (например, рост местного национализма и сепаратизма) были в принципе предсказаны довольно давно. Тем не менее исчезновение в 1991 г. Советского Союза с политической карты мира оказалось для советологов неожиданностью. Вопрос о причинах этой неожиданности стал предметом оживленных дискуссий, причем не только в академической среде: так, эксперты ЦРУ в начале 1990-х годов подверглись жесткой критике в Конгрессе. Автор отмечает, что эти споры, продолжающиеся, хотя и в значительно меньших масштабах, даже в начале XXI-в., оказались едва ли не более жаркими, чем дискуссии собственно о причинах распада СССР.

В эпилоге к книге кратко описываются процессы, протекавшие в научном мире в 1990–2000-е годы. За распадом Советского Союза последовало открытие спецхранов библиотек и рассекречивание части архивных фондов, что кардинально изменило источниковую базу исследований. Расширилось сотрудничество между американскими учеными и специалистами из бывших советских республик и стран соцлагеря. Продолжился начавшийся еще в 1960–1970-е годы процесс интеграции ученых-русистов в сообщества специалистов по отдельным научным дисциплинам и, соответственно, размывания русистики как области междисциплинарных исследований, сфокусированных на определенном регионе.

Любопытно, что, хотя рост мусульманского фундаментализма и теракты 11 сентября 2001 г. были восприняты многими американцами как новый глобальный вызов, это не привело к запуску научного проекта, сопоставимого по своим масштабам с проектом по изучению стран социалистического блока, стартовавшим в 1940-е годы. Исследования мусульманского мира, спонсируемые государством, носят в основном узкотематический, прикладной характер. «Против новых врагов, – отмечает Энгерман, – в новые времена требуются новые решения» (с. 339).

М.М. Минц

ИНТЕРВЬЮ

Ж. РАДВАНИ:
Я ВСЕ-ТАКИ ДУМАЮ, ЧТО РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ,
РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА – ЧАСТЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ¹
(Интервью)

Пивоваров. Жан, у меня к Вам есть один большой – центральный, собственно, – вопрос: как Вы видите современную Россию? Вы проработали здесь четыре года – жили обычной, будничной российской жизнью. И одновременно Вы – западный специалист. В отличие от нас, желающих понять, что происходит в нашей стране, у Вас есть дистанция. Мы либо абсолютные пессимисты – все плохо, завтра катастрофа, либо оптимистичные нормализаторы – все, в общем, в пределах нормы, как всегда. Какова Ваша точка зрения как западного специалиста, видевшего Россию изнутри, – развивается ли страна катастрофически или более или менее нормально, и это не сильно отличается от того, что было?

Радвани. Мне очень трудно сказать, что нормально или ненормально – не только для России, но и вообще. Это зависит от точки зрения. Я начал бы так. В первый раз я приехал в СССР в 1969 г. и с тех пор бывал достаточно регулярно, но несколько дней или недель. И потом я много видел Москву, еще Кавказ, а остальные регионы знал плохо. На этот раз я впервые жил в России долго: четыре года – это порядочный срок.

П. Да, конечно.

Р. И я очень много путешествовал – объездил всю страну, от Камчатки до Калининграда, видел и Север, и Кавказ, и Астрахань, и Оренбург и т.д. Главное мое впечатление – Россия меняется, меняется глубоко, изменения можно наблюдать везде. Но эти перемены сложные, противоречивые и неравномерные, неравноценные. То, что Москва – очень специфический случай, понимают все. Но у нас на Западе часто говорят, что, кроме Москвы, нет ничего интересного; в остальной России все осталось по-прежнему, там ничего не происходит. Есть еще Питер, но это истори-

¹ С Жаном Радвани, руководившем в 2008–2012 гг. Франко-российским исследовательским центром, 28 августа 2012 г. беседовали И.И. Глебова и Ю.С. Пивоваров.

ческий, туристический центр. Я был почти во всех миллионных городах России (кроме одного-двух) – и поражен как раз общими переменами. Но все, повторю, очень по-разному: где-то сдвиги, очевидна какая-то динамика, а некоторые города кажутся просто заброшенными. Владивосток, например, – удивительное место: с одной стороны, этот безумный, неоправданно затратный проект на острове Русский, а с другой – центр города в очень плохом состоянии. Не знаю, возможно, сейчас что-то сделали, потому что был саммит¹. Правда, не в самом городе...

II. Нет.

Р. В последний раз я был там год назад, и удивительная ситуация: заброшенный город – и есть новые здания, видны изменения, но они выборочные – не касаются всего населения. И так везде. И второй момент, тоже очень важный. Я встречался с разными людьми. Многие просто потеряны – у них очень сложная жизнь, мало денег, они не видят перспектив, не способны использовать изменения. А есть другая категория, появление которой меня удивило. Давно, еще в начале 1990-х, я попал в один из маленьких российских городов, Торопец, и познакомился там с женщиной – обыкновенный бухгалтер, родом из Торопца, долгое время работала на Севере. Когда начались изменения, она вернулась в свой город и решила заняться бизнесом. Когда я с ней встретился, у нее было два или три магазина, какая-то оптовая сеть в районах вокруг Торопца.

Такие люди, активные, готовые использовать любые возможности для развития, есть везде. Недавно я был в Красноярске, встретился там с удивительным человеком, который занимается торговлей цветами. Но не на улице стоит, а регулярно принимает один-два «Боинга-747» – это уже совершенно другой уровень бизнеса. Конечно, этот человек может, наверное, многое рассказать о проблемах с таможей, откатами, коррупцией, спекуляцией и т.д. Но он создал свой бизнес и живет этим. Таких людей очень много, они, повторю, везде. Это и есть самое интересное и позитивное, как мне кажется.

Жизнь меняется повсюду, не только в Москве или крупных городах, но ритм изменений совершенно разный. Здесь многое зависит от власти на местах (губернатора, мэра города, хозяина предприятия), от их выбора. Иногда они действуют только для себя, в интересах собственных и своего круга, иногда стараются что-то делать для общего блага. И так, страна меняется, меняется в положительном отношении, но очень трудно оценить масштаб и качество этих изменений. Я говорю не только о своих впечатлениях, но передаю мнение моих друзей, коллег. Конечно, тут многое зависит от личного взгляда, и ясно, что никто не смотрит на Россию ней-

¹ Саммит АТЭС проходил на о. Русский с 2 по 9 сентября 2012 г.

трально. У всех имеется какое-то сложившееся мнение, те рамки, которые во многом определяют взгляд.

П. Да, я понимаю.

Р. Из-за своего опыта, личной биографии люди одни и те же ситуации оценивают совершенно по-разному. Одни обращают внимание в основном на то, что осталось от прежних, советских времен. И этого действительно много. Другие замечают только положительное, а это тоже ошибочно. Надо постараться видеть все – и изменения, и препятствия, и противоречия. В отношении сегодняшней России я, с одной стороны, оптимист: притом что какая-то часть элит покидает страну, все равно остается много активных сил, готовых продолжать процесс изменений, модернизации. Но это, конечно, сложный период, поэтому я одновременно пессимист: не уверен, что настоящая власть действительно сможет разрешить даже те противоречия, которые на виду.

П. Жан, я хотел бы задать Вам вопрос вдогонку к сказанному. Возможно, он покажется вопросом из другой сферы, но... Молодость я прожил в стране, которая была совершенно закрыта от всего мира. Я, например, никуда не мог ездить, жил только «внутренней» жизнью – другой не знал. И так жило большинство населения. Но Советский Союз был – и по существу, и по самоощущению – супердержавой. У советских людей – и тех, кто обслуживал советскую власть, и тех, кто считал себя ее противником, – было ощущение, что они – представители страшной, даже какой-то ненормальной, но огромной страны, от которой многое зависит в мире. Например, довольно известный советский писатель Юрий Нагибин был как-то в Норвегии. Там его прекрасно встречали, и, анализируя причины такого радушия, он писал в дневнике: «А все-таки слаб человек без родины... Я это понял по отношению местных людей ко мне. “Пока есть такие люди, как вы, Россия не погибла” – и робкое, искательное заглядывание в глаза. Конечно, тут было личное отношение, я им пришелся по душе, что редко бывает, но мое обаяние хорошо подкреплялось бесстрашной пехотой, мощной артиллерией, танками, авиацией, очень окрепшим флотом и всей термоядерной мощью самого вооруженного в мире государства»¹. Теперь наша страна перестала играть такую роль. Конечно, так происходит со многими государствами. И в этом есть положительный момент: страна открылась миру, может войти в мир.

Но вот парадокс: потеряв – может быть, смешное с посторонней точки зрения, но для них важное – ощущение представителей великой державы, русские поняли, что мало кому интересны. В Европе мы чужие, там нас не воспринимают даже как восточных европейцев, т.е. в качестве

¹ Нагибин Ю. Дневник. – М.: Изд-во Книжный сад, 1996. – 698 с. – Режим доступа: <http://litrus.net/book/read/101551/DNEVNIK?p=67>

членов сообщества или соседей. Мне кажется, Россия по сравнению с Советским Союзом гораздо более провинциальна, что ли. При открывшейся возможности ездить, читать, слушать, наличии Интернета и т.д. мы стали локальным, замкнутым, никем не интересующимся миром. И нами никто не интересуется. Это, конечно, ощущение русского; более того, очень субъективное – мое личное ощущение. Не думаете ли Вы, что Россия превратилась в не очень важную, не очень интересную, какую-то страну – такими иногда бывают и люди?

Р. Наверное, это так. И тут довольно интересен опыт французов – ведь Франция тоже находится в сходном положении, но гораздо дольше. И это чувство у нас более длительное. В том смысле, что Франция и была, и считала себя великой державой – до 1950–1960-х годов, когда перестала быть империей, потеряла колонии. Французы до сих пор не готовы согласиться с таким понижением статуса. Поэтому существует проблема изменения самоидентификации.

П. Но французы дополнительно получили еще и европейскую идентичность. Конечно, она была всегда, но не так отчетливо выражена.

Р. Да, но пока это чувство европейскости – еще абстракция. Его мало что подкрепляет, кроме евро, да и тот в кризисе. Европейская общность не может для многих заменить французскую идентичность. Я понимаю, для России это очень серьезная проблема; привыкать к потере статуса очень сложно. Многие люди считают, что Россия – уникальная страна, у нее уникальная судьба, собственный уникальный путь развития. По своей территории, местоположению между Европой и Азией она должна играть особую роль...

П. Вы говорите о русских или о французах?

Р. О русских. Так вот, это, как мне кажется, опасная основа для создания новой идентичности. Я географ и довольно часто встречаюсь с теорией моста: мы – мост между цивилизациями, странами, континентами. Мне это кажется похожим на то, как обретение Москвой статуса столицы государства объясняют ее особым местоположением. Но ведь Торопец, Тверь, Владимир и др. тоже очень удачно расположены. Вероятно, превращение в столицу – гораздо более сложный путь, зависящий от многих факторов.

Русские чаще думают о себе, своей стране в «старых» понятиях: огромная территория, богатство природных ресурсов. Но мы знаем: всего этого недостаточно для того, чтобы стать великой державой, играть роль в новом, современном, мире. Территория – не преимущество, а, скорее, дополнительная ответственность: нужны колоссальные деньги, чтобы развивать инфраструктуру для такого пространства. Я знаю, есть предложения отдать или продать какие-то регионы (по примеру Аляски), потому что их

трудно осваивать. Видимо, так эти проблемы не решить. Но я понимаю, насколько они сложны.

Как западный специалист, внешний наблюдатель, я замечаю усталость во многих отраслях России – инфраструктура, железные дороги, авиация, энергетическая сеть и т.д. При всей огромной мощи, газе, нефти с такой «нагрузкой» трудно справиться. Это демонстрирует даже Москва, которая просто тонет в потоке автомобилей. Много делается, но очевидны усталость инфраструктуры, отсталость в тех отраслях, которые определяют позиции любой страны в развитом мире.

П. Я согласен, но хотел бы вернуться к тому, с чего Вы начали, – о встречах с людьми, полагающими, что у России своя уникальная судьба, особый путь. Я готов с ними согласиться – при условии, что у Франции, Германии, Италии, у любой страны есть собственный путь. Но к этой проблеме можно подойти и иначе. Русские утверждают, что у них уникальная судьба. И в определенном смысле это так. Мы не Европа: европейцы никогда не ощущали Россию частью Европы. Лев Толстой или Федор Достоевский признаны большими писателями, но европейцы не считают Россию частью европейского пространства. Разве президент Франции или канцлер Германии станут всерьез размышлять о какой-то большой Европе? Когда-то генерал де Голль говорил о Европе до Урала или до Тихого океана, но это была, скорее, метафора, важная тогда политическая риторика. Не более того.

Вместе с тем Россия – и не Азия. Я, например, долгие годы полагал, что Россия – не Европа, но когда во взрослом возрасте попал в Китай и в Индию, понял: если ты смотришь на Россию из Парижа – это не Европа, а если из Пекина или Дели, то Россия гораздо ближе к Европе, чем к Китаю или Индии. То есть и в Азию мы тоже не попадаем. Тогда остается, что Россия – нечто другое, не Азия и не Европа.

Р. Я все-таки думаю, что российская история, российская культура – часть европейской цивилизации. Понятно, что есть разные регионы, разные влияния; и у нас во Франции тоже было влияние Магриба, Азии. И так практически во всех крупных странах. Поэтому мне кажется, что Россия – часть Европы, имеющая, конечно, свою специфику из-за постоянного смешивания с исламом, Кавказом, Средней Азией.

У вас сейчас происходят процессы, довольно близкие к тем, что можно наблюдать и у нас. Один из самых больших вопросов для современной России – миграция и демография. Тут у нас много сходных проблем. Например, как интегрировать мигрантов, которые – по разным историческим причинам – близки (у вас – из бывших советских республик, русскоязычные, у нас – из бывших колоний, франкоязычные) и в то же время чужды нам (другая религия, другое мировоззрение)? Как предупредить и компенсировать сопротивление коренного населения этому «втор-

жению»? С одной стороны, развивать наши экономики без миграционных сил практически невозможно. А с другой – это создает очень серьезные проблемы, требует новых балансов – демографических, культурных.

В российском обществе я вижу некоторые диспропорции. Произошли существенные сдвиги в материальных условиях жизни, в быту, экономике – они изменились быстрее, чем ментальное. И это совершенно нормально. Кроме того, возник разрыв между новыми экономическими, даже бытовыми элементами, ментальным строем, с одной стороны, и практикой власти, которая тоже запаздывает – с другой. Власти во многом еще действуют в рамках старых, советских традиций, но уже сложились и новые реалии, причем некоторые элементы новизны можно оценивать как либерально-демократические. Ваше руководство полагает – и это, вероятно, правильно, – что у России есть достаточно специфические особенности, поэтому нельзя просто взять опыт американцев или европейцев, а надо создавать что-то другое, совпадающее с потребностями российского общества. Для этого нужно время и, конечно, необходимо быть открытыми и готовыми к изменениям. Последнее, правда, не всегда чувствуется.

П. У меня есть вопрос по Вашей узкой специальности. Это тема Северного Кавказа – одна из ключевых для России в политике, в экономике, в чем угодно. Когда-то А.И. Солженицын – знаковая для российского общества фигура – говорил, что Кавказ надо отделить, отгородить от России: вырыть ров, поставить колючую проволоку – и прощай, Кавказ! Я понимаю, это все весьма карикатурно, но в нашем обществе действительно влиятельна идея – жить без Кавказа. Решать кавказскую проблему предполагается по-сталински: есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы. И другой крайний подход базируется на сталинской же стратегии: поступить с Кавказом так, как Сталин – с чеченским народом. Решить вопрос за сутки – вывезти, уничтожить и проч., т.е. насильственно подчинить.

Такие идеи возникают потому, что проблема существует, всеми осознается, но не решается. Российские фанаты выходят на улицы с нефутбольными лозунгами: «Хватит кормить Кавказ!» В ответ на это власть объясняет, почему «кормить» надо, доказывает: все делается правильно. А вот наши коллеги и друзья из Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) считают, что Кавказ для России будет потерян, так или иначе.

Глебова. Во многом благодаря политике правительства.

П. Да, именно неправильную, неэффективную политику эти люди, гуманитарии, считают угрожающим, провоцирующим, что ли, фактором. Как думаете Вы, географ, занимающийся этим регионом: что делать России с Кавказом? Я понимаю, Вы – не волшебник, но нам интересно Ваше мнение.

Р. Это очень болезненный и сложный вопрос, и ответить на него, конечно, непросто. Когда Вы говорили о предложении Солженицына, я вспомнил: в журнале «Коммерсант-Власть» не так давно был опрос «Что делать с Кавказом?» И люди предлагали то же самое: отделить, построить стену и т.д. Что абсолютно невозможно.

П. Конечно.

Р. Мне кажется, на Кавказе в концентрированном виде проявляются проблемы России вообще. И ответы, и решения могут быть только общими. Вот, говорят, что Кавказ – самый коррумпированный регион, там клановое управление и т. д. Но разве можно бороться с коррупцией на Кавказе и не делать этого в Москве и Подмосковье? Ведь коррупция на Кавказе возможна только в общей коррупционной среде, каковой стала вся Россия. Конечно, у проблем Кавказа другой масштаб, и в силу особенностей региона там есть специфические вопросы, угрозы. Серьезнейшая проблема, на мой взгляд, – это религия, религиозная идентификация. Россия, по Конституции, – светское государство, но те отношения между властью и религией, которые установились в последние десятилетия в ряде регионов (на Кавказе, в Татарстане и т.д.), кажутся мне очень противоречивыми. Государство предложило религиозную программу в школах с правом выбора в отдельных регионах. Как это может действовать? Естественно, Чечня решила, что у них будет ислам.

П. Зато Еврейская автономная область выбрала православие.

Р. Смешно. Ясно, что это очень опасно для страны; такая стратегия ведет к обособлению российских регионов. Это ошибка, и ошибка серьезная.

П. То есть эта стратегия потенциально «работает» на распад страны?

Р. Это сложный вопрос, а решение предлагается простейшее. В то же время внутренняя («местная») ситуация пускается на самотек. Скажем, в той же Чечне есть исламисты – и радикалы, террористы. Это нужно четко различать. Очень многое зависит от того, как ведется политика на местах. Скажем, мусульманина, который ищет настоящей веры, могут классифицировать как потенциального террориста – и применять к нему соответствующие запретительные меры. Или происходят странные вещи: в Дагестане могут закрыть мечеть, арестовать всех молившихся в ней, но ни общественность, ни власти не знают, кто это сделал – МВД, ФСБ... Создается впечатление, что никто (прежде всего руководство республики) не контролирует эти силы, силовые структуры ни за что не отвечают. В конце концов коррупция, неэффективное руководство и т.д. идут в актив радикалов, они это используют.

У нас тоже есть радикалы, террористы, но мы боремся за то, чтобы нельзя было сказать: все мусульмане – потенциальные террористы. Многие специалисты (этнографы, политологи и т.д.) считают, что та стратегия,

которая сейчас применяется, например в Дагестане, опасна. Она не только не может нейтрализовать террористов-радикалов, но и позволяет им привлекать новые силы – особенно молодых людей, которые из-за экономических, социальных проблем готовы их слушать. Межэтнические, межрелигиозные противоречия, особенно на Северном Кавказе, в некоторых регионах Поволжья – один из самых сложных вызовов для российских властей. Коррупция их усугубляет, не позволяя дать адекватный ответ. Но бороться с ней, повторю, надо сначала в Москве. Помните, как при Брежневе начинали кампанию по борьбе с коррупцией в Узбекистане? Конечно, узбеки были недовольны: им показали, что они самые плохие советские граждане, в то время как все завязывалось в центре.

II. Сначалаотреагирую на Ваше замечание о коррупции. Когда-то известный французский ученый Ален Безансон «сочинил гимн» советской коррупции. Он считал ее ненормальным, девиантным проявлением живой жизни – живой реакцией на искусственную экономику. Причем описывал коррупцию как раз на примере Азербайджана времен Гейдара Алиева. Сейчас коррупция убивает Россию.

Но вернусь к теме, близкой Вам, – ислам и Кавказ. Есть принципиальная, историческая разница между республиками Поволжья и Кавказа, входящими в состав РФ. Татары, другие народы Поволжья интегрированы в Россию уже почти пятьсот лет – с середины XVI столетия, когда армия Ивана IV завоевала (или присоединила) эти территории. А раньше было наоборот: русские области входили в улусы, являвшиеся частью Золотой Орды. То есть традиции интеграции более 700 лет. И к тому же эти «локусы» со всех сторон окружены районами, где живут преимущественно русские (Урал, Поволжье).

Что же касается Кавказа, то он ведь завоеван относительно недавно. Сейчас у нас часто говорят: посмотрите, как мудро действовали там цари. Фельдмаршал Барятинский, последний командующий русскими войсками на Кавказе, завершил присоединение (и «усмирение») региона, которое продолжалось сорок лет¹, – и тотчас же кавказские элиты были интегрированы в российские, служили России верой и правдой. Или, например, через несколько лет после взятия Крыма, во время известного вояжа Екатерины II с австрийским императором Иосифом II по вновь присоединенным к России территориям², в личной охране императрицы, ее лейб-гвардии, были крымские татары. Все так. Но посмотрим на события 1917 г.: гряну-

¹ 12 мая 1864 г. занятием русскими войсками урочища Кбааду (ныне Красная Поляна) было завершено присоединение Кавказа к России, начавшееся в 1783 г. А.И. Барятинский – генерал-фельдмаршал, с 1856 г. главнокомандующий войсками Отдельного кавказского корпуса и наместник на Кавказе.

² Таврический вояж Екатерины II продолжался со 2 января по 11 июля 1787 г. Крым был присоединен к России в 1783 г.

ли революция, Гражданская война – и кавказские народы восстали и против белых, и против красных, т.е. против русских, Петербурга и Москвы. Вторая мировая война, немецкие войска подходят к Кавказу, и действительно, часть кавказских народов – не все, но очень многие – поддерживают немцев. Я никого не обвиняю – только констатирую. Поэтому Сталин и решил «кавказский вопрос» кардинально. Начинает рушиться Советский Союз, – и опять Кавказ заволновался.

Мне это напоминает ситуацию, которая была у Франции с Алжиром. И Франция под руководством, как сказали бы русские, «государственников» де Голля – человека консервативных взглядов – ушла из Алжира. Хотя вся алжирская интеллигенция была франкоязычной, французские интеллектуалы (как Альбер Камю) жили в Алжире. Правда, между Францией и Алжиром есть Средиземное море. У нас такого естественного водораздела нет. Но как решить эту проблему, если кавказцы не хотят присутствия русских? Они были вынуждены жить сначала под «белым царем», потом под большевиками, а теперь хотят самостоятельности. Да, Кадыров¹ будет брать федеральные («русские») деньги – это просто выгодно, но ничего не меняет.

Р. Это, повторю, сложный вопрос. Дело в том, что все-таки это одно пространство. Между Россией и Кавказом, как Вы верно заметили, нет моря. Мне кажется, кавказским народам надо доказать, что им интересно быть интегрированными в Россию.

П. Понятно.

Р. Экономически, социально. Это возможно – их ведь не так много. Но для этого действительно необходимо создать ситуацию для компромисса, который потом можно будет развивать экономически (поддерживать отрасли, связанные с общей российской экономикой, и т.п.). Требуются социальные компромиссы, свобода в решении местных проблем (конечно, в определенных рамках). Так было при царе, действовало в советский период. Почему не продолжить? Там ведь много людей, которые хотят спокойно жить и готовы на компромиссы. Местное население необходимо включить в процесс созидания. Происходит же иначе. Вот, например, Сочи 2014. Когда в Красной Поляне планировали олимпийское строительство, никто не вспомнил, что там жили черкесы, адыгейцы. Создалось впечатление, что русские о них забыли, что они просто помеха. Так невозможно создать условия для примирения, для нормальной жизни.

П. Я понимаю.

Р. Конечно, есть и радикалы... Ими тоже нужно заниматься. Они мешают жить значительной части населения. Это и есть социальная основа для нейтрализации террористов и интеграции региона в Россию эконо-

¹ Р.А. Кадыров – президент Чеченской Республики с 2007 г.

мически, культурно, ментально. Но здесь нужны тонкий инструментарий, постоянная работа, большие программы. Вы, к примеру, не учитываете, что это горная территория. Я всегда удивлялся, что в России никогда не было политики для горных территорий. Только в Северной Осетии, да еще недавно в Дагестане принимали какие-то законы о горных территориях, но это местные программы. Общероссийской не было.

П. Интересно. Я никогда не думал об этом.

Р. А во Франции такие специальные программы для горных территорий и их населения принимались – с льготами, соответствующими мерами. Это один из возможных вариантов («сценариев») будущего. Я участвовал в некоторых совещаниях по развитию на Кавказе туристической инфраструктуры. Создается впечатление, что люди, которые предлагают создание там крупных курортов, не хотят иметь дела с местным населением. Они его боятся, поэтому ищут места, где никого нет. Но это невозможно – таких пространств не осталось. Так думали когда-то французские колонизаторы в Северной Африке или русские в Средней Азии. Такая позиция только создаст новые проблемы. На Кавказе есть территории, где нет, может быть, постоянного аула, но по традиции их используют, например, под пастбища. Местные считают эти земли своими, и если вы хотите строить там курорт, нужно обращаться к ним, работать вместе. Необходимо использовать любые возможности для интеграции.

Это касается и истории. У нас идут серьезные дебаты и полемика вокруг вопроса о роли французов в алжирской истории. Одни требуют покаяния, другие – признания: колониальная власть – особый тип влияния; с одной стороны, она создает инфраструктуру, культурные традиции, с другой – разрушает. Для Кавказа проблемы памяти тоже очень актуальны. История оставила там много обид, которые живут в сознании народов. Не только против русских, но и в том числе. Эти обиды никто не хочет трогать – считают, что прошлое лучше не вспоминать; необходимо создавать что-то новое. Но это невозможно. Надо начать заниматься с этими проблемами. А они разные, из различных эпох: из середины XIX в. – геноцид черкесов, например; из XX – проблемы советизации, коллективизации, депортации, «возвращенных» народов (во время депортации некоторые народы из горных районов заставили спуститься в степь, но потом они вернулись, что создало новую ситуацию и свои нерешенные проблемы).

Эти вопросы или вовсе не обсуждаются, или обсуждаются в негативном отношении. Многие местные историки и псевдоисторики создают документально неподтвержденные версии прошлого – и им верят. Так формируется общественное мнение. Профессиональных историков при этом просто не слышат. Государство и местные власти мало что делают, а если и предпринимает что-то, то это имеет негативный эффект. Вот пример: осенью 2010 г., вскоре после назначения Хлопонина, в Пятигорске

открыли памятник Ермолову¹. Местные народы были в ужасе – понятно, *что* это значит, какой знак дают местные или федеральные власти. Так оживляются все исторические обиды. Кавказ – большой клубок проблем, отсюда их сложность.

П. Понимаете, Жан, есть проблемы, которые нельзя «преодолеть». Вот, Вы говорите о псевдоисториках. Они ведь не просто сочиняют, но адресуются к каким-то устойчивым стереотипам, сформировавшимся в национальной памяти. Сейчас Россия отмечает 200-летие войны 1812 г., и здесь центральный момент, наш национальный праздник – Бородино. Франция, Европа, мировая историческая наука считают, что в Бородинской битве победу одержал император французов Наполеон Бонапарт. Для нас, русских, Бородино – символ нашей победы. Хотя с точки зрения военной истории Наполеон был ближе к победе, чем Кутузов, – об этом говорят и некоторые российские историки. Но в общественном сознании Бородино – триумф русского оружия.

Это означает, что мифы, на которых построена культура (а всякая культура на них построена, это нормально), нельзя преодолеть правдой факта, документа, выводами профессиональных историков. Так и в отношении истории Кавказа. Ермолов для русского человека навсегда останется символом победоносной русской армии, а для кавказца – вождем колонизаторов.

Р. Понятно. Но ведь в данном случае речь идет о политике, о достижении согласия. Откройте памятник Ермолову где-то еще, не в Пятигорске и не сразу после назначения Хлопонина. Что же касается мифов, то, конечно, они всегда живы и особенно актуальны в кризисные периоды. После распада СССР разрушились многие основы жизни, мировоззренческие прежде всего. Этим отчасти объясняется – во всяком случае, для меня – своеобразие религиозной ситуации в России. Восстановилась, обновилась Русская православная церковь, что понятно: она традиционна – и настолько, что тяга к ней не была изжита за 70 лет большевистской пропаганды. Интереснее для меня другое: действуют католические и протестантские храмы, существуют секты, развиваются местные культы (я это видел в Хакасии, Иркутской области и др.), возникают какие-то фантазии на религиозную тему.

Повторю, это нормально: люди испытали шок от потери координат. В советское время они были – странные, идеологизированные, но были. И люди жили с этим. Сейчас они эти координаты утратили и ищут другие. Православная церковь старается что-то дать людям, как-то их ориентировать, но она сама определяется, в ней борются разные мнения. Там множе-

¹ Памятник А.П. Ермолову открыт в сентябре 2010 г. в Пятигорске. А.Г. Хлопонин был назначен первым полномочным представителем президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе 19 января 2010 г.

ство противоречий, неопределенностей. Не вполне понятна, например, позиция РПЦ по отношению к власти, да и как власть к ней относится, тоже по существу неясно. События последнего времени (процесс против девушек, устроивших панк-молебен, движение в защиту церкви, представители которого готовы атаковать простых людей на улицах, и т.п.) кажутся мне опасными как раз потому, что не очевидны, не определены позиции основных акторов: власти, правительства, суда, РПЦ, других конфессий и религиозных течений. Обвинять в этой ситуации Запад, по-моему, просто смешно. Это, безусловно, внутренние дела, реакция российского общества на изменения.

II. Что касается Русской православной церкви, скажу следующее. Моя первая диссертация была посвящена послевоенной Германии; я много читал об участии и католиков, и протестантов в послевоенном восстановлении страны. Здесь и деятельность Христианской демократической партии, и доктрина социального христианства, возникшая в католической церкви, и др. Но главное – простые священники шли на заводы, на стройки – там проповедовали и работали. Их вклад был активным, действенным; они не только говорили, но терпели лишения и трудились вместе со всеми, со своим народом. Я – не католик и не протестант, никак не ангажирован, но мне понятна позитивная роль церкви в те сложнейшие годы возрождения и преобразования Германии. Так вот, у Русской православной церкви таких традиций нет. Боюсь, что, к сожалению для России, у нее – по крайней мере сегодня – не получится заполнить тот идейный вакуум, что остался после краха советского режима, сформировать новую идентичность для новой России. Но это к слову.

Вернусь к проблеме Кавказа. Знаете, меня однажды подвожил на машине молодой кавказец. Лет 25–26, то ли из Дагестана, то ли из Чечни. Сказал, что не может найти у себя работу; хотел пойти в армию, но его не взяли. Меня это удивило. Ведь русские мальчики в армию не хотят, и родители всеми правдами и неправдами стараются их от этого уберечь. А у них на Кавказе традиция: если молодой мужчина не служил в армии, он даже жениться не может. Служба – как бы показатель его зрелости, билет во взрослую жизнь. Поэтому многие хотят служить. Но в военкоматах, где работают в основном этнические русские, видимо, существует какая-то квота (разрешенный процент) для выходцев с Кавказа. Наверное, «наверху» (в Генштабе, ФСБ) опасаются исламизации армии, засилья выходцев с Кавказа. Но им-то что делать? Может быть, благодаря армии они прошли бы какую-то важную общероссийскую школу. Это был бы их путь интеграции в Россию, обретения общей идентичности. Тот парень, приехав в Москву, стал таксистом-нелегалом и зарабатывает деньги на женитьбу. И это еще не самый плохой вариант. А если бы он в бандиты пошел? Я понимаю, начальство боится, что наша армия станет «нерусской». Но

объективно подталкивает кавказских юношей в ряды террористов, исламистов. Это очень конкретная, практическая и чрезвычайно серьезная проблема.

Р. Если еще учесть, что рождаемость у этих народов будет расти...

П. Конечно, конечно.

Г. Мне кажется, все, что вы обсудили, может вызвать только один вопрос. Вы, Жан, сказали, что у нас произошли изменения – вот главный итог последних 20 лет. Россия стала не то, чтобы обычной, нормальной, но, скорее, скучной, не очень интересной страной – в смысле повторения того, что Запад уже проходил, да еще в худшем, карикатурном варианте. При этом Вы больше всего говорили о постоянном накоплении сложностей и проблем. Не решаются старые, еще советские, появляются новые, они соединяются, разрастаются и приобретают какое-то иное качество. И так везде, во всех областях, по всем направлениям. Проблемы не находят позитивного решения, что ведет к росту рисков и угроз. Именно это сейчас определяет, по-моему, ситуацию в стране.

Очевидно: чтобы решать в том числе кавказский вопрос, необходимо предложить основу для интеграции, четко указывающую ориентиры, формирующую ожидания. Альтернативой этнической идентификации, воспроизводящейся через апелляцию к религиозной традиции, может быть только гражданская идентичность. Но ее база – Конституция, демократическое политическое устройство, равные права для всех, независимо от национальности, веры, статуса. На это должен быть социальный запрос, ответ на который дает политический класс. У нас этот запрос ограничен; причем дело не в узости социальной базы – он не представлен публично, его нет в общественной «повестке дня». Его нейтрализуют, маргинализируют привластные группы.

Если нет «сцепки» в виде гражданской идентичности, тогда растет этнический национализм, в том числе русский. Он сплетается с оскорбленным чувством социальной справедливости, нарастающей потребностью получить эту самую справедливость в жизни – сейчас, для себя, для своих детей. А вместе эти явления могут составить чудовищно взрывоопасную смесь, способную разрушить социальный порядок. Всякого рода национализмы находят опору в идеологии «особого пути», в каких бы формах она ни была представлена: «суверенной демократии», постсоветского евразийства и т.п. Так «работает» тенденция к локализации, требующая образов врагов, будящая социальную агрессию. Ее необходимо гасить, а она поддерживается – церковью, властью. Последняя эквилибрирует, то провоцируя угрозы, то приглушая. И т.д.

Говоря о разных проблемах, Вы, Жан, повторяли: «Это опасно, это...». Нет ли у Вас ощущения, что нынешняя Россия – чем дальше, тем больше – становится опасной страной? Для самой себя прежде всего. Ведь

накапливаясь, сплетаясь в какой-то клубок, противоречия и проблемы становятся попросту неразрешимыми. При этом качество власти остается прежним, а основная часть населения склонна давать «советские» ответы на несоветские уже вопросы: притерпимся ко всему, как бы не было хуже, главное – чтобы страну боялись, а каждому – по потребностям. Добавим к этому чрезвычайно высокий уровень агрессии, недоверие ко всему и всем, запрос на «врагов» как простейшее объяснение неудач и трудностей. Это обещает очень драматические сценарии развития. Ситуация может начать взрываться изнутри по совершенно неожиданным, случайным поводам – и без всяких оппозиционеров, госдепов, «руки Европы».

Р. Это сложный вопрос. С одной стороны, конечно, за эти двадцать лет серьезно усилилось социальное неравенство. С другой – власти действительно сохранили социальную политику (я имею в виду прежде всего увеличение пенсионных выплат), что позволило выдерживать какой-то баланс. Но это, конечно, не решение проблемы: все легко может рухнуть, потому что зависит исключительно от уровня цен на нефть, газ, природные ресурсы. Проблема модернизации экономической и социальной структуры требует другого уровня решений. Из-за чудовищной коррупции большая доля ресурсов просто исчезает – не для всех, конечно, а для общей пользы. Долго так продолжаться не может: при какой-то новой волне кризиса эта система, которая более-менее двигается, позволяя богатым стать более богатыми и при этом сохраняя социальный эквilibр, разрушится. В том, что это возможно, – главная опасность.

Повторю, стратегия нынешнего руководства позволяет сохранить баланс, но препятствует решению основных проблем модернизации России. А другие страны решают свои проблемы, они ведь есть везде (очевидны в США, налицо европейский кризис, во всех отношениях проблематичен такой, казалось бы, динамичный лидер, как Китай, и т.д.). В России весьма опасна, как я уже говорил, отсталость инфраструктуры, которая с каждым годом становится все очевиднее и, конечно, будет иметь социальные последствия. И межэтнические, межрелигиозные проблемы, если не заниматься ими серьезно, могут создать критическую ситуацию в некоторых регионах.

П. Знаете, когда Вы это говорили, я вспомнил – осенью мы были в Пензе. Это типично русский областной город – из тех, что не вызывают к себе большого внимания. В общем, глубокая провинция, но в то же время центр многонационального региона (там есть русские, татары, поволжские немцы, башкиры, мордва), что характерно для России. Приехали мы по приглашению местных предпринимателей. Эти люди, в основном в возрасте от 30 до 50 лет, в пятницу вечером не пьют водку и не идут в баню, как раньше делали наши бизнесмены, а занимаются самопросвещением. Приглашенные (в том числе из Москвы) читают им лекции – по экономи-

ке, политике, истории и т.д. Причем пензенские предприниматели не «завязаны» на процессах купли-продажи, как в начале 1990-х годов, а создают вполне цивилизованный бизнес – например, в области компьютеризации Поволжья. Их дети учатся либо за границей, либо в НИУ-ВШЭ и других вузах Москвы; они выучили английский, ездят отдыхать в Италию, ходят в музеи. Это вполне нормальные, цивилизованные люди. Но если пензенский губернатор только захочет, их как ветром сдует – они совершенно ничем не защищены, зависимы от местной власти.

Пенза, как и все русские города, – странное соединение точек роста с провалами; даже внешне – есть какие-то кусочки города в неплохом состоянии, рядом разрушающиеся районы и т.д. Разруха, отсталость видны во всем. И это понятно: тот тип власти, который сложился в России исторически, «заинтересован» в этой отсталости. Ведь все эти губернаторы, представители местной власти вышли из советских времен, остались типично советскими людьми, хоть и модернизировались внешне, стали носить итальянские костюмы и тоже ездят отдыхать в Италию. И как только пойдет модернизация, о которой Вы говорите, их сметет, потому что предприниматели поймут: они сами способны на системную модернизацию – и выдвинут власть из своей среды. Сейчас совершенно очевидно разительное несоответствие исторически сложившегося типа власти и социальных потребностей, что, конечно, как-то должно разрешиться.

Г. Но несоответствие по-разному микшируется, сглаживается, маскируется. И главный резерв, ресурс власти в этом смысле – массовые предпочтения, иллюзии, страхи. Ведь проголосовала же за В. Путина (т.е. за сохранение очевидно неэффективной системы) значительная часть населения. Люди устали от революций и контрреволюций, приватизаций и национализаций, надежд и разочарований; они готовы оставить все, как есть, и пока терпится – терпеть.

Р. Здесь все объяснимо. Во-первых, есть административный ресурс, во-вторых, существует и даже преобладает мнение – хватит кризиса...

Г. Не разрушайте нашу страну, не трогайте нашу стабильность – в общем, не мешайте нам жить своими модернизациями, недовольством, митингами, выборами...

Р. Лучше Путин, чем неизвестность. Другие кандидаты несерьезны, опасны, смешны...

Г. Да их просто нет.

Р. Но долго так длиться не может. Однако самый пессимистический, как мне кажется, результат зимне-весенних демонстраций и более поздних движений – то, что действующая власть станет опираться на самые консервативные слои населения. С одной стороны, это люди, живущие в сельской местности, малых городах и т.п., а с другой – работники довольно мощных отраслей экономики, которые не нуждаются в модернизации.

Точнее, так считают: ВПК, к примеру, необходимо модернизировать, но там думают, что еще могут использовать собственные резервы. А активные слои населения, желающие реформ, обновления, таких людей и такую экономику маргинализируют.

Многим французам это напоминает ситуацию, которая была во Франции до 1968 г. Доминирующие позиции тогда занимала довольно политически консервативная элита, которая к тому же была легитимирована традиционными моральными ограничениями, в том числе близостью к церкви, религии. Тогда, например, запретили фильм о Дидро, строившийся на его текстах¹. Надо понимать, что это означало во Франции 1966–1967 гг. Да еще отношение к правам женщины, проблеме абортот и др. Существовали огромный разрыв и противоборство между консервативной элитой, которая не понимала, что мир меняется, и молодежью, студентами, интеллектуалами и той частью бизнеса, которая осознавала необходимость перемен.

Конечно, ориентированный на изменения бизнес не участвовал в событиях 1968 г., но после них использовал момент, чтобы заменить элиты. Генерал де Голль ушел в отставку, а на месте старого «политического класса» появились совершенно новые люди. У вас тоже очевиден разрыв между поколениями, разными слоями населения, и то, что власть опирается на наиболее консервативные силы в момент, когда нужна модернизация, чрезвычайно опасно.

II. А вот еще историческая реминисценция. В конце 1980-х годов я попал в город Франкфурт-на-Майне и, бродя по нему, совершенно случайно нашел здание, где, судя по надписи, располагалась Коммунистическая партия Западной Германии. Оказалось, что это уже только вывеска, а находилось там Министерство экологии федеральной земли Гессен. Я вошел – народу не было, но в одной из комнат увидел человека, которого, как оказалось, заочно уже знал. В 1968 г. был студентом и много читал о том, что происходило в Париже, в мире. Так вот, тот человек меня спрашивает: ты к кому? Я говорю: я – русский, просто хожу, смотрю. Он – мне: а фамилия твоя как? Пивоваров, говорю, а твоя? Он: Кон-Бендит². Я просто опешил – один из лидеров молодежной революции.

Мы познакомились, и он несколько раз приглашал меня на вечеринки, где были представители правительства Гессена. То были люди как

¹ Речь идет о фильме Ж. Ривета «Сюзанна Симоне, монахиня Дени Дидро» (1966).

² Даниэль Кон-Бендит – французский и немецкий политический деятель «левого» толка, один из лидеров «студенческой революции» в мае 1968 г. в Париже. С 1979 г. – в немецкой Партии зеленых. В 1994 г. был избран в Европарламент. В 2005 г. принял активное участие в кампании в поддержку Европейской конституции во время французского референдума, за что был резко раскритикован идеологами «левых» партий как сторонник европейской версии глобализации.

будто бы из XIX в.; он на их фоне казался очень странным и чужеродным явлением – во всем, начиная с того, что он был в джинсах, свитере, а они – в костюмах, галстуках... Прошло какое-то количество лет, и мы снова встретились. Он сказал: теперь во власть в Германии пришли такие же, как я, нас уже много. Постепенно в консервативных, чиновных кругах Европы произошло обновление. Я и в России сейчас это вижу – такие же конбенднты приходят в русскую власть.

Р. А я и не говорю, что у вас ничего не меняется. И не думаю, что Россия превратилась в скучную и неинтересную страну. Наоборот, она очень нескучная. Прошлым летом я побывал во многих малых и средних городах – например, в Калужской области. Там можно найти основания и для пессимизма, и для оптимизма. В некоторых городах – полная тишина, в других – новое поколение динамичных людей во власти.

П. Но интерес к России в мире падает. Россия – уже не ньюсмейкер.

Р. СМИ нуждаются в крови, в скандалах, а реальные процессы им не очень интересны. Я как раз был удивлен в эти четыре года уровнем дебатов, полемики, культурной жизни. Даже если за последние двадцать лет значительная часть интеллигенции уехала за границу, все равно в России осталось много живых сил. Я надеюсь, что они будут развиваться, и их станут слушать. Им необходимо создать условия для развития, чтобы они действительно имели возможность проявить себя.

Г. А мне ваш оптимизм кажется неоправданным. Условия для реализации уже созданы – в рамках существующей системы. И они формируют вполне определенного – «привластного» – «человека действующего», чья активность системно регламентирована. Скажем, участие в коррупционных схемах – обязательное правило игры, основа всеобщего заложничества и общего алиби (все «замазаны» – значит, никто не виноват). И никаких «кон-бенднтов» (как названия для явления или хотя бы тенденции) во власти я не вижу. Джинсы и свитер – еще не показатель тенденции протеста, изменений, переустройства властного пространства. Просто модная тенденция, «элитарный стиль». Показательно, что туда, «наверх» и в «горизонталь» системы, не были интегрированы гражданские активисты, явившиеся в протестном движении. Им дали ясный сигнал: замолчать, сидеть тихо, иначе будут «мочить».

П. Мы еще сможем это обсудить. Остановимся пока на согласии по двум пунктам: сохранилась система с ее проблемами и рисками и появился новый, достаточно массовый слой, заинтересованный в ее преобразовании. А теперь – немного о другом. Мы говорим сегодня о России. Но Россия всегда смотрит на Европу, сравнивает себя с ней. Когда я хочу сказать что-то хорошее, то говорю: это настоящий европейский уровень. Поэтому хотелось бы понимать, что сейчас происходит в Евросоюзе и каковы перспективы. У нас не только националисты, но и люди либеральных воззре-

ний говорят о жесточайшем кризисе Евросоюза, европейской интеграции. Причем о кризисе не только экономическом; ведь понятно, что проблема евро – прежде всего финансовая, но и не только. Не рухнет ли европейская интеграция? Для меня, для таких, как я, полагающих ее одним из величайших достижений последних десятилетий, это чрезвычайно важно.

Р. Я думаю, что не рухнет. Но действительно, мы столкнулись с очень серьезным кризисом, имеющим не только экономическое, но и политическое, социальное измерения. Европейские институты, когда их создавали, были прежде всего экономическими, не хватало политических, социальных рычагов. Проблемы были с общественным мнением, с верой европейцев в единую Европу. Французы, например, всегда довольно критически относились к Евросоюзу. Сейчас необходим другой уровень политических и социальных решений, иное качество институций и руководства. Это очень сложно. Существует сопротивление со стороны финансистов и проч. Но, мне кажется, кризис все изменил – теперь проблемы понимаются лучше, другое качество дебатов, предложений. Идет борьба за создание новых европейских институций. Это очень серьезный процесс; он потребует какого-то времени. Надеюсь, Европа все-таки найдет в себе достаточно положительных сил, чтобы идти дальше. Но, конечно, ближайшие годы будут для нас очень непростыми.

П. Мне кажется, есть и другие сложные проблемы. Например, принятие таких членов, как Польша, которая в политике в большей степени ориентируется на США, нежели на Европу. Или Венгрия – небольшая, казалось бы, страна, но в ее нынешнем состоянии очень и очень странная для демократической Европы. Конституция, политика правительства – это совершенно неевропейский стиль; отдает авторитаризмом – причем, из межвоенного, предвоенного периода. Потом, все последние десятилетия мотором интеграции были Париж–Бонн, Париж–Берлин – две крупнейшие в Европе страны, экономики. Франция – наверное, больше политический лидер, Германия – скорее, экономический. А теперь, с приходом Ф. Олланда, социалиста, и сохранением консервативной А. Меркель, возможен ли этот союз? Ситуация разрешима?

Р. Думаю, что да. Есть предвыборные лозунги – и политическая реальность. Во французской прессе в последнее время появлялись разные статьи, обсуждались различные мнения. Кто-то считает, что Олланд – не на уровне, у него множество внутренних противоречий, он всегда будет слабым, что плохо для отношений двух стран. В то же время, как я знаю, недавно президент пригласил в Елисейский дворец несколько очень крупных людей бизнеса из Германии и Франции, и была открытая, интересная и здоровая общая дискуссия. Значит, возможности для эффективного взаимодействия существуют. И здесь как раз полезным может быть влияние нового человека, который, кажется, менее связан с европейскими фи-

нансовыми институтами и т.д. Но посмотрим. Я, конечно, не исключаю, что будут какие-то срывы: во многих странах Европы политическая ситуация на пределе – Испания, Италия, о Греции все мы давно знаем...

П. Постоянный кризис в Бельгии...

Р. Поэтому можно ожидать всего. Но мне кажется, что опыт европейской интеграции, имеющий много отрицательных сторон (все было сделано слишком быстро, сейчас особенно не хватает политических и социальных рычагов и т.д.), очень интересен. Эта конструкция вряд ли исчезнет. Есть люди, которые хотят, чтобы она рухнула, но, по-моему, так не будет.

П. Видимо, здесь придется поставить точку. Мы уже долго говорим и, как бы ни было интересно, приходится завершать. Спасибо, Жан, за беседу.

**СЕМИНАРЫ ЦЕНТРА
РОССИЕВЕДЕНИЯ**

ЗАКАТ РОССИИ?
(Семинар 8 ноября 2012 г., ИНИОН РАН)

И.И. Глебова (ИНИОН РАН): Уважаемые коллеги, сегодня у нас очередной семинар Центра россиеведения. Наш гость – Юрий Николаевич Афанасьев. Прежде чем он начнет свое выступление, несколько слов – скорее о докладе, чем о докладчике, – скажет Юрий Сергеевич Пивоваров.

Ю.С. Пивоваров (ИНИОН РАН): Уважаемые коллеги! Хотя ведет семинар Ирина Игоревна <Глебова>, я попросил первое слово. Во-первых, хочу сказать: для ИНИОНа, для этого семинара и всех собравшихся коллег большая честь, что у нас выступает Ю.Н. Афанасьев. Все мы знаем: в конце 1980-х – начале 1990-х годов он был одним из самых ярких деятелей того исторического процесса, который одни считают демократической революцией, другие – драматической эпохой распада Советского Союза. Но люди разных лагерей и взглядов не могут отказать Юрию Николаевичу в том, что он сыграл выдающуюся роль в российской истории. Во-вторых, я хочу напомнить, что Ю.Н. Афанасьев был создателем РГГУ, который переживает сейчас нелегкие времена. Во многом он был воплощением надежд и представлений советской интеллигенции об университете, о высшем гуманитарном образовании. РГГУ – это «выражение» того расцвета, который российская гуманитарная наука пережила в 1990-е годы. И то, что фоном для него служили сложные, негативные, упадочные процессы в обществе, не отменяет факта этого подъема.

Но сегодня речь пойдет не об этом. Юрий Николаевич предложил для своего семинарского доклада абсолютно провоцирующее название: «Закат России?» Это явный парафраз работы Шпенглера «Закат Европы» – одной из самых важных книг XX столетия. Несмотря на пророчества этого блестящего ума, заката Европы, как мы знаем, не произошло. Может быть, мы услышим интонационно близкий, пророческий доклад о том, что будет с Россией. Юрий Николаевич! У вас есть время, спокойная, домашняя, интеллигентная обстановка. Потом будут вопросы, полемика. Прошу Вас.

Ю.Н. Афанасьев: Добрый день, дорогие друзья, уважаемые коллеги! Я очень рад возможности встретиться с вами. Не скрою, в последнее время ситуация в стране складывается так, что очень хочется поделиться с кем-то своими мыслями. Они – не только о происходящем в России, но и о том, что происходит с самой Россией. Я благодарен Юрию Сергеевичу <Пивоварову> за приглашение выступить в ИНИОНе. Для меня это большая честь. Я подготовил большой текст, но потом решил не устраивать громкую читку. Предложу вам для обсуждения несколько тезисов.

Прежде всего о том, что касается предложенной мною темы. Всем, наверное, понятно, о чем содержательно пойдет речь. О социальном кризисе, разложении и прочем в современной России много писали, говорили и раньше, но почти никогда существо этих процессов не определяли таким образом: «закат России». Хотя я сам придумал эту «формулу», не очень ее люблю. От нее отдает, во-первых, какой-то банальной попсовостью; во-вторых, чем-то высоким, пафосным, почти метафизическим – такими словами говорят люди большой науки (здесь действительно неизбежны ассоциации с «Закатом Европы» Шпеглера). Однако избегали этой формулировки, по-моему, по другим причинам. Видно, до самого последнего времени эта тема не доходила в современной России до такой степени остроты, трагизма, если угодно. Хотя если взять историю России последних ста лет, то эта тема звучала в ней очень сильно, громко, емко. Посмотрите послереволюционные (особенно «белоземлианские») публикации – там тема крушения, кризиса России звучала во весь голос.

И сейчас, в самые последние дни, о том, что происходит с Россией, все больше и больше говорят в категориях «заката». Эта интонация доминирует в публикациях, в официальных докладах; я уже не говорю о том, что делается в сетях. Даже в выступлениях наших первых руководителей эта оценка звучит всюду. Если вы внимательно прочитаете знаменитую статью «Россия, вперед!»¹, то обратите внимание не на перспективно-оптимистическую интонацию, не на тот выкрик, что стал ее заглавием. По существу, там написано, почему России деваться некуда, кроме как рваться вперед. Содержательно речь в статье идет о закате России. В конце концов это отношение ощущается даже в высказываниях и речах В. Путина. Вот, например, его последнее обращение «к городу и миру» – о том,

¹ Речь идет о статье Д.А. Медведева, президента РФ в 2008–2012 гг., опубликованной на сайте [kremlin.ru](http://www.kremlin.ru) 10 сентября 2009 г. В статье, в частности, говорилось: «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство, на границу, на какое-нибудь «всесильное учение», на что угодно, на кого угодно, только не на себя? И есть ли у России, перегруженной такими ношами, собственное завтра?». – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/5413#sel=>

что мы непременно должны сделать рывок, равный по силе и мощи тому, который совершили в 1930–1940-е годы. Причем звучит этот призыв так: «Или мы его (этот рывок) сделаем, или...»¹. И за этим «или» совершенно отчетливо просматривается диагноз: закат (падение) России.

То есть я хочу сказать, что предложенная тема не надумана, не вымышленна, не вызвана какими-то личными настроением и эмоциями. Она – из разряда реальностей. Таков, к примеру, вывод одного из самых серьезных исследований России последнего времени, которое стало очень известно по публикациям в сетях и т.д. Я имею в виду доклад группы ученых под руководством Михаила Дмитриева², заключение которого я вам прочитаю: «Наиболее реалистичным становится сценарий национального вымирания, характеризующегося усилением синдрома выученной беспомощности, утратой трудовых навыков, алкоголизацией, падением рождаемости и массовым ввозом трудовых мигрантов, доля которых быстро возрастет до критического уровня. Этот сценарий – национальная смерть русского народа. И это тот курс, по которому ведет страну нынешняя российская власть». Замечу: это последний из трех больших докладов последнего времени, зондаж общественного мнения для которых проводился по всей России. Выводы сделаны на основе анализа большого фактического материала; там приведено множество конкретных фактов, цифр, высказываний, статистики.

Именно в связи с этой темой я скажу несколько слов о протестном движении, которое так ярко вспыхнуло в декабре 2011 г. и сейчас, кажется, пошло на спад в количественном отношении. Оно и было ответом на социальное ощущение заката России. В докладе М. Дмитриева, который я цитировал, утверждается: количественный спад протестной активности в крупных городах России совсем не свидетельствует о том, что исчезли основания, причины, вызвавшие ее всплеск. Напротив, авторы доклада показывают, что эти основания усилились; теперь у населения гораздо больше причин для выражения протеста, чем год назад. Просто условия в разных городах России, кроме Москвы, такие, что люди попросту боятся участвовать в уличных акциях. Или, имея основания протестовать, не считают нужным проявлять свое недовольство таким образом. Вообще, несмотря на то что причины для протеста сохраняются, а само протестное движение как бы затухает, общественное настроение таково, что в стране

¹ Речь идет о словах президента России В.В. Путина, сказанных 31 августа 2012 г. на заседании Совета безопасности РФ: «Нужно совершить такой же мощный комплексный прорыв в модернизации оборонных отраслей, как это было еще в 30-е годы прошлого века». – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/16328>

² 24 октября 2012 г. Центр стратегических разработок опубликовал политический доклад «Изменения политических настроений россиян после президентских выборов». – Режим доступа: <http://www.csr.ru/2009-04-23-10-40-41/378-2012-10-23-14-37-20>

вполне возможна революция, т.е. изменения по радикальному сценарию и в радикальных же формах.

Видимо, вполне естественно, что в этих условиях появились политические деятели, которые считают не только возможным, но даже и необходимым усилить протестное движение и довести его до такой остроты и силы, чтобы оно могло свергнуть путинский режим. Таково намерение и руководителей протеста, и его участников, и «сочувствующих» (а таких немало). Эта идея – разворачивать, активизировать протест – ярко выражена, например, в словах Гарри Кимовича Каспарова: «Мы активно действуем в ходе предвыборной кампании, используем Интернет и создали новый орган – координационный совет оппозиции. Наша цель заключается в том, чтобы успокоить людей, которые, естественно, боятся перемен. Проблема в том, что при Путине никакие изменения не возможны. Как в Египте или Тунисе необходимо, чтобы от 200 тыс. человек до полумиллиона человек вышли бы на улицу. Только затем, после организации настоящих выборов, мы сможем выбирать идеи и программы»¹.

Посмотрите, как формулируются цель и стратегия протестного движения одним из его лидеров: вывести на улицу массы (не менее 400 тыс.), добиться тем самым ухода Путина и только после этого выбирать идеи и программы. То есть сначала насильственным образом, под массовым напором добиться свержения режима, провести выборы парламента и президента, и только в ходе выборов рассуждать об идеях и программах. Сначала мы свергаем режим, а потом мы задумываемся: что делать в России после Путина?

Именно этой стратегии придерживаются многие протестные лидеры. Вот что, например, говорит один из них, Андрей Андреевич Пионтковский: крах режима непременно повлечет серьезные риски для российской государственности, но его сохранение ведет не к росту рисков, а к неизбежной системной катастрофе². Приводя слова и критикуя Г. Каспарова и А. Пионтковского, я должен сказать, что это мои друзья, достойнейшие,

¹ См.: Каспаров Г.К. Кремль менее стабилен, чем раньше: Интервью // Le Figaro. – P., 2012. – 2 nov. – Опубликовано на сайте Le Figaro 1 ноября 2012 г. – Адрес доступа: <http://www.lefigaro.fr/mon-figaro/2012/11/01/10001-20121101ARTFIG00407-kasparov-le-krem-lin-est-moins-stable-qu-auparavant.php> Выдержки из интервью. – Режим доступа: <http://www.inopressa.ru/article/02nov2012/lefigaro/kasparov.html>

² Статья А. Пионтковского «Проект переходного периода» была опубликована 30 ноября 2012 г. на сайте www.kasparov.ru. Точная цитата: «Переходный период должен стать ювелирной операцией по демонтажу криминального режима с одновременным сохранением символов преемственности российской государственности. Подобная трансформация неизбежно влечет серьезные риски. Необходимость ее диктуется, однако, тем обстоятельством, что пролонгация существующего режима ведет уже не к рискам, а к неизбежной системной катастрофе». – Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=50B7463D72554>

по-моему, люди. Те идеи, которые они высказывают, вполне приемлемы, но как одна из позиций для научной, академической дискуссии. И именно потому, что в ходе обсуждения можно добиться преодоления этих идей – ведь с ними необязательно соглашаться, их можно опровергать.

К чему, по существу, призывают лидеры оппозиции? – «Идем на улицу! Давим на правительство! Добиваемся свержения режима! А потом задумаемся над идеями и программами – станем определять, как быть России без Путина!» В качестве призыва к действию эти идеи кажутся мне совершенно недопустимыми. Протестное движение так и не смогло выработать консолидированную программу и стратегию действий. Не случайно оно идет на убыль – на сегодня это факт. Однако при этом не только не уменьшились, а даже увеличились причины быть недовольными политической властью (правлящего слоя).

Здесь мы сталкиваемся с явным и критическим противоречием. Людей, имеющих основания протестовать, не стало меньше; для многих из них жизнь становится уже невозможной; вопрос о том, где находится Россия (в цивилизационном отношении, в большой исторической перспективе), вроде бы, понятен. Однако эти реалии, трансформируясь в лозунг политического действия: «Долой правительство! Путина – на нары! Капиталистов – в расход!», становятся проявлением инфантилизма и безответственности. Собственно, это первое, о чем я хотел бы сегодня сказать.

Почему политические идеи профессиональных оппозиционеров кажутся мне неприемлемыми, представляющими прямую опасность для будущего России? Потому что реализовать их будет совершенно невозможно, а затеять очередную мясорубку, пролить потоки крови в ходе реализации – возможно вполне. Риск в том, что оппозиция по существу создает у массы людей ложное впечатление: главная беда современной России, причина ее критического положения – Путин. Он – воплощение зла; освободимся от него – и станем лучше. В то же время доказывается: если выведем на улицы 200–400 тыс. человек, то свергнем Путина, «антинародный» режим. Протестное движение под такими лозунгами способствует нагнетанию тумана в сознании людей. Происходит помутнение массового сознания; оно подпадает под власть иллюзии.

До тех пор пока общественное сознание питается иллюзиями, пока нет понимания, в чем истинная причина бед России, о каком-то рациональном протесте, обдуманных стратегиях преобразования говорить нельзя. Конечно, вполне может быть, что протестное движение станет расширяться, распространится даже по всей России – просто под давлением внутренних обстоятельств, под тяжестью социальных проблем, из-за оскорбительной для граждан политики властей. Так уже много раз бывало в истории России. Это угроза очередного бунта – того праздника дикой во-

ли, который Россия справляла в ритме «раз в столетие» на протяжении последних 300 лет.

Если это случится, никто не вспомнит ни о Каспарове, ни о Пионтовском, ни о только что избранном координационном комитете оппозиции. Бунту нужны будут совсем другие вожди, герои, участники. Я не предрекаю будущее, но говорю о возможных его сценариях. Правда, мне кажется, что состояние российского общества – его расколотасть по многим граням, энтропия и проч. – не позволит разыгаться очередному такому «празднику». Скорее всего, «закат» России усилится; сумерки сгустятся, наступит мрак. Притом что это более реальный сценарий, нельзя, конечно, исключить и самый катастрофический.

Теперь о главной беде современной России, главной причине ее нынешнего положения. (Это необходимо сформулировать, чтобы понять, в чем же подлинная цель, которую надо иметь в виду.) Мне кажется, Россия не развивается по «восходящей» прежде всего потому, что подавляющее большинство населения отрешено от свободного доступа к ресурсам (недрам, земле, основным фондам, финансам) и тем видам деятельности, которые формируются в ходе освоения этих ресурсов (производство, торговля, транспорт, образование и т.д.). Кроме того, отсутствуют те правила и нормы, по которым осуществляются эти виды деятельности, т.е. нет долговременных, укоренившихся, направляющих социальную практику институтов: собственности, прав личности, даже морали и нравственности и проч. Тут возникает вопрос: мы говорим о последнем времени, а бывали ли когда-нибудь в нашей стране другие времена? И ответ на него неутешителен: других времен, по-моему, не было. Население России не только никогда не имело свободного доступа к ресурсам и основным видам деятельности по освоению этих ресурсов; не видно даже исторического движения в этом направлении.

Теперь – к вопросу о том, почему и как этот «порок» (или специфическая черта) российского развития так обнажился именно сейчас, в постсоветской России. Причины отрешения населения от доступа к национальным ресурсам актуализировались и, так сказать, обновились после распада Советского Союза и в ельцинский период в связи с проведением приватизации – сначала в «ваучерной» форме, потом в виде залоговых аукционов. Это продолжительное «действие» – его не назовешь реформой или совокупностью реформ – обнажило факт отсутствия свободного, основанного на конкуренции доступа населения к ресурсам. В советское время его тоже не было – доступ анонимно монополизировали власть, государство. Теперь же произошла персонификация отрешенности, в силу чего отсутствие свободы доступа к ресурсам стало очевидно всем. Часть ресурсов персонифицировали – закрепили за конкретными людьми, отдали им в собственность. Какая-то часть оказалась распределена прямо по-

фамильно. У нас, в нашей «вчера» еще «социалистической» стране, вдруг поняли, что и недра земли, и финансы, и образование, и информация, и т.д. могут находиться в частной собственности, закрепляться за такими-то и такими-то людьми, которые совсем недавно ничем не владели.

Действо в форме приватизации было нацелено (и охватило) в основном на «вещную», материальную составляющую – на предприятия, заводы, фабрики, рудники и т.д. И потом вся эта приватизированная «матчасть» не вполне осознанно стала восприниматься людьми как награбленное. Поэтому и получается, что главные беда и боль сегодняшней России («выражаются» в вопросе, важном для миллионов: как быть с награбленным? Свержение путинского режима и понимается как возможность приступить к решению этой проблемы. Предлагаются разные варианты. Некоторые (в том числе умные, уважаемые люди) говорят, например, о национализации – причем даже не ресурсов, а «недр». Другие (скажем, И.В. Пономарёв, С.С. Удальцов) предлагают отобрать «награбленное» у «держателей» и поделить на всех. Есть еще более радикальные варианты: вообще ликвидировать буржуев и капиталистов. И т.п. Но вот как это сделать, каким образом реализовать предложения, изменив к лучшему жизнь всего «народонаселения», не знает никто.

Здесь, правда, возникают простые, вполне конкретные вопросы: у кого надлежит отобрать награбленное? Что это за люди? Сколько их? Ответы есть – и тоже очень конкретные. Существуют даже пофамильные списки тех, у которых надо отобрать награбленное. В известной публикации «Политбюро-2»¹ названы даже не сами персоны-«владельцы», а «кусты» этих персон. То есть речь идет о неких объединениях, холдингах в оборонной, агропромышленной, военной, прокурорской и других сферах, владеющих недрами, ресурсами, контролирующими финансовые, информационные потоки и т.д. Над каждым из таких «кустов» стоит фамилия: С.В. Чемизов, А.Б. Миллер, А.Э. Сердюков и т.д. – всего 86 персон, какая-то тысяча семей. Дескать, если встанет вопрос о том, кого ликвидировать и у кого отнять, – вот они, самая верхушка. Достаточно убрать их, а с остальными будет попроще.

Вроде бы задача решается. Но беда целой страны и многих поколений граждан не может быть сведена до нескольких персон. Мы имеем дело с итогами приватизации, осуществленной при Б.Н. Ельцине Е.Т. Гайдаром, А.Б. Чубайсом, А.Н. Шохиним, А.А. Нечаевым и др. Приватизационное «действие» охватило массы людей: собственниками – даже не квартир, а предприятий, рудников, банков и т.д. – стали миллионы.

¹ Речь идет о докладе группы политологов коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг», опубликованном в августе 2012 г. Полный текст доклада доступен на сайте <http://www.minchenko.ru/>

Надо понимать, что «действие» первой половины 1990-х годов – во все не начало, а продолжение процесса «переоформления» тотального отращения населения России от свободного доступа к ресурсам. Вспомните серию реформ конца 1980-х годов (о кооперации, трудовых коллективах, акционировании и т.д.). Тогда еще был полный социализм, власть принадлежала КПСС, а реформы (кооперирование, акционирование и проч.) осуществлялись на основании постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Именно тогда произошло самое главное. Ведь на основе этих постановлений осуществлялось финансирование из госбюджета. И вот на всех предприятиях, заводах и проч. деньги – бюджетные и частные (или кооперативные) – слились в одной «емкости». Причем они были не равны по частям, а разбавлены в соотношении «один рябчик – один конь». Основу составили бюджетные деньги, но решения об их расходовании принимались в обход государственных законов на основе правил и норм, установленных в данном коллективе, кооперативе и т.д. Тогда эти государственные, бюджетные средства начали всю расходовать не на основные фонды, а на оплату труда. А это понятие очень зыбкое; тут как решил директор или администрация, так и платили.

То есть новый этап отчуждения населения от доступа к ресурсам (переоформления «схем», технологий и т.д.) начался в последние советские времена. Ельцин с Чубайсом и Гайдаром – это уже очередной этап, дальнейшее заглупление «действия». Путин же оформил процесс квазиправовым, квазиправовым образом. Оказалось, что отращение населения России от ресурсов осуществлено законным путем, на основе права (понятно, что все надо поставить в кавычки).

Что в результате? На глазах у всей России было проведено неправомерное, криминальное по существу и всеобщее действие. Тем самым показано, что действовать неправомерным образом в стране можно безнаказанно и в любых масштабах. С конца 1980-х годов и по сегодняшний день криминализация российского социума стала всеобщим явлением, охватив практически все активное российское население. Поэтому, когда говорят: «А давайте покумекаем, как быть с награбленным», – это обман, нечто невообразимое. Нельзя волонтеристски составить списки тех, у кого следует отобрать награбленное, – к грабежу так или иначе оказались причастны все; различие в масштабе.

Теперь – о намерении, существующем не только у оппозиции, но в самых разных слоях населения: «Мы отберем награбленное!» Кто это мы? И как эти «мы» будут отбирать? Иногда предлагают изымать «справедливо, по суду». Но только начини процедуру «изъятия», и сразу обнаружится, что судов-то у нас нет. Таких судов, которые могли бы по существу вникнуть в проблемы, возникшие в связи с приватизацией или в результате кооперирования конца 1980-х годов. А ведь тогда в «кооперацию» вошли

все работники министерств и ведомств Советского Союза. И участвовали в распределении того общака, который создавался из бюджетных денег. Как возможно справедливо и мирно решить все эти вопросы, правовым образом «отбирать награбленное»?

Политическая оппозиция говорит о свержении режима. Но ведь режим включает в себя всю пирамиду – совокупность государственных организаций: административных, силовых, внешнеполитических и т.д. Как возможно, свергнув режим, сохранить государство? Значит, речь идет о сознательном разрушении государственности в том виде, в каком она сформировалась за ельцинско-путинское время. И что дальше будет?

Таковы мои соображения о том, как формулируется сегодня стратегия протестного движения и почему, с моей точки зрения, ее осуществление связано для страны с угрозой самоубийства. Как вы понимаете, я всего-навсего коснулся этой проблемы.

В заключение затрону еще один вопрос. Д.А. Медведев не так давно произнес знаменательные слова про Сталина, про преступность сталинской власти. Дословно: война власти со своим народом – это преступление¹. Я вполне разделяю эту позицию, но как «испорченный» историк хочу встрять с вопросом: только ли при Сталине власть вела войну с народом? Мой ответ: в России так было всегда. Борьба власти со своим народом – это самая устойчивая традиция российской истории. Более того, Россия как страна, как общество, как цивилизация создавалась на основе этой доминанты.

Я думаю, происходящее в последнее время, т.е. квазиюридическое оформление при Путине отрешенности населения от доступа к ресурсам, – финал войны нашей власти с народом. Мы дожили до такого момента, когда народ России стал не только ненужным власти, но и вредным для нее. Комплект законов, принятых в последнее время, нацелен на то, чтобы «устаканить» население в этакий заказник, где его можно будет по возможности «сберечь». Известное выражение А.И. Солженицына: «Главная задача – это сбережение народа», – обернулось такой метаморфозой.

И.И. Глебова: Спасибо, Юрий Николаевич! Очень оптимистично! Коллеги, вопросы?

¹ Во время рабочей поездки в Пермский край в октябре 2012 г. Д.А. Медведев сказал: «Это должно остаться в анналах нашей истории, чтобы никогда этого не повторилось. Потому что война со своим народом – это тягчайшее преступление». – Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20121030/908003376.html#ixzz2JYNh3aS>. См. также соответствующую выдержку из выступления Медведева, опубликованную в этом выпуске «Трудов...» (в разделе «Публицистическая мозаика»).

? **К. Роуз (ИНИОН РАН):** Юрий Николаевич, Ваш доклад касается главным образом вопросов политэкономии России последних двадцати пяти лет. Это очень интересно и, конечно, напрямую связано с тем, что происходит сегодня. Но все же, как мне кажется, дискурс заката – будь то закат России, Европы или чего-либо еще – располагается в иной плоскости. Он больше связан с социально-философскими, цивилизационными категориями. Скажите, пожалуйста, обусловлены ли те политэкономические аспекты сегодняшней ситуации, о которых Вы говорили, цивилизационными предпосылками?

Ю.Н. Афанасьев: Мне кажется, Вы несколько ограничительно истолковали мой доклад. Он касался и философских, и политологических, и других проблем, в том числе, конечно, и политэкономических. Но ведь и современную российскую реальность очень трудно расчленить – предметно-тематически, по отраслевому принципу и т.п. Это комплексный, целостный объект анализа, включающий природные, географические, экономические, социальные, духовные и т.д. явления и факторы.

Мне представляется, что интегральным показателем *именно заката* России является демография. Многие демографы констатируют, что у нас самая высокая смертность мужчин, причем в самом активном возрасте – от 30 до 50 лет. Средняя же продолжительность жизни наших мужчин – 62 года. В абсолютных цифрах в России самая высокая смертность в мире – с 1992 г. она держится на уровне семи миллионов человек в год. То есть речь идет и об абсолютном сокращении численности населения. Это трагический контекст и определяющий фактор нашей сегодняшней истории. Выделить какие-то другие интегральные социальные характеристики мне трудно.

? **Ю.С. Пивоваров:** Я думаю, всех заинтриговал Ваш доклад. Все это очень интересно, но вот проблема: Вы указали на отчуждение населения от ресурсов как на норму российской истории. То есть недоступность ресурсов для населения – такая же неизменная характеристика российской социальности, как, например, климат в Сахаре. Тогда о чем могут говорить ученые, общественные деятели? Отчуждение не устранить, не исправить – это данность, историческая константа. Вы оцениваете отчуждение отрицательно – значит у нас плохая норма, только и всего. От нее никуда не уйти, не деться. Согласны ли Вы?

И второй вопрос. Вы сказали, что на всем протяжении нашей истории (даже в догосударственный период) власть эксплуатировала народ. Получается, это тоже русская норма. Но если так было всегда, – значит и нормально. О чем и в этом случае речь? Выскочить из этого невозможно,

никогда не удавалось. В нашей частной беседе две недели назад Вы принесли ключевое в этом отношении слово – в России не было развития.

Ю.Н. Афанасьев: Да, говорил.

Ю.С. Пивоваров: Видимо, в этом причина наших бед – и тогда надо ответить на вопрос: почему? Ответы на такие вопросы ищутся не на митингах, а в таких вот научных аудиториях. Мы, исследователи, научные работники, должны сказать, как складывается эта норма и почему ничего у нас не меняется; знаем ли мы еще такие культурно-исторические (цивилизационные) типы, которые сопротивляются изменениям. Мы не можем завершить анализ российской социальности констатацией – таковы наши нормы, и их отрицательной оценкой. Даже если все с этим согласны. Вот такие наивные вопросы у меня к Вашему докладу.

Ю.Н. Афанасьев: Нет, вопросы Ваши совсем не наивные – напротив, я считаю их самыми существенными. Действительно, именно в этих вопросах все дело. Убежден, что главная отличительная черта русской (или российской) цивилизации в том, что это цивилизация без развития, без принципиальной возможности развития. Попытаюсь объяснить, что я имею в виду.

Дело в том, что Россия – не единственная страна в мире, большинство населения которой не имеет свободного доступа к ресурсам. Такие страны как раз преобладают. И, напротив, стран, где такой доступ существует, по мнению разных ученых, всего ничего – около 25. На отрезке от «совсем ничего» до «обладания» страны располагаются как бы в разных временных точках.

Специфика России в том, что здесь не развивалось общество. Кстати, не надо путать развитие с изменениями. Изменения у нас бывали – разные, в том числе и большие, вплоть до неузнаваемости. Московское царство, например, очень отличалось от послепетровской императорской России. А она, в свою очередь, мало походила на Россию советскую. Постсоветская же страна совсем не равна СССР.

Однако различия эпох еще не свидетельствуют о развитии. Под развитием я понимаю становление, утверждение и господство институционального начала, когда «правят бал» даже не долговременные организации, а институты. Они охватывают (поглощают) всю сферу экономического, политического, правового, ментального и т.д. Так, мне кажется, Россия никогда не развивалась.

И.И. Глебова: Есть ли еще вопросы, коллеги?

? **Ю.И. Игрицкий (ИНИОН РАН):** У меня вопрос, который, по моему, напрашивается сам собой: не могли бы Вы провести сопоставление с Украиной?

Ю.Н. Афанасьев: Могу, по крайней мере, попытаться. Я считаю, что с Украиной у России очень много общего: язык, пространство, когда-то одна династия. Сейчас, однако, это две разные страны. Принципиальное различие обусловлено, на мой взгляд, тем, что иногда называют культурным кодом, или матрицей, или парадигмой. Должен оговориться: хотя я часто употребляю эти понятия, они мне мало нравятся. Мы заимствуем их из других наук (не гуманитарных, не социальных) и, употребляя в отношении культур, цивилизаций, стран, подразумеваем наличие в них чего-то неизменного, едва ли не фатального, генетически обусловленного.

Мне кажется, принципиальное отличие русской культуры от других (христианских прежде всего) культур заключается в ее «двоичном» характере. Культуры стран Западной Европы имеют «троичную» основу. Если воспользоваться культурологическими понятиями, то имеется в виду полярная бинарность оппозиций в культурной программе. Можно сказать и по-другому: в одной культуре имеются две противоположно заряженные программы, которые при столкновении друг с другом начинают «выяснять отношения», уничтожая одна другую. Если в «троичной матрице» из столкновения бинарных оппозиций рождается третья сущность, принципиально иное качество, то в русской «парадигме» противоборство двух начал приводит к их взаимному уничтожению.

Именно в этом смысле Украина и Россия, как культуры и цивилизации, имеют историческую развилку. В догосударственные времена в культуре и социальной практике восточнославянских племен (и не только восточнославянских) присутствовали и авторитарное, и вечевое начала, которые между собой противоборствовали. Но торжествовали не всегда вечевое и не всегда авторитарное начала. Так, например, было в киевский период, потому что кроме этих двух начал – авторитарного в виде князя и вечевого – в социальной жизни присутствовали дружина, церковь, города.

Только с XII в., а именно с Андрея Боголюбского, стал заметен перевес (но еще не торжество) авторитарного начала в ущерб вечевому. Тогда всерьез началась колонизация территорий, заселенных угрофинскими племенами, – и именно на основе авторитарного начала. Дальше, во времена Александра Невского, оно расширяется, усиливается, почти абсолютизируется, все больше тяготея к самодержавному варианту. Апогей же самодержавно-авторитарного порядка, торжество «двоичной» культуры приходится на ордынский период. А Россия по своей социокультурной сущности есть наследница и продолжение Орды.

У Украины – другая судьба. Украинские земли были частично под Ордой, большей частью – под Литвой, Польшей. Во многом из-за этого – западного – влияния там возобладали «троичная» культура (в большей мере в южных областях, особенно в Галицкой Украине). Теперь эту разницу цивилизационных начал довольно трудно нащупать в действующих институтах, обнаружить в социальной и политической жизни. Вроде бы ситуация на Украине – почти копия нашей. Однако очевидно, что выборы там остаются реальностью, политические партии – не манекены, и смена власти действительно происходит.

Ф.Г. Тараторкин (Историко-архивный институт РГГУ): Юрий

Николаевич, Юрий Сергеевич <Пивоваров> назвал свои вопросы к Вашему докладу наивными. Я же позволю себе задать Вам несколько хулиганский вопрос. Но продиктован он исключительно особыми, если так можно выразиться, шпенглеровскими интонацией и логикой Вашего доклада. Сначала Вы говорили о закате России как о явлении сегодняшнего дня, затем, уже в ходе обсуждения, уточнили свою позицию: Вы утверждаете, что это затяжной, так сказать, хронический закат. Скажите, пожалуйста, когда же, на Ваш взгляд, русское солнце было в зените?

Ю.Н. Афанасьев: Тут я как бы иду вслед за Юрием Сергеевичем

<Пивоваровым>. Я слушал Ваши лекции в «Академии»¹ и слушал с удовольствием. Мне кажется, Вы очень многих смогли убедить, что «зенит» России пришелся на вторую половину XIX – начало XX в. Трудно с этим спорить, но я все же попробую – как совсем уж испорченный, неисправимый историк.

С точки зрения такого историка, XIX в. нельзя рассматривать сам по себе, изолированно; его необходимо поместить во временной контекст. Только в категориях «большого» времени можно определить, какое место занимает та или иная страна на временной экспоненте. Только так мы можем понять, является ли «время России» линейно-восходящим, т.е. развивается ли она с нарастанием, или по какой-то замысловатой спирали, или мы имеем дело с постоянным чередованием непрерывности и дискретности, т.е. с циклическим развитием. Только на основе сравнения типов исторической динамики можно сделать вывод относительно того, когда Россия была «в зените».

Предположим, вслед за Юрием Сергеевичем я говорю: своих высот мы достигли в последней трети XIX – начале XX в. Но, имея в виду темпоральную перспективу, тут же задаю вопрос: а что последовало за столь

¹ Речь идет о цикле лекций Ю.С. Пивоварова, посвященном XX в. и прочитанном в 2012 г. в программе «Академия» на телеканале «Россия–Культура».

обнадеживающим, будящим гордость за Россию XIX в.? Мы все знаем ответ: XX – самое трагичное, кровавое, преступное столетие в нашей истории; по существу, финал всей исторической динамики России. Как же это возможно?

Вы, Юрий Сергеевич, называете одним из показателей того мощного движения по восходящей великую русскую литературу. XIX – золотой век русской литературы. Я с этим вполне согласен; думаю, мало что есть более величественного в истории России, чем ее литература. Но вот вопрос: а о чем вся эта великая русская литература – и Пушкин, и Лермонтов, и Достоевский, и Гоголь? Да и потом – Платонов, Булгаков, Зощенко, Ахматова и др. О чем все эти «мертвые души», «свинные рыла», герои Чехова? О том, что русский человек ущербен, русские люди не способны нормально жить. А Россия-то вроде бы в зените.

Ну, хорошо, это литература. Обратимся к социальной жизни. Великое царствование Александра II Освободителя – реформы, причем какие реформы! Создается все то, к чему так долго шла европейская цивилизация. Вроде бы зарождаются те самые институты, институциональные нормы, которые и являются гарантией доступа всех людей к ресурсам на основе принципов конкуренции, свободы и т.д. И где все это?

Теперь нашли убедительный ответ: война, революция, большевики – вот что ввергло Россию в пучину падения и уничтожения. Классический пример такого подхода – А.Б. Зубов (я думаю, многие из вас его знают). Все было хорошо, правильно, но война и большевики-сволочи сорвали Россию с пути – многие так считают. Но ведь большевизм имеет глубочайшие русские корни. Он – из той России, которую «мы потеряли». Революция 1917 г. – глубоко обоснованное, «корневое» явление русской истории, грандиозный процесс – в смысле его влияния на дальнейшее развитие России. Революция последовала за благополучным XIX в., когда солнце России было в зените. Я спрашиваю: как это возможно?

Была ли революция ответом на XIX в. или здесь «работали» какие-то иные связи, вызовы, остается вопросом. Но все-таки надо осторожнее говорить о высотах, об общественно-культурных, цивилизационных достижениях XIX в. Революция их не обесценивает, но проблематизирует.

Ю.С. Пивоваров: Заметьте, Юрий Николаевич, и в Германии после гениального XIX в. произошло нечто подобное: пришли мясники и тоже «порубили» и свой, и другие народы. Значит, не только мы дали самоубийственный «ответ» на тот социальный, культурный взлет, который был на рубеже XIX–XX вв. Надлом произошел во всей Европе. Почему? – Вот проблема.

? **В.В. Лапкин (ИМЭМО РАН):** Мой вопрос слегка провокационный – вполне в духе предыдущих. В своем совершенно замечательном докладе Вы как бы оставили за рамками проблемы мирового развития. Вопрос в том, насколько это сознательно и какова цель такой изоляции России? Можно ли вообще рассуждать о России, игнорируя внешнее влияние, европейские и другие обстоятельства?

Едва мы помещаем Россию в глобальный контекст, как появляются ответы на многие вопросы, в том числе: почему замечательный «рассвет» так быстро обернулся мрачным XX столетием. При таком ракурсе видно, что Россия до конца XIX в., т.е. до момента перелома, чрезвычайно эффективно осваивала незанятые другими государствами земли. К концу века она дошла до предела – и начались большие проблемы. Возможно, это и есть объяснение «падения».

Ю.Н. Афанасьев: Конечно же, я не специально опустил эту тему.

Понятно, что, исключая мировой контекст, любой исследователь получает искаженную картину. Но в рамках доклада те или иные ограничения необходимы – просто из-за нехватки времени. Теперь о Вашем комментарии. Действительно, именно к XIX в. Россия достигла пределов своего территориального роста – дойдя до Тихого океана, до предельных рубежей на юге. Проблемы страны, конечно, отчасти обусловлены тем, что она не могла «переварить» уже приобретенное и постоянно стремилась к дальнейшим захватам. Едва ли не все русские историки писали, что Россия жила, употребляя свои внутренние силы и энергию на внешнее завоевание и оборону завоеванных рубежей; сил на освоение пространства уже не хватало. Этим Россия в конце концов и надорвалась. Вполне с Вами согласен.

? **С.В. Беспалов (ИНИОН РАН):** Юрий Николаевич, у меня к Вам сразу несколько вопросов. Первый. Ключевой проблемой России Вы назвали отчуждение народа от основных ресурсов, к которым отнесли не только недра и землю, но и производство, транспорт и т.д. То есть речь идет и о ресурсах, доставшихся нам от советских времен, и об основных видах деятельности, которые неизбежно должны строиться на основе доступа к этим ресурсам. Но пока мы вот уже 20 лет после распада СССР говорим о сценариях передела этой «материальной базы», в других странах она обновилась уже более чем наполовину. Не кажется ли Вам, что бесконечные разговоры о доступе все к тем же самым ресурсам – это обсуждение сценариев деградации («заката»), а не возможностей перехода к развитию?

И второй вопрос. Вы совершенно справедливо напомнили нам о том, как проводилась приватизация. Ни один порядочный человек не скажет, что она была честной, эффективной и т.д. Однако понятно, что в про-

должении таких разговоров и соответственно в поддержании на низком уровне легитимности частной собственности более всего заинтересована именно существующая власть. Это позволяет ей сохранять полуфеодальную структуру и условный характер собственности, строить чиновничье-предпринимательские кланы с ключевой ролью чиновника, о которых Вы тоже говорили. Не стоит ли попытаться закрыть эту тему – понятно ведь, что пересмотреть итоги приватизации мы уже не сможем. Так, может быть, попробовать снять сам вопрос?

Ю.С. Пивоваров: Как большевики сняли когда-то вопрос о земле, не решив его?

Ю.Н. Афанасьев: Да, это логично: раз невозможно ничего пере-решить, тогда почему бы не закрыть вопрос? Чего его действительно мусолить-то? Продолжая такие разговоры, ты невольно становишься подпевалой того или иного клана, который именно этого и добивается. Вот, сегодняшний конфликт ВР и «Роснефти» – чем не проблема? Есть противоречие, идет острая борьба – все влиятельные кланы разделились: кто-то за объединение, кто-то – на стороне ВР, кто-то – «Роснефти». И получается: когда я затеваю этот разговор, то вольно или невольно занимаю определенную позицию в этих «войнах» – либо за кого-то в ВР, либо за кого-то в «Роснефти». И т.д.

На самом же деле речь совсем о другом. Не о том, чтобы перераспределить все наследие вплоть до царских времен. Вопрос в том, как в наших условиях перейти к нормам человеческого общежития, каким образом задействовать институты? Как наладить работу этих институтов – ведь для этого необходимо преодолеть колоссальные трудности, решить почти неразрешимые проблемы. Я, например, не знаю, что необходимо сейчас делать.

Это по второму вопросу. А первый я попросил бы Вас уточнить.

С.С. Беспалов: Мы уже 20 лет говорим о том, что делать с тем массивом собственности, который остался от царей, от СССР, вместо того чтобы создавать что-то новое. Может быть, пора остановиться?

Ю.Н. Афанасьев: Да, Ваша позиция понятна. Вы опять произнесли слово «собственность». А я упорно повторяю, что ресурсы и собственность – принципиально не одно и то же. Речь идет о том, как устроить, утвердить это понятие (или категорию) – собственность. У нас ее нет. Все строится на отношениях «principal – agent»: кто временный собственник, тот и решает, кому, что, на какое время и на каких условиях да-

вать. Потом «патрон» запросто может все перерешить. И так живет вся страна.

Фактически у нас нет собственников – есть клиенты. Точнее, эта клиентела имеет в русских истории и языке не очень приятное определение: холопы. Холопами являются все без исключения – в том числе олигархи. Все эти Абрамовичи и проч. – не собственники. В этом-то и дело. Но институт собственности не учреждается одним декретом, в один день. Тут нужна система мер, определенная очередность, последовательность, упорство. И люди, желающие проявить какую-то активность, чего-то добившиеся в жизни. Они должны иметь представление о «дорожной карте» – не только о своей личной, но и о той, которая определит путь всей России.

В.П. Булдаков (ПРИ РАН): Из Вашего доклада я понял: все, о чем

Вы говорили, мы уже проходили. Было у нас время, которое определял лозунг экспроприации и экспроприаторов: «Грабь награбленное!». В связи с этим – вопрос о наших днях, о нашей внесистемной оппозиции. Осознают ли ее лидеры, скажем, такую простую вещь: революции в европейском смысле слова в России не было. То, что мы называем революцией, по существу является смутой. Она следовала за крахом государственности; государственность же рушилась потому, что оказывалась выведенной изнутри. Кем – это другой вопрос: бюрократами, коррупционерами. Так или иначе, те, кого мы называем виновниками революции, по сути дела приходили на готовое.

Потом, думают ли нынешние оппозиционеры о том, в каком процессе в 1990-е годы многие из них участвовали? Тогда было хорошее словечко – «прихвизаторы». Мы имеем дело с генерацией целого класса «прихвизаторов», каждый из которых что-то прихватил. Когда государственность, выросшая из этой основы, рухнет, их как ветром сдует – и концов не найдешь. По моим представлениям, они давно уже сидят на чемоданах. Доходят эти простые вещи или нет до нынешней внесистемной оппозиции?

Ю.Н. Афанасьев: Во-первых, извините, что сразу Вас не узнал.

И разрешите выразить Вам свое почтение. Но в Вашем выступлении вопроса не усмотрел. В чем вопрос?

В.П. Булдаков: Вы начали с характеристики внесистемной оппозиции. О чем думают ее деятели, учитывают ли те моменты, о которых Вы говорили?

Ю.Н. Афанасьев: Прежде всего, я никогда не был и не числил себя в составе внесистемной оппозиции. Поэтому то, что я скажу, – не отчет, а мнение наблюдателя. Я пришел к ним однажды, на самый пер-

вый «круглый стол» 12 декабря 2011 г. Получил приглашение – и пришел. Начал примерно с того, что хотел не поработать за «круглым столом», а выразить свою позицию. Нельзя говорить о противостоянии или диалоге с властью, если вы не решили, чем полагаете эту власть, на что рассчитываете, каковы ваши планы. Но, к сожалению, у меня не очень получилось: времени мне дали полторы минуты, даже свое «фэ» я толком высказать не успел.

Что же касается того, о чем они думают... Мне доводилось несколько раз разговаривать с кем-то из них. Когда в самом начале семинара я сказал, что это мои друзья, – не оговорился. Это было сказано не для приличия; я действительно считаю их достойнейшими людьми. Но в тех мыслях, которые они превращают в политические лозунги и действия, ничего программного, стратегического я не откопал. Идти на такое большое дело – преобразование системы – с тощим, нищим багажом нельзя ни в коем случае. Это не просто безответственно – это смертельно опасно.

И.И. Глебова: Предлагаю закончить с вопросами. Может быть, кто-то хочет выступить, отреагировать на доклад Юрия Николаевича?

Ю.С. Пивоваров: Позвольте, Юрий Николаевич, сказать, что Ваш доклад был чрезвычайно интересен для меня. Поэтому я хотел бы его прокомментировать. Сначала о том общественном явлении, которое принято называть внесистемной оппозицией. Вот, Владимир Прохорович <Булдаков> несколько пренебрежительно говорил об этих людях. Но ведь понятно, что они внесистемны потому, что система не принимает оппозицию. Любая оппозиция в сегодняшней России, к сожалению, обречена быть внесистемной. Как и Юрий Николаевич, я был на встрече 12 декабря 2011 г. и тоже от нее не в восторге. Меня, например, покорило, как роскошно собрались оппозиционеры – в гостинице «Мариотт», а не в каком-то деревенском клубе. Однако справедливости ради должен сказать, что там были какие-то предложения и идеи кроме «Путина на нары!».

Вы, Юрий Николаевич, верно заметили, как опасна исключительная и персонафицированная *антивластность* оппозиции. Но важно понимать, чем именно она опасна. Во время первой русской революции, в 1906 г., Макс Вебер написал работу о псевдоконституционализме в России, где указал на опасность «первобытного коммунизма». Он видел, что образованное общество во главе с конституционными демократами борется за конституцию, ему противостоит власть, а помимо этого поднимается волна первобытного коммунизма, который может снести весь социальный порядок. Я думаю, главная опасность нынешней ситуации – не ошибки путинского режима или агрессия и безответственность оппозиции. Очеви-

ден подъем того, что известный исследователь Лев Тимофеев назвал русским фашизмом. Это явление может наложиться на опять-таки очевидный проклерикальный подъем (не путать с темой веры) и проч. Вот в чем действительно страшная опасность, которая должна вынудить и оппозицию, и власть быть очень осторожными.

Теперь – к Вашей, Юрий Николаевич, концепции. Вы отчасти строили свои рассуждения на идее двоичности русской культуры. Я думаю, здесь во многом на Вас оказал влияние замечательный ученый, работавший, кстати, и в РГГУ, и в ИНИОН, – Александр Самойлович Ахиезер. Он постоянно об этом писал – и повлиял на всех нас. Но я не думаю, что это, как бы так сказать, фотография один к одному. Вы говорили о разных началах, взаимодействовавших в русской истории: не только о вечевом и авторитарном, но и о дружине, церкви и проч. В Новгородской Руси, например, все они действовали. Причем это именно четыре начала, а не столкновение бинарных оппозиций. Но даже и борьба двух «начал» – еще не приговор русской истории. Эта культурная модель могла преодолеваться, и моменты такого преодоления нам известны. Однако я не хочу сейчас спорить по философско-историческим проблемам. Мне интересен настоящий момент.

В дискуссии возник вопрос: что делать – перераспределять или не перераспределять собственность? И ответа, вроде бы, нет. Мне кажется, начинать надо с политики, а не с экономики. В политическом же отношении нам просто необходима сейчас оппозиция. Чему нас учит русская история? Россия развивается более или менее нормально только тогда, когда взаимодействуют власть и общество – как оппозиционная его часть, так и та, что сотрудничает с режимом, действует в рамках системы. Сейчас очень непростой момент в нашей истории. Россия меняется, пытается обрести современные формы. Ей просто жизненно необходима серьезная и большая оппозиция. Вопрос – чем ее сплотить? (Кстати, я не считаю пореформенное время и последнее царствование предельной высотой русской истории – зенит впереди. Тогда пробовали повернуть русло русской истории, сделать этого по разным причинам не удалось, но, я думаю, все еще впереди.)

В конце XIX – начале XX в. и общество, и оппозицию связывал один лозунг: «Долой самодержавие!». Та власть воевала со своим народом, поэтому общество, интеллигенция выдвинули такой лозунг. Он сплотил всех – от октябристов и кадетов до самых левых. Какой лозунг был у советских диссидентов в 1960–1970-е годы? – «Соблюдайте свою конституцию!» Центральной и интеграционной проблемой в России всегда была проблема власти. Ленин в этом смысле прав. И из Вашей концепции это следует.

Оппозиции необходима совершенно внятная, определенная программа. Сплотить ее, может, я думаю, идея изменения Конституции.

По Конституции 1993 г., Россия фактически является монархической страной с самодержавным президентством. Мы должны отказаться от этой модели и перейти к полиархической системе – за счет перераспределения полномочий внутри Конституции. Поскольку, как Вы говорили, в русской традиции власть есть все, надо перестроить ситуацию, в которой один является «монгольским ханом» (в том смысле, что от них-то наша власть и идет), а остальные – его холопами. Должно быть много центров, источников власти, что по Конституции возможно. Россия столетиями шла к тому, чтобы стать полисубъектной, полиархической. К 1917 г. она этого почти достигла – значит это возможно и сейчас. И даже более, чем когда-либо.

Далее, необходимо реформировать систему налогообложения – по социал-демократическим «рецептам», которые хорошо известны. Перераспределять ресурсы надо через систему налогообложения – не через революцию. Кроме того, в программе оппозиции обязательно должно быть требование прав человека. Это огромное достижение советских инакомыслящих: впервые в русской истории они заговорили не о социальной справедливости, а о человеке, его правах.

Следующая часть программы – борьба за историю. Это вовсе не метафора. Как мы сейчас прочтем свою историю, таким и будет наше будущее. Современный режим, как бы следуя за поздним Сталиным, всю свою легитимность пытается свести к войне. Но главное – в другом; «нерв» сегодняшних «войн за историю» – это сталинизм. Мы должны дать четкий ответ на вопрос: каково наше отношение к тому, что произошло в нашей стране в XX в.? Не думаю, Юрий Николаевич, что Вы правы, утверждая: власть так жестоко эксплуатировала свой народ не только в сталинский период – так было всегда. В середине XX в. квинтэссенция насилия власти над собственным народом превзошла все, что было до того. И случилось это «вчера», поэтому наша тема – Сталин, а не Иван Грозный или Петр I. И здесь ясно: пока в народном сознании не произойдет изменений, не изменится и наша жизнь,

Еще одна тема для оппозиционной программы – внешнеполитическая ориентация. Россия должна заявить, ориентируется ли она на какой-то тип «восточничества» (Китай, к примеру) или мы являемся членами евроатлантической цивилизации, христианского мира, и в этот мир стремимся.

Я думаю, несколько таких простых, но четких предложений могут сформировать новое общественное движение. Сегодняшняя внесистемная оппозиция не виновата в том, что она наивна, часто безответственна. Откуда ей быть ответственной и не наивной, когда все основания для самоорганизации были разрушены в XX в.? Общественные движения складываются десятилетиями. У нас все только начинается. Вы сами мне

рассказывали, как наивны и неумелы были «перестройщики» конца 1980-х годов. Но это же естественно. Нынешние не менее неумелы.

В заключение после всего услышанного я должен сказать: в Москве есть много мест, где можно послушать умных людей. Ваше выступление, несмотря на страшный пессимизм, – одно из самых тонких, глубоких и филигранных анализов современности. И я кланяюсь Вам и говорю спасибо.

В.П. Булдаков: Юрий Сергеевич <Пивоваров>, почему Вы решили, что я пренебрежительно отношусь к внесистемной оппозиции? Все мы, по сути дела, «оттуда» – хотим того или нет. Что же касается доклада, несмотря на пессимистичный конец, он произвел на меня скорее оптимистичное впечатление. Только в одном хотел бы поправить – относительно тезиса о борьбе власти с собственным народом. Все было по-другому. Всю свою историю наша власть почти исключительно занималась самообслуживанием. Для этого ей были нужны холопы – и самые разные. Взаимодействие русской власти со своими холопами не было борьбой с народом. Государство производило селекцию: одних отбрасывало – превращало в лагерную пыль, других на время приподнимало, потом снова опускало.

Ю.Н. Афанасьев: И это все не борьба?

В.П. Булдаков: Здесь не было энергии и пафоса противостояния. У нас законсервировался тот тип отношений, который относится к доисторическим временам: власть – субъект, остальные – объект. Это разные сущности – между ними происходит не борьба, а нечто иное.

Мне кажется, основная проблема нашего времени и нашей страны – совсем в другом. В конце XX – начале XXI в. во всем мире произошел крах трудовой этики. Во многом в результате информационной революции. Известно, что Россия мировыми болезнями страдает в очень острой форме. Наша проблема даже не в том, что в советское время порушили все возможные институты. Хотя это и очень серьезно: у нас нет общества в нормальном смысле слова, хотя все и твердят про гражданское. Но когда нет трудовой этики, какие могут быть институты? Сегодня проблема проблем – это возрождение трудовой этики. Но как это сделать, я не представляю.

В целом, мне кажется, что доклад Юрия Николаевича не столь пессимистичен. Россия в своей истории переживала сходные периоды. Ну, не повезло нам – можем вляпаться в очередную смуту. Но и это не конец, уверяю вас.

И.И. Глебова: Коллеги, мы работаем уже два часа и должны завершать. Я благодарю докладчика, выступавших,

всех участников. Заключительное слово – Юрию Николаевичу.

Ю.Н. Афанасьев: Спасибо за то, что вы пришли, послушали и услышали. Что же касается возражений, то каких-то особенных и категоричных «против» я не услышал. Даже по поводу пессимизма. Я-то считаю: то, что вы называете пессимизмом, на самом деле – возможность посмотреть правде в глаза. А это, по-моему, вполне достойное человеческое качество.

АРХИВНАЯ СМЕСЬ

ОТ КАКОГО НАСЛЕДИЯ МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ...

В выпуске «Трудов...», выходящем в Год российской истории, нам кажется вполне уместной новая рубрика – «архивная смесь». В качестве своеобразной коллекции мы публикуем здесь документы из провинциальных государственных архивов, любезно предоставленные доктором исторических наук, профессором, известным исследователем Т.И. Хорхординой. При публикации сохраняем стилистические особенности оригиналов. Хотя документы различаются хронологически и тематически, архивная подборка вовсе не является случайной. Материалы принадлежат эпохе рождения и утверждения советской системы, позволяют взглянуть на нее с определенной точки зрения.

Раздел – и тематически, и интонационно – больше всего, как это ни странно, рифмуется с поэтической рубрикой. Он весь – о трагическом и травматическом опыте насилия (системы – над людьми, социальных групп – над другими социальными группами, человека – над человеком), на основе которого и благодаря которому сформировался советский мир.

В публикуемых документах зафиксирована та часть истории XX в., которая особым образом была представлена в памяти советского человека. Он знал о ней – потому что это *его* история. Но вспоминать не любил, стыдился, боялся – разве что урывками, коротко, с самыми близкими, негромко, как о чем-то незначительном, даже случайном, как о фоне другой – настоящей – советской жизни. Но всегда с болью и – не с протестом, нет, а – с непониманием. Главное ощущение того, по кому прошла эта история и кто все-таки уцелел, передал участник/свидетель/пострадавший Б.Ш. Окуджава: в чем философия была?

Эта сторона памяти советского человека последовательно и целенаправленно вытеснялась и замещалась «правильной» (героической и жизнеутверждающей) официальной историей. Она зафиксирована в советских учебниках, научных трудах и детских книжках, передана из «уст в уста». Это от нее в годы перестройки и «смутные» («воровские», безвластные и бесхозные) 90-е смутьяны и путаники от истории и политики понуждали отказаться постсоветского человека. – В пользу той самой, «теневого», непростой и болезненной, где его отцы и деды вдруг явились главными зачинщиками, то героями, то палачами, то жертвами (счастье избежать этих

ролей, хотя бы недолго, с десяток лет, пожить нормальной – сытой и устроеной, мирной и спокойной, обывательской – жизнью, выпало тогда немногим). В массе своей постсоветское общество отказалось принять такую историю, такой взгляд на себя. Что, конечно, понятно и объяснимо: жить и без того нечем, а тут отнимают последнее – лучшие (оправдывающие и утешающие) воспоминания.

С рубежа 1990-х – «нулевых» советская история последовательно зачищается от «негатива», «чернухи» – так сейчас принято называть ту страшную правду о человеке и об обществе, которую она в себе несет. Тем самым фальсифицируется – в лучших советских традициях. Весь советско-постсоветский опыт свидетельствует: наша история нуждается в защите – от нас, не желающих признавать себя ее творцами, но мнящих безраздельными и бесконтрольными распорядителями. Защитную функцию выполняют публикации архивных документов.

Документы, подобные публикуемым, издавались в последние 25 лет во множестве; истории, в них рассказанные, возвращают к хорошо известному. Но их опять как бы не существует – коллективной памятью они отторгаются. Однако отказ принять наследие не означает его ликвидации – оно в нас. О том, что все было так, как было, и мы, охваченные новой лихорадкой «переделки»/«улучшения» прошлого, тем не менее расплавляемся за случившееся, и напоминают архивные источники.

Ценность публикуемых материалов – не в уникальности, а в типичности. Они – о конкретных людях и в то же время – о судьбах разных социальных слоев. За частными случаями маячат большие проблемы; из «персоналий» и «частностей» складывается картина трагического слома старой и строительства новой, советской жизни.

Первый документ обращает нас к теме «интеллигенция и революция». Решена она однозначно: интеллигенция – против Октября. Рядовой, провинциальный российский профессор, вдруг ощутивший себя чужим в собственной стране (проигравшим, «лишенцем», «бывшим»), кричит об этом – «социально» и культурно близкому западному интеллигенту. Что бы знал, чтобы понял. Надо сказать, и другие представители интеллигенции, оставшиеся после октября 1917 г. в России, хотели открыть глаза «цивилизованному миру» на большевизм. Тем самым найти сочувствие, поддержку, а главное – обрести точку опоры, новую почву взамен утраченной.

Вот что, к примеру, писала в своих знаменитых дневниках 1917–1919 гг. З.Н. Гиппиус: «Мы в снеговом безумии, и его нельзя понять даже приблизительно, если не быть в его кругу. Европа! Глубокие умы, судящие нас издали! Вот, посидел бы обладатель такого ума в моей русской шкуре... Посмотрел бы в эту лунную, тусклую синь притаившегося, сумасшедшего, голодного, раздраженного запахом крови, миллионного города... Кто поймет это – издали? (7 января 1918 г.)... Очень страшно.., что

нас, России, подлинной, никто не понимает и не видит в Европе. Не слышит. Уэллс написал Уильямсу письмо, свидетельствующее... если не о их глухоте, то, значит, о нашей немоте. Пишет, что может быть, большевики – настоящие, передовые революционеры, а мы, мол, так обуржуазились, что этого не хотим понять?... Европа! Во имя вселенского разума, во имя единой культуры человечества – приклони ухо к нам! Услышь наш полузадушенный голос. Ведь и мы, хотя мы русские, мы люди одного Духа, мы – интеллигенты-работники той же всемирной нивы человеческой! (9 января 1918 г.) ...Европа, не забывай: мы с тобой, хотя ты не с нами... Вот точная формула: если в Европе может в XX веке существовать страна с таким феноменальным, в истории небывалым, всеобщим *рабством* и Европа этого не понимает или это принимает – Европа должна провалиться. И туда ей и дорога» (зима 1919 г.)¹.

Конечно, позиция осуждения и противостояния советскому режиму не была единственной в интеллигентской среде. Вот характерная запись из дневника А.Н. Бенуа: «Несмотря на все ужасы, связанные с “большевистским опытом”, мои симпатии остаются пока на “их” стороне» (17 января 1918 г.)². Причину своей лояльности Бенуа назвал еще в ноябре 1917 г.: его миссия – «контроль над варварами» в деле охраны «вечных ценностей»³. Контролировать, однако, не удалось. И выдающийся художник в 1926 г. переселился в Париж, предварительно переправив туда архив, картины и проч. Такие, как автор публикуемого документа профессор А.И. Сырцов, – обычные, которых большинство, – остались. Но своими в новом мире не стали. И для нынешнего нашего человека они – не другие русские, а просто другие, чужие. Не случайно, видимо, мы и сейчас так легко относимся к тому, что образы их времени, запечатленные в материальных объектах (дворцах, особняках, доходных домах, дворянских усадьбах, парках), уходят из наших городов, сельской местности. Так стирается память о «старой» России – той, что мы действительно потеряли, отказавшись от нее, ее забыв.

Вместе с интеллигентами (с дореволюционными «физиономией» и образом мысли), помещиками и капиталистами из новой жизни были вычеркнуты священнослужители и верующие, церковь и вера (см. документы 5–9). Репрессированный большевиками православный мир сейчас восстановлен в правах, казалось бы, взял реванш за прошлое. Это наследие, за которое мы держимся, – правда, не столько для прибавления смысла и милосердия в жизни, сколько для прикрытия ее неправд и безобразий. Возможно, так было и прежде, в «старой» России, но после тех испытаний и подвигов, которые выпали на долю церкви и верующих в советское время,

¹ Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. – Кн. 2. – М.: НПК «Интелвак», 1999. – С. 51, 57–58, 264.

² Бенуа А. Дневник: 1916–1918. – М.: Захаров, 2010. – С. 685–686.

³ Там же. – С. 520.

это выглядит особенно безнадежно. Высокая цена, как оказалось, не гарантирует возрождение, не страхует от падения.

Конечно, новый мир строился не для попов, помещиков, капиталистов и проч. Они для него – враги. Но и своим в нем жилось не сладко. Если жилось. Несколько документов архивной подборки (№ 2–4) – о крестьянском ответе на продразверстку. Казалось бы, зачем об этом? И история старая – с ней все ясно еще с ленинского решения о продналоге, и свидетельства – скорее, в пользу советской системы: не о репрессиях, а о снисхождении к бабьим бунтам, помиловании заложников и т.д. Однако важен контекст – все дело в нем.

Речь в документах идет о «маленьком» случае из большой истории – массовом крестьянском противостоянии советской власти, только что победившей в Гражданской войне. «Трудовое крестьянство» по существу пыталось опровергнуть ее результаты. В 1921 г. «рабоче-крестьянская» власть победила их «в основном». А «окончательно» – уже в коллективизацию, наказав и за революционный передел земли, и за «зеленый» бандитизм, и за повстанчество. После коллективизации деревня стала другой – из нее ушел дух сопротивления, свободы, самостоятельности (самоуправства, но и самоуправления). Она стала поставщиком основных жизненных стратегий советского социума – пассивной адаптации/выживания.

Документы подборки (№ 10–13) свидетельствуют и о том, как в первом в мире рабочем государстве бедствовал рабочий класс. «Сталинские» рабочие мечтали не о повышении материального благосостояния, а о сытой жизни. Но она была привилегией «верхов»¹. Существование же «гегемона», строителя советской индустрии, было не просто скудным – люди испытывали недостаток во всем, что естественно вызывало недовольство. Товарный дефицит, кризисы снабжения, продовольственные «затруднения», бедность и лишения – определяющие признаки раннесоветского общества. Пик последнего предвоенного кризиса снабжения пришелся на время финской кампании. Положение стало особенно тяжелым зимой–весной 1940 г.: тысячные очереди выстроились по всей стране². Нет, не была та жизнь красочной, наполненной радостью, идеальной, как в «Цирке» и «Веселых ребятах», по которым мы сейчас ее «вспоминаем». Она скорее, тусклая, бесцветная, давящая – как у А. Германа («Мой друг Иван Лапшин»).

Второй раздел «архивной смеси» – о войне, давшей предельную легитимацию новому миру. Но и великая народная война имела свою специфику, причем специфику именно советскую: одна часть народа воевала, другая – сидела. В публикуемых документах не ощущается никаких траге-

¹ См., например: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 171–184.

² Там же. – С. 272–286.

дии, надрыва – напротив, все буднично и даже не безнадежно. Финал документа 14 открыт: кажется, допросят человека по форме, разберутся «как положено», чтобы «исключить...» – и на фронт, побеждать, освобождать. Но нехорошо цепляет первая фраза: бежавший из плена – «бывший военнослужащий Красной Армии». Иначе говоря, бывший советский человек. Был в плену (или в окружении), бежал, вышел к своим – один. Дальше, как рассуждали герои В. Приемыхова и А. Папанова в «Холодном лете 53-го», ясно: десять лет и поражение в гражданских правах. Во всех воевавших армиях побег считался подвигом. Бежавший из немецкого плена в «империалистическую» Иван Телегин из «Хождения по мукам» – герой. Советский же мир маркировал таких людей как предателей/врагов/бывших.

И имя дал бывшим людям – «спецконтингент» (с/к). Последний документ подборки – акт проверки их жизни. Цель понятна – не допустить «безобразий» в «быте, режиме и содержании», чтобы избежать большой смертности. Получается, народ и партия стояли на страже интересов даже бывших советских людей. Действительно, это так: гулаговская система, являвшаяся не только репрессивным, но и экономическим механизмом, должна была заботиться об экономном расходовании своего основного ресурса – заключенных. Прагматизм/целесообразность – мотор советского гуманизма. И плоды – по заботе: в военные годы наконец удалось добиться рентабельности лагерей, они перешли на самоокупаемость и даже приносили прибыль¹.

В словаре исследователей культуры памяти есть такое понятие – «память жертв». Она предполагает взгляд на прошедшее с точки зрения потерпевших (принесенных в жертву), настаивает на том, что жертвы не могут рассматриваться в качестве горькой, но неизбежной цены достижений/побед, досадных и неприятных «ошибок» и «перегибов» истории. Смысл такой памяти – в солидаризации с жертвами, в ощущении личной вины за то, что они были, в противостоянии новым «ошибкам» и «перегибам».

Неспособность общества взглянуть на трагические моменты своей истории с этой позиции – свидетельство его нравственной деградации, моральной опустошенности. Никакие идеологические проекты не сплотят его вокруг общих целей; даже благоприятная экономическая конъюнктура не даст ему импульса к развитию. Человек, incapable «скорбеть», не чувствителен к Другому, не склонен к солидарности – он будет выживать и погибать в одиночку. Как мы сейчас.

И.И. Глебова

¹ См., например: Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). – М.: РОССПЭН, 2010; Хили Д. Наследие ГУЛАГа: Принудительный труд советской эпохи как внутренняя колонизация // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России. – М.: НЛЮ, 2012. – С. 684–728.

ДОКУМЕНТЫ

«...МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ...»

Об интеллигентском антибольшевистском протесте

1.

*Обращение профессора Пермского университета А.И. Сырцова¹
к преподавателям университетов Европы и Америки
с критикой большевизма*

*Январь 1919 г.
г. Пермь*

В некоторых кругах Европы и Америки существует взгляд, что большевизм отражает стремление и надежды русского народа. Отсюда попытки примирить враждующие в России правительства, отсюда недоумение, почему студенчество наполняет ряды армий, выступающих против большевиков, почему представители той лучшей интеллигенции, которая всегда выступала в защиту народа, ныне борются с большевиками. Этот взгляд, <вызван полным непониманием того,> насколько все проводимые большевиками попытки преобразования России идут вразрез с жизненными интересами страны. Россия, захваченная большевиками, пе-

¹ Анатолий Иванович Сырцов (родился 8 апреля 1880 г.) в 1911 г. окончил Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, в 1913–1914 гг. был профессорским стипендиатом на кафедре философии, стажировался в университетах Ганновера и Марбурга (Германия), в 1915 г. преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах, с 1916 г. откомандирован Петроградским университетом в Пермское отделение. Преподавал, получил должность профессора, был деканом, проректором, помощником ректора и зав. учебной частью рабочего факультета Пермского университета. По распоряжению Сибирского правительства в июне 1919 г. эвакуирован в Томск, но в 1921 г. вернулся в Пермь. Дальнейшая судьба неизвестна.

реживает тяжкие и оскорбительные страдания, всю глубину которых знает только тот, кто их видел и перенес.

Таким свидетелем этих страданий в течение более года был Пермский университет, а потому на нем лежит обязанность сказать университетам других стран и всему цивилизованному миру, что сделал большевизм с Россией и почему русские граждане стремятся к его ниспровержению. Захватив в экономической, правовой и культурной сторонах жизни власть в расшатанной и усталой стране, большевики, кроме немедленного мира, провозгласили лозунги – «Вся земля – народу» и «Все фабрики и капиталы – рабочим». На деле осуществленная ими национализация промышленности повела к разрушению налаженных предприятий, закрытию ряда производств и огромному понижению производительности труда. Затеянные ими общественные мастерские привели к конфискации инструментов и материалов у мелких ремесленников вплоть до швейной машины и токарного станка, причем значительная часть конфискованного была расхищена. Еще тяжелее отозвалась на стране национализация торговли, не только оптовой, но и мелкой, и даже кооперативной.

Если добавить к этому чудовищное расстройство транспорта, то становится понятен тот ужасный голод, который переживает теперь страна и который буквально может считаться организованным большевиками. Провоз продуктов в города частными лицами карается конфискацией. Между тем подвоз, организованный властями, далеко не достаточен для населения. То немного, что подвозится в город усилиями советских властей, идет на питание Красной Армии и советских служащих. Население же обречено на почти полное голодание, следствием которого является развитие заболеваний и громадное усиление смертности, в особенности детской.

Не лучше обстоит дело и в деревне. Аграрная реформа все еще не произведена, здесь царит беспорядочный захват земель, поведший к тому, что почти все культурные хозяйства страны уничтожены. Но этого мало. Страдания постигли также и трудовое крестьянство. Организованные в деревнях комитеты бедноты осуществляют коммунистическую политику, отнимая в свою пользу имущество и запасы у трудолюбивых запасливых крестьян. Но еще в большей степени деревня страдает от самых беспощадных реквизиций хлеба и скота, производимых особыми воинскими экспедициями для нужд Красной Армии и столиц.

Общие условия гражданской жизни прямо невыносимы. Вы не хозяин даже в своем жилище. Всякое постороннее лицо может, не спрашивая Вас, получить от властей мандат на занятие половины, а то и всей вашей квартиры. Повсюду действует шпионаж и сыск. За неосторожное слово или по доносу вашего врага вы попадаете в ведение чрезвычайной комиссии, которая сажает вас в тюрьму, где вас подвергают мучениям, морят

голодом и где вы живете под страхом, что с вами поступят так же, как с вашими соседями по заключению, которых на ваших глазах десятками увозят на расстрел.

Если таково отношение к личному и имущественному праву граждан, то не лучше отношение большевиков к культурным ценностям, к школе, науке, искусству, защитниками и покровителями которых они себя выставляют. Культуру большевики понимают чрезвычайно своеобразно, отрицая необходимость бережного к ней отношения и не признавая культурной преемственности. От школы они требуют, чтобы она давала такие знания, которые немедленно повели бы к созданию коммунистически настроенных людей, а от преподавания – приготовления к агитаторству. Все усилия их направлены к тому, чтобы сделать школу узкопартийной.

К науке, университетам отношение их также своеобразно. Увеличивая отпуска средств, они в то же время вносят и здесь разложение, уничтожая понятие научного ценза, чтобы открыть дорогу к преподаванию в высшей школе недоучившимся фантазерам, выдающим себя за ученых. Покровительствуя тенденциозному преподаванию, они ведут поход против тех отраслей университетского знания, которые, как право и история, считаются ими ненужными и даже вредными для граждан советской республики. Не менее пагубно для высшей школы проведенное большевиками уничтожение требований всякой подготовки поступающих в нее.

Свободная мысль не имеет возможности проявлять себя и <потому,> что государство объявило себя исключительным собственником и распространителем произведений науки и искусства в целях своей узкопартийной пропаганды и агитаторства для создания особой так называемой пролетарской культуры. Всякая печать приостановлена; не выходит никаких газет, кроме «Правды». Свободная проповедь в церкви влечет за собою тюрьму и расстрел. Никакие собрания и митинги не допускаются, кроме партийных – партии коммунистов.

Большевики называют себя рабоче-крестьянским правительством, между тем крестьяне, составляющие в России 75% всего населения, встают против них всюду, где только представляется возможность. Не менее тяготятся властью большевиков и сами рабочие. Крупнейшие металлические заводы Петрограда, Москвы и Нижнего [Новгорода], а также Пермские пушечные заводы все время считались большевиками гнездами контрреволюционеров, как они называют своих противников. Заводы же по Каме (Воткинский и Ижевский) были летом 1918 г. главными центрами восстания в Приуралье.

Чем же держатся большевики и из кого они состоят? Партия большевиков никоим образом не имеет за собою большинства русского народа. В своей брошюре – «Удержат ли большевики власть» (начало 1918 г.) Ленин определенно рассчитывал править диктаторски, опираясь на спло-

ченную партию в 240 000 человек. Даже если ему удалось удесятерить это число, что отнюдь не доказано, то в общей массе 180-миллионного населения это составляет ничтожную кучку.

Привлекая вначале в свою партию, большевики после захвата власти стали действовать деньгами и насилием. Разбрасывание денег и грандиозные планы, проекты и жестокий террор сделали отличительным признаком их власти. При таких условиях понятно, в ком большевики находят своих адептов. Прежде всего, фантасты, желающие перестроить весь мир. Их немного, большинство же состоит из людей, которые цепко держатся за власть, видя в большевизме способ легкой жизненной карьеры. Это – люди, которые никогда и ни при каком образе правления не имели бы шансов на успех, как не обладающие ни знаниями, ни умением работать. Далее идут элементы, явно порочные и преступные.

Состоящая из этих элементов развращенная Красная Армия, поддерживаемая в непрерывном агитационном времени, есть истинный и единственный хозяин страны. После ухода большевиков в оставленных ими местностях находят всюду трупы не только казненных, но замученных ими жертв. Особенно ужасны моменты, когда под давлением наступающих сибирских войск красноармейцы покидают местности, где они властвовали. Озлобление их достигает крайних пределов. Они насильно угоняют с собою жителей, набрасываются на мирных граждан, убивают их, вторгаются в дома, где нередко вырезают целые семьи, насилуют женщин, разграбляют имущество. В деревнях к этому прибавляется еще бессмысленное перерезывание того скота, который те не могут угнать с собою.

Вот кошмар, порожденный большевизмом, иго которого хочет стряхнуть с себя страна. Пусть не думают, что борьбу с большевиками ведут монархисты, жаждущие реставрации. Если мы видим наступающие на большевиков полки на Дону, на Урале, на Кубани и в Эстляндии, то это русские граждане, поднявшиеся с оружием в руках на защиту поруганных прав личности и достоинства, требующие равенства для всех без исключения и стремящиеся освободить свою страну от страшной тирании Народных Комиссаров.

Оглядываясь на пережитое в течение года, Пермский университет, освобожденный войсками Всероссийского правительства, возглавляемого адмиралом Колчаком, освобожденный ныне вместе с Уралом от большевиков¹, считает своим долгом предостеречь своих товарищей в университетах Европы и Америки от взгляда на большевиков, как на представителей того из русских демократических течений, которое пользуется поддержкой русского народа и выражает его волю. Нет, это – захватившие

¹ Пермь была занята войсками Колчака 24 декабря 1919 г.

власть самозванцы, действующие от имени народа, растлевающие его душу и губящие его богатства.

*Государственный архив Пермской области (ГАПО).
Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–9. Подлинник. Машинопись.*

О крестьянских волнениях «на почве» продразверстки

2.

*Из протокола № 25 заседания Президиума Курганского уисполкома
о ведении следствия по делу открытого выступления населения
Салтосарайской, Брылинской, Тебеняжской и Мендерской волостей
на почве продразверстки*

10 января 1921 г.

С л у ш а л и: 1) О ведении следствия по делу арестованных в связи с разверткой. Тов[арищ] Ершов настаивает на скорейшем ведении следствия ввиду того, что в числе 326 человек, арестованных в Салтосарайской, Брылинской, Тебеняжской, Мендерской волостях в связи с открытым выступлением населения на почве продовольственной развертки, большинство женщин – матерей многочисленных семей. Тов[арищ] Рутке заявляет, что освобождение непричастных или примкнувших бессознательно к движению граждан может быть допустимо лишь тогда, когда будут допрошены все без исключения арестованные, на что требуется или время, или увеличение числа следователей.

П о с т а н о в и л и: В целях ускорения ведения следствия во времени и усиления следственного аппарата просить уком РКП о выделении по требованию Политбюро необходимого количества соответствующих назначению товарищей. А для ускорения вообще ликвидации дела просить губисполком о скорейшей присылке ревтрибунала и вынести пожелание, чтобы как следствие, так и разбор дела велись ускоренным темпом.

Председатель собрания Ершов

Секретарь С. Вяткин

*Государственный архив Курганской области (ГАО).
Ф. Р-635. Оп. 1. Д. 119. Л. 44–45 об. Подлинник. Машинопись.*

3.

*Доклад особого уполномоченного Плескова в Курганский уисполком
о крестьянских волнениях в Башкирской волости в связи
с вывозкой зернового хлеба*

16 июля 1921 г.

Настоящим ставлю вас в известность, что сегодня, 16 июля с[его] г[ода], я с отрядом из Давыдовской волости прибыл в Башкирскую волость в 10 ч[асов] утра. На совещании с волисполкомом выяснилось, что ими уже сделан наряд на подводы и некоторое количество подвод уже отправлено в д[еревню] Воскресенку, где имеется хлеба в общем амбаре в количестве 1170 п[удов] и на руках граждан 2000 п[удов]. Для того, чтобы позондировать почву как отнесется население с[ела] Воскресенки к отправке хлеба, мною было обращено все внимание на это село и сделано подтверждение о погрузке и вывозке, к чему и было приступлено сельисполкомом под наблюдением назначенных мною людей из отряда. Когда же подводы были поданы к амбару, то в это время собралась толпа и учинила препятствие к погрузке указанного хлеба. Сельисполкому под этим давлением пришлось прекратить погрузку и запереть амбар. После этого толпою был сбит замок и приступлено к расхищению зерна из амбара.

Предсельисполкомом было немедленно послано нарочным в волость извещение, но своевременно воспрепятствовать расхищению не могли, т[ак] к[ак] в связи с назревающими событиями в с[еле] Башкирском [мы] временно с отъездом в Воскресенское задержались, будучи задержаны толпою женщин, категорически предъявивших требование немедленно отпустить необходимое количество хлеба. После длинных переговоров с толпою мне удалось конфликт ликвидировать и развести толпу по домам. По ликвидации [волнений] прибыл сам председатель Воскресенского сельисполкома с извещением, что хлеб в его поселке расхищается и требуется немедленное присутствие реальной силы, дабы прекратить дальнейшее расхищение.

По ликвидации конфликта в Башкирском выяснилось, что кто-то руководит населением, кто-то его подталкивает на это и что здесь необходимо выяснить этих лиц и изъять. Сейчас еду с отрядом в Воскресенку с целью изъять оружие, розданное Союзом охотников сегодня, перед нашим приездом. Волость объявляем на военном положении. Настроение в районе напряженное и требует весьма осторожного отношения. Жду Вашего заключения. Подробнее следующим докладом.

Плесков
ГАО.Ф. Р-635. Оп. 4. Д. 23. Л. 263–263 об.
Подлинник. Рукопись.

4.

*Из протокола № 3 закрытого заседания Малого президиума
Курганского уисполкома об освобождении членов семей повстанцев,
взятых в качестве заложников в августе 1921 года*

27 сентября 1921 г.

С л у ш а л и: 1) О заложниках, взятых по приказу уисполкома № 33 от 1 августа 1921 года из семейств бандитов.

П о с т а н о в и л и: Принимая во внимание, что результаты по приказу № 33 оказались сравнительно не соответствующими [желаемым], ибо в числе заложников оказалось много нетрудоспособных и большая часть из заложников – женщины, даже с грудными детьми, это, с одной стороны, а с другой – возвратившихся раскаявшимися из бандитских шаек крестьян оказался совсем малый процент, и поэтому, считая, что приказ № 33 или не понят по существу на местах, или в бандитах остались самые отвязленные разбойники, отрекшиеся от своих семей, и к ним никакие, ни гуманитарные, ни репрессивные меры воздействия не могут быть применяемы, постановили поручить политбюро, по мере возможности, отпустить заложников, в первую очередь, конечно, женщин и нетрудоспособных мужчин, и в последнюю – остальных.

Председатель
Секретарь С. Вяткин
ГАКО.Ф. Р-635. Оп. 4. Д. 23 а. Л. 28.
Подлинник. Машинопись.

О пресечении церковной «антисоветской агитации»

5.

*Донесение Тагильского Окружного отдела ОГПУ в Полномочное
представительство ОГПУ по Уралу (г. Свердловск) о настоятеле
монашеского скита на Малом Октае Верхотурского района
Свердловской области иеромонахе К.И. Мотове*

17 февраля 1928 г.

№ 5614 Серия «К»

С осени прошлого года в Окружной отдел ОГПУ стали поступать отрывочные сведения о том, что около деревни Малый Октай верстах в 30 от Новой Ляли в глухом лесу есть монашеский скит, в котором живут не-

сколько человек монахов. Никаких подробных сведений по скиту: сколько монахов, что они делают, на какие средства живут и прочее, в Окружном отделе не было.

При поездке в районы в феврале месяце сего года скит был обследован начальником секретного отделения Окружного отдела. О результатах обследования подробно изложено в прилагаемых при сем рапорте и докладной записке¹.

Руководитель – настоятель скита иеромонах Кельсий, на основании найденных при осмотре поминальников о «государях» на него возбуждено дело по 16-68-10 статьям Уголовного Кодекса². В прошлом Кельсий уже имеет одну судимость: в 1925 г. вместе с другими руководителями Верхотурского монастыря был судим за распространение контрреволюционного воззвания архиепископа Василия Смиренного из Сан-Франциско (72 статья Уголовного Кодекса старой редакции)³ и приговорен по этому делу к одному году содержания под стражей со строгой изоляцией.

Принимая во внимание, что арестом, а затем и выссылкой Мотова Кельсия будет нанесен некоторый удар по монахам и монашкам, в большом количестве проживающим в Тагильском округе и являющимся наиболее активными и реакционно-настроенными староцерковниками, – просим санкционировать арест Мотова и привлечение его к ответственности по 16-68-10 статьям УК (через Коллегию ОГПУ).

Помощник начальника
Окружного отдела ОГПУ Желтиков
Начальник секретного отделения Зубрицкий
Г.А.ОСО.Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 24507. Л. 12–12 об.
Копия. Машинопись.

¹ См. документы 6 и 7.

² Так в тексте. Однако речь идет не о ст. 68 («Отказ от обязательной военной службы»), а о ст. 58 УК новой (1928 г.) редакции. В части «58.10» устанавливалось наказание за пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно за распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания. Старый (1922 г.) УК предполагал по этой статье высшую меру наказания. Упомянутая также в документе ст. 16 нового УК открывала в этом отношении широкий простор для толкования: «Если то или иное общественное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основания и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления».

³ По ст. 72 УК 1922 г. «Изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера» полагалось лишение свободы сроком не ниже года.

6.

*Рапорт начальника секретного отдела Тагильского окружного отдела
ОГПУ начальнику отдела об осмотре монашеского скита
на Малом Актае*

11 февраля 1928 г.

Верхотурского р[айо]на
Нижнее-Тагильского округа
Уральской области

При осмотре скита на Малом Октае (Верхотурский район) было выяснено, что скит существует самочинно, нигде не зарегистрирован, на церкву арендного договора с районным исполнительным комитетом нет, церковное имущество нигде не учтено. На основании всего этого во избежании того, чтобы после нашего отъезда монахи не растащили имущество, я и товарищ Решетников приступили к описи имущества, которое и сдано монахам под расписку на хранение. (В настоящее время районный исполнительный комитет высылает своего представителя для детальной описи имущества.)

При производстве описи на аналое у престола в алтаре найден прилагаемый при сем помянник, где рукою настоятеля скита иеромонаха Кельсия Мотова записана на поминовение вся бывшая царская семья и вообще все «благочестивейшия государи и государыни и пр.». По объяснению Мотова это им написано месяц-два назад, причем он говорит, что во время богослужения он о «государях» не читает. Объяснение это Мотова неправдоподобно, потому что, как он и сам говорит, он по этому помяннику читает за богослужением каждый день и, следовательно, читает и о «государях».

Приезд наш совпал с богослужением в церкви, и мы с товарищем Решетниковым наблюдали, как Мотов во время чтения помянника оставался и читал про себя что-то. Очевидно, это и были места помянника о государях. Чтение про себя объясняется тем, что в церкви были мы, а при нас Мотов, конечно, не стал читать того, что не полагается.

При дальнейшем осмотре церкви был найден еще один такой помянник. Считаю, что чтение в церкви такого помянника есть самая настоящая черносотенная, монархическая агитация, я Мотова арестовал и направляю его на Ваше распоряжение.

Начальник секретного отделения Зубрицкий

Подпись

*Государственный архив административных органов Свердловской обл.
(ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 24507. Л. 3–3 об. Подлинник. Рукопись.*

7.

*Докладная записка начальника секретного отделения
Нижнее-Тагильского окружного отдела ОГПУ начальнику отдела
об обследовании скита на Малом Октае*

12 февраля 1928 г.

При обследовании скита на Малом Октае было выяснено следующее.

Скит находится в 4 верстах от деревни Малый Октай. Считают, что от Новой Ляли до скита 25–32 версты и от Верхотурья 20–25 верст. В скиту живут 8–10 монахов, во главе которых стоит настоятель иеромонах Кельсий Мотов. Все помещения скита состоят из 2-х небольших домов в 90 квадратных аршин; баня, барак (где тоже живут монахи, помещается кухня) в 64 квадратных аршина. Амбар в 84 квадратных аршина, конюшня в 64 квадратных аршина, небольшая деревянная церковь и землянка, в которой живет слепой монах.

Арендный договор с районным исполнительным комитетом заключен на 2 дома, барак, баню, амбар и конюшню. На церковь и землянку договора нет. Причем характерно то обстоятельство, что договор заключен не на общину, а на Огородникова М.М., которого с сентября 1927 г. в скиту нет, а он живет в селе Грязновском Шадринского или Свердловского округа. Вообще, как община скит нигде не фигурирует, нигде как община не известен, и существует, поэтому, нелегально. Арендная плата за помещение установлена в 8 руб. в месяц. Помимо этого монахи еще платят: за страховку 4 руб. 68 коп. в год, за лошадь 1 руб. 60 коп., за коров 40 коп. и окладное страхование 3 руб. 07 коп. в год. Больше никаких платежей не производится.

Хозяйство скита состоит из одной лошади и двух коров, пахотной земли не имеют, сено косят, где придется. Средствами к существованию являются: служба в церкви (приходят богомольцы), требы окрестному населению, продажа кадок, туесов и, главным образом, той помощью материальной, которую оказывают скиту монахи, находящиеся на приходах. В разговоре со мной и Кельсий, и остальные монахи прямо говорят, что каждый монах, попадающий в приход, считает своей обязанностью помогать.

История скита такова. Скит был основан двумя старцами в 90[-х] годах прошлого столетия. После к ним пришло еще несколько человек. Около 1910 г. скит перешел в ведение Верхотурского мужского монастыря. В годы революции до 1925 г. скита как такового не существовало, и только в 1925 г. после разгона Верхотурского монастыря в скит собрались

8–10 монахов, которые и живут теперь тут. Таким образом, скит как община, существует с 1925 г., и до сих пор нигде зарегистрирован не был.

Еще до приезда в скит у меня были непроверенные сведения о том, <что> скит является своего рода распределительным пунктом для всех монахов, которые, проходя через скит, получают назначение отправляться в определенное место. В последующей беседе с Кельсием Мотовым эти сведения рядом косвенных фактов подтвердились. Так, Кельсий говорит, что действительно через скит изредка проходят монахи и монашки, проживают один-два дня, помолятся и идут дальше. Куда именно они идут, Мотов говорит, что не знает, но говорит это так уклончиво, сбивчиво, что сразу видно, что человек знает, но не хочет говорить.

Кроме того, когда я показал Кельсию список всех монахов Верхотурского монастыря (около 150 человек), он мне рассказал (за единичными случаями), где они в настоящий момент находятся и чем занимаются. Отсюда вполне естественно возникает вопрос – откуда человек, живущий в глуши, может знать все подробности жизни каждого из 150 монахов Верхотурского монастыря? Несомненно, он также хорошо знает о судьбе и монахов Далматовского монастыря и других монастырей (мужских и женских) Уральской области. Чтобы убедиться в этом, стоит только заглянуть в помянный, который Вам направляется вместе с Кельсием. В этом помяннике «о здравии» и «о упокоении» поминается сотни имен монахов и монашек.

Разговаривая с Кельсием относительно существования их скита, я выяснил, что все церковное имущество, находящееся в скиту, нигде не зарегистрировано и монахи считают его своим. Во избежание того, чтобы после нашего отъезда монахи не растащили имущество, я с товарищем Решетниковым приступил к описи этого имущества. За неимением времени полностью все переписать мы не могли, но все самое ценное записали и сдали под расписку монахам. По приезде в Верхотурье я по этому вопросу имел беседу с председателем районного исполнительного комитета товарищем Цеповым, который и дал административной части районного исполнительного комитета распоряжение выехать в скит и произвести полную опись всего имущества. Для описи выезжает начальник административной части с помощником, причем все церковное имущество они забирают с собой и привозят в Верхотурье.

Так как община нигде не зарегистрирована и в течение трех лет существовала самочинным порядком, начальник административной части церковь прикроет и припечатает. Окончательное решение вопроса будет зависеть от нас. Председатель районного исполнительного комитета Цепов 11 февраля выехал в Тагил на совещание при Окружном исполнительном комитете, и было бы хорошо сразу с ним решить этот вопрос.

При описи имущества в церкви найден помяник, в котором записано о поминовении всей бывшей царской фамилии и пр. Поэтому Мотов арестован и с материалами направлен в Ваше распоряжение.

Мое мнение по поводу дальнейшего существования скита таково. Скит разогнать, церковь прикрыть и сдать ее только обновленцам¹ (о чем мною верхотурские обновленцы уже проинструктированы). Церковное имущество из скита забрать и передать в Верхотурье обновленцам (а если можно, то и продать). Основанием к разгону могут служить причины: община и церковь не зарегистрированы, и дело Кельсия.

К делу по этой общине можно притянуть и староцерковнического благочинного в Новой Ляле Кенсорина Шастина, который, как благочинный, не мог не знать о том, что скит нигде не был зарегистрирован, а он считал его (скит) в своем благочинии и посылал ему все церковные распоряжения.

Зубрицкий

ГААОСО.Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 24507. Л. 7–8.

Подлинник. Ручкопись.

8.

Постановление Тагильского окружного отдела ОГПУ о привлечении иеромонаха К.И. Мотова в качестве обвиняемого

28 февраля 1928 г.

1928 г. февраля 28 дня. Я, Помощник Уполномоченного секретного отделения Тагильского окружного отдела ОГПУ Калинин, рассмотрев следственное дело № 29 по обвинению настоятеля церкви пустыни Малый Октай иеромонаха Мотова Кельсия Ивановича в деяниях, предусмотренных 58-10 статьей Уголовного кодекса,

Нашел:

Произведенным предварительным следствием устанавливается, что иеромонах Кельсий Мотов, являясь настоятелем церкви пустыни Малый Октай, при богослужениях производил поминовение расстрелянных членов бывшей царской семьи, святых патриархов православных, благочестивых государей императоров, императриц, царей, цариц, князей, княгинь, княжен и тому подобное.

Принимая во внимание вышеизложенное и руководствуясь 128 статьей Уголовно-процессуального Кодекса,

¹ «Обновленчество» – движение в Русской православной церкви, декларировавшее демократизацию управления и модернизацию богослужения. Обновленцы были противниками патриарха Тихона, избранного 4 декабря 1917 г.

Постановил:

Иеромонаха Мотова Кельсия Ивановича, 53 лет, происходящего из семьи купца второй гильдии завода Палевского Свердловского округа, семейное положение – холост, образование низшее, беспартийный, в 1925 г. привлекался к ответственности за распространение антисоветской литературы, и приговоренного Уральским обл[астным] судом к 6-месячному заключению и лишению права проживания в Тагильском округе в течение одного года, – привлечь по сему делу в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в том, что, производя при богослужении поминовение членов бывшей царской семьи, патриархов, государей, царей и им подобных, открыто проявлял антисоветскую демонстрацию, т.е. в совершении преступления, предусмотренного 58-10 статьей Уголовного кодекса.

Помощник уполномоченного секретного отделения В. Калинин

Согласен: начальник секретного отделения Зубрицкий.

Утверждаю: помощник начальника Окружного отдела ОГПУ Желтиков.

1928 года февраля 28 дня настоящее постановление мне прочитано и изложенные в нем обвинения по 58-10 статье Уголовного кодекса предъявлены, в чем и распишусь. Иеромонах Кельсий Мотов.

ГААОСО.Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 24507. Д. 16.

Подлинник. Машинопись.

9.

Из протокола допроса обвиняемого К.И. Мотова

10 марта 1928 г.

Показания по существу дела. В марте 1927 г. я поехал в Малый Охтай повидать своих знакомых монахов, которые там жили с 1925 г. после момента ликвидации Верхотурского монастыря. Проживало там монахов девять человек, во главе их состоял иеромонах Маврикий Огородников (в качестве настоятеля). Как религиозная община и церковь зарегистрированы не были, пользовались арендными правами на постройки – за что платили 6 руб. 33 коп. в месяц. После ухода Маврикия настоятелем этого монастыря являлся я, мер к регистрации нашей общины я никаких также не принимал.

После моего приезда обедни происходили каждый день – молящиеся приходили преимущественно в праздники из близлежащих сел. Доходы от церкви были, но маленькие.

На богослужении я поминал членов царской семьи (Николая II, Александра и все семейства и великих князей). Политическим преступле-

нием я это не считаю. На политические темы я ни о чем я не разговаривал, газет никогда не читал. Больше показать ничего не могу.

Кельсий Мотов
Допрашивал Розов
ГАОСО.Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 24507. Л. 33–33 об.
Подлинник. Рукопись.

«Неужели у нас в Советском Союзе нет хлеба?»

10.

*Из докладной записки начальника Шадринского РО НКВД
младшего лейтенанта госбезопасности Леготина начальнику
3-го экономического отдела УНКВД капитану госбезопасности
Голубеву о состоянии хлебной торговли в Шадринском районе
Челябинской области*

По состоянию на 23 января 1940 г.

Особая папка

Положение с хлебной торговлей в Шадринском районе ни в какой степени не улучшается, а, наоборот, ухудшается. На почве недостатка хлеба в городе возникают серьезные антисоветские настроения, доходящие до угроз убийства по адресу руководителей партийных и советских организаций и разгрома этих организаций. Недостаток хлеба в городе ощущается самым серьезным образом: если в декабре месяце [1939 г.] на город Облторгдел дал хлеба 370 тонн, то на январь месяц отпустили 265 тонн.

Вследствие недостатка хлеба в городе это создает озлобление и антисоветские настроения: рабочий комбината «Союзплодоовощ» Блюденнов Г.Я. в присутствии рабочих Луина Т.П., Агеева П.С. по вопросу хлебной торговли говорил: «Я с 11 января на 12 января с вечера простоял в очереди за хлебом до 10 часов утра и ничего не достал. Исправится ли это дело? Черт его знает!» Агеев ему на это ответил: «Да, плохо ожидать улучшения, ведь вы видите – не только киоски закрыли, а и в столовых ни черта нет, ничего не поешь».

Машинистка Шадринского нарсуда Морозова систематически высказывает свое недовольство недостатком хлеба. Так, она в присутствии ряда сотрудников говорила: «Возмутительное безобразие с хлебом. С 11 часов ночи приходится стоять в очереди за хлебом, мерзнуть и часто стоишь понапрасну, не доставши хлеба, уходишь голодной домой и голодной на работу. В общем, дожили, как говорится, до хорошей жизни».

18 января 1940 г. ночью около РК ВКП (б), где находится хлебный магазин, собралась очередь человек около 500. Гражданка Потысьева Александра Александровна, жена финансиста Рай[онного]Ф[ин]О[тдела], говорила: «Нам не так надо действовать, надо организованно собраться мужчинам и женщинам и пойти в Райком ВКП (б) и организованно потребовать хлеба, тогда они будут беспокоиться и прибавят хлеба».

20 января 1940 г. получено анонимное письмо, в котором говорится: «Наверное, вы видите, что делается у магазинов, сколько рабочих ходит в очередь за несчастными двумя килограммами хлеба, теряют свое здоровье, стоят на холоде с 9 часов вечера до 8 часов утра. Неужели у нас в Советском Союзе нет хлеба? Это, по-моему, неверно. Можно прямо выразиться, что у нас есть враги народа, и они тормозят это дело. Меня берут защищать СССР, я пойду защищать, но моя семья остается дома голодом сдыхать, я защищать границу так не буду, а изменю. По-моему, надо выкорчевывать врагов СССР и в кратчайший срок изжить очереди за хлебом».

Для разрядки создающегося положения в связи с очередями, доходящими численностью до 1000 человек, необходимо дополнительно подбросить хлеба. Нами приняты меры к изъятию спекулятивного элемента. Прошу Ваших указаний.

*Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).
Ф. П-288. Оп. 3. Д. 506. Л. 199–201. Копия.*

11.

*Из спецзаписки заместителя начальника Курганского РО НКВД
младшего лейтенанта госбезопасности Вострухина начальнику
3-го экономического отдела УНКВД капитану госбезопасности
Голубеву о хлебной торговле в Курганском районе
Челябинской области*

По состоянию на 26 января 1940 г.

Особая папка

В декабре месяце 1939 г. на колхозный рынок города Кургана значительно сократился подвоз хлебных продуктов: муки, зерна, круп и пр., а в январе м[еся]це 1940 г. подвоза на рынок колхозниками зерна и муки совершенно нет. Наряду с этим значительно урезаны наряды фондов по линии Райторготдела на реализацию через магазины для населения печеного хлеба и муки в розницу.

В связи с сокращением подвоза на рынок с[ельско]-хоз[яйственных] продуктов, а также продажи печеного хлеба и муки в розницу через мага-

зины Челябинска, появилась среди населения паника, погоня за запасом, образовались у магазинов и столовых большие очереди. Наблюдается недовольство, нездоровые настроения и антисоветские выкрики. Особенно используют такое положение для агитации лица, враждебно настроенные против Советской власти.

Ведут агитацию не только в очередях, но и на производстве. 25 января с[его] г[ода] в караульном помещении ВОХ Машзавода рабочий Бухряков Петр Иванович в присутствии др[угих] рабочих говорил: «Хлеба в Кургане нет, население мрет с голоду. Такое положение создали коммунисты-шкурники, они сыты». Обращаясь к Васильеву, который получил извещение о явке в военкомат, говорил: «Что, браток, в армию берут? Это очень плохо, плохие дела затеяла Советская власть. Вот у меня сын уже три года служит в РККА. Что он защищает? Что мы хорошего видим? Живем, мучаемся, а тут еще хлеба не стало».

Аналогичных фактов можно привести много, т[ак] к[ак] антисоветский элемент такую обстановку при всяком удобном случае использует в своих контрреволюционных целях.

Директор мясокомбината Рошал, чл[ен] ВКП (б), написал официально в РО НКВД, просит оказать содействие в снабжении хлебом рабочих, мотивируя угрозой срыва производства. Он пишет: «Всего работающих на Мясокомбинате 1276 человек, ежедневная потребность 600 кг хлеба для столовой, Райторготдел отпускает 300 кг, в хлебные ларьки хлеб совершенно не поступает, а поэтому в столовую приходят обедать рабочие с семьями, но при таком количестве хлеба столовая не обеспечивает потребность. Создаются очереди, раздаются выкрики антисоветского характера. Рабочий Костромин Арсентий на производственном совещании заявил: «С нас требуют работы, мы голодаем без хлеба. Обеспечьте хлебом, а потом спрашивайте работу».

Анализируя причину создавшегося тяжелого положения в районе с хлебной торговлей, установили: с наступлением холодной погоды и образованием снежных заносов на колхозный рынок подвоз с[ельско]-х[озяйственных] продуктов сократился. Выброска печеного хлеба для продажи не удовлетворила полностью население, появились очереди. Антисоветский элемент повел агитацию, что началась война, что хлеба не будет, создал панику, возникла погоня за заготовкой запаса хлеба на продолжительное время. Начались поездки из города в села на лошадях и машинах по закупке хлеба, встречи колхозников за городом, везущих хлеб на рынок, и скупка целыми возами, вздутые цен, а именно: в сентябре м[еся]це 1939 г. пуд муки на рынке стоил 15 руб., в данное время 50–60 руб. Колхозники совершенно прекратили продажу хлеба.

Массово-разъяснительной работы среди населения со стороны профсоюзных организаций предприятий, а также и в колхозах нет. Район-

ные организации – РК ВКП (б) и Райисполком – по этому вопросу тоже никакой работы не проводили, в прокуратуре нет ни одного дела по спекуляции хлебом. Ряд руководителей хоз[яйственных] организаций, имеющие автотранспорт, используют его в целях наживы, т.е. скупают зерно в соседних районах по дешевой цене, распределяя между собой.

ОГАЧО.Ф. П-288. Оп. 3. Д. 506. Л. 136–140. Копия.

12.

Из докладной записки начальника Магнитогорского Горотдела УНКВД лейтенанта госбезопасности Лихолета начальнику 3-го экономического отдела УНКВД капитану госбезопасности Голубеву о состоянии торговли хлебом в г. Магнитогорске

27 января 1940 г.

Особая папка

За последнее время в гор[оде] Магнитогорске участились случаи перебоев в снабжении населения хлебом, что в результате привело к созданию громадных очередей за хлебом у магазинов и вызвало отрицательные настроения среди населения. Отмечены факты, когда у отдельных магазинов очереди доходили до 800 человек, имеют место также факты, что в очередь за хлебом становятся ночью и даже с вечера.

Установлены факты, что отдельные лица, используя создавшееся положение с перебоями в хлебной торговле, занимаются спекуляцией хлеба. В связи с сокращением выделенных фондов на 1-й квартал, значительно сократились, а в ряде магазинов совершенно исчезли из продажи такие продукты, как крупа, мясо, масло, мука, рыба и т.д. В результате население стало больше потреблять хлеба, и увеличился спрос на печеный хлеб; если семья потребляла 2–3 кг хлеба в сутки, то потребление в связи с вышеизложенными причинами возросло до 4–5 кг.

Среди населения распространяются всевозможные провокационные слухи, ведется антисоветская агитация, например, в бухгалтерии цеха «Металлострой» сотрудник Поташев Петр Иванович 18 января 1940 г. заявил: «Всех Сталиных и Молотовых мне бы в руки». На вопрос: «Почему Вы не уважаете ваше правительство?», Поташев ответил: «Какое может быть уважение, когда ничего нет».

Неизвестное для нас лицо написало анонимное письмо на имя В.М. Молотова следующего содержания:

«Главе Советского Правительства В.М. Молотову.
Уважаемый Вячеслав Михайлович!

Я решил тебе написать о быте и жизни рабочего в городе Магнитогорске. Я думаю, что ты имеешь сведения, как мы живем, но сведения очковтирательские, неправильные, ибо действительная жизнь такова, что дальше нетерпимая. Я имею в виду полное отсутствие продуктов и товаров первой необходимости. Магазины у нас пусты. Чтобы получить 2 кг хлеба, надо простоять 7–8 часов, но и простоявши полдня, можешь не получить, потому что не хватит. Но что 2 кг на семью в 5–6 человек? Если это семья от 6 до 7 человек, то хлеба получить вообще нельзя и дети ждут, пока отец с работы придет и принесет хлеба, а он в столовой сумеет раза два взять по 200 грамм. Такое же положение со всеми остальными продуктами: сахару нет, конфет нет, печенья нет, макаронных изделий нет, масла нет, муки совершенно никакой. Рабочие в Магнитогорске живут, питаются исключительно картошкой, это благодаря тому, что она уродилась. Мы только мечтаем, что где-то люди кушают и компот, и кисель, и борщ и вообще организм получает нужную ему пищу. Мы же свой желудок набиваем одной картошкой, часто без хлеба и редко с мясом. После такой еды только и слышишь слова “жить стало лучше, жить стало веселей”».

Я насчет веселости еще не писал, здесь тоже не сладко: 20 руб. литр белой водки вместо 12 руб. Ну, а о промтоварах и писать нечего, не знаю, есть ли еще такие оборванцы, как у нас. Я со своей семьей с 1937 г. не могу купить ни одного метра мануфактуры.

А вот месяцев пять назад исчезло хозяйственное мыло и те лохмотья, которые есть, стирать нечем. Вот и представьте, при таком положении как может существовать семья с малыми детьми, кормить их нечем. И спросите себя, какая цена Вашим заявлениям о всяких достижениях, об изобилии продуктов и товаров.

Мы получаем письма от знакомых с других мест нашего Союза, они так же пишут о своей несчастной жизни. Печать полна похвал и достижений, а народ ваш голодный, холодный, раздетый и недовольный жизнью. Вы и правительству, Вами возглавляемое, виновато в этом. Вы ввели такую цензуру, что никто не может открыто заявить о недовольстве. Бесстыдно говорим о свободе, о свободном государстве. Это государство тюрьмы и смерти. Я из-за боязни за свою жизнь, конечно, не могу подписать это письмо. Но проверить его правоту можно и без подписи».

20/1–40 г. в пимокатной мастерской, в присутствии Жильцова Павла Яковлевича, Вольнина Евдокия Ивановна (спецпереселенка) сказала: «Черт знает, что за жизнь, нет ничего, и с детьми сейчас нет никакой жизни. Я вот все каюсь, что не убила их, лучше бы было, они бы не маялись, а то мы маемся и они мучаются».

Устанавливается автор контрреволюционного письма.

ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 506. Л. 283–288, 290. Подлинник.

13.

*Из протокола № 2 заседания бюро Челябинского обкома ВКП (б)
по поводу письма рабочих медеплавильного завода г. Карабаш
Челябинской области в газету «Челябинский рабочий»*

22 марта 1940 г.

Особая папка

СЛУШАЛИ: Письмо в газету «Челябинский рабочий»

ПОСТАНОВИЛИ: Поручить т[оварищам]. Булкину и Кузьмину выехать в Карабаш и совместно с Карабашским горкомом ВКП (б) рассмотреть письмо по существу затронутых вопросов, выводы сообщить бюро. Срок работы 3 дня.

В «Челябинский рабочий». Просим Вас добиться ответа от Сапрыкина и Соболева, так как несколько раз посылали письма им следующего содержания:

«Мы, рабочие медеплавильного завода и рудников, сидим без хлеба. Согласно постановлениям все дети должны быть грамотны, а у нас дети стоят, мерзнут всю зиму в очередях голодом тогда, когда в Свердловском, Челябинском и Москве хлеба достаточно, а мы получаем в пятидневку 3 кг на 5–6 душ. Такое явление было только в 1921 г. Вы пишете в газетах, что в буржуазных странах на пайке, а оказывается наоборот, мы совсем голодом, хуже в сто раз, чем при Уркварте и когда конец будет не видно. Мы считаем, что у нас в Карабаше Сов[етской] власти не существует, а есть во всей области одни троцкисты, которые нас морят и мстят, хотят добиться от нас забастовки, также и руководители области хотят нас подвести, как и поп Гапон. Мы не виним Сталина потому, что он пока не знает об этом, но придется если бастовать, и начали чистить область как в 1918 г. при Колчаке; хотя наши письма не допускаете до правительства, но добьемся через сыновей и мужей, которых у нас взяли, а нас оставили с семьями голодовать.

Просим дать ответ, когда будет хлеб, а не заниматься агитацией, а нас не кормить это не 1920 г., а довели до того, что колхозники дерут с нас 100 руб. за пуд, да и его нет. Если не дадите хлеба и ответа в газете не будет добиваться, так как в 1905 г. Редакцию просим конкретно ответить в газете, когда будет хлеб в Карабаше, но не заниматься, что это неверно, что нет хлеба и не ссылаться на спекулянтов потому, что мы контролируем от хлебозавода до продажи в магазине или сделать карточную систему».

В чем подписуемся по поручению собрания
Бегунова, Власова, Блахина, Сербанов, Гучкова и другие.

ОГАЧО.Ф. П-288. Оп. 42. Д. 13. Л. 10–11. Копия.

«...ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ...»

14.

**Протокол допроса бежавшего из немецкого плена бывшего
военнослужащего Красной Армии А.Д. Архипова****29 ноября 1944 г.**

Действующая Красная Армия 83 СКД

Я, ст[арший] следователь отдела контрразведки «СМЕРШ» 31 СК1 старший лейтенант С¹, допросил в качестве свидетеля бывшего военнослужащего Красной Армии, бежавшего из немецкого плена: Архипова Александра Дмитриевича, 1921 г. р., уроженец гор. Свердловска, из рабочих, рабочий, русский, б[ес]партийный, образование 7 кл[ассов], холост, не судим. В РККА призван в марте м[еся]це 1941 г. Свердловским ГВК. Службу проходил в отдельном зенитном артполку 76-мм пушек. В плен попал в районе г. Двинска 11 июля 1941 г.

Об ответственности за отказ от дачи показаний, за дачу ложных показаний по ст[атьям] 92 и 95 УК РСФСР предупрежден: *Архипов.*

Вопрос: Расскажите кратко свою биографию?

Ответ: Я, Архипов Александр Дмитриевич, родился в 1921 г. 26 декабря в семье рабочего – токаря по дереву, в городе Свердловске. До 5-летнего возраста я жил с родителями. В 1926 г. мои отец и мать умерли. Я до 12 лет воспитывался у своей тетки – Калташовой Екатерины Ивановны. С 1933 по 1936 гг. я находился на воспитании в детдоме гор[ода] Свердловска, и с этого времени до момента призыва в армию работал на заводах гор[ода] Свердловска. Последнее время я работал в качестве автослесаря при транспортной конторе горжилуправления гор[ода] Свердловска, откуда и был в марте м[еся]це 1941 г. призван в Красную Армию.

Вопрос: В каких воинских частях Вы проходили службу?

Ответ: Сразу после призыва меня зачислили в отдельный зенитный артполк 76-мм пушек, который в то время формировался в гор[оде] Ки-ро Каунасе я проходил службу в этом же полку до начала Отечественной войны на должности рядового бойца. С началом войны наш полк был переброшен на границу Литовской ССР, где вступили в бой с немцами. Под натиском сил противника части Красной Армии начали отступать в тыл страны. Наш зенитный полк прикрывал отступление пехотных частей и отходил самый последний. В одном из боев наш полк был разбит, после чего я попал в плен к немцам.

¹ Так в тексте.

Вопрос: При каких обстоятельствах Вы были пленены немцами?

Ответ: 30 июня 1941 г. при переправе через реку Вилия наш зенитный артполк (номер полка я не помню) был разбит при налете авиации противника. С этого времени я от своего подразделения отстал и вместе со своим командиром отделения и двумя бойцами пошел в тыл страны.

3 июля 1941 г. командир отделения, фамилии его я не помню, предложил мне идти дальше одному, мотивируя тем, что большими группами ходить опасно, а сам с двумя бойцами, которые были его земляки, пошел в другую сторону. Таким образом, по территории Белоруссии я шел один и питался тем, что давали мне жители и что мне удавалось находить на дорогах, где отступающие части Красной Армии бросали продукты и другое.

11 июля 1941 г. я вышел в Шарковский район и когда обошел местечко Шарковщина, мне навстречу попались 4 немецкие автомашины, на одной из которых ехали немецкие солдаты. Заметив меня, немцы приказали мне остановиться, после чего взяли в плен.

Вопрос: Имели ли Вы при себе оружие в момент Вашего пленения немцами?

Ответ: В момент моего пленения я оружия не имел, т. к. свою винтовку оставил в автомашине в момент переправы нашего полка через реку Вилия. И после налета немецкой авиации я к машине больше не подходил.

Вопрос: В каких лагерях военнопленных Вы содержались за период Вашего пребывания в немецком плену?

Ответ: Сразу после моего пленения, меня на автомашине привезли в местечко Шарковщина, где были уже военнопленные из других частей. Через 3 дня меня в группе 1000 человек военнопленных пешком отправили в лагерь военнопленных Сувалки, который находился на польской границе. В этом лагере я пробыл около одного месяца и в группе 800 человек товарным поездом был увезен в гор[од] Штатгарт (Северная Германия). В Штатгарте всю группу военнопленных помыли в бане, переодели в обмундирование военнопленных и товарным поездом перевезли в гор[од] Штетин.

В Штетине мы пробыли один день, после чего нас увезли пароходом в Северную Норвегию и выгрузили в гор[оде] Альта. В гор[оде] Альта был лагерь для военнопленных, куда я был направлен в группе 300 человек, привезенных из Германии. В этом лагере я пробыл до марта м[есяца] 1942 года. Из лагеря гор[ода] Альта я убыл в команде 50 чел[овек] военнопленных в лагерь Били-Фиорд, который находился от гор[ода] Альта в 200 клм на северо-восток. В лагере Били-Фиорд я находился до момента моего побега, т.е. 11 октября 1944 г.

Вопрос: Расскажите, что представляет из себя лагерь военнопленных Били-Фиорд?

Ответ: Лагерь Били-Фиорд назывался по имени населенного пункта, который был расположен на берегу залива Полор-Замер. В марте м[еся]це 1942 г. там находилось до 50 немецких солдат, которые жили в двух бараках. С нашим приездом был выстроен еще один барак, где поместили всех военнопленных. Со временем в заливе Полор-Замер был выстроен морской аэродром, на котором работали 350 человек военнопленных и до 200 немецких солдат.

Военнопленные жили отдельно, на расстоянии одного километра от аэродрома и содержались в одном бараке. В другом бараке, который находился на территории лагеря, жил обслуживающий персонал лагеря. Обслуживающий персонал лагеря состоял: два рядовых полицая и один старший. Старший полицай являлся и переводчиком. Один фельдшер и два повара.

Вопрос: Чем Вы занимались, находясь в плену?

Ответ: Находясь в гор[оде] Альта, я все время работал в группе с другими военнопленными на дорожных работах. Когда меня перевели в лагерь Били-Фиорд, я там также 18 месяцев работал на общих работах, а остальное время, т.е. с августа 1943 г. до момента побега, работал на стационарном двигателе внутреннего сгорания в качестве слесаря. На этом двигателе, кроме меня, также работал немецкий солдат и выполнял обязанности механика. В августе месяце 1944 г. в районе аэродрома был пущена в эксплуатацию электростанция, и с того времени я остался работать у солдата-механика, выполнял обязанности уборщика его комнаты, а остальное время работал при слесарной мастерской строительной конторы. Ночевать я ходил в общий барак военнопленных.

Вопрос: Сколько раз Вы допрашивались немцами?

Ответ: За все время моего пребывания в немецком плену я один раз подвергся допросу со стороны немцев. В последних числах сентября м[еся]ца 1941 г. я прибыл в лагерь Альта. В этом лагере производился допрос военнопленных. В барак, где производился допрос, меня привели в группе 8 человек военнопленных, но в комнату к допрашивающим нас вызывали по одному. Допрашивали меня немецкий капитан и немец-переводчик унтер-офицер. Фамилий их я не знаю. Мне были заданы вопросы, касающиеся моей биографии, места службы в Красной Армии, где был пленен немцами и какие известны мне укрепрайоны в Советском Союзе. В отношении своей биографии, места службы в Красной Армии и места моего пленения я рассказал немцам правдиво. Касаюсь укрепрайонов я ответил, что таких районов я не знаю. Все мои показания были записаны в протокол, после чего я расписался и поставил отпечаток среднего пальца правой руки. После оформления моих показаний мне выдали знак военнопленного за № 1140, и я был отпущен в барак.

Вопрос: Что Вам известно о предательской деятельности других военнопленных из числа бывших военнослужащих Красной Армии?

Ответ: Лиц, которые занимались бы предательской деятельностью среди военнопленных, из числа бывших военнослужащих Красной Армии я не знаю. Как я уже показал выше, в лагере Били-Фиорд как обслуживающий персонал лагеря были: полицаи, повара и фельдшер. Они у немцев пользовались привилегиями, которые выражались в том, что жили отдельно от остальных военнопленных, получали большую норму хлеба, а, питаясь с общей кухни, брали себе лучшие продукты питания. Фамилий этих лиц я не знаю и могу назвать только одни имена, а именно: старшего полицаия, он же являлся и переводчиком, звали Александром, двух полицаев звали: одного Виктор, второго – Федор. Поваров звали Петр и Владимир. Фельдшера звали Алексеем. Где они попали в плен к немцам, в каких воинских частях Красной Армии проходили службу, а также другие их биографические данные – я не знаю.

Вопрос: С кем и при каких обстоятельствах Вы бежали из немецкого плена?

Ответ: Из немецкого плена я бежал 11 октября 1944 г. в 6 часов вечера вместе с фельдшером Алексеем и военнопленным Николаем. Фамилий их я не знаю. Обстоятельства побега были следующие. Находясь в лагере военнопленных Били-Фиорд, в 6 часов вечера 11 октября с/г я закончил работу в слесарной мастерской, взял с собой кусачки для проволоки и вместе с другими военнопленными пришел в лагерь. При входе в лагерь я сказал Алексею, чтобы он взял свои вещи и передал Николаю, который вместе с нами готовился к побегу, о том, чтобы он был готов бежать. Сам я в барак не заходил, а пошел к заранее выбранному месту в проволочном заборе, перекусил кусачками проволоку и этим сделал проход. В этот момент ко мне подошли с вещами Алексей и Николай, и мы благополучно выбрались за пределы лагеря. Отойдя от лагеря до двух километров, с целью скрыть свои следы, мы спрятались в горах, где побыли 2 суток, т.к. немцы, обнаружив наше отсутствие, начали поиски нас. После того, как немцы прекратили поиски нас в районе лагеря, мы пошли дальше согласно намеченного нами маршрута.

Вопрос: Как был организован Ваш побег?

Ответ: Во время моего пребывания в лагере военнопленных Били-Фиорд я часто занимался ремонтом часов немецким солдатам. Эту работу я выполнял в комнате фельдшера Алексея. В марте м[еся]це 1944 г., ремонтируя часы в комнате Алексея, я с Алексеем разговорился об условиях жизни в плену и тут же высказал свое намерение бежать из плена. В это время кроме нас двоих в комнате больше никого не было. Алексей со мной согласился и заявил, что он также желает убежать из плена. На следующий день я Алексею сказал, что у меня есть топографическая карта и

компас. Алексей это одобрил и сказал, что необходимо достать еще и оружие. Вскоре после этого он достал ручных гранат, пистолет и к нему 50 патронов, бинокль. Все это оружие Алексей достал через знакомого ему врача, который работал с военнопленными на пристани, где разгружались баржи с оружием. Карту и компас я достал у знакомого мне норвега, который работал на электростанции электриком. Он часто заходил в мастерскую, я ему признался, что хочу бежать из немецкого плена. Фамилию и имя норвега я не знаю. Он был увезен немцами из Южной Норвегии.

Когда все это нами было приготовлено, я начал торопить Алексея с осуществлением нашего побега, но тот почему-то откладывал этот момент, и только дней за 10 до момента нашего побега рассказал мне, что он подготовил еще одного человека из военнопленных по имени Николай, который также согласен бежать. 11 октября с/г во время обеда мы с Алексеем договорились убежать из лагеря в этот же день вечером. Он со мной согласился, и в свою очередь передал об этом Николаю. Когда мы в 6 часов вернулись с работы в лагерь, я сделал в проволочном заборе проход, через который мы совершили побег. Выбравшись благополучно из лагеря, мы двое суток просидели в горах в 5 км от лагеря, и только после того как убедились, что немцы прекратили поиски нас, пошли дальше на восток с целью выйти в Швецию.

Вопрос: Зачем Вы стремились попасть в Швецию?

Ответ: Зная о том, что Швеция нейтральная страна, мы надеялись, что шведское правительство передаст нас советскому правительству, и таким образом мы окажемся у себя на родине. Находясь в лагере, никто из военнопленных не знал, что Финляндия прекратила военные действия против России и в настоящее время ведет войну против Германии, и об этом я узнал только в пути, находясь в побеге, от одного норвега, с которым я встретился на норвежско-финской границе, но когда я с ним встретился, я сказать не могу, т[ак] к[ак] не помню даты.

Вопрос: Продолжайте показания в отношении вашего маршрута.

Ответ: Отойдя от гор, где мы скрывались двое суток, первое время мы шли на восток, но потом повернули на юг и в таком направлении шли до норвежско-финской границы. Несмотря на то, что у нас была карта, мы ею не пользовались, так как никто из нас не мог разобраться в том, что было нанесено на карте. На границе мы зашли в дом одной норвежки, где покушали. На нашем пути протекала река, которую мы хотели переплыть, использовав для этого лодку хозяйки дома. Лодку хозяйка нам не дала, но Алексей пригрозил оружием, хозяйка убежала в дом и мы переехали реку.

На противоположном берегу реки мы обнаружили дом, в котором разместились ночевать. Когда я вышел вечером на улицу, я услышал немецкий разговор недалеко от дома. Поняв, что нас преследуют немецкие солдаты, я бросил в сторону, откуда шел разговор, две гранаты, а сам по-

бежал в лес. Немцы в свою очередь бросили в дом две гранаты, после чего все утихло. Оставшись без продуктов и одежды, все это я забыл в доме, и, решив узнать о судьбе Алексея и Николая, я на следующий день пришел в дом. В одной из комнат на полу я увидел труп Николая, а Алексея обнаружить не мог. Забрав свои вещи и две буханки хлеба, я ушел из дома и пошел по линии границы вдоль реки.

Отойдя от места происшествия 52 км, я вышел к одному дому. В этом доме жил норвежец, который мне рассказал, что Алексей немцами также убит и его труп лежит в подвале дома. Этот же норвег мне рассказал, что Финляндия воюет против Германии и финнов мне бояться не надо. Он же мне указал путь движения и посоветовал мне идти по телефонной линии. Эта телефонная линия помогла мне выйти в расположение финских воинских частей, которые были расположены в населенном пункте Инари. В эту же ночь, т.е. 23 ноября 1944 г., в расположении финской воинской части пришли еще 2 русских, бежавших из плена, вместе с которыми на следующий день я и был передан командованию Красной Армии.

Вопрос: Чем Вы питались в пути следования после побега из плена?

Ответ: Из лагеря мы с собой взяли только одних сухарей общим весом до 1500 граммов. Кроме того, я взял еще 1 карманные и 3 ручных часов, которые немцы мне дали на ремонт. Эти часы мы обменивали у норвегов на продукты питания, хлеб и рыбу. Этими продуктами мы и питались весь наш путь. Сперва все трое, а потом я один.

Показания в протоколе допроса с моих слов записаны правильно и мною прочитаны: Подпись Архипова

Допросил ст[арший] следователь отдела контрразведки «Смерш» 31 ст[арший] л[ейтена]нт: Подпись

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГАА СО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7031. Л. 2–13. Подлинник. Рукопись.

15.

**Из докладной записки специальной бригады Молотовского обкома
ВКП (б) и областной прокуратуры секретарю обкома Н.И. Гусарову
о результатах проверки состояния спецлагеря № 0302 НКВД СССР,
расположенного в Кизеловском угольном бассейне
Молотовской области**

**январь 1945 г.
Совершенно секретно**

На день проверки весь людской состав лагеря исчисляется в 14 302 человека и размещен в 21 лаг[ерном] отделении¹.

Основное назначение лагерей – добыча угля, судя по отзывам представителей всех трестов, а также гор[одских] парт[ийных] комитетов, выполняется удовлетворительно, спецконтингент работает хорошо и каких-либо серьезных претензий со стороны управл[яющих] трестов и нач[альников] шахт к руководству лагеря и его подразделений нет, если не считать отдельные подразделения и производственные участки, где имеется недостаточная выхождаемость² спецконтингента на работу по самым разнообразным причинам.

Содержащийся в лагере спецконтингент подразделяется в основном на 3 группы:

1. Бывш[ие] военнослужащие Красной Армии, находившиеся в окружении у противника и вышедшие из окружения.
2. Бывшие военнослужащие, находившиеся в плену у противника.
3. Лица из гражданского населения, остававшиеся на оккупированной противником территории и служившие в полиции и жандармерии.

Среди содержащегося в лагере спецконтингента³ имеется большое количество офицерского состава Красной Армии, бывш[их] коммунистов, комсомольцев, орденосцев, инвалидов Отечественной войны. Имеются также: специалисты, лица с высшим образованием, инженеры, техники, врачи и т.п.

После проверки, с/к, согласно Постановления Г[осударственного] К[омитета] о[б]ороны, передается в основном в постоянный кадр управления угольной промышленности. Кроме этого, большое количество с/к направляется НКВД СССР для комплектования воинских подразделений по охране др[угих] лагерей, комплектования воинских частей, для отправки

¹ Дальше в тексте может быть и «лаготделение».

² Так в тексте.

³ Далее в тексте с/к.

на фронт (офицеры) и для комплектования штата управления лагеря № 0302 и его охраны.

1. БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ С/К.

Согласно приказов НКВД СССР и существующего типового договора между спецлагерем № 0302 и комбинатом «Молотовуголь» по организации лагерей и содержания с/к в них, комбинат «Молотовуголь» обязан представлять для лагеря:

1. Зоны высотой 21/2 метра с вышками и проходными будками.
2. Жилые помещения, оборудованные нарами вагонного типа, с жилой площадью по 2 кв. метра на 1 человека.
3. В зонах должны быть: баня с пропускной способностью 50–75 человек в час, дезокамеры с такой же пропускной способностью, прачечные, сушилки, столовые, кухня, оборудованная необходимым инвентарем, кубовая, санчасть или лазарет, умывальники, водопровод и транспортные средства.

Кроме того, комбинат обязан обеспечить с/к постельной принадлежностью – матрацами, подушками, одеялами, простынями, наволочками, спецодеждой по нормам ВЦСПС и необходимым количеством топлива.

Несмотря на это, в большинстве лагерных отделений указанные коммунально-бытовые условия отсутствуют. Так, на шахте Рудничная треста «Кизелуголь», в лаготделении № 5 (начальник лагерного отделения) Беляков, с/к содержится в исключительно тяжелых условиях. Помещения ветхие, разваливаются, непригодны для жилья. В помещениях холодно, так как во многих окнах нет тепловых рам, печи развалены и требуют немедленного ремонта. Кроме того, запаса топлива в лагерном отделении нет совсем. В выходные дни топливо в лагерное отделение также не привозится. Прачечная, сушилки и дезокамера в лагерном отделении отсутствуют. Имеющаяся в зоне баня не отвечает необходимым требованиям. В результате отсутствия необходимого количества воды, мыла, белья и постельных принадлежностей, среди с/к имеется большая заболеваемость. Необходимо отметить плохое санитарное состояние помещений, в комнатах грязно, полно клопов.

На шахте им. Ленина, в лаготделении № 3–4 (начальник лагерного отделения) т[оварищ] Сонкин) жилые помещения, где размещен с/к, к зиме не подготовлены и не утеплены. Необходимый ремонт помещений не произведен. Кроме того, запаса топлива в лагерном отделении нет совсем. Поэтому не работает имеющаяся в зоне баня. Поселковой же баней с/к запретил пользоваться начальник шахты тов. Павлюченко. В лагерном отделении нет прачечной и сушилок. В бараках установлены сплошные 2-этажные нары, на которых спят с/к по очереди, так как на нижних нарах из-за холода спать нет возможности.

Ввиду отсутствия бани и смены белья, с/к на 30% имеет завшивленность. Никаких постельных принадлежностей у с/к нет, и они не выдавались прибывшему в ноябре мес[яце] спецконтингенту. В бараках среди с/к имеются случаи краж, однако хранение личных вещей плохо организовано. Никакого учета сданных в кладовую личных вещей нет. Вещи принимаются от с/к с привязанной к узлу с вещами деревянной дощечкой, на которой значится фамилия владельца вещей.

На день проверки лагеря бригадой установлено, что спецодежда с/к обеспечен неудовлетворительно. На 1/12 лагерю недостает 3047 комплектов спецодежды и гораздо большее количество резиновых чуней. Выдаваемая комбинатом «Молотовуголь» и трестами спецодежда сроков носки не выдерживает, в результате с/к ходит без последней, к тому же имеются случаи, когда с/к из-за отсутствия спецодежды не выводится на работу, или, выходя на работу без спецодежды, имеет большое количество травматических повреждений. Некоторые лица из с/к по 7–9 месяцев не получали спецодежды, в результате чего она превратилась в лохмотья. Так с/к Осадчий, работающий кузнецом на рудоремонтном заводе, с апреля месяца 1944 г. не получал спецодежды. В лаготделении № 5 на шахте Рудничной, с/к были выданы чулки без носок и портянок, в результате чего имелись массовые простудные заболевания. На шахте им. Урицкого 600 человек из с/к, работающие на подземных работах, не имеют спецодежды.

На шахте Гремячее, в лаготделении № 13, в течение ноября-декабря месяца ежедневно выход на работу уменьшался на 40–45 чел[овек] в среднем из-за отсутствия спецодежды, гл[авным] образом чуней. Наряду с большим недостатком спецодежды и обуви в лагере, имеются случаи, когда работники лаготделения используют полученный для пошива спецодежды брезент для личных нужд. Так, на шахте № 3–4, из полученного для пошива рукавиц брезента были работниками лагеря пошиты плащи и сапоги. Инструктор по политработе т. Моторов сшил себе две пары сапог. Бывш[ий] нач[альник] лаг[ерного] отделения Захаров сшил себе плащ и др[угие] вещи.

Большим недостатком в лагере является отсутствие учета вещевого имущества. В результате этого в лагере наблюдается массовая торговля вещ[евым] имуществом. Так, например, из прибывших на шахту им. Ленина из Финляндии 260 чел[овек] оказалось на 27.XII. 120 чел[овек] без шинелей. Шинели распроданы вольнонаемным рабочим шахты, а также куплены работниками лаготделения. Инспектор ХОЗО Галагин купил шинель, деж[урный] офицер Усвятцев также купил шинель. Купил шинель и фельдшер Кононенко и др. В 17 л[агерном] отд[елении] 5.XII. деж[урный] офицер Алдыков купил у с/к шинель за 200 р[уб]. деньгами и 2 кг хлеба. На шахтах Гремячего в течение декабря месяца продано 100 шинелей.

Причем шинели покупали не только вольнонаемные рабочие и работники л[агерного] отделения, но и руководители шахт. Так, нач[альник] шахты Кузьменко купил 2 шинели, гл[авный] механик шахты Филиппенко купил 4 шинели. Нач[альник] конного двора шахтоуправления купил 2 шинели и др.

Руководство лагеря и лаг[ерных] отделений, зная о незаконных действиях с/к и отдельных работников лаг[ерного] отделения, мер к прекращению подобных фактов не принимали. Не лучше обстоит дело и с наличием нательного белья. Несмотря на то, что лагерь для с/к в июне месяце получил 15 000 пар белья и с/к, прибывший из Финляндии, привез с собой 5,5 тыс. пар белья, в данное время большое количество с/к не имеет последнего и ходит в спецовках, надевая их на голое тело. На шахтах Гремячего, в л[агерном] отделении № 19 недостает белья на 150 чел[овек] и для остального с/к смены белья нет.

Питание с/к в настоящее время во многих лаготделениях неудовлетворительное. Из-за отсутствия в лагере крупы и овощей и при замене их мукой, супы, приготовляемые для питания с/к, представляют из себя безвкусную мучную болтушку. Там, где крупа заменяется горохом, суп жидкий, почти одна вода. Многочисленные жалобы на плохое качество питания были приняты бригадой в лаг[ерных] отдел[ениях] № 17, № 19, № 6 и № 16. В некоторых отделениях для питания с/к отсутствуют жиры – в л[агерном] отделении на шахте Капитальной № 6, на шахте им. Володарского, в лаг[ерном] отд[елении] № 6. Следует отметить, что из 11 проверенных бригадой л[агерных] отделений, только в 1 л[агерном] отд[елении], на шахте № 2 Капитальной, с/к после обеда дается чай. В других л[агерных] отделениях, как уже указывалось выше, отсутствует не только чай, но и вода для питья.

II. ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ С/К.

По состоянию на 1-е января 1945 г. в системе комбината «Молотов-уголь» работает 9782 человека с/к. Указанное количество с/к размещается в 14 лаготделениях и обслуживает 24 шахты.

Работающий на шахтах спецконтингент, главным образом, занят на подземных ведущих работах по добыче угля и прохождению подготовительных выработок. Из общего числа работающего на подземных работах спецконтингента 90,1% составляет забойная группа.

Зачастую выведенный на работу с/к работает не полностью, часть его укрывается по укромным уголкам в шахте, спит или просиживает смену. Незначительная часть с/к преждевременно оставляет работу, а потому лишается смены. Учет выхождаемости с/к на некоторых шахтах поставлен неточно, а потому периодически не отражаются рабочие с/к, работающие на поверхностных работах. Значительный процент неработающих составляет заболевший с/к (в среднем от 7 до 9% к трудовому фонду). Кроме то-

го, на снижение выхождаемости с/к на работу имеет большое влияние обеспеченность с/к спецодеждой и обувью.

Указанные выше причины можно проиллюстрировать следующими фактами.

Начальник конвойной службы л[агерного] отделения № 13 Половко свои обязанности ограничил только сопровождением рабочих до места работы и обратно в зону. В результате конвоиры расставляют рабочих на места работы не в интересах производства, а исключительно в интересах облегчения своей службы, и нередко нач[альники] шахт вынуждены заниматься подачками конвою, чтобы последний расставил рабочих для более производительной работы. Кроме того, имеют место случаи отлучки рабочих с места работы в присутствии конвоя. Так, например, 27.XII. в 1-ю смену на шахте № 66 отлучился с места работы рабочий Вулаев и возвратился к месту работы в совершенно пьяном виде, не был способен самостоятельно дойти до зоны.

III. СОСТОЯНИЕ ОХРАНЫ И РЕЖИМА В СПЕЦЛАГЕРЕ № 0302.

За последнее время в лагере широко практиковались случаи мародерства со стороны охраны и руководства лаготделений. Так, например, при поступлении с/к в лаготделение № 18 (шахта им. Крупской) в июне-июле месяце 1944 г. 250 человек с/к были выстроены в зоне л[агерного] [отделения] и у них были отобраны все лучшие личные вещи – одежда, обувь, часы, бритвы и т.п. Так, у с/к Зелинского были изъяты: рубашка трикотажная, брюки суконные, шерстяной свитер, меховая летная шапка, сапоги. Все это ему возвращено не было и на его лицевой счет не занесено.

В результате отсутствия политико-массовой работы в лагере и незнания директив, как НКВД СССР, так и УНКВД, в лагере, наряду с мародерством, пьянством и др. аморальными проявлениями, с июня месяца 1944 г. началось массовое избиение с/к. Так, в лаготделениях № 12 и 19 систематически проводилось избиение с/к дежурным, офицерским и вахтерским составом. Спецконтингент избивался под предлогом отказа от работы, а иногда и без всяких причин.

При избиении употреблялись и посторонние предметы: топоры, лопаты, палки и т.п. Так, в июне месяце в л[агерном] отделении № 12 был избит с/к Списсер инспектором ХОЗО Чижовым, за то, что украл рыбу на кухне. 8. VIII в проходной зоны л[агерного] отд[еления] № 12 командир ВСО старшина Попов избивал с/к Феоктистова обухом топора. Начальник лаготделения Захаров, зная об избиениях с/к, мер к прекращению избиений не принимал, а сам лично наблюдал эти экзекуции.

Л[агерное] отд[еление] № 12 принял от Захарова Смелов и прямо дал установку командному руководящему и вахтерскому составу на избиение с/к. В результате этих установок, в августе и сентябре месяце два раза был избит с/к Феоктистов, который после избиения болел 10 суток.

Наряду с массовыми избиениями с/к работниками лагерных отделений устраивались инсценировки расстрела. Так, в августе мес[яце] 1944 г. вахтер Щеголь взял с/к Рябовала и заставил его чистить уборную. Рябовал отказался работать в религиозный праздник, за это Щеголь Рябовала избил, и после этого устроил инсценировку расстрела, т.е. отвел Рябовала в лес на 15 метров, поставил его к уборной и стал прицеливаться в Рябовала, якобы пытаясь расстрелять. После этого Щеголь посадил Рябовала на гаупвахту.

Кроме этого, в лагере получили широкое распространение незаконные аресты. Несмотря на то, что право ареста предоставлено только нач[альникам] л[агерных] отд[елений] и нач[ачальнику] управл[ения] лагеря, арестовывали неуполномоченные на это по закону лица за самые незначительные поступки.

Среди охраны лагеря и некоторых работников лаготделения широко распространены случаи краж, обвешивания и обмеривания с/к. Так, на шахте им. Урицкого в л[агерном] о[тделении] № 9, при отпуске продуктов с/к на кухню со склада на каждые 50 кг обвешивают на 1 кг. Кроме того, охрана этого же л[агерного] о[тделения], конвоируя с/к при переноске продуктов со склада в зону, открыто забирает часть продуктов себе, – конвоиры отрезают сало, набивают крупной карманы и т.п.

Подписи:

1. Прокурор Молотовской обл[асти] Госуд[арственный] советник юстиции III класса Куляпин
2. Капитан Госбезопасности Петровский
3. Работник обкома ВКП (б) А. Волков
4. Зам[еститель] нач[альника] отдела кадров по с/к комбината «Молотовуголь» Бабич
5. Пом[ощник] обл[астного] прокурора –
6. мл[адший] советник юстиции Борисова

*Государственный архив Пермской области (ГАПО).
Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 104. Л. 2–40. Подлинник. Машинопись*

**ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ
МОЗАИКА**

**«ФОРМУЛА ПАМЯТИ»:
ПЕРВЫЕ ЛИЦА ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ
О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

В.В. Путин

**Страницы истории – повод для взаимных претензий
или основа для примирения и партнерства?¹**

Вот уже семь десятков лет отделяют нас от трагической, черной даты в истории цивилизации – 1 сентября 1939 г. Первого дня самой разрушительной, кровопролитной войны, которую пришлось испытать Европе и всему человечеству.

Когда премьер-министр Польши Дональд Туск направил мне приглашение на мероприятие, посвященные началу Второй мировой войны², я без всяких колебаний принял его. Просто не мог поступить иначе. Потому что эта война унесла жизни 27 миллионов моих соотечественников, и в каждой российской семье живет своя боль потерь и утрат, из поколения в поколение передается гордость за Великую Победу, за подвиги дедов и отцов, прошедших фронтовыми дорогами. Потому что Россия и Польша были союзниками в той справедливой битве. Общий нравственный долг живущих сегодня – преклонить голову перед павшими, перед мужеством и стойкостью солдат разных стран, сражавшихся и сокрушивших нацизм.

XX век оставил глубокие, незаживающие раны – революции, перевороты, две мировые войны, нацистская оккупация большей части Европы и трагедия холокоста, раскол континента по идеологическому принципу. Но в памяти европейцев – и победный май 1945-го, Хельсинкский акт, падение Берлинской стены, громадные демократические перемены в Советском Союзе и Восточной Европе на рубеже 90-х годов.

¹ Режим доступа: <http://www.government.ru/docs/4814/>. Впервые опубликовано в изд.: Газета Выборча. – Варшава, 2009. – 31 авг. В августе 2009 г. В.В. Путин занимал пост председателя Правительства Российской Федерации.

² Мероприятия, посвященные началу Второй мировой войны, начались в Гданьске 1 сентября 2009 г.

Все это – наша общая история, и она неотделима от нас. И нет такого судьи, который мог бы вынести прошлому абсолютно беспристрастный вердикт. Равно как нет и страны, которая не знала бы трагических страниц, крутых переломов, государственных решений, далеких от высоких моральных принципов. Мы обязаны извлекать уроки из истории, если хотим иметь мирное и счастливое будущее. Однако крайне вредно и безответственно спекулировать на памяти, препарировать историю, искать в ней поводы для взаимных претензий и обид.

Полуправда всегда коварна. Былые трагедии – недоосмысленные либо осмысленные фальшиво и лицемерно – неизбежно ведут к появлению новых историко-политических фобий, которые сталкивают между собой государства и народы. Влияют на сознание общества, искажая его в угоду недобросовестным политикам.

Историческое полотно – это не дешевая репродукция, которую можно халтурно подретушировать. По желанию заказчика – убрать то, что не нравится или изменить тон, добавив светлых или темных красок. К сожалению, с подобными примерами перелицовки прошлого нередко приходится сталкиваться в наши дни. Мы видим попытки переписать историю под нужды сиюминутной политической конъюнктуры. В некоторых странах зашли еще дальше – героизируют нацистских пособников, ставят в один ряд жертв и палачей, освободителей и оккупантов.

Искусственно вырываются отдельные эпизоды из общего исторического фона, политико-экономического или военно-стратегического контекста. Предвоенная ситуация в Европе рассматривается фрагментарно и вне причинно-следственной взаимосвязи. Симптоматично, что передергиванием истории часто занимаются те, кто на деле применяет двойные стандарты и в современной политике. Невольно задаешься вопросом: насколько далеко ушли такие мифотворцы от авторов приснопамятного сталинского «Краткого курса истории», в котором вымарывались неугодные «вождю всех народов» фамилии или события, навязывались шаблонные, насквозь идеологизированные версии происходившего?

Так, сегодня нам ничтоже сумняшеся предлагают признать, что единственным «спусковым крючком» Второй мировой войны стал советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. Правда, поборники такой позиции не задаются элементарными вопросами – разве Версальский договор, который подвел черту под Первой мировой войной, не оставил после себя множество «мин замедленного действия»? Главная из которых – не просто фиксация поражения, но и унижение Германии.

Разве границы в Европе не начали рушиться гораздо раньше 1 сентября 1939 г.? И не было аншлюса Австрии, не было растерзанной Чехословакии, когда не только Германия, но и Венгрия, и Польша, по сути, приняли участие в территориальном переделе Европы. День в день с за-

ключением мюнхенского сговора Польша направила Чехословакии свой ультиматум и одновременно с немецкими войсками ввела свою армию в Тешинскую и Фриштадскую области¹.

И можно ли закрыть глаза на закулисные попытки западных демократий «откупиться» от Гитлера и перенаправить его агрессию «на Восток»? На то, как планомерно и со всеобщего попустительства демонтировались гарантии безопасности и системы ограничения вооружений, существовавшие в Европе.

Наконец, каким было военно-политическое эхо сговора, произошедшего в Мюнхене 29 сентября 1938 г.? Не тогда ли Гитлер уже окончательно решил, что «все дозволено»? Что Франция и Англия «палец о палец» не ударят, чтобы защитить своих союзников. «Странная война» на западном фронте, трагическая судьба брошенной без помощи Польши, к сожалению, показали, что его надежды не были напрасными. Без всяких сомнений, можно с полным основанием осудить пакт Молотова–Риббентропа, заключенный в августе 1939 г. Но ведь годом раньше Франция и Англия подписали в Мюнхене известный договор с Гитлером, разрушив все надежды на создание единого фронта борьбы с фашизмом.

Сегодня мы понимаем, что любая форма сговора с нацистским режимом была неприемлема с моральной точки зрения и не имела никаких перспектив с точки зрения практической реализации. Однако в контексте исторических событий того времени Советский Союз не только остался один на один с Германией, поскольку западные государства отказались от предлагавшейся системы коллективной безопасности, но и стоял перед угрозой войны на два фронта – ведь именно в августе 1939 г. до максимальной силы разгорелся огонь конфликта с японцами на реке Халхин-Гол. Отвергнуть предложение Германии подписать пакт о ненападении – в условиях, когда возможные союзники СССР на Западе уже пошли на аналогичные договоренности с немецким рейхом и не хотели сотрудничать с Советским Союзом, в одиночку столкнуться с мощнейшей военной машиной нацизма – советская дипломатия того времени вполне обоснованно считала, как минимум, неразумным.

Думаю, именно сговор в Мюнхене подтолкнул к разобщению объективных союзников в борьбе с нацизмом, вызвал между ними взаимное недоверие и подозрительность. И оглядываясь в прошлое, всем нам – и на Западе, и на Востоке Европы – необходимо помнить, к каким трагедиям приводят трусость, закулисная кабинетная политика, стремление обеспечить свою безопасность и национальные интересы за счет других. Не мо-

¹ Эти польские области отошли Чехии по Версальскому договору, подписанному 28 июня 1919 г. в Версальском дворце во Франции.

жет быть разумной, ответственной политики вне нравственных и правовых рамок.

На мой взгляд, нравственный аспект проводимой политики особенно важен. И в связи с этим напомним, что в нашей стране аморальный характер пакта Молотова–Риббентропа получил однозначную парламентскую оценку. Чего пока нельзя сказать о ряде других государств – хотя они также принимали далеко не однозначные решения в 1930-е годы.

И еще один урок, вытекающий из истории. Весь опыт межвоенного периода – от Версальского мира до начала Второй мировой войны – убедительно свидетельствует о том, что невозможно создать эффективную систему коллективной безопасности без участия всех стран континента, включая Россию.

Уверен, Европе по силам прийти к общей объективной оценке трагического совместного прошлого, застраховаться от повторения прежних ошибок. И потому не может не внушать оптимизма, что в ходе состоявшейся в мае в Варшаве международной конференции историков, где были широко представлены российские, польские и германские исследователи, прозвучало немало взвешенных, объективных оценок причин Второй мировой войны.

Для народов Советского Союза, Польши и многих других стран она была войной за жизнь, за право иметь собственную культуру, язык, само будущее. Мы помним всех, кто участвовал в этой борьбе вместе с советским народом. Поляков, которые первыми встали на пути агрессора, мужественно защищали Варшаву и укрепления Вестерплатте в сентябре 1939 г., а затем – сражались в рядах Армии Андерса и Войска Польского, отрядах Армии Крайовой и Армии Людовой. Американцев, англичан, французов, канадцев, других бойцов Второго фронта, освобождавших Западную Европу. Немцев, которые, не страшась репрессий, оказывали сопротивление гитлеровскому режиму.

Создание антигитлеровской коалиции – это без преувеличения поворотный пункт в истории XX в., одно из крупнейших, определяющих событий прошедшего столетия. Мир увидел, что страны и народы, при всех их различиях, многообразии национальных устремлений, тактических противоречиях, способны объединяться во имя будущего, для противодействия глобальному злу. И сегодня, когда нас скрепляют единые ценности, – мы просто обязаны использовать этот опыт партнерства, чтобы эффективно противостоять общим вызовам и угрозам, расширять глобальное пространство сотрудничества, стирать такие анахронизмы, как раздельные линии, какой бы характер они ни носили.

Очевидно, что в такую логику никак не вписываются рецидивы конфронтационного наследия эпохи холодной войны, узкоблоковые подходы к ключевым проблемам современности. Подлинно демократический

многополярный мир требует укрепления гуманистических начал в международных отношениях, подразумевает неприятие ксенофобии, отказ от попыток встать над законом.

И все же можно утверждать, что Европа, мир в целом движутся к большей безопасности для всех, к пониманию важности совместной работы, к сотрудничеству, а не к умножению раздоров.

Послевоенное историческое примирение Франции и Германии открыло путь к созданию Евросоюза. В свою очередь, мудрость и великодушные российского и немецкого народов, дальновидность государственных деятелей двух стран позволили сделать решительный шаг к строительству Большой Европы. Партнерство России и Германии стало примером движения навстречу друг другу, устремленности в будущее – при бережном отношении к памяти о прошлом. И сегодня российско-германское сотрудничество играет важнейшую позитивную роль в международной и европейской политике. Уверен, что и российско-польские отношения рано или поздно достигнут такого высокого, по-настоящему партнерского уровня. Это – в интересах наших народов, всего Европейского континента.

Мы глубоко признательны за то, что в Польше, в земле которой покоится более 600 тыс. солдат Красной Армии, отдавших жизнь за ее освобождение, бережно и с уважением относятся к нашим воинским захоронениям. Поверьте, эти слова – не дань протоколу, они искренние и идут от сердца.

Народу России, судьбу которого исковеркал тоталитарный режим, также хорошо понятны обостренные чувства поляков, связанные с Катынью, где покоятся тысячи польских военнослужащих. Мы обязаны вместе хранить память о жертвах этого преступления. Мемориалы «Катынь» и «Медное», как и трагическая судьба русских солдат, взятых в польский плен в ходе войны 1920 г., должны стать символами общей скорби и взаимного прощения.

Тени прошлого не могут больше омрачать сегодняшний, а тем более – завтрашний день сотрудничества между Россией и Польшей. Наш долг перед ушедшими, перед самой историей – сделать все, чтобы избавить российско-польские отношения от груза недоверия и предубежденности, доставшегося нам в наследство. Перевернуть страницу и начать писать новую.

Сегодня, вспоминая о первом дне Второй мировой войны, наши мысли обращены и к ее последнему дню – Дню Победы. Мы были вместе в той битве за будущее человечества. И только от нас зависит, чтобы все лучшее и доброе, что связывает народы России и Польши, прирастало новыми делами, приумножалось в наступившем XXI в. [...]

Д.А. Медведев

**Из стенограммы встречи с активом партии «Единая Россия»
в Перми 30 октября 2012 г.¹**

... Человеческая память, конечно, очень избирательна: человек не любит помнить плохое... Это произошло отчасти и с нашим восприятием периода репрессий... Я помню, как это было в 1980-е годы, когда любая публикация на тему этого периода, который был абсолютно закрытым, воспринималась как откровение. Все зачитывались известными произведениями, начиная от «Архипелага ГУЛага» Солженицына и заканчивая массой других менее значимых, но не менее интересных. Потом это все как-то успокоилось. Потом появился другой тренд: «А чего нам все время про это говорят? А вообще история нашей страны – она славная. А вообще было очень много хорошего...».

Это все правда – на самом деле и история особая, и у каждой эпохи есть серьезные, важные, славные страницы. Ну как можно, например, в иных красках описывать историю Великой Отечественной войны? Это была победа всей страны, в том числе и руководства, какое бы оно ни было, как бы мы к нему ни относились. Мне, например, там значительная часть людей совсем несимпатична, но это все-таки была их победа, не только победа народа, но и тех решений, которые тогда принимались, и это было сделано не вопреки, а совместно.

Но, с другой стороны, говоря об этом, мы должны помнить, к чему привели эти репрессии. Я сейчас не буду называть никаких цифр. Моя оценка была и остается прежней: кому-то она, может, и не очень нравится, но я считаю, что за то, что происходило тогда, целый ряд руководителей Советского государства – не только Иосиф Сталин, но и целый ряд других руководителей, – безусловно, заслуживает самой жесткой оценки. Их невозможно привлечь к ответственности, но это именно так. И это должно остаться в анналах нашей истории, чтобы никогда этого не повторилось, потому что война со своим народом – это тягчайшее преступление. Тягчайшее преступление!

Поэтому тот музей, о котором вы говорите, я считаю, что хорошо, что он есть². Плохо то, что другие мемориалы, посвященные памяти жертв политических репрессий, в нашей стране не состоялись, хотя были обращения на эту тему. А вообще, всегда нужно помнить, что жизнь состоит не только из светлых моментов, но и из довольно грустных. Тот человек,

¹ Режим доступа: <http://er.ru/news/2012/10/30/medvedev-vstretilsya-s-aktivom-partii-v-permi/>

² Речь идет о Музее жертв политических репрессий «Пермь-36» в деревне Кучино Чусовского района Пермского края. Открыт для посетителей в 1996 г. на месте ИТК строгого режима для осужденных за особо опасные государственные преступления.

который не помнит о них, – это бедный человек. Но и заниматься только тем, что вызывать у себя такое чувство грусти и ощущение того, что все было напрасно, мне кажется, тоже неверно.

Почему я об этом говорю достаточно подробно? Мне кажется, и у нашей партии должно быть к соответствующему периоду свое отношение и оно должно быть максимально объективным. Мы ни в коей мере не должны зачеркивать славные страницы истории нашего Отечества советского периода – их было очень много. Но, с другой стороны, мы должны помнить и о том, что происходило. И, кстати, здесь, на территории Пермского края, эти слова, может быть, звучат гораздо более актуально, чем в других местах, где сегодня забыли о том, что происходило в 1930-е и 1940-е годы...

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II
Из выступления на епархиальном собрании г. Москвы
(декабрь 2006 г.)¹

...Двадцатый век начался в нашей стране под знаком революции. Кровавый серп и всеокрушающий молот сатанинской злобы обрушились на нашу землю, уничтожая все общественные, нравственные, жизненные устои России. В «окаянные» 1920–1930-е годы от невиданного ранее в истории государственного террора, от расстрелов, пыток, тюрем, ссылок и голода погибли миллионы наших граждан, были искалечены судьбы и души десятков миллионов людей. Тогда были закрыты или разрушены сотни монашеских обителей, тысячи храмов, репрессированы сотни тысяч священнослужителей и монашествующих. Большинство духовенства со смирением, но и с несокрушимым мужеством отстаивало свои убеждения, свидетельствовало перед лицом смерти о своей вере. Воистину свет во тьме светит, и тьма не объяла его (Ин. 1, 5)!

Каков же был результат борьбы советской власти с Богом, с Церковью? Чем больше власти старались вытоптать, вытравить, «закатать в бетон» семена веры, тем более жизнеспособными они оказывались, пробиваясь к жизни и входя в современность сквозь административный и идеологический асфальт.

Надо... иметь в виду, что священнослужителям в те годы была поставлена, да и то в весьма урезанном виде, только одна сфера религиозной деятельности – богослужebная. Не могло идти даже речи ни о катехизаторской, ни о миссионерской и учительной деятельности, ни о взаимодействии с какими-либо светскими учебными заведениями, ни о социальном

¹ Печатается по изд.: Церковный вестник. – М., 2007. – Янв. – № 1/2. – С. 350–351.

служении. Здесь был полный запрет и полная изоляция от общества. Какими же насыщенными, животрепещущими, горящими должны были быть богослужения, чтобы компенсировать отсутствие остальных видов религиозной деятельности, чтобы пробиться к сердцам и умам людей через толщу отовсюду навязываемых сомнений и отчужденности!

В те годы и в народе, среди иссохшей пустыни казенной советской идеологии, была неподдельная духовная жажда, тоска по живому слову, по Божией благодати. Так народ и духовенство шли навстречу друг другу, и вместе они дорожили Церковью, верой, молитвой, как той евангельской жемчужиной, ради которой можно пожертвовать всем остальным (Мф. 13, 45–46)...

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

О распаде Советского Союза

Из выступления на совместном заседании попечительского, наблюдательного и общественного советов церковно-научного центра «Православная энциклопедия»¹

Патриарх отметил, что на вопрос, почему произошел распад СССР, существует много ответов. «Но среди причин – несомненно, упадок национального самосознания, национальной гордости, восприятия истории во всей ее совокупности, понимания огромного значения исторической общности людей для их в том числе материального и духовного процветания», – цитирует патриарха агентство Интерфакс. Кирилл призвал российское общество заботиться «о росте национального самосознания, достоинства для того, чтобы никогда в истории больше не повторилось то, что произошло в начале 1990-х годов, и чтобы никакие ссылки на неудовлетворительное управление, неправильную идеологию не подталкивали людей к тому, чтобы разрушить государственность, потому что целились в режим, а попали в историческую Россию»². «Дай Бог, чтобы навсегда народ наш был гарантированно защищен от таких соблазнов, искушений, через которые мы прошли, потеряв историческую Россию», – сказал патриарх.

¹ Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/11/111111_russian_patriarch.shtml

² Эти слова патриарха напоминают знаменитое заявление В.В. Путина. В 2004 г., начиная новую предвыборную кампанию, он назвал распад СССР «общенациональной трагедией огромного масштаба», от которой «выиграли только элиты и националистически настроенная часть населения», а не рядовые граждане.

О Патриархе Гермогене и Смутном времени

Из проповеди по случаю праздника Казанской иконы Божией матери и Дня народного единства¹

Обращаясь к собравшимся на литургии во время проповеди, Святейший Патриарх Кирилл поздравил всех с праздником Казанской иконы Божией Матери и с Днем народного единства. Отметив, что в этом году мы празднуем 400-летие судьбоносного события – избавления от Смуты, он подчеркнул: события Смутного времени и последовавшее за ним иностранное вторжение находятся «в ряду самых опасных, потрясших основы бытия» событий в истории России. Особым подвигом, сохранившим веру и Россию, стало сопротивление святого Патриарха Гермогена, отказывавшегося, несмотря на уговоры и угрозы, признать законной чужеземную власть и славшего из своего заточения воззвания к сбору ополчения². Это воззвание достигло умов и сердец. Ополчение собралось и победило.

В память об этом событии было сделано несколько списков с чудотворной Казанской иконы, сопровождавшей русские войска. Один из них, находящийся в Казанском соборе Санкт-Петербурга, был принесен в Москву и находился на литургии. Патриарх сказал собравшимся, что молился перед этой святыней о том, чтобы «никогда смута в головах, потеря ориентиров не приводила больше к гражданским столкновениям, революциям, потере национальной независимости». Поскольку «независимость – это не только политическое понятие, но и духовное».

«Мы называем этот год Годом российской истории. В центре этой истории – духовный подвиг людей, потому что тогда, когда был силен дух нашего народа, мы побеждали, – сказал глава РПЦ. – Когда дух ослабевал, когда мы теряли национальное самопонимание, верность своей вере – наступали трудные годы». Святейший убежден, что «народ и страна жизнеспособны тогда, когда они сохраняют единство».

О Дне народного единства 4 ноября 2012 г.

Из интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС³

...Смутное время – печальная эпоха национального разделения, время, когда в нашей стране ожесточение достигло крайней степени, когда

¹ Печатается по изд.: Российская газета. – М., 2012. – 6 нояб. – № 255 (5928).

² По мнению патриарха, подвиг патриарха Гермогена стоит в одном ряду с подвигами таких выдающихся личностей, как святые благоверные князья Александр Невский и Дмитрий Донской, генерал-фельдмаршал Кутузов и маршал Жуков, но оказался незаслуженно забыт. Для восстановления справедливости у стен Кремля, в Александровском саду, 25 мая 2013 г. планируется установить памятник Гермогену.

³ Печатается по изд.: Российская газета. – М., 2012. – 6 нояб. – № 255 (5928).

люди были готовы обгадить руки в крови своих братьев. Преодоление этой духовной болезни – действительно, наша общая победа над самими собой, которая была бы невозможна без веры и благодатной помощи Божией.

Отмечая 4 ноября, – праздник, который появился в наших календарях во многом благодаря усилиям религиозных лидеров нашей страны, – мы должны не только радоваться славным делам наших предков, но и помнить, что породившие Смуту явления не изжиты еще до конца в нашем народе.

Сегодня, как и 400 лет назад, мы стоим перед соблазнами гордыни и превозношения одних людей над другими, перед завистью, которая ищет справедливости в насилии. Каждый день мы с вами и все наше общество совершаем выбор, который либо отдаляет, либо приближает времена, подобные смутным. Эти мелкие шаги, которые мы делаем, ведут нас по пути создания справедливого и процветающего общества или в обратном направлении...

Л. МЛЕЧИН

НАШ ЛЮБИМЫЙ ЛЕОНИД ИЛЬИЧ¹

Чем дальше уходит брежневская эпоха, тем больше тех, кто воспринимает Леонида Ильича как символ утерянных спокойствия и надежности, стабильности и справедливости – всего того, чего сильно не хватало нашему народу на протяжении последних лет. Торжествует такая точка зрения: брежневские времена были не так уж плохи, страна успешно развивалась, и сейчас проживаем брежневское наследие, а недостатки можно было исправить...

Часто рассуждают о «раннем» и «позднем» Брежнев: первый сделал много полезного, а второй был просто тяжело больным человеком, оттого страна впадала в застой. Вот если бы Леонид Ильич вовремя ушел, его бы вспоминали с благодарностью и восхищением...

Рассуждения наивные. Политика Леонида Ильича на посту главы партии и государства состояла в том, чтобы ничего не менять. Первые годы жили за счет освежающего эффекта послесталинского освобождения, которое вдохнуло силы в народ и позволило прилично поднять уровень жизни, потом – за счет начавшегося экспорта сибирской нефти (тогда и стали зависеть от постоянно колеблющегося уровня мировых цен на энергоносители).

Чего можно ожидать от Брежнева, прояснилось довольно быстро: руководитель страны боится перемен, у него нет свежих идей, и они ему не нужны. Брежнев со товарищи пришли к власти, чтобы покончить с хрущевскими реформами, которые представлялись партийной верхушке ненужными и вредными. Брежнев вовсе не собирался проводить какие-то серьезные преобразования. Это было не в его духе. Он вовсе и не размышлял на эти темы.

Известного юриста, которого прочили в министры юстиции, вызвали в ЦК. Он, как положено, отказывался от назначения, говорил, что есть более подготовленные люди на пост министра, а он может и не справиться.

¹ Печатается по изд.: Московский комсомолец. – М., 2011. – 19 дек. *Леонид Млечин* – писатель, журналист.

– А ты думаешь, генсеку легко жить и легко работать? – укоризненно заметил Леонид Ильич. – Вы, наверное, между собой рассуждаете так: вот живет Брежнев, вся власть у него, ест и пьет чего хочет, ездит куда угодно... Нет, это совсем не так. Вот сорвался план добычи угля, вот хлеб не созрел, вот и того нет, и другого... И столько еще проблем, что голова идет кругом. Думаешь, думаешь – и вдруг озарение: нашел пути решения всех этих вопросов, и не только нашел, но и решил их наилучшим образом... И вот в этот-то момент... просыпаешься – оказывается, задремал, сидя за столом, а в жизни все как было, так и осталось...

Леонид Ильич был общительным, доступным, умел казаться обаятельным, даже очаровывал. Избегал неприятных разговоров, убирал с должности без объяснения причин, но не добивал. Мог вспылить, послать матом, но быстро отходил. Он исходил из принципа: живи и давай жить другим. И это было комфортно для публики, утратившей за десятилетия советской власти стремление двигаться вперед, готовность проявлять инициативу.

Брежнев избавил страну и аппарат от необходимости напрягаться. Хрущев требовал новаций, поиска, реформ. А Брежнев позволил расслабиться. Вернул чиновников к комфортному существованию. Какое-то время общество и Брежнев находились во вполне гармонических отношениях, поскольку ничего друг от друга не требовали. Это же в его годы родилась чудная формула нашей жизни: «Они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем». Платили немного. Но при скромных потребностях хватало.

Глухое раздражение снималось самым доступным транквилизатором – дешевой водкой. За счет продажи алкоголя целые области выполняли финансовый план. Страна спивалась, и никто этому не препятствовал. Выпивка – не порок. Зато не было нужды вкалывать, выкладываться, чего-то добиваться, изобретать, придумывать. Требовалось лишь немного лицемерия. Поднимать руку на собрании (партийном, профсоюзном, комсомольском, трудового коллектива). Голосовать – когда устраивались выборы (без выбора). Произносить ритуальные слова о правильности линии КПСС «во главе с товарищем Леонидом Ильичом Брежневым».

Брежнев погрузил общество в своего рода наркотическое опьянение, или, точнее, в приятную апатию. Когда после Брежнева обществу поднесут к лицу зеркало и станет ясен весь масштаб нерешаемых проблем, люди переживут шок. В перестроечные годы советское общество испытает то, что испытывают наркоманы со стажем, когда их лишают наркотика и начинается ломка...

Разочарование охватило общество. Людям молодым, наверное, трудно себе это представить, но в последние брежневские годы ситуация казалась безнадежной и безвыходной. Бодрые репортажи об успехах стра-

ны и не покидающие экран опротивевшие (за столько лет!) лица вождей в программе «Время» вызывали уже не насмешки, а глухую ненависть. Даже анекдоты о Брежневе приобрели злобный характер.

Перебои с поставками продуктов стали постоянными. Москвичи, томившиеся в очередях, вызывали зависть у остальной России, где и в очередях-то стоять было бесполезно: все по талонам. Классическое «понаехали!» относилось тогда к русским же людям, потянувшимся в столицу за продуктами.

Когда снимали Хрущева, Леонид Ильич его укорял:

– Если бы вы, Никита Сергеевич, не страдали таким пороками, как властолюбие, самообольщение своей личностью, вера в свою непогрешимость, если бы обладали хотя бы небольшой скромностью, вы бы не допустили создания культа своей личности. Вы поставили радио, кино, телевидение на службу своей личности. Вам понравилось давать указания всем и по всем вопросам, а известно, что ни один человек не может справиться с такой задачей – в этом лежит основа всех ошибок...

Из всех речей, произнесенных Брежневым, эта, пожалуй, лучшая. Самая искренняя. Хотя написал он ее сам, без помощи замечательных перьев, которые потом готовили его выступления. И как быстро сам Леонид Ильич, заняв хрущевский кабинет, забыл то, о чем укоризненно говорил своему предшественнику!

Но то же самое происходит со всеми нашими вождями. Они сами формируют систему личной власти, в которой быстро теряют контакт с реальностью. При всем своем безграничном цинизме они и в самом деле начинают верить в собственную незаменимость и гениальное умение решать любые проблемы – что окружающие их холуи восторженно подтверждают. Вождями восхищаются на экранах телевизоров и на газетных страницах, им несут сводки, подтверждающие их невероятные успехи во всем. Через какое-то время они в глазах народа превращаются в посмешище. Но, как правило, сами об этом не подозревают, поскольку надежно ограждены от реальной жизни аппаратом, цензурой, системой госбезопасности...

Через месяц после смерти Брежнева профессиональный партработник, второй секретарь Пензенского обкома партии Георг Мясников, слово подводя итоги его правления, записал в дневнике:

«Шесть противоречий социализма.

Безработицы нет, а никто не работает.

Никто не работает, а планы выполняются.

Планы выполняются, а в магазинах ничего нет.

В магазинах ничего нет, а холодильники полны.

Холодильники полны, а все недовольны.

Все недовольны, а голосуют “за”».

Уточним. Холодильники были полными весьма условно. Они забивались всем, что удалось достать, – нужным и ненужным. Хватали не то, что хотелось купить, а то, что выбрасывали на прилавки. Но две аксиомы точны.

Все голосуют «за»... Характерная черта советского человека. На выборах в бюллетене красовалась только одна фамилия. Можно было ее вычеркнуть. Но практически никто этого не делал!

Никто не работает... С одной стороны, зарплату регулярно получали даже принципиальные бездельники, даже в убыточном хозяйстве. С другой – умелый и усердный работник фактически не поощрялся. Прилично заработать, да еще и превратить ассигнации в нужный товар можно было лишь неофициально. Коррупция и двоемыслие развели само понятие трудовой морали.

Общество невероятно разложилось в брежневские времена. Тащили все, что можно было унести. Это не осуждалось, считалось в порядке вещей. Расцвела коррупция, только фигурировали не деньги, а материальные блага и услуги. «Ты мне – я тебе» стало универсальной формулой отношений власть имущих.

Распределение из-под прилавка, ситуация, когда не зарабатывали, а распределяли, когда не честный труд, а место у власти или связи давали какие-то блага, – все это воспитывало привычку ловчить и обманывать. Честное и успешное хозяйствование было невозможно, воспринималось как глупость. Будущим бизнесменам, сформировавшимся в этой развращенной атмосфере, не хватало только возможности развернуться. Она представилась после перестройки. Но каким бизнесом, кроме криминального, они могли заниматься – при таких представлениях о жизни?

Конечно, это губительная для государства система. За восемнадцать лет Брежнев окончательно загнал страну в тупик. Вскоре выяснится, что выбраться из этого тупика безболезненно вообще не удастся. Система казалась вечной, непоколебимой, несокрушимой. Но она была таковой только до того момента, пока оставалась цельной. Стоило изъять один элемент, как все стало рушиться...

Однако же важно сознавать, что застой и деградация были следствием не брежневских недугов, а неизбежного провала его политической и экономической модели. Дряхление генерального секретаря ЦК КПСС скорее символизировало этот провал. Сменявшие друг друга старцы на трибуне Мавзолея – можно ли придумать более зримую метафору упадка советского строя?

Однако возможность пожизненно править страной такая система обеспечивает. Если бы он сам был поздоровее, а медицина – изощреннее, то Леонид Ильич Брежнев вполне мог бы править нами и по сей день.

Д. Д'АМАТО

ОСОБЫЙ ПУТЬ В НИКУДА:

***Зачем Россия изолируется от развитого мира?*¹**

Холодные отношения с Западом, продолжительная ссора с Японией, потеря почти всех союзников в арабском мире. Остаются, конечно, Иран и Китай, но с партнерами из Поднебесной уже долгие годы невозможно заключить ключевого для российской экономики договора о приемлемых тарифах на газ...

На традиционный вопрос о том, куда идет Россия, в эти сложные месяцы получен однозначный ответ: к самоизоляции.

Боюсь, российским туристам придется летать на курорты в Северную Корею, если между Москвой и Анкарой, не дай бог, начнется «сирийский кризис». Теплые кубинские и венесуэльские пляжи слишком далеки и дороги. И уж совсем не хочется думать о возможных последствиях на Кавказе в случае конфронтации с Турцией, которая, не смеятесь, совсем не исключена.

Даже из Европы слышно, как нарастает громкость традиционной для России фразы: «Мы слишком большие, поэтому нас никто не любит!». Тон вещания федеральных телеканалов, впрочем, давно выдержан в этом духе. Несколько дней назад я буквально онемел, слушая по российскому телевидению отрицательные комментарии по поводу Нобелевской премии, присужденной Евросоюзу.

Моей первой реакцией было удивление. Потом я пытался разобраться. Может быть, ваша власть завидует европейскому проекту? Если да, то почему? Он же не закрыт для России. Наоборот, надо радоваться, что старушка Европа больше не является полем боя, каковой была на протяжении долгих веков.

Да, Европейский союз сейчас испытывает проблемы. И русская сказка о сдохшей у соседа корове мне хорошо известна. Может быть, в этом дело? Но, мне кажется, стоило бы иногда смотреть в будущее и с другой точки зрения, без злорадства, но с оптимизмом. Когда РФ, следуя

¹ Печатается по изд.: Московский комсомолец. – М., 2012. – 23 окт. – С. 3. *Джузеппе д'Амато* – итальянский журналист.

по стопам ЕС, получит Нобелевскую премию «за заслуги в развитии демократии и защиты прав человека»? Честно говоря, думаю, не скоро. Но ведь у русских есть и другая присказка – про надежду, которая умирает последней.

Действительно ли вас за границей «никто не любит»? Или это просто проблема «имиджа», т.е. сложившегося представления о России, как принято думать в определенных кругах? Давайте, чтобы обойтись без общих слов, определим, в каких сферах будем анализировать это чувство. И в каких странах.

Начнем с болезненной точки. Не открою секрета, если скажу, что среди некоторых слоев населения европейских стран – бывших союзников по соцлагерю – Россия не очень-то популярна. Причины здесь исторические, политические, но еще и экономические. Вам было бы приятно остаться без отопления зимой, потому что вашей стране прекратили поставки уже оплаченного газа? А это за последние годы с Центральной Европой случалось дважды. И точно не способствовало улучшению российского имиджа за границей. Инструменты времен холодной войны давно проржавели и для современной внешней политики не годятся.

Впрочем, несмотря на это, наблюдаются и попытки созидания новых отношений. Приведу недавний пример. Надеюсь, внимательные читатели не проспали акт доброй воли со стороны польских властей – когда российским болельщикам официально разрешили во время Евро-2012 пройти маршем по улицам Варшавы в честь вашего национального праздника, 12 июня. Увы, благодаря телепропаганде в памяти от этого марша остались лишь драки, спровоцированные польскими хулиганами. Но, позволяете, дебилов везде хватает! А вот можно ли себе представить, что московские власти во время ЧМ-2018 санкционируют шествие по Тверской немецких болельщиков со свастикой – ведь ваши-то шли по Варшаве с запрещенными в Польше красными флагами с серпом и молотом?

Далее США. Была ли у вас возможность увидеть лица президента Обамы и его соперника от республиканцев Митта Ромни, когда в ходе предвыборной кампании они говорили о России? Как в голливудских фильмах, где хорошие всегда борются с плохими, вас причислили ко второй группе. Ромни даже назвал Россию «геополитическим врагом США номер один».

Тут мне сразу приходит на ум рейгановское определение СССР как «империи зла» да советские фильмы о фрицах, где немцы все сплошь маленькие, кривенькие, противные. Я смотрю на своих российских друзей – и таких не могу найти. Слава богу, американские выборы зациклены в основном на внутриэкономической тематике, иначе Голливуд наказал бы нас всех очередным фильмом с Сильвестром Сталлоне.

Тогда почему прагматичный Ромни говорит публично такие вещи, в то время как его личный «траст» (управлявший его богатством) недавно заработал деньги на купле-продаже акций российских компаний? Ответ простой: он напал на Обаму и на его политику «перезагрузки» в отношениях с Кремлем, а вовсе не на Москву, уже не представляющую реальной угрозы для Вашингтона.

Конечно, на Западе сейчас никто не верит в давний прогноз ЦРУ о распаде России в 2015 г., который был бы настоящей трагедией для всего цивилизованного мира. Но в определенных западных кругах бытует немало разочарование из-за упущенных возможностей сближения старых врагов. Чаще всего это выражается фразой, произнесенной с искренней горечью: «Ну почему, как только где-нибудь в мире появляется какой-то диктатор, русские его поддерживают?!»

Создается впечатление, что Москва постоянно ищет повод, чтобы удерживать западных партнеров от решения самых острых мировых проблем. То есть Россия всеми силами старается защитить свою сферу влияния на постсоветском пространстве и в других регионах, где СССР имел когда-то особые интересы. Но не кажется ли вам, что на дворе уже XXI век то при современной глобализации не могут существовать четко очерченные сферы влияния? Тем более что новая постсоветская элита учится уже не в Москве, а на Западе – и ее национальные интересы очень сильно отличаются от российских.

На мой взгляд, самый важный момент здесь в том, что психологически Россия все еще не пришла в себя после потери империи и не смирилась с новой ситуацией в мире, который за последние двадцать лет изменился неузнаваемо.

К сожалению, из-за этого ваша великая – без кавычек – страна теряет драгоценное время, понапрасну тратит силы и средства. Вызовы двадцать первого века коренным образом отличаются от века двадцатого. Бывший враг, Запад, точнее, наиболее развитые страны мира, приглашает Россию объединить усилия ради создания более безопасного мира. Нам надо вместе найти ответы на религиозный терроризм, массовую миграцию, распространение атомного оружия, климатические перемены и т.д. Если не сделать этого сейчас, что будет потом, когда такая экономически мощная держава, как Китай, захочет вдруг стать также и военной?

Голос русских очень важен, авторитетен и хорошо слышен в мире. Важно и то, что Москва в состоянии гарантировать Западу природные ресурсы. В общем, и исторический, и экономический вес у России есть, так что не в имперскости дело. ЕС и США нуждаются в России, как и наоборот.

Два примера: Сирия и Афганистан. Два болота, где есть все, чтобы, погрязнув во взаимных препирательствах, проиграть в пользу экстремистов. Без согласованного решения этих вопросов последствия для развито-

го мира будут тяжелыми, а то и катастрофическими. Тем более что НАТО в 2014 г. уйдет из Кабула.

Наиболее слабым местом этого, на мой взгляд, исторически неизбежного в будущем соглашения является то, что Запад не доверяет российской власти и боится реваншистских настроений, усиливающихся в последнее время в российском обществе. Ромни сказал прямо: «Россия, когда-то обещавшая стать открытым и свободным обществом, споткнулась на этом пути». Вот в чем проблема.

После войны в Грузии в 2008 г. президент Обама сделал ставку на «перезагрузку», но какие политические дивиденды он получил? Грустно наблюдать, что в отношениях России и США ястребы снова становятся сильнее голубей.

Но вернемся к теме о том, что «нас никто не любит!» Если в Америке многие просто не знают российского народа (во многом потому, что поток туристов больше похож на ручеек), а составляют представление о России, основываясь на политических новостях по телевизору да на воспоминаниях о прошлом противостоянии, то в Западной Европе ситуация совершенно иная.

Культурные мероприятия с участием российских представителей очень популярны везде, так же как и выступления ваших спортсменов. Российские туристы приносят Европе огромное количество денег, особенно для экономик Италии, Франции и Испании. Немалая часть немецкой промышленности работает на российский рынок. Как же можно ненавидеть людей, которые тебе предоставляют хлеб и зрелища? А как можно умалчивать о красоте и утонченном вкусе россиянок?

Так что не верьте пропагандистским бредням. Людей, которые ведут себя достойно, любят повсюду. Предрассудки и глупые клише в современном мире долго не живут. Истории о том, что зимой медведи гуляют по московским улицам, давно никто не верит. Но заморозки в отношениях с Россией, к сожалению, ощущаются. И очень не хочется думать, что нас снова ждет политическая зима.

А. ПРОШКИН

СВОБОДА – ТЕРРИТОРИЯ, КОТОРУЮ КАЖДЫЙ СЕБЕ ЗАВОЕВЫВАЕТ¹

Андрей Прошкин. Все, что происходит сегодня, не может не вызывать тревоги. Мы про это и картину «Орда»² снимали. О том, как все пылятся, бьют себя кулаком в грудь, доказывая всему миру, какие мы крутые, лучшие, самые... Вся эта тщета тщеславия, как зыбучие пески, засасывает, растворяет смыслы в пыль. У меня ощущение ползущего краха. Уж и техника разваливается: самолеты, трубы, электростанции. Но никому нет дела, что это руинизирование связано с культурой. Ну, не могут дикие люди разрабатывать полупроводниковые структуры или эволюционную теорию. При этом из культуры вымывается культурный аспект. Она воспринимается как бизнес, средство пропаганды тех или иных ценностей. А в чем ее ценность, превращающая нас в нацию? Представляя «КиноСоюз», я попадаю на какие-то совещания и вижу это отрицание самоценности культуры.

– В России сегодня востребовано исключительно прикладное значение культуры и науки. По-прежнему игнорируется общеизвестное: без лаборатории, фундаментальных исследований и прикладные дисциплины себя не оправдывают. Кинематограф – дорогое удовольствие. Зависит от денег, управляют их потоками чиновники, которые напрямую связаны с политикой. Во Франции нет такого прямолинейного «заказа» от государства.

– У них на фундаментальном, даже генетическом уровне иное отношение к культуре. Кинематограф поддерживается прежде всего как часть национальной культуры, мощный заслон на пути глобализации. У нас это

¹ Печатается по изд.: Новая газета. – М., 2012. – 23 июля. – № 81. Андрей Прошкин – режиссер, председатель «КиноСоюза» (Союза кинематографических и профессиональных кинематографических организаций и объединений России). Беседу вела Лариса Малюкова.

² Фильм «Орда» (режиссер А. Прошкин) вышел в российский прокат 20 сентября 2012 г. Лучшая режиссерская работа и лучшая женская роль были отмечены призами «Серебряный Георгий» 34-го МКФ.

основание не считается серьезным. Нам говорят: «Зачем мы должны подерживать кино? Что оно нам даст?»

– Сформулирован «заказ на патриотизм», обеспеченный вложениями. А на выходе получается пшик ценой в миллионы долларов, вроде «Август. Восьмого»¹. Когда же во Франции поддерживают очередную картину Алана Рене, где знаменитые театральные актеры разыгрывают «Эвридику», или когда Франция участвует в европейском проекте австрийца Ханеке «Любовь» с Трентиньяном и Эммануэль Рива, – это вызывает национальную гордость французов, это способ самоидентификации нации. Невыхолощенный патриотизм – это когда французы «всеом народом» идут смотреть французское кино.

– Валера Тодоровский, только вернувшийся из Парижа, рассказывает, как его знакомые сказали ему, что в четверг должны посмотреть новый фильм. «Почему, – спрашивает он, – должны?» – «Потому, что внимательно следим за своей культурой». У нас внимательно следят за американскими сиквелами. Людей же, интересующихся арткинематографом, театром, литературой, живописью, трагически мало. Это социальный показатель «неразвития» общества. Именно оттого, что их так мало, падают самолеты. Но эту связь власти декларировать отказываются. Культура воспитывается с детства. У нас упущена история детского кино и телевидения. Есть закон, запрещающий рекламу в детских программах. И что же? ТВ практически аннулировало эти передачи. Одновременно дают зеленый свет целому телеканалу «Дисней». Ты в детстве заходишь в этот Диснейленд и больше не покидаешь его никогда. Больше нет совпадений с реальностью твоей страны. Возникает ощущение, что люди живут здесь вынужденно. Выхожу после показа «Красоты по-американски», рядом двое ребят. Говорят не о картине – о способах процветания риелторства в США, да с таким знанием дела, с такими подробностями! Понимаю, что они два часа провели там, где им хочется жить. Отсутствие с детства привычки к своей культуре – отсутствие корней. Это одна из причин нынешней моральной катастрофы общества.

– Но есть программа поддержки детского кино, которое требует немалых средств. Хотя нет понимания, какое кино нужно нашим детям.

– Начальникам трудно осознать, что любое детское кино, если оно талантливое, – патриотическое. Даже когда «Республика ШКИД» или «Добро пожаловать...» критически отражают жизнь. Потому что это яркие и искренние фильмы. Потому что говорят тебе о твоей стране, о прошлом, настоящем и будущем.

– Что же делать «КиноСоюзу»?

¹ Фильм 2012 г. – военная драма о войне с Грузией (режиссер Д. Фязиев, продюсеры Ф. Бондарчук, Д. Фазиев, И. Бачурин, И. Малинкин).

– Пробивать, объяснять, говорить.

– Говорить?

– Сейчас с кинематографистами хотя бы разговаривают. Правда, не скажу, что к советам и мнению прислушиваются...

– А «новая метла» в Минкульте?

– Вот недавно нам позвонил человек, отвечающий за связи с кино-организациями. Попросили прислать предложения. Одно из предложений «Киноальянса» и «Ассоциации кино и телевидения» – сформировать рабочую группу при Минкульте, которая вместе с министерством разбирала бы новые идеи, составляла дорожную карту индустрии. Так вот, все предложения у нас собрали... а группу не формируют. Опасный симптом. Возможно, опять поймеем реформу, «внезапную» и непродуманную. А если еще учесть, что один из первых шагов Минкульт – предложение ввести квотирование, несмотря на то что большинство кинематографистов против...

– Это прежде всего мнение кинопоказчиков, есть кинематографисты, например, Герман-младший, которые сомневаются в плюсах и минусах квотирования.

– Да все это просто не сработает! Сколько говорим про систему единого билета! Она профанируется, хотя и идет с самого верха, от Путина. Квотирование – дело еще более сложное. А профанации поддается еще проще. Эта мера не принесет результатов, только строительство кинотеатров замедлится.

– Сети обещают саботировать это решение, ставить отечественное кино на 9 утра.

– Они будут ставить его в чуланах, на невостребованных сеансах. «КиноСоюз» выступает за аналог французской системы: все способы кинопоказа + Интернет + DVD + ТВ объединяются в единую систему с национальным производством путем специальных законов и неналоговых сборов. Создать такую систему – трудная вещь, но она действительна. Соответствует рыночной экономике. А у нас введут лабуду, зато громко провозгласят: «Мы поддержали отечественного кинопроизводителя!»

– Это еще один тренд – кидать громкие лозунги. Они лопаются как мыльные пузыри, но послекусие остается: будто это уже было.

– Отличная идея показа ста фильмов в школе. Но ее необходимо обсуждать со школой, с психологами. Обсуждать выбор без вкусовщины. Иначе очередное сотрясение воздуха. Хотя и шквал сарказма, который вызвало это предложение, – необъясним.

– Сегодня в связи с пертурбацией в Совете по правам человека идет громкая дискуссия: стоит ли вообще с властью иметь дело? Тем более художнику. Неужели ты, не по собственной воле вовлеченный в работу «КиноСоюза», не задаешь себе подобных вопросов?

– Задаю. Но считаю, что этот диалог необходим. Когда очередная неправильная идея пошла в ход, знаешь: ты сделал все, что мог, чтобы этого не произошло. Кроме того, что-то можно протолкнуть-пробить-объяснить. Просто мы так устроены: если уж пришли к власти, завтра все должно быть по-нашему. Так не получается нигде. Это муторный процесс. Не участвовать, дабы не запачкать рубашечку? Другое дело, нельзя платить «благодарностью» за то, что «приблизили», и снимать псевдопатриотику. Есть черта, это уже этический вопрос.

– Подожди, неужели нельзя снять приличное кино по заказу?

– Микеланджело заказывали всю жизнь, Моцарт писал оперу для городского карнавала...

– Тогда вспомним о «заказчике». Просвещенное семейство Медичи сохранило для нас ценные тексты греческих трагиков, Гомера и Фукидида, водило дружбу с видными гуманистами и литераторами. И именно поэтому поддерживали искусство не только Микеланджело, но Вазари, Рафаэля, Верроккьо, Боттичелли, Тициана.

– Это примеры, когда факт заказа был превращен художниками в акт личного высказывания. Конечно, это зависит и от таланта власти. Но времена не выбирают.

– Идет фронтальное реакционное наступление – на общественные организации, на Интернет, на свободу слова. Говорухин обещает вот-вот принять закон о «нравственных ограничениях».

– Недавно в думском Комитете по культуре состоялся нормальный разговор с кинематографистами, предлагались идеи... Единственная беда: беседа была клоном подобных разговоров на ту же тему, почти в том же составе. Комитет предлагает ввести закон о полном запрете мата на экране. Вас это беспокоит? Приходите в Госдуму, обращайтесь к прессе – высказывайтесь на этот счет!

– Ты сейчас к кому обращаешься?

– К коллегам. С моей точки зрения, тотальный запрет мата – фарисейство. Потому что летним вечером выходишь из метро, стоят группки вполне себе приличных людей, и такой плывет густой мат...

– Опытные товарищи объяснят тебе, что кинематограф – учитель жизни.

– Да забудьте эту советскую глупость! Вновь пытаются навязать функции, которые кино нести не должно. И когда сверху идейно конструируют не фильмы, а «проекты», зритель моментально это чувствует. Если все рассчитано, не идет из боли, из нутра автора, – это не работает.

– Всплеск борьбы с матом вызвала вгиковская картина Таисии Игуменцевой, победившая в Каннах. Но в ней мат, которым герой пытается растормозить спящий город, – часть художественного замысла.

– Что ж – запретить Пелевина, Сорокина, Прилепина? Перестать давать Алешковского, Веничку Ерофеева? Есть грандиозный монолог мента Хаева в «Изображая жертву» Серебренникова, есть лучшая сцена фильма «Духлесс», в которой депутат Госдумы Кожевникова матерится... Непозволительно использовать мат в детском кино. Или включать нецензурную лексику там, где она необязательна. Но за одним тотальным запретом последуют другие. Вновь будут вырезать эпизоды с выпивкой. Будут мерить декольте, сокращать прочие вольности по реакционному «этическому кодексу» Хейса. А люди уйдут туда, где свобода, где этих ограничений нет.

– Можно ли вообще говорить о свободе кинематографиста, повязанного деньгами, обязательствами перед продюсерами, Минкультом, фондом, налаженными отношениями с чиновниками?

– Свобода – территория, которую каждый себе завоевывает. Важно понять, сколько свободы тебе необходимо. Как ты это пространство охраняешь. Передо мной дважды стояла дилемма: либо меня уберут с картины, либо я иду на неприемлемые уступки. Я уходил. Оба раза меня возвращали и больше не посягали на мою свободу. Конечно, это определенный риск. Но есть критическое пространство несвободы, в котором ничего невозможно создать.

– Ты говоришь о личном отвоеванном пространстве. Но бывают времена, когда несвобода наступает извне, сжимая личную территорию художника.

– Боритесь. Пытайтесь разговаривать с властью. Подключайте прессу. Выходите на демонстрации. Мы привыкли, что все идет сверху – от денег до прямых указаний, что и как делать. А те же демонстрации складываются из энергии самосознания большого числа людей. Ведь и «Кино-Союз» был создан как живая реакция на михалковский съезд в Гостином Дворе. Когда прочли стенограмму – смесь Зошенко, Хармса, Вышинского и Кафки... захотелось не то чтобы отмыться – сказать себе самим, что мы не такие. И подобным языком отказываемся разговаривать. Но нам удалось уйти и от другой крайности – давайте-ка со всеми бороться: с Михалковым и прочими. Мы пытаемся быть компанией приличных людей, которые хотя бы что-то сдвинуть, найти возможности существования кинематографа в России.

– А ты думаешь, власть не относится к вам как к кучке каких-то, прости, «придурков», которых надо ласково гладить по шерсти, чтобы не возмущались. Есть большой Союз кинематографистов: полностью предсказуемый, управляемый, солидарный с властью.

– Не знаю, как нас воспринимают, но, во всяком случае, пока рта никто не затыкает. Вот тут с Сельновым¹ говорили о разночтениях. 70% того, что необходимо сделать для развития киноиндустрии, поддерживают все кинематографисты. 30% вызывают расхождения. Давайте пробьем эти 70%! Есть же общее отношение к ТВ как к инструменту, растлевающему нацию. Но, как нам объяснил депутат Госдумы Владимир Бортко, поскольку телевидение обеспечивает существование нынешнего политического режима, им дан карт-бланш. Будем сидеть и стенать – ничего не будет. Надо пытаться себя заставить. Разговаривать, бороться.

– Дело ли художника – борьба? Ему хочется снимать, писать, ставить.

– Но зона творческой свободы, и так карликовая, имеет тенденцию ужиматься. Надо ее расширять, чтобы дышать. Борис Хлебников снял картину «Пока ночь не разлучит» за сто тысяч долларов, которые взял в кредит. Здесь зона абсолютной свободы – ты не связан с государством. Та же история с «За Маркса» Светланы Басковой. Жалко, что на такие мизерные суммы кино не может стать зрелищем.

– «Орду» ты снимал и как кино серьезное, и как зрелище. Но, боюсь, все равно его посмотрит мизерное число зрителей.

– Мы должны сделать все, чтобы донести до зрители хотя бы информацию, что такая картина есть. «Елену» не так много людей посмотрело в кинотеатрах, но телепоказ собрал колоссальную аудиторию. Зрительская аудитория – точный камертон происходящих в обществе процессов. Смотри, есть же в российском кинопрокате одна малообсуждаемая и вроде бы незначительная проблема: у нас плохо идут мелодрамы, включая американские. Это означает, что зритель хочет беспримесного развлечения. Даже на жанровое кино не желает тратить, сопереживать. Кино показывает огромную социальную и психологическую проблему общества. И самим кинематографистам ее не решить.

¹ С. Сельнов – директор кинокомпании СТВ.

Е. ЗЕЛИНСКАЯ

*НЕ ВЕДАЮТ, ЧТО ТВОРЯТ*¹

После ремарки, которую Путин обронил на встрече с правозащитниками, закон о богохульстве намертво завис в Думе². Хотя еще вчера депутаты готовы были голосовать за него единогласно.

Всегда есть слова, которые трудно произносить. При советской власти, помню, скажешь, например, слово «Солженицын» – и все глаза отводить начинают, вроде ты бестактность проявил. Требовалось душевное усилие, чтобы публично произнести фразу: «А вот в Америке...» Говорящий наклонял голову, озирался и доканчивал шепотом: «...мне приятель рассказывал, врет, наверное...» Помню, как, набравшись смелости, пробовали на слух непривычные слова: «гласность», «открытость».

Еще десять лет назад, собравшись с духом, я произносила в публичном пространстве словосочетание «десять заповедей». На меня смотрели с удивленным неодобрением, будто я ляпнула глупость.

Сегодня все поменялось. Слова, которые произносились раньше только за церковной оградой, звучат с трибун. Напыщенные тетеньки и надутые дяденьки вещают про нравственность замогильными голосами и с видом, подразумевающим причастность к какому-то тайному знанию. Еще вчера этим их знанием был истмат с диаматом, а сегодня это православие.

На протяжении жизни одного поколения отряды воинствующих атеистов перестроились на 180 градусов и объявили себя православными.

«Все мы, и верующие, и неверующие, все мы православные», – заявляет начальник одной из сибирских губерний.

Большинство показывает во всех опросах принадлежность к доминирующей конфессии, причем половина не верит в Бога, две трети не читали Священное Писание и все вместе не посещают церковные службы.

¹ Печатается по изд.: Итоги. – М., 2012. – 19 ноября. – С. 61. Елена Зелинская – публицист, блогер.

² На заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека 12 ноября 2012 г. обсуждался законопроект о противодействии оскорблению религиозных чувств, внесенный в Государственную Думу. Реагируя на выступление И. Хакамады, В. Путин сказал: «Мы попросили коллег не спешить с его принятием».

«Подставить другую щеку? – возмущается публично рьяный защитник вечных ценностей. – Да какой дурак это придумал?» «Страна практически приблизилась к православному идеалу», – заявляет видный оратор. И это он, представьте, именно о нашей стране, чемпионе мира по абортам и физическому насилию.

В одной из арабских стран негодующие граждане убили человека, посмеявшегося задеть их религиозные чувства. «Вот как люди свою веру защищают!» – говорит при мне духовное лицо, не скрывая неодобрения по отношению к нам, слабым защитникам своих религиозных ценностей.

Понятно уже, что официальная и совершенно формальная религиозность заполнила вакуум, образовавшийся на месте морального кодекса строителя коммунизма. Причем сохранились и методика, и суть исповедования культа. Что, кто-то сильно верил в коммунизм – светлое будущее всего человечества? Таких фанатиков перестреляли еще в 30-х. Никто не верил, но так было принято. Карьера, положение в обществе, какой-никакой достаток – все держалось на молчаливом согласии с решениями очередного съезда КПСС. С партсобраний норовили улизнуть, труды основоположников забывали, сдав экзамен, а в курилках травили анекдоты про Брежнева.

Принимать то, к чему ты равнодушен, подыгрывать тому, что не оказывает ни малейшего влияния на твою внутреннюю жизнь, сосуществовать с тем, что государство выдвигает как правила игры, – вот как мы привыкли жить. И взамен получать от государства чувство принадлежности, значимости и кое-какого величия. Зато мы самые передовые, самые грозные и самые читающие! Дальше насчет Енисея с балетом. И традиция обрядовая – прежде коммунистического, теперь православного – сохранилась...

Словом, все это пугает, как профанация и фальшь.

Но можно посмотреть и с другой стороны. Принятие – пусть формальное и лицемерное – человеконенавистнической коммунистической теории, возведенной в ранг культа, сменилось пусть теплохладным и не очень глубоким, но все же принятием идеи высокой, милосердной к человеку!

Однако, увы, вот что стала я замечать в последнее время: снова появилась знакомая атмосфера неловкости, когда произносишь некоторые слова. Например, слово «христианство». Словно сквозит от этого слова на нахмурившихся слушателей каким-то чуждым духом, словно опять пахнет диссидентством, словно ляпнула какую-то нелепость среди людей, которые и в нынешних обстоятельствах уже давно обо всем между собой договорились. Словно создается на наших глазах какая-то новая конфессия, и это не река, вытекающая из великого океана христианства, а ма-

ленькое уютное болото для своих. Словно Христос чужой на этом празднике жизни.

Может, это временно? Может, это, как заметил недавно патриарх, «ревность не по разуму»?

Какое дело нам ни дай, мы все норовим лоб разбить. Да еще и не только себе, а ближнему.

ЧИНОВНИКАМ ВОЛГОГРАДА РОДИНА-МАТЬ УЖЕ НЕ НУЖНА¹

На сайте мэрии Волгограда опубликован примечательный текст под названием «Волгоград ищет свой новый символ». Его авторы – сотрудники департамента зарубежных связей – сообщают о проведении конкурса «Бренд Волгограда и региона», целью которого является создание «нового образа родного города и края». Всем желающим чиновники мэрии предлагают принять участие в «создании туристического или торгового бренда города и региона», который должен представлять собой «яркое, запоминающееся, символическое изображение, характеризующее единство пространства, истории и традиций местности». «Нужны свежие идеи и яркие образы», – призывают авторы проекта.

В каком именно направлении должны двигаться создатели новых идей и ярких образов, сообщили волгоградские информагентства со ссылкой на соучастников проекта из регионального Агентства развития туризма. По мнению чиновников, Родина-мать и все, что связано с Великой Отечественной войной, уже не слишком актуально для региона: «Родина-мать – это все-таки наследие советских времен. К сожалению, у многих она ассоциируется с чем-то тяжелым, трагическим и траурным. Тем более у иностранцев. А нам бы хотелось, чтобы наш регион воспринимался как приятная территория для отдыха».

Пока остается загадкой, какую замену Родине-матери попытаются отыскать чиновники департамента зарубежных связей мэрии – конкурс на новый символ Волгограда завершится 17 декабря 2012 г. Однако, похоже, за превращение полей Сталинграда в приятную территорию для отдыха городские бюрократы хотят взяться всерьез. В управлении по развитию территорий департамента зарубежных связей мэрии Волгограда даже создан специальный отдел по продвижению территории и имиджа, который и занимается поиском смысловых и образных альтернатив «надоевшей» чиновникам Родине-матери.

¹ Печатается по изд.: Независимая газета. – М., 2012 г. – 29 нояб. – С. 1, 5.

«Попытку отказа от всемирно известного образа Родины-матери как символа Волгограда-Сталинграда иначе как глупостью назвать нельзя, – считает политический эксперт С. Колосова. – В Москве, Париже, Берлине много прекрасных памятников и архитектурных сооружений, но Кремль, Эйфелева башня и Бранденбургские ворота остаются неизменными и абсолютными символами этих городов. Волгоградская Родина-мать – прекрасный образ, давно уже имеющий многогранное политическое, философское, эстетическое измерения. И если он не устраивает волгоградских чиновников, то нужно менять не символ, а чиновников».

Политолог А. Стризов уверен, что задуманный местными бюрократами ребрендинг Волгограда приведет к обратному результату: «Отказ от символики Родины-матери не приведет к росту популярности города в туристических маршрутах. Скорее наоборот, следует ожидать размывания образа Волгограда в брендовой солянке страны».

По мнению политолога А. Миронова, «инициатива с поиском нового символа Волгограда выглядит просто нелепой в год 70-летия Сталинградской победы... Она может спровоцировать мощный политический скандал с участием не только ветеранов войны, возмущение которых легко предсказать, но и федеральных властей». Миронов считает, что «начинания городских чиновников скорее всего будут пресечены в ходе ожидаемого 2 февраля 2013 г. визита Путина в Волгоград»: «Если президент приедет, то лишь для того, чтобы отметить годовщину Сталинградской победы, а не провести время на приятной территории для отдыха. Таких территорий у него, думаю, хватает и без Волгограда»¹.

¹ Эта инициатива не получила поддержки. Зато реализовалась другая, которая плохо согласуется с первой. На основании обращения ветеранов Великой Отечественной войны 30 января 2012 г. Волгоградская гордума приняла решение об установлении наименования «город-герой Сталинград» в качестве символа Волгограда. Он может официально использоваться в выступлениях и докладах депутатов при проведении массовых мероприятий: 2 февраля – в день разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве; 9 мая – в День Победы; 22 июня – в День памяти и скорби; 2 сентября – в День окончания Второй мировой войны; 23 августа – в день памяти жертв массовой бомбардировки Сталинграда немецко-фашистской авиацией; 19 ноября – в День начала разгрома фашистских войск под Сталинградом. 2 февраля город посетил В.В. Путин, начав с музея-заповедника «Сталинградская битва». Во время визита он ни разу не назвал Волгоград Сталинградом.

В. ГАВЕЛ

***РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЕДЕТ БОРЬБУ
С САМОЙ ЖЕСТКОЙ ИЗ ВСЕХ ИЗВЕСТНЫХ ФОРМ
ПОСТКОММУНИЗМА¹***

Думаю, что российское общество ведет борьбу с самой жесткой из всех известных форм посткоммунизма, с этакой особенной комбинацией старых стереотипов и новой бизнес-мафиозной среды. Возможно, политологи найдут связь сложившейся в России ситуации с нынешними арабскими революциями, но лично я слышу в происходящем, прежде всего, эхо крушения «железного занавеса», отзвук политических перемен 1989–1990 гг.

Поэтому я уверен, что необходимо, в первую очередь, убедить граждан России в том, что режим, который преподносится им под видом демократии, никакой демократией не является. Этот режим отмечен лишь некоторыми – крайне формальными – приметами демократии.

Не может быть и речи о демократии до тех пор, пока власть оскорбляет достоинство граждан, подминает под себя правосудие, средства массовой информации и манипулирует результатами выборов.

Но самой большой угрозой для России было бы равнодушие и апатия людей. Напротив. Они должны неустанно добиваться признания и соблюдения своих прав и свобод. Оппозиционным структурам следует объединиться, сформировать теневое правительство и разъяснять свою программу людям по всей России.

Оппозиции следует создать влиятельные правовые институты для защиты граждан от полицейского и правового произвола.

Оппозиция должна обратиться к соотечественникам, которые на личном опыте убедились в действенности демократических свобод на Западе, с призывом вспомнить о своих корнях и поддержать развитие гражданского общества на родине.

Прага

¹ Печатается по изд.: Новая газета. – М., 2011. – 21 дек. Вацлав Гавел – драматург, бывший диссидент и политзаключенный, последний президент Чехословакии и первый президент Чешской Республики (1993–2003). Это последняя прижизненная публикация Гавела в российской прессе. Речь в ней идет о событиях в России после выборов 4 декабря 2011 г.

СПИСОК АВТОРОВ

Арбатов Алексей Георгиевич – академик РАН, руководитель Центра международной безопасности, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН

Афанасьев Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор, основатель и первый ректор Российского государственного гуманитарного университета

Большакова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, заведующая Сектором истории России Отдела истории ИНИОН РАН

Буддаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук, руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН

Гордеева Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, заведующий Сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Отдела Азии и Африки ИНИОН РАН

Данилевский Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий Кафедрой истории идей и методологии исторической науки Факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ-ВШЭ)

Зубов Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений

Малинова Ольга Юрьевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН

Мелешкина Елена Юрьевна – доктор политических наук, заведующая Отделом политической науки ИНИОН РАН

Милиц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Сектора истории России Отдела истории ИНИОН РАН

Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, заведующая Отделом Западной Европы и Америки ИНИОН РАН

Пастухов Владимир Борисович – доктор политических наук, профессор колледжа Святого Антония Оксфордского университета

Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН, директор ИНИОН РАН

Радвани Жан – географ, профессор Национального института восточных языков и цивилизаций (Франция)

Сенин Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института РГГУ

Труды по россиеведению
Выпуск 4

Художник обложки И.А. Михеев

Компьютерный набор Л.К. Исаева

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 25/ХП – 2012 г.

Формат 60×84/16 Бум.офсетная № 1

Печать офсетная Цена свободная

Усл.печ.л. 30,69 Уч.-изд.л. 31,9

Тираж 950 экз. Заказ № 132

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:

Тел. /Факс 8(499) 120-4514

E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru

(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН

Нахимовский пр-кт, д. 51/21,

Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9